

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

1

2017

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 7 Том 23

2 0 1 7 Volume 23

№ 1
Январь – Март

№ 1
January – March

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

ПРЕЖНЕЕ НАЗВАНИЕ ЖУРНАЛА В ПЕРЕЧНЕ –
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
действительный член РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Natural
Sciences Academy full member, chairman of scientific council
of Russian Academy of Sciences on the issues of Russian and
world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAIEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 9 Егоров А.И., Парамонов А.В., Первухина И.Ю.**
Германский фактор в отношениях России и Евросоюза (2001–2007 гг.)
- 15 Ханнанова Г.А.**
Роль ФРГ в урегулировании ближневосточного конфликта: история и современность
- 21 Вторушин М.И.**
Чехословацкий корпус в Гражданской войне на востоке России
- 27 Шильникова И.В.**
«Голодные» забастовки в Советской России в 1918–1920 гг.
- 32 Батурин А.С., Равочкин Н.Н.**
Развитие автотранспортной маршрутной сети Кемеровской области (1950-е – середина 1960-х гг.)
- 37 Дитковская С.А.**
Международное сотрудничество Украинского общества дружбы в сфере науки и образования (1959 г. – 1970-е гг.)
- 42 Выхорь С.С.**
Награды стран Южной Европы у моряков Российского императорского флота
- 46 Чельшев П.В.**
Духовно-нравственные начала истории в свете античной мифологии (на примере эпических поэм Гесиода и Гомера)
- 51 Абехтикова М.Б.**
Возрождение церкви и духовно-нравственного воспитания в России в конце XX – начале XXI веков
- 55 Ибнеева Г.В., Ермолаев И.П., Мухамадеев А.И.**
Представители общества меннонитов в диалоге с императрицей Екатериной II
- 60 Белов А.М., Гулин А.О.**
Общественно-политическая ситуация в Верхневолжских губерниях накануне Февральской революции
- 65 Киселёв А.К., Коробкина И.А., Попова Л.А.**
Мусульмане в британских вооружённых силах в начале XXI в.
- 70 Алабердов Ч.Р.**
Американская концепция нового мирового порядка. Россия – третий Рим. Взгляд в ретроспективе
- 75 Шипилов А.В.**
Киргизская диаспора в России: новый этап межкультурного взаимодействия

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 78 Топорова А.В.**
«Книга» Анджели да Фолиньо как образец жанра откровений
- 83 Чекалов К.А.**
Отголоски спора о романе-фельетоне во французской словесности конца XIX – начала XX века
- 88 Волкова К.Б.**
Пьеса короля Рамы VI Ваичравуда «Сердце воина»: актуальная проблематика тайской драматургии и традиции театра классицизма
- 92 Сабурова Л.Е.**
Экспериментальная природа автобиографической прозы Э. Монтале

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 9 A.I. Yegorov, A.V. Paramonov, I.Yu. Pervuhina**
The German factor in relations between Russia and the European Union (2001–2007)
- 15 G.A. Khannanova**
The role of the FRG in the Middle East peacemaking process: history and contemporaneity
- 21 M.I. Vtorushin**
Czechoslovak Legion in the Russian Civil War East front
- 27 I.V. Shil'nikova**
«Hungry» strikes in the Soviet Russia in 1918–1920
- 32 A.S. Baturin, N.S. Ravochkin**
The early 1950s—mid 1960s Kemerovo Region's intercity and suburban trucking route network in development analysis
- 37 S.A. Ditkovskaya**
International cooperation of the Ukraine Society of Friendship in the Sphere of Science and Education (1959—1970s)
- 42 S.S. Vykhor'**
Awards of the Russian Imperial Navy sailors by South European countries
- 46 P.V. Chelyshev**
The spiritual and moral foundations of history in the light of ancient my-thology (the epic poems by Hesiod and Homer as an example)
- 51 M.B. Abekhtikova**
Revival of church and spiritual and moral upbringing in Russia in the late 20th—early 21st centuries
- 55 G.V. Ibneyeva, I.P. Yermolayev, A.I. Mukhamadeyev**
The representatives of the Mennonite community in dialogue with the Empress Catherine II of Russia
- 60 A.M. Belov, A.O. Gulin**
Socio-political situation in the provinces of the Upper Volga on the eve of the February Revolution
- 65 A.K. Kiselyov, I.A. Korobkina, L.A. Popova**
Muslims in the British armed forces in the early 21st century
- 70 C.R. Alaberdov**
American concept of a new world order. Russia – the Third Rome. A look in a retrospective
- 75 A.V. Shipilov**
The Kyrgyz diaspora in Russia: new stage of intercultural interaction

SCIENCE OF LITERATURE

- 78 A.V. Toporova**
Angela of Foligno's «Liber» as a beautiful specimen of revelation genre
- 83 K.A. Chekalov**
Echoes of discussion of a serial novel in French literature (the late 19th to the early 20th centuries)
- 88 K.B. Volkova**
The Play «Warrior's Heart» by King Rama VI: topical issues of Thai dramaturgy and traditions of theatre classicism
- 92 L.Ye. Saburova**
The experimental nature of the autobiographical prose of Eugenio Montale

- 97 Миркина Ю.З.**
Мифопоэтическое пространство романа М. Фриша «Хомо Фабер»
- 101 Акатова А.А.**
Концепты «аристос» и «немо»: лингвокультурологический и функционально-стилистический аспекты
- 106 Хабибуллина А.Р.**
Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре башкир (конец XIX – начало XX вв.)
- 111 Белопухова О.В.**
Жанровые особенности тургеневских произведений и баллада
- 115 Федотова А.А.**
А.И. Герцен и русская публицистика 1860-х годов
- 121 Алферова О.А.**
Неизвестные пометы Л.Н. Толстого в журнале «The Whim» (по материалам яснополянской библиотеки писателя)
- 126 Быстрова О.В.**
Пьеса М. Горького «Враги»: к вопросу жанровой принадлежности
- 130 Алексеева А.А.**
«Щит-сердце» С.А. Клычкова: к вопросу о художественной целостности произведения
- 134 Крюков А.А.**
Репрезентация эстетической позиции в литературно-критических работах Ю. Фельзена
- 138 Громатикополо Д.С.**
Лирика М.А. Дудина периода Великой Отечественной войны: между риторикой и «вечными темами»
- 143 Токарев Г.В.**
О некоторых когнитивных особенностях литературы постмодернизма (на примере повести В. Березина «Виртуальность»)
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 148 Лебединская В.Г.**
Изучение исторической лексикологии по принципу исследования тематических групп
- 152 Бродский И.В.**
Финно-угорские названия растений, содержащие зоосемизмы со значением 'лошадь' (на лексическом материале финно-пермских языков)
- 159 Горланова И.Б.**
Микротопонимы XVIII–XX вв. города Костромы
- 163 Кипарисова С.О.**
К вопросу о составлении словаря фразеологических диалектизмов Рязанской области
- 166 Окуловская С.В.**
Служебная лексика в поунженских говорах (на материале произведений И.М. Касаткина)
- 170 Дмитрук Л.А.**
Словарь языка комической оперы А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» (задачи и принципы составления)
- 175 Блохин А.В., Куркина Т.С.**
Структура и семантика композитов в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»
- 180 Кольшклина Т.Б., Шустина И.В.**
Грамматические средства создания рекламного образа
- 97 Yu.Z. Mirkina**
Myth-poeti space of the novel «Homo Faber» by Max Frisch
- 101 A.A. Akatova**
The concepts of «Aristos» and «Nemo»: linguocultural and functional-stylistic aspects
- 106 A.R. Khabibullina**
Childish folklore as mechanism of child's socialisation in Bashkir traditional culture (the late 19th—the early 20th century)
- 111 O.V. Belopukhova**
Genre peculiarities of Ivan Turgenev's pieces and ballad
- 115 A.A. Fedotova**
Alexander Herzen and the Russian sociopolitical journalism of the 1860s
- 121 O.A. Alferova**
Leo Tolstoy's unfamiliar notes in the margins of «The Whim» magazine (based on the material of the writer's library in his estate «Yasnaya Polyana»)
- 126 O.V. Bystrova**
The play «Enemies» by Maxim Gorky: on the genre belonging
- 130 A.A. Alekseyeva**
«Shield Heart» by Sergei Klychkov: on the issue of the artistic entirety of the work
- 134 A.A. Kryukov**
Reconstruction of the aesthetic position in artistic-journalistic works of Yuriy Fel'tsen
- 138 D.S. Gromatikopolo**
Mikhail Dudin's lyric poetry in the period of the events at the World War II East Front: between rhetoric and «eternal themes»
- 143 G.V. Tokarev**
On some cognitive features of postmodern literature (in terms of the story «Virtuality» by Vladimir Berezin)
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 148 V.G. Lebedinskaya**
The study of historical lexicology by principle studies of thematic groups
- 152 I.V. Brodskiy**
Finno-Ugric plant names containing zoosemisms with «horse» meaning (on the lexical material of Finno-Perm languages)
- 159 I.B. Gorlanova**
Microtoponyms (names of objects that serve as place names), 18th and 19th centuries, City of Kostroma
- 163 S.O. Kiparisova**
On the issue of compiling dictionary of Ryazan Region phraseological dialectisms
- 166 S.V. Okulovskaya**
Function words in the Unzha patois lexis (in terms of Ivan Kasatkin's pieces)
- 170 L.A. Dmitruk**
Vocabulary of lexis of comic opera «The Miller Who Was a Wizard, a Cheat and a Matchmaker» by Alexander Ablesimov (tasks and compiling principles)
- 175 A.V. Blohin, T.S. Kurkina**
The structure and semantics of composites in the novel «War and Peace» by Leo Tolstoy
- 180 T.B. Kolyshkina, I.V. Shustina**
Grammatical means of creating advertising image

- 184 Кулинцева Н.А., Зайцева О.Л.**
Катафорическая и анафорическая функции финального компонента абзаца в тексте
- 189 Загороднова О.А.**
Прагматическая маркированность как свойство научного текста
- 193 Красильникова Е.В.**
Обучение научному стилю речи в практике преподавания русского языка как иностранного
- 196 Сумарокова П.А.**
Франсуа Жюст Мари Ренуар о происхождении романских языков
- 199 Наградова Л.С.**
Концепт «Воля» сквозь призму англоязычной лингвокультуры: сравнительно-сопоставительный анализ особенностей фразеологической репрезентации концепта в драматургии А.Н. Островского и транслируемого концептуального содержания в англоязычном переводе
- 204 Григорян А.А., Маник С.А.**
Американский предвыборный медиадискурс: стратегии и лингвориторические особенности (на материале теледебатов Х. Клинтон и Д. Трампа 2016 года)
- 209 Киянова К.А.**
Формы обращений и их особенности в публичной речи (на материале выступлений А. Меркель)
- 214 Шубина Э.Л., Орлова А.И.**
Функционально-семантические свойства предлогов *pro* и *je* в немецкоязычной прессе
- 219 Попутникова Л.А., Журавлева Н.Н.**
Мультиэтнология как общая тенденция развития германских языков в конце XX – начале XXI века
- 223 Пинчукова Н.В.**
Медиаконцепт *New Europe* в электронных СМИ США и Великобритании
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 228 Веселов И.Г., Комаров С.А.**
Технологии правового мониторинга в законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Часть 2)
- 234 Газаева А.А.**
Особенности правовой природы самозащиты как конституционного и субъективного права и механизм их влияния на практику применения
- 238 Михалева А.Б., Содиков Ш.Д.**
Исторические аспекты становления института защиты прав ребенка в международном праве
- 241 Степанова О.Г.**
Принцип субсидиарности при осуществлении функций государства в условиях глобализации
- 246 Жданов С.П.**
Практика применения абзаца 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона № 2202-1 от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации», касающегося выделения специалистов
- 251 Бриль Г.Г.**
Трудовые конфликты в годы первой пятилетки (1928–1933 гг.): предпосылки возникновения и способы их разрешения
- 255 Коваленко Т.С.**
Правосудие, его сущность и историческое становление сквозь призму философского познания
- 184 N.A. Kulintseva, O.L. Zaytseva**
Cataphoric and anaphoric functions of a final component of a paragraph in the text
- 189 O.A. Zagorodnova**
Pragmatic markedness as characteristic feature of scientific texts
- 193 Ye.V. Krasil'nikova**
Training in scientific style of the speech in practice of teaching Russian as foreign
- 196 P.A. Sumarokova**
François Just Marie Raynouard on the origin of the Romance languages
- 199 L.S. Nagradova**
Concept «Will» through the prism of English linguoculture: contrastive-comparative analysis of the peculiarities of phraseological representation of the concept in plays by A.N. Ostrovsky and the conceptual content of the English translations of the plays
- 204 A.A. Grigoryan, S.A. Manik**
American election media discourse: strategies, linguistic and rhetoric features (a case study of 2016 TV debates of Hillary Clinton and Donald Trump)
- 209 K.A. Kiyanova**
Forms of addresses in public speeches: a study of Angela Merkel's speeches
- 214 E.L. Shubina, A.I. Orlova**
Functional-semantic characteristics of prepositions «pro» and «je» in the German press
- 219 L.A. Poputnikova, N.N. Zhuravleva**
Multiethnolects as a general tendency of Germanic languages' development at the late 20th—the early 21st centuries
- 223 N.V. Pinchukova**
New Europe media concept of the electronic mass media of the USA and Great Britain
- JURAL SCIENCES**
- 228 I.G. Veselov, S.A. Komarov**
Technologies of legal monitoring in legislative activity of the State Duma of Federal Assembly of Russia (Part 2)
- 234 A.A. Gazayeva**
Features of the legal nature of self-defence as a constitutional and subjective right and the mechanism of their influence on the practice of application
- 238 A.B. Mikhalyova, S.D. Sodikov**
Historical aspects of child's rights defence institution formation in the international right
- 241 O.G. Stepanova**
Subsidiarity principle in the implementation of the functions of the state in the globalisation
- 246 S.P. Zhdanov**
Practice of paragraph 2 clause 1 article 22 of the Federal law # 2202-1 as of the 17th of January, 1992 «On Prosecutor General's Office in the Russian Federation», as concerns appropriating specialists
- 251 G.G. Bril'**
Labour conflicts during the first Five-Year Plan in the USSR planned economics (1928—1933): prerequisites for creation and ways to resolve them
- 255 T.S. Kovalenko**
Justice, its nature and the historical emergence through the prism of philosophical knowledge

259 Горбунов М.Д.

Право как система первичных и вторичных правил в концепции Герберта Харта

264 Цыпленков Е.А.

Актуальные вопросы, связанные с понятием юридических фактов

267 Фарукшин А.В., Гребнев И.А.

Некоторые проблемы правового регулирования предоставления права на любительскую и спортивную охоту физическим лицам в закрепленных охотничьих угодьях

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

270 Петелин Б.В., Степанов Г.В.

«Российско-германские альтернативы»

272 Исаев Н.В.

Новый взгляд на генезис социальной системы производства Германии

274 Литвинникова О.И.

Материалы Громовских чтений как яркое явление в русской диалектологии

278 Луданова Т.В.

Конкурсы инструментального и вокального творчества «Найди себя» в институте культуры и искусств Костромского государственного университета

280 Балдин К.Е.

Юрий Артурович Якобсон – солдат, ученый, интеллигент

284 SUMMARY

302 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

259 M.D. Gorbunov

Law as a system of primary and secondary rules in the concept of Herbert Lionel Adolphus Hart

264 Ye.A. Tsyplyonkov

Topical issues related to the concept of legal facts

267 A.V. Farukshin, I.A. Grebnev

Some problems of legal regulation of granting the right to amateur and sports hunting to individuals in fixed hunting areas

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

270 B.V. Petelin, G.V. Stepanov

«Russian-German alternatives»

272 N.V. Isayev

A new point of view on genesis of social system of production in Germany

274 O.I. Litvinnikova

Acta of lecturing dedicated to Alexander Gromov as an impressive event in the Russian dialectology

278 T.V. Ludanova

«Find yourself» instrumental and vocal skills contest at Kostroma State University's Institute of Culture and Arts

280 K.Ye. Baldin

Yuriy Yakobson who was a soldier, a scientist, an intellectual

284 SUMMARY

302 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 327.57

Егоров Александр Игоревич
доктор исторических наук

Парамонов Александр Васильевич
кандидат экономических наук

Дзержинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Дзержинск
dr.egoroff-al2012@yandex.ru; dekanspo@dzt.ranepa.ru; paramonov@dzt.ranepa.ru

Первухина Ирина Юрьевна
кандидат филологических наук

ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА (2001–2007 ГГ.)

В статье анализируется вклад Германии в ухудшение отношений между Россией и Европейским союзом в 2001–2007 гг. В указанный период эти отношения вступили в полосу «холодного непонимания», чему в немалой степени способствовало возникновение нескольких очагов напряженности. В связи с грядущим вступлением в ЕС Литвы и Польши Калининградская область фактически превращалась в анклав. Калининградская проблема имела гуманитарные, экономические и политические аспекты, причем позиции, занятые ключевыми политическими силами Германии, способствовали обострению ситуации. Фракция партии ХДС в бундестаге пыталась, используя методологию построения эффективной модели «литовско-российско-польского еврорегиона», поднять вопрос об экономическом будущем «Кенигсбергской земли». Расширение ЕС в 2004 г., «газовые войны», споры между Европейским союзом и РФ по вопросу ратификации официальной Москвой договора к Энергетической хартии проходили при непосредственном и активном участии представителей Германии. Сам механизм выстраивания нового курса ФРГ в рамках Евросоюза по отношению к России являлся сложным и опирался на понимание Берлином международной обстановки, а также гибкость его внешнеполитической линии. Действия германских властей укладывались в рамки конфликтной модели, обусловленной интересами и линией ЕС на расширение контролируемого им пространства за счет России. Такому подходу соответствовала наступательная стратегия, предполагавшая вытеснение российского присутствия из европейских зон. Хотя германские руководители выступили с несколькими позитивными инициативами, прежде всего в рамках продолжения энергетического сотрудничества с Россией, они не смогли изменить общую направленность на сворачивание взаимодействия Евросоюза и РФ.

Ключевые слова: Россия, Германия, Европейский союз, Калининградская область, очаги напряженности, разногласия.

На рубеже XX–XXI вв. отношения между Россией и Евросоюзом вступили в полосу «холодного непонимания», чему в немалой степени способствовало возникновение нескольких очагов напряженности. Один из них появился в связи с грядущим вхождением в Европейский союз Литвы и Польши. Эта ситуация создавала угрозу национальной безопасности России, по сути превращая ее субъект – Калининградскую область – в анклав, а также зону прямого воздействия со стороны ЕС. Положение усугублялось обязательствами, наложенными на оба государства, вступающие в Евросоюз. Согласно им, Литва и Польша должны были осуществить шаги по адаптации их законодательства к праву ЕС, прежде всего по миграционным вопросам, визовой политике и международной торговле. Программы Единого рынка, Экономического и валютного союза, а также Шенгенского соглашения требовали устранения внутренних барьеров, однако последнее обстоятельство превращало внешние границы входящих в Евросоюз государств в более высокие и труднопреодолимые для российских граждан барьеры.

Европейский союз настаивал на безусловном выполнении Литвой и Польшей всех предписаний, что нашло отражение с разъяснениями ко-

митетами ЕС ситуации по поводу осуществления россиянами передвижения между Калининградом и остальной территорией РФ после присоединения Литовской республики к Европейскому союзу (с 1 мая 2004 г.) [4]. Официальные представители ЕС заявили о невозможности сохранения безвизового пассажирского движения российских граждан в Калининград и обратно, чего добивалась официальная Москва. Решение ключевой задачи, а именно недопущение возможной социально-экономической и гуманитарно-визовой блокады Калининградского региона, обеспечение его жителями конституционного права беспрепятственного передвижения по всей территории РФ было поставлено российской дипломатией во главу угла.

Основным ресурсом, с помощью которого пришлось отстаивать российские интересы, являлся переговорный процесс, который, с учетом наступательной стратегии Евросоюза, оказался затяжным. В течение весны – осени 2002 г. состоялось несколько раундов переговоров официальных представителей России и Евросоюза, которые позволили несколько смягчить ситуацию. Итогом дипломатических усилий стало подписание 11 ноября 2002 г. в Брюсселе Совместного заявления РФ и ЕС о транзите между Калининградской областью

и остальной территорией Российской Федерации. Чиновники Евросоюза признали факт уникального положения Калининградской области как неотъемлемой части РФ, отделенной от остальной российской территории иными государствами. Обе стороны – ЕС и РФ – констатировали, что в соответствии с соглашением с Европейским союзом, с 1 января 2003 г. Литва введет в действие национальные правила пограничного контроля, причем станет применять их гибко, чтобы не нарушать традиционного транзитного движения пассажиров, следующих поездом. Расплывчатость формулировки (пределы «гибкости» никак не оговаривались) была налицо, более того режим транзита занимал подчиненное положение по отношению к суверенному праву Литвы на реализацию права контроля и на отказ во въезде на свою территорию любому лицу.

При согласовании законодательных и технических аспектов реализации соглашения Евросоюза и РФ удалось добиться более существенных результатов. ЕС взял на себя обязательство ввести пакет законодательных мер, направленных на формирование к 1 июля 2003 г. специального механизма Упрощенного транзитного документа (далее УТД). Его действие распространялось на сферу транзита граждан РФ исключительно между Калининградской областью и остальной российской территорией по суше. Речь шла о двух формах УТД, которые выдавались для многократных и разовых поездок. В первом случае УТД действовал для всех видов наземного транспорта и выдавался на основании обращения граждан РФ в консульство Литовской республики при условии осуществления необходимых проверок, во втором – УТД выдавался российским гражданам, имеющим намерение совершить разовую поездку через территорию Литвы по железной дороге (УПД-ЖД). При этом достаточным условием получения разрешения являлись паспортные данные, предъявляемые при покупке билета. Слабой стороной соглашения стало отсутствие для российской стороны каких-либо гарантий; напротив, она обязывалась не продавать билеты своим гражданам, в отношении транзита которых через территорию Литвы у ее компетентных органов возникали возражения. К тому же владельцы УПД-ЖД не имели права покидать поезд в ходе транзита по территории Литовской республики.

Последняя соглашалась признавать внутренние паспорта граждан РФ в качестве основания для выдачи упрощенного транзитного документа до 31 декабря 2004 г. После этой даты УТД или УПД-ЖД объявлялись действительными исключительно при наличии заграничного паспорта гражданина Российской Федерации [2].

Неурегулированность гуманитарного аспекта калининградской проблемы усугубилась нарастанием напряженности в сфере политики, чему в немалой степени способствовали высказывания

и действия влиятельных партийных сил объединенной Германии. Правительственная коалиция в лице СДПГ и партии Союз 90/«Зеленые» сохраняла дипломатические приличия, но ее лидеры позволяли себя делать весьма двусмысленные заявления. В них не ставилась под сомнение принадлежность Калининградской области России, однако в завуалированной форме содержались намеки на неспособность федерального центра обеспечить полноценное развитие этого региона. Летом 2000 г. официальный Берлин впервые прозондировал реакцию Москвы, когда министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер (партия Союз 90/«Зеленые») в публичном форме посоветовал российскому руководству определиться с тем, как оно представляет себе экономическое будущее Калининградской области [6].

Этот субъект Российской Федерации переживал не лучшие времена, причем ситуацию не исправило внедрение такой инновации, как особая экономическая зона (1996 г.). Наблюдался хозяйственный упадок региона, где сокращение промышленного производства составило 60 %, проблемы сельского хозяйства усугубились, а недостатки транспортной инфраструктуры стали особенно заметными. Согласно официальной статистике, на конец 2001 г. по уровню социально-экономического развития Калининградская область занимала среди регионов РФ лишь 45-е место. Доход на душу населения составлял только 75 % от общероссийского уровня, 65 % от уровня прибалтийских стран (Литвы, Латвии и Эстонии) и 50 % от польского уровня. Калининградский регион нуждался в притоке крупных инвестиций для повышения конкурентоспособности продукции своих предприятий, развития индустрии финансовых услуг, модернизации инфраструктурных объектов.

Не оправдалась и надежда российских властей на правительственные силы Германии как возможного союзника в решении злободневной проблемы транзита в Калининградскую область путем вхождения РФ в Шенгенскую зону. Возможность такого шага Москвой не отрицалась, однако официальный Берлин долгое время не ставил этот вопрос в рамках как двусторонней, так и многосторонней повестки дня. 3 сентября 2002 г. на переговорах министров внутренних дел РФ Б.В. Грызлова и ФРГ О. Шили российская сторона сделала запрос о возможности своего присоединения к Шенгенскому соглашению, однако германский представитель не обнадежил московскому коллегу. Напротив, О. Шили проявил скептицизм по поводу перспектив России войти в Шенгенскую зону, строгость режима которой поддерживалась официальным Берлином.

Что касается пребывавших в оппозиции консервативных сил ФРГ, то их планы относительно Калининградской области были приоткрыты позже и носили более выраженный антироссийский ха-

ракти. При этом политические интересы камуфлировались соображениями хозяйственного толка.

В октябре 2004 г. депутаты бундестага, входившие во фракцию ХДС (в том числе будущий канцлер ФРГ Ангела Меркель), направили в адрес федерального правительства Герхарда Шредера обращение, в котором потребовали определить германскую позицию по «экономическому будущему Кенигсбергской земли» (в данном случае употреблялось историческое название нынешней Калининградской области), отнесенной авторами документа к «проблемным окраинам» Европейского союза. Обращение носило популистский характер и во многом было продиктовано стремлением христианских демократов перехватить внутривнутриполитическую инициативу. Показательно, что, не дожидаясь реакции со стороны адресата обращения, фракция ХДС выдвинула собственную программу, содержащую не только постановку проблемы, но и предложение путей ее решения.

В основе разработок германских консерваторов лежала новейшая методология построения и внедрения эффективной модели «литовско-российско-польского еврорегиона» на территории бывшей Восточной Пруссии (как известно, нынешняя Калининградская область образует только треть ее пространства; исторически сюда входили также Клайпедский край Литвы, город Гданьск, Ольштынское, Сувальское, Эльблонгское воеводства Польши).

Формирование такого искусственного образования предполагало решение накопленных задач экономического содержания, причем самой проблемной ввиду «чрезмерного военного использования» (ключевым аргументом служило расположение в области главной военно-морской базы Балтийского флота ВМФ РФ, а также нахождение в Калининграде его штаба) и «существующего таможенного режима» определялась «Кенигсбергская земля». Показательно, как германские консерваторы субъективно обращались с историческими названиями, вольно используя такой знак препинания, как кавычки. Ушедшие в прошлое наименования «Кенигсбергская земля» и «Восточная Пруссия» применялись без кавычек, а современное название «Калининградская область» бралось в кавычки.

Первым шагом по реализации задуманного христианскими демократами виделся созыв под эгидой Европейского союза международной конференции, принять участие в которой должны были представители Германии, Латвии, Литвы, Эстонии, Польши и России, причем отдельное приглашение ХДС намеревался адресовать органам власти Калининградской области как субъектам, наиболее заинтересованным в обсуждении экономического будущего «Кенигсбергской земли».

Хотя в запросе христианских демократов не содержался прямой призыв к выделению Калининградской области из состава РФ, но сама идея ее

постепенного обособления и включения в орбиту влияния Евросоюза определенно прослеживалась. В этом контексте следует оценить и предложение об ассоциированном членстве этого региона в ЕС, ранее озвученное представителями ФРГ на заседании Европейского парламента.

В любом случае демарш депутатов ХДС в бундестаге показал, что в Германии действуют влиятельные политические силы, потенциально способные при наличии благоприятных обстоятельств поставить под сомнение тезис о нерушимости послевоенных границ в Европе. И это произошло накануне 60-летия окончания Второй мировой войны.

Впрочем, большую ставку германские политические силы делали на эффективное применение инструментов «мягкой силы», с помощью которых формировалась привлекательность ФРГ как влиятельного актора международного процесса. Германия проявила склонность к инвестиционному и гуманитарному освоению пространства Калининградской области, что нашло отражение в рамках двусторонних (германо-российских) и многосторонних (по линии ЕС) проектов различных масштабов.

Германский концерн БМВ вложил крупные средства в сборочный завод на территории Калининграда и приступил к выпуску своей продукции.

Не осталось без внимания университетское образование, ибо на современном этапе предоставление качественных услуг в этой сфере справедливо рассматривается как эффективный инструмент «мягкого» влияния на процесс социализации молодежи. По этой линии Германия участвовала в проекте «Еврофакультет Калининграда», нацеленного на активизацию академического обмена между Калининградским государственным университетом (РФ) и вузами стран Европейского союза, прежде всего немецкими университетами.

Также германской стороной были расширены взаимодействия с Калининградской областью в сфере транспорта. С 14 декабря 2003 г. ежедневно стал курсировать поезд «Берлин – Калининград», интерес к маршруту которого проявили туристические компании ФРГ, стремившиеся построить долговременные отношения с Калининградской железной дорогой и получить дополнительные прибыли от пассажирских перевозок.

В механизме анализа ситуации в Калининградской области, равно как и определения последовательности шагов, проявились стратегические установки ФРГ в рамках ЕС по отношению к РФ. Не только оппозиционные партии, но и правящая коалиция реализовывали на практике конфликтную модель взаимодействия, обусловленную линией Евросоюза на расширение контролируемой территории в ущерб интересам РФ. По сути, наблюдался отказ от ранее провозглашенной идеи

единого континента, что, с цивилизационной точки зрения, выводило Россию за пределы европейского пространства. Существенным элементом такого подхода оказывалась стратегия наступления с последующим вытеснением РФ из европейских регионов, к числу которых немецкие политики относили Калининградскую область. Образовавшийся вакуум силы предполагалось заполнить участием ЕС в судьбе этого региона, причем Германия могла выступить в качестве актора, способного включить Калининградскую область в орбиту своего гуманитарного, экономического и в конечном счете политического влияния.

Такая стратегическая линия вызвала решительные возражения со стороны российского руководства, стоявшего на позиции нерушимости территориальной целостности РФ и предпочитающего видеть в ней неотъемлемый элемент европейского пространства.

Принципиальные разногласия по одному из ключевых аспектов безопасности вынудили официальную Москву пойти по пути пересмотра своего отношения к Европейскому союзу. Стало очевидно, что взгляд на ЕС как на вполне безобидное и носящее региональный характер надгосударственное образование не соответствует действительности. На самом деле Евросоюз серьезно повысил свой вес на мировой арене, а его возросшая материальная база позволяет проводить собственную линию в ряде важнейших сфер. Крупнейшие международные организации испытывали все большую зависимость от ЕС, что, например, нашло отражение в росте совокупного участия стран Европейского союза в бюджете ООН (к середине 2000-х гг. оно достигло 40 %). В области управления кризисными ситуациями доля военнослужащих из стран ЕС составила 20 % [5].

В первой половине нулевых годов XXI в. наступательная стратегия Европейского союза выразилась в возобновлении процесса его расширения. Очередное решение по этому поводу было принято на саммите ЕС в декабре 2002 г. (г. Копенгаген, Дания), причем страны-новобранцы обязывались выполнять действующие в Евросоюзе антидемпинговые процедуры антироссийской направленности [9]. Будучи недовольной этим решением, официальная Москва пыталась отстоять свои интересы дипломатическими средствами, в течение нескольких месяцев не давая согласия на распространение на страны-новобранцы ЕС действия норм Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским союзом, заключенного в июне 1994 г. Все же 27 апреля 2004 г. министрами иностранных дел РФ и стран Евросоюза был подписан Протокол о распространении на новых членов ЕС действия этого соглашения [1], а также Политическую декларацию об учете пакета российских озабоченностей.

1 мая 2004 г. состоялось официальное вступление в Европейский союз новых стран (Латвии, Литвы, Эстонии, Венгрии, Чехии, Словакии, Словении, Мальты, Кипра и Польши), что неоднозначно отразилось на интересах РФ. Доля ее торгового оборота с Евросоюзом выросла почти в два раза, но фон политического диалога серьезно осложнился. Опасения вызывала линия ЕС на поддержку так называемых «пестрых» революций в бывших советских республиках (Грузии, Украине, Киргизии), в ходе которых к власти приходили антироссийски настроенные политические силы.

Выход недавних союзников из зоны влияния РФ заставил ее руководство занять более жесткую позицию и применить инструменты давления. Прежде всего официальная Москва стремилась использовать в своих интересах энергетический фактор путем продажи ряду стран ближнего зарубежья природного газа по рыночной стоимости. Однако это спровоцировало российско-украинский газовый конфликт, получивший общеевропейский масштаб. В конце 2005 г. Украине, являвшейся ключевой транзитной державой, был предъявлено следующее требование: согласиться с российской ценой в размере 160 долл. США за 1 тыс. кубометров природного газа.

В ночь с 3 на 4 января 2006 г. состоялось формальное улаживание конфликта путем подписания соответствующего соглашения, что, впрочем, не удовлетворило украинскую сторону. Во второй половине января 2006 г. она вернулась к политике сверхпланового отбора российского природного газа из транзитных газопроводов, через которые газ шел европейским партнерам РФ. Реакция ЕС не замедлила себя ждать, причем она оказалась ожидаемо антироссийской. Появились планы по строительству новых терминалов и газопроводов, призванных связать страны континентальной Европы с газовыми месторождениями в Норвегии, Северной Африке и Средней Азии в обход территории РФ.

Дальнейшие события продемонстрировали нарастание напряженности в отношениях между Россией и Евросоюзом: возникли разногласия по вопросу о ратификации РФ договора к Энергетической хартии 1991 г.; в связи с запретом России на импорт польского мяса председатель Совета министров Польши Я. Качиньский призвал ввести против нее экономические санкции; на саммите Евросоюз – РФ, прошедшем в Хельсинки (Финляндия) 24 ноября 2006 г., Польша наложила вето на предоставление Комиссии Европейского союза мандата на открытие и ведение переговоров с Россией о новом соглашении, которое должно было заменить действующее Соглашение 1994 г., утрачивавшему юридическую силу к концу ноября 2007 г.; получила новые импульсы информационная война ЕС против РФ, чему в значительной

степени способствовали два трагических обстоятельства, а именно убийство 7 октября 2006 г. российского журналиста Анны Политковской и гибель 23 ноября 2006 г. бывшего подполковника ФСБ РФ Александра Литвиненко, получившего в 2001 г. политическое убежище в Великобритании.

Германия поддерживала курс официальных институтов ЕС, стремясь в меру необходимости осуществлять его незначительную коррекцию. Шаги официального Берлина были продиктованы собственной интерпретацией текущей ситуации и гибкостью внешнеполитической линии. 14 декабря 2006 г. в правительственном заявлении федерального канцлера А. Меркель прозвучала мысль о необходимости дальнейшего продвижения ЕС в зону жизненно важных интересов РФ. С учетом будущего председательства ФРГ в Европейском союзе (с 1 января 2007 г.) разрабатывались планы по более тесному привязыванию к ЕС Украины, с тем чтобы распространить влияние Евросоюза в Черноморском регионе [8].

На этом неблагоприятном фоне разработку Германией мер по обновлению отношений между ЕС и РФ можно было признать неким запасным и лукавым вариантом. Анализируя прошлый опыт, Берлин признал недостаточную эффективность управленческой модели под условным наименованием «Интеграция через изменение», формально находившейся на вооружении Евросоюза в отношениях с РФ до сих пор. Ее наиболее слабым звеном считалось то обстоятельство, что основная нагрузка по развитию диалога была возложена на российское руководство. В качестве альтернативного варианта предлагалась «интеграция через переплетение», распределявшая ответственность за углубление взаимодействия в равных долях на обе стороны. Однако признать инновационной такую модель вряд ли возможно, тем более что приоритет в ней отдавался экономическим отношениям, традиционно служившим важнейшим звеном механизма сотрудничества Евросоюза и России.

В соответствии с правилами ЕС ставшая его председателем Германия сформулировала очередную повестку дня Европейского союза в отношении РФ, где ключевыми направлениями признавались: продление Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Евросоюзом и Российской Федерацией; продолжение диалога по энергетическим вопросам; совместные разработки путей преодоления этнических конфликтов на европейском континенте, а также трансферт европейских юридических стандартов и демократических ценностей в Россию [3].

Спустя некоторое время после запуска этой повестки официальные лица ФРГ заговорили о необходимости ее трансформации, а 28 марта 2007 г. федеральный канцлер А. Меркель, выступая в Европейском парламенте, вообще заявила о полез-

ности разработки нового соглашения Евросоюза и РФ [7]. Эта инициатива была с одобрением встречена официальной Москвой, но общую направленность на ухудшение отношений между ЕС и Россией изменить не смогла.

Итак, в период 2001–2007 гг. стало очевидным стремление Евросоюза усилить позиции, расширяя сферу своего влияния за счет России. ФРГ находилась в фарватере этой политики. Активизировалась ее деятельность в Калининградском регионе, носившая преимущественно экономический и гуманитарный характер. Вместе с тем обозначилась потенциальная угроза использования Германией инструментов политического давления на РФ.

Библиографический список

1. Протокол к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве, учреждающему партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, учитывающий присоединение Чешской Республики, Эстонской Республики, Республики Кипр, Венгерской Республики, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Мальта, Республики Польша, Республики Словения и Словацкой Республики к Европейскому Союзу: подписан 27 апреля 2004 г., Люксембург [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3913> (дата обращения: 22.01.2017).
2. Саммит Россия – Евросоюз (Брюссель, 11 ноября 2002 г.): совместное заявление // Современная Европа. – 2002. – № 4. – С. 111–115; Совместное заявление Российской Федерации и Европейского Союза о транзите между Калининградской областью и остальной территорией Российской Федерации: подписано 11 ноября 2002 г. в Брюсселе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3537> (дата обращения: 22.01.2017).
3. Deutsches EU-Ratspräsidentschaftsprogramm «Europa gelingt gemeinsam» // Internationale Politik. – 2007. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2007/ februar 2007/ dokumentation.htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202007/februar%202007/dokumentation.htm) (дата обращения: 14.08.2009).
4. Dokumente zu Reform und Erweiterung der Europäischen Union // Internationale Politik. – 2002. – № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2002/ august 2002/ dokumentation.htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202002/august%202002/dokumentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).
5. Dokumente zur Erweiterung und Vertiefung der Europäischen Union // Internationale Politik. – 2004. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2004/ april 2004/ dokumentation.htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202004/april%202004/dokumentation.htm) (дата обращения: 14.08.2009).

6. Dokumente zur Europäischen Sicherheits- und Verteidigungspolitik // Internationale Politik. – 2001. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2001/ mai 2001/ dokumentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202001/mai%202001/dokumentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).

7. Rede von Bundeskanzlerin, Angela Merkel, im Europäischen Parlament, 28. März 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www/internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2007/ mai 2007/dokumentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202007/mai%202007/dokumentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).

8. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin,

Angela Merkel, zur deutschen Ratspräsidentschaft und der G8 vor dem Deutschen Bundestag am 14. Dezember 2006 in Berlin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www/internationalepolitik.de/ ip/archive/jahrgang 2007/ januar 2007/ dokumentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202007/januar%202007/dokumentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).

9. Schlussfolgerungen des Vorsitzes des Europäischen Rates vom 12. und 13. Dezember 2002 in Kopenhagen // Internationale Politik. – 2003. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.internationalepolitik.de/ip/archive/ jahrgang 2003/ januar 2003/ dokumentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202003/januar%202003/dokumentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).

РОЛЬ ФРГ В УРЕГУЛИРОВАНИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена анализу роли ФРГ в вопросе ближневосточного урегулирования с момента образования государства Израиль. Исследуются факторы, которые оказывают влияние на германскую позицию в ту или иную фазу конфликта. Среди факторов имеются детерминанты, а именно «историческая ответственность», или моральный императив перед еврейским народом, и атлантическая солидарность. Можно выделить также переменные факторы, к которым относятся: проведение согласованной внешней и оборонной политики в рамках ЕС (ОВПБ ЕС), экономические интересы ФРГ на Ближнем Востоке и демографический фактор. Особое внимание в статье уделяется политическим, экономическим и гуманитарным инициативам ФРГ в отношении палестинских территорий. В ходе анализа делается вывод, что Германия допускает наличие второго вектора ближневосточного урегулирования, параллельного мирному процессу. В заключение рассматриваются перспективы германского участия в урегулировании арабо-израильского конфликта на основе установленных закономерностей.

Ключевые слова: внешняя политика ФРГ, Ближний Восток, Израиль, Палестинская национальная администрация, ближневосточный мирный процесс.

Арабо-израильский конфликт – это уникальная международная проблема, которая зависит от изменений на международной арене не в меньшей степени, чем от внутренних подвижек. Одним из главных участников процесса ближневосточного урегулирования все заметнее становится Германия, что определяет значимость изучения основных характеристик ее взгляда на данную проблему. Историко-сравнительный метод, применяемый при анализе роли ФРГ в урегулировании ближневосточного конфликта, позволяет не только выявить закономерности германской позиции по арабо-израильскому конфликту, но и способствует объективной оценке политики Германии в отношении палестинцев и израильтян на современном этапе.

Ближневосточный конфликт имеет длительную историю, и линия поведения ФРГ во время той или иной фазы конфликта зависела от определенных факторов, которые можно разделить на детерминанты и переменные. К детерминантам относятся факторы, влияние которых Берлин не может игнорировать, а именно: «историческая ответственность», или моральный императив, перед еврейским народом за ущерб, нанесенный в годы правления Третьего рейха (Холокост), и безусловная лояльность и солидарность с позицией США по ближневосточной проблеме (атлантическая солидарность). Важность морального фактора довольно часто признается открыто в выступлениях и интервью немецких политиков и была подтверждена в докладе Научной службы бундестага, посвященном ближневосточной политике Германии [8].

К переменным ближневосточной политики ФРГ относится прежде всего проведение согласованной внешней и оборонной политики в рамках ЕС (ОВПБ ЕС), а значит, необходимость выступления с общей и единой позиции, в частности, по ближневосточной проблеме. Решения ЕС довольно часто отражают мнения евроцентристов

и противостоят американской позиции, так как содержат критику действий Израиля в отношении палестинцев. Другой переменной являются экономические интересы ФРГ на Ближнем Востоке, а именно доступ к рынку энергоресурсов и рынкам сбыта немецкой продукции. Данная переменная вынуждает Германию поддерживать арабскую сторону в конфликте и начинает играть все большую роль, учитывая задачу диверсификации поставщиков энергоресурсов и отказа от ядерной энергетики. Третьей переменной является демографический фактор, а именно последовательное увеличение мусульманского населения в Германии. Некоторые внутривластные силы пытаются найти поддержку среди избирателей-мусульман, и поэтому выстраивают свои предвыборные программы с учетом интересов этой части немецкого общества.

В послевоенное время Германия преследовала только одну цель на Ближнем Востоке – подписание мирного договора с Израилем и установление дипломатических отношений с новообразованным государством. Однако после достаточно быстрого восстановления экономики Западная Германия также нуждалась в обеспечении экономического роста, что было возможно за счет развития внешней торговли. Арабский Восток представлял большой интерес для немецких компаний, поэтому укрепление отношений с этим регионом отвечало экономическим интересам ФРГ. Установление дипломатических отношений с ближневосточными и североафриканскими странами имело также важность ввиду «доктрины Хальштейна», нацеленной на изоляцию Восточной Германии на международной арене. Поэтому различными западногерманскими обществами, объединениями и организациями активно использовались тезисы об «исторических, традиционных корнях немецко-арабской дружбы», о «западно-германском антиколониализме». Германию рассматривали как

исторического союзника арабских народов в антиколониальной борьбе.

С созданием Израиля правящие круги США связывали решение своих собственных задач на Ближнем Востоке. Открытое спонсирование Израиля было чревато для США потерей влияния на консервативные арабские режимы, поэтому они задействовали дополнительный финансовый канал для усиления военного потенциала Израиля в виде выплат Германией возмещения за ущерб, причиненный евреям в годы гитлеровского рейха. Подписание репарационного соглашения 10 сентября 1952 г. в Люксембурге между ФРГ и Израилем, согласно которому ФРГ обязывалась выплатить Израилю 3 млрд марок и оказывать ему финансово-экономическую помощь [2], стало поводом для первого кризисного момента в отношениях между ФРГ и Арабским Востоком. Арабские страны понимали, что региональная изоляция Израиля не имеет никакого воздействия, если внерегиональные силы помогают Израилю выстраивать экономику и оборону. Таким образом, благоприятный исторический фактор антиколониального прошлого затмевался другим историческим фактором, выразившимся в моральном долге немцев перед евреями.

Однако позиция ФРГ по тройственной агрессии 1956 года уже не была произраильской, ведь Бонн не присоединился к англо-французским санкциям против Египта и бесперебойно поставлял ему свою промышленную продукцию. Западногерманские суда продолжали исправно выплачивать сборы египетским властям за проход через канал. Таким образом, исходя из экономических интересов, ФРГ избегала действий, способных нанести вред ее отношениям с Египтом. Во многом это объясняется тем, что главный Вашингтон придерживался нейтралитета в этом конфликте, а значит, фактор атлантической солидарности никоим образом не игнорировался.

Установление дипломатических отношений между ФРГ и Израилем 15 мая 1965 года было расценено как подтверждение произраильского характера ближневосточной политики ФРГ. На следующий же день после установления западногерманско-израильских дипломатических отношений последовал разрыв дипломатических отношений с ФРГ Египтом, Сирией, Алжиром, Ираком, Йеменом, Саудовской Аравией и Кувейтом.

5 июня 1967 г. Израиль начал военные действия против Египта, Сирии, а также Иордании. Страны, подвергшиеся агрессии, призвали страны-члены ЛАГ объявить ФРГ экономический бойкот. Правительства Ливии, Туниса и Марокко объявили о разрыве дипломатических отношений с Бонном. Нефтедобывающие страны (Алжир, Ирак, Кувейт, Ливия и Саудовская Аравия) объявили о прекращении экспорта нефти в США, ФРГ и Англию. Ответной мерой в отношении Западной Германии

было признание ГДР Ираком, Суданом, Сирией, Алжиром, Йеменом и Египтом. Тем самым в конце 1960-х гг. «доктрина Хальштейна» потеряла свою эффективность. Египет, Сирия, Ирак, Алжир, Судан и Йемен, признав Восточную Германию, продемонстрировали игнорирование тех принципов, по которым строилась политика ФРГ на Арабском Востоке в 1950–1960-е гг.

В целом в ходе конфликта 1967 г. Арабский Восток убедился в наличии «двойных стандартов» в ближневосточном курсе ФРГ. Говоря о принципе «строгого нейтралитета», ФРГ на деле была предана только принципу «атлантической солидарности». Бонн ставил политические соображения выше экономических выгод, и на это не оказывала влияние даже зависимость от ближневосточной нефти.

В начале 1970-х гг. растущей экономике Германии следование лишь политическим соображениям и нивелирование экономических интересов было чревато застоєм и падением. За счет ввоза нефти из стран Ближнего Востока Западная Германия покрывала 70 % всех своих потребностей в этом виде топлива. ФРГ нужно было выработать такой курс, чтобы поддерживать тесные отношения с арабскими странами, стараясь не быть втянутыми в арабо-израильский конфликт. В таких условиях ФРГ решила проводить «культурную политику за рубежом» [3]. Были созданы новые отделы в Министерстве иностранных дел, увеличен фонд денежных средств, предназначенный для осуществления этой политики. Расширилась деятельность Института Гете, Института международных культурных связей, Немецкой службы академического обмена, фондов Ф. Эберта, Ф. Науманна, К. Аденауэра.

Серьезным испытанием для западногерманской дипломатии на Ближнем Востоке стала война Суданского дня 1973 года. В первые дни конфликта западногерманское правительство было вынуждено выступить с обращением к воюющим сторонам, в котором призвало их прекратить военные действия и приступить к мирным переговорам. Но когда Израиль стал нести потери, ФРГ вслед за США оказала ему помощь. Одновременно Бонн предоставил свою территорию военно-транспортной авиации США для создания воздушного моста в Израиль.

В ответ на действия США и Западной Германии арабские государства впервые эффективно применили в своих политических интересах такое острое экономическое оружие, как нефть. Сокращение притока арабской нефти, а это 70 % от поступления нефти в ФРГ, вызвало кризис и рост нефтяных цен. Экономическое оружие ударило точно в цель, и ФРГ пришлось занять такую позицию, которая обеспечивала бы ему доверие со стороны арабских государств и гарантировала бы бесперебойное поступление нефти. С этой целью 24 октября 1973 г. Бонн вынужден был сделать официальное заявление Белому дому о запреще-

нии использования американской военно-транспортной авиацией территории ФРГ для переброски оружия в Израиль. Таким образом, в данном конфликте экономические интересы Западной Германии взяли верх над политическими, и свое влияние оказал переменный фактор.

Период с 1982 по 1990 гг. был ознаменован двойной стратегией канцлера ФРГ Гельмута Коля: не предпринимать каких-либо действий, способных нанести ущерб интересам США и Израиля, но добиваться расширения торгово-экономических связей ФРГ и ближневосточных стран. В этот период США и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) собирались созвать международную конференцию по ближневосточному урегулированию. Чтобы помешать согласованным планам по проведению международной конференции, особенно участию на них Организации Освобождения Палестины (ООП), Израиль объявил членов последней террористами. Активность радикальных палестинцев была в тот момент на руку позиции Израиля. США встали на сторону Израиля. ЕЭС пыталось сформировать собственную позицию, отличную от американской, но боялось оказать действенную поддержку палестинцам и осудить Израиль. ФРГ надеялась на поддержку Вашингтона в деле объединения и поэтому полностью встала на сторону США и Израиля.

После воссоединения немецкого народа Германия увеличила тем самым ресурсный потенциал для более активного участия в процессе ближневосточного урегулирования. Изменилась и геополитическая ситуация: после интеграции европейских стран в один организм Германия стала непосредственно граничить с ближневосточным регионом. ФРГ стала активнее участвовать в многосторонних инициативах по разрешению арабо-израильского конфликта. В первую очередь речь идет о Барселонском процессе, запущенном Евросоюзом с целью развития сотрудничества и обеспечения безопасности между средиземноморскими государствами. Что же касается двустороннего формата, то при Гельмуте Коле германское правительство придерживалось «тактики дистанцирования» от непосредственного участия в ближневосточном урегулировании, чтобы не навредить как ее особым отношениям с Израилем, так и активно развивающемуся экономическому взаимодействию с арабскими государствами. При этом такая политика позволила ФРГ установить сотрудничество с Палестинской Национальной Администрацией (ПНА), созданной для управления территориями сектора Газа и частью территорий Западного берега реки Иордан в результате достижения договоренностей между Израилем и Организацией освобождения Палестины (ООП) в 1993 году в Осло. ФРГ была одним из первых государств, открывших свое представительство в Иерихоне.

С приходом к власти Г. Шредера можно заметить некую активизацию посреднических усилий ФРГ. Так, установив тесные политические отношения с администрацией Ясера Арафата, Германии удалось отговорить ПНА от провозглашения независимого государства 4 мая 1999 г., незадолго до выборов в Израиле. В том же году Евросоюз принял Берлинскую декларацию [7], подтверждавшую право Палестины на образование жизнеспособного государства. Выбор города проведения конференции говорит о значимости вклада Германии в подготовку ее проведения.

Дальнейшие шаги в направлении ближневосточного урегулирования были предприняты в рамках «челночной дипломатии» министра иностранных дел ФРГ Йошки Фишера. Поводом для этого стал взрыв на дискотеке в Тель-Авиве в июне 2001 г. недалеко от места пребывания главы германского МИД. Реакция немецкого министра последовала незамедлительно. Он продлил свое пребывание в Израиле, организовал встречу с главой ПНА Ясером Арафатом, где выдвинул требования к палестинской стороне о прекращении огня и возврате к переговорам. В преддверии первого заседания «ближневосточного квартета» Йошка Фишер выступил с так называемым «Планом из семи пунктов» [12]. Этот документ предусматривает урегулирование арабо-израильского конфликта на основе формулы (взаимного признания) «двух государств» в течение двух лет, гарантированную роль квартета, состоящего из ЕС, США, РФ и ООН, проведение международной мирной конференции. Данный документ стал основой для «Дорожной карты» [14], разработанной квартетом по ближневосточному урегулированию в 2003 году.

С одной стороны, «План из семи пунктов» обозначил стремление ФРГ заявить о своих претензиях на более активное участие в процессе ближневосточного урегулирования. С другой стороны, на внешнеполитическую активность ФРГ в 2001–2002 гг. оказала влияние предвыборная гонка в преддверии парламентских выборов 2002 года, и успешные международные инициативы могли помочь действующей правящей партии сохранить свое лидерство.

В дальнейшем Германия выстраивала свою позицию по ближневосточной проблеме на основе сформулированного решения и была нацелена на сокращение насилия, ликвидацию поселенческой политики Израиля, вывод израильских солдат из оккупированных в 1967 году территорий и взаимное признание Израиля и Палестины, выражая тем самым приверженность принципу сосуществования двух государств.

После прихода к власти Ангелы Меркель ближневосточная политика стала прерогативой канцлера, тогда как ранее находилась в ведении министерства иностранных дел. При А. Меркель было

положено начало регулярным правительственным консультациям на высшем уровне, проводимым поочередно в Израиле и ФРГ. В тот период в Германии особую озабоченность вызывала смерть Ясера Арафата в 2004 году и дальнейшее развитие ситуации в ПНА. Германия приветствовала результаты демократических выборов в январе 2005 г. и победу администрации Махмуда Аббаса. Но после победы на выборах в Палестинский законодательный совет (парламент Палестинской автономии) в 2006 году движения ХАМАС ситуация изменилась. Германия изначально взяла курс на изоляцию этого движения, которое еще в 2003 году было признано странами ЕС террористической организацией. Во время войны вокруг сектора Газа в 2008 году Берлин полностью стал на сторону Израиля, возложив ответственность за эскалацию конфликта исключительно на арабскую сторону. Произраильская линия в ближневосточной политике правительства А. Меркель стала все чаще вступать в противоречие с общей линией ЕС в урегулировании арабо-израильского конфликта. Так, несмотря на статус движения ХАМАС, после их победы на выборах состоялась встреча европейских посланников и лидеров ХАМАС в Сирии в апреле 2006 г., а в мае 2006 г. европейские парламентарии встретились с представителями ХАМАС в Газе. Тем самым в первый легислатурный период А. Меркель на позицию ФРГ по ближневосточному конфликту оказывали влияние только детерминанты (моральный фактор и атлантическая солидарность).

Ситуация начала меняться в 2008 году, и на политику Берлина в отношении арабо-израильского конфликта большее влияние стал оказывать фактор ОВПБ ЕС. Как отмечают специалисты из Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН), «ближневосточная политика Германии была скорректирована в сторону большей сбалансированности между преимущественно произраильской, американской и преимущественно пропалестинской ЕС-овской позициями» [4]. Не меньшую роль сыграли смена власти в Белом доме и более критическая позиция Б. Обамы в отношении Израиля.

Еще в 2007 г., во время своего председательства в ЕС, ФРГ обозначила одним из внешнеполитических приоритетов усиление влияния Евросоюза на процесс ближневосточного урегулирования и выработку стратегии действий ЕС на Ближнем Востоке. В результате в ноябре 2007 г. министры иностранных дел ЕС выработали принципы общей ближневосточной политики ЕС, выраженные в документе «Укрепление государственности для мира на Ближнем Востоке: стратегия действий ЕС» [15]. В качестве основных задач выделялись 3 направления работы: формирование палестинской государственности, поддержка Палестины в переходный период, помощь в подготовке мирной резолюции.

В январе 2008 г. ФРГ и ПНА запустили новую инициативу «Будущее для Палестины». Основной целью данного проекта является «реализация инициатив по улучшению ситуации в Палестине сегодня, а не в перспективе, с конкретными и прозрачными результатами, параллельно с переговорным процессом» [10].

Данный проект обсуждался на «Берлинской конференции в поддержку институтов гражданской безопасности и правосудия Палестины», которая проходила 24 июня 2008 года, и встретил поддержку мирового сообщества. В своей вступительной речи министр иностранных дел Ф.-В. Штайнмайер еще раз подтвердил приверженность решению ближневосточного конфликта путем переговоров. Также в речи прозвучало желание немецкой стороны стать стартовой площадкой скоординированного развития палестинских территорий совместными усилиями.

Детально разработанный план ФРГ позволил осознать необходимость конкретных действий и раздела ответственности за восстановление Палестины. Так было решено, что ЕС возьмет на себя задачу формирования гражданской полиции, судебной системы и социальной инфраструктуры. США же обязались подготовить институты власти и армию в ПНА. Развитие бизнес-среды не случайно рассматривается в тесной связи с процессом ближневосточного урегулирования, ведь, как отметил министр иностранных дел Германии, «никто не будет вкладывать в экономику, где есть риск безопасности, но ФРГ вкладывает, и это значит, что условия меняются, открываются новые перспективы» [13].

Инициативы, озвученные германскими властями в 2008 году, стали знаковыми для эволюции позиции ФРГ по ближневосточному урегулированию. Анализ предложенных инициатив позволяет сделать вывод, что Германия допускает наличие второго вектора ближневосточного урегулирования, параллельного мирному процессу. Несмотря на тупик в достижении всеобъемлющего перемирия между конфликтующими сторонами, германское правительство считает необходимым создать условия для подписания мирного договора в будущем. С одной стороны, такая тактика соотносится со стремлением ФРГ не быть напрямую вовлеченной в урегулирование арабо-израильского конфликта в условиях непримиримости сторон. С другой стороны, она помогает избежать обвинений в безучастности и произраильской позиции.

Начиная с 2009 г. А. Меркель все более настойчиво требует от правительства Израиля положить конец строительству новых поселений и со своей стороны предпринять реальные шаги для возобновления переговоров с палестинцами. Так, в июне 2010 г. бундестаг единогласно проголосовал за резолюцию, осудившую военную операцию

Израиля, повлекшую человеческие жертвы, против так называемой флотилии «Свободная Газа» [9]. А в декабре 2010 г. Германия от имени «Блока 5» (Италия, Испания, Великобритания, Франция и ФРГ) возложила ответственность за провал переговоров по ближневосточному урегулированию на Израиль, что стало первым открытым осуждением действий Израиля за всю историю существования этого государства [4].

В мае 2010 года был создан Германно-Палестинский координационный комитет. Стоит отметить, что ни у одной другой страны ЕС нет похожего совместного с палестинцами органа. Данная структура стала ответом на инициативы по реформированию, предложенные правительством Салама Файяда. Целью комитета является поддержка палестинского народа в формировании эффективных структур государственного права, которые являются необходимой предпосылкой для провозглашения государственности. Немецкие консультанты оказывают палестинцам содействие в таких сферах жизнедеятельности, как водоснабжение, система образования, правоохранительная деятельность, государственное управление и экономическое развитие. Встреча председателей комитета проходит каждые два года, и на текущий момент немецкие и палестинские министры встретились уже четыре раза (в мае 2010, в марте 2012, в марте 2014, в октябре 2016).

На последней встрече координационного комитета в октябре 2016 г. министр иностранных дел ФРГ подтвердил приверженность Германии принципу сосуществования двух государств, признав его единственным условием решения арабо-израильского конфликта и руководящим принципом германской политики в регионе [16]. В ноябре 2016 г. внешнеполитическое ведомство ФРГ в своем пресс-релизе выступило с критикой поселенческой политики Израиля и, в частности, строительства новых апартаментов в районе Рамат Шломо, расположенном в Восточном Иерусалиме и относящемся к незаконно оккупированной Израилем территории [6].

Оценивая последнее заявление Германии по расширению Израилем своих поселений в Восточном Иерусалиме, стоит отметить, что оно впервые входит в разрез с интересами Израиля, но при этом согласуется с позицией США, высказанной 28 декабря 2016 г. в ходе специального выступления министра иностранных дел Джона Керри, посвященного ближневосточному урегулированию. В нем госсекретарь призвал Израиль прекратить оккупацию палестинских территорий ради собственной безопасности. Соединённые Штаты целенаправленно стремятся надавить на Израиль с целью продвижения ближневосточного процесса, о чем свидетельствует также воздержание США при голосовании по резолюции 2334 Совбеза ООН

от 23 декабря 2016 г. [5], запрещающей Израилю строить новые поселения на палестинских территориях. В результате резолюция была принята 14 голосами «за», и, к всеобщему удивлению, Вашингтон не воспользовался правом вето.

Подводя итоги анализу роли ФРГ в вопросе ближневосточного урегулирования, стоит отметить, что она как ярый приверженец методов «soft power» выступает за первоочередное внутреннее реформирование палестинских земель, за которым уже могут последовать мирные переговоры между Израилем и Палестиной. Она последовательно реализует взятую на себя ответственность за восстановление инфраструктуры и создание промышленных зон на палестинских землях. Так, с начала 1980-х годов двусторонняя помощь Палестинским территориям составила 1,1 млрд евро [11], не считая вклада ФРГ в многосторонние инициативы ЕС, МВФ и ООН.

В ходе анализа было выявлено, что ее позиция в ту или иную фазу конфликта зависела от степени влияния на нее приведенных в начале статьи факторов. Также нельзя не согласиться с экспертами из Института стратегических исследований Нижегородского государственного университета, что «политика Германии среди других государств-членов Евросоюза была наиболее произраильской, особенно когда у власти находилась коалиция правоцентристских партий: ХДС и ХСС» [1].

Говоря о перспективах германского вклада в процесс урегулирования ближневосточного конфликта, стоит отметить, что ФРГ сохранит те методы, которым она отдает предпочтение. Можно ожидать, что моральный фактор сохранит свое влияние, и Германия будет избегать резкой критики в адрес Израиля. Данный детерминант также останется препятствием на пути выработки общей стратегии ЕС в отношении ближневосточного урегулирования, так как многие европейские страны выступают с более критичных позиций в адрес Израиля. Однако политика Соединённых Штатов в конце 2016 г. дает основания предполагать, что на Израиль будет оказываться большее давление с целью возобновления переговорного процесса между палестинцами и израильтянами. Поэтому моральный фактор и «атлантическая солидарность» ФРГ могут войти в разногласие.

Влияние экономического фактора будет усиливаться, и с увеличением внимания немецкого капитала к рынкам арабских стран, ростом числа лоббистов немецко-арабских проектов внутри ФРГ и увеличением мусульман-немцев позиция немецкого правительства может претерпеть изменения. Таким образом, можно прогнозировать отказ от «тактики дистанцирования» и заинтересованность в действенном решении арабо-израильского конфликта с целью снижения рисков для интересов немецкого бизнеса. В целом, ФРГ еще

не реализовала весь потенциал, которым она обладает, и с желанием Берлина взять на себя больше ответственности можно ожидать усиления участия в урегулировании арабо-израильского конфликта в рамках ЕС и трансатлантических связей. При этом основной линией политики Берлина в многостороннем формате будет оставаться поиск «золотой середины» в отношениях с Израилем и арабскими государствами.

Библиографический список

1. Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт: монография / под общ. ред. О.А. Колобова. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ: Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара, 2008. – Т. 1: Закономерности и особенности. – 597 с.
2. *Дудайти А.К.* Арабский Восток во внешней политике ФРГ (1950–1990). – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2007. – 319 с.
3. *Дудайти А.К.* ФРГ: ближневосточная политика (1949–1983). – Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, 2009. – 223 с.
4. Европейский Союз и региональные конфликты / отв. ред. Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 74–82.
5. Резолюция 2334 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7853-м заседании 23 декабря 2016 г. СБ ООН. – <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/463/93/PDF/N1646393.pdf?OpenElement> (дата обращения: 26.12.2016).
6. Auswärtiges Amt zu Siedlungsplänen in Ost-Jerusalem. 24.11.2016. – http://www.auswaertiges-amt.de/sid_D5E4A67DAED5A9ADF0E6AAD4866E695D/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2016/161124_Siedlungen.html?nn=412968 (accessed: 27.12.2016).
7. Berlin European Council 24 and 25 march 1999. Part IV // http://www.europarl.europa.eu/summits/ber2_en.htm#partIV (accessed: 12.09.2016).
8. Die Nahostpolitik Deutschlands und Russlands seit 1991. Deutsches Bundestag / Wissenschaftliche Dienste. 25.04.2016. – <https://www.bundestag.de/blob/426610/dd5c5fb87c9539cfe4942a1e031ba769/wd-2-055-16-pdf-data.pdf> (accessed: 20.09.2016).
9. Ereignisse um die Gaza-Flottille aufklaeren / Antrag der Fraktionen CDU/CSU, SPD, FDP und Die Gruene. 30.06.2010. – <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/023/1702328.pdf> (accessed: 22.12.2016).
10. Future for Palestine, 2007. – http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/RegionaleSchwerpunkte/NaherMittlererOsten/IsraelPalaestinensischeGebiete/ZukunftPalaestina/Uebersicht_node.html (accessed: 13.10.2016).
11. Hilfe für Palästina. 18.08.2016. – http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/RegionaleSchwerpunkte/NaherMittlererOsten/01_KonfliktNahost/ZukunftPalaestina/Uebersicht_node.html (accessed: 20.09.2016).
12. «Idea Paper for Middle East Peace» by German Foreign Minister Joschka Fischer, submitted at the EU foreign minister's meeting in Luxembourg on 15 April 2002. – Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP), 2002. – P. 220–221.
13. Opening Speech by Federal Foreign Minister Steinmeier at the Berlin Conference in Support of Palestinian Civil Security and the Rule of Law, 24.06.2008. – <http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Reden/2008/080624-BM-PALSEC.html?nn=479784> (accessed: 15.08.2016).
14. Performance-Based Roadmap to a Permanent Two-State Solution to the Israeli-Palestinian Conflict. 30.04.2003. – <http://www.mfa.gov.il/MFA/Peace+Process/Guide+to+the+Peace+Process/A+Performance-Based+Roadmap+to+a+Permanent+Two-Sta.htm> (accessed: 10.06.2016).
15. «Statebuilding for Peace in the Middle East: an EU action strategy». 15.11.2007. – http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/reports/97949.pdf (accessed: 12.06.2016).
16. Vierte Sitzung des Deutsch-Palästinensischen Lenkungsausschusses. Auswärtiges Amt. 26.10.2016. – https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/PalaestinensischeGebiete/161026-D-PAL_Lenkungsausschuss.html (accessed: 23.12.2016).

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

В статье изложены внешнеполитические причины участия Чехословацкого корпуса в Гражданской войне в России; исследованы внутренние и внешние факторы участия бывших военнопленных Австро-Венгерской империи в этом социально-политическом конфликте; выявлена специфика идеологических установок командования корпуса и рядовых легионеров; изучена суть конфликта Легиона с правительством адмирала А.В. Колчака и его роль в поражении Белого движения на востоке России.

Исследование проведено на базе диалектико-материалистического метода познания, исходя из принципов историзма, конкретного опыта истории и связи с другими историческими событиями эпохи.

Гражданская война в России по ряду факторов характеризуется как часть мирового политического конфликта 1914–1918 гг. Ход вооруженного противостояния сторонников и противников Октябрьского политического переворота в стране определялся вмешательством в этот процесс мировых держав и сопредельных стран, поэтому Гражданская война на территории бывшей Российской империи являлась особым течением Первой мировой войны. Великие державы Европы, США, Япония и новые государства Европы старались обеспечить в этой части мира свои военно-политические интересы. Определенную, а в Сибири решающую, роль в Гражданской войне в России как части общемирового кризиса сыграли военнопленные австро-венгерской армии. В первую очередь это касается чехов и словаков, которые активно участвовали в политических катаклизмах, связанных с революционными преобразованиями в России, и параллельно влияли на ход событий, подводивших итоги Первой мировой войны в Европе.

Ключевые слова: Чехословацкий корпус, Легион, Гражданская война, Антанты, интервенция, Белое движение.

Признано, что широкомасштабная Гражданская война в России началась с мятежа эшелонов Чехословацкого корпуса на востоке страны. Причиной участия и роли Чехословацкого корпуса в развязывании Гражданской войны в России было уделено внимание еще в период военно-политической борьбы 1918–1920 гг. В.И. Ленин считал, что агенты стран Антанты спровоцировали «чехословацких бунтарей», чтобы возобновить войну с Германией [14, с. 416]. По его мнению, легионеры были не против власти Советов, они лишь хотели покинуть Россию, но против были к ним прикомандированные русские офицеры [15, с. 426]. Советский эксперт Ил. Вардин (И.В. Мгеладзе), анализируя книгу эсера Б.С. Солодовникова «Сибирские авантюры и генерал Гайда», заявлял, что изначально корпус имел цель свергнуть советский режим и передать власть Учредительному собранию [2, с. 356]. Командующий иностранными войсками в Сибири генерал М. Жанен считал, что мятеж был вызван стремлением легионеров любой ценой покинуть Россию, чтобы сражаться за независимость своей страны на Западном фронте [10, с. 104]. Белый писатель А.Г. Котомкин причину участия легионеров в развязывании Гражданской войны видел в желании реализовать идею всеславянского единения в борьбе с германской агрессией [13, с. 7]. Генерал Белой армии Сибири К.В. Сахаров утверждал, что цель мятежа состояла в индивидуальном и коллективном обогащении солдат и офицеров Чехословацкого корпуса за счет ресурсов России [21, с. 217]. Член Омского правительства Г.К. Гинс считал мятеж Легиона, целью которого было «восстановление свободы старой Чехии», происками эсеров и кооператоров [5, с. 516–517]. Изучая действия

корпуса в годы Гражданской войны, историк-эмигрант С.П. Мельгунов пришел к выводу, что в годы Первой мировой войны в основе политики чехословацких эмигрантских кругов было стремление «использовать в своих национальных интересах складывающуюся международную обстановку» [16, т. 2, с. 108]. Учитывая многообразие мнений непосредственных участников Гражданской войны в России о роли и целях добровольческого Чехословацкого корпуса в этом военно-политическом процессе, необходимо вновь изучить идейные взгляды, их эволюцию и конкретные действия руководства Легиона, а также рядовых легионеров в Сибири в период 1918–1920 гг.

Ход революции 1917 г. в России поставил вопрос о судьбе пленных армии Австро-Венгрии, которых было почти 2 млн человек. Политические силы страны и державы Антанты стремились их использовать в своих интересах [4, с. 30]. Свой отпечаток на эти планы наложила специфика мировой войны, когда часть пленных Дунайской империи не желала возвращения на родину, понимая, что в этом случае они вновь будут направлены в действующую армию [16, т. 1, с. 127]. Феномен девиантного поведения пленных возник под влиянием революции – известная их часть прониклась антивоенными настроениями и воевать дальше не желала. Русский плен был удобным поводом уклониться от участия в войне [3, с. 71].

Исключение составляли пленные из числа чехов и словаков, которые связывали свои надежды на национальное возрождение с Россией. Еще в 1914 г. царское правительство создало из эмигрантов – чехов и словаков – «Чешскую дружину», а в 1916 г. – стрелковую бригаду, ставшую ядром будущего добровольческого корпуса [18, с. 332].

Поскольку большая часть чешской эмиграции придерживалась либеральных идей, царские власти сознательно не формировали крупное соединение из военнопленных чехов и словаков, желавших сражаться на стороне России [10, с. 103]. После Февральской революции, когда солдатскую массу русской армии охватили антивоенные настроения, у Временного правительства была потребность сформировать ударные соединения для решения боевых задач на фронте. Для этого подходили бывшие военнопленные австро-венгерской армии [12, с. 196]. Было заявлено о создании добровольческих корпусов из славян. Весной 1917 г. формировались чехословацкие и польские дивизии. В июле был создан польский корпус генерала Ю.Р. Довбор-Мусницкого (до 25 тыс. человек) из трех пехотных дивизий, конницы и артиллерии. Этот польский корпус в феврале 1918 г. перешел на сторону германской армии, после чего использовался в качестве оккупационных войск в Белоруссии [8, с. 194]. Он стал ядром армии возрожденной Польши, и ему предстояло столкнуться в начале 1919 г. с армией возродившейся Чехословакии.

Осенью 1917 г. завершилось формирование Чехословацкого корпуса (до 30 тыс. человек) из двух дивизий и запасной бригады [4, с. 37]. По своим взглядам солдаты и офицеры корпуса были правыми социалистами с заметными националистическими и славянофильскими настроениями [6, оп. 1, д. 89, л. 1], которые совпадали с общей философией Временного правительства, считавшего Чехословацкий корпус, части которого во время июньского наступления русской армии 1917 г. показали высокие боевые качества [21, с. 213], своей военной опорой [4, с. 36].

Октябрьская революция 1917 г. и выход России из войны разрушили надежды добровольцев корпуса, который они стали называть Легион, на национальное возрождение с помощью России. Поэтому большая часть легионеров враждебно встретила Октябрь. В ноябре 1917 г. на совещании в Яссах представителей стран Антанты члену Чешского национального совета В. Черженскому предложили использовать корпус в борьбе против советской власти [26, с. 9]. Однако нестабильность на Украине, где он находился, угроза германского наступления, а также движение украинских националистов не позволили осуществить этот план [16, т. 1. с. 141].

Легион пытались использовать в своих целях вожди Белого движения юга России. На предложение генерала М.В. Алексева перевести корпус на Дон и влить его в состав Добровольческой армии глава Чешского национального совета Т.Г. Масарик дал отказ. Негативный ответ был итогом неприятия большинством легионеров реставрационных планов ряда генералов из Белого лагеря. В этом факте нужно искать зерна конфликта Легиона с верховным правителем Белой России А.В. Колчаком.

Кроме того, руководство корпуса опасалось быть отрезанным от морских портов [10, с. 104], которые в это время еще находились в руках Советов.

В начале 1918 г. Легион решил покинуть России. Совнарком было объявлено о нейтралитете и переходе корпуса с 15(28) января 1918 г. в состав французской армии как ее автономной части. Французское военное руководство собиралось перевезти его Северным морским путем через Архангельск и Мурманск на Западный фронт, где ожидалось германское наступление. Для обеспечения эвакуации частей Чехословацкого корпуса 3 марта 1918 г. союзники высадились в Мурманске, так как возникла угроза захвата порта финско-германскими частями [24, с. 44]. Однако затем Англия убедила своих французских партнеров отправить корпус для эвакуации из России в восточном направлении, объясняя этот вариант нехваткой морского транспорта для вывоза такого большого воинского контингента, так как все наличные суда были заняты перевозкой в Европу американских войск [1, с. 277]. Одновременно требовалось использовать силы Легиона для помощи «демократической контрреволюции» России.

Правительству Англии требовалось открыть в России фронт борьбы против войск Центральных держав, так как мартовское наступление 1918 г. германской армии привело к разгрому английской армии и движению немцев на Париж [1, с. 291]. На финансирование корпуса были выделены денежные средства: США отвели на эти цели 12 млн долл., Англия – 80 тыс. ф. ст., а Франция – 11 млн руб. Эта помощь не скрывалась, о чем сообщалось в чехословацкой газете «Прокупник свободы» 28 июня 1918 г. [7, с. 155]. Союзники 4 апреля 1918 г. для снабжения корпуса и других антисоветских сил захватили порт Владивостока [3, с. 72]. Когда первые эшелоны легионеров прибыли во Владивосток, надеясь покинуть Россию, выяснилось, что транспорт для их вывоза в Европу отсутствует [24, с. 63].

В этих условиях Совнарком предложил корпусу или вступить в состав Красной Армии, или покинуть страну в любом направлении, при этом сдать все русское оружие, кроме винтовок для нужд караульной службы [18, с. 334]. Руководство корпуса и рядовые легионеры расценили это требование как шаг к интернированию и передаче властям Австро-Венгрии. Против политики Т.Г. Масарика сохранять нейтралитет в делах России выступила группа офицеров во главе с Я. Сыровый, Р. Гайдой, Ст. Чечком, Й. Швецем, К. Воженилемом и Л. Прхалой [18, с. 333], решивших вмешаться в русские дела на стороне правосоциалистических сил.

На ультиматум председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого сдать все оружие [4, с. 121] чехословацкие эшелоны в Поволжье, на Урале и в Сибири подняли мятеж и захватили власть на местах [4,

с. 125]. Мятеж совпал по времени с выступлением дружин эсеров, офицерских и казачьих отрядов. Однако успехи антисоветских сил оказались эфемерными, так как советская власть удержалась в центре России, а в Поволжье был создан устойчивый фронт Красной Армии. В боях части Легиона понесли большие потери, и ряд полков потерял боеспособность. Руководство Легиона в этих условиях провело насильственную мобилизацию военнопленных чехов и словаков в лагерях Сибири. Это позволило довести состав корпуса до 100 тыс. человек [18, с. 332]. Однако в плане качества боеспособности корпуса после мобилизации нейтрально настроенных пленных была невысокой.

Нахождение Легиона в Сибири стало следующим этапом его участия в Гражданской войне в России. Это был период влияния фактора корпуса на международные дела Версальского периода истории Европы. Один из «отцов» независимой Чехословакии Э. Бенеш писал: «Я каждый день видел доказательство того, что Франция противится вовлечению нашей армии в войну в Сибири и считает важной ее передислокацию на Западный фронт» [24, с. 63]. Вожди Легиона вернулись к мнению Т.Г. Масарика, заявляя о принципе нейтралитета в русских делах. В соответствии с ним (в ожидании выезда во Францию) в Сибири велась особая политика, приведшая к конфликту с белым антисоветским правительством края [16, т. 1, с. 155].

По этой причине Легион, будучи во враждебном окружении, занялся самообеспечением. В первую очередь нужны были деньги. Правительство Франции как куратор корпуса в силу финансового банкротства реальных сумм на его содержание не имело. Основой независимости корпуса стало русское золото. После захвата золотого запаса России в августе 1918 г. в Казани его направили в Челябинск, а затем в Омск. В ходе этой операции исчезло содержимое ряда вагонов с золотом и другими активами на сотни миллионов рублей. Белый писатель А.Е. Котомкин обвинил Легион в краже части золотого запаса России [13, с. 20]. Лишь наличием большого финансового источника можно объяснить независимое поведение легиона по отношению к Всероссийскому правительству адмирала А.В. Колчака.

После известий о поражении и выходе из войны Австро-Венгрии, о национальных революциях в различных частях Дунайской империи все мысли легионеров были связаны с возвращением на родину любым путем [18, с. 368]. Легионеры не хотели продолжать борьбу с советской властью. Как вспоминал А.Е. Котомкин о настроениях Легиона после поражения Центральных держав, «мир с Германией на Западе... означал мир с большевиками» [12, с. 352]. Началась демократизация настроений рядовых легионеров, которые не желали участвовать в боевых операциях и вообще быть

в России. «В Европе мир, а мы здесь непонятно почему воюем с неизвестными нам бандитами» – стало лейтмотивом всех выступлений на совещаниях легионеров» [4, с. 163]. Апогеем конфликта в Легионе стало самоубийство командира одной из дивизий – полковника Швеца [18, с. 359].

Части Легиона были отведены с фронта для охраны Транссибирской магистрали [41, с. 151]. Легионерам было ясно, что война с Советами им не позволит вернуться на родину коротким путем, то есть через европейскую часть России [4, с. 134]. Оставался только один путь – через Владивосток, но этот путь контролировался американцами, которые не желали перехода охраны Транссибирской магистрали в руки японцев [17, с. 47]. Поэтому легионерам было заявлено об отсутствии судов для эвакуации, и что они должны были оставаться в Сибири до завершения мирной конференции в Версале. Создателям послевоенной системы мира Легион был нужен для решения «русского вопроса». Доктор Э. Бенеш, отражая эти планы, заявил: «В интервенции в Сибири мы играем передовую роль. В дальнейшем события покажут, что через непродолжительное время мы будем занимать ведущее положение и в военном, и в политическом отношении» [4, с. 131].

В это время в Сибири развивался острый конфликт между Легионом и Верховным правителем России адмиралом А.В. Колчаком по вопросу о легитимности государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске, так как эсеры, политический союзник Легиона, были лишены государственной власти, а они сами попали под кровавые репрессии [20, с. 27–29]. Произошли локальные вооруженные столкновения легионеров с русскими воинскими командами, поддержавшими политический переворот в Омске. Легионеры в Екатеринбург и Челябинске сумели освободить ряд членов Учредительного собрания [18, с. 363–364]. Военный министр Англии У. Черчилль по этому поводу заметил: «Их собственные политические взгляды были прогрессивны и плохо вязались со взглядами русских белогвардейцев» [25, с. 153]. Вместе с падением эсеровской Директории для легионеров исчез шанс на примирение российских социалистических партий, прекращение Гражданской войны в России и возвращение Легиона на родину через ее европейскую часть, так как исчез камень преткновения и противоречий с советским правительством – Брестский мир.

Когда выяснилось, что эмиссары Англии в Сибири не позволят Легиону вмешаться в события вокруг борьбы за власть в Омске, он занял по отношению к белому режиму позицию враждебного нейтралитета. Так, 6 декабря 1918 г. представители Чехословацкого национального совета в России Я. Есенский и Ю. Кудела заявили: «Сокрушение большевистского владычества и восстановление

нормального положения на территории великого русского народа является одним из условий прочного мира в Европе. В интересах России и всего Славянства выполнить эту задачу, прежде всего, своими собственными силами» [9]. Оценив это заявление, Совет Антанты поручил Легиону охрану Транссибирской магистрали от Иркутска до Томска [24, с. 368], чтобы он ни в какой точке Сибири не мог собрать достаточные силы для проведения военного переворота в пользу партии эсеров.

Независимое поведение Легиона внушало тревогу властям белого режима власти в Омске, тем более что в нем происходили процессы демократизации жизни. Так, 20–25 мая 1919 г. в Томске на Втором съезде чехословацкого войска в резолюции было заявлено о недоверии его командованию «из-за недоверия к режиму А.В. Колчака», о срочной эвакуации и прекращении войны [17, с. 47]. В июле 1919 г. под Иркутском взбунтовались два батальона. Командованию с большим трудом удалось сохранить единство корпуса [10, с. 74–75]. Это говорило о том, что было невозможно использовать Легион в борьбе с Красной Армией [4, с. 159], а само понятие «белочех» потеряло свое прежнее значение.

В свою очередь, перед правительством адмирала А.В. Колчака стояла очень сложная задача разрешения противоречий с Легионом. Вооруженные силы белого режима власти нуждались в сотысячной армии чехословаков и других славян для усиления мощи своих войск на фронте, так как боеспособность большинства сибирских частей была очень низкой. Однако почти все легионеры не скрывали своего позитивного отношения к эсерам. Поэтому А.В. Колчак, с одной стороны, постоянно ставил перед Советом Антанты вопрос о выводе Легиона из Сибири [21, с. 226], чтобы предотвратить потенциальный военно-политический переворот в пользу эсеров, а с другой стороны, он нуждался в опытных военных кадрах и пытался заинтересовать легионеров в переходе на русскую военную службу. Так, 9 июля 1919 г. им была издана «Жалованная Грамота Верховного Правителя Чехословацким войскам в России», в которой сообщал о наделении свободной землей в обход существовавших ограничений, которые не позволяли иностранцам приобретать в ряде областей Сибири и Туркестана недвижимое имущество [13, с. 40–41]. Но этот реверанс в сторону легионеров не нашел среди них понимания.

В этих условиях Верховный правитель пригрозил командующему союзными войсками генералу М. Жанену, что позиция легионеров его принудит разоружить их силой, что он сам «станет во главе войск» [10, с. 116]. Стоит отметить, что в Легионе и в правительстве Чехословакии были политики, согласные на участие корпуса в борьбе с Красной Армией, чтобы вывести его на родину «западным

путем» [13, с. 66–67]. Эта нужно было сделать, чтобы показать лояльность Совету Антанты при решении территориальных споров Чехословакии с соседними странами.

В это время Легион был в постоянном ожидании, что его вывезут из Сибири на родину. Этим можно объяснить факт проживания легионеров в вагонах, а не в стационарных казармах местных гарнизонов. Чтобы быстро покинуть регион в восточном направлении, легионеры конфисковали для своих нужд тысячи вагонов и несколько сот паровозов, которые они обслуживали своими силами [5, с. 537]. Реализация их надежд не входила в планы Англии. Для нее важно было удержать легионеров в Сибири [25, с. 221], так как она надеялась использовать их в решающих боях с Красной Армией. Кроме того, только Легион мог обеспечить безопасность Транссибирской магистрали, по которой перевозили военные материалы из Англии для армии адмирала А.В. Колчака, от налетов партизан.

Удерживало корпус в Сибири и правительство Франции. Это было вызвано проблемами послевоенного устройства Европы, поскольку на ее политической карте появилось несколько новых государств, правительства которых стремились найти поддержку Франции как самой мощной в военном плане державы. Имея ее, они рассчитывали включить в состав своих государств обширные территории за счет сопредельных стран. Наибольшие претензии предъявляли Польша и Чехословакия. Так, доктор Э. Бенеш 6 февраля 1919 г. просил на мирной конференции в Париже для своего государства территории Богемии, Моравии, Силезии, Словакии, Закарпатской Украины и выход к морю [9]. Камнем преткновения стал вопрос о Верхней Силезии, на которую также претендовала Польша. В этом районе в январе 1919 г. начались боевые действия за контроль над данной территорией между чехословацкими и польскими войсками [25]. С трудом комиссарам Антанты удалось добиться перемирия враждующих сторон. В этих условиях правительству Франции предстояло определить основного клиента в Центральной Европе. Лучше всего подходила на эту роль Польша, которую можно было использовать как против побежденной Германии, так и против Советской России [11, т. 3, с. 35].

Исходя из этой ситуации в Европе, Франции важно было удержать Легион в Сибири неопределенно долго, чтобы почти стотысячная армия отборных войск чехов и словаков не появилась в зоне вооруженного конфликта, тем более что Э. Бенеш прислал телеграмму с оповещением: «Родина не требует от вас более жертв, вы достаточно сделали для нее» [10, с. 124]. Конфликт из-за спорных территорий Польши и Чехословакии усугублялся решением Совета Антанты определить состав их армий в 44 и 22 тыс. человек [11, т. 3, с. 49], что нарушало равенство союзников Франции.

Вооруженный конфликт в Силезии нашел отголосок в Сибири, когда Легион умышленно не помог 5-й польской дивизии в бою с частями Красной Армии у станции Тайга 10 января 1920 г. [23, с. 116–117]. В результате боя польская дивизия перестала существовать [3, с. 260–261]. К этому шагу Легион подтолкнуло известие о том, что поляки ведут переговоры с Советами о пропуске на родину через Европейскую Россию [24, с. 181].

Осенью 1919 г., когда завершилось территориальное оформление Чехословакии, у союзной миссии уже не было причин удерживать корпус в Сибири. Решение о его выводе совпало по времени с крушением западного фронта колчаковских войск и эвакуацией из Омска Российского правительства А.В. Колчака. Появление эшелонов Верховного правителя в зоне ответственности корпуса сразу же поставило адмирала в положение заложника ситуации в Восточной Сибири [16, т. 2, с. 377–378], которая определялась быстрым наступлением Красной Армии и почти поголовным восстанием крестьянства края против интервентов и белого режима власти.

Чтобы обеспечить вывод из Восточной Сибири дивизий Легиона и других частей интервентов, 13 ноября 1919 г. Б. Павлу и доктор В. Гирса издали «Меморандум представителям стран Антанты и США в России о положении чехословацкой армии», в котором ответственность за кровавый террор в отношении населения края они возложили на режим Верховного правителя [5, с. 516–517]. 7 февраля 1920 г. было заключено соглашение с командованием красных войск о нейтральной зоне и неприменении между эшелонами чехословаков и частями Красной Армии оружия [13, с. 118].

Адмирал А.В. Колчак ответил на Меморандум нотой: «Я заявляю, что малейшие шаги в этом смысле будут мною рассматриваться как враждебный акт, фактически оказывающий помощь большевикам, и я отвечу на него вооруженной силой и борьбой, не останавливаясь ни перед чем» [19, с. 114]. 21 декабря 1919 г. он отдал атаману Г.М. Семенову приказ, чтобы инициировать вмешательство командования союзников в политический кризис, созданный восстанием эсеров в Иркутске, разрушить тоннели Кругобайкальской железной дороги и сделать Легион заложником [3, с. 262]. Приказ адмирала А.В. Колчака вынудил Легион и командующего союзными войсками выдать составшим Верховного правителя. Генерал М. Жанен решил Легион спасти, несмотря на вмешательство в кризис вокруг Иркутска японцев и отрядов атамана Г.М. Семенова [10, с. 143]. Мотив этого шага во многом был обусловлен политической ситуацией в Европе, где проходили мощные революционные движения, и для их нейтрализации требовался в качестве полицейской силы боеспособный корпус ветеранов Первой мировой и Гражданской войн [26,

с. 202–203]. Кроме того, начиналась Советско-польская война, и Чехословацкий корпус можно было использовать в критический момент борьбы с Красной Армией в случае поражения польской армии.

Весной 1920 г. эшелоны Легиона сосредоточились во Владивостоке. 2 сентября последний транспорт с легионерами покинул порт. На этом историческая миссия Легиона в Сибири закончилась. По мнению генерала Д.В. Филатьева, «че-хами был заложен первый камень независимости Сибири от большевиков, и они же вбили последний гвоздь в гробовую крышку адмирала Колчака и всего белого движения в Сибири» [23, с. 61].

Таким образом, вопрос об участии корпуса во внутривосточных событиях России периода революционных катаклизмов 1917–1920 гг. связан с исторической задачей воссоздания независимости народов Чехии и Словакии. Страны Антанты стремление руководства и рядовых легионеров эту историческую задачу применили в геостратегических интересах для воссоздания восточного фронта против государств Центрального блока. После поражения Германии Антанты с конца 1918 г. и до весны 1920 г. использовала корпус для обеспечения усилий белого движения в деле свержения советской власти в России. Российские политические силы антисоветской направленности рассматривали корпус и его борьбу с Советами как выполнение перед Россией общеславянского долга и как благодарность за поддержку в годы Первой мировой войны в деле обретения государственной независимости чехами и словаками. Участие корпуса в событиях Гражданской войны делится на ряд этапов – от ее развязывания и до свертывания после ареста Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. При этом военная активность корпуса зависела от факторов и условий получения независимости народом Чехословакии, территориального оформления его государства.

Библиографический список

1. Архив полковника Хауза // Избранное: в 2 т. – М.: АСТ, 2004. – Т. 2. – 744 с.
2. Вардин Ил. Эсеры и колчаковщина // Красная новь. – 1921. – № 3. – С. 356–357.
3. Вацетис И.И., Какурин Н.Е. Гражданская война. 1918–1921. – СПб.: Полигон, 2002. – 672 с.
4. Веселы И. Чехи и словаки в революционной России: пер. с чеш. – М.: Воениздат, 1965. – 83 с.
5. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 672 с.
6. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). – Ф. Р-1015.
7. Гражданская война в СССР: в 2 т. – М.: Воениздат, 1980. – 368 с.
8. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 704 с.

9. Думы (Бийск). – 1919. – 11 февраля. – № 19.
10. *Жанен М.* Отрывки из моего сибирского дневника: пер. с фр. // Сибирские огни. – 1927. – № 4. – С. 102–144.
11. История дипломатии: в 3 т. – М.: ОГИЗ, 1945. – Т. 2. – С. 424.
12. *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917: пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2005. – 384 с.
13. *Котомкин А.Е.* О чехословацких легионерах в Сибири. 1918–1920. Воспоминания и документы. – Париж, 1930. – 188 с.
14. *Ленин В.И.* Заключительное слово по докладу о борьбе с голодом // Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 415–417.
15. *Ленин В.И.* Речь на митинге в Сокольническом клубе 21 июня 1918 г. // Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 426–429.
16. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. – М.: Айрис-пресс, 2004. – Кн. 1. – С. 576.
17. *Маньковский В.И., Габрусевич С.А.* Чехословацкий корпус в Сибири в 1919 г. // История белой Сибири. – Кемерово, 2005. – С. 46–48.
18. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания и документы. – М.: Айрис-пресс, 2011. – 544 с.
19. Последние дни колчаковщины: сб. документов / под ред. М.М. Константинова. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 232 с.
20. *Ракитников Н.И.* Сибирская реакция и Колчак. – М.: Народ, 1920. – 40 с.
21. *Сахаров В.К.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). – Мюнхен, 1923. – 330 с.
22. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. – Новосибирск: Сибирское краевое издательство, 1929. – Т. 1. – 990 с.
23. *Филатьев Д.В.* Катастрофа белого движения в Сибири // Гражданская война в России. – М.: АСТ, 2005. – 475 с.
24. *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака: пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2006. – 252 с.
25. *Черчилль У.* Мировой кризис: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2003. – 768 с.
26. *Шмераль Б.* Чехословаки и эсеры. – М.: ОГИЗ, 1922. – 28 с.

«ГОЛОДНЫЕ» ЗАБАСТОВКИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1918–1920 ГГ.*

Забастовки и другие формы протестных выступлений рабочих являлись неотъемлемым элементом трудовых отношений в первые годы советской власти (1918–1920). Однако изучение их началось только в постсоветский период в связи с изменившейся политической конъюнктурой. Одной из ключевых проблем периода «военного коммунизма» стала неспособность новой власти наладить снабжение рабочих товарами первой необходимости, и прежде всего продовольствием, что становилось основной причиной забастовок. В статье на основе материалов архивных фондов отраслевых профсоюзов рассматриваются непосредственные причины и механизмы возникновения забастовок на предприятиях Центрального промышленного района. В частности, обращается внимание на то, что забастовки были спровоцированы не просто нехваткой продовольствия, а несправедливым, по мнению рабочих, его распределением. Несмотря на то, что в целом профсоюзы в этот период в ходе конфликтов принимают сторону власти, а не рабочих, можно заметить определенные различия в позиции и оценках происходивших событий представителями центрального аппарата профсоюзов и низовых организаций. Местные профсоюзные деятели были не склонны к излишней политизации тех протестных выступлений, которые происходили на предприятиях, а также более объективно оценивали причины недовольства рабочих.

Ключевые слова: трудовые отношения в Советской России, трудовые конфликты, забастовки, продовольственный паек, профсоюзы, фабричные комитеты, рабочие-текстильщики.

Первые годы существования советской власти, вошедшие в историю как период «военного коммунизма», сопровождалась непрерывным падением промышленного производства и снижением уровня жизни рабочих, что заставляло последних прибегать к испытанному ранее средству борьбы за улучшение своего положения – забастовкам. Если в советский период проблема трудовых конфликтов и забастовок как их наиболее острой формы была «неудобной» для изучения, то в последние два десятилетия появился ряд публикаций, посвященных данному вопросу. Особо следует выделить работы Л.В. Борисовой [1] и Д.О. Чуракова [6; 7], в которых, однако, основное внимание уделяется забастовкам, происходившим, независимо от причин их возникновения, на крупных промышленных предприятиях и принимавшим выраженный политический характер.

В данной статье забастовки 1918–1920 гг., возникшие в связи с плохим обеспечением продовольствием, рассматриваются как трудовые конфликты, а не антибольшевистские политические акции. Основную источниковую базу исследования составили материалы архивных фондов Центральных комитетов отраслевых профсоюзов, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Они позволили детализировать и углубить понимание конкретных причин «голодных» забастовок, а также позиции профсоюзных организаций разного уровня, которые принимали непосредственное участие в ликвидации подобных конфликтов.

В статье рассматриваются текстильные предприятия Центрального промышленного района, на которых традиционно была велика доля женского труда.

Некоторые управляющие и директора предприятий в дореволюционной России говорили о том, что женщины-работницы менее склонны к протестным выступлениям и более управляемы, чем мужчины. Однако дефицит продовольствия, все более обострившийся в 1918–1920 гг., сделал женщин активными участницами трудовых конфликтов.

В докладах инструкторов организационного отдела ЦК профсоюза текстильщиков, выезжавших на различные предприятия во время забастовок для урегулирования ситуации всеми возможными способами, включая аресты, нередко отмечается, что рабочие получают продовольственный паек нерегулярно или не полностью, а иногда не получают вовсе и, как следствие, голодают. Так, М. Розенблюм свой доклад от 12 июля 1918 г. о результатах посещения Переяславской мануфактуры и материальном положении рабочих на этой фабрике начала весьма эмоционально: «Я очень извиняюсь, если в моем изложении найдете много субъективного чувства. Но не могу молчать... Краска горячего стыда покрыла мое лицо от заявления рабочих...» [2, л. 14]. В докладе сообщалось, что рабочие данного предприятия не получают ни хлеба, ни денег, а потому после отработанной смены отправляются в окрестные деревни «сбирать», то есть «выпрашивать кусок хлеба». «Я увидела перед собой аудиторию замученных, бледных, заморенных голодом тружеников, забитых нуждой и горем. <...> Получают они гроши, на которые хлеба по 250–300 руб. за пуд не имеют никакой возможности покупать; из продовольственной организации они ничего не получают. Есть при фабрике “О[бщест]во потребителей”, которое время от времени получает хлеб по дорогой цене и вы-

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Трудовые конфликты в промышленности Советской России (1918–1929 гг.): создание базы данных и статистический анализ протестного движения рабочих в годы военного коммунизма и нэпа» (№ 15-06-09174).

дает рабочим по 5 фунтов на месяц по цене 5 руб. за фунт», – пишет М. Розенблюм. По ее словам, на директора фабрики они смотрели как на «полу-бога», от которого зависит будущее предприятия, а значит, и их самих. Рабочие безропотно восприняли даже известие о предстоящей остановке производства, отметив лишь, что «если бы дали хлеба, то можно было бы жить». Такая готовность подчиниться любым обстоятельствам оценивается автором доклада как негативное явление: «Но отрадного в этой покорности я не вижу, ибо это голос “раба”, покорного “всякой” власти, лишь бы был хлеб насущный» [2, л. 15].

Однако далеко не везде рабочие готовы были воспринимать отсутствие продовольствия и средств к существованию столь спокойно и безропотно. Причем нередко забастовки, начавшиеся исключительно «на почве голода», классифицировались представителями власти как политические, что влекло за собой применение жестких мер для ликвидации конфликта. Аресты же наиболее активных забастовщиков или избранных рабочими представителей для ведения переговоров с хозяйственными, партийными, профсоюзными организациями зачастую не только не способствовали восстановлению социального мира, а, наоборот, провоцировали дальнейшее обострение конфликта. Примером подобного развития событий могут служить забастовки на фабриках «Волочек» и «Тоболка» (Тверская губ.) в апреле 1919 г. В то время на предприятиях трудились 697 и 1 477 рабочих соответственно [4, л. 22 об].

Утром 1 апреля забастовали рабочие фабрики «Волочек». Узнав об этом, рабочие «Тоболки» на общем собрании избрали делегацию из трех человек, которые должны были заняться выяснением «продовольственного вопроса» в местных хозяйственных органах. Однако практически сразу избранные делегаты были арестованы, что послужило причиной второго за день общего собрания рабочих фабрики, завершившегося принятием следующих решений: 1) «если через два дня не будет дано хлеба, то рабочие вынуждены идти на железную дорогу и разбирать муку, идущую мимо Вышнего Волочка»; 2) двое вновь избранных представителей рабочих должны были отправиться на конференцию районного отделения профсоюза текстильщиков и сообщить о принятом решении. При этом участники собрания постановили вернуться к работам и ожидать новостей от делегатов. И действительно, во второй половине дня рабочие вернулись к своим обязанностям. На следующее утро, 2 апреля, придя на фабрику, они узнали, что и вновь избранные ими представители для поездки на профсоюзную конференцию были арестованы. Это вызвало возмущение и привело к забастовке, сопровождавшейся требованиями о выдаче продовольствия и освобождении арестованных.

Именно второе требование и позволило властям классифицировать этот конфликт как политическую забастовку. Ситуация усугублялась тем, что забастовавшие на день раньше рабочие фабрики «Волочек» присоединились к данному «политическому» требованию. Угрозы о закрытии фабрики не имели никакого воздействия на рабочих. В итоге забастовку удалось прекратить только 8 апреля, когда на фабрику прибыли представители исполкома профсоюза текстильщиков и уговорили рабочих вернуться к своим обязанностям, пообещав разобраться с вопросом об арестованных и в скорейшем времени наладить своевременную доставку продовольствия [4, л. 23–23 об].

Изучая ход забастовок 1918–1920 гг., можно заметить все более активную позицию женщин-работниц в борьбе за улучшение своего положения. Причем нередко они вели себя достаточно решительно, даже агрессивно в ходе митингов, собраний и переговоров с представителями различных хозяйственных, партийных и профсоюзных организаций. Так, в ходе забастовки на фабрике Берг (Тверская губ.) в августе 1918 г., когда инструктор организационного отдела ЦК профсоюза текстильщиков попытался уговорить рабочих вернуться к станкам, «некоторые женщины прямо-таки показывали сжатые кулаки, требуя хлеба» [5, л. 5 об].

Представители партийных и профсоюзных организаций зачастую стремились объяснить забастовки и другие формы конфликтов на предприятиях, произошедшие на фоне возраставшего дефицита продовольствия, усиленной «разлагающей» деятельностью противников советской власти. Так, представитель Главного правления текстильных предприятий РСФСР («Национальтекна»)¹ Нехорошев, характеризуя причины возникновения забастовки на фабрике Тверской мануфактуры в марте 1919 г., указывал, что конфликт возник в результате действий «темных личностей хулиганского типа», воспользовавшихся недоеданием рабочих и газетными сообщениями о том, что забастовщики в Петрограде и Туле смогли добиться выдачи дополнительного хлебного пайка [4, л. 14].

В первый день забастовки на фабрике Тверской мануфактуры, 21 марта 1919 г., состоялся митинг рабочих, на котором одна из работниц заявила: «Раз не можете управлять, так передайте другим вожжи». Отвечая на уточняющий вопрос, она заявила, что власть должна быть передана Учредительному собранию, после чего тут же была арестована вместе с несколькими рабочими, одобрительно встретившими ее высказывание. На следующий день была арестована еще одна работница, которая потребовала переизбрания фабричного комитета [4, л. 14]. Остальные рабочие, «видя угрозу власти», разошлись по своим местам, но работу не начали. В течение последующих двух дней, которые являлись нерабочими, некоторые аресто-

ванные были освобождены как «взятые напрасно». 26 марта представитель Главного правления текстильных предприятий вместе с представителями местных властей пришли в ткацкий корпус для переговоров с рабочими, выслушали требования последних. В итоге производственный процесс удалось возобновить. Подобное же мероприятие провели и в прядильном отделении [4, л. 14–14 об].

Делая заключение о причине забастовки, Нехорошев писал: «... забастовка вызвана была хулиганами, но Комитет не сумел подойти к рабочим с миром, а подошел с арестом». Он считал, что прежде чем «производить аресты, звать ЧК», нужно сначала поговорить с рабочими, причем не на митингах, куда ходят далеко не все, а прямо в цехах [4, л. 15].

Тверской же профсоюз текстильщиков, отвечая на этот упрек в свой адрес, обращал внимание на то, что истинной причиной забастовки стал «недостаток продовольствия» [4, л. 18]. Поэтому, с их точки зрения, переговоры и уговоры, не сопровождавшиеся улучшением продовольственного снабжения, если и могли дать эффект, то лишь кратковременный.

Во время забастовок на российских промышленных предприятиях в конце XIX – начале XX в. рабочими часто выдвигалось требование уравнивать в заработной плате и других материальных выплатах рабочих одной специальности, но трудившихся в разных производственных отделах, поскольку они выполняли аналогичную работу. В 1918–1920 гг. требование «уравнивать» было перенесено в сферу продовольственного снабжения. Так, рабочие Никольских фабрик, ранее принадлежавших Товариществу Морозовых, на протяжении 1920-го года неоднократно останавливали производство, требуя установления одинакового размера пайка для разных групп рабочих. 5 марта 1920 г. правление Орехово-Ликинских хлопчатобумажных фабрик сообщало в ЦК профсоюза текстильщиков о забастовке, начавшейся 3 марта на Никольских фабриках. Первыми остановили станки прядильщики, их примеру последовали другие рабочие, в результате чего в течение 4 марта были остановлены ватерный и трепальный отделы, к забастовке присоединились холстовщики и тазовщики. Рабочие требовали уравнивания в размерах выдаваемого продовольственного пайка с рабочими электрической станции, а также выдачи продовольствия как на работающих, так и на неработающих членов семьи. Двухчасовые переговоры представителей правления и фабрично-заводского комитета не смогли изменить настроение забастовавших рабочих. В результате было принято решение об остановке предприятия [3, л. 15].

Неразрешенность продовольственного вопроса стала причиной очередной забастовки на этих фабриках 6–12 мая 1920 г. Рабочие требовали установить для всех рабочих высшую норму пайка,

а также устранить существовавшие «неправильности» в вопросе отнесения работников к той или иной группе пайка. В частности, они были недовольны тем, что администрация фабрики получала высшую норму пайка, «хотя и не работала непосредственно на электропередаче», работникам которой была установлена эта категория. Кроме того, их возмущало, что на торфяных работах, «начиная с рабочих, действительно роющих торф, и до мальчика-рассыльного получают торфяной паек, в то время как взрослые квалифицированные рабочие на фабрике получают обыкновенный фабричный паек» [3, л. 12]. Профсоюзные деятели, анализируя сложившуюся ситуацию уже после завершения забастовки, соглашались с тем, что для снижения уровня социальной напряженности необходимо «устранить пестроту пайка в Орехово-Зуевском районе» [3, л. 14]. Однако ситуация осталась практически неизменной, что спровоцировало дальнейшие конфликты.

В докладной записке представителя ЦК профсоюза текстильщиков Матвеева от 12 декабря 1920 г. сообщаются подробности забастовки, произошедшей в конце указанного года на Никольских фабриках. Проблема вновь заключалась в недовольстве рабочих различными нормами продовольственного обеспечения для представителей разных профессиональных групп. Кроме того, с 13 ноября 1920 г. текстильщиками вместо одного фунта хлеба начали выдавать по ½ фунта проса. Недовольство, нараставшее в течение двух недель, вылилось в забастовку, начавшуюся 2 декабря и охватившую примерно 400 рабочих хозяйственного и ремонтно-строительного отделов. Рабочие-текстильщики в очередной раз требовали уравнивать их норму пайка с аналогичными нормами для рабочих электропередачи или торфяного болота. Местные партийные, хозяйственные и профсоюзные деятели испробовали все доступные им способы от уговоров до угроз расчетом и передачей рабочих «в отделы распределения рабочей силы или в комитет по борьбе с трудовым дезертизмом» в попытках восстановить нормальный производственный процесс. Однако рабочие отказывались вернуться к станкам до удовлетворения их требований, заявив: «Мы скорее пойдем в концентрационные лагеря² (там лучше кормят), чем будем работать на фабрике» [3, л. 16]. Такое упорство рабочих, по мнению автора докладной записки, объяснялось, с одной стороны, нехваткой рабочих рук в данном районе, а с другой, тем обстоятельством, что «в концентрационном лагере... жизни и работа по своим условиям стоит ничем не хуже наших текстильных фабрик» [3, л. 16]. Данные, приведенные в таблице, показывают, что для подобного утверждения имелись все основания [см.: 3, л. 16 об.].

Как видим из таблицы, рабочие-текстильщики были поставлены в худшие условия обеспечения

**Состав продовольственного пайка для различных групп рабочих
Никольских фабрик в ноябре 1920 г. [3, л. 16 об.]**

Норма*	Строительные рабочие	Рабочие- торфяники	Текстильщики (ударный паек)	Тюрьмы, концлагеря, арестантские дома
Хлеб	1 $\frac{1}{3}$	1 $\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$
Крупа	–	–	–	10
Мука	–	–	–	$\frac{1}{2}$
Сахарный песок	1	1 $\frac{1}{2}$	2	1
Соль	2	1 $\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1
Картофель	10	10	–	30
Овощи, корнеплоды	–	–	25	15
Мясо, рыба	15	15	4	10
Жиры	–	–	–	1 $\frac{1}{2}$
Чай	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	–	$\frac{1}{2}$
Табак	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{4}$	–
Мыло	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	–	–
Спички	2	2	2	–
Кофе	–	–	$\frac{1}{4}$	–

* *Примечание:* хлеб – фунтов/день, спички – кор./месяц, остальные продукты – фунтов/мес.

продовольствием не только по сравнению с другими группами работников (строительные и торфяники), но и по сравнению с гражданами, отбывающими наказание в тюрьмах, арестных домах и концентрационных лагерях. Кроме того, если остальные группы пайки получали «более или менее регулярно», то текстильщикам продукты выдавались с большими задержками и пропусками. Так, в период с 1 по 13 ноября они получили всего 6,5 фунтов хлеба на человека (то есть в 2 раза меньше положенного по норме), а в течение следующей недели, с 14 по 20 ноября, – по 0,5 фунтов просыной муки в день на человека (вместо 1 фунта хлеба) [3, л. 16 об.].

Разница в размерах и составе продовольственных пайков у рабочих Никольских фабрик объяснялась тем, что они «обслуживали разные производства». Но при этом работали они рядом, проживали вместе и готовили пищу в одних помещениях. Такая ситуация не могла не вызывать недовольство текстильщиков, которые имели сравнительно низкие нормы пайка, да и те выплачивались нерегулярно. Проблема усугублялась тем, что к ноябрю 1920 г. правление Орехово-Ликинских фабрик задержало выплату жалования и премий на сумму порядка 204 млн руб. [3, л. 16 об.]. Таким образом, рабочие не получали ни продуктов, ни денег, что и привело к забастовке. Одним из негативных последствий такого положения дел (кроме забастовок) стало «массовое воровство», наблюдавшееся среди рабочих Никольских фабрик. Так, по приблизительным подсчетам в ниточном отделе в тот период пропало до 18 % всей вырабатываемой продукции [3, л. 17].

Аналогичная причина – «несправедливость» распределения имеющегося продовольствия – вы-

звала забастовку на Истомкинской и Елагинской мануфактурах (Московская губ.) в начале февраля 1920 г. Рабочие этих фабрик получали продовольствие крайне нерегулярно, иногда оно не выдавалось вообще на протяжении длительного периода, тогда как «рабочие электропередачи» получали паек своевременно. Причем продовольствие провозилось на открытых платформах и в санях мимо голодающих текстильщиков в распределительные продовольственные пункты электростанции [3, л. 2 об.]. Такое положение вещей еще более усугубляло недовольство рабочих и провоцировало их на решительные действия.

Таким образом, решительность и настойчивость рабочих в ходе забастовок 1918–1920-х гг. объяснялись не только нерегулярностью продовольственного снабжения, но и несправедливостью, по мнению бастовавших, распределения имеющихся продуктов между различными группами работников. Кроме того, действия представителей хозяйственных, партийных, профсоюзных организаций нередко не сглаживали, а, наоборот, усугубляли конфликт. Говоря о роли профсоюзов в ходе забастовок в рассматриваемый период, следует отметить различие в оценке происходивших событий между представителями центральных и местных организаций. Все стремились избежать обвинения в неспособности предотвратить и быстро ликвидировать конфликт. Но при этом если представители профсоюзного центра склонны были излишне политизировать происходившие забастовки и перекладывать вину за них на классовых врагов, то низовые профсоюзные организации часто верно оценивали истинную причину возмущения рабочих, обращая внимание на нерешенность массы бытовых и производственных проблем.

Примечания

¹ Образовано в соответствии с Постановлением ВСНХ от 19 ноября 1918 г. для управления всеми национализированными предприятиями текстильной отрасли.

² В рассматриваемый период концентрационные лагеря существовали во многих промышленных центрах, а иногда напрямую при предприятиях или группе предприятий. Рабочие отправлялись туда на определенный срок по приговору дисциплинарных судов за различные нарушения (прогулы, опоздания, нарушение порядка на предприятиях). Они находились в изоляции от окружающего мира и выполняли различные виды работ (часто по своей основной специальности).

Библиографический список

1. *Борисова Л.В.* Трудовые конфликты в Советской России (1918–1924 гг.). – М.: Собрание, 2006. – 288 с.

2. Докладная записка и сообщения о положении текстильной промышленности в губерниях //

ГАРФ. – Ф. 5457. – Оп. 2. – Д. 74.

3. Материалы о забастовках на предприятиях текстильной промышленности: протоколы, докладные записки, телеграммы // ГАРФ. – Ф. 5457. – Оп. 4. – Д. 47.

4. Протоколы, доклады и телеграммы о происшедших на текстильных фабриках стачках и забастовках на почве отсутствия продовольствия // ГАРФ. – Ф. 5457. – Оп. 3. – Д. 53.

5. Протоколы заседаний следственной комиссии и доклады инструкторов Центрального Комитета союза текстильщиков о забастовках на частных текстильных предприятиях // ГАРФ. – Ф. 5457. – Оп. 2. – Д. 88.

6. *Чураков Д.О.* Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). – М.: Вече, 2007. – 352 с.

7. *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.

Батурин Александр Сергеевич
Кемеровский государственный университет
alex-910891@mail.ru

Равочкин Никита Николаевич
кандидат философских наук, доцент
Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт
nickravochkin@mail.ru

РАЗВИТИЕ АВТОТРАНСПОРТНОЙ МАРШРУТНОЙ СЕТИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1950-е – середина 1960-х гг.)

Статья посвящена анализу формирования и развития маршрутной сети автобусного парка в Кемерово и Кемеровской области в 1945–1965 гг. В работе акцентировано внимание на становлении конкретных маршрутов и их содержании. Последнее включает в себя направление маршрутов, их пассажиронапряженность, которую можно измерить по количеству купленных билетов, модели автобусов, участвующих в перевозках, километраж маршрута, количество рейсов в будние и выходные дни, стоимость билета.

Статья основана на материалах текущего архива ГУ «КузбассПассажирАвтотранс», позволяющих дать комплексную характеристику автотранспортной сети Кемеровской области, и ГКУКО ГАКО, где представлены в основном партийные архивы. В статье дается общая картина автобусных перевозок. Оцениваются модели автобусов, которые использовались на междугородных и пригородных маршрутах, численность автобусов в том или ином году, готовность парка к работе, статистика ДТП. Автор изложил свой взгляд относительно количества числа вводимых новых междугородных маршрутов. Выявлены и прослежены основные тенденции и проблемы междугородных автобусных перевозок, проводится параллель с современной маршрутной сетью Кемеровской области.

Ключевые слова: автомобильный транспорт, маршрутная сеть, общественный транспорт, автобусное сообщение, пассажирские перевозки, экономика Кузбасса, пассажиронапряженность.

Автобусная маршрутная сеть является одним из основных способов передвижения в городском, междугородном, межобластном, а иногда и в международном сообщении. Отметим, что автомобильный транспорт является элементом составляющей его инфраструктуры. В то время как железнодорожный, авиационный или речной транспорт далеко не всегда может доставить пассажира в нужный пункт назначения, автомобильный обладает этим преимуществом. Однако в научном плане проблема анализа развития автотранспортной маршрутной сети в определенный исторический период (в данном случае начало 50-х – середина 60-х гг. XX в.) в конкретном регионе (Кузбасс) недостаточно разработана. Отсутствие массива научных публикаций не позволяет выявить закономерности развития объекта исследования, что и обуславливает актуальность обозначенной нами темы.

Советский автопром в целом был в состоянии предоставлять определенные модели автобусов, в частности, для транспортных нужд Кузбасса. Самыми распространенными марками в то время являлись ЗИЛ (ЗИС)-155, ПАЗ-651 и ГАЗ-51. Пассажирские автобусы обладали достаточным комфортом, поскольку отвечали всем требованиям того времени по перевозке пассажиров из одного города в другой (сиденья, поручни и окна). Заметим, что эти автобусы отличались в лучшую сторону от автобусов, не имевших удобств и предназначенных для массовых перевозок советских людей в военное время.

К 50-м гг. XX в. советская система нуждалась в создании транспортной сети ввиду того, что из-за усиления процессов урбанизации место работы

и место жительства человека все дальше отдалялись. Появление маршрутной сети является не чем иным, как трендом урбанизации, свидетельствующим о расширении индустриализации. Одной из задач автобусных рейсов являлась перевозка людей к месту работы, что довольно серьезно упрощало жизнь работников и способствовало развитию социальной мобильности. И, надо сказать, нашему обществу это в целом удалось. Необходимость развития автобусного сообщения была также обусловлена и тем фактором, что в послевоенный период лишь немногие могли позволить себе личный автомобиль.

Нами рассматриваются две маршрутные сети – пригородная и междугородная. Пригородная маршрутная сеть связывает город с его районом (пригородом), междугородная, в свою очередь, – два и более города между собой.

В научной литературе данный вопрос освещен фрагментарно. В частности, Л.Б. Кокорина отмечала, что в 1940-е гг. уже существовали автомобильные перевозки, но организовывались они неспециализированными транспортными организациями. В основном это были местные структуры отдельных министерств и ведомств, например угольной, химической или какой-либо другой промышленности. Так, первый рейсовый автобус был запущен в городе Кемерово в 1951 г., однако историки не уделяли должного внимания автобусному сообщению. Мы полагаем, что это происходило по причине того, что в советское время промышленность являлась основной темой для проведения исторических научных исследований.

Основным источником информации для настоящей статьи является текущий архив ГУ «КузбассПассажирАвтотранс». В архивных документах

имеется информация о номере маршрута, годе начала его действия, содержании, протяженности, количестве предоставляемых автобусов, количестве рейсов в будние и выходные дни, по некоторым маршрутам имеются сведения о стоимости проезда. Данная документация не зафондирована.

В первые послевоенные десятилетия шел процесс урбанизации. С увеличением численности городского населения люди периодически стали выезжать, с одной стороны, из города в сельскую местность, тем самым давая пример неорганизованного туризма, например «ягодного» или «грибного», а с другой – из села в город. Наиболее популярными были пригородные рейсы, следующие до садовых участков: они практически всегда были заполнены – впрочем, как и в наше время. Главной причиной такой заполняемости маршрутных автобусов и увеличения вследствие этого их рентабельности является то, что рейсы осуществлялись достаточно редко, тогда как в садовые общества автобусы, как правило, ходили в среднем пять раз день в обе стороны.

Анализ пригородных и междугородних маршрутов позволяет решить следующие задачи: изучить направления движения общественного транспорта, рассмотреть конкретные маршруты и транспортный быт.

Обратимся к исследованию автобусного парка, появившегося к 1950–60-м гг. Людям было необходимо ездить на далекие расстояния на работу или по каким-либо другим делам. Что касается рентабельности, то практически все междугородные маршруты приносили прибыль ввиду отсутствия льгот, чего нельзя было сказать о пригородных. Протяженность маршрутов зависела от просчитываемой пассажиронапряженности (это показатель интенсивности использования транспортной системы, который выражается отношением пассажирооборота к длине участка дороги, на который этот пассажирооборот выполнен). Так, например, для более точных расчетов на конкретном маршруте через некоторое время сверялось как количество населения, так и те пункты, на которых они высаживались. Более наполняемыми, что логично, являлись утренние и вечерние маршруты.

В целом отмечалась удовлетворенность населения маршрутами, поскольку они шли из областного центра во все востребованные районы области и имели приемлемую стоимость, что обуславливало их доступность. Из центров междугородных перевозок, какими до сих пор являются Кемерово и Новокузнецк, автобусы отправлялись в Сибирские регионы [1].

В конце 1945 г. постановлением Совнаркома СССР был создан Кемеровский автомобильный трест, который должен был обеспечивать транспортировку грузов и обслуживание пассажирских перевозок. Все это сопровождалось некоторыми

трудностями, поскольку не было поступлений новых автомобилей. Предполагалось, что подвижной состав и производственную базу новый трест получит за счёт перераспределения действовавших в разных отраслях области автомобильных подразделений. Процесс создания транспортной системы растянулся на долгие годы. Ведомства, за счёт которых должен был расти и укрепляться транспорт общего пользования, неохотно расставались со своими машинами, отдавали не самые лучшие. О гаражах и ремонтных мастерских и говорить было нечего – в то время их не было даже в лучших автохозяйствах. Таким образом, обкомы и горкомы сыграли одну из ведущих ролей в становлении системы перевозок.

Промышленно-транспортный отдел Кемеровского обкома КПСС давал справки о наличии автобусов на тот или иной год. Например, на 1 июня 1959 г. по Кемеровской области насчитывалось 1223 единицы автобусов, а ровно через год, 1 июня 1960 г., – 1438. Также обком давал характеристику готовности парка к работе, перечислял готовность министерств и ведомств [7, л. 7, 10, 12], приводил статистику ДТП – их количество и численность погибших [8, л. 26]. В протокольной части принимались постановления, касающиеся плохого качества дорог. Так, в 1962 г. бюро обкома КПСС и исполком областного совета обязывали горкомы и райкомы партии, исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся принять меры по резкому улучшению качества дорожного строительства, организации труда и повышению культуры производства [10, л. 99].

Кемеровский горком КПСС давал справки о нерабочих машинах на том или ином предприятии [9, л. 88, 91], о лучших шоферах-стахановцах и об обеспечении водителями автохозяйств [11, л. 1, 3]. Из этого видно, что партийные органы констатировали факты работоспособности предприятия, его плюсы и минусы, а также выделяла лучших работников.

С начала 1950-х гг. и до середины 1960-х гг., в Кузбассе расширяется маршрутная сеть. Об этом свидетельствует появление новых маршрутов в пригородном и междугородном сообщениях. Маршруты, которые рассматриваются в данной статье, представлены в порядке их появления.

Доступность покупки билетов обеспечивалась их приемлемой ценой: в пригородном направлении стоимость проезда составляла 71 коп., в междугороднем – 5 руб. 10 коп. Учитывая цены в Кузбассе в то время, такая стоимость, видимо, устраивала граждан, поскольку автобусное движение продолжало развиваться. Как правило, маршруты, не приносящие дохода, подлежат ликвидации, в данном же случае маршруты не закрывали. Стоимость проезда относительно заработной платы того времени была довольно приемлемой, так как наполняемость рейсов была приличной [1].

Подчеркнем, что некоторые маршруты имели идентичные направления, но разные номера автобусов, что зависело от предприятия, их организовавшего. Самыми яркими примерами служат два маршрута: № 201 «Ленинск-Кузнецкий – Кемерово», осуществлявшийся Ленинск-Кузнецким ПАТП № 1, и № 255 «Кемерово – Ленинск-Кузнецкий», осуществлявшийся Кемеровским ПАТП-1. Расстояние и стоимость проезда у них была одинаковая, но Кемеровское ПАТП № 1 данный маршрут пустило на пять лет раньше, чем Ленинск-Кузнецкое ПАТП № 1.

Ещё один пример: маршрут № 202 «Белово – Кемерово», осуществлявшийся Беловским ПАТП, и № 254 «Кемерово – Белово», осуществлявшийся Кемеровским ПАТП № 1. У них также была одинаковая протяжённость маршрута, количество рейсов в день и примерно одинаковая стоимость проезда. Отличие заключалось в том, что Беловское ПАТП примерно на полгода раньше начало осуществлять перевозку пассажиров в данном направлении.

Ещё один нюанс, который встречается на пригородных перевозках – это повторяющиеся номера маршрутов, что также зависело от предприятия. То есть маршруты разных предприятий, направлявшиеся в абсолютно разные точки Кемеровской области и за её пределы, могли иметь один и тот же номер. Это произошло в связи с тем, что на тот период времени не было единой системы пассажирских перевозок и, соответственно, предприятия не согласовывали между собой номера маршрутов. Номера давались в основном по времени появления маршрутов, то есть чем раньше он появился, тем меньший номер получал.

Также можно отметить, что междугородные маршруты формировались раньше городских и пригородных. По данным «Кузбасспассажиравтотранса», появление первого междугородного рейса относится еще к 1954 г., когда 1 июня был открыт маршрут № 201 «Тяжин – Н. Берихуль». Его протяжённость была 87 км, выделялось два автобуса на два рейса в день. Стоимость проезда составляла 1 руб. 33 коп. Появление пригородного и городского движения произошло несколько раньше – в мае 1949 г.

Постепенно появлялись маршрутные рейсы городского, пригородного и междугородного сообщения, осуществлявшие перевозку пассажиров. Большинство этих рейсов действует и по сей день. В городском направлении до сегодняшнего дня существуют следующие маршруты, которые не поменяли ни номера, ни направления движения, но поменяли количество рейсов в день (в скобках указано количество рейсов на сегодняшний день): № 101 «Вокзал – Аэропорт» (в будние дни 22 рейса, в субботу – 16, в воскресенье – 10); № 104 «Кемерово (Вокзал) – Металлплощадка» (в будние дни и в субботу – 16 рейсов, в воскре-

сенье – 10); № 105 «Кемерово (Вокзал) – Новостройка» (в будние дни 8 рейсов, в выходные – 6, и 2 рейса от вокзала до Пугачей); № 106 «Кемерово (Вокзал) – с/х «Ягуновский» (ежедневно делает по 10 рейсов); № 107 «Кемерово (Вокзал) – п. Горняк» (ежедневно делает 14 рейсов). Незначительно изменил направление маршрут № 154, который теперь движется от п/о «Прогресс» до с. Верхотомка, делая до него 8 рейсов ежедневно и 7 рейсов до Спецшколы. Существуют, но поменяли направление движения следующие маршруты (в скобках указывается современное направление движения): № 108 (Вокзал – п. Ленинградский), № 112 (д. п. «Центральный» – с/о «Парус»), № 117 (д. п. Вокзал – п. Зеленовский), № 152 (д. п. Ленинградский – с/о «Медик») и № 155 (п/о «Прогресс» – с/о «Заря»). Совсем исчезли следующие маршруты: № 102 «Кемерово – Мозжуха» (теперь этот маршрут выполняет № 103), № 151 «Рудник – ш. Бутовская» и № 153 «Рудник – ш. Волкова» [14].

Если учесть, что на автобусных маршрутах действуют льготы и проезд дешевле, то большое количество ежедневных рейсов оказывается нерентабельным. В пригородном сообщении количество автобусных рейсов в большинстве случаев увеличилось.

Развитие пассажирских перевозок связано с расширением сети дорог, а также с нуждами граждан, которым нужно было переезжать из одного города в другой [15]. Пассажирский транспорт являлся также неотъемлемой частью инфраструктуры города Кемерово. С расширением города увеличивалось число маршрутов и их протяжённость, также стало больше рейсов, которые автобусы делали каждый день. Горожане, безусловно, были этим довольны.

Маршрутная сеть способствовала развитию разных сфер жизни Кемеровской области. Например, туристам стало легче добираться до баз отдыха: в 1950 г. было перевезено 2,3 млн человек, а в 1965 г. – уже 274,8 млн [16].

На основе документов можно выделить несколько этапов становления междугородных и пригородных маршрутов. Критерием для выделения этапов служило расширение маршрутной сети – от городских до междугородных направлений. В целом автобусная маршрутная сеть охватывала следующие населённые пункты: города – Кемерово, Берёзовский, Киселёвск, Междуреченск, Мыски, Осинники и Юрга и посёлки городского типа – Ижморский, Яшкино, Тисуль, Тяжин, Итат.

1-й этап – 1951–1956 гг. На этом этапе шло становление официальной маршрутной сети Кузбасса. Первый выявленный автором полный учет всего автомобильного парка, в том числе автобусов, приходится на 1 января 1952 г. Более подробная информация о численности автомобильного парка и этапах формирования маршрутной сети Кузбасса представлена в таблицах 1, 2 и 3 (см.: 2, л. 36; 3, л. 8; 7).

Таблица 1

Рост количества автомобильного транспорта в Кемеровской области (1952–1964 гг.)

Год	Количество автомобилей	Количество автобусов	Доля автобусов (в %)
1952	20 616	142	0,7
1955	24 046	255	1,1
1957	30 704	489	1,6
1962	45 629	1 600	3,5
1964	48 536	2 090	4,3

Таблица 2

Распределение марок автобусов (1955–1964 гг.)

Модель автобуса	Количество автобусов		Вместимость (мест)
	Всего единиц	Доля от общего числа автобусов, %	
<i>1955 г.</i>			
ЗиС-155	143	60,3	23 – сидячие, 21 – стоячие
ГАЗ-651 и ПАЗ-651	42	17,7	Нет сведений
ГАЗ-03-30	41	17,3	Нет сведений
ЗиС-8 и ЗиС-16	7	3	Нет сведений
ЗиС-154	4	1,7	Нет сведений
<i>1957 г.</i>			
ЗиЛ (ЗиС)-155	280	63	28
ГЗА-651 и ПАЗ-651	165	37	18
<i>1962 г.</i>			
ПАЗ-651 и ГАЗ-51	921	62	18–20
ЗИЛ и ЛАЗ	563	38	28–32
<i>1964 г.</i>			
ПАЗ-651 и ГАЗ-51	1 036	99	18–20
ЛАЗ	11	1	32

Таблица 3

Динамика расширения автобусного парка Кемеровской области (1946–1963 гг.)

Год	Количество автобусов	Самая распространённая модель
1946	31	Нет сведений
1951	142	ГАЗ-03-30
1954	255	ЗиС-155
1956	489	ЗиЛ (ЗиС)-155
1961	1 600	ПАЗ-651 и ГАЗ-51
1963	2 090	ПАЗ-651 и ГАЗ-51

Таблица 4

Междугородное сообщение с г. Кемерово

Номер	Год открытия маршрута	Направление	Протяжённость, км	Кол-во рейсов в будний день	Кол-во рейсов в выходной день	Цена билета, руб.	Стоимость 1 км, коп.
251	1957	Новокузнецк	252,2	5	5	5,10	2
254	1963	Белово	133,1	2	2	2,70	2
255	1963	Ленинск-Кузнецкий	95,5	2	2	1,97	2
262	04.1963	Анжеро-Судженск	101,1	4	5	2,11	2
258	20.10.1964	Ст. Промышленная	66,4	12	12	1,47	2
271	20.10.1964	Ст. Промышленная	72,5				
256	1965	Крапивинский	87,8	4	6		

В указанный период времени число автобусов увеличилось практически в 3,5 раза. Количество маршрутов также увеличивается – скорее всего, из-за нужд населения, а также из-за появления зон отдыха в пригородах.

2-й этап – 1957–1959 гг. Этап охватывает время от начала междугородных перевозок до появления пригородных рейсов. Более подробная информация о численности автомобильного парка и фор-

мировании маршрутной сети Кузбасса на данном этапе см. в таблицах 1, 2 и 4 [см.: 1; 4, л. 104].

3-й этап – 1960–1965 гг. На этом этапе маршрутная сеть охватила большое количество регионов Кемеровской области. Все маршруты имели движение как по направлению в отдельный населенный пункт, так и обратно к исходной точке, были довольно удобны для пассажиров и финансово доступны. У каждого предприятия был свой

Пригородное сообщение г. Кемерово

Номер	Год открытия маршрута	Направление	Протяжённость (км)	Кол-во автобусов	Кол-во рейсов в будний/выходной день	Стоимость, руб.	Стоимость 1 км, коп.
102	05.1961	Кемерово – Топки	37	6	26/26	0,75	2
105	06.1961	Кемерово – Новостройка	19,9	1	7/7	0,26	1
104	1962	Кемерово – Металлплощадка	13,2	1	9/9	0,16	1
155	01.08.1962	Кемерово – Щегловский – Колмогорово	62	1	0/3		
152	24.10.1962	Рудник – Латыши – ст. Кедровка – Нов. Кедровка	26,3			0,36	1
154	19.12.1962	ТЭЦ Кировского – с. Верхотомка	20	1	9/9	0,21	1
151	25.10.1962	Рудник – ш. Бутовская	11,8	3	39/39	Нет сведений	
102	03.1963	Кемерово – Мозжуха	12	1	12/12	0,16	1
108	12.1963	Кемерово – с/х Октябрьский	49,6	1	4/4	0,71	1
117	06.1964	Кемерово – с/х Уньгинский	57,1	1	3/3	0,85	2
107	08.1964	Кемерово – п. Горняк	4,8	1	24/24	0,11	2
106	05.1965	Кемерово – с/х Ягуновский	13,1	1	9	0,16	1
112	1965	Кемерово – д/о ГРЭС (сезонный)	18,8	4	32/32	Нет сведений	

перечень маршрутов и их номера, не согласованные с другими организациями. Более подробная информация о численности автомобильного парка и формировании маршрутной сети Кузбасса в этот период времени см. в таблицах 1, 2, 4 и 5 [см.: 1; 5, л. 136; 6, л. 152; 8].

В данной статье авторами предпринята попытка анализа развития междугородной и пригородной маршрутной сети Кузбасса в конкретный исторический период. Из вышеизложенного и сведений, приведенных в таблице, можно сделать заключение, что в Кузбассе шел процесс непрерывного увеличения числа автобусов, что является показателем развития инфраструктуры региона. Автором было изучено порядка 20 междугородных и пригородных маршрутов, которые охватывали наиболее населенные и доступные для отдыха туристов места региона.

Библиографический список

1. Городское и пригородное сообщения в Кузбассе // Архив ГУ «Кузбасс Пассажиры Автобусов». – 1975.
2. Государственное казенное учреждение Кемеровской области «Государственный архив Кемеровской области» (далее ГКУКО ГАКО). – Ф. Р-304. – Оп. 6. – Д. 47.
3. ГКУКО ГАКО. – Ф. Р-304. – Оп. 6. – Д. 108.

4. ГКУКО ГАКО. – Ф. Р-304. – Оп. 6. – Д. 124.
5. ГКУКО ГАКО. – Ф. Р-304. – Оп. 6. – Д. 178.
6. ГКУКО ГАКО. – Ф. Р-304. – Оп. 6. – Д. 190.
7. ГКУКО ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 8. – Д. 432.
8. ГКУКО ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 9. – Д. 86.
9. ГКУКО ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 9. – Д. 91.
10. ГКУКО ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 9. – Д. 142.
11. ГКУКО ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 9. – Д. 175.
12. ЗиС-154-155, ЗиЛ-158 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oposuu.com/bus.htm> (дата обращения: 02.05.2014 г.).
13. Междугороднее сообщение в Кузбассе // Архив ГУ «Кузбасс Пассажиры Автобусов». – 1975.
14. Портал информирования пассажиров о движении наземного пассажирского транспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bus42.info/navi/schedule.php> (дата обращения: 25.05.2014 г.).
15. Батурин А.С. Перевозки пассажиров из г. Кемерово в другие города Сибирского региона и сопредельных территорий // Возможности развития краеведения и туризма Сибирского региона и сопредельных территорий: сб. науч. статей. – Томск, 2013. – С. 57–59.
16. Кузбасс. История в цифрах: статистический сборник // Росстат, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. – Кемерово: б. и., 2008. – 38 с.

Дитковская Светлана Алексеевна

кандидат педагогических наук, доцент

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

ditkovska@yandex.ua

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ (1959 г. – 1970-е гг.)

Статья посвящена формам взаимодействия украинской общественности с иностранными государствами в сфере науки и образования в эпоху социализма. Благодаря Украинскому обществу дружбы такие взаимоотношения носили массовый характер. Индивидуальные и коллективные члены секций (права, общественных наук, педагогической, медицинской и сельскохозяйственной) активно устанавливали и расширяли контакты с международными организациями в области науки и образования. Показано, что основными формами работы общества являлись: проведение вечеров, лекций, бесед, встреч, фотовыставок; работа с делегациями и туристическими группами; обмен литературой и материалами; установление связей между отдельными организациями, учреждениями, коллективами, регионами; празднование юбилейных и памятных дат. Доказано, что уникальной формой международного взаимодействия была работа Общества дружбы с иностранными студентами из социалистических и развивающихся стран, а также представителями прогрессивных организаций украинской диаспоры. Содержанием работы Общества в этом направлении являлось ознакомление студентов с советской действительностью, жизнью и культурой украинского народа. Среди основных форм работы с иностранными студентами прежде всего следует назвать проведение вечеров дружбы, лекций, бесед, встреч с учеными, деятелями культуры и искусства, передовиками производства. С гражданами США и Канады практиковалась индивидуальная работа, основными формами которой были: приглашение на учебу в УССР, контроль над обучением и организация туристских поездок по территории СРСР. Однако чрезмерная централизация, плановость, идеологизация и формализм сужали возможности продуктивного общения и выступали негативным фактором развития международных образовательных и научных контактов.

Ключевые слова: Украинское общество дружбы, международное сотрудничество в сфере науки и образования, иностранные студенты, туристические поездки, идеологизация.

Одной из определяющих черт современного общественного прогресса выступает развитие науки и образования, которые закономерно стали сферами самого активного сотрудничества, обмена опытом и выработки совместных решений на международном уровне. Однако подобного рода взаимоотношения возникли не сегодня, а исторический опыт их реализации требует от специалистов всестороннего анализа. В период социалистического развития контакты в указанных направлениях развивались в основном в рамках общественных организаций, среди которых наиболее массовой организацией международной направленности являлось Украинское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами (УОДКС). Анализ его деятельности предоставляет широкие возможности для определения направления и формы образовательного и научного сотрудничества УССР с зарубежными странами.

Исследование деятельности данной организации было инициировано в ряде научных трудов советского и современного периодов. Так, вопросами международных связей общественных организаций и их ролью в политической системе социалистического общества занимались специалисты по отечественной истории. Среди них выделяется коллективный труд «Суспільно-політичне життя трудящих Української РСР», в которой анализируется участие общественности республики в укреплении зарубежных интернациональных связей (1959–1972) [9].

Значительное внимание исследованию научных и образовательных связей стран социализма уделяли советские историки, в том числе и в УССР. Накопленный и изученный ими фактический материал можно использовать и сегодня, несмотря на его марксистско-ленинскую направленность. Прежде всего это работы известных украинских славистов И.Н. Мельниковой, И.Н. Кулинич, П.С. Соханя, М.В. Знаменской, К.А. Колосовой, В.П. Бондаря, Л.Я. Зрезарцевой, В.У. Павелко [7; 4; 5; 1; 6; 8].

Новейшая историография представлена эпизодическими исследованиями. Так, Г.П. Докашенко изучает роль организации в развитии украинно-болгарских отношений. Работы Л.П. Борисовой и О.В. Чижиковой посвящены деятельности советских Обществ дружбы и культурной связи со странами Азии [3; 2; 19]. Вопросы же УОДКС рассматриваются ими частично.

Целью статьи стало исследование форм взаимодействия Украинского общества дружбы с иностранными государствами в сфере науки и образования в эпоху социализма. Анализ имеющейся литературы дает возможность определить основные задачи: охарактеризовать формы и направления культурного, в частности образовательного и научного, сотрудничества УОДКС; проанализировать роль общественности, членов Общества дружбы.

Источниковой базой исследования являются документы, преимущественно впервые вводимые в научный оборот. Это архивные материалы Центрального государственного архива высших орга-

нов власти и управления Украины и Центрального государственного архива общественных организаций Украины, рассекреченные в 1992 г.

В период с 1959 г. до начала 70-х гг. XX в. в УССР самым массовым и авторитетным на международной арене было Украинское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами, которое входило на правах коллективного члена в состав Всесоюзного общества культурных связей с заграницей [14, л. 96]. Целью его деятельности являлось развитие и укрепление дружбы и деловых связей, взаимопонимания, доверия, культурного сотрудничества украинского народа с народами зарубежных стран [10, л. 7].

УОДКС объединяло и координировало деятельность:

- украинских отделений Обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, существующих в республике, областях, городах, районах, на предприятиях, в колхозах, учреждениях, на кораблях морского и воздушного флота, речных пароходах, а также на железнодорожных станциях и поездах транспорта УССР;

- отраслевых секций (педагогической, женской, ветеранов войны общественных наук, изобразительного искусства, театральной, музыкальной, педагогической, сельскохозяйственной, архитектурной, права, медицинской, кинематографии, литературы и искусства для детей) [14, л. 99; 16, л. 18].

Деятельность секций развивалась в следующих направлениях:

- 1) укрепление сотрудничества ученых, специалистов, деятелей науки и образования разных стран на основе профессионального единства, использование контактов и связей с ними для пропаганды идей мира и прогресса; пропаганда достижений советской экономики, науки, культуры на примере Украинской ССР;

- 2) расширение контактов с различными международными организациями в области науки и образования, активное участие в работе международных конгрессов, съездов, фестивалей, симпозиумов и выставок;

- 3) ознакомление общественности Украины с достижениями социалистических стран, с развитием экономики и науки, техники и культуры капиталистических стран; использование в советской практике достижений науки и техники зарубежных стран [17, л. 12].

Секция права проводила работу по ознакомлению зарубежной общественности с главными направлениями развития советского государства и права, юридической наукой, вела борьбу с «вредными буржуазными теориями», а также знакомила советскую общественность с жизнью зарубежных стран в отношении вопросов международной политики и международного права [18, л. 93].

Члены этой секции вели переписку с 60 видными зарубежными юристами и более чем с 20 зарубежными правовыми институтами и организациями: Институтом права Болгарской академии наук, Институтом государства и права Академии наук Венгрии, Краковским университетом в Польше, Институтом права ГДР, Лейпцигским университетом, Калифорнийским и Мичиганским университетами США, Индийским товариществом международного права и другими [18, л. 94].

Секция общественных наук принимала активное участие в работе с иностранными делегациями и туристскими группами ученых-историков, филологов, литературоведов, языковедов и экономистов, которые посещали Украину. Так, в 1964 г. гостями секции были профессор Варшавского университета Р. Гербер, профессор Бирмингемского университета Байков, румынский ученый-историк Верза, профессор Токийского университета Ясунусуми Иваю, кубинский ученый Масина, американский профессор Клаус Бергер, чешский языковед Конецкий и другие [18, л. 94].

Педагогическая секция постоянно поддерживала связь с зарубежными учреждениями и отдельными лицами: Институтом педагогики ЧССР, редакцией Чешского научно-педагогического журнала «Педагогика», Болгарским институтом педагогики (г. София), Институтом литературы Академии наук Народной Республики Болгарии, Пряшевским филиалом Братиславского института педагогики, профессором Варшавского университета Минявским и другими [18, л. 95]. В 1972 г. по просьбе чешских педагогов секция отправила в адрес института педагогики Чехословакии следующую методическую литературу: «Шевченко в школе» (пособие для учителей Н.И. Падалка), «Изучение украинской литературы в школе рабочей молодежи» (пособие для учителей), «Методика преподавания украинского языка в средней школе» С.Х. Чавдарова и В.И. Мосальского, «Развитие устного и письменного языка учащихся во внеклассной работе» Т.Е. Удод и др.

Педагогическая секция периодически организовывала в Научно-исследовательском институте педагогики УССР выставки зарубежной литературы по вопросам педагогики и народного образования, которая поступает в библиотеку института через Украинское общество дружбы [12, л. 6].

Медицинская секция осуществляла свою деятельность по расширению международных контактов не только по линии Украинского общества дружбы, но и на уровне делегаций Министерства здравоохранения УССР. Только в 1964 г. члены секции работали с 30 делегациями и 20 туристскими группами. Гости знакомились с постановкой здравоохранения в СССР, новыми методиками диагностики и лабораторных исследований, современными методами лечения и т. д.

Большая работа проводилась членами секции по популяризации советской медицины за рубежом путем участия членов секции в международных конгрессах и выступления на них с докладами. После посещения зарубежных стран члены секции выдвигали конкретные предложения по использованию полезного опыта работы и новых методов исследования.

Члены секции на протяжении длительного времени поддерживали постоянные связи с рядом научных учреждений и отдельными учеными зарубежных стран путем личной переписки, взаимного обмена научными трудами и опытом проведения научно-исследовательских работ. Прежде всего это зарубежные медицинские научные учреждения: Будапештский институт геронтологии, Пражский институт медицинской физики, Пражский институт микробиологии, Нейрофизиологическая лаборатория в Братиславе, Софийский дерматовенерологический институт (ВНР), Софийский медицинский институт (ВНР), Софийский институт гигиены охраны труда (ВНР), Медицинская академия в Дрездене, Медицинская академия в Варшаве, Онкологический институт в Бухаресте, библиотека Академии наук Румынской Народной Республики, а также 62 ученых зарубежных стран [18, л. 99–100].

Сельскохозяйственная секция среди испытанных форм связи наибольшее значение придавала личным контактам. Стоит только сказать, что за 1964 г. в Украинском обществе дружбы состоялись встречи членов сельскохозяйственной секции более чем с 50 специализированными туристскими группами, которые приезжали из ЧССР, НРБ и ГДР. Кроме того, секция принимала отдельных зарубежных ученых [18, л. 97–98].

С целью расширения сотрудничества в сфере науки и образования Украинское общество дружбы совместно с Комитетом молодежных организаций УССР и Интернациональным ответом дружбы г. Киева проводило работу с иностранными гражданами, которые учились в УССР. Общий план предусматривал проведение вечеров дружбы, лекций, бесед, встреч с учеными, деятелями культуры и искусства, передовиками производства [18, л. 73]. Главным содержанием работы Общества в этом направлении являлось ознакомление студентов с советской действительностью, жизнью и культурой украинского народа, разъяснение внешнеполитических мероприятий советского правительства [18, л. 72].

Для этого были установлены тесные контакты с землячествами студентов из Германии, Польши, Монголии, Вьетнама, латиноамериканских и африканских стран. Иностранные студенты принимали активное участие в организации и проведении вечеров, посвященных юбилейным датам, встречались с учеными, передовиками производства, деятелями культуры [18, л. 73].

Особую поддержку, можно даже сказать покровительство, Общество дружбы оказывало иностранным студентами из украинской прогрессивной эмиграции Канады и США. Основными формами работы с ними являлись: приглашение на учебу в УССР, контроль над обучением, политико-воспитательная работа и организация туристских поездок по территории СРСР.

С целью подготовки политических руководящих кадров на Украину приглашались члены зарубежных украинских прогрессивных организаций. В 1964/1965 учебном году обучалось 10 человек из Канады и 1 из США, в том числе 2 – в Высшей партийной школе при ЦК КПУ, 2 – в Киевском университете имени Тараса Шевченко, 2 – в Киевском педагогическом институте им. А.М. Горького, 5 – в Киевском институте театрального искусства им. И.К. Карпенка-Карого и Киевском хореографическом училище [11, л. 64].

Общество осуществляло строгий контроль над процессом и результатами обучения иностранных студентов. Каждый из них в зависимости от срока, на который был приглашен, обучался по индивидуальному плану, включающему обязательное изучение основ марксизма-ленинизма, а также методики и формы организационной работы [11, л. 64].

План составлялся руководством соответствующих учебных заведений с учетом пожеланий организации, направившей студента на учебу, и утверждался Президиумом Украинского общества дружбы. По завершению учебного года УОДКС проводило проверки результатов экзаменационной сессии и организовывало практики. Кроме обучения, УОДКС предоставляло таким студентам возможность ознакомления со всеми сторонами жизни Украины, организуя для них экскурсии на предприятия, в колхозы, учебные заведения [11, л. 64]. В течение учебного года во внеучебное время организовывалось регулярное посещение театров, кинотеатров, музеев и др. [14, л. 135].

Во время каникул в высших учебных заведениях для канадских студентов УОДКС организовывало туристические поездки с культурно-познавательными целями. Наиболее востребованными являлись промышленные центры республики: Сталино (Донецк), Луганск, Харьков, Запорожье, Одесса; территории исторической родины украинских эмигрантов: Черновцы, Львов, Тернополь, Закарпатье; административные и культурно-исторические центры СССР: Ленинград, Москва, Сталинград, Минск, Рига, Таллинн, Баку, Тбилиси, Сочи, Крым.

Так, в 1959 г. для 8 канадских студентов в период зимних и летних каникул были организованы поездки в Сталино, Луганск, Харьков, Черновцы, Ленинград, Москву, Сталинград, Минск, Ригу, Таллинн, Баку, Тбилиси, Сочи. Во время поездок они ознакомились с историческими памятника-

ми, достопримечательностями, промышленными предприятиями и культурными учреждениями этих городов. На майские праздники была организована поездка по Днепру на дизель-электроходе «Карл Маркс» в Новую Каховку. Они посетили Каховскую гидроэлектростанцию, новостройки, административные и жилые дома Новой Каховки. В рамках данных мероприятий для студентов были проведены лекции с целью разоблачения фальсификации украинскими националистами некоторых проблем истории Украины [14, л. 134].

УОДКС ежегодно во время летних каникул организовывало для канадских студентов туристические поездки с лечебно-оздоровительными целями. Так, в 1959 г. в соответствии с выводами медицинской комиссии для ряда студентов были организованы поездки в санаторий им. Чкалова (г. Одесса), «Хрустальный дворец» (г. Трускавец) и «Украина» (г. Гагра) [14, л. 135].

В 1961 г. во время летних каникул для 11 канадских студентов (членов ТОУК) с целью ознакомления с жизнью советского народа, с достижениями Советского Союза, в частности Украины, во всех отраслях народного хозяйства, науки и культуры, была организована поездка по Украине, во время которой канадцы посетили Харьков, Запорожье, Донецк, Луганск, Жданов, побывали в Умани и Закарпатье, а также посетили город-герой Волгоград. В упомянутых городах и областях студенты познакомились с работой и организацией отдыха трудящихся на многих предприятиях. В летний период для них был устроен отдых и лечение в санатории на южном побережье Крыма [17, л. 54].

Во время летних каникул канадские студенты имели возможность посетить своих родственников, живущих в деревнях разных областей Украины. Так, для студентки Н. Безубяк с 12 по 22 сентября 1968 г. была организована специальная поездка во Львов и Ужгород с целью подробного ознакомления с работой местных ансамблей и кружков художественной самодеятельности [13, л. 17].

Студенты, имеющие выдающиеся заслуги в учебе, значимые результаты общественной деятельности, поощрялись особым образом. Так, студенты З. Николишин, Н. Винничук и В. Герасим были приглашены для участия в работе всемирного форума молодежи в г. Москве с 25 июля по 3 августа 1961 г. [17, л. 54].

Кроме вузовской формы обучения, ежегодно УОДКС организовывало месячные курсы в Киеве для участников и руководителей танцевальных коллективов украинской диаспоры. В 1965 г. на этих курсах обучалось 10 юношей и девушек – членов Лиги американских украинцев (ЛАУ). Кроме обучения украинским народным танцам, для них был прочитан курс лекций об УССР, украинской культуре, литературе и искусстве. После возвращения на родину члены этих молодежных групп

выступали с лекциями и беседами о Советской Украине в рабочих клубах ЛАУ, среди участников художественной самодеятельности [13, л. 63].

Перед отъездом в Канаду студентка С. Нестерук заявила: «Я очень благодарна... Украинскому обществу дружбы за то, что я имела возможность учиться в Советском Союзе. Думаю, что лучшим проявлением моей благодарности будет моя работа в прогрессивном движении Канады. Я побывала также во многих городах и селах Советской Украины и Белоруссии, впечатления у меня очень хорошие. За время пребывания в Советском Союзе я приобрела много полезных знаний, научилась смотреть на события более глубоко, с марксистско-ленинской точки зрения» [15, л. 122].

Анализ архивных материалов дает возможность говорить об активном привлечении к организации научных и образовательных связей значительного количества производственных, образовательных организаций и учреждений сферы культуры, то есть о массовом характере подобного рода взаимоотношений. Однако в этом процессе, на наш взгляд, присутствовали как положительные характеристики, так и отрицательные. К первым можно отнести стремление иностранных студентов получить образование в УССР. Советская образовательная система являлась практико-ориентированной, что достигалось за счет значительного количества как коллективных, так и индивидуальных членов УОДКС. Особого внимания заслуживает уникальный опыт патронажа иностранных студентов со стороны такой массовой общественной организации, как УОДКС, что позволило придать обучению практико-ориентированный характер, формировать у иностранцев позитивное отношение к советскому народу, его достижениям, расширять их знания по истории и современной жизни республики и СССР в целом, устанавливать дружеские межнациональные контакты.

Положительной оценки заслуживает роль научной интеллигенции в развитии межгосударственных отношений, в сохранении и распространении национальных достижений, использовании лучшего зарубежного опыта. Однако чрезмерная централизация, плановость, излишняя идеологизация и формализм сужали возможности продуктивного общения и выступали негативным фактором его развития.

Библиографический список

1. *Бондар В.П.* Солідарність і дружба. – К.: Знання, 1970. – 48 с.
2. *Борисова Л.П.* Деятельность обществ дружбы народов СССР по развитию международных связей со странами Северо-Восточной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: Хабаровск, 2009. – 23 с.
3. *Докашенко Г.П.* Становлення та розвиток шкільної освіти в Болгарії після Другої світової

війни в контексті східноєвропейської історії (1944 – кінець 80-х рр.): автореф. дис. ... докт. іст. наук. – Донецьк, 2009. – 36 с.

4. *Знаменская М.В.* Дружба миллионов. – К.: Наукова думка, 1974. – 176 с.

5. *Колосова К.А.* Міжнародні культурні зв'язки України. – К.: Політвидав України, 1965. – 64 с.

6. Міцніє братня співдружність / упоряд. Л.Я. Зрезарцева. – К.: Політвидав України, 1979. – 130 с.

7. На магістралях дружби і братерства / ред. кол. І.М. Мельникова, І.М. Кулинич, П.С. Сохань. – К.: Наук. думка, 1974. – 391 с.

8. *Павелко В.У.* Дружба народів – дружба культур. Українська РСР у радянсько-чехословацькому культурному співробітництві. – К.: Наук. думка, 1973. – 187 с.

9. Суспільно-політичне життя трудящих Української РСР: у 2 т. Т. 2 / редкол.: А.Д. Скаба,

А.В. Лихолаг, О.А. Макаренко [та ін.]. – К.: Наук. думка, 1974. – 392 с.

10. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГА-ВОУ). – Ф. 5110. – Оп. 1. – Д. 1087.

11. ЦГАВОУ. – Ф. 5110. – Оп. 1. – Д. 1924.

12. ЦГАВОУ. – Ф. 5110. – Оп. 1. – Д. 2502.

13. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАООУ). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 114.

14. ЦГАООУ. – Ф. 1. – Оп. 24. – Д. 5174.

15. ЦГАООУ. – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 250.

16. ЦГАООУ. – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 426.

17. ЦГАООУ. – Ф. 1. – Оп. 24. – Д. 5588.

18. ЦГАООУ. – Ф. 1. – Оп. 24. – Д. 5992.

19. *Чижикова О.В.* Деятельность советских обществ дружбы и культурной связи со странами Азии в 60–80-е гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2009. – 27 с.

НАГРАДЫ СТРАН ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ У МОРЯКОВ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА

Статья рассматривает организацию наградной системы стран Южной Европы для русского флота. Приводятся наиболее известные награждения итальянскими, португальскими и испанскими орденами и медалями офицеров и матросов русского флота. Обозначается место иностранных знаков отличия в наградной системе русского флота. Уделяется внимание истории создания и последующего развития наиболее известных итальянских, португальских и испанских орденов. Исследуется мировая политическая ситуация в связи с происходившими вручениями наград. Многие награждения указанными знаками отличия относятся к малоизвестным страницам истории Российского императорского флота.

Кроме того, исследуется состояние иностранной наградной системы русского флота.

Ключевые слова: русский флот, ордена, медали, Италия, Португалия, Испания, офицеры.

Военно-морской флот в нашей стране традиционно являлся одним из важнейших внешнеполитических инструментов. Именно по награждениям офицеров и нижних чинов русского флота можно проследить важнейшие этапы взаимоотношений России с другими странами во второй половине XIX – начале XX вв. Экипажи кораблей русского флота участвовали в ближних и дальних походах, установлении дипломатических контактов с другими государствами, спасении иностранных судов, терпящих бедствие на море, – и все это приводило к награждению знаками отличия различных государств. Нельзя забывать и об отношении к иностранным наградам самих русских моряков, то есть одни зарубежные ордена считались в их среде престижными, другие экзотическими, а некоторые вызвали ироничное отношение и даже не носились на парадном мундире. Существовало отдельное мнение по поводу иностранных наград моряков и у официальной власти. Все иностранные ордена и медали могли носиться их обладателем только с разрешения императора, что также свидетельствовало об отношении высшей власти Российской империи к тем или иным государствам во второй половине XIX – начале XX в.

В предлагаемой научной статье мы пытаемся провести одно из первых всесторонних комплексных исследований состояния иностранной наградной системы на русском флоте во второй половине XIX – начале XX в.

Если говорить об исследовании итальянских, португальских и испанских наград, выдаваемых личному составу Российского императорского флота, надо отметить отсутствие серьезных внешнеполитических разногласий между государствами. Своим количеством на мундирах русских моряков выделялись награды Итальянского королевства. В то же время награды других стран Южной Европы оставались для русских моряков скорее экзотикой.

Королевство Португалия имело свой орден Башни и Меча (рис. 1). Его создал в 1459 г. король

Альфонс V. После длительного периода забвения орден восстановили в 1808 г. по инициативе принца-регента Жуана. Затем последовала реформация награды в 1832 г. португальским королем Педру IV. Изначально орден предназначался за выдающиеся заслуги в укреплении португальской государственности [1, с. 264]. Сам орден стал называться длинно и витиевато «Древнейший Наиблагороднейший орден Башни и Меча, Доблести, Верности и Заслуг» [14, с. 287–288]. Орден имел пять степеней: Великий крест, Командор, Великий офицер, Офицер, Рыцарь. Девиз ордена Башни и меча звучал следующим образом: «Доблесть, Верность и Заслуги». Орден давали за военные и гражданские заслуги [2, с. 156].

В 1857 г. от португальского короля орден Башни и Меча получили: Командорский крест – контр-адмирал Беренс; Офицерский крест – капитан 1-го ранга Дюгажель, капитан-лейтенант Панафидин; Рыцарский крест – лейтенант Веселаго, лейтенант Ратьков, мичман Баранов, мичман Суслов, мичман Литке, поручик корпуса морской артиллерии Пазаров, прапорщик корпуса морской артиллерии Каплуновский [4, с. 14].

Рис. 1. Большой крест ордена Башни и Меча

Одновременно король Португалии награждал золотыми медалями: гардемарина Константина Михайлова, гардемарина Александра Наитова, гардемарина Павла Новосильского, гардемарина Ивана Рогуля, гардемарина Ивана Лаврова, гардемарина Дмитрия Глинку, гардемарина Карла Гринберга, гардемарина Антона Нордмана, юнкеров флота Михаила Агафонова, Евгения Беренса [13, л. 28]. Серебряные португальские медали получили нижние чины: унтер-офицер Юрий Кримен, унтер-офицер Михаил Поляков, унтер-офицер Семен Миронченко, матрос Иван Терехов, матрос Анц Якобсен, матрос Лаврентий Ерофеев, матрос Никифор Федоров, матрос Алексей Богданов, матрос Войцех Лесник, матрос Гордон Невинский, матрос Осип Авдеев, матрос Василий Петлицын, матрос Порфирий Беляков, матрос Март Паулевич, матрос Федор Иевлев, матрос Илья Стреляев, матрос Иван Тимофеев, матрос Михаил Кожхов, матрос Феодосий Крылов, матрос Яков Орехов [4, с. 15].

Редкой португальской наградой считался военный орден Зачатия Пресвятой Богородицы. Его учредили 6 февраля 1818 г. по указанию Жуана IV. Данного ордена удостоивались все принесшие пользу португальскому королевству. Для ордена установили три степени: Большой крест, Командор и Рыцарь. В 1875 г. Командорский крест военного ордена Зачатия Пресвятой Богородицы португальский король пожаловал командиру паровой яхты «Царевна», капитану 2-го ранга Ивану Рогуле 1-му и командиру паровой яхты «Штандарт», капитану 2-го ранга Михаилу Лазареву [5, с. 7–8].

Богатую историю имел португальский военный орден Христа (рис. 2). Изначально награда обладала высшим статусом среди всех папских орденов. 14 августа 1318 г. монарх Португалии Диниш I основал знаменитый военный орден Христа, заменивший общеизвестный орден Рыцарей Храма после его расформирования [24, с. 289–290]. Покровителем военно-духовного ордена считался сам папа римский, а рыцари давали обет целомудрия, послушания и бедности [1, с. 263]. Окончательное

Рис. 2. Португальский военный орден Христа II степени

Рис. 3. Рыцарский крест ордена Святых Маврикия и Лазаря

разделение на папскую и португальскую награды произошло в 1522 г. Девиз награды: «Не нам, не вам, а имени Твоему». Военный орден Христа имел 4 степени [1, с. 156].

Кавалерским крестом этой редкой награды в 1895 г. пожаловали лейтенанта Сенявина [6, с. 5].

Весьма интересными были итальянские ордена для русских моряков. Прежде всего необходимо сказать об ордене Святых Маврикия и Лазаря (рис. 3), принадлежащем Сардинскому королевству [1, с. 126]. Он представлял собой рыцарскую награду Савойского дома, а затем и итальянского королевства. Орден возник в результате слияния рыцарской награды Святого Маврикия и знака помощи прокаженным Святого Лазаря в 1572 г. по приказу герцога Эммануила Фальберга Савойского [14, с. 210–211]. Оба ордена были основаны в иерусалимском королевстве еще в 1090 г. Орден включал пять степеней: Большой крест, Командор, Великий офицер, Офицер, Рыцарь.

В 1857 г. король Сардинии пожаловал Командорский крест ордена Святых Маврикия и Лазаря контр-адмиралу Беренсу, капитану 1-го ранга Веймарну и Гранд-офицерский крест лейтенанту Кроуну 2-му. В 1873 г. происходит массовое награждение русских моряков орденом Святых Маврикия и Лазаря. Командорский крест получили командир пароходфрегата «Рюрик», капитан-лейтенант Бойль 2-й, командир клипера «Жемчуг», капитан 2-го ранга Геркен, командир парохода «Эриклик», капитан-лейтенант Гор; Офицерский крест – старший судовой врач клипера «Жемчуг», надворный советник Трамбецкий, старший судовой врач пароходфрегата «Рюрик», надворный советник Облачинский, младший судовой врач парохода «Эриклик», надворный советник Кнорре. 7 ноября 1875 г. Командорский крест ордена Святых Маври-

кия и Лазаря вручили начальнику отдельной съемки Онежского озера, полковнику корпуса флотских штурманов Андрееву 1-му. В 1901 г. Кавалерский крест ордена Святых Маврикия и Лазаря дали старшему офицеру мореходной канонерской лодки «Кореец», капитану 2-го ранга барону Радену.

Важной итальянской наградой был неаполитанский орден Святого Георгия и Союза. По одной из версий истории ордена его учредил в 317 г. не кто иной, как император Рима Константин I. Достоверно известно, что орден учредил пармский герцог Франц I Фарнезе приблизительно в 1697–1699 гг., купивший данное право у человека, выдававшего себя за последнего представителя императорского рода Комнинов. После прекращения рода Фарнезе в XVIII в. право на орден перешло к королевству Двух Сицилий (Сицилия и Неаполь). Девиз ордена: «Сим знаменем побеждай». Награда имела три степени: Большой крест, Рыцарь, Капеллан [14, с. 209–210].

В 1857 г. Офицерский крест ордена Святого Георгия и Союза неаполитанский король вручил за спасение экипажей двух итальянских судов, погибавших в Мессинском порту, командиру винтового фрегата «Полкан», капитану 2-го ранга Юшкову, лейтенанту Бефали 2-му, лейтенанту Брылкину 2-му.

Важной итальянской наградой был орден Короны (рис. 4), тоже имевший богатую историю [1, с. 127]. Он появился в период наполеоновских войн при занятии Италии французскими войсками 6 июня 1805 г. и ознаменовал коронацию Наполеона I. Девиз ордена тогда звучал угрожающе: «Бог мне ее вручил, горе тому, кто ее коснется». После распада империи Наполеона Италия отошла к Австрии, но орден короны прижился и при Габсбургах под девизом «Унаследовал и приумножил» [14, с. 216].

Следующим этапом в истории ордена Короны стало его утверждение в 1868 г. королем Италии Виктором Эммануилом II. Награда давалась военным и гражданским служащим, совершившим благой поступок во славу Италии. Орден Короны имел пять степеней: Большой крест, Гранд-офицерский

Рис. 4. Гранд-офицерский крест ордена итальянской Короны

крест, Командорский крест, Офицерский крест и Рыцарский (кавалерский) крест.

В 1871 г. Гранд-офицерский крест ордена итальянской короны вручили командиру яхты «Забава», капитан-лейтенанту Неваховичу. В 1873 г. орденом итальянской короны наградили большую группу офицеров русского флота. Большой крест получили начальник отряда судов в Средиземном море, свиты Его Величества, контр-адмирал Бутаков 2-й; товарищ министра финансов, состоящий по морскому ведомству, генерал-лейтенант Грейг. Командорский крест – старший офицер клипера «Жемчуг», лейтенант Бауер; сташий офицер пароходофрегата «Рюрик», лейтенант Миллер 2-й; старший офицер парохода «Эриклик», капитан-лейтенант Григораш 3-й. Офицерский крест – старший флаг-офицер, лейтенант Алексеев 1-й; вахтенный начальник клипера «Жемчуг», лейтенант Мазуров 1-й; вахтенный начальник клипера «Жемчуг», лейтенант Макаров 2-й; вахтенный начальник клипера «Жемчуг», лейтенант Боиль 6-й; вахтенный начальник клипера «Жемчуг», лейтенант Шишмарев 2-й; вахтенный начальник пароходофрегата «Рюрик», лейтенант Герарди; вахтенный начальник пароходофрегата «Рюрик», лейтенант Иванов 6-й; вахтенный начальник пароходофрегата «Рюрик», лейтенант Кирсанов; вахтенный начальник парохода «Эрликлик», лейтенант Мартыно; мичман, барон Лаудон. Кавалерский крест – подпоручик корпуса морской артиллерии Кулаков; поручик корпуса флотских штурманов Дуркин 1-й; подпоручик корпуса инженер-механиков Олюнин 2-й; штабс-капитан корпуса флотских штурманов Абжелтовский; поручик корпуса инженер-механиков Козлов; вахтенный начальник парохода «Эрликлик», лейтенант Варунов; вахтенный начальник парохода «Эрликлик», мичман Писаревский; поручик корпуса флотских штурманов Ситницкий; капитан корпуса инженер-механиков Васильев 1-й [3, с. 10].

7 октября 1875 г. Командорский крест ордена итальянской короны пожаловали флаг-офицеру средиземноморского практического отряда судов, лейтенанту 4-го флотского экипажа Алексееву 1-му. Затем, в 1901 г., Кавалерский крест ордена итальянской короны получил лейтенант фон Ден 2-й, а в 1907 г. Офицерский крест ордена итальянской короны дали старшему офицеру эскадренного броненосца «Иоанн Златоуст», лейтенанту графу Капнисту [9, с. 14]. Затем, в 1908 г., Кавалерский крест ордена итальянской короны вручили мичману Ключареву и мичману Шейх-Ашери [11, с. 7].

В 1897 г. состоялось награждение русских моряков итальянской медалью «За воинскую доблесть». Награда была основана 21 мая 1793 г. итальянским королем Виктором Амадеем III и имела три степени – золотую, серебряную и бронзовую. Серебряную медаль вручили лейтенанту Хельстрему, а бронзовые медали дали фельдшеру Леониду Ладыгину,

матросу Михаилу Дуленову, матросу Федору Чопорухину и матросу Василию Аксенову [7, с. 17]. Бесспорно, ценен сам факт массового награждения итальянской медалью нижних чинов русского флота.

Одними из наиболее редких наград для офицеров российского флота были испанские. Орден Военно-морских заслуг в 1866 г. основала королева Изабелла [14, с. 262]. Награда имела четыре степени и обратную нумерацию [2, с. 110], то есть первая степень являлась последней.

В 1897 г. орден Военно-морских заслуг 1-й степени пожаловали морскому агенту в Японии, лейтенанту Чагину [8, с. 12]. Затем в 1900 г. состоялось массовое награждение орденом Военно-морских заслуг экипажа мореходной канонерской лодки «Храбрый»: младший врач, коллежский асессор Сидоров – I степени; мичман Стронский 5-й – I степени; помощник старшего механика Максимой 2-й – I степени; старший офицер Кросс – II степени; командир корабля, капитан 2-го ранга Воеводский – III степени [9, с. 10–11]. В том же году высшую степень ордена Военно-морских заслуг, то есть Большой крест, вручили главному командиру кронштадтского порта и военному губернатору Кронштадта, легендарному русскому флотоводцу, вице-адмиралу С.О. Макарову.

В 1901 г. испанский орден Военно-морских заслуг получила группа врачей российского флота: главный доктор и медицинский инспектор Санкт-Петербургского военно-морского госпиталя, почетный придворный медик, действительный статский советник Рамбах – Большой крест; помощник главного доктора Санкт-Петербургского военно-морского госпиталя, почетный придворный медик, статский советник Зуев – орден II степени; старший врач гвардейского флотского экипажа, статский советник Бертенсон – орден II степени. Затем орден Военно-морских заслуг пожаловали адмиралам и офицерам флота: начальник главного Морского Штаба, вице-адмирал Авелан получил Большой крест; командир миноносцев 17-го флотского экипажа, капитан 2-го ранга Иванов 2-й – II степени; старший офицер учебного судна «Европа», лейтенант Ивановский 2-й – I степени; лейтенант Дурново 1-й – I степени; лейтенант Постельников 1-й – I степени; лейтенант Остелецкий 1-й – I степени; старший помощник инженер-механика Меньшов – I степени [12, л. 29].

Надо отметить, что Италия, Испания и тем более Португалия не имели с Российской империей каких-либо серьезных внешнеполитических разногласий. Отсюда значительное количество итальянских наград на мундирах русских моряков. Дело в том, что Италию достаточно часто посещали русские эскадры и одиночные корабли флота во время средиземноморских и кругосветных плаваний. Обилие подобных заходов в итальянские порты и привело к массовой раздаче итальянских

орденов и медалей. Хотя награды Испании и Португалии для русских морских офицеров можно назвать более редкими из-за нечастых международных контактов между странами. Между прочим, в странах Южной Европы часто производились награждения не только адмиралов и офицеров, но и нижних чинов русского флота.

Собственно, редкость награждений и привела к ценности испанских и португальских орденов для адмиралов и офицеров Российского императорского флота во второй половине XIX – начале XX в. К тому же Испания и Португалия представляли собой страны с легендарными военно-морскими традициями, что делало привлекательными их награды для моряка с профессиональной точки зрения.

Таким образом, страны Южной Европы во второй половине XIX – начале XX в. внесли весомый вклад в создание иностранной наградной системы Российского императорского флота. В то же время ордена и медали Италии, Португалии и Испании носили скорее декоративный характер, служа делу поддержания порой не частых международных контактов. Однако в Италии во второй половине XIX – начале XX в. можно отметить несколько случаев массового награждения орденами и медалями моряков Российского императорского флота.

Библиографический список

1. Безруков М.П., Туровский А.Е. Награды мир. – Тула: Гриф и К., 2013. – 404 с.
2. Гусев И.Е. Награды, ордена, медали России, СССР, мира. – М.: АСТ. – 2014. – С. 256.
3. О пожаловании иностранными орденами // Морской сборник. – 1873. – № 7. – С. 10–11.
4. Пожалование иностранными орденами // Морской сборник. – 1857. – № 11. – С. 14–15.
5. Пожалование иностранными орденами // Морской сборник. – 1875. – № 9. – С. 7–8.
6. Пожалование иностранных орденов // Морской сборник. – 1895. – № 11. – С. 5–6.
7. Пожалование иностранных орденов // Морской сборник. – 1898. – № 1. – С. 17–18.
8. Пожалование иностранных орденов // Морской сборник. – 1898. – № 2. – С. 11–12.
9. Пожалование иностранных орденов // Морской сборник. – 1900. – № 11. – С. 10–11.
10. Пожалование иностранных орденов // Морской сборник. – 1907. – № 1. – С. 14–16.
11. Пожалование иностранных орденов // Морской сборник. – 1908. – № 7. – С. 7–8.
12. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. 224. – Оп. 1. – Д. 118. – Л. 29.
13. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. 417. – Оп. 5. – Д. 2007.
14. Философов И.Ю. Энциклопедия орденов и медалей Европы. – Ростов н/Д: Владис. – 2010. – 480 с.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ИСТОРИИ В СВЕТЕ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ (на примере эпических поэм Гесиода и Гомера)

На основе текстологического анализа эпических поэм «Труды и дни» Гесиода, «Илиады» и «Одиссеи» Гомера в статье раскрыты духовно-нравственные причины исторического процесса, которые в сознании людей того времени всегда преобладали над экономическими, политическими, социальными и культурными факторами. Показано, что моральная деградация троянцев и ахейцев стали важнейшей причиной как гибели Илиона, так и уничтожения всего рода героев, наступления цивилизации «железного века».

Ключевые слова: Азия, Европа, античная мифология, Священное Писание, Троянская война, герои, геополитика, Илион, Троя, мораль, нравственность, полубоги, история.

Сегодня мировая цивилизация находится в состоянии системного кризиса, который сопровождается насилием, войнами, революциями, террористическими актами. В этой связи необходимо осмыслить экономические, политические, социальные и духовно-нравственные основания приближающейся мировой катастрофы. Но для философии истории особенно важно выделить первопричины, которые определяют характер всех этих негативных процессов в их совокупности. В настоящее время существуют разные подходы в понимании данной проблемы.

В XIX–XX веках материалистическая философия (особенно это касалось марксизма) пыталась объяснить процесс исторического развития общества, исходя преимущественно из объективного экономического фактора, из развития материального производства. Поэтому и в современной исторической науке и социологии при оценке движущих сил общества долгое время повсюду преобладал дух «экономических предпосылок», в то время как субъективная сторона, религиозные, нравственные и психологические факторы, столь важные для понимания деятельности и жизни человека, в значительной мере упускались. Можно сказать, что сама жизнь вынудила изменить вектор научного поиска причин и закономерностей развития общества от преимущественного анализа экономических релей в сторону духовной жизни человека. В этой связи и предложена к рассмотрению античная мифологическая концепция исторического процесса, наполняющая глубоким гуманистическим смыслом «мертвый материал истории» [3] и раскрывающая тайную пружину исторического процесса.

Тем не менее, поскольку античная мифология долгое время рассматривалась как наивная детская сказка, постольку она вызывала интерес лишь у филологов, анализирующих художественный мир античной мифологии [1; 10; 21; 22; 26; 27, 28] и, в частности, ее влияние на искусство и культуру [18]. Лишь в последнее время появился ряд статей, в которых изучалась природа и личность гомеровских героев с психологической точки

зрения [12; 13; 14; 15]. Значительно меньше в отечественной науке исследовались историософские представления античной мифологии [18; 20]. В данной статье будет осуществлена попытка осмысления нравственных оснований исторических событий, влияния человеческого фактора на ход истории на материале поэм Гесиода и Гомера. Мифология, являясь наиболее ранней формой мировоззрения и познавательной деятельности человека, с помощью художественных образов позволяет увидеть субъективную сторону истории, которая обычно ускользает от научного анализа, связанного с поисками объективных закономерностей в природной и общественной жизни [24].

Люди вступают между собой в разнообразные отношения: политические (по поводу власти), экономические (по поводу производства, распределения и потребления товаров, собственности на средства производства), правовые (по поводу законности и поддержания общественного порядка), семейные (для продления рода). Древние греки интуитивно чувствовали и всячески демонстрировали в мифе главенство моральных отношений в космической жизни. Дело в том, что само слово космос означало закон, меру, порядок. А поскольку космос населен разумными существами (как считали в античности, богами, демонами, героями и людьми), способными к самоопределению и свободному выбору Добра и Зла, то всеобщая космическая гармония, лад и строй мира напрямую зависят от нравственного вектора их деятельности, пронизывающего всевозможные стороны бытия. Если моральный закон не соблюдается, то космос разрушается и превращается в хаос. Подобное объяснение причин исторических событий прослеживаются не только в античной мифологии, но и в Священном Писании, к примеру, в истории убийства Авеля Каином [4, Быт 4:10–12] и последующей духовной борьбы двух человеческих родов, каинитов и сифитов [24, с. 101–112].

Гесиод в «Трудах и днях» рисует первую в европейской культуре мифологическую картину регрессивного исторического процесса, интерпрети-

руя его как постепенную и неуклонную моральную деградацию человеческих родов. Последовательно сменяют друг друга золотой, серебряный, медный, героический и, наконец, железный род людей.

По мнению Гесиода, люди первого поколения, созданные Кроносом, по своему устройству грешить не могли и потому оказались самыми счастливыми, «горя не зная, не зная трудов», «умирали, как будто объятые сном» [7, с. 113–116]. Серебряный род был «уж много похуже», «ибо от гордости дикой не в силах были они воздержаться, бессмертным служить не желали» [7, с. 127–135]. Однако самое ужасное было медное поколение, возлюбившее «грозное дело Арья, насильщину» [7, с. 146]. Героический род, или племя полубогов, был несколько «справедливей прежних и лучше» [7, с. 158]. Но и «их погубила война и ужасная битва» [7, с. 161]. Последнее, железное, поколение людей, при котором жил Гесиод, характеризуется полным отсутствием стыда, совести и любви между людьми, нарушением всех базовых нравственных заповедей (почитание богов и родителей, закон гостеприимства, запрет клятвопреступления). Гесиод подчеркивает, что в его время все моральные ценности полностью извратились, «где сила, там будет и право» [7, с. 163]. Зевс погубит и это поколение людей. В Священном Писании мотивация аналогичная: Господь истребляет людей допотопной цивилизации по причине их великого развращения, ибо «все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» [4, Быт. 6:5].

Итак, каждое поколение людей отличалось от предшествующего глубиной и силой морального падения, которое с неизбежностью приводило к разрушению природного и социального миров. Поэтому встает вопрос, какова же причина моральной деградации людей разных эпох? Античная мифология прямо не формулирует ответ на этот вопрос. Много позднее Платон увидит причину моральной деградации людей медного века в двух факторах, первый из которых связан с первоначальной порчей человеческой природы. Библия говорит о ней как о «первородном грехе». Порча проявлялась в разбалансировке творческих способностей, которые люди получили от Прометея (ведь именно он украл с Олимпа огонь – символ разума и творчества), и морального закона, которые передал им Зевс через Гермеса с целью научить их жить слаженной общественной жизнью. Ибо не научно-техническим прогрессом жив человек, а чистой совестью, добрыми отношениями с людьми и верой в Бога. Эта порча спровоцировала их духовный выбор в пользу самоутверждения. Люди возгордились своим умом и силой, возлюбили войну, междоусобицу и стали уничтожать друг друга [23, с. 24–25]. Как сказано в Священном Писании, «люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» [4, Ин. 3:19].

Важно отметить, что поздняя античность ожидала в конце времен возвращения золотого века или царства Кроноса (в римской мифологии Сатурна). В Римской империи даже раз в году в декабре отмечался радостный праздник ожидания будущего века – сатурналии, когда рабы становились свободными, все преподносили друг другу подарки, совершали совместные трапезы и вели вольные речи. Но при этом некоторые люди хорошо понимали, что возрождение золотого века обычными человеческими силами неосуществимо. Вергилий в «Буколиках» в эклоге 4 предсказывал, что вскоре с небесных высот снизойдет долгожданный чудесный Младенец, который положит конец «ненавистному веку железа» [6, Буколики]. С повсеместным распространением христианства пророчество Вергилия связали с Христом.

Гомер рассматривает проблему нравственной детерминации истории в «Илиаде» на примере Троянской войны, ставшей завершающим событием героического века. Троянская война – центральный архетипический сюжет древнегреческой мифологии, который может стать образцом, моделью для понимания многих последующих исторических событий человеческой истории. Если сегодня для объяснения революций, локальных и мировых войн пытаются прежде всего найти экономические и политические основания, считая, что именно там кроются истинные причины классовых, национальных и международных конфликтов, то древние греки, не отрицая материального интереса, на первое место ставили духовно-религиозные и этические факторы. Поэтому начало Троянской войны Гомер объяснял волей верховного бога Зевса, реагировавшего на аморальное поведение людей героического рода. В «Илиаде» поэт-сказитель недвусмысленно говорит, что «совершалась Зевсова воля» [9, Илиада, I 5], пожелавшего «уменьшить бремя земли» [28, с. 528–530]. Но поскольку Зевс любил героев за воинские подвиги, то захотел расстаться с ними красиво, дав им возможность прославиться на века. Аполлодор комментирует: «это было сделано Зевсом с целью возвеличить род полубогов» [2, Э III 1]. Их наказание становится способом их увековечивания.

В чем же состояло это бремя Земли? В тексте «Илиады» можно найти несколько упоминаний о «бремени земли», имеющих как психологический, так и духовно-нравственный смысл. Например, Ахиллес упрекает себя за то, что невольно способствовал гибели своего любимого друга Патрокла и своих подчиненных. Герой говорит о себе, что он – «земли бесполезное бремя» [9, Илиада, XVIII 104]. В данном случае речь идет о муках совести Ахиллеса. Он сильно переживает, что сидит в лагере и ничего не делает, а его боевые товарищи и друзья по оружию в это время погибают в сражении. Но вряд ли из-за этих переживаний героя

Земля несла какое-то особо тяжкое бремя. Нет, выражение «бремя земли» имеет не психологический, а более глубокий – религиозный, духовно-моральный смысл.

Речь идет о том, что прародительница жизни Мать-Земля устала от бесконечных нравственных преступлений, творимых четвертым родом людей, героев, или полубогов, – злодеев, родичеубийц и богоборцев [1, с. 18]. Она стонет, болеет, страдает, взывает о помощи в своей молитве к Зевсу. Поэтому-то Троянская война и стала небесной карой людям за их смертные грехи (на современном научном языке – за дела людей, породившие экологический и антропологический кризис).

Зевс, не раз наказывающий род человеческий за проступки (можно вспомнить Девкалионов Потоп), и в этот раз услышал мольбу Геи и свершил свою волю – пожелал «уменьшить бремя земли», уничтожив героев, которые встали по ту сторону добра и зла в погоне за личной славой.

Для воплощения своего замысла в жизнь Зевсу потребовалась ситуация, которая бы спровоцировала войну, стала формальным поводом к ее началу. Таким событием стало «яблоко раздора»: первый «конкурс красоты» и последующее похищение спартанской красавицы Елены троянским царевичем Александром (Парисом). Коварно похитив жену Менелая Елену, Парис обрек себя, своих родственников и всех троянцев на гибель в сражениях первой мировой войны между Европой и Азией.

Конечно, существовало множество самых разнообразных экономических, материально-технических, политических и военных условий завоевания Трои, которые греки постарались учесть. Речь, к примеру, идет и о выполнении главного правила военного искусства – достижении втроекратного численного превосходства греков над троянцами, и о новой тактике боя, предложенной старцем Нестором, и о многом другом [24, с. 113, 189]. Но решающим фактором всегда оказывалась нравственная мотивация людей, которую Гомер постоянно соотносит с последними смыслами бытия, напоминая о высшей последней Правде. Поэтому все эти объективные условия были необходимы, но недостаточны для взятия Трои штурмом. В конечном счете в «Илиаде» всегда побеждает тот, за кем нравственная Правда. Как в свое время сказал св. блгв. князь Александр Невский, «не в силе Бог, а в правде!», что имеет не только политический, но глубокий историософский смысл.

В этом плане и следует трактовать всю историю Троянской войны от начала и до конца. К примеру, троянским жрецом Геленом было предсказано, что для победы грекам необходимо наличие в войске костей деда Агамемнона и Менелая Пелопса, которые и были доставлены под стены Трои из храма Артемиды в городе Писы. В жизни рано или поздно должна восторжествовать нравственная Правда:

герой, несправедливо выгнанный в свое время царем Илом из Трои, хотя бы после смерти должен был получить моральное удовлетворение за прошлое оскорбление. Здесь действует духовный закон возмездия, говорящий, что любое событие в моральной сфере рано или поздно должно иметь достойное завершение – «око за око, зуб за зуб».

Или было предсказано, что безопасность Трои зависит от сохранности гробницы царя Лаомедонта, которая располагалась снаружи городских стен у Скейских ворот [9, IV Приам]. Во время войны троянцы сами разрушили эту гробницу, пытаясь ввести в город деревянного коня, и тем самым приблизили свой конец. В данном случае троянское благочестие (уважение предков) было побеждено их собственным тщеславием и гордостью (желанием личной славы), которые и привели их к гибели.

С другой стороны, гордость мешала не только троянцам отстоять свой город, но и ахейцам победоносно завершить войну. Взять штурмом Трою было в принципе невозможно – его стены строили олимпийские боги Посейдон и Аполлон, наказанные Зевсом за участие в мятеже Геры. А то, что имеет божественное основание, то неразруσιμο. Гомер специально противопоставляет эти стены Трои «гордому зданию данаев» – тем оборонительным сооружениям, которые были возведены ахейцами вокруг их лагеря для защиты. Он говорит: «Не по воле бессмертных воздвигнуто было здание то, и не долго оно на земле уцелело...» [9, Илиада, XII 8–9]. Зевс, Посейдон и Аполлон за девять суток уничтожили рукотворное строение людей, возведенное без благословения богов и поэтому не имевшее твердой опоры. Эта мысль Гомера перекликается с псалмом прор. Давида: «Камень, который отвергли строители, сделался главою угла: это – от Господа, и есть дивно в очах наших» [4, Пс. 117:22–23].

Отсюда понятно, что для взятия Трои нужна была некая военная хитрость, уловка, которая должна была использовать внутренние душевные и нравственные слабости самих троянцев. Этой уловкой стал «троянский конь». Реконструируем ситуацию и попробуем понять замысел греков. Имитируя снятие осады, греки должны были бы оставить под стенами Трои нечто такое, что троянцы приняли бы в качестве дара и сами внесли в город. Скорее всего, эту роль должно было сыграть некое подношение, затрагивающее главные струны души троянцев.

Известно, что Троя издревле славилась своими конями [9, Илиада, V 551], которые вели свое происхождение от бога Борея – оборотня, умевшего принимать вид коня [9, Илиада, XX 219–229]. Позднее сын Эрихтония Трос получил от Зевса в утешение за похищенного Ганимеда еще одну пару божественных коней, ставших предметом особой гордости троян и вожделия многих ахейских воинов [9,

Илиада, V 265–270]. Возможно, поэтому конь и стал для троянцев одним из самых почитаемых животных, указывая на их древнюю связь с богами. Конь стал символом силы и могущества троянцев. В «Илиаде» Гомер много раз называет троянских героев «укротителями коней» [9, Илиада, I 11, I 152, VII 361, VIII 516], «конеборцами» [9, Илиада, III 251, VI 461, VII 71, 110, 426, IX 220].

Отсюда становится ясно, почему ахейские воины оставили в качестве подарка под стенами Трои именно деревянного коня, учитывая душевную уязвимость данайцев. А дарственная надпись, сделанная на боку коня богине Афине, лишь усиливала этот эффект. На коне было написано: «Благополучно возвратившись домой, эллины посвятили это благодарственное приношение богине Афине» [2, Э. V 15], почитаемой троянцами в облике Афины-Паллады. Псевдопереребчик Синон сумел внушить троянцам, что этот дар Афине всегда будет охранять их город от всяких напастей вместо похищенного Палладия [5, II 162–175].

Что делать с таким «подарком»? Жители города разделились во мнениях: первые советовали сбросить коня в море, вторые хотели его разрушить, третьи – везти в город и поставить на Акрополе как примирительную жертву [5, VIII 507–509]. После длительных споров троянцы внесли деревянного коня в город и установили в священном месте у дворца Приама. Это стало началом конца. Ночью греки вышли из коня, перебили охрану, впустили войско, подожгли и разграбили город [9, Одиссея, VIII 493–520]. Троя пала ориентировочно в 1184 году.

Троянцам отстоять город помешало тщеславие, ослепившее их разум и не позволившее им видеть все события в истинном свете. Ап. Павел отмечает, что, когда иудеи «читают Моисея, покрывало лежит на сердце их» [4, 2 Кор. 3:15] и поэтому они никогда не смогут понять истинного смысла Священного Писания. Видимо, в истории с троянским конем дарданцы высокомерно считали, что именно таким символическим образом греки и должны были засвидетельствовать свое поражение, как-то его публично признать.

История героев закончилась их самоистреблением под стенами Трои. Согласно Дарету Фригийскому, всего погибло 886 тысяч греков и 676 тысяч троянцев [11]. Троя была разрушена от пожара, а мужское население полностью вырезано ночью, за исключением Энея, получившего от богов указание бежать из горящей Трои, чтобы возродить её славу в другом месте [2, Э V 21].

Итак, античный миф является попыткой человека познать природу космоса, законы его существования и место человека в нем. Миф свое знание выражает не в религиозных догмах, научных понятиях, категориях и теориях, а в особой художественной форме, позволяющей, с одной сторо-

ны, указывать на внутренний нравственный смысл того или иного события и, с другой стороны, вызывать у читателя эстетическое чувство наслаждения или отвращения. Этим объясняется тысячелетний интерес к мифам и их магия.

Самое важное знание в мифе то, что Космос основан на определенных нравственных законах, следование которым обязательно для всех разумных и свободных существ, богов, демонов, героев и людей. Сами нравственные правила в мифе четко не сформулированы, но представлены через поведение людей в многообразных конкретных ситуациях. Античная мифология учит, что первопричиной исторических событий, в частности военных конфликтов, являются эгоистические интересы людей, ради удовлетворения которых они готовы идти на различные моральные преступления. Главный закон истории – закон неотвратимого наказания и возмездия за нравственные преступления, избежать которого никто не в состоянии. Экономические, политические и социальные основания истории имеют место, но зависят от моральной детерминации поведения людей, вектора их воли к самоутверждению и личной славе. Античный миф настроен пессимистично, там можно найти всего лишь несколько человек, которые пошли против общего течения. Это благочестивый Эак, мудрый Нестор и троянский царевич Эней, родоначальник династии, заложившей основание Рима. В целом, ситуация хорошо описывается словами прор. Давида, жившего примерно в одно время с Гомером и Гесиодом: «Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни единого» [4, Пс. 13:3].

Библиографический список

1. Авдеенко Е.А. «Античная культура» в современной классической гимназии // *Опыты православной педагогики* – М.: Русский хронограф, 1999. – С. 3–134.
2. Аполлодор. Мифологическая библиотека. – М.: Наука, 1993. – 215 с.
3. Бердяев Н.А. *Смысл истории*. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
4. Библия. – М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1988. – 1008 с.
5. Вергилий. Энеида. – М.: Лабиринт, 2001. – 288 с.
6. Вергилий. Сельские поэмы. Буколики и Георгики. – М.; Л.: Academia. – 167 с.
7. Гесиод. Труды и дни // *Полное собрание текстов*. – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с.
8. Гигин. Мифы. – СПб.: Алетейя, 2000. – 480 с.
9. Гомер. Илиада. Одиссея. – М.: Худ. литература, 1967. – 767 с.
10. Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. – Тбилиси: Тбил. ун-т, 1978. – 394 с.
11. Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. – СПб.: Алетейя, 1997. – 300 с.

12. *Зелинский Ф.Ф.* Гомеровская психология. Из трудов разряда изящной словесности РАН. – Пб., 1922. – 40 с.
13. *Котенева А.В.* Феномен психологической защиты в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2014. – Т. 20. – № 2. – С. 31–34.
14. *Котенёва А.В.* Понятие духовности в эпических поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2015. – Т. 21. – № 3. – С. 43–47.
15. *Котенёва А.В.* Феномен страсти (на материале эпических поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2015. – Т. 21. – № 1. – С. 57–60.
16. *Котенёва А.В.* Печаль и горе: пути и способы их преодоления (на материале эпических поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2013. – Т. 19. – № 4. – С. 152–155.
17. *Лосев А.Ф.* Гомер.– М.: Молодая гвардия, 2006. – 416 с.
18. *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. – М.: Наука, 1977. – 207 с.
19. *Менар Рене.* Мифы в искусстве. – М.: Современник, 1996. – 272 с.
20. *Петрушевский Д.М.* Общество и государство у Гомера. Опыт исторической характеристики. – М., 1913. – 60 с.
21. *Тахо-Годи А.А.* Герой // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 294–297.
22. *Толстой И.И.* Аэды: Античные творцы и носители древнего эпоса. – М.: Наука, 1958. – 63 с.
23. *Чельшев П.В., Чельшева П.В., Котенева А.В.* Очерки по социальной философии: утопическая мысль от древности до наших дней. – М.: МГГУ, 2012. – 352 с.
24. *Чельшев П.В., Котенева А.В.* Очерки по истории мировой культуры: боги и герои античной мифологии: учеб. пособие. – М.: МГГУ, 2013. – 351 с.
25. *Чельшев П.В.* Античный миф как особая форма познания // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 8. – С. 91–92.
26. *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности – М.: Восточная литература, 1998. – 800 с.
27. *Шталь И.В.* Художественный мир гомеровского эпоса. – М.: Наука, 1983. – 296 с.
28. *Ярхо В.Н.* Троянская война // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 528–530.

**ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ
В РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ**

Необходимость духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения все шире осознается гражданами России. В данной статье показывается, как постепенно, начиная с 1990-х годов, в нашей стране росло влияние церкви на жизнь общества, отмечается опыт взаимодействия церковных и светских учреждений в деле приобщения молодежи к истокам Православной культуры, воспитанию на традициях добротворчества и гуманизма. В статье обращается внимание на ряд знаменательных событий в жизни церкви новейшего времени, подчеркивается, что мнение священников стало играть в обществе все большую роль, что Русская Православная Церковь, начиная с 1990-х годов, активно включилась в процесс становления гражданского общества. Также автор обращается к вопросам преподавания Основ православной культуры, на примере города Ногинска делает вывод о важности и значимости этого предмета.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, основы православной культуры, Русская Православная Церковь, государство, школа, преподаватели, подрастающее поколение.

Важнейшим фактором развития духовно-нравственного потенциала в России в конце XX века и начале XXI века является православная цивилизация. Мы видим, что сегодня возрождаются традиции, сформированные тысячелетней культурой, православием. Наше общество постепенно осознает те стороны русской жизни, которые составляют ее основу, которые в сложное время безверия подспудно хранил русский народ. Речь в данном случае идет о способности русских людей жить миром, «соборно», пренебрегать собственными вопросами ради разрешения глобальных общественных проблем. Эти заветы должны быть сохранены как лучшая национальная основа, способствующая правильному пониманию своей веры, религии, своеобразию русской жизни как явления особенного, но отнюдь не исключительного и не противопоставленного жизни всего общества.

1990 годы были переломными в истории не только государственности, но и духовной жизни общества СССР. В мае 1990 года умер Пимен – Патриарх Московский и всея Руси. На нового Патриарха, Алексия II (Ридигера), избранного на Поместном Архиерейском соборе, была возложена огромная миссия. Советский Союз переживал мучительный процесс распада. Политики разрывали многонациональные вековые связи. Вместо дружбы народов стала появляться пропаганда ненависти к другим национальностям. Общественная нравственность, на которой была основана официальная идеология, деградировала. Народ дезориентировался, вакуум заполнялся заокеанскими проповедниками, тоталитарными сектами, авантюристами [2]. В такой ситуации необходима была четкая и даже жесткая позиция опытного и мудрого руководителя, видящего все проблемы, которые стали результатом того, что в стране более 70 лет пропагандировался атеизм.

27 июня 1991 года в Кремле состоялась встреча Президента СССР М.С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. В ходе бесе-

ды были обсуждены вопросы, одинаково волнующие и верующих, и неверующих. При этом с обеих сторон подчеркивалось огромное значение общественного согласия для преодоления трудностей переходного периода, возрождения духовности и нравственности. Патриарх Алексий II говорил о благотворных преобразованиях, происходящих в стране под влиянием церкви, о готовности священнослужителей «внести свою лепту во всенародное дело обновления жизни нашего Отечества», способствовать возрождению духовной культуры, воспитанию подлинного патриотизма [6].

С одной стороны, в это время начинается небывалый духовный подъем народа: миллионы людей осознают себя наследниками Святой Руси, с другой стороны, налицо было сопротивление местных властей. Очень сложным и неоднозначным оказался и процесс передачи Церкви икон, святынь, утвари, принадлежавших государству. Закономерно, что когда-то отнятое у церкви имущество должно было быть возвращено ей (это касалось и зданий, помещений). Однако в состоянии нестабильности русского общества этот процесс на первых порах протекал очень сложно. Сопровождался он и не всегда осознаваемой священниками художественной ценностью икон, являющихся не только святынями, но и памятниками искусства определенных веков.

Отметим сразу, что окончательно многочисленные конфликты музейных работников, людей науки и искусства и священников законодательно были разрешены федеральным законом «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», принятом Государственной Думой в ноябре 2010 года. Данный Федеральный закон определил порядок безвозмездной передачи в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, соб-

ственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности. Однако «действие настоящего Федерального закона не распространяется на имущество религиозного назначения, которое относится к музейным предметам и музейным коллекциям, включенным в состав Музейного фонда Российской Федерации, либо документам Архивного фонда Российской Федерации или документам, относящимся к национальному библиотечному фонду» [7].

Обратим внимание, что только спустя 20 лет после начавшейся перестройки государство пришло к разработке и формулировке важных положений. Недооценить их сложно, поскольку проблема соотношения светской и религиозной культур остается и по сей день достаточно острой. Сегодня одним из важных, на наш взгляд, документов является «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России». А одной из ключевых мыслей «Концепции...» является утверждение о том, что единство русского народа и объединяющие русских людей духовные ценности являются не менее важными факторами развития страны, чем политическая и экономическая стабильность. Акцент, сделанный в концепции на духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, позволяет говорить о значимости и важности просветительской и воспитательной работы. И церковь оказывает значительную помощь государству в формировании у молодежи правильного отношения к своей земле, к Родине, к духовным ценностям, вне всякого сомнения, именно православная церковь является залогом глубинного единения русских людей.

На церемонии присяги Президента России Б.Н. Ельцина Святейший Патриарх Алексий отметил: «...Мы надеемся, что первый Президент России будет способствовать возвращению Церкви ее истинных святынь, храмов и обителей и будет предусмотрено участие России в их реставрации и восстановлении» [3]. Примечательно, что до этого Алексий II говорил Б.Н. Ельцину об огромной ответственности, принимаемой им на себя за страну, которая уже в течение жизни трех поколений находится в состоянии безверия. В плане дальнейшего посылка на духовно-нравственное развитие страны важно то, что патриарх сделал акцент на отступлении, отдалении людей от молитвенного подвига, от желания и способности трудиться.

Определенным итогом постепенного процесса восстановления места Православия в российском обществе и в российской школе в 1990-е годы можно считать образование в 1999 г. Координационного совета по взаимодействию Министерства образования Российской Федерации и Московской Патриархии Русской Православной Церкви. Основные направления деятельности Совета состояли в изучении, обобщении и распространении

накопленного опыта в области духовно-нравственного воспитания на основе гуманистической и религиозной традиции [5].

С этого времени возобновляется вовлечение Русской Православной Церкви в общественную жизнь, взаимодействие ее с государством. Русская Православная Церковь Московского Патриархата осуществляла свою деятельность практически во всех областях жизни общества. Были созданы группы сестер милосердия в больницах, организовывались при храмах и монастырях центры для лечения алкоголиков и наркозависимых. Церковь стала активно заниматься миротворчеством, способствовать укреплению нравственности, осуществлять благотворительные проекты, активно сотрудничать с системой здравоохранения, вести духовно-просветительскую работу в среде военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

26 мая 1992 года Постановлением Правительства города Москвы 5-ая Градская клиническая больница была преобразована в Центральную клиническую больницу Святого Алексия Митрополита Московского. Патриарх Алексий II являлся председателем Попечительского совета больницы.

Политико-правовое положение Русской Православной Церкви в современной России основывается на конституционно-правовом регулировании. Многие религиозные объединения Русской Православной Церкви тесно взаимодействуют с приютами для детей-сирот, при храмах устраиваются встречи детей из разных школ для проведения Рождественских и Пасхальных праздников. Священнослужители забрали и забирают детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из школ-интернатов для воспитания в свои семьи и в семьи своих прихожан.

На Архиерейском Соборе 2000 года были приняты Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви, в которых содержатся положения относительно церковно-государственных отношений. Основы Социальной Концепции предусматривают принцип невмешательства церкви в дела государства, но церковь смогла все-таки «найти способ совместного с государством решения значимых проблем российского общества». «Переход от сепарационной модели государственно-конфессиональных отношений к кооперационной занял менее двух десятилетий» [8, с. 730].

Одним из основных направлений сотрудничества Русской Православной Церкви, государства и общества стала образовательная сфера. Современная русская школа видит решение проблемы душевного и духовного оскудения в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, молодежи на базе традиционных христианских ценностей, имеющих глубокие исторические корни.

В современном мире подростки развиваются под влиянием различных факторов как позитивного, так и негативного характера, оказывающих сильнейшее воздействие на нравственное формирование личности. Церковь придает огромное значение воспитанию и образованию подрастающего поколения, от которого, по сути дела, зависит будущее нашей страны. «От нравственного состояния новых поколений зависит будущее России, не в меньшей степени, чем от политики или экономики. На фоне разрушительного влияния некоторых средств массовой информации, общего морального кризиса никто не заменит слова учителя – слова настойчивого, убедительного, подкреплённого личным примером и объясняющего детским душам, что порок всегда разрушителен, а верность незыблемым нравственным нормам приносит человеку истинное благо и подлинное счастье», – в одном из выступлений сказал Патриарх Московский и всея Руси Алексей II [4].

В период с 1990 г. по 2003 г. произошел подъем духовного просвещения. В храмах открылись воскресные школы и православные гимназии, были организованы православные летние лагеря. При Московских Духовных школах в Троице-Сергиевой Лавре открылись факультеты не только для юношей, но и для девушек. Во многих городах России в школах разрешили проводить на факультативных занятиях курс «Основы Православной культуры». Весной 2010 г. в отдельных российских школах в экспериментальном порядке начали преподавать новый предмет Основы Религиозных Культур и Светской этики, 2012 г. его ввели как Федеральный компонент. Ряд регионов к тому времени уже имел большой опыт взаимодействия религиозных объединений и администраций муниципальной власти.

С сентября 2012 г. во всех субъектах Российской Федерации введен обязательный комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики». Согласно новым стандартам разработаны методические пособия по шести модулям: «Мировые религиозные культуры», «Исламская культура», «Иудейская культура», «Буддийская культура», «Основы Светской этики» и «Основы Православной культуры». Самым же сложным в министерстве образования и науки считают подготовку кадров. Было принято решение, что обучать школьников новому предмету должны только светские преподаватели.

Целью преподавания Основ православной культуры является формирование у младших школьников мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных религиозных традиций многонационального народа России, а также к диалогу с представителями других культур и мировоззрений. В задачи курса, по словам автора учебника по

ОРКСЭ, модуля «Основы православной культуры» А.В. Кураева, входит «знакомство учащихся с основами православной культуры и светской этики; развитие представлений младшего школьника о значении нравственных норм и ценностей для достойной жизни личности, семьи, общества; обобщение знаний, понятий и представлений о духовной культуре и морали, полученных учащимися в начальной школе, и формирование у них ценностно-смысловых мировоззренческих основ, обеспечивающих целостное восприятие отечественной истории и культуры при изучении гуманитарных предметов на ступени основной школы» [4].

Обратим внимание на то, что наличие разных модулей предполагает выбор родителями учеников тех или иных курсов. По статистическим подсчетам, проведенным нами на примере г. Ногинска Московской области, 68% родителей выбирают для изучения предмет «Основы православной культуры», 28% – «Основы светской этики» и 4% – «Основы мировых религий».

Анализируя выбор родителями тех или иных предметов, необходимо, в первую очередь, учитывать особенности жизни того или иного города. В городе Ногинске 22 храма с очень богатой историей, из них 4 храма находятся в черте города. Множество детей г. Ногинска посещают воскресные школы, а лето проводят в православном лагере «Дружина». В 2015–2016 учебном году предмет «Основы православной культуры» читался не только в общеобразовательных школах, в отдельных колледжах, в 13 детских садах подготовленными воспитателями МБДОУ по программе Л.Л. Шевченко «Добрый мир».

В г. Ногинске немало примеров тесного общения школы и церкви. Глуховская школа-интернат №2 более 16 лет сотрудничает с Покровским храмом села Воскресенское, находящегося в 20 километрах. Настоятель храма проводит с детьми беседы по духовно-нравственному воспитанию («Что такое грех?», «В чем заключается смысл жизни», «Пятая Заповедь Ветхого Завета», которая гласит о почитании родителей и др.), направленные на развитие и просвещение ребенка, на формирование в детях строгих моральных принципов и убеждений. Примечательно, что помимо курса «Основы православной культуры» в разных регионах России были введены дополнительные целевые региональные программы духовно-нравственного воспитания.

Русская Православная Церковь в России сегодня ставит те же задачи, что и государственная политика. Прививать навыки нравственного самонализа, вносить предложения в разные направления общественной жизни, активно участвовать в социальной политике. Подросток должен уметь чувствовать и анализировать запросы своей совести, – это поможет ему любить свою семью, осоз-

навать ответственность за будущее Родины, быть уважительным к традициям многонационального народа Российской Федерации.

Библиографический список

1. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2009. – 26 с.

2. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. – Нижний Новгород: Изд. Братства во имя св. князя Александра Невского, 2002. – 816 с.

3. История Русской Церкви. 1917–1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/istoriya_grc (дата обращения: 21.10.2016)

4. Кураев А.В. Основы православной культуры. Программа курса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/79/194/40156.php> (дата обращения: 21.10.2016)

5. Положение о координационном совете по взаимодействию министерства образования Российской Федерации и Московской патриархии Русской

православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/58862681> (дата обращения: 22.10.2016)

6. Слово Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на приеме у Президента СССР М.С. Горбачева. 12 июня 1990 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://patriarh-i-narod.ru/slovo-patriarha/nachalo-patriarshego-puti-patriarha-alexiya-ii/235-slovo-na-prieme-u-m-s-gorbacheva> (дата обращения 12.09.2016).

7. Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант плюс: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=168427&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.1424183638647143#0>

8. Юрченко С.Н. Эволюция присутствия РПЦ МП в публичном пространстве с 1991 года: от политического нейтралитета до института публичной политики // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. – С. 726–731.

УДК 94(470)"18"

Ибнеева Гузель Вазыховна

доктор исторических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
Guzel.Ibneyeva@yandex.ru

Ермолаев Игорь Петрович

доктор исторических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
ermolaev32@rambler.ru

Мухамадеев Альберт Ильич

кандидат исторических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
alleo1590@yandex.ru

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОБЩЕСТВА МЕННОНИТОВ В ДИАЛОГЕ С ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ II

Статья посвящена истории взаимодействия приглашенных в Россию колонистов (меннонитов) и императрицы Екатерины II во время ее пребывания в Крыму в 1787 г. Представители данной общины не соглашались переселяться на общих с прочими колонистами условиях, а требовали себе исключительных прав и преимуществ. Они желали предварительно получить сведения о тех землях, которые им будут отведены. Авторы рассматривают действия трёх депутатов от колонистов-меннонитов, долженствующих осмотреть будущие земли и вручить российской власти условия своего поселения. В объекте внимания – просительные статьи, в которых депутаты изложили свои пожелания относительно обустройства в России (22 апреля 1787 г.). В статье определяется значимость встречи российской императрицы и депутатов-меннонитов, которая в совокупности с их последующим обращением привела к серьезному результату – к объявлению, сделанному российским правительством обществу меннонитов в Данциге в конце декабря 1787 г. В статье показывается важность объявления, в котором императрица санкционировала приезд меннонитов в Россию; анализируются условия их приглашения. Пребывание в Южной России Екатерины II и ее взаимодействие с представителями общины меннонитов выявили комплекс проблем, который возник после присоединения Крыма к российскому государству. Императрица имела возможность зримо увидеть недостаток населения и убедиться в необходимости мер его увеличения.

Ключевые слова: колонисты, поселенцы, колонизационная политика, меннониты, меннонитская община, освоение земель, Екатеринославское наместничество.

Проблема российской колонизации является темой традиционно вдохновляющей как отечественных, так и зарубежных исследователей. Интерес к ней особенно возрос в последние десятилетия, когда с одной стороны открылись российские архивы, с другой – упали идеологические оковы, с третьей – начали развиваться новые национальные историографии в странах, бывших ранее республиками Советского Союза [15]. В этой глобальной теме, распадающейся на ряд направлений, изучающих различные потоки колонизации, социальный состав акторов колонизации, особый интерес представляют сюжеты, связанные с освоением земель Екатеринославского наместничества во второй половине XVIII столетия. В объекте рассмотрения статьи – приезд в Россию меннонитов, которые в отличие от других колонистов смогли вступить в диалог с властью для того, чтобы выговорить наилучшие условия их пребывания в России. Статья посвящена истории взаимодействия приглашенных в Россию колонистов (меннонитов) и императрицы Екатерины II во время ее пребывания в Крыму в 1787 г.

Присоединение новых территорий в 1770-е – начале 1780-х гг., колонизация новороссийских земель поставили перед правительством задачи их освоения, особая роль в разрешении которых принадлежала Екатеринославскому наместнику Г.А. Потемкину. Мероприятия Потемкина в деле привлечения

колонистов к освоению новых земель были развитием политики Екатерины II, которую она начала проводить с самого начала царствования. Ещё 4 декабря 1762 г. был опубликован манифест, разрешивший всем иностранцам, кроме евреев, селиться в России, а также объявлялось прощение возвращавшимся в страну беглецам. 22 июля 1763 г. была создана «Канцелярия опекунов иностранных» во главе с Г.Г. Орловым. Желающие поселиться в Российской империи могли получить деньги на проезд в русских посольствах за границей. В России им гарантировалась свобода вероисповедания, освобождение от податей на 30 лет и рекрутской повинности сроком на 10 лет. Иностранцам, селящимся колониями, было обещано самоуправление и сохранение внутренних порядков в соответствии с их традициями [9, № 11879, № 11880].

Характерной чертой колонизационной политики Екатерины явился состав новых поселенцев (о понятии «колонизация» см. [4]). В основном это были люди, занимавшиеся сельскохозяйственным трудом. Колонисты должны были не только принести государству экономическую выгоду, но и продемонстрировать преимущества свободного труда, стать образцом высокой культуры сельскохозяйственного производства [5, с. 396–397].

С присоединением Крыма важнейшим направлением деятельности Потемкина становится заселение огромных пустынных территорий. По-

темкинская кампания, в течение которой императрица издавала один за другим манифесты, представляющие льготы колонистам – освобождение от податей на 10 лет, бесплатная раздача скота и землешек орудий, разрешение заниматься винокурением, – поражает своим размахом и эффективностью. На новые земли перебрались сотни тысяч семей [11, с. 276]. Наместник Крыма разработал основы переселенческой политики, в основу которой был положен принцип раздельного расселения народов с разной религией и культурой: переселенцы занимали только пустующие земли, создавали новые города. Так сложился устойчивый принцип заселения полуострова, затруднявший конфликты между разными, подчас враждебно настроенными друг к другу народами [2, с. 70].

Как известно, в 1787 г. Екатерина II совершила путешествие в Южную Россию, в ходе которого она имела возможность убедиться в больших успехах в деле освоения Новороссийского края и Крыма. Екатерина держала в сфере своего внимания вопрос привлечения колонистов к освоению земель Екатеринославского наместничества. Пребывание императрицы в Крыму в 1787 г. высвечивают сюжеты взаимодействия верховной власти с колонистами, что позволяет рассмотреть процесс принятия решений относительно их расселения и жизнедеятельности на полуострове.

В Крыму она встречается с представителями различных колоний. 10 мая 1787 г. перед отъездом из Никополя князем Потемкиным ей были представлены «поселяники» – выходцы из Польши. На этой встрече императрица задала вопрос старшине относительно благосостояния их сообщества «в рассуждении поселения в сих местах». В ответ тот сказал краткую речь, в которой «изъявлялось надежда на власть всевышнего Бога и упование на монаршую ея величества милость». Вероятно, этот пассаж, легитимирующий власть императрицы, должен был ей особенно понравиться. Верная своему пониманию долга, она пожаловала как представителям данного поселения, так и трём другим поселениям «знатную сумму денег» [6, с. 405].

Среди тех, кто пожелал включиться в освоение земель, являлись меннониты. Меннониты представляют собой последователей анабаптистов, одного из радикальных протестантских движений, возникшего в XVI столетии в Швейцарии, Верхней и Средней Германии, Нидерландах. Название секты связано с именем Менно Симонса (Menno Simons, ум. 1561) – католического священника, оказавшего сильное влияние на его программу и идеологию. Самыми существенными чертами христианина меннониты считают смирение, отказ от насилия, нравственное самоусовершенствование. Они ждут «второго пришествия» и «тысячелетнего царства» Христа. В церковной организации меннониты отказались от жесткого иерархического устройства.

Идеалом объявлялись церковные общины христиан, где церковные должности являлись выборными. Война, насилие и служба в армии решительно отвергались М. Симмонсом [3, с. 32–34]. Общины меннонитов замкнуты. Чуждаясь современной цивилизации, они придерживаются подчеркнуто старомодных форм в одежде, причёске, образе жизни.

Пребывание императрицы Екатерины II в Новороссии высвечивает сюжет привлечения в Россию представителей этой общины. Город Данциг, где проживали меннониты после первого раздела Польши, оказался в сложном положении. Не добившись присоединения Данцига, прусское правительство предприняло ряд мер, долженствующих подорвать торгово-промышленное, а вместе с тем и политическое значение города. Высокие таможенные пошлины на хлеб, вывозимый из Данцига, приводили к падению хлебной торговли. Однако меннониты и в новых условиях стремились удерживать свои хозяйства на должной высоте. Для вновь прибывавших членов общины (путем естественного прироста) приобретались новые участки земли, чему способствовала их тесная сплочённость и зажиточность. Очевидно, что такое расширение площадей приводило к столкновению интересов меннонитов и местного коренного населения. Видимо, именно этим объясняется постановление Данцигского магистрата 80-х гг. XVIII в. о воспрещении меннонитам покупки земель в Гданьской области. Помимо этих экономических стеснений, меннонитов пугала вероятность перехода Данцига под прусское господство. Их единомышленники, перешедшие по первому разделу Польши под власть Пруссии, подверглись там ограничениям своих прав. В силу этих причин они стали задумываться об эмиграции в какую-либо страну, правительство которой согласилось бы предоставить им некоторые права и привилегии. В 1786 г. в Данциг прибыл ассессор Георг Траппе, которому князь Потемкин поручил набирать колонистов для Новороссийского края. Его появление для меннонитов оказалось как нельзя более кстати [8, с. 262–263].

Меннониты вписывались в модернизационную парадигму Екатерины II, чьи манифесты довольно ясно отражали видение власти на будущее реформирование российского государства. Как отмечает Н. Венгер, они отражали как абрис модернизации, который носил для императрицы комплексный характер, так и образ одного из субъектов модернизации, в данном случае колониста. От новых подданных она ожидала не только хозяйственной деятельности, но и социальной активности. Меннониты как замкнутая конфессиональная группа со свойственным ей чувством коллективности и корпоративности, как нельзя лучше соответствовала данным требованиям. Европейский опыт их общин, долгая история их гонений и переселений и переговоров с властями, «конгрегационная» па-

радикалы способствовали тому, что в российскую колонизационную программу они вступят на самых лучших условиях [1, с. 77].

Поведение данной общины подтверждает эти суждения. Следует отметить, что меннониты не соглашались переселяться в Россию на общих с прочими колонистами условиях, а требовали себе исключительных прав и преимуществ. Они желали предварительно получить сведения о тех землях, которые им будут отведены. С другой стороны, реализация переселенческой политики во многом зависела от губернаторов и наместников. Как показал Ю.Н. Смирнов, различные подходы руководителей на местах, их административная практика могли существенно влиять на процесс освоения этих земель, на положение колонистов [12; 13]. В этом отношении Г.А. Потемкин реализовывал либеральный курс колонизационной политики Екатерины II и был открыт для диалога с колонистами.

В 1786 г. меннониты выбрали трёх депутатов, долженствующих осмотреть будущие земли и вручить российской власти условия своего поселения. Это – депутаты Якоб фон Кампен (Jacob von Kampen), Иоганн Бартш (Johann Bartsch), Якоб Хоппнер (Jacob Hopfner). К этому моменту 200 семей уже изъявили желание переселиться. Представители меннонитской общины отправились в Новороссию и облюбовали себе лежащий против города Бериславля остров Тавань, омываемый рекой Конские воды – территорию, находившуюся по правую сторону Конских вод и на протяжении 5 верст представлявшую собой «луга и сенокосы»; землю, располагающуюся «в одной версте от большой дороги в Чернинькую». Свой выбор депутаты обосновали тем, что эти земли лежали на торговом пути, где продукты сельского хозяйства будут сбываться [14, с. 43].

Свои пожелания относительно обустройства в России депутаты изложили (22 апреля 1787 г.) в 20 просительных статьях. Потемкину в это время было не до рассмотрения этой бумаги: он был занят приёмом императрицы в Крыму. Однако о меннонитах он помнил: 2 мая 1787 г. в Кременчуге Иоганн Бартш и Якоб Хоппнер были представлены наместником Екатерине II. В объявлении, сделанном российским правительством обществу меннонитов в Данциге в конце декабря 1787 г., подчеркивалась важность этой встречи. Так, отмечалось, что депутаты были приняты императрицей «ласковым и милостивейшим образом», причём им давались уверения об «императорском покровительстве и милости» как для них [депутатов], так и для всех семейств меннонитов Данцига, желающих переселиться в Россию [7, л. 6]. Документ отразил значимость этой встречи и для российской стороны. Аудиенция была дана в присутствии графа А.А. Безбородко, а также иностранных посланников – империи Габсбургов, Англии и Франции. Этот факт не

случаен. Российская власть заявляла о своей открытой политике привлечения колонистов в страну, что противоречило интересам стран Центральной и Западной Европы [7, л. 6]. Таким образом, императрица санкционировала их приезд в Россию и, по сути, ускорила резолюцию Потемкина.

После отъезда венценосной особы 5 июля 1787 г. последовали ответы наместника на «просительные статьи» меннонитов. Эти статьи отражали их желание воспользоваться указом 22 июля 1763 г. по всем его пунктам: беспрепятственное отправление веры, десятилетнее освобождение от податей, выдача подъёмных, увольнение от воинской службы. Будущие колонисты просили также о праве рыбной ловли; о том, чтобы им был прислан искусный землемер, сведущий в немецком языке; о выдаче на посев семян [10, с. 97–101]. По всем этим пунктам Потемкин дал положительный ответ. Правда, светлейший князь несколько ограничивал их земельные притязания: на просьбу отвести им земли, которые они облюбовали, он положил следующую резолюцию: «Из сего острова (Тавань) может для них отведена только некоторая часть, ибо по деланию там моста чрез Днепр ... немалая часть ... должна остаться в казенном ведомстве» [10, л. 97–101].

11 августа 1787 г. меннониты подали обращение к Екатерине, составленное на основании своих просительных статей: в нём они ходатайствовали о праве пользоваться указом от 22 июля 1763 г. Впрочем, появились и новые пункты. Во время кратковременного пребывания в Екатеринославской и Таврической губерниях, меннониты сделали вывод о сложности найма людей для сельскохозяйственных работ. В силу этого они просили дозволения привезти своих работников и работниц из разных краев без различия в их вероисповедании – протестантской или католической. По их мнению, люди свободного состояния охотно с ними переселятся и «впредь могут послужить к размножению народа и к землепашеству на степях» [10, л. 102]. Требовали меннониты для себя и свободы передвижения. Это требование было вызвано тем, что они собирались выехать за семьями и другими членами их сообщества в Данциг. Между тем, свобода передвижения в России существовала только для дворянства. Документ заключался просьбой об их скором отправлении, поскольку часть общины должна была приехать в Ригу (Рига для них являлась транзитным пунктом) в зимнее время, чтобы распорядиться относительно постройки их домов. Ведь все они желают уже в будущем году выстроить свои жилища в Новороссии [10, л. 102 об.].

Это обращение вместе со своим письмом от 5 июля 1787 г. Потемкин отправил А.А. Безбородко. Князь просил донести императрице о том, что на требования меннонитов он дал удовлетворительное решение, а также просил исходатай-

ствовать высочайшую резолюцию с предписанием российскому резиденту в Данциге «о способствовании им к беспрепятственному отпуску из мест теперешняго их пребывания, так как они люди вольные и никаким тамо обязательствам не привязаны». Наместник Новороссии просил отправить ассессора Траппа вместе с депутатами в Данциг как можно скорее [10, с. 102 об.].

Екатерина и её правительство не оставили без внимания этот вопрос и достаточно оперативно его решили, несмотря на то, что в сентябре 1787 г. Россия вступила в войну с Турцией. 7 сентября 1787 г. последовал именной указ императрицы, которым санкционировались льготы и привилегии, предложенные меннонитам Потемкиным. Им обещалась выдача жалованной грамоты «за подписанием ея величества руки и с приложением государственной печати» [7, с. 306]. Тем самым императрица придала просительным статьям меннонитов статус закона. Таким образом, переселение меннонитов было признано делом государственной важности.

Вся эта ситуация не была исключительной. Как известно, манифестом 1763 г. власть сообщала о возможности диалога с будущими переселенцами и выражала решимость обсуждать вопросы о привилегиях для тех, кто стремился их получить. Однако подобной возможностью сумели воспользоваться не все. Активная эмиграционная позиция, способность к самоорганизации, самообеспечению приемлемых для них условий жизни позволила меннонитам реализовать права, дарованные Манифестом 1763 г. [1, с. 77].

Как уже отмечалось, в конце декабря 1787 г. обществу меннонитов в Данциге российским правительством было сделано объявление. Данный документ объявлял о пожаловании императрицей 65 десятин земли «прекраснейших мест» для каждой семьи, различных привилегий, в том числе и денежных пособий, причем подчеркивалось, что за последние 25 лет царствования такие «милости» иностранцам пожалованы не были. Желающим переселиться в Россию меннонитам предлагалось явиться 19 января 1788 г. в 10 часов утра во дворец российского посланника в Данциге для того, чтобы ознакомиться с «всевысочайшей императорской» резолюцией в оригинале [8, с. 306].

Стремление меннонитов, законопослушной части населения, исправно платившей налоги, выехать из Данцига вызвало противодействие городского магистрата. Несмотря на это, с марта по ноябрь 1788 г. из Данцига в Ригу отправились 1333 меннонитов и лютеран. Меннониты составляли 228 семейств. Весной 1789 г. была совершена перевозка колонистов в Новороссийский край. Правительство отказалось от водворения меннонитов на выговоренных ими землях, а отвело им для поселения урочище Хортицы с островом того же имени на правом берегу Днепра. Здесь они

основали 8 колоний: Хортиц, Розенталь, остров Хортиц, Эйнлаге, Кронсвейде, Нейенбург, Нейендоф и Шенгорст. Впоследствии они образовали Хортицкий меннонитский округ. В 1800 г. меннонитам было предоставлено около 120 тысяч десятин земли на р. Молочные воды (Мелитопольский уезд Таврической области), где возникли колонии Гальбштадт, Минтау, Орлов, Шенау и др., образовавшие впоследствии Молочанский меннонитский округ. К 1820 г. число меннонитских колоний в Хортицком и Молочанском округах достигло соответственно 18 и 20. С 1819 г. въезд в Россию иностранных поселенцев осуществлялся по специальным разрешениям властей. Колонии меннонитов продолжали существовать на протяжении всего XIX – первых десятилетий XX вв. [3, с. 38–42].

Таким образом, взаимодействие власти с представителями меннонитской общины способствовало принятию указа, которым санкционировались льготы и привилегии приезжающим в Россию меннонитам. Этому немало способствовал активный общественный модус меннонитской общины. Обладая опытом переговоров с властями, меннониты сумели добиться законодательного подтверждения Манифеста, выхлопотать для своей общины самый широкий набор социальных, хозяйственных прав, экономических возможностей.

С другой стороны, высочайшее пребывание Екатерины II в Южной России выявило тот комплекс проблем, который возник после присоединения Крыма к российскому государству. Императрица имела возможность зримо увидеть недостаток населения и убедиться в необходимости мер его увеличения. Относительно колонистов власть ещё раз могла убедиться в том, что государственная целесообразность, цели хозяйственного освоения снимают вопрос об этническом происхождении населения, а, следовательно, и о его конфессиональной принадлежности.

Библиографический список

1. Венгер Н.В. Опыт самоорганизации меннонитских колоний в России в XIX – начале XX в. // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации. Материалы междуна-родн. научн.-практ. конф-и, 29–30 октября 2007 г. – М., 2008. – С. 76–82.
2. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). – М.: ИРИ РАН, 2003. – 159 с.
3. Евсеев Н.О. Меннониты в Саратовском Заволжье (1954–1941): дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2017. – 312 с.
4. Ибнеева Г.В., Попов И. Понятие колонизация в трудах современных англо-американских исследователей истории России // Ученые записки Казанского университета. – 2014. – Т. 156, кн. 3. – С. 267–276.

5. *Каменский А.Б.* От Петра до Павла: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. – М.: РГГУ, 1999. – 575 с.
6. Камер-фурьерский церемониальный журнал. – 1787.
7. Копия рескрипта Екатерины II, 29 декабря 1787 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 52. – Оп. 2. – Д. 104. – Л. 6.
8. *Писаревский Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. – 85 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 16. – № 11879. – С. 312–313; № 11880. – С. 313–316.
10. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 799. – Ч. 2. – Л. 97–102 об.
11. *Себаг-Монтефиоре С.* Потемкин. – М.: ВАГРИУС, 2003. – 559 с.
12. *Смирнов Ю.Н.* Добрый порядок Оренбургского губернатора Путятина против вольной народной колонизации юго-восточных окраин России // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего / отв. ред. Я.Г. Солодкин. – Нижневартовск, 2013. – С. 52–58.
13. *Смирнов Ю.Н.* Проблемы освоения и обустройства Юго-восточных окраин России в оренбургских «прожектах» Д.В. Волкова 1763–1764 годов // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы / отв. ред. А.В. Коричко: в 2 ч. – Нижневартовск, 2013. – Ч. 2. С. 168–171.
14. *Brandes D.* Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neuußland and Bessarabien 1751–1914. – München Oldenburg, 1993. – 549 S.
15. *Ibneyeva G. V., Popov I.* Foreign sources in the contemporary works of British-american researches on history of Russian colonization // *Bylye Gody*. – 2015. – Vol. 38. – № 4. – P. 834–841.

Белов Андрей Михайлович
доктор исторических наук, профессор
Костромской государственной академии

Гулин Александр Олегович
Костромской государственной академии
holst90@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЯХ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье рассматриваются вопросы ухудшения отношения населения Владимирской, Костромской и Ярославской губерний к Первой мировой войне и связанным с нею ростом материальных, финансовых и бытовых трудностей. Затянувшаяся война отрицательно влияла на уровень жизни основной массы населения провинциального общества, в первую очередь, многодетных семей промышленных рабочих и мелких служащих, оставшихся без кормильцев и не имевших иных средств к существованию, кроме низкого жалования, государственных пособий и помощи общественных организаций. Основные сведения, характеризующие социально-политическую обстановку в Верхневолжском регионе, содержатся в отчетах и рапортах администрации и жандармских управлений губернского и уездного уровней в адрес Министерства внутренних дел. Губернаторы, начальники губернских жандармских управлений на основании рапортов уездных исправников докладывали различным департаментам Министерства общественной и транспортной ситуации, состоянию забастовочного движения на заводах и фабриках и политическим перспективам дальнейшей деятельности политических партий. В статье делается вывод об отсутствии признаков готовности населения к активным революционным действиям.

Ключевые слова: Первая мировая война, провинция, губернатор, администрация, снабжение продовольствием, забастовочное движение.

Оценивая события, имевшие место в Верхневолжском регионе сто лет назад, нельзя не упомянуть о таком историческом источнике, каким являются документы административных и правоохранительных органов губернского и уездного уровней в виде ежемесячных отчетов и рапортов об общественно-политической ситуации на местах и настроениях всех слоев населения. Согласно этим документам, глубокой осенью 1916 года во всех слоях провинциального общества заметно сократился интерес к событиям на фронтах мировой войны и внутривосточной жизни страны. В донесениях уездных исправников все чаще отмечалось, что у населения «замечается отсутствие или притупление интереса не только к вопросам внутренней жизни государства... но даже и к вопросам внешней политики. Так, например, выступление Румынии, события в Греции проходят как-то малозамеченными публикой» [6, д. 870, л. 125 об.]. Также «начальники уездов» сообщали, что население охотнее верило слухам, которые распространяли ехавшие с фронта раненые, отпускники и дезертиры, чем официальной информации военных и гражданских властей.

В обществе все больше нарастало озлобление той части населения, которая проживала в сельской местности, против проживавших в городах «привилегированных» классов. По мнению крестьян, «горожанам» приходилось нести гораздо меньшую мобилизационную нагрузку, у них было больше возможностей уклониться от призыва, поступив в учебное заведение или на оборонное предприятие. Так, например, официальный печатный орган Владимирской губернии сообщал о том, что в течение двух последних лет количество мо-

лодых людей призывного возраста, поступивших только в музыкальные учебные заведения, увеличилось с 426 до 1333 человек [2]. Отсрочку от призыва давали и предприятия, работавшие на нужды обороны при условии выпуска на них оборонной продукции не менее 75% от общего объема производства [5, д. 35, л. 31].

Еще одним фактором роста социальной напряженности в верхневолжских городах и населенных пунктах к концу 1916 года стало размещение в них запасных батальонов. В недрах этих скоплений «человеческого материала» возникало глухое брожение, недовольство и ропот по поводу отсутствия элементарных условий существования, всевозможных недостатков и недочетов. Так, начальник Владимирского жандармского управления сообщал в Департамент полиции о том, что в г. Гороховце в ночь на 1 декабря 1916 года рота 253 запасного полка не вышла на ночные учения и практические стрельбы по причине невыдачи солдатам зимнего обмундирования, а вследствие плохого качества пищи «того же дня 12-я рота отказалась есть ужин и не хотела идти на словесные занятия». В том же рапорте содержалась информация об имевших место случаях отказа выходить на занятия среди личного состава 82 запасного полка в г. Владимире, 21 и 197 полков в городах Покрове и Александрове. Основной причиной беспорядков стало уменьшение нормы выдачи хлеба с 3-х до 2-х фунтов в день [3, д. 1454, л. 417 об.]. Согласно рапорту начальника Ярославского ГЖУ от 20 ноября 1916 года и отчету губернатора в Департамент полиции, в губернском центре имели место беспорядки среди нижних чинов 209 и 254 запасных пехотных полков, вызванные неудовлетворительными

условиями размещения, недостатками продуктов питания и обмундирования [13, д. 802, л. 20].

Заметное влияние на общественно-политические настроения в регионе осенью 1916 года оказало возобновление деятельности Государственной Думы и выступление на ее первом заседании депутата П.Н. Милюкова. Рыбинский полицмейстер рапортом от 19 ноября 1916 года доносил, что среди всех слоев населения к разговорам на обычные темы «присоединились различные рассказы содержания речей Членов Государственной Думы Милюкова и Шульгина». Характеризуя уровень напряженности в городе и уезде, полицмейстер называл ситуацию «спокойной» и докладывал, что «речи обсуждаются... с видимым доверием к ним и сочувствием» [13, д. 802, л. 13]. В эти же дни Кинешемский уездный исправник информировал Костромского губернатора о повышении в обществе интереса к текущим событиям в связи с «открытием Государственной Думы» и сообщал, что «речь Милюкова стала тут же известна в интеллигентских кругах и получила распространение способами, с которыми не может бороться полиция». «В настроении как среди крестьянского, так рабочего и интеллигентского классов населения, следует отметить интерес к событиям и речам членов Государственной Думы и Государственного Совета», которыми «изобличается деятельность некоторых членов Правительства», – писал в отчете о положении дел в г. Ростове начальник уездной полиции и добавлял, что «речи весьма ценятся населением» [13, д. 802, л. 20].

На фоне подобных сообщений о недовольстве и беспорядках среди гражданского населения и в армейских частях особняком стояли, например, рапорты из Любимского, Пошехонского и Романово-Борисоглебского уездов Ярославской губернии, в которых отмечалось, что «настроение населения было совершенно спокойно, попыток к какой-либо преступной агитации, к распространению среди населения ложных и возбуждающих слухов, с целью вызвать в народных массах недоброжелательства к правительству и нарушения порядка не возникало» [13, д. 802, л. 23–23 об.]. Отчасти подобная информация подтверждалась и в докладе начальника Костромского ГЖУ, в котором анализировалась обстановка в губернии осенью 1916 года. По вопросу об отношении провинциального общества к войне глава жандармского управления сообщал, что затягивание сроков военных действий заставило все слои населения «от самых верхов до самых низов» выработать определенный взгляд на проблемы войны и мира: несмотря на то, что все тяготились войной и желали ее скорейшего окончания, также все «...сознательно выработали в себе и затаили упорное желание вести войну, не считаясь ни с какими тяготами и жертвами, до окончательного достижения поставленной зада-

чи – полной победы над врагом». Перечисляя все категории населения губернии, придерживавшиеся приведенной точки зрения, полковник в рапорте подчеркивал, что такие взгляды высказывались в «разговорах лиц, шедших по призыву на военную службу, а также и лицами, которые известны... как участники партийных кружков» [7, д. 528, л. 4].

Характеризуя обстановку с обеспечением Костромской губернии продовольственными товарами и реакцию населения на «безудержное взвинчивание цен», начальник управления отмечал затруднительное положение той части населения, которая жила на определенные доходы, главным образом – «людей двадцатого числа», но выражал уверенность, что в силу их лояльности, дисциплинированности, воспитанного в себе чувства патриотизма «этот элемент... для государства не будет опасен» [7, д. 528, л. 4 об.]. Давая оценку взаимоотношениям органов власти между собой и обществом, глава управления отмечал, что местная администрация, не имея возможности принять действенные меры к окончательному решению продовольственного вопроса, на свои «обращения к центральному Правительству... совсем не получает ответа», и что «неспособность лиц, на обязанности которых лежит организация тыла, справиться со своей задачей особого возмущения населения пока не вызывает». Главный же вывод заключался в следующем: «Народных возмущений в связи с продовольственным вопросом следует опасаться только тогда, когда для данной местности не хватит чего-либо совсем – зерна, дров и т. п.» [7, д. 528, л. 5]. Аналогичной точки зрения придерживался и начальник Владимирского ГЖУ, донося в столицу, что на продовольственном вопросе фиксировалась вся внутренняя обстановка в стране, и что «будет хлеб – все останется в состоянии покоя и ожидании демобилизации...», [9, д. 167, ч. 13, л. 29] несмотря на то, что за 2,5 года войны во Владимирской губернии средние цены на муку выросли с 13 до 17 рублей за мешок или в 1,3 раза, мука ржаная подорожала на 5 рублей или в 1,9 раза, масло подсолнечное поднялось в цене на 3 рубля и продавалось по 8 руб. 60 коп. за пуд, цена мешка гороха поднялась с 9 до 14 рублей [17].

В эти же дни ярославский губернатор отмечал спокойное настроение крестьянского населения, находя причиной этого следующее: «Экономический кризис менее всего коснулся деревни, а пайки за призванных на военную службу, хороший заработок на отхожих промыслах, высокая расценка продуктов, сбываемых на городских рынках, и прекращение продажи питий сильно подняли материальное положение крестьян» [13, д. 802, л. 28]. Тот факт, что стабилизацию внутренней обстановки в стране представители местной власти увязывали с продовольственными вопросами, убедительно доказывали, например, содержавшиеся в отчете

за декабрь 1916 года выводы любимского уездного исправника. Он доносил в Ярославль о том, что главная забота населения состоит «не в том, что то или иное дорого, а в том – будет ли все необходимое в достаточном количестве и впредь». Исправник уверенно заявлял, что жизнь уездного населения успокоится, если все необходимые товары будут иметься в полном объеме. В рапорте также содержались выводы о том, что материальные средства «особенно крестьянской части очень хороши ввиду дороговизны как на рабочие руки, на предметы сельского хозяйства, на лесные материалы и проч., так и ввиду дорогих заработков и тех казенных пособий, которые получают семьи мобилизованных» [14, д. 1315, л. 15].

С осени 1916 года в России начался новый подъем стачечного движения рабочих. Его характер в Верхневолжском регионе в этот период определялся выдвиганием чисто экономических требований роста заработной платы, снижения цен и устойчивого снабжения товарами повседневного спроса. Заработная плата рабочих на промышленных предприятиях Верхневолжья была значительно ниже, чем, например, в столичных, Прибалтийских или Южных губерниях империи. В 1916 году она составляла во Владимирской губернии 358, Костромской – 371 и в Ярославской – 398 рублей в год при среднероссийской – 478 рублей и, по сравнению с 1915 годом, выросла на 150, 151 и 141 рубль соответственно [1, с. 55]. Следует, однако, отметить, что заметное увеличение номинальной зарплаты еще не гарантировало роста материального благополучия работников заводов и фабрик, потому что их уровень жизни зависел, главным образом, от происходивших в годы войны скачкообразных изменений цен на продукты питания и товары первой необходимости. По наиболее значимым для повседневной жизни позициям «рабочего» бюджета расходы к концу 1916 года возросли: на продукты питания в 2,5–6 раз, оплату жилья – в 3 раза, одежду – 3,5–5 раз. В целом затраты на предметы первой необходимости к декабрю 1916 года выросли в 3,2 раза, а индекс цен составил 323%. С учетом этого показателя нетрудно подсчитать, что реальная заработная плата владимирского рабочего к концу 1916 года равнялась 110,8, костромского – 114,8, ярославского – 123,2 рубля в год [1, с. 57–58]. Если вспомнить, что и до войны уровень жизни рабочих России был низким – средняя реальная оплата труда в регионе составляла в год 197 рублей, – то нельзя отрицать, основываясь на приведенных нами данных, что падение уровня реальной заработной платы являлось более чем существенным, что и становилось поводом проведения забастовок.

Характеризуя обстановку в городе за декабрь 1916 года, ярославский полицмейстер сообщал губернатору, что «население гор. Ярославля с преоб-

ладающим элементом фабричных рабочих с самого начала вздорожания продуктов и предметов первой необходимости стало предъявлять к администрациям фабрик и заводов требования об увеличении заработной платы и так как администрации, входя в положение рабочих, шли им навстречу путем увеличения заработной платы, которая до настоящего времени увеличена до 115%, все подобные требования рабочих носили характер исключительно экономический». В рапорте содержались также выводы о необходимости органам власти «быть постоянно готовым к выступлениям как рабочих, так и недовольной части населения» [14, д. 1315, л. 37–37 об.].

Следует отметить, что в этот период времени полицейскими управлениями губерний предпринимались активные меры по пресечению деятельности социалистических групп, о чем главы Ярославского и Костромского жандармских управлений информировали губернаторов: «...высылка означенных лиц подействовала на единомышленников самым отрезвляющим образом, ближайшим показателем чего является отсутствие каких-либо признаков планомерной партийной работы», «партийной работы нет, оставшиеся бывшие партийные работники ввиду отсутствия организации влияния на рабочих не имеют и не стараются его приобрести» [10, д. 341, ч. 35, л. 6–7].

Оценивая ситуацию в начале 1917 года во Владимирском, Покровском, Александровском уездах Владимирской губернии, помощник начальника ГЖУ сообщал в Департамент полиции о том, что ввиду «...недостатка необходимых продуктов недовольство растет во всех слоях населения, причем приходится со всех сторон слышать, что виною этому – многовластие в продовольственном деле, вражда между министерством земледелия и путей сообщения и страшное взяточничество». О недостатках продовольствия на местах говорилось, практически, в каждом рапорте сотрудников жандармерии на имя начальника ГЖУ: «19 января 1917 года на почве недоедания среди рабочих морозовских фабрик увеличилось число заболевших, что вызывает ропот и побуждает их к огульным требованиям об увеличении выдачи им крупы, муки и др. продуктов...», «20 января во всей Арефинской волости Вязниковского уезда нет хлебных продуктов совершенно... По адресу правительственной власти высказывается большое негодование. Большой ропот идет в г.Вязники ввиду недостатка муки, а также печеного белого хлеба и ржаного хлеба» [4, д. 1135, лл. 2, 4–4 об., 7]. Нарастание недовольства среди населения губернии отмечалось и в очередном докладе начальника управления губернатору 24 января: «В Муромском и Меленковском уездах ощущается большой недостаток муки, а крупы нет вовсе. Настроение населения сильно приподнятое, идет глухой ропот,

усугубляющийся отсутствием сведений о времени доставки продовольствия» [4, д. 1135, л. 10–10 об.]. На заседании Костромского Губернского собрания 27 января 1917 года в докладе его председателя Б.Н. Зузина отмечалось наступление продовольственного кризиса в целом ряде волостей и уездов губернии, срыв планов снабжения, которые «оказались лишь бумажными рапортами. Путь обращения к правительству, по-видимому, исчерпан и ни к чему не привел». В эти же дни Солигаличское Уездное продовольственное Совещание отмечало практически полное отсутствие в уезде запаса пшеничной муки и констатировало, что «на февраль месяц население ее не получит. С ржаной мукой дела еще хуже» [8, д. 26-а, л. 29–32].

В начале 1917 года в городах Верхневолжья распространялись слухи об «ожидающихся, будто бы, в день возобновления занятий Государственной Думы, открытых массовых выступлениях столичных рабочих и нижних воинских чинов с требованиями об окончании войны» [13, д. 893, л. 16]. В частности, об этом сообщало Ярославское ГЖУ в докладе губернатору в январе 1917 года, отмечая при этом же, что «самое внимательное наблюдение за настроением различных слоев населения местностей Ярославской губернии и, главным образом, фабрично-заводских рабочих и нижних чинов воинских частей, никаких указаний на признаки приготовления к каким-либо выступлениям до настоящего времени не дало» [13, д. 893, л. 16]. Ситуация, также характеризующаяся определенным рода безразличием населения к имевшим место в период смены года событиям в стране и несоответствием действительности имевшим место слухов, отмечалась и в других сообщениях уездных начальников: «Крестьянские массы... совершенно безразлично относятся ко всему их окружающему. Среди интеллигентных классов населения каких-либо признаков брожения не замечалось», «за отчетное время партий в уезде не обнаружено, равно не замечалось и пропаганды их среди населения...» [13, д. 893, л. 21, 25]. Начальник Костромского жандармского управления сообщал в Департамент полиции, что население Костромы и уездов политикой интересовалось мало, настроения и деятельность высших чиновников обсуждала лишь интеллигенция, «но ее так мало, что рассуждения засыпают за карточным столом», в народе «прежняя вера в царя несколько подорвана, подрывают ее солдаты, приходящие с фронта». Также делался вывод о том, что «одни ждут, чтобы война скорее кончилась, другие, кроме благ от войны ничего не получают, только благодаря войне люди зарабатывают деньги» [11, д. 30, ч. 9, л. 1–2].

3 февраля начальник Владимирского ГЖУ докладывал, что «во Владимирской губернии... надвигается катастрофа ввиду недостатка хлебных припасов... тревога и жалобы населения прини-

мают угрожающий характер» [4, д. 1135, л. 13–13 об.]. В 20-х числах февраля он же сообщал, что «настроение Иваново-Вознесенских рабочих внушает опасение» и что ввиду «исключительно-го озлобления» недостатком хлеба «следует ожидать общей политической забастовки» и разгрома продовольственных лавок, «на некоторых фабриках единичные рабочие обращаются к хозяевам с просьбой дать хлеба, так как от голода они не могут работать». [4, д. 1135, л. 27]. Выводы начальника жандармерии основывались, в том числе, и на докладах иваново-вознесенского полицмейстера, который 18 февраля сообщал о полном отсутствии в городе муки, крупы, пшена и других «продуктов продовольствия». Рост недовольства населения жизненными тяготами вызывал в губерниях отдельные случаи выступлений, как против существовавших порядков в целом, так и против конкретных распоряжений властных органов. Так 13 февраля 1917 года владимирский губернатор доносил в Департамент полиции о том, что «в 21 запасном пехотном полку... нижние чины постоянно нарушают дисциплину, совершают побеги и подговаривают прочих к неподчинению начальству» [12, д. 11, ч. 7, л. 14–15]. На сельских сходах в деревнях Нерехтского уезда Костромской губернии «крестьянин Е.А. Мартьянов... призывал крестьян не подчиняться распоряжениям царских властей, не давать лошадей и овса» [16, с. 124]. Ростовский уездный исправник рапортом от 19 февраля доносил, что на сходе крестьяне Приимковской волости Ростовского уезда постановили «отказать земству в реквизиции скота с волости» [14, д. 1450, л. 10].

Приведенные нами примеры, конечно, не доказывают, что в провинциальных губерниях в последние дни февраля 1917 года создалась революционная ситуация: подавляющее большинство донесений с мест, по существу, копировали рапорт Романово-Борисоглебского уездного исправника от 1 марта 1917 года, доносившего ярославскому губернатору о спокойном настроении населения, желающего «скорейшего окончания войны» и относящего причины испытываемых населением трудностей к «нераспорядительности правительственных властей» [14, д. 1450, л. 16]. О настроении, например, в Костромской губернии говорилось: «Это – одна из тех губерний империи, где династический лоялизм наиболее живуч, где сохраняются в наибольшей неприкосновенности наследственные наклонности, общественные привычки и национальные чувства русского народа» [15, с. 193].

Таким образом, в губерниях Верхнего Поволжья в конце 1916 – начале 1917 года вызванные затянувшейся войной бытовые трудности отрицательно сказывались на настроениях значительной части населения, к которой относились, прежде всего, многодетные семьи рабочих и мелких слу-

жащих, оставшиеся без кормильцев. Однако общая ситуация в губерниях не давала поводов к активным революционным действиям, связанным с силовым принуждением органов власти к сложению полномочий.

Характерной особенностью настроений населения в губерниях Верхней Волги было практически полное отсутствие требований прекращения войны как необходимого условия стабилизации обстановки в стране. В губерниях не наблюдалось признаков готовности населения к революционным действиям. Крушение Российской империи в марте 1917 года не было определено степенью революционной настроенности провинциального общества и уровнем негативных эмоций, вызванных ростом бытовых трудностей повседневной жизни населения. Тот уровень напряженности, который мог перерасти в вооруженное противостояние власти и общества в провинции по состоянию на 1 марта 1917 года достигнут не был.

Библиографический список

1. Белова Т.В. Стачное движение в губерниях Верхнего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 1993. – 300 с.
2. Владимирские губернские ведомости. –

1916 год. – 2 сентября.

3. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). – Ф. 14. – Оп. 6.
4. ГАВО. – Ф. 704. – Оп. 1.
5. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 28. – Оп. 1.
6. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. 133. – Оп. 31.
7. ГАКО. – Ф. 749. – Оп. 1.
8. Государственный архив Новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). – Ф. Р-383. – Оп. 1.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. ОО. – Оп. 245. 1915 год.
10. ГАРФ. – Ф. 102. ОО. – Оп. 246. 1916 год.
11. ГАРФ. – Ф. 102. 4 д-во. – Оп. 126. 1917 год.
12. ГАРФ. – Ф. 102. 4 д-во. – Оп. 125. 1916 год.
13. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 73. – Оп. 9.
14. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 7.
15. Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. – М.: ТЕРРА, 1996. – 288 с.
16. Сняжников М.И. Десять лет борьбы. Из истории революционного движения в Костромской губернии (1907–1916 годы). – Кострома: Костромское книжное издательство, 1958. – 128 с.
17. Старый Владимирец. – 1916 год. – 7 ноября.

Киселёв Анатолий Кириллович

доктор исторических наук, доцент
Северо-Кавказский социальный институт
akiselev2@yandex.ru

Коробкина Ирина Александровна

кандидат исторических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
iryngkor@gmail.com

Попова Людмила Анатольевна

кандидат юридических наук
Северо-Кавказский федеральный университет
ms.plus894@bk.ru

МУСУЛЬМАНЕ В БРИТАНСКИХ ВООРУЖЁННЫХ СИЛАХ В НАЧАЛЕ XXI В.

В рамках обзора национальной политики Великобритании в начале XXI века авторы приводят данные о службе представителей мусульманской религии в армии Великобритании. Показаны мероприятия британского правительства на рубеже столетий, направленные на формирование в вооружённых силах так называемой мультикультурной и мультиконфессиональной общности военнослужащих. Авторы приводят конкретные примеры службы в армии представителей мусульманских общин Великобритании. Статистические данные показывают, что в британской армии служит достаточно большое количество солдат и офицеров, представляющих различные религиозные конфессии, в том числе мусульман. Несмотря на относительное их меньшинство в общей численности личного состава королевских вооружённых сил, они имеют даже собственную Ассоциацию мусульман вооружённых сил.

Наличие у этой ассоциации собственного веб-сайта позволяет мусульманам (как суннитам, так и шиитам), которые служат в британской армии, встречаться друг с другом на интернет-форумах и общаться с имамами. Кроме того, военнослужащие мусульмане имеют доступ к сети местной информации, что позволяет им найти мечети рядом с их базами, а также подробные данные о местных религиозных группах. Таким образом, новый имидж вооружённых сил все более отражает современный день британской армии.

Ключевые слова: ислам, Великобритания, армия, национальные меньшинства, законодательство, Ассоциация мусульман вооружённых сил (AFMA).

В России на бытовом уровне принято считать, что Англия – практически мононациональное государство. Однако это далеко не так. Данный материал предлагает читателю убедиться в многонациональном характере населения Великобритании и в том, что Правительство Её Величества предпринимает определённые шаги по интеграции некоренных англичан во все структуры управления вплоть до силовых ведомств, главным из которых являются вооружённые силы.

В 2009 году цветное население Великобритании составило 9,1 млн. человек, за восемь лет увеличившись на 2,5 млн. (с 6,6 млн. в 2001 г.). Каждый шестой житель страны теперь является представителем сообществ мигрантов, ежегодный прирост в их среде – около 4%. За этот же период на 50% возросло число представителей смешанных этнических групп – с 672 тыс. до 986 тыс. [1, с. 116].

Британскую империю уже с XVII века населяло большое количество мусульман. Лорд Солсбери, викторианский премьер-министр, однажды заметил, что Англия имела самую большую мусульманскую диаспору на земле. В XIX веке мусульманские моряки из Йемена поселились в небольших населённых пунктах в Ливерпуле и Кардиффе, но после Второй мировой войны и до конца 1950-х годов значительное число мусульман стало приезжать в Великобританию, чтобы обезопасить себя от нищеты и безработицы, процветавших в азиатских государствах, что способствовало восполнению послевоенного дефицита живой силы в британской

обрабатывающей промышленности, здравоохранении, образовании и транспорте. На сегодняшний день в Великобритании проживают и являются подданными Её Величества 3107 тысяч мусульман, что составляет 4,8% от всего населения государства и 0,2% от всех мусульман мира [18]. Большинство мусульман (около 600 тыс. человек) живет в Лондоне и его окрестностях. Они разговаривают на более чем 50 языках [3]. Центральное правительство Великобритании в настоящее время уделяет все больше и больше внимания поддержке региональных и миноритарных языков в целях снижения конфликтного потенциала в регионах страны [2, с. 319]. Большое количество мусульман живёт в Бирмингеме (140 тыс. человек) и в Брэдфорде (75 тыс.). Блэкберн, Бернли, Дьюсбери, Глазго, Лидс, Манчестер и Олдхэм также являются домом для значительного числа подданных, исповедующих ислам.

Один миллион мусульман, живущих в Британии, – из Пакистана, Бангладеша и Индии. Большинство из них сунниты (следует отметить, что по количественному соотношению суннитов и шиитов точных данных нет). Пакистан, Бангладеш, Турция, Нигерия и Алжир продолжают служить постоянным источником мигрантов. В настоящее время приток в Британию мусульман также происходит из Афганистана, Боснии, Ирака, Косово и Сомали – по сути, из стран, где в последние годы наблюдаются политические конфликты. 180 тыс. мусульман считают себя «белого происхождения»,

из них 63 тыс. идентифицируют себя как белые британцы.

До конца 1990-х годов многие мусульманские общественные институты и группы добровольцев функционировали независимо от широкой общественности Британии. Были веские причины для этого: например, они не видели интереса к ним со стороны государственных, частных и благотворительных организаций, не чувствовали потребности сравнивать свой жизненный путь с жизнью других групп британцев.

Партнерские проекты между мусульманами и немусульманами стали появляться лишь после выборов 1997 года, и были ускорены после событий 9/11 и террористических атак в Лондоне 7 июля 2005 года. По итогам последних правительство пригласило 100 влиятельных мусульман создать семь рабочих групп для совместной профилактики экстремизма и просило их сделать рекомендации, при реализации которых взаимные проблемы могут быть удовлетворены [8].

Некоторые совместные мероприятия между мусульманами и не-мусульманами призваны показывать англичанам ислам с точки зрения мусульман, что имеет поддержку правительства. Кроме того, нововведением стали ежегодные правительственные награды, которые вручаются исключительно мусульманам за выдающиеся достижения перед Содружеством. Награды финансируются при поддержке государственных ведомств, в частности службы полиции, промышленников и других источников.

«Нация лавочников» – знаменитое название Британии, данное ей Наполеоном, в наши дни больше относится к проживающим в Великобритании мусульманам, чем к каким-либо другим общинам. Это происходит потому, что малые предприятия являются основной сферой, обеспечивающей участие мусульманского населения в экономике Великобритании. Каждый из пяти мусульман имеет свой мелкий или средний частный бизнес (для сравнения: то же относится к каждому третьему жителю Британии еврейского происхождения и к каждому из десяти – в других общинах; кроме того, десять процентов бизнеса Лондона принадлежат выходцам из Южной Азии, сохранивших не только семейные, но и деловые связи со своими родственниками в этом регионе мира [7]).

Многие мусульманские малые предприятия сосредоточены в сфере розничной торговли (продукты питания и одежда), распределения, гостиничного и ресторанного бизнеса. Действительно, именно в этих отраслях формируется «первый урожай» мусульманских лидеров бизнеса. По данным лондонской исследовательской компании Datamonitor, Великобритания имеет более 5 тыс. мусульманских миллионеров с ликвидными активами более чем на 3,6 £ млрд.

Многие из мусульман в настоящее время сделали успешную карьеру также и в политике. 5,5% мусульман работают в системе административных органов управления Великобритании, что в абсолютных цифрах составляет примерно 170885 человек [4, p. 39].

Власти Соединённого Королевства понимают, что только интеграцией мусульман и представителей иных конфессий во все структуры общественной жизни можно избежать внутренней конфронтации между людьми разных наций и вероисповеданий, проживающих в государстве. И чем более адекватным будет их процентное соотношение в органах и структурах государства, тем более сплочённым будет британское общество, тем лучше сможет быть организована работа по профилактике и преодолению новых угроз, стоящих перед Великобританией, равно как и перед другими государствами Европы.

Значимость мусульман, служащих в Вооружённых силах Великобритании, была подчеркнута британскими политиками и военными неоднократно в течение последних нескольких лет. В частности, Азим Хафиз, советник по исламу при Генштабе британских ВС, заявлял в 2015 году: «На мой взгляд, ценности вооружённых сил находятся в абсолютном согласии с ценностями ислама, как, в принципе, и других конфессий» [2].

Британские СМИ часто публикуют сообщения о представителях национальных меньшинств, особенно мусульманах, которые решили служить в вооружённых силах Её Величества. В частности, в статье бывшего офицера британской армии мусульманина Афзала Амина, опубликованной в газете «Гардиан» в 2013 году, говорится, в частности: «...экстремисты не одобряют наше присутствие в вооружённых силах Великобритании. Более 600 британских мусульманских солдат развернуты в Афганистане, Мали, Сомали и других странах, способствуя нашей коллективной безопасности. Вооружённые силы помогли мусульманам в Ираке и Афганистане – это два театра военных действий, в которых главными бенефициарами военного присутствия Великобритании были мусульманские мирные жители и их правительства» [8].

Как считают представители военных, в дополнение к оказанию содействия регулярной армии мусульманские солдаты, пока они находятся в армии, могут также выполнять полезные функции с точки зрения культуры и языка.

Самые последние статистические данные, опубликованные Министерством обороны Великобритании, показывают, что на сегодняшний день насчитывается 650 мусульман, служащих в вооружённых силах [11]. Из них 550 находятся в британской армии, составляя 0,5% от общего количества военнослужащих. Наряду с другими религиозными группами мусульманские военнослужащие

поддерживают сеть взаимной поддержки, известную как Ассоциация мусульман вооруженных сил (AFMA). Вообще же количество исламских новобранцев в вооруженных силах Великобритании увеличилось с 2007 года более чем на 40% [9].

В последнее десятилетие, как утверждает Минобороны, количественно увеличилась доля персонала «черных» и этнических меньшинств во всех трех службах, относящихся к органам безопасности. Она выросла с чуть более одного процента до более семи процентов. В британской же армии этот показатель в настоящее время колеблется около десяти процентов [11].

Этот рост отчасти можно объяснить тем, что в 1998 году были сняты ограничения на постоянное жительство для граждан Содружества – частично в ответ на документально подтвержденный рост уровня расизма и отсутствие разнообразия в составе рабочей силы. За период с 2004 по 2011 год процесс увеличения небританского населения вышел на новые показатели. Численность подданных Великобритании, родившихся за пределами страны, возросла с 5,2 млн. человек (2004 г.) до 7,5 млн. человек (2011 г.). Безусловными лидерами в миграции были и остаются Индия, а также мусульманские страны Пакистан и Бангладеш [5].

Сегодня две трети персонала британского Министерства обороны классифицируются как «иностранные граждане Содружества», причём эта цифра не включает гуркхов и сикхов непальского происхождения¹. Применение «иностранных» британских солдат за пределами Великобритании оказало значительное влияние на прогресс в антирасистских настроениях в армии, которая становится мультикультурным и многоконфессиональным работодателем. Этот процесс модернизации предписывается и регулируется также британским законодательством [1, с. 108].

Ещё в 2003 г. в Правила занятости Великобритании в соответствии с «Рамочной директивой европейской занятости» был включён такой показатель как принадлежность к религии и к различным идеологическим убеждениям.

Тогда же было принято постановление о равенстве по религиозным убеждениям при приёме на работу, а в 2006 году выходит новый Закон об иммиграции и гражданстве, в том же году принимаются Закон о расовой и религиозной неприязни и Закон о равенстве [12].

Благодаря этим законам стало возможным назначать буддистских, мусульманских, сикхских и индуистских священников в качестве религиозных проповедников в армию, тогда как раньше религиозные лидеры привлекались просто в качестве советников. Для мусульман, как и для других религиозных групп, эта реформа означала возможность поддержки лиц их вероисповедания.

В соответствии с данными статистики, собранными с 2007 до 2009 года, в регулярных вооружен-

ных силах Соединённого Королевства на тот период времени было 500 мусульман. Четыреста из них были в армии, и значительная их часть были гражданами таких стран, как Гамбия, Гана, Нигерия и Пакистан. Именно в это время и была создана AFMA с задачей изучение вопроса о службе в армии мусульман. Мусульмане в вооруженных силах Великобритании могут молиться 5 раз в день. Они обеспечены халяльным рационом питания, могут использовать молитвенные комнаты на военных базах и на военно-морских кораблях.

Наличие у AFMA собственного веб-сайта позволяет мусульманам, которые служат в британских вооруженных силах, встречаться друг с другом на интернет-форумах и задавать вопросы имамам. Ассоциация также стремится наладить более тесные отношения с исламскими общинами по всей Великобритании, ее члены организуют образовательные мероприятия в общинах для дальнейшего понимания роли британских мусульман в вооруженных силах. Кроме того, служащие мусульмане имеют доступ к сети местной информации с тем, чтобы они могли найти мечети рядом с их базами, а также подробную информацию о местных религиозных группах. AFMA оказывает поддержку не только мусульманским солдатам, но и их командирам.

Имидж вооруженных сил все более отражает современный день Британии. У британской армии есть военнослужащие всех культур, вероисповеданий и традиций. AFMA также играет ключевую роль в преодолении разрыва между мусульманами в вооруженных силах и мусульманами в обществе [14].

Ассоциация надеется убедить гражданское мусульманское население Великобритании в значимости их службы: «...мы надеемся, что AFMA сможет преодолеть разрыв между вооруженными силами и мусульманской общиной и станет напоминанием, что ВС в качестве неотъемлемой части британского общества, как и другие учреждения, как полиция, пожарная служба и служба здравоохранения, призваны, чтобы служить этой нации как целое, включая мусульманскую общину» [4].

В докладе, озаглавленном «Память об отваге», отмечается не только вклад мусульман в деятельность вооруженных сил Великобритании, но и враждебность части приверженцев ислама по отношению к внешней политике британского правительства. В докладе утверждается, что «...лояльность не означает приостановку наших критических способностей и молчание в ответ на наши оспариваемые национальные обязательства. Мы должны обеспечить, чтобы действия военных чиновников несколько не умаляли ожидания наших вооруженных сил соблюдать международные законы и обычаи войны и поддерживать основные права человека» [16, P. 9].

Данные аргументы были адресованы всем поданным Великобритании, и одновременно этим документом организация мусульман внутри вооруженных сил была признана частью военного управления. Сегодня уже нет никакого противоречия между бытием мусульманской веры и защитой Великобритании. Всё большее число мусульман в вооруженных силах Великобритании – это естественное изменение, потому что общество становится все более толерантным, и молодые мусульмане, как мужчины, так и женщины, чувствуют себя всё более в состоянии пойти и служить во имя защиты государства от внешних врагов. Отметим, что руководитель исламской мусульманской организации в британской армии имам Асим Хафиз получил орден Британской империи за работу с мусульманами в вооруженных силах и за улучшение религиозного и культурного взаимопонимания между международными силами и афганским нарядом [17].

В 2009 году тогдашний начальник Генерального штаба, генерал сэр Дэвид Ричардс публично отметил, что Британия «имеет приверженность к сотрудничеству... со всеми теми мусульманами, с которыми мы имеем естественную идентичность, учитывая, что наши собственные основные ценности практически полностью отражают и основные постулаты мусульманской веры» [18; 19].

Именно благодаря подобной политике в британской армии менее чем за двадцать последних лет Министерство обороны Великобритании смогло увеличить долю персонала «черных» и этнических меньшинств во всех службах, относящихся к органам безопасности.

Примечание

¹ Исторические отношения между Великобританией и сикхской общиной проявились особенно остро в 2014 году в связи с 100-летием начала Первой мировой войны, в которой 80 тысяч сикхов сражались в составе британских вооруженных сил. Одними из основных центров сикхской диаспоры является Великобритания. В западном мире сикхов, из-за традиционных тюрбанов, часто принимают за мусульман, тогда как сикхизм — самостоятельная религия, возникшая в среде индуизма и ислама, но не признающая преемственности.

Библиографический список

1. Карпов Г.А. Великобритания: демография против мигрантов и мультикультурализма // Современная Европа. – 2014. – №2.
2. В армии Великобритании станет больше мусульман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islam-today.ru/6февраля2015> (дата обращения: 22.10.2016).
3. Жерновая О.Р., Смирнова О.А. Проблемы лингвистического национализма в государствах –

членах Европейского Союза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2012. – № 3(1).

4. Языки Великобритании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B8_%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 11.12.2016).

5. Armed Forces Muslim Association [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afma.org.uk> (дата обращения: 23.12.2015).

6. British Muslims in Numbers. A Demographic, Socio-economic and Health profile of Muslims in Britain drawing on the 2011 Census. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mcb.org.uk/muslimstatistics/> (дата обращения: 19.02.2017).

7. Goodman Paul. Drawing the Line Once Again: Paul Goodman's Anarchist Writings. Published June 21st 2010 by PM Press (first published January 1st 2009). 128 pages

8. Lutz Wolfgang. Demographic Metabolism: A Predictive Theory of Socioeconomic Change // Population and Development Review. 2015: 6/26 (Demography); 20/142 (Sociology) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:// [http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1728-4457/](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1728-4457/) (дата обращения: 19.11.2016).

9. Masood Ehsan. Muslims. Media Guide. 2006 / Centre for Ethnic Minority Studies Royal Holloway, University of London [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rhul.ac.uk/ethnicminority-studies (дата обращения: 27.10.2016).

10. Militarymigrants site [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.militarymigrants.org/2013/03/british-muslim-soldiers> (дата обращения: 14.11.2015).

11. Biannual Diversity Dashboard 01 October 2012 // Ministry of Defence. Statistical Release Published 29 November 2012. P. 12-15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Statistical Release Published 29 November 2012](http://www.gov.uk/government/news/muslims-in-the-armed-forces--2News%20story) (дата обращения: 11.11.2016).

12. Muslims in the armed forces [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.gov.uk/government/news/muslims-in-the-armed-forces--2News story](http://www.gov.uk/government/news/muslims-in-the-armed-forces--2News%20story) (дата обращения: 01.12.2015).

13. New support network for Muslim armed forces personnel. 12 October 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baff.org.uk/new-support-network-for-muslim-armed-forces-personnel> (дата обращения 13.12.2015).

14. Office of Public Sector Information [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opsi.gov.uk/ACTS/acts2006/20060013.htm> Immigration, Asylum and Nationality Act 2006; Racial and Religious Hatred Act 2006 (дата обращения: 13.11.2015).

15. Population by Country of Birth and Nationality Report, August . Office of National Statistics. August 2015. 27 August 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160105160709/http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171776_414724.pdf (дата обращения: 23.09.2016).

16. Text of the Act; Equality Act 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opsi.gov.uk/acts/acts2006/20060001.htm> (дата обращения: 23.01.2016).

17. British Muslim soldiers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.open.ac.uk/>

ccig/blogs/british-muslim-soldiers (дата обращения: 19.12.2016).

18. Whiteroppy site [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ppu.org.uk/whiteroppy/> (link is external) (дата обращения: 29.12.2016).

19. *Hackett Conrad*. 5 facts about the Muslim population in Europe. Pew Research Center. July 19, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/07/19/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/> (дата обращения: 17.12.2016).

АМЕРИКАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА. РОССИЯ – ТРЕТИЙ РИМ. ВЗГЛЯД В РЕТРОСПЕКТИВЕ

В системе международных отношений XXI века со стороны Соединенных Штатов Америки по-прежнему наблюдается стойкая тенденция к повсеместному и глобальному доминированию. Таким образом актуализируется некогда существующая макросистема взаимоотношений: метрополия – доминион. В статье подробно рассматривается генезис этой концепции в период с момента подписания Америкой декларации о независимости вплоть до сегодняшних дней. На основе сравнительно-исторического метода анализируется развитие событий, предшествовавших двум мировым войнам, и участие в них США, а с помощью контент-анализа определяется уровень американского влияния на эти процессы в области современных вызовов и угроз. В статье подробно рассматривается роль Российской Федерации в новой пост-ялтинской реальности, отмечается, что Россия выступает как один из основных акторов международной арены, способный восстановить баланс в системе международных отношений.

Ключевые слова: Америка, США, Россия, международные отношения, международное сообщество, первая мировая война, вторая мировая война, геополитика, глобальное доминирование.

В одном из своих многочисленных интервью президент России Владимир Владимирович Путин назвал распад СССР «огромной трагедией XX века». Действительно, распад СССР стал величайшей социогуманитарной катастрофой прошедшего столетия, когда десятки миллионов людей в одночасье оказались разделены новыми границами. В то же время распад огромной страны можно поставить в один ряд взаимосвязанных друг с другом, вырисовывающихся в одну большую историческую панораму событий, в которых явно прослеживается одна интересная закономерность, проходящая лейтмотивом сквозь ткань истории до наших дней. Эта закономерность – слом существующего миропорядка и устоявшихся границ как в европейской части евразийского континента, так и во всем остальном мире. По сути, эти изменения стали своего рода тенденцией с момента укрепления и расширения границ национальных интересов одной из наиболее значимых стран Нового Света – Соединенных Штатов Америки.

В военной терминологии есть такое понятие как «ползучее наступление». Такую характеристику можно с легкостью дать развитию США как части геополитической карты мира, с момента обретения ею в 1776 году независимости от Великобритании. И надо сказать, что развитие это шло семимильными шагами. Уже в 1823 году пятый президент США Джеймс Монро, формируя свою политику, отталкивался от концепции «Америка для американцев», что впоследствии стало фундаментом для территориальных притязаний Вашингтона на весь американский континент, а в дальнейшем и на Центральную и Южную Америку. Надо сказать, что идея расширения жизненного пространства принадлежала отнюдь не Гитлеру. Еще в 1845 году Джон О’Салливан, известный американский журналист, сформулировал концепцию американского Lebensraum – доктрину The Manifest Destiny (Проявленной Судьбы), в которой говорилось о святой миссии, предоставленной Соединенным Штатам

самим Провидением для завоевания континента, растущей из года в год многомиллионной нации, что вкупе с призывами Монро к континентальной солидарности стали, своего рода, прикрытием и поводом для развязывания американо-мексиканской войны 1846–1848 гг., результатом которой стало присоединение к США более половины тогдашней территории Мексики (Невада, Аризона, Колорадо, Нью-Мексико, Техас, Калифорния, Юта, Вайоминг) [11]. Следующим этапом по претворению в жизнь концепции «ползучего наступления» стало объявление в 1898 году войны Испании за господство над принадлежавшими ей на тот момент Филиппинами, Кубой и Пуэрто-Рико, а также за расширение влияния в регионе Тихого океана и двух Америк (Центральной и Южной). Однако доктрина американского Lebensraum, ставшая прообразом сегодняшней идеи панамериканского глобализма, требовала все больше и больше новых территорий для распространения геополитического и геоэкономического влияния.

Святая вера самих американцев и политическое истеблишмента страны (и не столь святая финансово-экономическая заинтересованность) в то, что США являются единственным светочем демократии и правообладателем чуть ли не библейской миссии на макдонализацию всего человечества по образу и подобию Соединенных Штатов, оправдывала и оправдывает в их собственных глазах притязания на вмешательство в дела суверенных государств и подмену значения таких фундаментальных понятий, как универсальные человеческие ценности, права и демократические свободы.

Очередной вехой, открывшей новую страницу в концепции «ползучего наступления» и расширения жизненных границ и национальных интересов США, стал XX век, оказавшийся особенно щедрым на всякого рода исторические потрясения, международные и внутривнутриполитические сломы.

К началу двадцатого столетия взор молодого, но амбициозного государства, наконец, обратился

в сторону Европы – динамически развивающегося и экономически стабильного региона. На тот момент Америка и сама переживала пик экономического роста, опередив весь мир по уровню промышленного производства, став, тем самым, ведущей индустриальной державой того времени. Совокупная добыча и производство чугуна, угля и стали в США достигали объемов, превышающих показатели в той же сфере во Франции, Германии и Англии вместе взятых. Однако к 1914 году американскую экономику поразил сильнейший кризис, от которого та смогла оправиться лишь с началом Первой Мировой войны так «удачно и кстати» разразившейся все в том же 1914 году. Именно тогда вся промышленность Соединенных Штатов была поставлена на поддержку жизнеспособности Антанты. Результатом стал мощнейший экономический всплеск в стране. Доходы от поставок в Европу взрывчатых и отравляющих веществ, угля, стали, наряду с предоставляемыми американскими банками кредитами позволили США не только выйти из кризиса, но и баснословно обогатиться. Вступив в войну на ее последних этапах, США не только не понесли каких бы то ни было серьезных потерь, но и обеспечили себе право участвовать в послевоенном переделе мира. Итогом Первой Мировой войны стал распад целого сонма империй, включая и Российскую, которая, если бы не внутренние разногласия, подогреваемые извне, имела отличные шансы стать в этой войне одной из победивших сторон. На эту тему было написано немало статей, книг и монографий. Остается лишь добавить, что основным бенефициаром (как политическим, так и финансовым) этой войны стали США, устав Лиги Наций (организации, призванной следить за новым послевоенным миропорядком) был разработан комиссией под председательством американского президента Вудро Вильсона, а человеком, призванным курировать вопросы заключения мирного договора, стал его советник и ярый русофоб – полковник Эдвард Мандел Хаус [14].

Спустя чуть более двух десятков лет Европа вновь сотрясла большая война. Не смирившаяся с потерей своих территорий нацистская Германия, ведомая национал-демократической партией, решила взять реванш. Так говорят учебники. Остается лишь удивляться той плохо скрываемой кальке, по которой в свое время писалась история Первой Мировой войны. По другую сторону Атлантики экономика Соединенных Штатов вновь переживает глубокую и затяжную рецессию. Позднее ее назовут Великой Депрессией, длившейся с 1929 по 1939 год. А 1939-й – год, когда разразилась очередная кровопролитная война в Европе. И вновь экономика США переживает второе дыхание, а ее промышленность – очередной бум. Станки работают на полную мощь, снабжая с безопасного расстояния всем необходимым страны, раздираемые войной. Войной, которая

завершившись в 1945 году, положила начало новой системе международных отношений, в которой вызов неумной жажде господства Запада с ее концепцией «ползучего наступления» бросил молодой, восставший, словно птица феникс из пепла бывшей империи, Союз Советских Социалистических Республик. Война позволила США окончательно укрепить свои позиции в Европе: «План Маршалла», активная пропагандистская работа, призванная консолидировать вокруг себя европейские страны против нового идеологического соперника, были частью той самой американской концепции нового миропорядка, на пути которой стояла лишь одна Россия. Началась эпоха противостояния двух систем, двух идеологий, двух сверхдержав. Принято считать, что это противостояние завершилось распадом Советского Союза в 1991 году. Однако, как показывает история, это противостояние не заканчивалось никогда, продолжается оно и по сей день. Менялись лишь формы взаимоотношений. Суть оставалась прежней. Российская Федерация является единственным сдерживающим фактором на пути США к глобальному доминированию и установлению нового миропорядка по-американски. Фактически США уже изменили облик мир-системы: создали финансовые наднациональные структуры, контролирующие хозяйственную деятельность большинства государств; умело изменили финансовую систему, основанную на золотом стандарте, в результате чего доллар США, наряду с золотом, стал одним из видов мировых денег. Бреттон-Вудская конференция, инициированная США еще во время второй мировой войны, положила начало существованию одноименной системы. Звеньями этой системы стали подконтрольные Америке международно-финансовые организации МВФ, МБРР и другие. Они позволили Штатам получить валютную гегемонию и держать остальные страны на долларовой игле, что в свою очередь кардинальным образом изменило экономику США, Европы (путем претворения в жизнь Плана Маршалла сразу после войны), а в дальнейшем и всего мира, доказав, тем самым, состоятельность теории Валлерстайна [3] о том, что мир-экономики (и, отнюдь, не только докапиталистические) рано или поздно превращаются в мир-империи через их политическое объединение под властью одного государства – Соединенных Штатов Америки. Однако интересы этой мир-империи нужно всячески оберегать, для чего был сохранен и многократно расширен по сути утративший свои первоначальные цели военно-политический блок НАТО. Наряду с этим США постоянно провоцируют повсеместное возникновение локальных конфликтов, для сохранения военной силы в различных частях света; дестабилизируют обстановку в регионах мира; игнорируют нормы международного права; проводят во вне политику государственного терроризма.

На сегодняшний день основными вызовами и угрозами современному мировому обществу, помимо прочих, являются: терроризм, наркотрафик, миграция, гонка вооружений, распространение ядерного оружия/угроза загрязнения окружающей среды. Ссылаясь на официальные данные организаций, ответственных за мониторинг ситуации в каждой из этих областей, можно с высокой долей уверенности заявить о прямой или косвенной причастности США к возникновению вышечисленных угроз. Так, к примеру, согласно докладу Генерального секретаря ООН, «В условиях безопасности и достоинства: решение проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов» [5], каждый год гибнут тысячи людей, пытающихся покинуть зоны военного конфликта, миллионами исчисляются лица внутренне перемещенные, а также вынужденно, под угрозой безопасности жизни, покинувшие пределы своей страны. На сегодняшний день основными странами-«донорами» таких вынужденных мигрантов являются Сирия, Ирак, Ливия, Судан, Йемен, Афганистан и далее по списку. Все эти страны в свое время ощутили на себе прелести современных методов опосредованного и не опосредованного воздействия США: гуманитарные интервенции и цветные революции.

Согласно докладу Управления Организации Объединенных наций по наркотикам и преступности [12], производство опиума на территории Афганистана с 2000 года возросло в несколько раз, а в 2016 году рост составил 48%. На сегодняшний день Афганистан производит две трети выращиваемого в мире опиума. Рост производства отмечается в период проведения в республике операции «Несокрушимая свобода» под предводительством США. В то или иное время здесь можно также отметить и немалую роль американского правительства в части оказания помощи различным оппозиционным группам от Афганистана до Ирака и Сирии.

Безответственное отношение в области ядерных технологий и энергоносителей в угоду собственным финансовым интересам ставит под угрозу на-

селение всей Европы и не только. Американская компания Westinghouse Electric, всячески пытаясь вытеснить Россию с рынка ядерного топлива, неоднократно предпринимала попытки поставки топливных кассет собственного производства для АЭС, построенных для реакторов типа ВВЭР, разработанных в СССР. Такие попытки предпринимались повсеместно. Финляндия (АЭС Ловииса), Чехия (АЭС Темелин), Украина (Южно Украинская АЭС, Запорожская АЭС), Болгария (АЭС Козлодуй – попытка установки реактора AP-1000 производства Westinghouse, имевшего многочисленные проектные недостатки). Однако каждый раз в ходе опытной эксплуатации американские стрелки оказывались неспособны заменить российские, подвергаясь коррозии и деформации, что в свою очередь могло привести к трагедии с многочисленными жертвами среди мирного населения и загрязнением окружающей среды на многие сотни лет.

«Замена украинскими АЭС топлива российского производства на американское невозможна», – отмечает руководитель секции эксплуатационной безопасности департамента безопасности ядерных установок МАГАТЭ Мирослав Липар [9]. Однако об этом мало кто думает, ведь территории этих стран далеко от берегов Америки, а понятие о розе ветров, как правило, игнорируется. Огромное влияние Соединенные Штаты оказывают и на уровень всеобщей милитаризации, тем самым провоцируя неизбежную гонку вооружений. Согласно данным Министерства обороны США (Department of Defense (DoD. Fiscal Year 2017), Америка вновь увеличивает свой оборонный бюджет [7].

Согласно данным Стокгольмского института исследования проблем мира [10], объем экспорта из США по сравнению с 2007–2011 гг. вырос на 21%. А уровень общемировой милитаризации вырос более чем в полтора раза с момента распада СССР.

Из этих простых примеров становится очевидной пагубная роль американской концепции всеобщего доминирования, основанная отнюдь не на

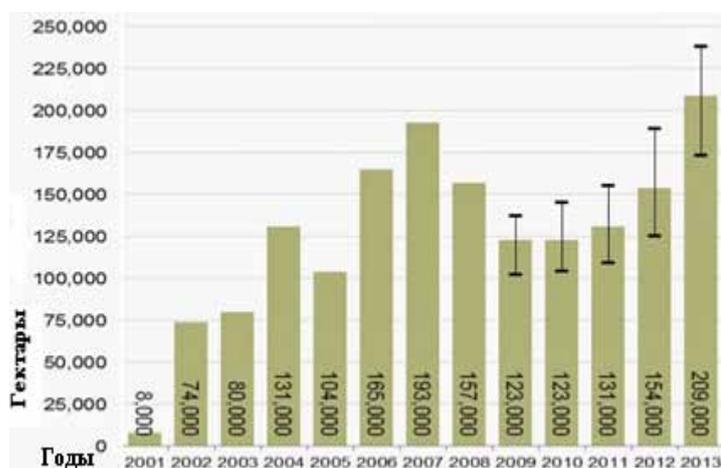

Рис. 1. Рост производства опиума-сырца в Афганистане в период с 2001 по 2013 гг.

Таблица 1

Бюджет министерства обороны США на 2017 г.[7]

\$ в млрд.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Базовая сумма	497,3	521,7	523,9
Военные операции за рубежом	63,1	58,6	58,8
Итого:	560,4	580,3	582,7

идее мессианства и избранности американской нации нести свободу и демократию в массы, а на сиюминутных интересах транснациональной клики, поправшей основы морали и нормы человеческого общежития. Клики, кричащей голосами Френсиса Фукуямы о конце истории и всеобщей победе американского народа, Генри Киссинджера о том, что сохранить мировой порядок может лишь лидерство США, и Збигнева Бжезинского, который так и не научился играть в шахматы.

На смену несостоявшейся гегемонии Запада все более уверенной поступью выходит Россия. Выходит, как и прежде делала это не раз, с целью защитить и спасти угнетенные народы, добиться торжества истины и справедливости для тех, кто был однажды ее лишен. Так же как когда-то спасла Болгарию, Балканы, Закавказье, Европу, Кубу, Алжир, Анголу, сейчас спасает Сирию. Учение о Москве как о Третьем Риме вновь становится актуальным, однако теперь уже не с позиции «филофейства» (концепции о мировом господстве), а с позиции, согласно которой весь комплекс понятий о «всемирной империи» принадлежит не светскому, политическому, но религиозному мировоззрению, что отражает именно учение о спасении [8]. Такое лидерство предполагает не завоевание народов с его последующей социокультурной ассимиляцией под кальку западной шкалы ценностей, как это делалось США, а дает возможность найти себя самих в этом мире. Тяга к справедливости, понятие добра и зла, основы морали и нравственности так близкие народам России, предопределены историей страны, тем трудным и тернистым путем, который ей довелось пройти.

Сегодня западные ценности постепенно утрачивают свою привлекательность и актуальность для остального мира. Идеи демократии по-американски более не влекут к себе народы. И Запад это чувствует, пуская в ход весь свой инструментарий: экономические санкции, дипломатические препоны, информационную пропаганду, политизацию спорта, милитаризацию армии, развитие глобальной системы ПРО, включающей в себя как наземную, так и морскую компоненты, разработку гиперзвукового оружия и многое другое.

Проводя сравнительно-исторический анализ развития событий, предшествовавших двум мировым войнам, можно было бы с высокой долей вероятности предсказать сценарий, кальку, по которой могла бы пойти Америка в контексте продолжения своей концепции «ползучего наступления». Прямо-

го военного столкновения, разумеется, опасаться не стоит – уровень потенциала и военно-технического прогресса сегодня в разы превышает тот, коим обладали страны в первой половине прошлого века. Однако история наглядно показывает и то, что каштаны из огня не всегда можно доставать своими руками. Сегодняшние события на Ближнем Востоке, нагнетание напряженности в ЮКМ и регионе АТР в целом, рост ультраправого крайне радикального национализма на Украине и в Прибалтике, а также слом политики мультикультурализма в Европе, подогреваемый весьма релевантной для европейских народов проблемой беженцев, представляются звеньями одной цепи и невольно напоминают о трудах небезызвестного Сэмюэля Хантингтона.

Сегодняшняя система международных отношений стоит на историческом перепутье. И России в который раз предстоит сыграть важную роль в сохранении мира и стабильности. Раскинувшись по обе стороны уральского хребта, Россия соединила в себе два мира, две ментальности – западную и восточную. Это дает отличную возможность стать своеобразным медиатором, ведущим мир в сторону баланса интересов, основанного на диалоге, уважении, взаимовыгодном партнерстве. Необходимо активно использовать все международные площадки для переговоров, создавать и поддерживать новые форумы политической, экономической и иной направленности, быть не только приглашенной стороной в инициированных другими странами переговорах, но и самой организовывать и усаживать за стол этих самых переговоров тех, кто делать этого не хочет. Россия блестяще показала это умение, организовав переговоры по Сирии в Астане. Необходимо озвучивать свою позицию, направленную на оздоровление ситуации в мире с трибун таких организаций как ШОС, АТЭС, СНГ, БРИКС, Большая Двадцатка, ЕАЭС, ООН. Лидирующие позиции во многих из них дают Российской Федерации отличную возможность привести мир к экономической и политической гармонии, и вместе с тем оградить его от уготованной ему участи пасть жертвой абсолютного господства одного созерца – США. Россия к этому полностью готова, что и отражено в новой редакции ее внешнеполитической концепции 2016 г.: «Россия не признает экстерриториального осуществления США своей юрисдикции вне рамок международного права, не приемлет попыток оказания военного, политического, экономического или иного давления, и оставляет за собой право

жестко реагировать на недружественные действия, в том числе путем укрепления национальной обороны и принятия зеркальных или асимметричных мер» [4].

Однако необходимо четко понимать, что это отнюдь не игра мускулами, а лишь необходимая мера, сдерживающий фактор для любого, кто считает силу единственным средством общения.

И в заключение к высказыванию Линкольна: «Сила на стороне правды», хочется добавить слова Тургенева: «Правда у каждого может быть своя, но истина всегда одна».

Библиографический список

1. *Богатуров А.Д.* Системная история международных отношений. В 2 томах. Том 1. События 1918–1945 годов. – М.: Культурная Революция, 2009. – 480 с.
2. Бюджет министерства обороны США на 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2017/FY2017_Budget_Request_Overview_Book.pdf (дата обращения 01.03.2017).
3. *Валлерстайн И.М.* Мир-система Модерна Том 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2005. – 592 с.
4. Внешнеполитическая концепция РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 25.02.2017).
5. Доклад Генерального секретаря ООН (01.03.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/112/64/PDF/N1611264.pdf?OpenElement> (дата обращения 25.02.2017).
6. *Иванов О.П.* Военная сила в глобальной стратегии США. – М.: Восток-Запад, 2008. – 198 с.
7. Министерство обороны США. Бюджет 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2017/FY2017_Budget_Request_Overview_Book.pdf (дата обращения 25.02.2017).
8. *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 536 с.
9. Новостное агентство SputnikNews, “Simple Switch to US Nuclear Fuel for Ukraine Plants Impossible – IAEA Official” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputniknews.com/world/20140521190012826-IAEA-Says-Impossible-for-Ukraine-to-Switch-to-US-Nuclear-Fuel> (дата обращения 01.03.2017).
10. Объем экспорта США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sipri.org/sites/default/files/AT-Press-Release-RUS.pdf> (дата обращения 01.03.2017).
11. *Потокова Н.В.* Агрессия США против Мексики. 1846–1848. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 141 с.
12. Управление Организации Объединенных наций по наркотикам и преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unodc.org/doc/wdr2016/WORLD_DRUG_REPORT_2016_web.pdf (дата обращения 25.02.2017).
13. *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. – М.: Эксмо, 2002. – 512 с.
14. *Уткин А.И.* Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001. – 592 с.
15. *Хантингтон С.Ф.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2016. – 603 с.
16. *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. – Basic Books, 1997.
17. *Fukuyama F.* State-Building: Governance and World Order in the 21st century. – Cornell University Press, 2004.
18. *Kissinger H.* A World Order. – New York: Penguin Press, September 9, 2014.

КИРГИЗСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ: НОВЫЙ ЭТАП МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На протяжении всей своей истории киргизская диаспора имела насильственный или вынужденный характер миграций вследствие политических и религиозных причин (до 60-х гг. XX в.). Изменения в жизни киргизской диаспоры современного периода (после распада СССР) связаны чаще с причинами экономическими, характеризуется индивидуальным перемещением с практикой вызова семей в страну нынешнего проживания этнических киргизов. Количество киргизов, проживающих (постоянно или временно) в Российской Федерации, по разным оценкам, составляет от 500 тысяч до миллиона человек и более. Они консолидированы в более чем 50 разного типа диаспоральных объединениях, являются составной частью Федерации мигрантов России. Интересы киргизских диаспор и мигрантов за рубежом представляет Ассоциация киргизских диаспор в России и Казахстане «Замандаш».

Ключевые слова: Россия, Кыргызстан, миграция, диаспора, межкультурные связи.

Киргизская диаспора за рубежом – явление неоднородное: это эмигранты, за долгие годы в стране проживания полностью адаптированные к местным условиям и интегрированные в жизнь социума, и мигранты, утратившие или пока сохраняющие гражданство своей этнической Родины, трудоустроенные в стране проживания или обучающиеся там.

Вопрос о количестве киргизов за пределами этнической Родины очень сложно решить более или менее определённо в связи с различными факторами. В данном случае необходимо учитывать, стали ли первые эмигранты гражданами страны проживания и, что зависит только от их желания и мотивации, причисляют ли они себя к киргизской диаспоре. Современная миграция, несмотря на наличие таможенного контроля и прочих необходимых формальностей, которых не может избежать мигрант, – явление, не слишком поддающееся статистике. А если эта миграция еще и нелегальная, что нередко бывает, тогда вопрос вообще остается открытым.

Данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики, посольств Кыргызстана в других государствах, публикации в периодической печати, материалы Центрально-азиатского исторического сервера [17] содержат противоречивую информацию о количественных показателях киргизской диаспоры в разных странах мира. К примеру, «Аргументы и факты в Кыргызстане» указывают, что количество киргизов в России на 2010 г. составляло около 500 тыс., а интернет-источники [7] отмечают, что с учётом трудовой миграции в РФ находится более миллиона киргизов.

Киргизы проживают в странах Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Западная Монголия, Непал, ОАЭ, Тайвань), в Европе (Великобритания, Италия, Франция, Чехия и др.), в странах Африки (Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Нигерия, Судан, Танзания, Уганда, Эфиопия и др.), в Канаде, Израиле и даже в северной части Австралии.

В качестве типичных причин формирования и развития (роста) киргизской диаспоры за рубежом обычно называют причины политического, религиозного и экономического характера. Почти сразу же после распада СССР, в 1993–1994 гг., началась массовая временная трудовая миграция из Кыргызстана. По оценкам экспертов, в 1994–1997 гг. в поисках работы республику оставили около 200 тысяч киргизов [8].

В качестве причин миграционных движений в среде киргизского населения преобладают экономические проблемы [18], рост безработицы, особенно среди молодежи, а также экономический рост и увеличение потребности в рабочей силе в России и Казахстане. Так, в 2001 г. около 400 тыс. киргизов выехали на работу в Россию [16], а в 2004 г. число трудовых мигрантов из Кыргызстана составляло около 500 тыс. человек, из них более 350 тыс. приехали в Россию [14, с. 290].

По данным ФМС РФ, в 2012 г. в Россию въехало 546100 киргизов, разрешение на трудовую деятельность в РФ получили 86097 чел. В 2013 г. мигранты в РФ составили 667902 чел., рабочие патенты получили 92819 чел., 6100 из них – это квалифицированные специалисты. Из граждан Кыргызской Республики 53% получили разрешение на работу в сфере услуг, 21% – в строительстве, 5,2% – в сфере транспорта и связи.

Не секрет, что основной поток мигрантов из Центральной Азии устремляется в Россию. По разным данным, на территории РФ работают от 300 до 500 тыс. граждан Кыргызской Республики [10]. Материалы последней переписи населения в Кыргызстане свидетельствуют о том, что в стране проживают 3674395 человек (из общей численности населения КР – 5362800). В качестве трудовых мигрантов за 20 лет независимости из Кыргызстана в Россию уехала одна пятая часть трудоспособного населения. Граждане Кыргызстана, уехавшие на заработки, остаются в России и массово получают гражданство. По данным НПО, за несколько лет почти 400 тыс. человек из Кыргызстана приняли

российское гражданство. Это означает, что выросло целое поколение киргизских детей, которые родились в России, учатся в России, говорят на русском и не знают, вернутся ли когда-нибудь в Киргизстан, потому что их родители не уверены, найдут ли достойную (по уровню оплаты) работу на своей исторической Родине [5].

Различные проблемы, с которыми сталкиваются трудовые мигранты из Киргизстана, вызвали необходимость создания в 2003 г. Ассоциации киргизских диаспор России и Казахстана – «Замандаш» [6], которая в настоящее время объединяет в своих рядах представителей киргизов примерно из 50 городов Российской Федерации, 11 городов Республики Казахстан, городов Великобритании, Китая, США, Турции, Южной Кореи, Испании, Малайзии, Канады, Польши, Чехии, Ирана, Италии, Египта, Украины, Германии и др. [9]. Так, в Справочнике трудового мигранта, специально изданном при участии Ассоциации «Замандаш» в Киргизстане в 2013 г. для граждан КР, прибывающих на работу в Россию, помещены сведения о 55 общественных объединениях киргизов на территории России [15].

К примеру, только в Москве (Центральный федеральный округ) – пять общественных организаций, еще три – в Ярославле, Воронеже и Иваново; три объединения – в Санкт-Петербурге, по Уральскому федеральному округу зарегистрировано девять объединений; в Южном федеральном округе созданы и действуют еще пять организаций: в Ростове-на-Дону, Астрахани, Краснодаре и Элисте; в Приволжском федеральном округе – девять организаций киргизов. Наибольшее количество общественных организаций на территории России зарегистрировано по Сибирскому федеральному округу – 16 организаций, расположенных в Новосибирске, Омске, Красноярске, Иркутске, Чите, Абакане, Улан-Удэ, Томске, Новокузнецке, Северо-Байкальске и др. Дальневосточный федеральный округ представляют пять организаций (Якутск, Мирный, Южно-Сахалинск, Владивосток, Хабаровск) [15].

При всей пестроте наименований этих организаций, можно выделить несколько типов диаспоральных объединений на территории России, расположив их по рейтингу частотности: а) общественная организация (городская, краевая, региональная, областная, окружная, некоммерческая); б) национально-культурная автономия (местная, городская); в) национально-культурное объединение; г) центр (культурный, национально-культурный, поддержки); д) фонд (благотворительный, общественный, помощи, содействия); е) община; ж) диаспора.

Необходимо отметить высокую активность киргизских диаспоральных объединений России в плане стремления к консолидации усилий, что заметно по проведению курултаев, конгрессов, фору-

мов и других мероприятий различного статуса – от всероссийского и международного до всемирного.

Так, в июне 2007 г. в г. Калуге на базе культурно-образовательного центра «Этномир» был проведен Первый международный форум киргизских диаспор, участниками которого стали более 150 представителей киргизских диаспор из регионов России и других стран СНГ [4].

В августе 2012 г. в Бишкеке был проведен Первый всемирный Конгресс соотечественников и киргизов за рубежом. «Первое и важное позитивное дело Конгресса – это возможность познакомиться с соотечественниками из разных стран мира... Мы воочию убедились в той силе, которая может помочь нашей стране в трудное время, – сообщил в своем интервью Радио «Азаттык» Д. Деркембаев – председатель общественной организации киргизов в Европе «Манас» [3].

В декабре 2012 г. в Москве состоялся учредительный Всероссийский киргизский конгресс [11], который можно считать важным шагом по направлению к консолидации киргизских общественных организаций России и всех выходцев из Киргизстана, получивших российское гражданство. Делегаты Всероссийского киргизского конгресса призывали к объединению все киргизские общественные организации, готовые сотрудничать на благо России и Киргизстана для сохранения духовных основ и нравственности представителей киргизской диаспоры в России.

9–11 мая 2014 г. в Москве прошел III Всемирный форум киргизских диаспор за рубежом. Отметим, что Первый такой форум проходил в Нью-Йорке в 2012 г., Второй – в Италии (г. Сан-Марино, 2013 г.). В III Всемирном форуме участвовали представители 10 зарубежных диаспор, более 50 российских общественных организаций, гости из разных этнических диаспор и официальные лица России и Киргизстана [1].

Отметим, что интерес к проблемам этнических киргизов, находящихся за рубежом, их истории и культуре увеличивается с каждым годом. Наблюдается растущее внимание к жизнедеятельности киргизской зарубежной диаспоры со стороны СМИ. Реалии диаспоральной жизни киргизов отражены в публикациях журналов «Аалам кыргыздары», «Замандаш» (Бишкек), «ДА-платформа» (Бишкек – Анкара), «Семетей» (Санкт-Петербург), «Шинжан кыргыз адабияты» (Урумчи), газет «Эне тили» (Самара), «Трудовой мигрант в Татарстане» (Казань), а также в Интернете, к примеру, в «Вестнике кыргызского дома в Санкт-Петербурге» [2] и др.

Литературное творчество представителей современной киргизской диаспоры в России становится предметом научных исследований. Данному вопросу посвящено уже немало статей, хрестоматия в двух частях и монография «Литература этнических кыргызов в диаспорах» В. Сабировой, кото-

рые можно отнести к наиболее полным источникам сведений о современных реалиях культурной жизни киргизской диаспоры за рубежом, о взаимодействии диаспоральных объединений с российскими федеральными или другими организациями [12; 13].

Однако проблемы формирования современной киргизской диаспоры, возникшей как следствие миграционных процессов в постсоветский период, еще ждут своих исследователей. Одним из важнейших вопросов является проблема взаимозависимости трех основных компонентов: Киргизской Республики, киргизской диаспоры и стран ее проживания. Киргизская диаспора является одним из важнейших компонентов внешней политики Киргизстана: на межгосударственные взаимоотношения влияет положение киргизов как этнического меньшинства в инациональной среде, имеющего историческую Родину – Киргизстан.

Библиографический список

1. *Акназарова А.А.* Информационно-коммуникативное пространство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: elibrary.ru/item.asp?id (дата обращения: 27.02.2017).
2. Вестник Киргизского дома в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnikkdsdpb.narod.ru/tuleb.htm> (дата обращения: 27.02.2017).
3. *Деркембаев Д.* Если каждый путник знает курс, караван не заблудится [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus.azattyk.org/content> (дата обращения: 02.12.2016).
4. Диалог культур – Единый мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ethnoworld.ru> (дата обращения: 17.11.2016).
5. *Касымалиева А.* Все больше кыргызстанцев предпочитают российский паспорт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.azattyk.org/content> (дата обращения: 02.12.2016).
6. Киргизия: Премьер ознакомился с проблемами киргизских диаспор России и Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fergananews.com/news> (дата обращения: 12.02.2017).
7. Население Киргизии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ru.wikipedia.org> (дата обращения: 02.12.2016).
8. *Омаров Н., Махновский В.* Миграционные процессы в Кыргызстане: современные тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. – 1998. – № 1. – С. 47–54.
9. Официальный сайт МИД КР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfa.kg> (дата обращения: 17.01.17).
10. *Павлова И.* Трудовая миграция: старые песни о главном [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/news> (дата обращения: 17.01.2017).
11. Первый Всероссийский конгресс киргизов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vk.com> (дата обращения: 17.11.2016).
12. *Сабирова В.К.* Контент-анализ публицистики кыргызского зарубежья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 4. – Ч. 1. – С. 184–187.
13. *Сабирова В.К.* Литература этнических кыргызов в диаспорах: монография. – Ош, 2010. – 228 с.
14. *Садовская Е.Ю.* Казахстан в Центрально-азиатской миграционной подсистеме // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. – М.: АдамантЪ, 2009. – С. 279–321.
15. Справочник трудового мигранта: пособие для граждан Киргизии, прибывающих на работу в Россию. – Бишкек: Салам, 2013. – 92 с.
16. Тенденции в области миграции в регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Обзор за 2001–2002 годы. – М., 2003. – 188 с.
17. Центрально-азиатский исторический сервер. Раздел «Народы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kyrgyz.ru> (дата обращения: 02.12.2016).
18. *Элебаева А.* Современные миграционные процессы в Кыргызстане // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. – М.: АдамантЪ, 2009. – С. 384–390.

«КНИГА» АНДЖЕЛЫ ДА ФОЛИНЬО КАК ОБРАЗЕЦ ЖАНРА ОТКРОВЕНИЙ

В статье анализируется интересный и малоизученный памятник средневековой итальянской литературы – «Книга откровений блаженной Анджелы да Фолиньо», созданный в самом конце XIII в. – как образец распространенного в Средние века жанра откровений. Рассматривается история создания «Книги» как результат совместного творчества Анджелы, диктующей свои мистические переживания, и писца, выполняющего одновременно и роль редактора, располагающего материал определенным образом и дающего свои комментарии в связи с самим текстом и обстоятельствами его записи. Такие особенности «Книги», как попытка представить способ передачи и восприятия божественного сообщения, описание внешнего вида и поведения реципиента откровений, тщательная фиксация процесса их записи, фокусирование внимания на проблеме их подлинности, являются маркерами жанра откровений.

Ключевые слова: итальянская средневековая литература, религиозная литература, Анджела да Фолиньо, жанр откровений, поэтика жанра.

Откровения представляют собой особый жанр средневековой литературы, задачей которого является передача божественного сообщения [5, с. 16]. В основе откровения лежит некое «событие», переживание, духовный опыт, который расценивается как исходящий от Бога и фиксируется ради пользы ближнего. Разновидностью откровений являются видения, в них духовный опыт облекается в визуальные формы, тогда как в откровениях он передается «голосом» (или «голосами»), приходит как собственная мысль, внезапно озарившая все существо, или как внушение свыше. Откровения – жанр дидактический, их содержание заключается не только и не столько в «автобиографическом» описании личного опыта реципиента откровений или визионера, данного ему либо как стимул для изменения греховной жизни, либо для утверждения на избранном пути, сколько в поучении и назидании окружающих.

Откровения и видения часто сопутствуют друг другу. Так, например, немецкий мистик XII в. Хильдегарда Бингенская является автором трактата, сочетающего в себе видения и откровения «Scivias» («Познай пути Господни»): она описывает то, что она видела, а затем приводит объяснения, которые она слышала от «небесного голоса», т.е. откровения.

Форма передачи духовного опыта, полученного в откровениях, зависит от воли автора, поэтому откровения облекаются в письма, трактаты, стихи или поэмы, автобиографические заметки. Как отмечает Динцельбахер, способы создания текста из «события» могут быть различными: человек сам записывает откровение или диктует его, оно может быть включено в житие или в документы по канонизации, нередко его переводят, переделывают, иногда имеют место подделки [5, с. 38]. По своему содержанию они могут быть общецерковными или частными. В первом случае они заключают

в себе целостное учение, развивающее основные догматы христианства; таковы «Познай пути Господни» Хильдегарды Бингенской, «Диалог о божественном провидении» Екатерины Сиенской, отчасти «Струющийся свет Божества» Мехтильды Магдебургской [1, с. 285]. Во втором случае они касаются, в первую очередь, тех, кто их получает, и воспринимаются как этап внутреннего пути, хотя это не исключает необходимости поведать о своем личном опыте окружающим с целью их поучения.

Сам по себе этот жанр не нов, он был известен в иудейской, античной, христианской, мусульманской культурных традициях. В Средние века он приобретает особое распространение в связи с развитием христианской мистики. Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство откровений и видений имели женщины. При этом нередко женская мистика принимала «альтернативные формы» [9, с. 20], отдалялась от догматических положений и приближалась к еретическим. В связи с обилием так называемых «частных откровений» остро стоял вопрос об их природе – от Бога они или от дьявола [8] (вопрос этот сугубо богословский, его рассмотрение не входит в задачи литературоведов). Этим объясняется глубокое недоверие официальных представителей Церкви к откровениям и видениям. Примечательно, что граница между «святой» и «ведьмой» была очень зыбкой – одно и то же лицо могло быть отнесено то к первой, то ко второй категории [6].

Сведения о жизни Анджелы да Фолиньо (1265/70–1309) немногочисленны и исходят из двух связанных друг с другом источников – из слов самой Анджелы в ее откровениях и из ее жизнеописания, составленного францисканцем братом Арнальдо, ее родственником и ближайшим советником, ставшим со временем ее духовником, записавшим ее откровения. Это жизнеописание помещено в прологе к откровениям. Анджела происходила из зажиточной семьи города Фолиньо,

была замужем, имела детей. Она любила хорошо одеваться, следила за своей внешностью, вела светскую жизнь, хорошо танцевала. Нередко подшучивала над окружающими, причем и над лицами духовного звания. Что послужило поводом к ее обращению, мы не знаем. Сама она пишет о страхе осуждения, охватившем все ее существо. Известно лишь, что внезапно Анджела резко изменила свою жизнь, посвятив ее покаянию и аскетическим подвигам. Со временем на смену страху, мукам совести и мучениям от бесов пришла горячая любовь к Христу. После смерти мужа, детей и матери (Анджела упоминает, что та была ей большим препятствием на пути к Богу), она вступила в третий францисканский орден (монашество в миру). Впоследствии вокруг нее собралась группа учеников и последователей; в частности, в «Откровениях» фигурирует подруга, бывшая свидетельницей ряда ее экстазов и сообщившая брату Арнальдо то, что она наблюдала.

Сам Арнальдо весьма немногословен в описании жизни Анджелы. Начинает он с восхваления, приличествующего жанру: «...воздвиг Бог женщину мирского состояния, миром связанную, мужем, детьми и богатством опутанную, знанием простую, силами немощную. Но от Бога влиотоу в нее добродетелью крестом Богочеловека разорвала она оковы мира, взошла на вершину совершенства евангельского <...> Преданную забвению дорогу благого Иисуса, которую величайшие гиганты словами и делами своими признавали недостижимую, явила она не только возможной для соблюдения, но и легкою и великие сладости содержащей» [2, с. 133]. А затем сообщает лишь самые общие сведения.

Намного подробнее представлен у брата Арнальдо процесс записи откровений Анджелы. Именно Арнальдо побуждает Анджелу поведать о своих откровениях, она же, «вследствие всяческой скрытности, какая была у нее о дарах Божиих (почему неоднократно она и говорила: «Тайна моя для меня, тайна моя для меня») [2, с. 134]», сначала отказывается, но затем, получив указание Божие, соглашается диктовать свои откровения брату Арнальдо. Арнальдо не всегда понимает то, что ему говорит Анджела, он сравнивает себя с решетом или ситом, которое удерживает лишь грубое вещество, а драгоценное пропускает. Записав откровение, Арнальдо перечитывает Анджеле свой текст, требует объяснений, вносит исправления. Иногда Анджела говорит, что записанный текст лишь очень приблизительно передает то, что она познала. Поэтому Арнальдо часто просит ее повторить отдельные слова. Он неоднократно подчеркивает, что стремится к точности передачи, несмотря на трудность собственного восприятия, а также на язык – Анджела диктует на народном (итальянском) языке, вольгаре, а Арнальдо записывает на латыни.

Разумеется, как это бывает в подобных случаях, Арнальдо волнует вопрос об истинности откровений, и он пытается решить его, используя все имеющиеся у него средства. Он тщательно анализирует ситуацию сам и приходит к выводу, что человек, так глубоко, искренне и смиренно исповедующийся, как Анджела, и благоговейно причащающийся, не может находиться в прелести: «...я в сердце своем плакал и твердо верил, что если прельстится даже весь мир, Бог не попустит, чтобы могла прельститься жена столь праведная и истинная» [2, с. 136]. Кроме того, он просит Анджелу молиться Богу, чтобы Тот открыл, написал ли он «что-нибудь ложное или истинное», деликатно перенося акцент на свое несовершенство, а не на возможную ошибку Анджелы. Та, понимая суть проблемы, отвечает: «Еще прежде ... чем ты сказал мне это, я много раз просила у Бога, дабы открыл Он мне, нет ли лжи или лишнего в том, что я сказала, а ты записал. И много раз получала я удостоверение, и был мне ответ, что все сказанное мною и записанное тобой истинно и нет в этом ничего ложного или лишнего, хотя и не так это хорошо выражено, как бы следовало» [2, с. 137].

И, наконец, Арнальдо прибегает к мнению третьих лиц, духовных авторитетов францисканства. Сначала он дает прочитать свой текст двум миноритам, которые беседуют и с Анджелой, проверяя достоверность записей. А затем их рассматривают кардинал спиритуалов Якопо да Колонна и еще восемь «известных» миноритов, «из которых одни были лекторами в главных школах, другие инквизиторами, третьи кустодами и которые были достойны доверия, мужи скромные и, по Божественной благодати, очень духовные» [2, с. 138]. Никто из них, сообщает Арнальдо, не указывает на ложность написанного.

Арнальдо не просто заботится о точности передачи слов Анджелы, но и пытается описать ее состояние и внешний вид во время откровений, что является ценным историческим свидетельством [3]. Арнальдо описывает, как она изменялась «в лице и теле» от слышания Божественных речей: «...иногда светились ее глаза, как свечи, а лицо – как роза; иногда же становилась она во всем лице полною, толстою, сияющей, ангельской и дивною превыше человеческого естества и забывала есть и пить, как будто дух ее не существовал уже в смертной плоти» [2, с. 137–138]. Он также приводит аналогичное описание, принадлежащее ее подруге: «...Анджела вся сделалась сияющей, радостной и румяною, а глаза ее так увеличились и так стали сиять, что непохожа она стала на самое себя» [2, с. 137]. Подруга сообщает и о своем видении: она видела «как бы звезду приятнейшую и бесконечно разнообразную и сияющую множеством различных цветов, а от нее исходили тонкие и широкие лучи дивной красоты и, выйдя из тела лежавшей на боку Анджелы, они

собирались на боку ее, а потом восходили вверх, к небу» [2, с. 137]. Арнальдо сообщает и о неприглядных проявлениях экстаза: так, по дороге в Ассизи Анджеле было видение Святого Духа, которое привело ее в духовное неистовство, выражавшееся в буйном поведении, что вызвало недоумение и недовольство окружающих. Когда Бог оставил Анджелу, от скорби она начала вопить, выкрикивать непонятные слова, громко плакать. Присутствовавший при этой сцене брат Арнальдо, как и прочие, возмутился, не стал к ней подходить – из гордости, как пишет он сам – а издали наблюдал за ней со смущением и презрением. Когда она перестала кричать, он велел ей не приходить больше в Ассизи, а ее спутникам – ни приводить ее (гл. III). Надо сказать, что порой и сама Анджела фиксирует свое физическое состояние во время экстаза: «Во мраке том лежала я на земле, а в этом величайшем озарении стояла на ногах, на кончиках больших пальцев и находилась в таком возбуждении и обновлении тела, что ранее никогда не испытывала такого» [2, с. 162]. Она упоминает также о судорогах, которые сводят ей ноги во время откровений, о телесном расслаблении, о разъединении всех членов тела, сопровождающемся хрустом.

В «Откровениях» содержится немало слов, указывающих на то, каким образом Анджела получила откровение. Они, в частности, помогают увидеть различие в способе передачи божественной вести в видении и откровении. Вот некоторые из них: «показывал Он мне в сердце моем», «и получила я тогда научение от Бога», «в другой раз явлена мне была», «и тогда слышалась речь в душе моей», «вдруг сказаны мне были другие слова», «так было показано мне», «и сказано мне было», «и увидела я тогда благословляющую руку», «в речи Божественной, бывшей мне от Бога» [2, с. 176, 177, 178, 179, 200, 207]. Откровения Анджела получает через слух, а видения, которые время от времени сопровождают откровения, воспринимаются с помощью зрения. При этом в обоих случаях участвует сердце, которое озаряется, трепещет, тает от любви и сладости при божественном посещении. Нередко подчеркивается, что речь идет не только и не столько о физическом слухе и зрении, сколько о духовном: она упоминает о том, что тело спит, а душа видит, что она «разумет» то, что ей сообщает Бог, говорит о духовном взоре.

Вышеприведенные особенности «Откровений блаженной Анджелы» – попытка представить, как божественное сообщение было передано и воспринято; описание внешнего вида и поведения реципиента откровений; тщательная фиксация процесса их записи; фокусирование внимания на проблеме их подлинности (от Бога или от дьявола) – являются маркерами жанра откровений в целом. В данном тексте они присутствуют эксплицитно и в полном объеме.

Откровения Анджелы, как это принято было в Средние века, носят название *Libre* (Книга), которое стало почти что наименованием жанра. Ее «Книга» состоит из трех частей. Первая, под названием «*Memoriale*» («Памятная записка», «Воспоминания»), содержит записи брата Арнальдо, рассказывающие об откровениях Анджелы, обстоятельствах ее жизни и процессе его работы в качестве писца; эта часть охватывает жизнь Анджелы с момента ее обращения в 1285 г. до 1296 г. Вторая часть включает в себя наставления и письма Анджелы (иногда это называют Учением, *Insructiones*, а саму Анджелу *magistra theologorum*), а также краткие отчеты о некоторых ее видениях, записанных не только Арнальдо, но и другими братьями. Третья часть объединяет письма Анджелы последних лет, краткие упоминания об ее экстазах, ее завещание и рассказ о ее смерти; авторство этих записей тоже точно не определено (оригинал рукописи «Книги» не сохранился; первое издание 1497 г. представляет собой итальянский перевод латинского текста «Книги»; подлинный интерес к ней возник только в XVII в., когда болландисты обнаружили около трех десятков рукописей «Книги» и занялись их сопоставлением, анализом и изданием; современное критическое издание – [4]). В некоторых изданиях вторая и третья часть оказываются объединенными. Таким образом, откровения Анджелы содержатся в наиболее полном и подлинном виде, как запись под диктовку, передающая слова самой святой (культ почитания Анджелы был утвержден в 1701 г., а в 2013 г. она была канонизирована папой Франциском I), только в «*Memoriale*», и именно эта часть «Книги» рассматривается нами здесь.

Текст «Откровений» не имеет строгой структуры, более того, в разных изданиях последовательность откровений меняется. Судя по всему, Анджела рассказывала брату Арнальдо о своих откровениях и видениях, а он их записывал в течение нескольких лет (предположительно 1292–1296), пытаясь затем выстроить в определенном порядке. Так, он сообщает, что первым услышал от нее рассказ о том, что произошло в Ассизи. Вероятно, истерический припадок Анджелы, привлечший внимание окружающих, послужил поводом для выяснения причин случившегося. Предполагают, что брат Арнальдо мог получить указание от начальства францисканского ордена расследовать это дело как ее родственник и близкий ей человек. Сам он говорит о том, что вынудил ее рассказать ему все, считая, что она находится в прелести; он приводил ей множество примеров людей, обманутых дьяволом (гл. II). Откровение, о котором поведала ему Анджела, помещено, однако, не в начало, а в середину «*Memoriale*» и обозначено как двадцатый шаг. Причина этого в том, что Арнальдо пытается представить духовную эволюцию Андже-

лы. Он выделяет тридцать шагов; точнее, Андже́ла говорит (гл. I) о тридцати шагах, но перечисляет только двадцать, а брат Арнальдо развивает их и добавляет к ним еще семь дополнительных, но реально получается только двадцать шесть шагов, так как последний основной и первый дополнительный совпадают друг с другом. Эти шаги подробно и систематически описываются: познание собственных грехов, стыд за них, упорство в исполнении епитимьи и покаяния, познание милосердия Божия, самоосуждение, молитва, созерцание Креста и т. д. Первые восемнадцать шагов отражают этап обращения Анджели от суетного мирского существования к жизни во Христе. Событие, имевшее место в Ассизи (двадцатый шаг), предстает, таким образом, как завершение одного и начало нового этапа духовной жизни Анджели. Отметим, что последние шаги освещаются братом Арнальдо значительно менее подробно, часто в собственном пересказе, прямая речь отсутствует. Он упоминает о недостатке времени (тогда он посылал к ней мальчика, *puer parvulus*, для записи, гл. VIII). Известно также о разговорах, которые возникали из-за того, что он слишком долго оставался с Анджелой наедине.

Повествование ведется от первого лица. Нередко брат Арнальдо вставляет собственный текст в качестве комментария – тогда он пишет от себя, указывая на свое авторство: « [И, как я, писец, слышал и узнал, некий брат минорит, по моему мнению, достойный доверия, очень удивился и сострадал, слушая от самой верной Христовой, как и сколь сильно ее мучили [бесы – *A.T.*]. И этот достойный доверия брат увидел в откровении, данном ему Богом, как все было истинно и что верная Христова страдала мученичеством страшных страданий больше, чем говорила]» [2, с. 147]. Порой он поучает Анджелу, задает ей вопросы, просит ее помолиться за кого-то; нередко изображает обстоятельства записи.

Самому тексту откровений предшествует два пролога, написанных тем же братом Арнальдо, в которых он дает краткую характеристику Анджели и приводит факты ее биографии. Далее следует, уже от лица Анджели, повествование о духовных шагах. Им сопутствуют мистические переживания (явление Христа и созерцание Его ран, явление во сне сердца Христова, утешения, данные во сне, огонь любви в душе, видения). Попытки систематизации материала встречаются и в других местах; так, откровений о страстях Христовых семь (гл. VI), как и утешений о святом причастии (гл. VII), увещания о Евхаристии поделены на семь созерцаний (гл. XXI). Очевидно, что брат Арнальдо исполнял роль не только писца и редактора, но и соавтора, предварившего свои записи биографическими сведениями об Андзеле и попытавшегося показать, как она достигла той духовной высоты, на которой

была удостоена божественных откровений и видений (их подробное описание см. в [9, с. 527–531]). Последняя фраза, как и полагается, является своеобразной подписью: «Явление даров Всевышнего, ниспосланное в Духе блаженной матери Андзеле из Фолиньо, записано братом Арнальдо из ордена святого Франциска». Но в целом откровения представлены более или менее в хаотическом порядке, не выстроены в единую перспективу.

Что касается содержания, то его можно определить как описание мистического опыта богообщения, который имела Андже́ла да Фолиньо. В данных ей откровениях она познает мощь, мудрость, справедливость, благодать Божии, невыразимую глубину божественной любви и милосердия, мучительно переживает страдания Христа, получает неизреченное утешение в Евхаристии, в созерцании Бога (Христа и Троицы, и себя в центре Троицы) во мраке и Божией Матери, познает себя и Бога, получает наставления о молитве, бедности, смирении, любви как о средствах приближения к Богу, о сынах Божиих, об обожении человека и некоторых других аспектах христианской жизни.

Ее откровения носят ярко выраженный христоцентричный характер, как и францисканская мистика в целом. Любовь к Христу, сопереживание Его страданий, созерцание Креста, подражание Христовой бедности – очень важные этапы ее духовного пути и одновременно фундаментальные концепты ее мистического опыта. Процесс очищения души предстает как ступени восхождения к Христу, цель этого движения – соединение с Христом, и через Него с Богом-Троицей, Всеблагом (*Ognibene*), как говорит Андже́ла. Размышления о жизни и страданиях Христа, мистическое сопереживание им становятся вехами уподобления («*conformitas*») Анджели Христу, вплоть до мистического союза («*unio*»). Тема бедности, постоянно присутствующая в ее откровениях, отражает общепранцисканский интерес к этой проблеме. Именно в это время францисканский орден переживал разделение на конвентуалов и спиритуалов, главным пунктом несогласия между которыми был вопрос об обладании имуществом. Спиритуалы, сторонники бедности как одного из заветов самого Франциска, в конце концов, потерпели поражение – в 1322 г. указом папы Иоанна XXII францисканцам было позволено обладать имуществом.

Богословие бедности и любви к распятому Христу мы находим в ряде религиозных сочинений, созданных францисканцами в XIII–XIV вв. – например, в «Путешествии ума к Богу» («*Itinerarium mentis in Dio*») Бонавентуры, «О ступенях души» Джованни делла Верна, «Древо распятой жизни Христа» («*Arbor vitae crucifixaе*») Убертино да Казале (известно, что он встречался с Анджелой и она произвела на него большое впечатление), в «Книге подобий» Варфоломея Пизанского. Бедность была

также важным аспектом еретических учений (апостольские братья под предводительством бывшего францисканца Сегарелли, а после его казни Дольчино), к которым Анджела относилась резко отрицательно.

Все эти темы, характерные для средневековой мистической литературы, представлены у Анджелы в очень личном ключе. Индивидуальность Анджелы просвечивает во всех ее откровениях и придает особый характер сиюминутности и живости, порой «детскости» испытываемым ею переживаниям. Л.П. Карсавин справедливо отмечал глубину и красоту отдельных откровений. Вместе с тем, не представляется возможным согласиться с его выводом о том, что мы имеем дело с «исключительным по силе, величию и стройности синтезом, системой мистического богословия» [2, с. 111]. Отдельные положения мистического богословия не выстраиваются у Анджелы в систему (в отличие, скажем, от Хильдегарды Бингенской или Екатерины Сиенской). Нельзя сказать, что мы имеем дело с законченной системой восхождения к Богу, между откровениями отсутствует логическая последовательность [7, с. 280]. Сила Анджелы – в непосредственном переживании встречи с Богом, которую она передает трепетными, часто сбивчивыми словами, осознавая свою неспособность выразить невыразимое. Живость и эмоциональность ее стиля отражают простоту и глубину ее беседы с Богом, вызывающей у нее то бесконечную радость («сверхполноту радости» [2, с. 204]), то невыносимые страдания (из-за своей греховности, из-за сострадания Христу). С той же непринужденностью и искренностью описывает Анджела себя: «...подлейшая женщина, исполненная зол и притворства, сеятельница порока и зол! Ведь творила я добро ради славы людской и приказывала говорить всем приглашавшим нас: – Не ем рыбы, ни мяса. – А исполнена я была обжорства и чревоугодия и была пьяницей, и показывала, будто не хочу принять больше нужного мне. И старалась я снаружи быть бедною, а там, где ложилась набрасывала много сукна, утром же приказывала убирать его, чтобы не узнали и не осудили проходящие ... Послушайте, как лицемерна я дочь гордыни, – какая я обманщица, и чудище я Божье. И показывала я себя дочерью молитвы, а была я дочерью гнева, гордыни и дочерью дьявола ... И знайте, что всю жизнь мою старалась я приобрести славу святости. И знайте во истине, что вследствие зол и притворств, сокрытых в сердце моем, обманула я много народу, и убийца я многих душ и своей собственной» [2, с. 150]. И далее она столь же темпераментно пишет, что хотела бы, чтобы ее с цепью или петлей на шее влекли по городам и площадям и чтобы все насмеялись над нею

и обличали во лжи, а также восхваляли бы милость Бога, даровавшего ей покаяние. В этом чувствуется не только индивидуальность Анджелы, но и общая францисканская склонность к «театральности», к «святому безумию» («*santa pazzia*»), к вовлечению окружающих в свои переживания.

Язык откровений простой, разговорный, в нем совсем отсутствует риторика и поэтичность, свойственная многим образцам мистической литературы. Даже описания очень сильных и глубоких мистических переживаний (видение Божией Матери, давшей Анджеле в руки младенца Христа; откровение о безмерной любви Божией; обретение себя в Боге) выдержано в среднем, «повседневном» стиле, без ярких эпитетов, сравнений, метафор, антитез, часто встречающихся в образцах этого жанра. Нет здесь и экстатических молитв, поэтических всплесков.

Хотя откровения Анджелы дошли до нас в неполном виде и были подвергнуты значительной редакторской обработке, касающейся, в первую очередь, порядка их следования, они являются ценным образцом этого жанра и ярким свидетельством духовной жизни Анджелы да Фолиньо.

Библиографический список

1. Ганина Н.А. «Струющийся свет Божества Мехтильды Магдебургской в духовном и региональном контексте эпохи. – Мехтильда Магдебургская. Струющийся свет Божества. / пер. и исследования Н.А. Ганиной. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014.
2. Карсавин Л.П. Католичество. Откровения блаженной Анджелы. – Томск: Водолей, 1997.
3. Роун И.Дж. Откровения Блаженной Анджелы – проблема авторства видений // Журнал Самиздат. – М., 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: samlib.ru/r/rodionova_i_w/beata_angela.shtml (дата обращения 19.11.2016).
4. *Angela da Foligno*. Memoriale. Edizione critica a cura di Enrico Menestò. Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2013.
5. *Dinzelbacher P.* Revelationes. Turnhout: Brepols, 1991.
6. *Dinzelbacher P.* Santa o strega?: donne e devianza religiosa tra Medioevo ed età moderna. Genova: ECIG, 1999.
7. *Köpf U.* Angela da Foligno. Un contributo al movimento femminile francescano del 1300. – Movimento religioso e mistica femminile nel Medioevo. A cura di P. Dinzelbacher, D.R. Bauer, M. Vannini. Cinisello Balsamo: Edizioni Paoline, 1993.
8. *Rahner K.* Visionen und Prophezeiungen (Quaestiones disputatae 4). Freiburg-Basel, 1958.
9. *Ruh R.* Mistica femminile e mistica francescana delle origini. Milano, Vita e pensiero, 2002.

Чекалов Кирилл Александрович

Институт мировой литературы РАН имени А.М. Горького, г. Москва
ktchekalov@mail.ruОТГОЛОСКИ СПОРА О РОМАНЕ-ФЕЛЬЕТОНЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассмотрены отзывы журналистов и писателей конца XIX – начала XX века на жанр романа-фельетона. Вслед за развернувшимся в 1840-х годах (под влиянием публикации «Парижских тайн» Эжена Сю) спором о романе-фельетоне жанр этот подвергся социальному санкционированию, что не помешало ему приобрести огромную популярность у разных категорий читателей и прочно обосноваться на страницах газет и журналов. Особое внимание в статье уделено проведенному в 1899 году на страницах журнала «Revue des revues» опросу литераторов относительно перспектив развития этого жанра, а также отражению соответствующей проблематики в романе Гастона Леру «Король Тайна» (1908), построенному как палимпсест «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма.

Ключевые слова: роман-фельетон, жанр, критика, газета, журнал, читатель, публика, популярное чтение, коммерция.

*Нынешнее столетие началось с эпической поэмы,
а завершается романом-фельетоном.*

Морис Данкур. Le Journal Amusant, 25.02.1893

Спор о романе-фельетоне по своему размаху не был столь масштабным явлением, как знаменитые литературно-эстетические дискуссии, проходившие во Франции в XVII–XVIII веках (спор о Сиде и тем более спор о Древних и Новых). Тем не менее, он сыграл свою роль в структурировании французской словесности и в первую очередь – в судьбе массового чтения, которое вплоть до конца «прекрасной эпохи» продолжало оставаться в глазах иностранцев чрезвычайно существенным компонентом французской культуры. Что не менее важно, спор отразил существенную политизацию «республики словесности», которая имела место в середине XIX века.

В 1839 году – то есть через три года после рождения романа-фельетона во Франции и за три года до начала публикации «Парижских тайн» – знаменитый критик Сент-Бев в своей известной статье, опубликованной на страницах весьма уважаемого журнала «La Revue des deux mondes», выступил с критикой «индустриального», так сказать, поставленного на поток романа. Тема превращения книги в рыночный товар, якобы лишаящего ее художественной ценности и ведущего к «десакрализации литературы» [17, стр. 14], была подхвачена и многими другими критиками. Почти одновременно с Сент-Бевом чувствительный удар по роману-фельетону нанес критик Альфред Нетман, выпустивший двухтомный труд, где подробно разбирается исходящая от этого жанра – неизбежного порождения удешевления прессы – опасность. Для Нетмана «роман-фельетон» и «аморальный роман» – абсолютные синонимы. Проходит еще пять лет, и журналист и политик барон Шапюи де Монлавиль объявляет настоящий крестовый поход против этого жанра, осуждает опасную для французского народа словесность с высокой трибуны – в Палате депутатов. С его точки зрения, роман-фельетон пробуждает нездоровые инстинкты и дразнит во-

ображение. Эта борьба продолжалась вплоть до революционных событий 1848 года, а в 1850 году был введен специальный налог на публикацию романов-фельетонов.

В нашей статье мы не будем рассматривать классическую фазу спора, которая приходится на 1840-е годы (ей посвящена снабженная обстоятельной вводной статьей антология Лиз Дюмази), а проанализируем его отголоски в словесности конца XIX – начала XX веков, когда поднятый на щит Эженом Сю жанр романа-фельетона пошел, что называется, вширь и стал чуть ли не обязательным элементом чрезвычайно расплодившихся к тому времени периодических изданий. Романы с продолжением печатались, хотя и в различных пропорциях, на страницах газет самых разных политических ориентаций, от буржуазной «Le Figaro» до социалистической «L'Humanité». Жанром не пренебрегали даже те писатели, для которых он как будто бы должен был являться в эстетическом отношении неприемлемым, а именно символисты. Показательна в этом смысле история с публикацией в виде фельетона одного из шедевров символистской прозы, книги Жоржа Роденбаха «Мертвый Брюгге», на страницах «Фигаро» (публикация заняла одиннадцать номеров газеты, с 4 по 14 февраля 1892 г.).

Ситуация, характерная для 1840-х годов, когда публикация романа-фельетона могла резко повысить тираж той или иной газеты, а читатели выстраивались в огромные очереди за очередным выпуском «Journal des débats», где печатались «Парижские тайны», стала достоянием прошлого. Однако ни социокультурная значимость интересующего нас жанра, ни заложенный в нем коммерческий потенциал вовсе не были исчерпаны.

Многие журналисты, обращаясь к теме романа-фельетона, впадали в ностальгический тон. «Да, было время, когда в зарубежных предста-

вительствах к нашим посланникам обращались с вопросами: как там движется дело с “Парижскими тайнами” Эжена Сю или с “Мушкетерами” Дюма...», – пишет анонимный автор некролога на смерть Поля Феваля [16]. Вряд ли католический еженедельник «L’Univers illustré» опубликовал бы этот некролог, если бы к концу жизни автор «Горбуна» и «Черных мантий» не пережил самое настоящее религиозное обращение (он умер в парижском монастыре Ордена милосердных братьев).

В 1881 году в своем эссе «Современные романисты» (которое вошло в книгу «Романисты-натуралисты») динамику развития жанра проанализировал Эмиль Золя, который в молодости и сам подражал Эжену Сю (имеются в виду «Марсельские тайны», впервые опубликованные на страницах журнала «Le Messager de Provence» в марте – октябре 1867 года). Критика «заметила» этот роман лишь после переиздания (1884). Между тем в предисловии к переизданию сам писатель так отзывался о своём произведении: «Я был бы счастлив, если бы, несмотря на всё своё несовершенство, роман “Марсельские тайны”, которому суждено первым из всех моих творений кануть в вечность, заставил бы читателей задуматься над тем, чего мне стоило подняться от всей этой писанины до подлинной литературы в “Ругон-Маккарах”» [2, с. 9] (подробнее об этой книге Золя см. в нашей статье [5]).

В романе 1877 года «Западня» Золя со всей определенностью относит главную книгу Сю к категории вредных: один из героев книги, рабочий Лантье, был совершенно сбит с толку «Парижскими тайнами» и «Вечным Жидом» и, в конце концов, подпадает под влияние анархиста Суварина. Здесь, конечно, имеется в виду пресловутое «социалистическое» содержание романов Сю, за которое писателю так доставалось от клерикальной прессы. Книги Сю в романе Золя ставятся в один ряд с «массой потрепанных политических и философских брошюр, подобранных у торговцев макулатурой».

Надо сказать, у Золя вызывала раздражение сама эта жанровая форма, о чем он не раз упоминает в своих письмах; так, в письме Анри Сеару от 18 января 1885 года он предостерегает своего приятеля от прочтения «Жерминаля» в газетном варианте (газета «Gil Blas» приступила к печатанию романа 26 ноября 1884 г.) – ведь «фельетон всё искажает» [22, с. 222]. Мнение это представляется спорным, хотя масштабное сопоставление фельетонных и дефинитивных версий массового чтения XIX века пока что остается делом будущего.

В «Современных романистах» писатель судит о жанре довольно пренебрежительно, хотя и прощительно. Говоря о романе-фельетоне «классической поры», Золя выделяет имена Дюма-отца, Сю, Поля Феваля (опять-таки отца) и ныне совершенно забытого Эли Берте; ниже он добавляет

к списку Понсона дю Террайля, именуя его «великим трудягой» [21, с. 362]. Отмечая, что ситуация, в которой оказался в 1870-е годы роман-фельетон, претерпела значительные изменения по сравнению с эпохой «Парижских тайн», Золя прежде всего напирал на невероятное развитие журналистики и, что еще более важно, на смену читательской парадигмы по отношению к прессе. Во времена Сю, полагает автор «Ругон-Маккаров», газету читали прежде всего из-за романа-фельетона; что же касается собственно новостей, то они рассматривались лишь как приложение к публикации увлекательного чтения. Теперь, продолжает Золя, читателя привлекают прежде всего колонки новостей и уж затем «подвал», где обычно публиковались романы с продолжением.

Это мнение несколько корректируется другими литераторами, и среди них – главный редактор сатирической газеты «Le Charivari» Пьер Верон. На страницах еженедельника «Le Journal amusant» от 1 августа 1868 года он (выступая под псевдонимом Поль Жирар) утверждает, что хроника современной жизни интересует, прежде всего, парижан, тогда как провинциалам подавай, как и встарь, одни романы-фельетоны: Феваля, Понсона, Ксавье де Монтепена и Шарля Дели (еще одного ныне совершенно забытого писателя и журналиста) [10, с. 5].

С другой стороны, констатирует Золя, приверженцы натуралистического метода неспособны втиснуть свои произведения в прокрустово ложе романа-фельетона, коль скоро они подчиняются иной нарративной логике. Проще всего было бы вообще отказаться от этого жанра; однако, полагает писатель, он чрезвычайно востребован женской аудиторией – и именно поэтому должен быть сохранен.

Мнение Золя относительно ориентации романа-фельетона на женщин разделяли тогда многие (включая и «Юманите»). Следует отметить, что именно в период «прекрасной эпохи» французская словесность в целом активно переориентируется на женщин (при том, что писательниц во Франции тогда было вчетверо меньше, чем писателей). Однако «читательница» – не только «гендерное», как теперь принято говорить, понятие; в этой роли мог выступать и праздный аристократ, светский лев, неспособный одолеть книгу глубокого содержания. Незрелый читатель (женщина, старик, ребенок) противопоставлялся зрелому – сознательному мужчине, гражданину своей страны, которому негоже опускаться до чтения популярной литературы и который, конечно же, отдает предпочтение политической прессе.

Возвращаясь к статье Золя, отметим, что автор статьи не считает возможным поставить в один ряд с «отцами-основателями» романа-фельетона кого-либо из фельетонистов следующего поколения. Он, правда, с оговорками выделяет Эмиля де Ришбура, снискавшего популярность своими публиковавшими

мися на страницах «Le Petit Journal» произведениями (по сведениям Золя, после ухода Ришбура из этой чрезвычайно популярной газеты ее тираж заметно снизился). Надо сказать, Ришбура ценил не только Золя, но и Жюль Ренар, упомянувший его в своем дневнике.

Интересно, что в конце жизни, а именно в апреле 1897, года Ришбур удостоился длительной аудиенции у римского папы Льва XIII (хотя ранее Его Святейшество наотрез отказался принимать Эмиля Золя). Как ехидно заметил по этому поводу один из журналистов, «не думаю, чтобы Лев XIII стал сравнивать г-на Ришбура с Торквато Тассо или Данте Алигьери, но дело к этому шло» [11]. Ришбур принадлежал – наряду с уже упоминавшимся Ксавье де Монтепенем, Жюлем Мари и Адольфом Д'Эннери – к числу наиболее состоятельных фельетонистов конца XIX столетия: его состояние оценивалось в полтора миллиона франков. Впрочем, в 1890-х годах его произведения уже стали выходить из моды.

К концу XIX столетия, казалось бы, роман уже полностью узаконен и сделался одним из важнейших жанров литературы (в следующем столетии его приоритет окажется безоговорочным). И все-таки угроза для нравов, якобы исходившая от этого жанра, для многих оставалась вполне реальной, о чем свидетельствует следующий пассаж из одного из номеров еженедельника «Le Journal pour tous». Здесь фактически имеет место некоторая подмена понятий – под «романом» понимается именно «популярное чтение»:

«Романы! Да ведь именно они и развращают общество. Они являют собой источник всевозможных пороков, всевозможных несчастий. Они-то и породили революции. На романах воспитывается презрение к религии. Именно романы возбудили в наших современниках непомерные амбиции. Мы видим там королей, которые выходят замуж за пастушек, приказчиков, которые прыгают в постель к маркизам и баронессам – в общем, сплошной кошмар! Одним словом, все летит в тартарары, и мы уже ныне не уверены, что нам удастся сохранить завтра то скромное добро, коим наделил нас Господь. Вот если бы романы писались для того, чтобы воспитать в нас смирение, самоотверженность, бессребреничество!» [19, p. 1581].

Но нередко встречалось и вполне бесшабашное отношение публицистов к этому жанру. Например, когда в 1922 году в весьма почтенном возрасте скончался бывший некогда одним из лидеров романа-фельетона Жюль Мари, газета «La Presse» (а точнее, журналист Поль Ланглуа) едко заметила: «Нет более верного средства добиться долголетия, как писать романы-фельетоны» [13].

Общим местом на страницах газет – еще до формирования во Франции классической модели детективного романа – стали ламентации по пово-

ду тлетворного влияния фельетонов с криминальными сюжетами на читателей. Как иронично писал в 1887 году еженедельник «Le Monde illustré», «всякий раз, как в комнате убийцы находят фрагмент газеты с романом-фельетоном, даже если он попросту использовал эту газету, чтобы завернуть в нее пару ботинок, – делается вывод, что убийство было совершено под влиянием Понсона дю Террайля, Ксавье де Монтепена, Габорио или еще кого-то» [20, с. 166]. Скорее всего, здесь имеется в виду знаменитый серийный убийца Жан-Батист Тропман (он был гильотинирован в 1870 году), в комнате которого был найден один из романов упомянутого Понсона.

Наиболее резкий наскок на явление, поименованное Сент-Бевом «индустриальным романом», совершил в 1899 году на страницах журнала «Revue des revues» писатель, журналист и историк Фредерик Лолье. Собственно, в его статье говорится не только о романе-фельетоне, но именно последний составлял львиную долю «легкого чтения». Лолье (он здесь, видимо, выражает точку зрения редакции журнала) придает феномену апокалиптический характер – речь идет о недуге, поразившем разные страны, от Англии до Японии. Автор признает, что эпоха Сулье и Сю достойна именоваться «героической», но она безвозвратно минула в Лету, а современные преемники вышеупомянутых авторов – это явное измельчание жанра. Интересны рецепты – сродни кулинарным – изготовления массового чтения, которые приводит Лолье [15, стр. 4].

Лолье пытается сформулировать краткую типологию популярных романов по содержательному принципу. Конечно, рубрикация эта весьма условна и спорна: «школа Габорио» (судебный роман; термин «детектив» Лолье ещё не употребляет), школа Ришбура (сентиментально-мелодраматическая разновидность), школа Д'Эннери (сентиментально-социалистическая), школа Жюль Мари (соединение «патологической документации» и военной тематики) <...> Особняком стоит Ксавье де Монтепен, который, по мнению Лолье, комбинирует сентиментальность традиционного толка с современной чувствительностью. Главной целью всех вышеупомянутых писателей Лолье безусловно считает достижение коммерческой выгоды.

Весьма ценно, что Лолье не ограничился отвлеченными рассуждениями о жанре романа-фельетона, но и провел импровизированный опрос среди современных ему писателей: может ли жанр «воскреснуть из пепла» и существует ли возможность продлить его существование? Результаты проведенного им обследования опубликовал тот же журнал «Revue des revues»; правда, ответили в основном малоизвестные литераторы. Среди немногочисленных исключений – уже снискавший к тому времени громкую славу Морис Баррес, который вообще не снизошел до сколько-нибудь

внятного анализа «идиотских фельетонов» и лишь призвал «подтягивать» широкую публику до уровня шедевров. Собственно, радикальную позицию Барреса разделили и другие – например, литератор (а в будущем и политический деятель) Анри Беранже, который призвал уничтожить «популярное чтение» на корню, поскольку бороться против Ришбура и Монтепена – заведомо бесплодное занятие. Вполне естественно, что академик Жюль Кларети, который совершенно осознанно стремился утвердить себя в роли уважаемого поставщика массовой словесности и одновременно снискать расположение со стороны интеллектуальной элиты, поддержал идею «Толстого для масс». Наконец, стоит отметить короткое письмо Жозефа Рони-старшего, создателя французской научной фантастики и первопроходца «доисторического романа»; он с энтузиазмом откликается на призывы «облагородить» и «оздоровить» жанр.

В некоторых высказываниях участников опроса сквозило стремление поставить классику и массовое чтение на одну доску – так, прозаик и поэт Огюст Доршен весьма хлестко заметил, что «Виктор Гюго – это не что иное, как облагороженный Габорио», равно как и Диккенс – облагороженный Ришпен [9, с. 27]. Заметим, что Доршан был далеко не единственным из литераторов, кто так вольно обращался с литературной табелью о рангах: в рецензии главного редактора журнала «Les Annales politiques et littéraires» Адольфа Бриссона на роман «Преступление и наказание» Достоевский сопоставляется все с тем же Ришбуром [6]. (Разумеется, было бы странно требовать от маститого журналиста понимания того обстоятельства, что в центре романов Достоевского – «проявление универсальной сущности мира» [3, с. 118]).

Публикация вызвала весьма оживленную реакцию со стороны читателей. Один из них, скромный провинциальный учитель из Бургундии с неудобоваримой фамилией Шашюа, призвал разработать специальные указатели, которые помогли бы различным категориям читающей публики ориентироваться в бурном и не всегда прозрачном литературном потоке; «учителя с радостью раздавали и рекомендовали бы их своим ученикам» [8, с. 400]. Дискуссию венчает гневное письмо известного мастера «фельетонного» жанра Пьера Саля – разумеется, он вступает за роман-фельетон. При этом он излагает простые, но по-своему здравые мысли: главная цель обращающегося к широкой публике автора – заинтересовать читателя; даже если он преследует сугубо развлекательные цели, вряд ли стоит бросать в него камень; кроме того, остросюжетность не отменяет полезной для простолыдинов информации – так, произведения Александра Дюма заключают в себе сведения по истории Франции.

В интересующий нас период высоколобая критика обычно попросту игнорировала роман-фелье-

тон. Среди немногих обозревателей, кто не считал для себя зазорным беспристрастно анализировать популярное чтение, следует назвать Анри Дювернуа. При этом Дювернуа осуждал состоятельную часть аудитории за то, что она, «позевывая», внимает знаменитым романистам и поэтам – вместо того, чтобы, засучив рукава, приняться за просвещение широких масс. Литератор неустанно призывал интеллектуальную элиту прививать неискушенной публике представления о Прекрасном; ему казалось, что решить эту задачу совсем нетрудно – ведь «толпа» обладает природным, здоровым пониманием высокой словесности, и вполне достаточно нескольких просветительских мероприятий (от чтения вслух до лекций), чтобы пробудить у нее отменный вкус. Но для начала вполне годится и массовое чтение: «Начинаем с Поля де Кока и заканчиваем Спинозой, и было бы ошибкой прививать вкус к чтению, начав с безжизненных, умозрительных сочинений» [7]. При правильном подходе к делу, полагал Дювернуа, народ сам разберется, что к чему, со временем пресытится романами-фельетонами и изгонит из Храма «торговцев бездарным чтением».

Весьма интересным образцом иронического дистанцирования интересующего нас жанра может служить роман Гастона Леру «Король Тайна» (печатался на страницах газеты «Le Matin» с 24 октября 1908 года). Жанр романа-фельетона упомянут в тексте не единожды. Происходящие в романе запутанные события не просто выполнены по заветам Дюма – книга представляет собой хитроумный палимпсест «Графа Монте-Кристо» (имя Дюма – «нашего общего отца» – с пиететом упоминается в авторском предисловии к роману). Кроме того, в текст введены аллюзии на псевдоисторический роман Эрнеста Капандю «Особняк де Ниора» (печатался в виде фельетона на страницах еженедельника «Journal pour tous» начиная с 3 ноября 1860 г.). Этот роман Капандю, по словам современного критика, выглядит как «анти-Монте-Кристо» [18, с. 135]. Таким образом, Леру одновременно отдает дань уважения и классике жанра, и новейшим его представителям.

Невидимым (вплоть до финальных глав) демиургом всего происходящего в «Короле Тайне» выступает карлик-миллионер, большой любитель остросюжетной литературы Макаллан. Вдохновленный рассказом случайно встреченной им в Чикаго француженки, он скуки ради решил отправиться в Европу и заново разыграть сюжет «Монте-Кристо» с участием героев рассказа. К концу книги, пресыщенный жизнью, Макаллан объявляет: «Разумеется, я не собираюсь конструировать новый роман-фельетон <...> тот, что уже завершился, обошелся мне чересчур дорого. В общей сложности я лишился ста семидесяти пяти миллионов» [14, с. 719]. «Предтекстом» для Макаллана

становится не только «Граф Монте-Кристо», но и «Парижские тайны»; он напоминает одного из персонажей этого романа Сю, Сесили. Та «злоупотребляет собственной красотой, чтобы нотариуса Жака Феррана настигла заслуженная кара» [14, с. 721] – точно так же действует и прекрасная Лиана в «Короле Тайне», которая отвлекает внимание злодея Синнамари, пока ее сообщники крадут у него компрометирующие документы.

Написав подобающее случаю прощальное письмо, Макаллан достает револьвер и сводит счеты с жизнью. Перед нами весьма своеобразный вариант «смерти автора»: если Пруст, по замечанию Ролана Барта, «самую свою жизнь сделал литературным произведением по образцу своей книги» [1, с. 386], то Макаллан конструирует роман-фельетон из жизненного материала, ориентируясь при этом на литературные образцы. Герой Леру – гротескный карлик (подобного рода цирковые уроды не раз встречаются на страницах его произведений); так ему сподручнее «стусеваться» и отступить на второй план; уместно вспомнить слова того же французского мыслителя об удалении Автора: «автор делается меньше ростом, как фигурка в самой глубине литературной “сцены”» [1, с. 387]. Изначально присущая жанру романа-фельетона сценичность [12, с. 95] приобретает особую сгущенность в «Короле Тайне», где все происходящее оказывается результатом искусного манипулирования со стороны искусного кукловода.

Если в романе-фельетоне, по справедливому замечанию Н.Т. Пахсарьян, «фикциональность текста, придуманного писателем, не подвергается маскировке» [4], то в случае с «Королем Тайной» есть основания говорить о фикциональности в квадрате.

Особенно важно отметить следующее: как бы Леру ни иронизировал над романом-фельетоном, именно этому писателю удалось вдохнуть в него новую жизнь. Усилия Леру принесли свои плоды: во многом именно благодаря автору «Призрака Оперы» жанр просуществовал до конца второй мировой войны. Да и в дальнейшем говорить о полном исчезновении романа-фельетона не приходится: достаточно упомянуть о том, что в июле 1979 года популярнейшая леволиберальная газета «Le Monde» перепечатала роман Эжена Сю «Атар-Гюль», как бы восполнив существовавший на протяжении полутора веков пробел: именно это произведение Сю (опубликованное в июне 1830 года отдельным томом) в виде фельетона прежде никогда не печаталось.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Смерть автора / пер. С.Н. Зенкина // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384–391.

2. *Золя Э.* Собр. соч.: В 26 т. Т. 2. – М., ГИХЛ, 1961.

3. *Лученецкая-Бурдина И.Ю.* Особенности романного жанра в творчестве Достоевского 1860-х – 1870-х годов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 5. – С. 115–119.

4. *Пахсарьян Н.Т.* Читатель и писатель во французском романе-фельетоне XIX века // Филология в системе современного университетского образования. Материалы межвузовской научной конференции. 22–23 июня 2004 года. – Вып. 7. – М., 2004. – С. 12–17. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/pakhsaryan-04a.htm>.

5. *Чекалов К.А.* Скромное обаяние заглавия: тайны Лондона-Флоренции-Петербурга-Марселя // Европейский контекст русского формализма. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 199–215.

6. *Brisson, Adolphe.* Livres et revues // Les Annales politiques et littéraires. – 25.07.1886. – P. 58–59.

7. *Duvernois, Henry.* Critique littéraire // La Presse. – 10.08.1896. – P. 2.

8. Encore les industriels du roman populaire // Revue des Revues. – 1899. – 15 novembre. – P. 399–403.

9. L'État actuel du roman populaire (enquête) // Revue des Revues. – 1899. – 1 octobre. – P. 19–33.

10. *Girard, Paul.* La Confession d'un chroniqueur // Journal amusant. – № 657. – 01.08.1868. – P. 4–5.

11. *Guinaudeau B.* Entre grands hommes // La Justice. – 29.04.1897. – P. 1.

12. *Jongué, Serge.* Histoire et fiction chez Alexandre Dumas // Europe. – 1974. – № 542. – P. 94–101.

13. *Lenglois, Paul.* Le roman-feuilleton // La Presse. – 30.07.1922. – P. 1.

14. *Leroux, Gaston.* Les Romans mystérieux. – P.: Omnibus, 2008. – 1120 p.

15. *Loliée, Frédéric.* Les industriels du roman populaire // Revue des Revues. – 1899. – 1 octobre. – P. 1–18.

16. *Paul Féval* // L'Univers illustré. – 19.03.1887. – P. 182.

17. La Querelle du roman-feuilleton. Littérature, presse et politique: un débat précurseur. Textes réunis et présentés par L. Dumasy. – Grenoble: ELLUG, 1999. – 280 p.

18. *Ripoll, Roger.* L'Hôtel de Niorres d'Ernest Capendu // Europe. – 1974. – № 542. – P. 125–137.

19. *Rouquette, Jules.* Les Drames de la jeunesse pauvre // Journal pour tous. – № 152. – 7.09.1877. – P. 1578–1584.

20. *Véron, Paul.* Courrier de Paris // Le Monde Illustré. – 12.03.1887. – P. 166–167.

21. *Zola, Emile.* Les romanciers naturalistes. – P.: Charpentier, 1881. – 388 p.

22. *Zola, Émile.* Correspondance. T. V. Montréal, Presses de l'Université. – Paris: CNRS, 1985. – 515 p.

ПЬЕСА КОРОЛЯ РАМЫ VI ВАЧИРАВУДА «СЕРДЦЕ ВОИНА»: АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ТАЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ И ТРАДИЦИИ ТЕАТРА КЛАССИЦИЗМА

Впервые в научной литературе анализируется пьеса короля Рамы IV Вачиравуда – основоположника нового театра в Таиланде и крупнейшего драматурга страны. Материалом для исследования послужило произведение «Сердце воина», которое заслуженно признано вершиной тайской «разговорной» драматургии. Являясь идеологом монархического национализма, Вачиравуд использовал театр для распространения своих политических взглядов среди населения. «Сердце воина» – пьеса откровенно агитационно-пропагандистская. Автор в образной драматической форме ставит актуальные общественно-политические и социальные вопросы, аргументирует свою позицию, наглядно разъясняя ее, и стремится сформировать, укрепить у читателя/зрителя стойкую веру в монархию. Ценность пьесы не исчерпывается ее идейным пафосом – произведение оригинально и в художественном плане: драматург органично соединил жанровую форму западноевропейской драматургии рубежа XIX–XX вв. – «пьесы идей» – с художественной традицией театра классицизма (господство абсолютизма, преобладание патриотических ценностей и нравственного долга, композиция «двух потоков» – любовной и общественной интриги, значащие имена и др.). Общественная проблематика пьесы обогащена любовно-психологическими перипетиями сюжета и переживаниями героев, четко выстроена интрига, выразительны образы персонажей.

Ключевые слова: Таиланд, Вачиравуд, национализм, пропагандистская пьеса, традиционный театр, театр классицизма, драматургия.

Время правления короля Рамы VI Вачиравуда считается «золотым веком» тайской драмы. Он продолжил традиции лакхонных, «разговорного» театра (до этого все виды драмы были танцевальными), у истоков которого стоял его отец, король Чулалонгкорн. Однако, в отличие от предшественника, он ушел от прежних канонов, для которых была характерна исключительно любовная тематика, и наполнил свои пьесы общественно-политическим содержанием. Образцом для творчества короля послужил английский «театр идей», с которым он познакомился, когда учился в Оксфорде.

В период правления Вачиравуда (1910–1925) Сиам столкнулся как с внешними проблемами – опасностью колонизации со стороны европейских государств, так и с внутренними социально-политическими трудностями. В такой ситуации король начал проводить политику монархического национализма, утверждавшую абсолютизм, который он считал гарантом стабильности государства.

Лозунг «Нация! Религия! Король!» стал основополагающим в его националистической агитации. Для распространения своих политических взглядов король-драматург использовал литературу и театр, стремился через печатное слово влиять на сознание тайцев. В каждой своей пьесе король делал упор на пропаганде этих «трех китов» монархического национализма, объяснял, к чему обязывало гражданина каждое из этих положений, и предупреждал об опасности отказа от них.

Желая сплотить вокруг себя аристократию и сделать ее главной опорой своей государственной программы, Вачиравуд создал военизированное общество «Сыя Па» («Дикие тигры»), а также юношеский отряд «Лук сыя» («Тигрята»). Всецело

преданные королю, их члены должны были пропагандировать националистические идеи в тайском обществе. Именно с целью призыва вступать в ряды этих организаций Вачиравуд в 1913 г. пишет пьесу «Сердце воина» («Хуатхай Накроп»). В этом произведении настолько сильно националистическое влияние, что оно и сегодня остается актуальным.

«Сердце воина» – пьеса откровенно пропагандистская. Автор в образной драматической форме ставит актуальные общественно-политические и социальные вопросы, аргументирует свою позицию, наглядно разъясняя ее, и стремится сформировать у читателя/зрителя стойкую веру в основополагающие принципы политики короля. Больше того, «Сердце воина» обладает всеми основными признаками агитационного жанра: она построена на эмоциональном воздействии, стиль афористичен, и текст словно просится разойтись на лозунги: «Долг любого мужчины – защищать Nation, Religion и King» [1, с. 23], «У истинного тайца – сердце дикого тигра» [1, с. 51], «Каждый таец – защитник своей Родины» [1, с. 26] и др.

Постоянно обращаясь к реальным политическим событиям своего времени, Вачиравуд стремился сформировать у своей аудитории то же отношение к общественным проблемам, что и у него самого, привлекал её на свою сторону. С помощью ярких метафор автор обращался к массовому читателю/зрителю, разъясняя ответственность каждого гражданина перед своей страной и побуждая вступать в ряды «Диких тигров»: «Тот, кто может пожертвовать собой ради страны, обладает сердцем воина» [1, с. 24].

Именно на метафоре «сердце воина» строится все произведение. Автор наделяет им отдельных персонажей – тех, кто выражает его собственную

позицию. Главный герой Пхрапхиром, так же как его старший сын Свинг, проходят путь перевоплощения от «сердца труса» к «сердцу воина» и в конце пьесы обретают черты настоящих защитников Родины.

Произведение ориентировано на то, чтобы стать лозунгом «Диких тигров». Развернутая метафора «тигры» организует образную систему пьесы. Все группы персонажей в своих репликах так или иначе упоминают этих животных. «*Отец не хотел, чтобы ты стал ценком тигров*» [1, с. 2], – говорит один из героев. Главный герой обвиняет дочь: «*Не думал, что моя дочь захочет стать тигрицей*» [1, с. 22]. Или слова генерала Луангману: «*Ты смел! У тебя сердце настоящего тигра*» [1, с. 15]. Образ-символ могущественного Тигра словно витает над событийным пространством пьесы.

Автор делит персонажей по принципу отношения к организации «Дикие тигры»: одни порицают её, другие – поддерживают и готовы за неё «отдать жизнь». Драматург позволяет каждому герою высказать свое мнение, объяснить свою точку зрения, так как именно столкновение разных общественно-политических позиций помогает автору выстроить идеологический конфликт пьесы.

Одну из своих важных задач автор видит в том, чтобы проследить путь формирования у персонажа чувства патриотизма, верности стране и воинскому долгу, тем самым вызвав те же чувства у зрителя. Однако содержание пьесы не сводится к узко пропагандистским целям – оно значительно шире, так как неотделимо от личных отношений, в том числе любовных. Особенность пьесы в том, что ее общественно-политическая проблематика решается в рамках истории одной семьи.

В центре конфликта – отец семейства, гражданский чиновник в отставке Пхрапхиром. В начале пьесы он отрицает любой вариант военной службы, считая ее в лучшем случае «бесполезной тратой времени», а в худшем – верной дорогой к смерти. Герой запрещает своим детям вступать в ряды военизированного общества и даже упоминать его название в стенах дома. «*Дикий тигр – мне не сын*» [1, с. 17], – говорит Пхрапхиром.

Вопреки отношению отца, трое из детей – младший сын Сават, дочь Урай и даже старший сын Свинг, поначалу бездельник и повеса, – становятся «лук сыа» и готовы отдать жизнь за свою страну.

Главного героя окружают персонажи, представляющие две группы. С одной стороны, это члены общества «диких тигров», во главе которых стоит его старый друг – Луангману. На протяжении всей пьесы в своих монологах эта группа персонажей выражает авторскую позицию, стремясь изменить точку зрения главного героя, объяснить ему «ответственность каждого тайца перед Родиной». По другую сторону – китаец Сунбенг, его родная сестра Нэй – младшая жена Пхрапхиroma, а также

его любимый средний сын Савай, которые в конце концов оказываются не только противниками «диких тигров», но и предателями.

Группу отрицательных персонажей возглавляет китаец Сунбенг. Вачиравуд вводит этого персонажа неслучайно: он хочет, чтобы зритель разделит авторское негативное отношение к этому этническому меньшинству Сиама. Дело в том, что националистическая политика короля-драматурга была во многом направлена против китайцев и их агрессивной экономической деятельности на территории королевства.

Представляя на сцене тип столичного китайца, автор выводит образ Сунбенга, который иллюстрирует его собственную позицию. Сунбенг откровенно говорит, что таких, как он, волнуют только деньги, при первой же опасности они готовы бежать из страны, которая стала для них домом.

Ответвление «китайской» темы – история тайной любовной связи между Нэй, младшей женой Пхрапхиroma, и его любимым средним сыном. Главный герой поражен предательством близких ему людей. И именно эти персонажи в конце пьесы предадут «диких тигров», сообщив врагу важную стратегическую информацию об отряде. Предатель – изменник во всем: и в личных отношениях, и в общественных.

Отдельную группу персонажей составляют женские персонажи. Особенно важны для раскрытия авторской идеи образы дочери главного героя Урай и его старшей жены Йэм, выступившие против мнения отца и мужа. В традиционной тайской драме женщины участвовали только в любовном конфликте, часто даже без слов. Теперь же на сцену выходит сильная женщина с собственной позицией.

Драматург разрушает укоренившиеся взгляды на роль и место тайской женщины в семье и в обществе. На него, очевидно, оказала влияние концепция просвещенной женщины, которая сформировалась в европейской культуре и литературе XVIII в.: женщина не только мать, жена и хозяйка, она человек, к которому надо предъявлять те же требования, что и к мужчине. Йэм умна, и у нее есть понятия о чести и долге. Героиня Урай похожа на женский персонаж театра просвещения – у нее есть свое мнение, она даже наделена чертами героя-резонера.

С образом старшей дочери Пхрапхиroma связан и традиционный конфликт драматургии классицизма, который строится на столкновении личного чувства (любви Урай и военного Луангмани) с долгом. Долг для героев – ответственность перед Родиной. Пхрапхиром обещает руку своей дочери Луангмани, но только если тот покинет ряды «Диких тигров»: «*Покинешь диких тигров, тогда я отдам тебе дочь. <...> Если любишь – уйдешь!*» [1, с. 25]. Но Урай перебивает отца и говорит, обращаясь к возлюбленному: «*Если уйдешь, то я не хочу тебя*

больше видеть!» [1, с. 25]. История любви Урай и Луангмани – антитеза порочной любовной связи между Нэй и Савай: вместо предательства здесь перед зрителем высокое чувство, неотделимое от патриотизма.

Система образов персонажей «Сердца воина» выстраивается парадоксально: именно те, кто с Пхрапхиромом согласны и поддерживают его точку зрения, в итоге предают его, и, напротив, те, кто с ним спорил, оказываются истинными друзьями. Этот парадокс внутренне вполне оправдан: ведь антипатриотическая позиция Пхрапхирома не соответствует его внутренней сути, ибо в душе он – истинный таец. В конечном итоге «партии добра и зла» ведут борьбу за душу главного героя.

Своей кульминации и развязки оба потока – общественный и личный – достигают в сцене осады и захвата дома Пхрапхирома англичанами, а также в ходе последующих событий, когда в герое просыпаются чувства патриотизма, ответственности перед Родиной, и он берется за оружие, чтобы защитить свой дом от чужеземцев. Кульминация пьесы – это момент прозрения главного героя, его превращения в «настоящего воина». Он начинает понимать, что, защищая Родину, он защищает свой дом и близких. Более того, даже под страхом пыток и казни он отказывается передать врагу важную информацию. В отличие от китайца Сунбенга, который при первой возможности переходит на сторону противника и сообщает ему все сведения.

Одновременно, хотя и не столь очевидно, высшей точки достигает любовная линия: отец осознает себя защитником Родины, «настоящим воином» и «тигром», и это предопределило счастливый брак его дочери с Луангмани. Персонажи оказываются связанными: оба защищают свою Родину, хоть и в разных местах. Луангмани уходит оборонять важный стратегический объект – мост, а Пхрапхиром остается защищать дом.

Парадоксально и соединение в пьесе двух несовместимых, казалось бы, литературных направлений: если пропагандистско-агитационный жанр пьесы связан с драматургией Нового времени, то в целом пьеса «Сердце воина» написана в традициях классицизма.

Вачиравуду близок дух театра французского классицизма, одной из главных задач которого было укрепление абсолютной монархии. Центральный конфликт классицизма – борьба общественного и личного начал, долга и чувства. Это художественное направление утверждало главенство государственных интересов над личными, преобладание патриотических ценностей и нравственного долга. Такие художественные принципы вполне соответствовали установке Вачиравуда на распространение и пропаганду через театр своих политических идей и соответствующих общественных настроений.

Образы многих персонажей также строятся по принципу эстетики классицизма: каждый герой воплощает определенную черту характера, которая проявляется на протяжении всей пьесы. Так, китаец Сунбенг – предатель, Луангмани – честный воин, Урай – девушка, сильная духом.

Во многом поэтому большинство персонажей наделены «говорящими» именами: Савай в переводе с тайского языка обозначает «счастье», «добро», имя директора школы «люксыя» Судтхай можно перевести как «искренний», «честный». Идеалу тайской женщины драматург дает имя *Урай* – «золото».

Вачиравуд следует классическому триединству, нарушая только единство времени, так как события пьесы явно разворачиваются в течение продолжительного периода. Единство места соблюдается: все события драмы происходят в доме Пхрапхирома. Наличие двух конфликтов, общественного и любовного, взаимосвязаны. Однако жанр этого драматического произведения – социально-политический. Поэтому общественный конфликт главенствует над любовным, что становится ясным для зрителя с первого появления героев. И хотя очевидно, что драматург вводит любовную интригу для раскрытия женского образа Урай и для усиления общественного конфликта, две сюжетные линии тесно взаимодействуют, и в этом заключается своеобразие пьесы «Сердце воина». Такая композиция «двух потоков» – общественной проблематики и любовной интриги – также соответствует принципам театра классицизма.

Важная роль в решении идеологического конфликта пьесы принадлежит автору, который выражает свою позицию различными способами. Прежде всего – через многочисленные развернутые ремарки, которые служат для раскрытия авторского мнения. Учитывая, что пьесы Вачиравуда предназначались также и для чтения, ремарки несут важную смысловую нагрузку. Они описывают обстановку, героев, их внешний вид и поведение.

Ремарки, касающиеся внешнего вида, очень выразительны, автор использует точные слова, прекрасно описывающие того или иного персонажа. Иногда даже их отсутствие уже дает характеристику герою. Так, предатель *Сунбенг*, который в начале пьесы одет в традиционный китайский костюм, появляется в европейской одежде, когда дом захватывают англичане. Смена одежды в соответствии с обстоятельствами обнаруживает сущность хамелеона *Сунбенга*. На примере этого персонажа автор дает характеристику всем корыстным приспособленцам-китайцам, готовым предать любого ради собственной выгоды.

В «Сердце воина» Рама VI гармонично соединил жанровую форму западноевропейской драматургии XX в. – «пьесы идей», ставшей для короля способом пропаганды своих взглядов, – с художественной традицией театра классицизма.

Можно сказать, что конкретную пропагандистскую задачу популяризации движения «Диких тигров» в Сиаме, поставленную королем-драматургом, пьеса «Сердце война» выполнила блестяще. Во многом благодаря успеху этого сочинения Вачиравуда численность «тигров» существенно возросла.

Помимо этой узко пропагандистской задачи, Вачиравуд в своей пьесе успешно решил и задачу более общую – утвердить в сознании подданных концепцию монархического национализма, которая и сегодня остается частью государственной идеологии страны, а цитаты из этого произведения до сих пор используются в политической агитации.

Ценность пьесы, однако, не исчерпывается одними лишь ее идейными достоинствами – произведение оригинально и в художественном плане: в нем органично соединились различные стили и жанры, общественная проблематика обогащена любовно-психологическими перипетиями сюжета и переживаниями героев, четко выстроена интри-

га, выразительны образы персонажей. «Сердце война» заслужено считается вершиной тайской драматургии. Эта пьеса и сегодня остается актуальной и входит в программу по литературе в тайской средней школе.

Библиографический список

1. *Вачиравуд*. Сердце война / пер. с тайского языка К.Б. Волковой. – Бангкок, 2005.

2. *Волкова К.Б.* Драма короля Рамы IV Вачиравуда «Захват власти» – оригинальная тайская версия жанра европейской пьесы-дискуссии // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2016. – Вып. 4. – С. 166–172.

3. *Искольдский В.И.* Национальный вопрос в Таиланде. – М., 1989.

4. *Vella, Walter F.* Chaiyo! King Vajiravudh and the Development of Thai Nationalism. – Honolulu: The University Press of Hawaii, 1978.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРИРОДА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ Э. МОНТАЛЕ

Усложненная структура и гибридная жанровая природа прозаического произведения Эудженио Монтале «Динарская бабочка» до недавнего времени не позволяли причислить его к определенной группе текстов. Однако подлинная автобиографическая основа текста и вместе с тем сильная фантастическая составляющая делают его ярким примером автобиографической прозы, написанной в экспериментальном жанре «autofiction». Помимо давнего творческого интереса Монтале к прозаической форме, обращение поэта к прозе совпало с кризисным для Италии моментом взаимоотношений между поэзией и прозой. Послевоенное время характеризовалось переходом многих поэтов к прозаическим жанрам, дающим возможность манье «рассказывать», о которой говорил Кальвино, выразиться в более свободной форме. Для прозы Монтале характерно присутствие разных точек зрения – рассказчика, персонажа и автора – пристальное внимание к ментальной жизни героя, внутренний монолог. Нелинейный рассказ о прошлом и будущем объединен особой ролью памяти, которая позволяет воспринимать книгу, как единое произведение. В «Динарской бабочке» поэт сознательно раскрывает перед читателем процесс создания поэтического образа, благодаря чему автобиографическая проза Монтале становится ценным авторским комментарием к его поэзии.

Ключевые слова: Эудженио Монтале, автобиографическая проза, автобиографический роман, жанр «autofiction», герметизм, новый роман, журнал «Солария», рассказ.

Итальянский поэт-герметик Эудженио Монтале, удостоенный в 1975 г. Нобелевской премии по литературе, создает свой вариант автобиографического романа, получивший название «Динарская бабочка». Обращение Монтале к автобиографической прозе лежит в русле экспериментов с романной формой [7], проводившихся группой литераторов из флорентийского журнала «Солария», к которой принадлежал и сам поэт. Разделяя общие положения концепции «новой литературы», сформулированной на страницах журнала, Монтале преобразовывает ее согласно особенностям своей поэтики. Так, автобиографический роман Монтале соединяет в себе как документальные, так и художественные элементы, образуя промежуточный жанр, которому Серж Дубровский [6], а за ним и Филипп Лежен [8] дают определение «autofiction» (сочинительство о самом себе).

И. Бродский в статье «В тени Данте» называет «литературный аскетизм, сжатость языка» [1, с. 15] основой поэтического мышления Монтале. В рамках поэтической замкнутости, особого «герметичного монолога», обращенного внутрь себя на первое место выступает исповедальное начало. Эти свойства, характерные для творческого метода Монтале в целом, переходят и в его прозу.

Как следует из личной переписки Монтале с американской эссеисткой Ирмой Брэндейс [9], уже в конце 40-х гг. поэт был готов попробовать свои силы в прозе, но не мог определиться с жанром, колеблясь между бытовыми зарисовками, дневником, романом. Он не расположен к конструированию истории, основанной на чистой выдумке, но и в рамках сугубо дневникового жанра ему тесно.

К созданию прозаической книги поэта подтолкнула работа в газетах «Corriere della Sera» и «Corriere d'informazione». Ведение рубрики пред-

полагало систематическое создание малой прозаической формы, что сближало сам метод с ведением периодической записи – автор, во что бы то ни стало, должен был представить написанное издателю. Во многом именно такая необходимость обусловила жанровое своеобразие «Динарской бабочки», на первый взгляд, представляющей собой собрание зарисовок о настоящей или чаще прошлой жизни писателя, объединенных автобиографической составляющей и условной спонтанностью изложения.

Работа над «Динарской бабочкой» велась в период с 1947 по 1970 гг. При работе над книгой корректурой и распределением рассказов по разделам автор занимался сам. Публикация наиболее полного варианта «Динарской бабочка» датируется 1973 годом, в такой форме книга издается и по сей день.

В 70-ые годы Монтале рассказывает о дополненном издании «Динарской бабочки»: «Хочу оговорить сразу, “ДБ” – это почти что мой автобиографический роман, пусть и фрагментарный; все в этой книге действительно автобиографично. Следуя таким путем, я почти написал роман; это “новый” роман, роман не в традиционном смысле <...> Я не обладаю фантазией прирожденного романиста и не способен ничего придумать» [12, с. 559]. Стремясь к созданию большой прозаической формы, за основу повествования Монтале берет короткую зарисовку. Во многом такой выбор связан с его пристрастиями читателя и критика.

Монтале называет себя «рьяным читателем» Палаццески, Ландольфи, Жида, которые, по его утверждению, повлияли на него больше, чем Джойс или даже Пруст, представители «других художественных стратегий», к которым автор себя не причисляет. «Непревзойденными мастерами художественной прозы» Монтале считал Мопассана, Тургенева, Чехова и Кэтрин Мэнсфилд [3]. В эссе, посвященном современной прозе, Монтале пишет:

«Искусство сказать и в то же время не сказать, начиная с Чехова и заканчивая Мэнсфилд и некоторыми новеллистами, публикуемыми в Нью-Йоркере, составляет секрет сегодняшней художественной прозы» [10, с. 1826]. Так, высшее литературное достижение Монтале видит в рассказе-зарисовке, в том же, что касается тематики, важнейшим примером, противостоящим канону, Монтале считал исповедальную направленность автобиографических произведений Андре Жида.

В предисловии к английскому переводу «Динарской бабочки» Монтале подчеркивает юмористический характер своего автобиографического романа: «Будучи страстным поклонником английских эссеистов, а также потому что редко встретишь лигурийца с плохим чувством юмора, я подумал, что смогу рассказать о себе и своем опыте, не слишком утомляя читателя стандартной автобиографией обычного человека. В моем случае речь идет об автобиографии персонажа, который всегда старался двигаться по истории своего времени как нелегал» [11, с. 7].

В автобиографической прозе Монтале личный план пересекается с историко-литературным контекстом значительно сильнее, чем в поэзии. Если поэзия Монтале зачастую предлагает нам взгляд на исторические события с позиции всезнающего автора, предполагая некую «внеположенность», взгляд с высоты (вспомним ставшее памятником эпохи стихотворение «Гитлеровская весна», 1946 г.), то проза рассказывает об усилении авторитарного режима или событиях военного времени с позиции «маленького человека», выдвигая на первый план бытовые подробности повседневной жизни, что позволяет читателю без труда отождествить себя с главным героем, острее ощутить трагическую атмосферу тех лет. Более того, в стихах Монтале всегда руководствовался идеей достижения гармонии между формой и содержанием наиболее скупыми выразительными средствами. В прозе же он явно чувствовал себя менее ограниченным в том, что касается выбора и комбинирования моделей повествования.

«Динарская бабочка» во многом раскрывает творческую кухню поэта, помогает расшифровать скрытые смыслы его «герметичной» поэзии, лучше понять сложный образный ряд. В небольшом временном пространстве книги сконцентрированы события, которые поэзия медленно фильтровала более чем тридцать лет. Значительная часть работ, посвященных поэтическому наследию Монтале, берет за точку отсчета сюжеты, описанные в автобиографической прозе. Будто бы Монтале, по словам Чезаре Серге, «неожиданно смилостивившись над своими критиками, решил снабдить их правильным вектором для написания будущих комментариев» [13, с. 9].

Дело в том, что в «Динарской бабочке» представлена своего рода схема творческой работы со-

знания. Монтале не случайно показывает читателю процесс переработки мимолетных впечатлений в поэтический образ, в его понимании сам этот процесс является неотъемлемой частью образа. В одном из интервью Монтале объясняет: «Принимая во внимание, что в искусстве существует баланс между внешним и внутренним, между обстоятельством, подтолкнувшим к написанию произведения, и самим произведением, ранее считалось необходимым, создав произведение, замалчивать обстоятельство, послужившее толчком. Новый способ, не парнасский, погрузить читателя в существо дела, в полной мере снабдив объективный результат, породившими его интенциями» [12, с. 86]. В своей автобиографической прозе Монтале удалось воплотить в жизнь именно такой «новый способ». «Динарская бабочка» становится своего рода промежуточным звеном между поэзией и самим автором. Если в поэзии автор стремится к лексической усложненности, синтаксическому напряжению, то в прозе он не гнушается расхожих эпитетов, разговорной лексики, общих мест, пользуясь легкими и свободными синтаксическими конструкциями.

Об автобиографическом характере книги говорит само ее строение. «Динарская бабочка» разделена на четыре части. Первая – повествует о наполненном играми и фантазиями детстве героя и его юности, проведенной в мечтах о карьере оперного певца; вторая – посвящена флорентийской поре, ставшей для писателя периодом творческого формирования; в третьей части рассказывается о женатой паре; в четвертой – размещены зарисовки о человеке преклонных лет, в одиночестве путешествующем по свету. Так, Генуя, место рождения поэта, Монтекорво (в котором легко угадывается Монтероссо, маленький прибрежный город, где находился загородный дом семьи Монтале) и Флоренция – становятся тремя главными центрами, вокруг которых строится повествование. Деление на части во многом условно, так как в каждой из них встречаются зарисовки, не вписывающиеся в хронологический порядок повествования. Неожиданные скачки во времени позволяют читателю расширить представление о герое, наблюдая его в разных ипостасях.

К примеру, вторая зарисовка книги прерывает рассказ о юности героя, но именно здесь мы встречаем ключевую для всего произведения фразу: «Поиски утраченного времени... Наедине с самим собой приятнее погрузиться в ту жизнь, которая, как мне казалось, закончилась навсегда» [2, с. 22]. Рассказчик стремится, как можно глубже, проникнуть в свои воспоминания, кажется, будто в этом и есть его главная цель. Таким образом, эта зарисовка становится программной, отсылая нас к Прусту. В некотором смысле в «Динарской бабочке» Монтале, действительно, пользуется излюбленным приемом автора романов об утрачен-

ном времени: незначительная деталь воскрешает в памяти героя целый пласт воспоминаний. Кроме того, незнакомец из предыдущего рассказа, интуитивно воспринимаемый читателем и как главный герой следующего повествования, приобретает определенные черты: женатый человек средних лет, переживший войну и «мрачные времена под названием освобождение». Следует сказать, что военные действия служат фоном для многих рассказов «Динарской бабочки», придавая иной тон, казалось бы, незначительным событиям.

Многие характерные для поэзии автора символы и чувства, со временем пройдя через критическое осмысление, в «Динарской бабочке» приобретают новое звучание, отмеченное явной самоиронией. К примеру, страсть фантазировать о причудливых или выдуманных животных Монтале пронес через всю жизнь, она стала частым мотивом его поэзии. Животные фигурируют и на страницах «Динарской бабочки», неизменно сопровождая автора по жизненному пути, а иногда становясь символами важных для него решений. Домашние животные будто выступают соавторами Монтальевской автобиографии, что во многом придает повествованию ироничный тон. А в рассказе «Лимит времени» любимые автором в детстве осел и собака становятся его проводниками в мире ином.

Повествовательная стратегия Монтале заключается в постоянной смене ракурса, автор рассматривает свою жизнь с разных углов зрения. Часто смена ракурса достигается благодаря тому, что рассказ ведется не только от первого лица, но и от третьего. Главный герой выступает под разными масками – Зебрик, Филиппо, Федерико, синьор М. – которые, вместе с тем неизменно сохраняют легко узнаваемые биографические черты автора. Достоверность в повествование вносит и упоминание друзей поэта под настоящими именами. Так, в рассказе «Хани» на английский ужин герой приходит со своим другом Альберто Моравиа, а синьора Стэппса из одноименного рассказа Монтале навещает с Антонио Дельфини. Несмотря на то, что настоящие имена и названия сохранены отнюдь не везде, они неизменно сохраняют связь с биографией писателя. Так, в зарисовке «Бородатая женщина» автор фокусирует наше внимание не столько на воспоминании, сколько на вспоминающем, описание которого отсылает нас к самому Монтале. Мы узнаем, что синьор М. писатель, вернувшийся в город своего детства после сорока лет отсутствия. «Сам синьор М. сильно изменился и сознавал это, но он избегал смотреть на свое отражение в витринах магазинов, что позволяло ему забыть, что сорок лет не прошли для него бесследно» [2, с. 51]. Герой пытается воскресить в памяти старую служанку Марию, следуя тем же путем, что они проделывали вместе, возвращаясь из школы. Почему М. так жаждет снова встретить

Марию, чего ищет в своих воспоминаниях? В этом рассказе Монтале впервые раскрывает нам цель своих поисков. Воспоминания, по мысли Монтале, единственное спасение от одиночества и пустоты, лишь они способны поддержать в трудную минуту. «В жизни синьора М. больше не было дома, не осталось ничего, что могло бы претендовать на роль табу, кроме этой трясущейся, задыхающейся тени. <...>. Он редко вспоминал о Марии, она являлась ему лишь в самые мрачные часы его жизни. <...> Бесполезное существование? Неправда, мысленно возражал он себе, разве найдется на свете кто-нибудь, кому посчастливится возвращаться из школы с призраком, кто-нибудь, кто сумеет победить страх одиночества, чувствуя себя под защитой идущего рядом ангела в образе бородатого страшилища?» [2, с. 54–55].

Смена точек зрения в сочетании с нелинейным развитием сюжета, переносящим читателя из одного периода жизни автора в другой, будто подчиняет повествование законам человеческой памяти. Следует отметить, однако, что «Динарская бабочка» повествует не только о прошлом и настоящем, но и об условном будущем, представленном в фантастическом ключе. Ярче всего эта метафизическая составляющая книги выражена в рассказе «Режиссер». В «дымке утреннего тумана» рассказчик встречает давно умершего знакомого Америго. Рассказ представляет собой монолог Америго, «спустившегося сверху» из чувства благодарности за оказанную ему когда-то рассказчиком неоценимую услугу. Америго желает помочь другу, как он выражается, «катящемуся по наклонной» и уже серьезно рискующему тем, «что все его забудут». Похоже, Америго говорит о судьбе Монтале как поэта. Америго сочувствует поэту: «твоя роль заканчивается, и к тому же блестящей она не была. Ты в этом не виноват, я знаю. В твоё время в моде были знаменитости, а ты не рожден для этой роли. Ты лучше выглядел бы в новом фильме, но, увы, ничего не поделаешь. Ты слишком рано родился» [2, с. 177]. Америго не берется гарантировать «долгую жизнь сочинениям» поэта, а тем более бессмертие. Возможно, сами произведения того и заслуживали, но слишком много нелестных отзывов набралось о самом их авторе. И все же Америго предлагает другу роль в новом фильме. Новый фильм же на следующие пятьдесят веков станет основой картины мира всего человечества. Роль эта незначительная, ведь «никто не будет тебя читать, ты будешь фигурировать в нем как человек из прошлого» [2, с. 178]. Так, Америго предоставляет поэту выбор, стать второстепенным персонажем оперного либретто, подобно господину Шатобриану связать свое имя с бифштексом или же дать имя новой породе собак. В такой иронической форме Монтале размышляет о будущем своей поэзии и культуры в целом. Описывая смену эпох, Монтале дает ха-

рактические как старому «фильму», так и новому: это был неплохой фильм, «но он вышел из моды... Слишком много первых планов, наездов, знаменитостей. Теперь рассказ будет значительно более стройным, темп намного быстрее. А музыка! <...> Громкая, как канонада» [2, с. 178].

Монтале ведет исследование собственной жизни, не позволяя главенствовать единственному авторскому голосу. Так, он будто деформирует монологическую автобиографическую стратегию повествования, предлагая вместо нее диалогическую. Во многих рассказах активно используется как традиционная форма диалога, так и форма диалога внутреннего. Таковы беседы с самим собой героя из рассказов «На пляже», «В Эдинбурге», «Картины в подвале». Сознание героя дробится от задаваемых самому себе вопросов и предполагаемых ответов, создающих иллюзию присутствия того, кто мог бы услышать.

Как и во многих других автобиографиях писателей, в «Динарской бабочке» немало места посвящено проблемам творчества, хотя размышления на эту тему Монтале предпочитает вкладывать в уста не рассказчику, а другим персонажам. Так, Америго из рассказа «Режиссер» дает оценку произведениям друга и предсказывает им забвение. А в рассказе «Поэзии не существует» молодой немецкий офицер, по совместительству литератор, излагает смущенному поэту свои взгляды на сущность поэзии. Поэт слушает гостя, не проронив ни слова, он не высказывает своего мнения и после ухода офицера. Представляется, что рассуждения о судьбе поэзии являются прерогативой второстепенных персонажей неспроста. Сам Монтале не раз выступал в роли критика, а в многочисленных интервью охотно излагал свои взгляды на литературный процесс, однако в своей автобиографии он будто дает понять – такие беседы приличествуют вести режиссеру или литератору, поэт же занят другой стороной дела. Вместе с тем, именно на страницах автобиографии поэт показывает, как то или иное событие перерождается в лирический образ. Особенно интересна с точки зрения описания творческого процесса последняя зарисовка, давшая название всей книге. Рассказчик из «Динарской бабочки» каждый день с восхищением наблюдает за желтой бабочкой, отнюдь не типичной обитательницей холодной Бретани. Перед отъездом он просит официантку полюбившегося ему кафе проследить дальнейшую судьбу бабочки и рассказать ему об этом в письме. Рассказчик задавался вопросом «прилетала ли утренняя посетительница ради меня <...>, или же этот уголок просто-напросто входил в ее ежедневный машинальный маршрут. Одним словом, утренняя прогулка или тайное послание?» [2, с. 239]. Официантка немало удивилась странной просьбе посетителя, так как бабочки не увидела. «Она убрала в кармашек сотенную ку-

пюру и удалась с кофейным фильтром в руках. Я опустил голову, а когда снова поднял, на вазе с георгинами бабочки больше не было» [2, с. 240]. Здесь бабочка становится метафорой вдохновения, сопровождающего поэта, находящегося во власти иллюзии. Стоит поэту сменить угол зрения, заняв позицию реалиста, волшебство рассеивается, а бабочка исчезает без следа. Так Монтале описывает суть поэтического дара.

По мнению многих исследователей [4], произведение Монтале вносит неоценимый вклад в феноменологию памяти: столь разнообразно она представлена в книге. Несмотря на протесты самого автора, проблема памяти во многом сближает «Динарскую бабочку» с европейским модернистским романом XX века – для автобиографической прозы Монтале тоже характерно присутствие разных точек зрения – рассказчика, персонажа и автора, пристальное внимание к ментальной жизни героя, внутренний монолог, нелинейный рассказ о прошлом и будущем, объединенные особой ролью памяти, которая вместе с тем позволяет воспринимать книгу, как единое произведение.

Как и близкие к Монтале литераторы, для создания большой формы он выбирает автобиографию. Такой выбор связан с сознательным отказом от создания продуманной, а значит в понимании Монтале, искусственной интриги, с нежеланием оставаться в рамках традиционных жанровых форм, которые автор воспринимает как устаревшие и слишком предсказуемые. Вместо того, в своей «автобиографической книге» поэт свободно совмещает разные повествовательные модели, работая то в жанре классической новеллы, то памфлета, поэтической прозы, фантастического рассказа, философского размышления. В отличие от сложных для дешифровки, «герметичных» стихов, проза Монтале отличается легким, естественным стилем, находясь в русле общей для автобиографического письма тенденции, заключающейся в максимальном устранении из текста риторичности и нарочитой литературности [5]. Целью автобиографической прозы становится исследование собственной жизни, взгляд внутрь себя, самопознание. «Динарская бабочка», несомненно, носит исповедальный характер, отчасти разясняя те образы и ситуации, которые на протяжении многих лет фигурировали лишь в поэзии автора. Если одной из примет жанра в других образцах автобиографического письма выступает «мотив самобичевания», то в «Динарской бабочки» он трансформируется в вездесущую самоиронию.

«Динарская бабочка» представляет собой эстетически организованный текст на подлинной автобиографической основе, имеющий заданную структуру, обладающий художественной образностью и отмеченный сильной фантастической составляющей – все это позволяет нам причислить

большую прозаическую форму, созданную Монтале, к жанру «autofiction».

Библиографический список

1. *Бродский И.А.* В тени Данте // Иностранная литература. – 1996. – № 12. – С. 15–19.
2. *Монтале Э.* Динарская бабочка / пер. с итал. Е.М. Солоновича. – М.: Река времен, 2010. – 248 с.
3. *Casadei A.* Prospettive montaliane: dagli Ossi alle ultime raccolte. – Pisa: Giardini, 1992. – 153 с.
4. *Contini G.* Istantanee montaliane // Montale E. Immagini di una vita. – Milano: Mondadori, 1996. – С. VII–XX.
5. *D’Intino F.* L’autobiografia moderna: storia, forme, problemi. – Roma: Bulzoni, 1998. – 378 с.
6. *Doubrovsky S.* Parcours critique. – Paris: Galilée, 1980. – 176 с.
7. *Fava Guzzetta L.* Solaria e la narrativa italiana intorno al 1930. – Ravenna: Longo, 1973. – 223 с.
8. *Lejeune Ph.* Moi aussi. – Paris: Seuil, 1986. – 257 с.
9. *Montale E.* Lettere a Clizia. – Milano: Mondadori, 2006. – 376 с.
10. *Montale E.* Il secondo mestiere. Prose 1920–1979. – Milano: Mondadori, 1996. – Т. 2. – С. 1764–3408.
11. *Montale E.* The butterfly of Dinard. – London: London Magazine Edition, 1970. – 186 p.
12. *Montale E.* Sulla poesia. – Milano: Mondadori, 1976. – С. 643.
13. *Segre C.* Invito alla Farfalla di Dinard // Montale E. Prose narrative. – Milano: Mondadori, 2008. – С. V–XXIII.

МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА М. ФРИША «ХОМО ФАБЕР»

Статья посвящена модели пространства, воссозданной известным швейцарским писателем XX столетия Максом Фришем в его романе «Хомо Фабер». Анализируя данную модель, можно выделить несколько типов пространства в соответствии с их принадлежностью к природе, культуре или цивилизации: Новый Свет, Старый Свет и страны третьего мира. В этой связи необходимо отметить тот факт, что Старый Свет можно отнести к мифопоэтическому типу пространства. Данный тип пространства, наполненный большим количеством сакральных объектов, тесно связан с мифологией.

Уже в начале произведения мы встречаемся с первой мифологической аллюзией: печатную машинку, которую Макс Фриш берет с собой в путешествие, он называет «Hermes-Baby». Во-первых, это название швейцарского производителя данной машинки, во-вторых, древнегреческий бог Гермес является богом красноречия (герой романа ведет дневник) и покровительствует путешественникам (Вальтер Фабер много путешествует по работе). Тема мести представлена древнегреческими богинями мести эринидами. В Национальном музее Вальтер Фабер восхищается скульптурой «Kopf einer schlafenden Erinnye». При этом он отмечает, что при определенном падении света появляется оптическая иллюзия, будто бы богиня мести оживает. Чуть позже змея (вместо волос у эриний – змеи) сыграет ключевую роль в судьбе героя: Сабет погибает от перелома основания черепа, полученного в результате падения после укуса змеи. Есть в романе и параллели с древнегреческим мифом об Эдипе: оба персонажа, сами этого не зная, вступают в интимные отношения с ближайшими родственницами. Узнав о случившемся, главный герой произведения подобно Эдипу хочет выколоть себе глаза.

Таким образом, мифологизация в романе – это художественный прием, посредством которого создается мифопоэтическое пространство романа. Древнегреческая мифология дает Макс Фришу возможность для бесчисленных аналогий и параллелей, что находит отражение в поэтике произведения.

Ключевые слова: М. Фриш, мифопоэтика, мифологизация, аллюзия, культура.

Макс Фриш – известный швейцарский писатель и драматург XX столетия. Творческое наследие автора не велико по объему, но впечатляет жанровым разнообразием: романы и повести, пьесы и мемуары, публицистика. Особняком среди всех произведений писателя стоит роман «Хомо Фабер», представляющий собой дневниковые записи главного героя – Вальтера Фабера.

Действие произведения разворачивается в 1957 году. Вальтер Фабер — уроженец Швейцарии и инженер по профессии — типичный представитель цивилизации XX столетия. Обладая рациональным складом ума, он уверен, что все происходящее в жизни можно объяснить при помощи логики и теории вероятности. Он всецело отдает себя работе, не посещает музеев, ему чужды разговоры о прекрасном. За это возлюбленная главного героя Ганна Ландсберг в молодости называла его Хомо Фабер, что в переводе с латыни означает «человек-мастер, создатель орудий труда, человек работающий» [подробнее см: 3]: “Ich nannte sie eine Schwärmerin und Kunstfee. Dafür nannte sie mich: Homo Faber“ [6, с. 47].

По роду своей деятельности главный герой много путешествует. Мы встречаем его, когда самолет, на котором он летел из Нью-Йорка в Каракас, совершает аварийную посадку в пустыне Тамаулипас в Мексике. Затем он навещает своего друга молодости в Гватемале, а позже оказывается на корабле, где знакомится с Элисабет Пипер. Сопровождая Сабет в ее путешествии автостопом по Европе, Вальтер Фабер побывал в Пизе, Фло-

ренции, Сиене, Риме, Ассизи. В этой поездке главный герой посещает музеи. Благодаря Элисабет Вальтер Фабер познает «мир в его чувственном богатстве, насыщенности его красок, звуков, запахов, через метафоры и образы, через радость и боль» [3, с. 11]. Однако девушка, встреченная им на корабле и ставшая его любовницей, оказывается его дочерью от Ганны Ландсберг, его юношеской любви, с которой он не встречался около двадцати лет. Недалеко от Афин, т. е. в центре древнегреческой цивилизации, Сабет происходит несчастный случай, в результате которого она умирает в больнице. После смерти дочери Вальтер летит обратно в Нью-Йорк, затем в Каракас, а оттуда в Гватемалу. Проездом из Каракаса в Лиссабон Фабер оказывается на Кубе, где его восхищают красота и открытый нрав кубинцев. Побывав в Дюссельдорфе и вернувшись обратно в Афины, главный герой идет в больницу, где остается до самой операции, понимая, что у него рак желудка.

Таким образом, рассматривая пространственную организацию данного произведения, мы можем выделить в нем несколько основных типов пространства в соответствии с их принадлежностью к природе, культуре или цивилизации: Новый Свет, Старый Свет и страны третьего мира [подробнее см: 2]. Однако, на наш взгляд, для романа характерен еще один, особый, тип пространства – мифопоэтическое пространство. Как отмечает В.Н. Топоров, одной из важнейших характеристик данного пространства является его четкое деление на центр и периферию. При этом в его центре всегда находится некая «высшая пер-

сонифицированная сакральная ценность», вокруг которой выстраивается все действие произведения [цит. по: 1, с. 22]. Очевидно, что в рассматриваемом нами романе таким центром являются Афины. Совершая путешествие по Греции, Вальтер Фабер путешествует по пространству, связанному с культурой. Для него характерно наличие большого количества сакральных объектов, выполняющих функцию передачи культурного наследия человеческой цивилизации. В связи с этим неудивительно, что именно в Афинах происходит окончательное изменение мировосприятия главного героя.

Говоря о мифопоэтическом пространстве, В.Н. Топоров отмечает две линии поведения героя по отношению к данному пространству: первая «характеризуется равнодушием, безразличностью к пространству, незаинтересованностью в нем», вторая связана «с особым интересом к пространству, со способностью понимать его смыслы («прислушиваться» к пространству) или вживать их в него» [4, с. 241]. Очевидно, что первая линия поведения, о которой пишет исследователь, характерна для Вальтера Фабера, в то время как вторая – для Сабет, которая не просто знакомит главного героя с культурой, а учит его понимать ее во всем ее величии и многообразии.

Очевидно, что мифопоэтическое пространство тесно связано с древнегреческой мифологией. Остановимся на этом факте подробнее. Впервые с мифопоэтическими аллюзиями мы встречаемся на двадцать девятой странице романа, когда Вальтер Фабер после крушения самолета в пустыне Тамалипас достает свою печатную машинку («Hermes-Baby»), чтобы написать письмо Айви: «...ich holte meine Hermes-Baby (sie ist heute noch voll Sand) und spannte einen Bogen ein...» [6, с. 29]. Первоначально кажется, что герой называет печатную машинку «Hermes-Baby» по имени ее швейцарского изготовителя. Однако всем известно, что в древнегреческой мифологии Гермес – бог красноречия и покровитель путешественников. Таким образом, связь с Вальтером Фабером очевидна: главный герой много путешествует, при этом во всех поездках его сопровождает печатная машинка, любовно называемая им «Hermes-Baby». С ее помощью он запечатлевает все происходящие с ним события. В этой связи необходимо также упомянуть тот факт, что во все свои путешествия главный герой берет с собой также и видеокамеру (meine «Kamera, die mich schon um die halbe Welt begleitet hat...» [6, с. 10–11]), снимая на нее все происходящее. Таким образом, мы можем утверждать, что Вальтер Фабер, будучи рациональным и прагматичным человеком, смотрит и воспринимает окружающий его мир не своими глазами, а посредством технических приборов – видеокамеры и печатной машинки.

Мотив мести, являющейся одним из центральных в произведении, связан с древнегреческими

богинями мести – эриниями. Эта тема тесно переплетается с темой искусства в романе, поэтому мы рассмотрим обе темы одновременно. Как уже указывалось ранее, искусство всегда было чуждо Вальтеру Фаберу. Во время путешествия с Сабет по Италии главного героя постоянно раздражало желание или, как он сам отмечает, мания девушки осматривать все достопримечательности: «Was mir Mühe machte, war lediglich ihr Kunstbedürfnis, ihre Manie, alles anzuschauen... In Florenz rebellierte ich, indem ich ihren Frau Angelico, offen gesagt, etwas kitschig fand. Ich verbesserte mich dann: Naiv. Sie bestritt es nicht, im Gegenteil; es kann ihr gar nicht naiv genug sein.» [6, с. 107]. В этой связи необходимо также отметить тот факт, что наивность, по мнению Вальтера Фабера, – это отрицательная черта, полностью противоречащая голосу разума. Очевидно, что в этом путешествии главного героя интересует только то, что связано с техникой: «Was mich interessierte: Straßenbau, Brückenbau, der neue Fiat, der neue Bahnhof in Rom, der neue Rapido-Triebwagen, die neue Olivetti – Ich kann mit Museen nichts anfangen» [6, с. 108].

Но в Национальном музее (Museo Nazionale) ситуация меняется коренным образом. Вальтер Фабер, желая перепроверить и/или опровергнуть мнение матери Сабет о том, что каждый человек может понять произведение искусства, стал осматривать имеющиеся в зале скульптуры: «...und stellte mich vor irgendeine Statue, um den Ausspruch ihrer Mama zu prüfen. Jeder Mensch könne ein Kunstwerk erleben! – aber Mama, fand ich, irrte sich» [6, с. 110]. При этом картину Сандро Боттичелли «Рождение Венеры» Вальтер Фабер находит всего лишь восхитительной («entzückend»), в то время как Сабет подбирает большое количество эпитетов, характеризующих данное произведение искусства («toll, geradezu irrsinnig, maximal, genial, terrific»). Такое положение дел очень сильно обижает главного героя: «Ich kann es nicht ausstehen, wenn man mir sagt, was ich zu empfinden habe; dann komme ich mir, obschon ich sehe, wovon die Rede ist, wie ein Blinder vor» [6, с. 111]. Но тут Вальтер Фабер оказывается перед скульптурой «Kopf einer schlafenden Erinnye» и, как он сам отмечает, неожиданно открывает это произведение для себя: «Das war meine Entdeckung... Hier fand ich: Großartig, ganz großartig, beeindruckend, famos, tief beeindruckend» [6, с. 111]. Примечательным является тот факт, что при определенном падении тени на скульптуру у Вальтера Фабера появляется чувство, что лицо спящей эринии начинает оживать: «Wenn Sabeth (oder sonst jemand) bei der Geburt der Venus steht, gibt es Schatten, das Gesicht der schlafenden Erinnye wirkt, infolge einseitigen Lichteinfalls, sofort viel wacher, lebendiger, geradezu wild» [6, с. 111]. Таким образом, богиня мести, которая до этого момента находилась в спящем состоянии, постепенно просыпается.

На наш взгляд, окончательное пробуждение эринии произошло в ночь, которую Вальтер Фабер впервые провел со своей дочерью Сабет в одном номере отеля. В этот час за окном несмотря на позднее время суток было очень шумно: «Motorräder, die im Leerlauf aufheulen, dann schalten, am schlimmsten ein Alfa Romeo, der immer wieder kommt und jedesmal wie zu einem Rennstart ansetzt, sein Hall zwischen Häusern, kaum drei Minuten lang blieb es ruhig, dann und wann der Glockenschlag einer römischen Kirche, dann neuerdings Hupen, Stop mit quietschenden Pneus, Vollgas auf Leerlauf, sinnlos, Lausbüberei, dann wieder das blecherne Dröhnen, es schien wirklich der gleiche Alfa Romeo zu sein, der uns die ganze Nacht lang umkreiste... Dann wieder der Alfa Romeo, sein Hupen in den Gassen, Bremsen, Vollgas im Leerlauf, Schalten, sein blechernes Dröhnen in der Nacht» [6, с. 111]. Кульминационным моментом в реализации темы мести в романе становится, безусловно, эпизод змеино го укуса Сабет на пляже под Афинами. Здесь снова наблюдается прямая связь с богиней мести, так как известно, что у эринии вместо волос змеи.

Говоря о мифопоэтике романа, нельзя не упомянуть и древнегреческий миф об Эдипе. Между главным героем произведения и древнегреческим царем Фив возможно провести несколько параллелей. После того как Вальтер Фабер выяснил, что Эллисабет Пипер – дочь его возлюбленной Ганны Ландсберг, он все равно не мог поверить в то, что именно он является ее отцом: «Sabeth: die Tochter von Hanna! Was mir dazu einfiel: eine Heirat kam wohl nicht in Frage. Dabei dachte ich nicht einen Augenblick daran, dass Sabeth sogar mein eigenes Kind sein könnte. Es lag im Bereich der Möglichkeit, theoretisch, aber ich dachte nicht daran. Genauer gesagt, ich glaubte es nicht. Natürlich dachte ich daran: unser Kind damals, die ganze Geschichte, bevor ich Hanna verlassen habe, unser Beschluss, dass Hanna zu einem Arzt geht, zu Joachim – Natürlich dachte ich daran, aber ich konnte es einfach nicht glauben, weil zu unglaublich, dass dieses Mädchen, das kurz darauf wieder auf unseren Grabhügel zurückkletterte, mein eigenes Kind sein soll» [6, с. 118–119]. Примечательным является использование в данном текстовом фрагменте такого стилистического приема как синтаксический параллелизм. Благодаря двукратному использованию фразы «Natürlich dachte ich daran» подчеркивается, что Вальтер Фабер не слепо бросился в любовные отношения с Сабет, а, наоборот, предварительно попытался высчитать, могла ли Эллисабет Пипер быть его дочерью от Ганны Ландсберг. Таким образом, как и древнегреческий царь Фив, главный герой романа не знал, что вступает в любовные отношения со своим собственным ребенком.

С древнегреческим мифом об Эдипе также связана одна из центральных тем произведения –

тема рока и судьбы, а также нежелание главного героя видеть очевидные вещи, происходящие в его жизни. Так, например, уже в начале романа, рассказывая о вылете самолета Вальтера Фабера из нью-йоркского аэропорта Ла Гардия, автор пишет: «...man kam sich wie ein Blinder vor» [6, с. 7]. Нельзя забывать также тот факт, что главный герой произведения во время всех своих путешествий снимает все происходящее с ним на камеру, т. е. смотрит на мир не своими собственными глазами, а через объектив видеокамеры. При этом надо констатировать тот факт, что Вальтер Фабер не пытается (пока еще!) бежать от событий, происходящих в его жизни: «Es hatte keinen Zweck, die Augen zu schließen» [6, с. 9]. Главный герой порой сам констатирует свою слепоту, которая начинает его раздражать. Так в Национальном музее в Италии он говорит о себе: «...dann komme ich mir, obschon ich sehe, wovon die Rede ist, wie ein Blinder vor» [6, с. 111]. Позже, беседуя с Ганной Ландсберг о ее муже господине Пипере, Вальтер Фабер узнает, что он потерял всякую связь с реальностью («was er verloren habe: ein spontanes Verhältnis zur Realität»), из-за чего Ганна считала его полностью слепым человеком. Чуть позже главный герой добавляет, что и его по этой же причине его возлюбленная считала слепцом: «Auch mich fand sie stockblind» [6, с. 144]. Но постепенно после встречи с Сабет Вальтер Фабер начинает видеть жизнь во всех ее красках. Однако такое состояние у него длилось недолго. Как и Эдип главный герой, узнав о совершенном inceste, хочет выколоть себе глаза. Сидя в вагоне-ресторане поезда, следовавшего в Дюссельдорф, и размышляя о произошедшем, Вальтер Фабер мечтает о своей слепоте: «Warum nicht diese zwei Gabeln nehmen, sie aufrichten in meinen Fäusten und mein Gesicht fallen lassen, um die Augen loszuwerden?» [6, с. 192]. Следовательно, мы можем утверждать, что главный герой пытается бежать от ужасной реальности, в которой он оказался волею судьбы. Однако изменившийся внутренне и научившийся воспринимать окружающий его мир во всем его богатстве красок Вальтер Фабер не сможет жить как раньше: он остро чувствует и переживает все происходящее с ним.

Таким образом, использование многочисленных мифологических образов и мотивов дает Макс Фришу возможность «для бесконечной художественной игры, бесчисленных аналогий и параллелей, что находит отражение в поэтике» всего произведения [5, с. 272]. Благодаря художественно мотивированному обращению к мифу писатель не только создает мифопоэтическое пространство романа «Хомо Фабер», усложняя тем самым его художественную структуру, но и углубляет его смысл.

Библиографический список

1. *Косыч Е.А.* Поэтика пространства в романе М. Фриша «Homo Faber» // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи. – Материалы 6-ой ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. 20 ноября 2013 г. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 21–26.
2. *Миркина Ю.З.* Модель пространства в произведении М. Фриша «Хомо Фабер» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2016. – № 1. – С. 176–178.
3. *Сидорина Т.Ю.* «Homo faber» как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – С. 14–23.
4. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура – М., 1983. – С. 227–284.
5. *Шастина Е.М.* Мифопоэтическое пространство романа Элиаса Канетти «Ослепление» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 1 (2). – С. 272–276.
6. *Frisch M.* Homo faber. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1977. – 203 S.

КОНЦЕПТЫ «АРИСТОС» И «НЕМО»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Определение жанра романов Джона Фаулза как Bildungsroman, то есть «роман воспитания» или «роман взросления», позволило выделить объединяющий элемент в творчестве и философии Фаулза – «проповедование» некой авторской идеи, концепции бытия и жизни. В ряду семантических полей, повторяющих этапы «обучения» героя, концепты «немо» и «аристос» являются культурной и семантической антиномией. Путь от ощущения немо до обретения полной внутренней свободы и независимости от общественных веяний и суждений – это путь, который, как полагает Фаулз, должны пройти герои романов, а в идеале – и читатели. Иллюстративные для дидактического метатекста Фаулза концепты «немо» и «аристос» в свою очередь интегрируют метафору суда, метафору учения и образ улыбки. Выявление лексико-семантических фреймов данных концептов при анализе англоязычных текстов произведений Фаулза помогает декодированию нравоучительного лингвокультурного метатекста автора.

Ключевые слова: метатекст, «немо», «аристос», Джон Фаулз, семантическое поле, Bildungsroman, интертекст.

Жанр романов Джона Фаулза часто определяется как Bildungsroman, то есть «роман воспитания» или «роман взросления», в котором герой проходит ряд испытаний (инициаций), целью которых является понимание самого себя. Но если вспомнить, что в постмодернистской литературе читателю отводится немаловажная роль по крайней мере одного из героев, а может быть и соавтора, то тогда такая «школа жизни» имеет среди прочих своих целей и «обучение» читательской аудитории в том числе. Особая дидактичность и нравоучительность романов Фаулза отмечалась многими исследователями. [4; 15]: «I don't see that you can write seriously without having a philosophy of both life and literature to back you. Some philosophy of life is a property of all better writers» [14, p. 220].

Получается, что Фаулз не просто учит, он почти «навязывает» собственную философию жизни. Общение Фаулза и читателей – это общение не соавторов, а умудренного преподавателя и несмышленных учеников. Отсутствие истинного желания преподавать в реальной жизни перешло на преподавание в творчестве. Потребность не просто учить, но и выражать в процессе обучения свое собственное и уникальное «Я» превращает произведения Фаулза в Bildungsroman как для героев, так и для читателей.

Так как метафора учения в творчестве и философии Фаулза является ведущей, мы располагаем выделенные нами семантические поля в порядке, повторяющем этапы «обучения» героя в романах Фаулза. Таким образом, мы выделяем следующие семантические поля: «Немо», «Путь», «Эвристика», «Игра», «Замкнутое пространство», «Утрата», «Великая Мать», «Аристос», «Искусство как свобода». Путь от ощущения немо до обретения полной внутренней свободы и независимости от общественных веяний и суждений – это путь, ко-

торый, как полагает Фаулз, должны пройти герои романов, а в идеале – и читатели.

Понятие «немо» (лат. *никто, ни один, никакой*), дополнившее в философии Фаулза фрейдистские «Супер-эго», «Эго» и «Ид», является одним из доминантных в творчестве Фаулза. Для Фаулза немо – это «анти-Я» в человеческой душе, это «a man's sense of his own futility and ephemerality; of his own relativity, his comparativeness; of his virtual nothingness» [9, p. 36]. Это приводит к тому, что человек теряет собственную аутентичность и начинает жить по мнениям и стереотипам, которые навязывает ему общество: «...our nemo gains power over our behavior to the extent that we believe that were it not for the faults of the human condition, or of society, or of our education, or of our economic position, then we might be what we can imagine» [9, p. 36]. Таким образом, все человеческие действия и стремления направлены только на борьбу с окружающей действительностью, что и находит выражение в погоне за успехом, деньгами, известностью, в то время как на самом деле борьба должна вестись с нашим страхом перед немо.

Несмотря на то, что Фаулз не упоминает немо ни в одном из своих художественных произведений и рассматривает это понятие только в «Аристосе», душевные муки большинства главных героев его романов рождены именно активностью немо, которое и инициирует нравственные искания. Так, немо Николаса («Волхв») почти доводит его до самоубийства, когда герой обнаруживает «предельную бездарность» своих стихов: «The truth rushed down on me like a burying avalanche. I was not a poet» [13, p. 58]. Именно немо заставляло Николаса искать возможность воплотить собственную независимость в творчестве. И переделанная мысль Декарта, высказанная Николасом, что «*pot cogito, but scribo, pingo ergo sum*» [13, p. 58] как раз и показывает абсурдность попытки прикрыть

творчеством ощущение своей ничтожности (немо), так как именно мыслительный процесс может дать человеку избавление от страха перед немо. А слова Эмили Дикинсон «Publication is not the business of poets» [13, p. 57] еще больше подчеркивают лицемерность искусства («на показ», «ради признания»), попытки самоутверждения. (Эмили Дикинсон вела затворническую жизнь и полностью посвятила себя поэзии. При жизни были опубликованы всего семь ее стихотворений из более полутора тысяч.) Осознание собственной ничтожности и неспособности творить, а в последствии и убить себя становится началом поиска себя и толкает Николаса на поиск новых ощущений и знакомств. Немо также руководит Клеггом («Коллекционер»), когда тот решается похитить девушку. Немо Клегга является подтверждением столь частой для Фаулза **дихотомии Избранные – Масса**, когда масса отличается от избранных именно колоссальной активностью немо. Признание Клегга собственной никчемности («She was no good. Like me» [10, p. 183], – так Клегг говорит о своей матери и себе) побуждает его доказывать значимость своего существования перед самим собой посредством насилия и преступления. Для сравнения, таким же способом пытался самоутвердиться Раскольников, вопрошая: «Тварь я дрожащая или право имею?» Увлеченность сэра Бартоломью («Червь») учением друидов и путешествии, затеянное под влиянием тайных знаний, также объясняются активацией немо в душе героя: «We moderns are corrupted by our past, our learning, our historians; and the more we know of what happened, the less we know of what will happen... we are like the personages of a tale, fixed it must seem by another intention, to be good or evil, happy or unhappy, as it fails» [7, p. 150–151]. Дэниел Мартин также руководствуется страхом перед немо, когда, пересматривая свою жизнь и понимая, что работа сценариста так и не принесла ему творческой реализации, решает писать роман и резко меняет свою жизнь, воскрешая прошлые отношения.

Проявление немо в герое Чарльза Смитсона («Любовница французского лейтенанта») сопряжено прежде всего с **образом окаменелости**. Постоянное употребление в тексте романа слова «окаменелость» как в прямом значении (в связи с увлечением главного героя собиранием окаменелых раковины и моллюсков), так и в переносном (нежелание видеть и понимать изменения) создает эффект окаменелости сознания. Увлеченность Чарльза Смитсона идеями Чарльза Дарвина (даже имена одинаковые) сочетается с линнеевскими мыслями об упорядоченности мироздания, его «любовь» к природе соседствует с коллекционированием мертвой природы. Чарльз живет стереотипами викторианского сознания и сам превращается в окаменелого аммонита, побежденного своим собственным немо: «...that was the failure, the weakness,

the cancer the vital flaw that had brought him to what he was: more an indecision than a reality, more a dream than a man, more a silence than a word, a bone than an action. And fossils! He had become, while still alive, as if dead» [12, p. 350]. Даже Сара делает Чарльзу символический подарок – окаменелый панцирь. Символическими становятся и эпитафии из «Происхождения видов» Дарвина к главам 3 [12, p. 17], 19 [12, p. 145] и 50 [12, p. 360], так как говорят они о «живых существах» и «видах», одним из которых является и человек. В метатексте же Фаулза они выполняют также и роль вестников метаморфоз внутреннего мира Смитсона: Чарльзу необходимо отойти от застенчивости викторианского сознания и пуститься на поиски своего «Я». Тем самым проявляются паратекстуальные отношения внутри текста, и эпитафии становятся вехами, направляющими понимание читателя. Имя Чарльза Дарвина, столь часто упоминаемое в «Любовнице французского лейтенанта», становится одной из философских доминант повествования, так как пришедший на смену идеям о божественном происхождении человека и классификациям Линнея дарвинизм, с одной стороны, стал прорывом и сенсацией для викторианского мышления, а с другой – «lay in the direction of determinism and behaviorism, that is, towards philosophies that reduce morality to a hypocrisy and duty to a straw hut in a hurricane» [12, p. 119]. А предопределенность жизни и ощущение собственной закрепченности и бессилия – это и есть немо, «окаменелость», от которой будет бежать Чарльз.

Еще одним образом, дополняющим семантическое поле «Немо», является **образ зеркала**. Фаулзовский образ зеркала постоянно возвращает нас к «Зазеркалью» Льюиса Кэрролла и представлениям о зеркале как границе с миром иной реальности, проникнуть в который можно лишь через зеркало. «Зеркало есть символ воображения и, шире, сознания, поскольку изображает многообразие мира... Символ души как хранилища впечатлений и образов» [5, с. 223]. Именно такая особенность зеркала и актуальна для Фаулза и его героев.

Зеркало выполняет медийную функцию, то есть становится посредником между двумя мирами, или между двумя «Я» героев. Чаще всего общение с зеркальным «Я» служит для героев формой постижения неизвестных сторон личности, осознания своего немо. Так, молчаливый разговор со своим двойником в зеркале становится для многих героев Фаулза откровением. Чарльз, общаясь со своим отражением (в «Любовнице французского лейтенанта» Чарльз не менее семи раз обращается к зеркалу), то любит его («начал задавать вопросы своему красивому отражению в зеркале»), «задумался и стал влюбленно созерцать свою физиономию», «разглядывая в зеркале свое лицо, он испытывал что-то вроде почтительного восхищения»), то содрогается от увиденного («Чарльз

из другого мира показался ему реальнее того, что находился в комнате»). Такая потребность видеть свое отражение может, с одной стороны, быть объяснена нарциссизмом, или, как говорит Дэниел Мартин, «can also be symbolic of an attempt to see oneself as others see one – to escape the first person, and become one's own third» [8, p. 72]. В процессе оценивания себя со стороны зеркало выступает в роли лакмусовой бумажки. В этой связи метафорический вопрос графа де Дюкана «Utram bibis? Aquam an undam?» («Чем утоляешь жажду? Водой или волною?») становится проверкой силы немо в человеке («We all drink both. But he meant the question should always be asked. It is not a precept. But a mirror.» [13, p. 188]), постоянным напоминанием о собственном ничтожестве.

Образ зеркала преследует Николаса («I wanted to get away, to Athens, anywhere, to non-identity and non-involvement» [13, p. 544]) и Дэниела («those eternal mirrors that dogged his life» [8, p. 453]). Но в «Дэниеле Мартине» образ зеркала становится лейтмотивом: главный герой не только коллекционирует зеркала в рамках *Art Nouveau*, но «what Dan always wanted of his *looking-glasses* was not his own face, but the way through them» [8, p. 236], его привлекают «бесконечные возможности» стать другим, лучше. И только к концу романа, находясь рядом с Джейн, одержимость зеркалами постепенно проходит («We paint an ideal, or a dream, self on the glass and then wallow in the discrepancy» [8, p. 83]), так как ощущение собственного несовершенства и бесполезности жизни уступает совершенству реальности бытия.

Миранде, несмотря на трагический финал «Коллекционера», удастся заглушить собственное немо: «I am older and younger. I am older because I have learnt, I am younger because a lot of me consisted of things older people had taught me. All the mud of their stale ideas on the shoe of me» [10, p. 248]. Избавившись от стереотипов общества, осознав значимость бытия «здесь и сейчас», можно победить собственное немо.

Так же как при созерцании себя в зеркале пробуждается немо, так и пребывание в определенных местах дает героям Фаулза ощущение собственного ничтожества. Так, Котминэ явилось зеркалом, беспощадно отразившим жалкую, бесцветную и спокойную жизнь Дэвида. Он не принял брошенного ему вызова и поэтому обречен оставаться «порядочным человеком» с точки зрения общества, но вечной «посредственностью». Вилла Бурани и Греция открыла Николасу глаза на ограниченность собственного бытия. Возвращение к старым друзьям, Джейн и Энтони, заставляет Дэниела переосмыслить свою жизнь.

Зеркало в метатексте Фаулза имеет и другую символику: «Зеркало часто изображается в руках обольстительницы, ветреной девушки и толкуется как атрибут тщеславия, сластолюбия и порочно-

сти» [5, с. 224]. Действительно, образ женщины, любующейся на себя в зеркало, присутствует во многих произведениях Фаулза. Эрнестина перед зеркалом в «Любовнице французского лейтенанта», фантазии Эрато перед Майлзом в «Мантиссе», полотно Боннара, украшающее Бурани, на котором изображена девушка, стоящая спиной к зрителю и любующаяся на себя в зеркало, упоминание Рене Магритта, который использовал эротические образы в своих картинах, – все эти сцены имеют явный сексуальный подтекст, и нужно отметить, что и эти женщины олицетворяют в романах легкомыслие и женское самолюбование. В отличие от Эрнестины и Эрато, в обращении к зеркалу Сары или, например, Миранды нет ничего эротического: наоборот, отражение в зеркале сопряжено с трагическими (почти экзистенциальными) мыслями. Неслучайно Сара и Миранда являются не просто героинями женского пола, они становятся соавторами самого Фаулза, выражая его идеи и его философию.

Пройдя долгий путь, начавшийся в немо, человек, по Фаулзу, неизбежно должен стать *Aristos*. Аристос, как объясняет сам автор в своем философском трактате, в переводе с греческого означает «наилучший в данной ситуации». Именно «наилучшесть», а не совершенность и конечность этого состояния является сущностным аспектом этого понятия. Это вновь возвращает нас к лейтмотивному для Фаулза «здесь и сейчас», так как «perfectibility is meaningless because... we can look forward with a kind of nostalgia for the future, and imagine a better age» [9, p. 10]. Может быть, именно здесь кроется любовь Фаулза к далеко не совершенным предметам и личностям (ветхие забытые книги, запущенный естественный сад, «литературные изгои» и т. д.). Они выбиваются из «общего правила», как бы противостоят технократизму общества и стереотипной гонке за большим, лучшим, совершенным.

Само понятие «аристос» не является нововведением Фаулза. Гераклит разделял всех людей на «aristoi» (моральную и интеллектуальную элиту) и «hoi polloi» (большинство, бездумная конформистская масса). Немногих «наилучших» Гераклит выделяет вовсе не по социальному статусу или богатству. «Наилучшие» – это те, кто делает выбор в пользу «ценностей духа и добра» [3]. Гераклиту же принадлежит идея о борьбе и тождестве противоположностей, которые лежат в основе сущности любой вещи и всего происходящего в мире. Своеобразную элиту, обладающую моральным и интеллектуальным превосходством над массой, наделенную наивысшим чувством ответственности, выделяют также Х. Ортега-и-Гассет и Й. Хейзинга [1]. А. Дж. Тойнби говорит о «творческом меньшинстве» (пророки, жрецы, философы, ученые, политики), энтузиастах, которые примером собственного бескорыстного служения увлекают за собой массы и являются гарантом сохранения цивилизации.

Фаулзовское деление людей на Меньшинство и Большинство значительно трансформирует данные теории. Считая выделение некой элиты биологически неоспоримым, Фаулз вместе с тем не склонен поддерживать аристократические, элитарные настроения Меньшинства и осуждать пороки Большинство. Подход Фаулза много тоньше: он переосмысливает учение Гераклита, делая критерием разделения психику и сознание одного человека, а не многих: «...the dividing line between the Few and the Many must run through each individual, not between individuals.» [9, p. X]. В этом, по Фаулзу, есть понимание социального конфликта: социальный конфликт становится выражением ментального конфликта. По мнению Г. Фокнера, гераклитовский моральный дуализм Меньшинство / Большинство и римско-марксистский экономический дуализм патриций/плебей происходит из нейропсихологического дуализма правое / левое или лунный / солнечный, что в западной культуре отразилось в религиозном, мистическом, эзотерическом дуализме спасенный / проклятый [6, p. 155]. Однако, безусловно, важными в теории «аристоса» для Фаулза остаются внутренняя ответственность индивида и духовное, а не социальное превосходство (выделяются и в социальных теориях Х. Ортега-и-Гассета, Й. Хейзинги и А. Дж. Тойнби).

Дуализм общества и сознания является аксиомой всего метатекста Фаулза. Но если в «Коллекционере» разделение на Меньшинство и Большинство еще проходит между главными героями и является не только морально-духовным, но и социальным, то уже в «Волхве» и последующих романах герои должны побороть Массу в себе и достичь Аристоса.

Рассуждая про «новых людей», к которым принадлежит и Клегг, про «массовость» сознания и культуры, про боязнь нищеты материальной, но не духовной, Миранда автоматически причисляет себя к тем Немногим, призванным «противостоять толпе». Но мораль Фаулза идет глубже: героиня говорит о Клегге как о воплощении «resentment, this hateful millstone envy of the Calibans of this world» [10, p. 206]. Прямое противопоставление Миранды и Клегга и метафора «всемирный калибанизм» иллюстрируют слепоту общества, которое «has persistently seen life in terms of a struggle between the Few and the Many, between “Them” and “Us”» [9, p. X], в то время как истинную границу надо искать в сознании самих людей. Миранда, читающая «Бюрю» Шекспира, невольно заставляет нас проводить параллели между Калибаном Шекспира и Калибаном Фаулза. Так же как и у Шекспира, сущность Калибана проявляется после «вина», которым становится выигрыш на тотализаторе. И «sick new world» (ужасный новый мир) Миранды становится реальностью, так как фаулзовский Ка-

либан, в отличие от шекспировского, продолжает свои злодейства.

В «Любовнице французского лейтенанта» Фаулз напрямую вкладывает в речь героя свои мысли: «...every culture, however undemocratic, or however egalitarian, needs a kind of self-questioning, ethical elite.» [12, p. 285] Несмотря на то, что социально Чарльз, так же как и Миранда, принадлежит к элите, он «a man struggling to overcome history» (пытается преодолеть свою историческую ограниченность) внутри себя и стать частью духовного интеллектуального добро-деятельного Меньшинства. Но если Миранда, достигнув «наилучшего» в себе, умирает, то Чарльзу только предстоит выйти в жизнь с новым мировоззрением.

По замыслу Кончиса, найти Аристоса в себе самом должен и Николас. Признавая собственный эгоцентризм и моральную безответственность, Николас приходит к пониманию свободы как огромной ответственности за поступки, слова и мысли. Таким образом, подтверждается сущность острова (действие «Волхва» происходит на острове Фраксос) как места исправления грешников.

Концептуальной для понимания Аристоса становится **метафора «суда»**, так как произведения Фаулза становятся «судебным процессом» над действительностью жизни. В «Волхве» суд над Николасом становится не просто «a Lawrence novel become, at a turn of a page, one by Kafka» (переплет бракованной книжки, романа Лоуренса, куда по ошибке вклеен кусок из Кафки), но судом над самим собой. Аллюзия на «Двенадцатую ночь» Шекспира («Вы теперь судья и палач в одном лице») делает задачу Николаса предельно понятной: ему надо признать все обвинения, предъявленные ему по ходу «суда». Но смыслом обряда судейства становится признание своего «Я», крушение иллюзий и развенчивание мифов о самом себе. Неслучайно театрализованное действо суда сопровождается выходом тринадцати масок. Эта процессия объемлет всех богов, мифических чудищ, юнгианских архетипов бессознательного, которым человек на разных стадиях развития общества приписывал власть над сознанием и которыми оправдывал собственную неспособность стать Избранным, Аристосом и осознать ответственность перед миром. Доктор Гроган в «Любовнице французского лейтенанта» произносит похожую по символике фразу из Вергилия «*Quisque suos patimur manes...* We make our destinies by our choice of gods» [12, p. 149], в то время как истинного бога надо искать в себе самом. В последней сцене обряда «дезинтоксикации» Николас понимает ту роль, которую ему уготовил Кончис – роль Яго, искупающего свои грехи перед Дездемоной, Алисон. Шекспировский образ предателя Яго, с которым Николас сам себя олицетворяет, и становится приговором герою: он предатель любви, чувств, доверия.

Выступая осужденными и судьями одновременно, Чарльз, Дэвид, Мартин, Бартоломью приговаривают себя к «исправительным работам», и в понимании своей роли и сущности они становятся Аристосами, «наилучшими в данной ситуации».

Образцом Меньшинства, живущего по законам добродетели и духовного поиска, становится рыцарство и, в более узком понимании, братство Круглого стола короля Артура. Мотив поиска Грааля является ведущим сюжетным компонентом «артурианы», назначением и смыслом существования и рыцарства Круглого стола, и самого артуровского королевства [2, с. 11]. Поиски Грааля являются воплощением поисков духовного холистического понимания Чаши и того, что она символизировала. Сакральность миссии Артура и его рыцарей подчеркивается Брэсли в «Башне из черного дерева», когда одним из основных достоинств Пизанелло для художника становится то, что «Pisanello and his early fourteenth-century patrons had been besotted by the Arthurian cycle» [11, p. 19]. Недаром Чарльз просматривает связь между лучшими чертами джентльмена викторианской эпохи и добродетелями *preux chevaliers*, доблестных средневековых рыцарей без страха и упрека, функции которых в XIX веке исполняют ученые. Чарльз приходит к выводу, что само существование и преемственность морального и интеллектуального Меньшинства в разных эпохах символизирует вечное деление человечества на *Arstoi* и *Noi Polloi*.

Мудрое понимание жизни и своей роли в ней отличает Аристоса от Массы. Таким пониманием изначально обладают немногие герои Фаулза. Отличительным же знаком избранности, причастности к тайне жизни у Фаулза становится **образ Улыбки**. Кончис показывает Николасу каменную улыбающуюся голову с Киклад, с которой, как выясняется позже, связана вся философия Кончиса: «That is the truth. Not the hammer and sickle. Not the stars and stripes. Not the cross. Not the sun. Not gold. Not *yin* and *yang*. But the smile» [13, p. 147]. Точно такая же улыбка была и у Кончиса: «as if he sat before the head and practice it» [13, p. 147]. И с первой же минуты Николас понял, что улыбка эта принадлежала обладателю запретных знаний. Символичной становится и фраза Кончиса после обряда дезинтоксикации: «...you are now elect... Learn to smile, Nicholas. Learn to smile» [13, p. 531]. Он стал одним из «Них», призванных на служение истине, и необходимость улыбаться становится метафорой необходимости взять на себя ответственность за обладание «запретными знаниями». Такая же многозначительная улыбка играет на губах остальных Избранных: Лилии де Сайтес, Алисон, Лилии, сэра Бартоломью и его слуги Дика в «Черве». Они уже знают, что стоит за всем магическим театром жизни, понимают жестокость свободы выбора пути и строят мир вокруг себя по законам доброты и духовности: «To accept one's

limited freedom, to accept one's isolation, to accept this responsibility, to learn one's particular powers, and then with them to humanize the whole: that is the best for this situation» [9, p. 186].

Элементы «культурного» палимпсеста романов, актуальные для автора и выражающие авторские предпочтения не только в индивидуально-психологическом, но и этико-эстетическом плане, значимые для Джона Фаулза не только как философа и писателя, но и как личности и человека, образуют определенные семантические поля в общем метатексте. Развитие метатекста Фаулза происходит в аспекте количественного наполнения, развития внешней формы, но ценностная шкала идей, мыслей, концептов остается неизменной в течение всей творческой жизни. Это наводит на мысль о том, что, несмотря на внешнюю непохожесть его романов (разные сюжеты, время описываемых событий, жанровая принадлежность), богатое образное и фактологическое наполнение, все его творчество призвано «проповедовать» некую авторскую идею, концепцию бытия и жизни: «I must use literature as a method of propagating my view of life» [14, p. 222].

Библиографический список

1. *Капитанова Л.С.* Х. Ортега-и-Гассет и Й. Хейзинга о жизни благородной и жизни «заурядной» // Российская массовая культура конца XX века: материалы круглого стола; 4 декабря 2001 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 73–82.
2. *Михайлов А.В.* «Смерть Артура» сэра Томаса Мэлори: вступ. статья // Т. Мэлори. Смерть Артура. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 5–21.
3. *Мотрошилова Н.В.* Мудрец и толпа // История философии. Запад – Россия – Восток. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. – Кн. 1: Философия древности и средневековья. – С. 54–57.
4. *Тимофеев В.Г.* Уроки Джона Фаулза. – СПб., 2003. – 112 с.
5. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 608 с.
6. *Fowles J. W.* The Timescapes of John Fowles. – Rutherford, 1984. – 179 p.
7. *Fowles J.* A Maggot. – Vintage, 1996. – 460 p.
8. *Fowles J.* Daniel Martin. – Vintage, 1998. – 704 p.
9. *Fowles J.* The Aristos. – Vintage, 2001. – xi + 196 p.
10. *Fowles J.* The Collector. – Vintage, 2004. – 283 p.
11. *Fowles J.* The Ebony Tower. – Vintage, 1996. – 300 p.
12. *Fowles J.* The French Lieutenant's Woman. – Vintage, 1996. – 445 p.
13. *Fowles J.* The Magus. A Revised Version. – Vintage, 1997. – 656 p.
14. *Newquist R.* John Fowles // Counterpoint / Compiled and edited by Roy Newquist. – London, 1965. – P. 218–225.
15. *Wolfe P.* John Fowles: Magus and Moralizer. – Bucknell U. P., 1981. – 125 p.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЕНКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БАШКИР (конец XIX – начало XX вв.)

Предметом рассмотрения данной статьи является детский фольклор башкир. Целью работы является анализ башкирского фольклора, предназначенного для детей как способа вхождения и адаптации ребенка в сообществе. Важно разделить фольклор младенчества и детства; прояснить в детском фольклоре мировоззрение этноса на реальный окружающий мир; раскрыть способы усвоения ребенком этнических традиций; определить степень воздействия внешних культур и проследить общие и частные аспекты в дидактике нового поколения; на базе смыслового толкования детского фольклора раскрыть интеграцию ребенка в окружающую среду бытования и устоявшуюся структуру социума.

Ключевые слова: детский фольклор, социализация ребенка, традиционная культура башкир.

Традиционная культура башкир конца XIX – начала XX вв. включает в себя мощный пласт опыта о природе феномена детства. Целью знаний народной культуры, посвященных состояниям младенчества и детства, было гармоничное вхождение человека во взрослую жизнь и сообщество людей, окружающего его. Главным и первым транслятором и проводником этих знаний становятся в первую очередь ближайшие кровные родственники ребенка, родители, и чуть позже, педагоги, или иные члены общества, выполняющие педагогические функции, а также сверстники [7, с. 16].

Фольклор, предназначенный для детей, ввиду богатства смыслов и жанров, раскрывает мифологическое и ритуальное мировоззрение социума, влияет на выстраивание детьми структуры взаимосвязей со всеми сферами жизни, в которых им приходится вращаться, а именно: сообществом людей, миром флоры и фауны, традициями и верованиями.

Изучение и анализ фольклора, предназначенного для детей, отражающего трансляцию базовых навыков социума по эффективному взаимодействию с окружающими реалиями новым поколениям – неотъемлемая составляющая сохранения и понимания традиционной культуры народа и важная отрасль гуманитарного знания.

В XIX – начале XX в. социум претерпел глубокие трансформации. Было утрачено значительное количество элементов традиционных культур. Особо значимой видится потеря межвозрастных коммуникаций, обеспечивающих трансляцию новым поколениям духовных сокровищ целого этноса.

Исследование детского фольклора позволяет понять и применить традиционные знания в воспитании детей в интересах социума, подчеркнуть национальную специфику социума, осмыслить его миропонимание, сформированное историческими событиями, природными и климатическими условиями, типом хозяйственной деятельности, спецификой национальной культуры и мировоззрения. Исследование этой культурной составляющей помогает выявить универсальные основы этнических стереотипов в воспитании нового поколения к

взрослой жизни, адаптации его в окружающей среде и благополучной интеграции в социум [10, с. 13].

Фольклор, посвящаемый взрослыми детям раннего возраста, включает колыбельные песни, пестушки и потешки.

Колыбельные песни матерей имели сакральное значение и обладали различными манерами исполнения, простым содержанием, мелодией и ритмом. Они погружали дитя в сон, обозначали его возраст, пол и положение в обществе, предполагали его ремесло, закладывали фундамент личностных характеристик, защищали ребенка от зла, демонстрировали картину окружающего мира и социума.

Колыбельные песни уже носили социализирующий характер, так как главной их функцией являлась адаптация ребенка к окружающему его социуму и миру и последующая его интеграция в сферу традиционной культуры и окружающего пространства.

Выполняя апотропейную роль, колыбельные песни были своеобразными заговорами, оберегавшими ребенка от злых сил, раскрывали моральные и этические нормы поведения в социуме.

Пестушки и потешки исполнялись, когда ребенок не спал. Существуют две группы пестушек. Первая группа связывалась с пробуждением ребенка и характеризовалась приятной и спокойной манерой произношения, метафорами. В другую группу входят пестушки времени бодрствования малыша. Они обозначают его способности и умения, например, ползать или прятаться. Их звучание более энергичное, здесь появляются как ласковые, так и вопросительные и повелительные интонации. На этом этапе уже подчеркиваются пол, возраст и место в социуме [10, с. 25–40].

Пестушки сообщали ребенку ощущения игры, радости, а главное, в этом процессе он приобретал первые навыки управления своими мышцами, развивал координацию и учился осознавать и соотносить свои действия с речью и движениями взрослого, который играл с ним.

Родители и ближайшие родственники посредством пестушек и потешек позволяли малышу составить представление о строении своего тела, его работе. А главное, в этом же процессе ребенок изу-

чал названия частей тела, повторяемые многократно. Потешки формируют позитивное восприятие ребенком себя и окружающего его мира, сообщают радостную картину мира, предотвращают уныние, подогревают интерес к познанию окружающего мира. Важно, что ребенок получал навыки естественных каждодневных движений, необходимых в повседневной жизни. У ребенка формировалось собственное желание к осуществлению какой-либо деятельности. Потешки знакомили ребенка с главными элементами его микросоциума – семьей, и его атрибутами – одеждой, обувью, животными, пищей, трудовой деятельностью [10, с. 25–40].

Итак, в потешках ребенок познавал названия частей и динамику своего тела; предметное бытовое окружение; важность и необходимость созидательного труда; ритм.

На следующем этапе развития ребенка в детском фольклоре появляются пословицы и поговорки, приговорки и скороговорки, считалки, загадки, дразнилки, заклички, сказки и страшилки, что связано с физиологическим, умственным и моральным взрослением ребенка.

Пословицы и поговорки формировали у ребенка представления о социальных, моральных и этических нормативах, таких как любовь к труду, искренность, добросовестность, почтение старших, помощь младшим. Посредством пословиц и поговорок ребенок познавал нормы поведения, учился вежливым взаимоотношениям с людьми, и природой [10, с. 46–51].

Приговорки и скороговорки способствовали формированию у детей мифопоэтического осмысления окружающего мира и различных явлений природы в качестве одушевленных объектов. Освоение темпоритма их исполнения позволяло выработать у них начальную технику магических заклинаний и заговоров.

Считалки способствовали развитию речи, мыслительных процессов, творческих способностей и предприимчивости у детей. Посредством считалок ребенок познавал окружающий мир, считая и составляя видение предметного наполнения окружающего мира, например, число разных видов домашнего скота, и сакрального, например числа, приносящие удачу либо, наоборот, несчастье. Считалки в сочетании с играми детей закладывали представления о главных правилах поведения в социуме, а именно, о порядке, распределении социальных ролей, очередности [10, с. 67–73].

Считалки подразделялись на две группы. В первую группу можно отнести считалки, посредством которых у детей развивали речь, учили считать, обогащали представления об окружающем предметном и сакральном мирах. Ко второй группе относятся считалки, сочиненные в процессе детской игры. Это заумные считалки, в которых дети раскрывали свой творческий потенциал, придумывая слова, вписывая их в определенный ритм. Ко второй группе относятся также считалки, направле-

ние на поддержание порядка и назначения ролей в динамичных играх. Так дети в непринужденной форме составляли представления о главных нормативах поведения в социуме.

Еще до шести лет детей начинали учить воспринимать иносказательную речь и метафоры. Лучшим малым жанром детского фольклора для этого были загадки. Благодаря загадкам ребенок осваивал иносказательную речь, обучаясь сравнивать и сопоставлять главные критерии жизни людей, окружающего мира и традиционной культуры. Это развивало интеллект ребенка, он знакомился с особенностями жизни и быта на уровне иносказания. Дети обучались осваивать главные особенности окружающего мира посредством специфического условного языка. Загадки, как правило, тесно связаны с бытом народа, его хозяйственной деятельностью. Их тематикой являются силы природы, мир флоры и фауны, сам человек. По тематическому содержанию загадки бывают построены по принципу положительного и отрицательного параллелизма, сближения и разъединения загаданных образов, что выделяет их характерные черты [10, с. 41–45].

Дразнилки характеризуют виды и методы социализации детей в негативных ситуациях, в моменты освоения самозащиты, например, отвечать на неприятные слова, сдерживать эмоциональные порывы, и уметь прощать, мириться, преодолевать негативные черты характера, например, не жадничать, не плакать постоянно, быть смелым, не жаловаться. В дразнилках отрицательные черты характера человека зачастую находят художественно-образную форму в мире флоры и фауны, например, насекомых и погодных явлениях. Дразнилки подталкивали к преодолению отрицательных черт характера человека, что помогало становлению личности ребенка как социального интегрированного и умеющего с достоинством переживать сложные минуты жизни в социуме.

Дразнилки – это несколько зарифмованных строк, высмеивающих недостатки или негативные черты характера человека, которые оглашаются публично, метко и сатирично фиксирующихся на внешних особенностях предметов и явлений. Часто дразнилки дети сочиняют самостоятельно в целях самозащиты от обидчика [12, с. 85].

Толковый словарь русского языка В.И. Даля определяет дразнилки как небольшие стишки, созданные детьми для высмеивания недостатков человека, с которыми сталкиваются, или для защиты от обидчика [8, с. 568].

В традиционной культуре существует несколько видов дразнилок. К первому виду относятся дразнилки, высмеивающие качества, воспринимаемые как негативные, например, жадность.

Посредством таких дразнилок дети, выявляя негативные черты характера, работали над своим характером, чтобы адекватно соответствовать общественным нормам взаимоотношений: быть

терпимым, позитивным, щедрым, смелым, трудолюбивым.

Ко второму виду относятся дразнилки-прозвища. Интересно мнение В.П. Аникина о том, что данный вид дразнилок перешел детям от взрослых и что от прозвищ пошли семейные фамилии [3, с. 577].

В дразнилках можно столкнуться с упоминаниями о фамилиях. Часто в дразнилках иронизировались характерные черты внешности ребенка, которые со временем также могли стать основой фамилии или имени.

Итак, дразнилки учили ребенка умению замечать негативные моменты окружающего мира и самого себя, а главное – умению преодолевать их. Дразнилка отражала какое-либо негативное качество ребенка: жадность, обидчивость, и в то же время, прозвища не только способствовали нейтрализации агрессии между детьми вербально, без драки, но и содействовали усилению «Я» ребенка. Иногда позволяли ему приобрести позитивные изменения» [6, с. 164–165].

По мнению Л.Е. Стрельцовой, в дразнилках сливаются два чувства, смех и веселье тех, кто дразнит и обида, стыд тех, кого дразнят. Основной закон построения дразнилки, придающий смешной и обидный характер, – это нарушение обычного порядка вещей. Дразнилки склонны к гипертрофии отрицательного и минимизации положительного. На этом феномене дразнилки базируется нравственно-эстетическая норма игры [17, с. 124].

Ребенку, как и взрослому, свойственны чувства огорчения, обиды, неприязни, ненависти и злости. Народная мудрость давала выход негативным эмоциям человека: в словах, звуковых и ритмических сочетаниях слов, интонациях, в сопровождающих их движениях и мимике. Вместе с тем самое обыкновенное дразнить осуждалось. В основном прозвища и дразнилки бытуют в среде дошкольников и младших школьников. Эстетическая и нравоучительная ценность дразнилок весьма сомнительна [11, с. 68].

Несмотря на негативность, обычай дразнить у детей в социуме стимулировал чувство юмора и, главное, прямооту при выяснении отношений, осуждении недостойного поведения, неблагоприятных дел. Дразнилки были показателем отношений среди детей, умеющих постоять за себя словом, без помощи взрослых [3, с. 579].

Дразнилки являются многофункциональным жанром детского творчества. Они играют воспитательную и развивающую роль. Дразнилки в непридуманной форме учат ребенка социализироваться в обществе, мерам самозащиты словом, формируют у него терпение, выдержку, умение контролировать свои эмоции и отрицательные свойства характера, а также, развивают адекватную реакцию, смекалку, остроумие и способность к импровизации. Тем самым, благодаря дразнилкам дети учатся преодолевать негативные моменты жизни в обществе.

Заклички являются особым архаичным элементом детского фольклора, так как благодаря

данному жанру формируются первичные навыки взаимодействия со стихиями, флорой и фауной: солнцем, ветром, грозой, ягодами, птицами. Это в результате давало возможность влияния на эти стихии аграрной магией.

Этот жанр фольклора относится к периоду детства, примерно до 11 лет. Произведения детской устной поэзии исполнялись самими детьми. Целью заклинательной поэзии были забава, веселье и потеха для себя и других детей [11, с. 239].

Характерной чертой закличек является то, что дети непосредственно, в лирической форме адресовали свои просьбы и чаяния к различным стихиям, флоре и фауне, причем в разные времена года.

Народные сказки для детей отличаются большим жанровым разнообразием. Этот вид устной прозы тематически подразделяется на сказки о животных, волшебные и бытовые.

Сказки о животных малочисленны, так как сказители рассказывают их лишь детям, исключая взрослую аудиторию [13, с. 16–68]. Основы сказок о животных берут свое начало в верованиях первобытного человека в одушевленность всей живой и неживой природы, их способность мыслить и разумно действовать.

В эпоху раннеродового строя существовала специфическая вера в родственные связи между людьми, или определенным родом людей, с каким-либо видом животных или растений, считавшимся родоначальником – тотемом. Тотем был неприкосновенен. Его необходимо было почитать, так как он защищал род. Тотемизм присущ также и русскому народу. Медведь иногда представляется как «дедушка», «старик» [13, с. 16–68].

Издrevле считалось, что медведь способен помогать людям. Например, верили, что медведь мог помочь человеку, заплутавшему в лесу, найти дорогу домой. В антропоморфных наименованиях и прозвищах медведя у славян отражены представления об их кровном родстве с могучим хозяином леса. Подобные же представления были характерны для архаичной раннеродовой ментальности башкир, в которой какое-либо животное наделялось апотропейным функционалом, но и даже мыслилось как предок или начальник всего рода.

Почитание тотемного животного запечатлено в самоназвании башкир. Исследователями доказано, что, этноним «башкорт» включает тюркско-огузский корень «корт», обозначающий – «волк», и «баш» – термин общетюркского приложения, обозначающий – «голова», «главный». Это полностью соответствует с древнейшими верованиями и пониманием картины мира. До сих пор у башкир распространено большое число легенд о волке, выступающем в роли спасителя, проводника, прародителя. Это достаточно метко отражает то, что тотем волка был одним из самых уважаемых у башкир [13, с. 16–68].

С наступлением новых социально-исторических условий жизни произошли изменения в мифиче-

ских воззрениях людей на природу и общество, и вера в тотем ушла в прошлое. То, что когда-то почиталось как нечто священное и неприкосновенное, было отвергнуто, и облик зверя, его повадки стали предметом шуток и насмешек. Мир животных в повествовании стал восприниматься как иносказательное изображение человеческого и стал олицетворять реальных носителей тех нравов, которые были чужды народу и осуждались им [2, с. 11–12].

М. Горький в переписке с собирателем адыгейского фольклора П. Максимовым подчеркнул исключительно важный момент в сказках: «Очень интересна и сказка о зайчиче, лисе и волке – помощнике старшины, она обнажает социальные отношения людей, чего обычно в сказках о животных не видят» [16, с. 85].

Исследование смыслового содержания сказочной прозы башкир доказывает, что детей учили опираться только на свои возможности и силы, ум, и знания. Подчеркивалось, что нельзя ждать помощи от волшебных помощников, а необходимо самостоятельно бороться и защищать свое достоинство, сохранять свою гордость перед любыми невзгодами, такими как социальная несправедливость, жестокость и жадность правителя. Заострялось внимание на том, что исключительно важно самому сохранять свое лицо, и не проявлять при этом свои негативные стороны, такие как глупость, жадность и жестокость.

На такое видение, бесспорно, повлияло традиционное национальное мировоззрение и ментальность, взращенные в условиях суровой полукочевой жизни, выдвигающей на первый план такие личностные качества индивида, как самостоятельность и предприимчивость, умение быстро и адекватно реагировать на жизненные ситуации.

Страшилки исполняли функционал формирования у детей видения картины иного мира, а именно: представлений об умерших сородичах, местах погребений, сакральных источниках, нормах взаимодействия с потусторонним миром, таких как: не допрагиваться, не нарушать покой, запрет осквернения. Страшилки раскрывали архаичные табу и запреты, научали детей понимать возможный неблагоприятный для них исход своих неуважительных деяний, адресованных к потустороннему миру, и способных выразиться как болезнь или даже смерть [10, с. 95–102].

Исследование детского фольклора башкир показало, что он представляет собой главный, хорошо отлаженный механизм введения детей в традиционное общество, его приспособлению и интеграции, вживанию в природно-климатическую среду с целью результативного хозяйствования и гармоничным культурным взаимодействием со своим коренным социумом.

Приспособление дитя с младенчества к реалиям этого мира опосредуется знакомством с новыми словами и терминами, двигательной активностью тела, чувственными прикосновениями, и посредством ритма, мелодической речитации.

Этот процесс адаптации был наделен сакральным функционалом, а именно, согласно архаическим представлениям, переводил ребенка в состояние «временной смерти», «сна»; определял пол, возраст и социальный статус дитя; проецировал будущую трудовую активность; предвосхищал моральные и нравственные свойства; укреплял апоотропейные свойства.

Смысл колыбельных песен отражал объективные параметры будущей жизни малыша, а именно, его будущий труд, жизнь, и даже, иной мир, в котором он все еще мыслился [10, с. 103].

Итак, первый этап сложения личности ребенка связан с материнским фольклором, адресованным ребенку раннего возраста. Этот фольклор был апоотропейным, представлял дитя как живого человека, выполняющего определенные действия.

Второй этап сложения личности ребенка взаимосвязан с фольклором периода детства, исполняющего функционал физиологического, умственного, духовного и нравственного роста ребенка. Посредством загадок ребенок познавал метафорическую речь, научался делать сравнения и сопоставления главных критериев жизнедеятельности его социума и среды обитания. Пословицы и поговорки раскрывали детям нормативы и правила поведения, этику взаимодействия с людьми и природой. Через пословицы и поговорки взрослые транслировали ребенку видение социальных, моральных и этических ценностей, таких как любовь к труду, честность, почитание старших, забота о младших. Приговорки и скороговорки развивали понимание окружающего мира и множества природных явлений в виде одушевленных объектов, и помогали начать осваивать первичную технику аграрной магии благодаря темпу и ритму их исполнения.

Считалки способствовали развитию у детей дикции, чувства ритма, мышления, творческих способностей, освоению окружающего мира посредством счета, формируя понимание о предметном и духовном разнообразии мира. Также важно, что считалки в детской игре закладывали базовые нормы поведения в социуме, такие как общественное положение, последовательность [10, с. 104].

Дразнилки формировали у детей умения бороться со сложными, обидными ситуациями в жизни и социуме, а главное преодолевать их, они способствовали развитию навыков постоять за себя и отвечать на обидные слова, сдерживать и трансформировать свои эмоциональные порывы, уметь прощать и обучаться навыкам примирения, побеждать негативные черты своего характера, учиться быть щедрым, смелым, сдержанным. Заклички учили детей общению с силами природы, стихиями, миром флоры и фауны, и формировали представления о том, что в будущем возможно влиять на эти стихии через аграрную магию.

На третьем этапе становления личности ребенка подключается сказочная и несказочная проза, формирующая ребенка как носителя культуры опреде-

ленного этноса. Через сказки дети познавали само-бытное этническое мировоззрение, национальную ментальность в условиях суровой полукочевой жизни. Исследование смыслового содержания сказочной прозы показало, что ребенок учился опираться исключительно на собственные возможности и силы, ум и знания, не ждать помощи от кого-то, в том числе магической, а самостоятельно отстаивать и защищать свое достоинство, сохранять свою гордость перед любыми обстоятельствами, будь то социальная несправедливость, жестокий и жадный правитель. Но главное – стараться самому не проявлять негативные черты характера, такие как глупость, жадность и жестокость.

Страшилки формировали у детей видение картины иного, загробного мира, сообщали представления об умерших, сакральных источниках, а так же диктовали нормы взаимосвязи с иным миром в основном в форме запретов не трогать и не осквернять. Дети сталкивались с понятием табу и учились понимать последствия своих неуважительных действий по отношению к сакральному миру, которые могли настичь их в форме болезни или даже смерти.

Детский фольклор башкир с самого раннего возраста формирует у ребенка основные качества и свойства будущего члена традиционного общества, знакомит его с параметрами окружающей действительности, законами его функционирования и хозяйственно-культурной сферой деятельности кочевников-скотоводов.

Анализ детского фольклора определил этнокультурные процессы, в орбиту которых были включены генетические, семантические, и функциональные взаимосвязи и параллели с культурными традициями кочевых и земледельческих народов. Данные моменты подтверждают глобальные социально-политические, экономические и исторические процессы XIX – начала XX в [10, с. 105].

Анализ совокупности воздействия детского фольклора башкир на ребенка позволил выявить сложную и логичную стратегию его социализации и интеграции, как в общество, так и в окружающий мир.

Проведенное исследование детского фольклора позволяет расширить представления о культурогенезе и этнокультурно-историческом наследии – той самобытной культуре, которая в последние десятилетия уходит в прошлое.

Башкиры активно использовали различные виды и жанры детского фольклора, начиная с раннего возраста, формируя у ребенка качества человека традиционной культуры, общества и среды бытования.

Интерес к данной теме связан с современными методами анализа, открывающими новые перспективы в исследовании культурогенеза и являющиеся продуктивными в исторической реконструкции. Данная тема является мало изученной областью, что не согласуется с той важной ролью, которую детство играло и играет в жизни каждого человека

и общества в целом. Исследование детского фольклора на фоне возросшего интереса каждого народа к своему этнокультурному наследию, историческим корням раскрывает опыт выживания этноса в изменяющихся внешних условиях, восстанавливает непрерывность традиции, и выявляет тем самым устойчивость сообщества.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Теория фольклора: Курс лекций. – М., 1996.
2. Аникин В.П. Пути и путы фольклористики в XX веке // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 3–14.
3. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. Учебник для вузов. – М.: Высшая школа, 2004. – 735 с.
4. Бараг Л.Г. Об отношении башкирских волшебных сказок к русским // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. – М., 1979. – С. 123–149.
5. Бараг Л.Г. Народные сказки, легенды, предания и были Башкирии. – Уфа, 1969. – 190 с.
6. Бараг Л.Г. Из репертуара современных сказочников // Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. – Уфа, 1974. – Вып. I. – С. 5–115.
7. Гасанова Р.Х. Социокультурное развитие детей дошкольного возраста. – Уфа: Издательство ИРО РБ, 2011.
8. Даль В.И. Полн. собр. соч. – СПб., 1898, – Т. 7. – С. 328–353.
9. Илимбетов Ф.Ф. Культ волка у башкир // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1971. – Т. 4. – С. 224–228.
10. Кара-оол Ч.А. Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев (конец XIX – начало XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2015. – 135 с.
11. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.
12. Миропольский С. Народная песня в воспитании // Беседа. – 1972. – № 10.
13. Муфазалова З.Н. Современное состояние традиционного башкирского фольклора Мечетлинского района: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – 250 с.
14. Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа: дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2002. – 426 с.
15. Хухлаева О.В. Школьная психологическая служба. Работа с педагогами. – М.: Генезис, 2008. – 192 с.
16. Листая вечные страницы. Писатели мира о книге, чтении, библиофильстве. Антология. – М.: Книга, 1983. – С. 82–92.
17. Литература и фантазия. Книга для воспитателей детского сада и родителей / сост. Л.Е. Стрельцова. – М.: Просвещение, 1992. – 256 с.

Белопухова Ольга Владимировна
 кандидат филологических наук, доцент
 Костромской государственной университет
 klera33667@mail.ru

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТУРГЕНЕВСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И БАЛЛАДА

В ранних тургеневских поэмах, в особенности это относится к двум из них – «Параше» и «Андрею», намечены сюжетные и психологические мотивы, которые потом были развиты и в тургеневской прозе. Роман Тургенева, с представлениями о котором у нас связывается понятие его «новой манеры», ассимилирует в себе опыт его повестей, драм, стихотворений, а также баллад и поэм. В каждой тургеневской повести, в каждом его романе мы находим строки из стихотворений или упоминание о них, способные вызвать в сознании читателя определённые ассоциации. Подобный лирический подтекст может рассматриваться как структурообразующий элемент наряду с эпическим и драматическим началом тургеневских романов. Тургенев строит повествование по типу «новеллы», сосредотачивая внимание на «вершинном» моменте драмы героя. Драматизм как характерная черта жанра романов Тургенева получает обоснование также в трактовке им отношений человека и мира, личности и истории. Лиризм дополняет характеристику жанра, неся в себе «всеобъемлющую и гуманную субъективность» автора. Можно представить путь создания тургеневского романа как своего рода развёртывание поэтического «зерна» лирического стихотворения в монументальное полотно. Отрывочность, внезапный зачин, недосказанность повествования, его «вершинность», новеллистический сюжет и романтическая фабула сближает балладу с романами писателя. Тургенева привлекала в романтической балладе также и особая философия любви, в чём-то близкая его философским исканиям. Романы Тургенева – яркий пример того, как в жанровую форму романтической баллады проникают реалистические приёмы и способы художественного творчества.

Ключевые слова: романы Тургенева, жанровые особенности, баллада, романтизм, реализм.

К моменту расцвета лирической поэзии в 1850-х годах в литературе господствует «очерковый жанр». В 1860-х годах на смену очерку приходит роман с современной общественной проблематикой, занятый преимущественно критикой общественных отношений. Закономерное усиление романтизма в прозе этого периода выразилось не только в интересе к романтическим темам, сюжетам и образам, но и в обращении к романтическим жанрам, в том числе и к романтической балладе. Литературный род, имеющий подлинно народные истоки, пришёлся как нельзя лучше «ко двору» в период всеобщего брожения перед реформой 1861 года. Баллада оказалась способной уловить и предать те перемены в сфере этики и морали, которые были вызваны процессом повсеместной ломки старых представлений при переходе к новой формации.

Тургенев начал свою литературную деятельность как поэт, автор стихотворений и поэм. В его раннем стихотворном творчестве встречаются почти все поэтические жанры. Юный поэт попробовал своё перо и в жанре баллады. В стихотворных опытах Тургенева мы встречаем балладу двух типов: народный балладный жанр, где эпическое преобладает над лирикой, и балладу романтического типа, «полную живости чувств и страстей», где действие и обстановка едва намечены и представляют лишь обрамление лирического эпизода [6, с. 90].

«Баллада» (1841) свидетельствуют о близком знакомстве Тургенева с народными песнями, выдержана в их ключе. По-юношески свежи и сильны «Воевода» и «Федя», действие их дано в сжатом диалоге, стремительное движение которого к концу пьесы говорило о драматическом даровании поэта. Другого типа баллада «Похищение», лирическая пьеса, где всё дышит молодостью и отвагой, сча-

стье добывается в суровом бою наперекор «злым братьям» и «седому жениху». Балладой её, однако, можно назвать с некоторой натяжкой потому, что в ней использована тема всадника с возлюбленной на руках. Ещё большие возражения вызывает у исследователей отрывок из какой-то незаконченной поэмы «Призвание». Написанная стремительным, летящим вихрем, хореем, преисполненная страсти и кипучей отваги, пьеса эта живо напоминает «Похищение», тем более что и здесь, и там дана пара любящих и препятствия на пути к их счастью. «Похищение» и «Призвание» по своей внутренней динамике и музыкальности хореев могут рассматриваться как вариации Лены / Людмилы, но не в жутком, а в светло-шутливом тоне. Здесь можно предположить действие той русской традиции понимания романтизма, когда он означал вообще буйную фантастику и литературное бунтарство против старых закоренелых форм. Будучи зрелым писателем, Тургенев вновь прибегнет к одному из таких образцов немецкого литературного «романтизма», напомнив устами своей героини о бесеной скачке в знаменитой балладе Г.А. Бюргера «Ленора» в повести «Вешние воды» [8, т. 8, с. 49].

Возвращаясь к тургеневским балладам, следует отметить, что мрачный и таинственный сюжет баллады Бюргера / Жуковского, где девушку похищает мёртвый жених, у Тургенева заменён реалистическим повествованием: героиню увозит живой возлюбленный. Реалистический элемент подчёркивает в стихотворениях Тургенева В.Г. Белинский, говоря о намёках на русскую жизнь.

В тургеневских поэмах, в особенности это относится к двум из них – «Параше» и «Андрею», намечены сюжетные и психологические мотивы, которые потом были развиты и в тургеневской прозе. Недаром Тургенев завершит творческий

путь своеобразной «лирической энциклопедией» – «Стихотворения в прозе». В них осуществится тот равноправный «взаимообмен», в который могли вступить достигшие к 80-м годам XIX века вершин своего развития русская поэзия и проза.

Роман Тургенева, с представлениями о котором у нас связывается понятие его «новой манеры», неизменно должен был ассимилировать в себе опыт его повестей, драм, стихотворений, в том числе и баллад и поэм. Порвав с привычными представлениями о романе как об «истории жизни», разрушая традицию большого романа-биографии, романа-хроники, Тургенев строит повествование по типу «новеллы», сосредотачивая внимание не на целой жизненной судьбе, а на «вершинном» моменте драмы героя, вынося за рамки сюжета его прошлое и будущее. Обращение Тургенева к новеллистическому типу романа объясняется характером восприятия и осмысления им действительности как неустоявшегося, текучего процесса, в котором ценность представляют «переломные мгновения» жизни. Сам Тургенев ясно ощущал свой разрыв с привычным представлением о романе: «Кому нужен роман в эпическом значении этого слова, тому я не нужен. Но я столько же думаю о создании романа, как о хождении на голове...» [8, т. 12, с. 290].

Тенденция к отождествлению тургеневского романа и повести довольно распространена в современной науке. Роман Тургенева рассматривался как «самоценное собрание портретов и пейзажей» (Л. Гроссман) [3, с. 278], как новый вариант «Записок охотника» или повторение его повестей «с обилием отклонений от основной линии» (В. Гиппиус) [4, с. 41]. По мнению В.С. Бавевского, «Рудин» не может быть признан романом, ибо это произведение синтетическое, чрезвычайно своеобразное, свидетельствующее о напряжённых творческих поисках писателя. Эпичная масштабность достигается биографическими отступлениями, ретроспекциями, эпилогами – так называемыми «пристройками», особым способом моделирования художественного времени. Именно эти «пристройки», которые воспринимались как «просчёты» и «недостатки» автора, казались критикам «лишними», удлиняющими повествование, обладали эпическим содержательным смыслом и способствовали «прорастанию» повести в роман [1, с. 72].

Мы не можем согласиться с мнением А.Г. Цейтлина, который видит в тургеневском романе признаки гибридного характера, ставя его на грани между романом и повестью [9, с. 124]. Ему возражает и А.И. Батюто, утверждая, что «первопричина происхождения представлений о «гибридности» жанра тургеневского романа – скорее даже не суждения, а ремарки о жанре его романов [2, с. 117]. Однако определение Цейтлина «роман-повесть», объединяющее все романы Тургенева, за исключением «Нови», нельзя полностью игнорировать. Так, в качестве аргумента Батюто приводит главный критерий Цейтлина для определения жанра

тургеневского романа – его объём. В действительности же Цейтлин хотел подчеркнуть «многие особенности структуры тургеневского романа» от «Рудина» до «Дыма», а именно её простоту, сжатость, гармоничность. Отмечаются такие особенности романов Тургенева, как драматический способ ведения действия, драматическое построение сцен т. д. В качестве драматического способа организации повествования выступает контраст, являющийся сущностью всех романов Тургенева, их основным композиционным стержнем. Эта особенность обозначилась уже в «Дворянском гнезде». По контрасту даётся построение сцен, перебивка планов повествования. Смещения планов действия происходит не только от главы к главе, но и внутри одной главы. Контрастно в различной тональности автор даёт намеренное построение исходной ситуации.

Драматизм как характерная черта жанра романов Тургенева получает обоснование также в трактовке им отношений человека и мира, личности и истории. Сущность жизни раскрывалась Тургеневу в драматических ситуациях, в осмыслении человеческой судьбы как трагедии, истоки которой – в неравном противостоянии человека холодному и равнодушному закону, железной исторической необходимости. Но общая драма жизни и психологическая драма личности всегда даётся в его произведениях через призму его собственного авторского отношения к миру и герою.

Особый оттенок тургеневскому лиризму придаёт его взаимодействие с драматическим элементом романа. Сложная, кипящая жизнью драма, только что развёртывавшаяся на глазах читателя как живое и трепетное настоящее, в эпилоге становится достоянием прошедшего, на которое автор смотрит из некоторого отдаления; волны времени уносят трагизм прошлого, приглушают боль и горечь утрат, драматизм разрешается плавными гармоничными аккордами элегической грусти. В каждой тургеневской повести, в каждом его романе мы находим строки из стихотворений (цитируемые или умело вплетённые в повествование) или упоминание о них, способные вызвать в сознании читателя определённые ассоциации. Подобный лирический потекст может рассматриваться как структурообразующий элемент наряду с эпическим и драматическим началом тургеневских романов.

Поэтический принцип строения образа давно привлекал внимание Тургенева. Вплетая в ткань повествования своих романов разного рода лирические стихотворения, Тургенев делает их «канвой» сюжета, дополняя контуры картины, поэтому, с известной точки зрения, можно представить путь создания тургеневского романа как своего рода развёртывание поэтического «зерна» лирического стихотворения в монументальное полотно [5]. Исходя из определённого поэтического ядра, определившего строение целого, роман Тургенева рождается в слиянии лирических «новелл», где на фоне основ-

ной сюжетной линии развиваются возможные варианты действия, часто дублирующие данный сюжет.

Рассмотрим в эпической ткани тургеневского романа структуру подобной «новеллы». Традиционный и господствующий ныне взгляд на балладу обычно связывает своеобразие её жанровой структуры только с двумя элементами – эпосом и лирикой. Синкретизм баллады определяется, как и в тургеневском романе, диалектическим, хотя и относительно изменчивым, единством трёх начал – эпического, драматического и лирического. В романах Тургенева все три «цвета» (эпический, драматический и лирический) находятся не только в некоем целостном «спектральном» единстве, но и, подобно балладе, по-разному взаимодействуют друг с другом в разные исторические эпохи.

Тургеневский роман характеризуется принципиальным отказом от пространственных отступлений, энергичным погружением в атмосферу конфликта. В рамки романа входит, в отличие от традиционного романа Гончарова, Писемского, лишь момент проверки общественно-нравственной ценности героя в ситуации драматического конфликта, на грани кризиса с трагическим разрешением. Вместе с тем несомненна эпическая масштабность романов Тургенева, создаваемая особыми средствами ретроспекций (биографий) и проекций (эпилогов).

Эпическое начало жанровой структуры романтической баллады связано с наличием ярко выраженного, как и у Тургенева, событийно-повествовательного сюжета и объектированного героя персонажа. Балладный конфликт обычно одноконфликтен и однособытиен, и в данном случае баллада сближается с рассказом, особенно с такой его жанровой разновидностью, как новелла. Свообразие балладного сюжета не только в большей обобщённости по сравнению с сюжетами в прозаических произведениях (это – вообще характерный признак поэтического сюжета), но и в особой роли события. Сюжетно-композиционную основу баллады составляет не обычное, будничное, а, как правило, необыкновенное событие, исключительный случай. Отрывочность, внезапный зачин, недосказанность повествования, его «вершинность», новеллистический сюжет и романтическая фабула сближает балладу с романом Тургенева. Несмотря на многогранность сюжета, сосредоточение писателя на личности главного героя, на его внутренних переживаниях, которые доминируют над действием, окрашивают собой фабулу и саму обстановку рассказа. Романы Тургенева показывают ясно обобщимую сюжетную линию, в ткани повествования выделительные моменты сокращены до минимума, включая картины природы и зарисовки ближайшего окружения главного героя. Психологические характеристики героев ограничены в соответствии с тургеневским принципом «тайной психологии», его оценки по-балладному кратки и точны.

Элементы таинственности (сны, приметы, недоговоренность в репликах персонажей) вошли

неотъемлемым элементом в романские сюжеты Тургенева, но в полной мере тяга писателя ко всему странному, необъяснимому и загадочному выльется в цикл так называемых «таинственных повестей» 1870–80-х годов.

Евда ли не главной проблемой многих баллад романтизма оказывается проблема личности и судьбы. Тургеневский герой нередко сонательно бросает вызов судьбе, оказывает ей противодействие вопреки неумолимым обстоятельствам. Это – не смирение перед судьбой, а активное противостояние человеческой воли судьбе, какое мы видим в «Дворянском гнезде», «Отцах и детях», «Накануне» и «Дыме», что придаёт романам Тургенева особый драматизм.

И наконец, иногда драматическое начало тургеневского романа оказывается настолько сильно выраженным структурным элементом, что жанровая структура произведения, подобно балладе, приобретает драматизированный характер. Авторский рассказ оттесняется в сторону, а то и вовсе заменяется монологической или даже диалогической формой повествования.

В литературе неоднократно отмечалось обилие в романах Тургенева диалогов и монологов. Подобную структуру, приближающуюся к драме, Тургенев использовал и в своих поздних романах, хотя и не так широко, как в первом. Поиски Тургеневым новых жанровых образований, способных воплотить трагедию сознания людей переходной эпохи, воспроизвести в объективных формах её нравственно-идеологическую разногласию, увенчались созданием идеологического романа-диспута «Отцы и дети», в котором органически слились социально-психологический роман и философская драма [7].

Вряд ли правы исследователи (В. Сорокин, Ф. Головенченко), видящие характерный признак баллады в «неразвёрнутости сюжета», который, с их точки зрения, является всего лишь канвой для выражения мыслей и переживаний лирического героя. Нам думается, что суть – в специфическом характере балладного действия, которому присуща особая сжатость и концентрированность, стремительность и динамичность развёртывания события и, наконец, известная фрагментарность, проявляющаяся в акцентированности авторского и читательского внимания на отдельных, чаще всего наиболее напряжённых моментах сюжетного действия. Те же качества присущи романам Тургенева.

Лирическое начало жанровой структуры баллады связано с эмоциональным (чаще всего элегическим) настроением балладного повествования, отражающим авторское ощущение изображаемой эпохи и выражающим лирическое самосознание поэта. Тургеневские романы открываются, как правило, лирической экспозицией, настраивающей читателя на определённый лад, а в эпилоге автор старается взглянуть на события, происходящие в романе, отвлечённо-философски. Вкладывая личное лири-

ческое волнение в образы создаваемых им героев, Тургенев выражает всю сущность и мечту поэта в форме монолога, обращённого к идеальному слушателю, или «лирического вчувствования» в пейзаж. Его излюбленные поэтические приёмы – вопросы, повторы, восклицания – создают особый стиль ритмических воздействий, роднящих прозу Тургенева с лирическим стихотворением балладного типа.

Жанр баллады был также интересен своим особым тяготением ко всему новому, ко всему тому, в чём раскрывается внутренняя сложность и противоречивость индивидуальной психологии человека в её неповторимости и своеобразии. Центр тяжести в тургеневских романах переносится также с осуждения того или иного поступка или преступления героя на воспроизведение тех обстоятельств и внутренних мотивов, которые этот поступок вызвали (вспомним, например, муки Лизы Калитиной перед её отречением и уходом в монастырь). Тургенев охотно обращается к необычным эмоционально-психическим состояниям героев, исследует их поступки в момент гнева, страсти, тяжёлых жизненных испытаний. Это позволяет ему представить человеческую жизнь в иных, более сложных объёмных измерениях, что роднит его стиль с романтической балладой.

По-видимому, Тургенева привлекала в романтической балладе особая философия любви, в чём-то близкая его философским исканиям. Любовь для тургеневского героя – высшее проявление жизни, незаменимое и невозполнимое никаким другим отношением, делом, интересом, независимо от того, несёт ли она очарование или разочарование, выливается в «прозу» или в «драму», оказывается ли заблуждением, ошибкой. Натуру своих героев (вспомним: «Героическая натура» – прежнее название «Рудина») Тургенев проверяет их интимно-личными переживаниями, которые высвечивают сильные и слабые стороны характеров.

Тургеневу присуще понимание любви как основополагающего начала жизни – не только индивидуально-личностной, но также семейно-общественной и, наконец, природно-космической. Тайную загадку очарования любви, по Тургеневу, смысл её неразгаданных сил не дано познать до конца смертному человеку. Её духовный смысл не может быть сведён к плотским, чувственным отношениям, обещания любви столь велики, что никогда не осуществляются в пределах земного природного круга.

Как и балладники, Тургенев остаётся «скрытым» психологом в передаче интимных отношений героев, описывая поступки влюблённого человека как следствие его душевных терзаний, избегая пространных рассуждений на эту тему. Меткие штрихи тургеневского пейзажа подчёркивают необычное состояние героя, вторя его порывам. Всплески любовного чувства ассоциируются для писателя, как и для его предшественников, авторов романтиче-

ских баллад, со стихийными явлениями природы, тонкой многоликой музыкой лирического пейзажа.

Любовь Тургенева преисполнена долга. Преодоление антиномии между устремлениями личности, её счастьем и потребностями народа, общественным долгом трагически окрасило творчество Тургенева и его концепцию любви. Трагизм любви тургеневских героев делает их жизненный путь схожим с роковыми судьбами балладных персонажей.

Приведённые выше замечания, думается, дают основание утверждать, что тургеневскому роману присуще множество балладных черт. Можно предположить, что жанровые противоречия тургеневских романов влекут за собой балладный строй их основы – «новеллистического ядра». Романы Тургенева – яркий пример того, как в жанровую форму романтической баллады проникают реалистические приёмы и способы художественного творчества. Реализм видоизменяет внутреннюю природу романтического жанра. Созданная балладная традиция становится в эпоху реализма почвой не только для балладного творчества, но и для опытов прозаиков (Тургенев среди них не исключение), подхвативших боковые линии в развитии балладного жанра.

Роман Тургенева воплотил в себе стремление ко всеобщему синтезу. Наряду со скрещиванием внутриродовых форм (роман, повесть, новелла), в нём проявилась тенденция к слиянию разных поэтических родов, к взаимопроникновению баллады, новеллы и романа, эпического, драматического и лирического начал. Тургенев создал жанр «сосредоточенного» во всех элементах романа, идя от Пушкина и лучших традиций.

Библиографический список

1. *Баевский В.С.* «Рудин» Тургенева: К вопросу о жанре // Вопросы литературы. – 1958. – № 3. – С. 54–62.
2. *Батюто А.И.* Тургенев-романист. – М.: Русский язык, 1972. – 365 с.
3. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного изображения». – М.: Наука, 1820. – 322 с.
4. *Гиппиус В.О.* О композиции тургеневских романов // Венок Тургеневу. – Одесса, 1919. – С. 12–34.
5. *Кожин В.В.* Происхождение романа: теор.-ист. очерк. – М.: Педагогика, 1963. – 234 с.
6. *Левин Ю.Д.* Статья И.С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» // Добролюбов. Статьи и материалы. – 1965. – С. 56–63.
7. *Осмоловский О.Н.* О сценах драматического действия в романах Тургенева и Достоевского «Отцы и дети» и «Преступление и наказание» // Четвёртый межвуз. сб. науч. тр. – Орёл, 1975. – Т. 17 (110). – С. 13–24.
8. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. // Сочинения: в 12 т. – М.: Изд. АН СССР, 1980.
9. *Цейтлин А.Г.* Мастерство Тургенева-романиста. – М.: Наука, 1958. – 269 с.

А.И. ГЕРЦЕН И РУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА 1860-Х ГОДОВ*

Статья посвящена анализу переломного этапа в восприятии поздней деятельности А.И. Герцена русским обществом. В ней рассматривается острая полемика, развернувшаяся между лондонским публицистом, изданиями М.Н. Каткова («Современная летопись», «Русский вестник») и газетой П.С. Усова «Северная пчела». Свободный от идеологических клише анализ ключевых статей, написанных в ходе полемики («Письмо гг. Каткову и Леонтьеву», «Молодая и старая Россия», «Журналисты и террористы» А.И. Герцена, «Наши заграничные réfugiés», «Заметка для издателя «Колокола»» М.Н. Каткова, передовицы «Северной пчелы», которые сегодня убедительно атрибутируются как принадлежащие перу Н.С. Лескова), позволяет выявить важные различия в позициях представителей «консервативных» органов отечественной печати и сделать выводы об авторских стратегиях создания публицистических высказываний. Особенно актуальными в этой связи являются наблюдения над статьями Лескова, своеобразие ранней публицистики которого до сих пор остается малоизученным явлением русской литературы.

Ключевые слова: А.И. Герцен, М.Н. Катков, Н.С. Лесков, «Колокол», «Русский вестник», «Северная пчела», полемика.

Как точно отмечал В.А. Туниманов, «вливание слова А.И. Герцена на развитие русской общественной и литературной мысли XIX века (и начала XX) было исключительно велико и многообразно» [13, с. 100]. Апогея популярность Герцена достигла на рубеже 1850–1860-х гг., когда тиражи «Колокола» достигали 4500–5000 экземпляров. О популярности издания сохранилось показательное свидетельство В.П. Мещерского: «... в военно-учебных заведениях, высших того времени, Герцена брошюры читались, сваливаясь с неба, и я помню, при встречах с юнкерами-сверстниками, разговор о том, что у них классы делятся на герценистов и антигерценистов» [12, с. 69].

«Мода» на Герцена, по его собственной ироничной характеристике в «Былом и думах», достаточно скоро сменилась расхождением и полемикой. Парадоксально, но факт, что один из первых неблагоприятных отзывов о Герцене в русской печати принадлежит Н.Г. Чернышевскому. В статье «Материалы для биографии Н.А. Добролюбова», напечатанной в январском номере «Современника» за 1862 год, Чернышевский дополняет публикуемые им письма Добролюбова к родным жестким выпадом против недоброжелателей критика: «Теперь, милостивые государи, называвшие нашего друга человеком без души и сердца, – теперь честь имею обратиться к вам и <...> имею честь назвать вас тупоумными глупцами. Вызываю вас явиться, дрянные пошляки, – поддерживайте же ваше прежнее мнение, вызываю вас» [14, с. 35]. В объектах нелестного отзыва Чернышевского современники узнали И.С. Тургенева и Герцена, о чем и сам критик позже свидетельствовал в своих показаниях на следствии.

Однако официальной датой в полемике вокруг Герцена стала весна 1862 года, когда в русской пе-

чати после долгих лет молчания имя знаменитого изгнанника было произнесено вслух. Оно было упомянуто в апрельской статье газеты М.Н. Каткова «Современная летопись» в обозрении «Что делается в Москве»: «Что же такое читает теперь Москва? Еще не так давно я ответил бы: Не спрашивайте так громко... Москва читает теперь то, что читают украдкой, – это не для всех... Но это недавнее время прошло, и теперь я отвечу во всеулышание: Москва читает письмо г. Герцена, известного русского réfugié» [4, с. 305]. Вслед за этим «Вятские губернские ведомости» опубликовали «Речь, сказанную при открытии Вятской публичной библиотеки А. Герценом 6 декабря 1837 года».

По воспоминаниям В.А. Цеэ, назначенного весной 1862 года председателем Санкт-Петербургского цензурного комитета, это внезапное появление имени Герцена в русской прессе было инспирировано им совместно с А.В. Головниным, бывшим в то время министром народного просвещения. При первом докладе Головнину Цеэ изложил ему свое мнение по вопросу Герцена: «Я полагаю весьма полезным разрешить нашей печати возражать на статьи «Колокола» и при этом выразил надежду, что наша печать сумеет изобличить те крайние увлечения, которыми, несмотря на замечательный ум и способность Герцена, изобиловала его газета» [15, с. 274]. В воспоминаниях Цеэ точно обозначены основные силы, которые приняли участие в полемике с Герценом – ими стали издания Каткова «Современная летопись» и «Русский вестник», а также «Северная пчела». Всего в «Северной пчеле» было опубликовано 5 передовиц, посвященных «вопросу о Герцене» – все они сегодня убедительно атрибутированы И.П. Видуэцкой как принадлежащие перу Н.С. Лескова [4]; [5]. В конце 1861 года начинающий публицист – а с даты выхо-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Поздний Н.С. Лесков: научная подготовка к изданию художественных и публицистических произведений 1890-х годов» (грант № 15–04–00192).

да его первого очерка не прошло и двух лет – переезжает в Петербург и попадает в самый центр горячей журнальной и газетной полемики.

Непосредственным поводом к написанию передовиц «Северной пчелы», посвященных деятельности Герцена, стала знаменитая полемика, разразившаяся между лондонским публицистом и Катковым. Передовицы Лескова – ««Колокол» и «Русский вестник»» (07.08.62, №212) и ««О заметке “Русского вестника” и о характере действий г. Герцена»» (08.08.62, №213) – связаны с перепечаткой «Северной пчелой» наделавшей много шума статьи Каткова «Заметка для издателя “Колокола”» (Русский вестник. 1862. Т. 39. Июнь), которая, в свою очередь, стала продолжением заметки «Наши заграничные réfugiés» (Современная летопись. 1862. 6 июня).

Статьи Каткова отличаются резкой критикой деятельности Герцена. Небольшая заметка «Наши заграничные réfugiés» проводит прямые параллели между заявлениями издателя «Колокола» и майскими пожарами в Петербурге. По мнению Каткова, главная причина популярности в России Герцена – недостаточное развитие общества, науки и человеческой личности, которые делают возможным «тот факт, что несколько господ, которым нечего делать, несколько человек, неспособных контролировать свои собственные мысли, считают себя вправе распоряжаться судьбами народа с тысячелетней историей (бедный тысячелетний народ, за что суждено тебе такое унижение?), предписывая законы его неучащейся молодежи и его недоученным передовым людям» [8, с. 489–490]. Несмотря на острую критику личности Герцена, его имени Катков пока не называет, ограничиваясь перифразом, вынесенным в заглавие заметки. Ироничная формула «наши réfugiés», которую Катков нашел ранее в статье «Что делается в Москве», дополняется определением «заграничные». Этот плеоназм напрямую связан с важной линией критики Катковым Герцена – указанием на его оторванность от российского общества.

Ответ Герцена на заметку Каткова – «Письмо гг. Каткову и Леонтьеву» – был опубликован в «Колоколе» 10 июня. Герцен не отказывает себе в удовольствии с иронией отозваться о найденной для него Катковым характеристике («я должен признаться, что я до сих пор думал, что все réfugiés и эмигранты – более или менее заграничные» [6, с. 212]) и заканчивает открытое письмо свойственным для возвышенного и эмоционального стиля его публицистики сравнением себя с Прудоном: «Может, вы слышали, как в 1849 году в народном собрании в Париже Прудон, задетый таким же образом Тьером, сказал ему спокойно, стоя на трибуне, превратившейся на ту минуту в страшный суд: “Говорите о финансах, но не говорите о нравственности, я могу это принять за личность, и тогда я не кар-

тель вам пошлю, а предложу вам другой бой: здесь, с этой трибуны, я расскажу всю мою жизнь, факт за фактом, каждый может мне напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. И потом пусть расскажет мой противник свою жизнь”» [6, с. 213].

Открытое письмо Герцена и вызвало появление катковской «Заметки для издателя “Колокола”». Отвечая на «письмо», Катков привлекает текст еще одной известной публикации Герцена – «Молодая и старая Россия» (15 июля 1862). Эта статья, как явствует из ее названия, посвящена прокламации «Молодая Россия», распространение которой предшествовало петербургским пожарам. В тексте прокламации, призывавшей к «кровавой революции» [9, с. 511], «уничтожению брака» [9, с. 516] и провозглашению «социальной и демократической республики Русской» [9, с. 518], отдельное внимание было уделено определению взгляда революционно настроенной молодежи на деятельность Герцена. Главным пунктом размежевания признавался недостаточный радикализм последнего: «С 1849 г. у Герцена начинается реакция: испуганный неудачною революциею 1848 года, он теряет всякую веру в насильственные перевороты <...> его отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними можно только что-нибудь сделать, – окончательно уронили журнал в глазах республиканской партии» [9, с. 512–513].

Герцен видит необходимость прокомментировать наиболее резкие высказывания авторов прокламации: «революция кровавая и неумолимая» [6, с. 512], «мы не страшимся ее хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы» [6, с. 514], «как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых! Больше же ссылок, больше казней! – раздражайте, усиливайте негодование общественного мнения» [6, с. 516]. Для этого публицист подвергает интерпретации неоднократно повторяющийся в статье образ крови: «Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацию, но винить их мы не станем. Ну что упрекать молодости ее молодость, сама пройдет, как поживут <...> Горячая кровь, *iltroppegiovanil' bollore* <...> святое нетерпение, две-три неудачи – и страшные слова крови и страшные угрозы срываются с языка. Крови от них ни капли не пролилось, а если прольется, то это будет их кровь – юношей-фанатиков» [6, с. 202]. Эмоциональный тон статьи задает подчеркнуто мягкая и дружественная реплика Герцена, которой он отвечает на достаточно резкую критику своей личности и деятельности в прокламации: «Вы нас считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали от вас в мнениях, то не отстали сердцем – а сердце дает такт» [6, с. 203].

Статья Герцена полна христианской образности, которая используется автором для характеристики молодых революционеров: «Наши жертвы искупления, как Михайлов, как Обручев, должны

вынести двойное мученичество» [6, с. 203], «народ нам не верит и готов побить камнями тех, которые за него отдадут жизнь» [6, с. 203]), «Разве шляхетная Магдалина своим собственным сердцем дошла до раскаяния?» [6, с. 203]. Сопоставление радикальной молодежи с христианскими мучениками, в целом свойственной революционной стилистике, подчеркивает возвышенную и приподнятую интонацию пламенного заявления Герцена.

Вступая в полемику с Герценом? Катков излагает сущность принципиальной позиции авторов прокламации, которая в статье лондонского публициста отодвинута на второй план: «Публике отчасти известно из газет содержание этого безобразного изделия наших революционеров. Здесь требуется ни более ни менее как признать несуществующим Бога, затем уничтожить брак и семейство, уничтожить право собственности, <...> достигнуть всего этого путем самого обильного кровопускания, какого еще нигде не бывало, и забрать крепко власть в свои руки» [8, с. 503]. Это лаконичное обобщение необходимо Каткову для того, чтобы продемонстрировать наиболее уязвимые, с его точки зрения, стороны статьи Герцена, в которых лондонский публицист дает свою оценку прокламации.

Основным объектом критики Каткова становится не содержание статьи Герцена – впрочем, по сравнению с прокламацией «Молодая Россия» оно вполне умеренно – а ее стилистика. Прежде всего, Катков жестко характеризует интонацию дружеского обращения, выбранную Герценом для разговора с молодыми революционерами: «Обо всех говорит он с негодованием, со злобною иронией; к ним одним обращается он со словом нежности, с чувствительным дрожанием в голосе» [8, с. 504]. Кроме того, Катков саркастически отзывается о эмоциональной и возвышенной патетике, свойственной статье: «А чтоб им было веселее и чтоб они не одумались, он перебирает все натянутые струны в их душе, он шевелит в них всю эту массу темных чувствований, которые мутят их головы, он поет им о «тоске ожидания...», он поет им о «святом нетерпении» [8, с. 505]. Наконец, Катков тонко подмечает, что возвышенный характер статьи Герцена связан с использованием им библейской фразеологии, и жестко подчеркивает: «Фразер иначе не говорит теперь, как библейским языком» [8, с. 504], «он отслужит по них панихиду; шутовской папа, он совершит торжественную канонизацию этих японских мучеников» [8 с. 505], «он поет молебен жертвам, уже пострадавшим за подметные листы» [8, с. 505].

Катков утверждает двусмысленность избранной Герценом роли «пророка», основываясь на объективном факте жизни Герцена за границей: «Ему ничего, – пусть прольется кровь этих «юношей-фанатиков»! Он в стороне – пусть она прольется» [8,

с. 505], «и если б еще был он на месте, с ними, с этими «юношами-фанатиками» <...> нет, он поет им из-за моря» [8, с. 505]. Подбирая подходящие для Герцена определения, Катков перестает стесняться в выборе выражений: «наш фразеолог» [8, с. 501], «наш артист» [8, с. 500], «болтун» [8, с. 503], «бездушный фразер» [8, с. 505] и заканчивает статью эффектным ответом на обращение в открытом письме к нему Герцена: «Издатели «Колокола» спрашивают нас, какие они люди. Мы сказали. Честными ни в каком случае назвать их нельзя. От бесчестия им одна отговорка – помешательство» [8, с. 512].

Если стиль статей Герцена послужил главным предметом критики Каткова, то стиль заметки Каткова стал основанием для того, чтобы Герцен прекратил с ним полемику. Свообразным ответом на высказывания Каткова стала заметка «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова», опубликованная в «Колоколе» 22 августа 1862 г., в которой Каткову отводится лишь одна финальная фраза: «Теперь разрешили убедителям III отделения ругать “нарушителей общественного порядка”». Ну вот они и довели Каткова до статьи, в которую он упал, как в попойную яму! Как бы он не захлебнулся в ней по примеру генерал-адъютанта и бывшего спб. обер-полицмейстера Кокошкина» [6, с. 234]. Намекая на слухи об обстоятельствах гибели обер-полицмейстера С.А. Кокошкина, который при обследовании выгребных ям якобы провалился в одну из них, Герцен в свойственной ему тонкой иронической манере наносит сразу два выпада против Каткова: он демонстрирует и недопустимость тона издателя «Русского вестника», и намекает на его возможную связь с III отделением.

Статья Каткова была перепечатана «Северной пчелой» 7 августа 1862 г. Предваряет публикацию небольшая заметка Лескова. Ее название – «“Колокол” и “Русский вестник”» – показательное. Автор заметки старается быть предельно объективным и выступает как своеобразный арбитр в развернувшейся горячей полемике. Задачи газетной передовицы мало соответствуют подобной роли, поэтому Лесков организует свою заметку достаточно необычно – он напоминает читателям об основных вехах восприятия образа Герцена в отечественной печати. Связь между значимыми эпизодами этого пути временная: «С того времени, как Герцен, уехав за Границу, остался в Лондоне и объявлен в своем отечестве изгнанником, русские типографские станки не печатали ни его имени, ни его произведений. Гласно имя его произнесено в первый раз только в 1862 году. Только в 1862 году «Современник» отнесся к нему с некоторыми намеками: «В нашей газете была потом напечатана речь, сказанная Герценом в Вятке» <...> После того Герцена еще более раздражила небольшая заметка

«Русского вестника» [11, с. 666–667]. Лесков выстраивает своеобразную хронику событий, благодаря чему в заметке появляется сюжетное начало. Насыщенность заметки фактической информацией и сведение к минимуму оценочных языковых конструкций создает эффект предельно объективного повествования, которое подчеркивается лаконичными и емкими характеристиками: «речь, сказанная Герценом в Вятке, – это речь умная, спокойная и честная» [11, с. 666], «заметка «Русского вестника» была горяча, немного желчна, но правдива» [11, с. 667].

Собственно к разбору позиций Герцена и Каткова Лесков приступает в следующей своей статье, посвященной этой полемике – «О заметке “Русского вестника” и о характере действия г. Герцена», вышедшей в «Северной пчеле» на следующий день. По сути дела, эта небольшая передовица является единственным текстом Лескова, в котором он предельно прямо и точно формулирует свое расхождение с позицией Герцена. Впрочем, сохраняя стремление быть объективным, писатель начинает статью с критики заметки Каткова. Главным предметом критики закономерно выступает ее тон: «Мы находим, что в заметке “Вестника” есть много верного и правдивого, но не можем без сожаления вспомнить о тех неприятных выражениях, которые рассыпаны по ней довольно щедрою рукою» [11, с. 669]. В этом замечании «Северная пчела» не была одинокой, о неподобающем тоне статей Каткова писали и М.П. Погодин, И.С. Тургенев, И.С. Аксаков [3, с. 176–181].

Следующий вывод Лескова более парадоксален: публицист утверждает, что Катков «увлекся даже до того, <...> что впал в весьма сильную ошибку. Он признал за г. Герценом такое значение, какого последний, по нашим понятиям, никогда в России не имел, да и никогда иметь не будет» [11, с. 669]. Этот тезис и становится в передовице Лескова поводом для разоблачения Герцена. Отправной пункт для критики Лескова тот же, что и у Каткова – утверждение о жизни Герцена вне русского общества, что подчеркивается цитированием писателя заметки «Русского вестника»: «нам нужно <...> опровержение его идей, которые он проводил и проводит, «сидя за плечами лондонского полисмена»» [11, с. 669]; «Наш “генерал от революции”, как называет его “Русский вестник”, давно оставил свое отечество» [11, с. 670]. Между тем, если для Каткова этот факт является поводом для обвинения Герцена в занятии двусмысленной позиции, то в статье Лескова он становится, скорее, основанием для оправдания лондонского публициста. По мысли Лескова, не сама по себе жизнь Герцена за границей заслуживает осуждения, но ее следствие – оторванность от современных реалий русского общества и, прежде всего, непонимание особенностей мировоззрения крестьянства.

Как известно, соотношение теории и практики, отвлеченной идеи и реальной жизни – это весьма близкий Лескову критерий, который он неоднократно применял к разного рода учениям, от нигилизма 60-х до народничества 70-х и толстовства 80-х годов. Писатель, который сразу же заявил о себе в литературе как о «изучавшем народ не по разговорам с петербургскими извозчиками» [10, с. 206], и теорию Герцена разбирает именно с этой позиции. Выводы Лескова, естественно, неутешительны: «г. Герцен не человек дела» [11, с. 670], «г. Герцен <...> берется устраивать нам такое положение, которого мы вовсе не хотим, к которому вся Русь не имеет никакого расположения и которому она станет противодействовать вся, от мала до велика, от мужика, сеющего гречу, до людей, ценою тяжких трудов и лишений сколотивших какой-нибудь грош для себя и малых детей» [11, с. 670], «народ хлопочет об устройстве своего быта и больше занят тем, чтобы покрыть ветхие кровли своих изб, чем вопросами, которые близки сердцу Герцена» [11, с. 671]. Утверждая ограниченность и субъективность взгляда Герцена, Лесков иронично противопоставляет «всероссийской общине» [11, с. 670] и «социалистическим казармам» [11, с. 670] – отвлеченным идеалам лондонского публициста – подчеркнуто приземленные, бытовые детали из русской жизни.

Тезису о том, что причина ограниченности взгляда Герцена – его оторванность от русской жизни – Лесков находит новые доказательства в заметке «Об отношении “Северной пчелы” к г. Герцену и его “собачкам”» (28.08.1862). Эта передовица опирается на новую статью Герцена «Журналисты и террористы», опубликованную в «Колоколе» 15 августа. Статья является продолжением заметки Герцена «Молодая и старая Россия», однако тональность высказывания лондонского публициста заметно изменяется. Название статьи – «Журналисты и террористы» – тонко обыгрывает ее основную цель, а именно – ответ Герцена на нападки на него «Русского вестника», с одной стороны, и молодых революционеров с другой. Возвышенность и эмоциональность стиля Герцена остаются теми же, но от романтизации революционной деятельности публицист обращается к прагматике: «Насильственные перевороты бывают неизбежны <...> но выкликать их в начале рабочего дня, не сделав ни одного усилия, не истощив никаких средств, останавливаться на них с предпочтением нам кажется так же молодо и незрело, как нерасчетливо и вредно пугать ими <...> Наш переворот должен начаться с сознательного возвращения к народному быту, к началам, признанным народным смыслом и вековым обычаем. Закрепляя право каждого на землю, т. е. объявляя землю тем, чем она есть – неотъемлемой стихией, мы только подтверждаем и обобщаем народное понятие об отношении человека к земле.

А потому оставьте революционную риторику и займитесь делом <...> соединяйтесь с народом, чтоб он забыл ваш откол; проповедуйте ему не Фейербаха, не Бабёфа, а понятную для него религию земли <...> и будьте готовы» [6, с. 702].

В передовице «Северной пчелы» Лесков цитирует финальный призыв Герцена к «молодой России»: «Тут предлагается “оставить революционную риторику и заняться делом”; “проповедовать народу не Фейербаха, не Бабёфа, а понятную для него религию земли...” Уступка огромная и способная еще увеличиваться по мере того, как г. Герцен будет ближе узнавать, какую “религию земли” исповедует наш народ. Г. Герцен ведь решительно не знает, что думает народ и к чему он стремится. Просим же его хоть немножко поверить нам, что народ всеми мерами стремится достигнуть со временем поземельной собственности. Десятину, две, хоть осминничек, да лишь бы своего <...> Вот его религия земли <...> Охотно верят только тому, чему приятно верить, а г. Герцену, конечно, не может быть приятно поверить, что народ желает донавозить свой собственный кусочек «стихий» и помаленьку раскупает ее» [11, с. 702]. Субъективную и ограниченную позицию «лондонского публициста» Лесков, как и в предыдущих своих передовицах, сопоставляет с ракурсом практика и знатока народной жизни. Обращаясь к приему несобственно-прямой речи, писатель воспроизводит в передовице фразеологическую и идеологическую точку зрения крестьянина: «Десятину, две, хоть осминничек, да лишь бы своего», «помаленьку раскупает ее». Характерное использование уменьшительно-ласкательных форм слов вводит в финал передовицы тонкую насмешку над умозрительными, по мнению Лескова, построениями Герцена, что особенно очевидно во фразе «народ желает донавозить свой собственный кусочек “стихий”». Писатель противопоставляет подчеркнуто сниженный образ повседневного крестьянского труда возвышенному и в глубине своей романтическому пониманию Герценом земли как «стихий».

Шестидесятые годы XIX столетия закономерно считаются временем решительных перемен в жизни русского общества. В русской литературе их знаком стало прогрессирующее размежевание литературных сил по идеологическому принципу, что отразилось, прежде всего, в жанре романа (подробнее об этом см. [1]; [2]). Парадоксальность полемики вокруг деятельности Герцена определяется тем, что в критике его деятельности взгляды «партизанов» (как в то время называли представителей разных партий) неожиданно сошлись.

1862 год оказался переломным для издателя «Колокола», ответившего на резкую отповедь русских авторов горькими словами о собственном одиночестве и трагедии непонимания его на родине: «Еще и еще камень – ну, этот мимо, и вот

еще <...> это не камень, что-то рыхлое, ледящееся, это из-за Черной Грязи. Почти все, владеющие пращою в русской журналистике, явились один за другим на высочайше разрешенный тир и побивают нас <...> По счастью, у иных рука неверна, словно дрожит от волнения, от угрызения совести, от воспоминаний; другие нарочно пускают мимо, а третьи бросаются грязью, – это очень гадко, но не больно. Потешайтесь, господа; мы только того и хотели, чтоб как-нибудь возвратиться к вам; мы возвращаемся мишенью, итак, à vospièces, canonniers! (к орудиям, канониры!)» [6, с. 221]. Полемика с Катковым предвосхитила резкое охлаждение к Герцену русского общества в следующем 1863 году, когда после поддержки издателем «Колокола» польского восстания тираж газеты резко упал до 500 экземпляров.

Но еще более роковую роль полемика 62 года сыграла в жизни молодого автора «Северной пчелы» Лескова, чей только начинающийся литературный путь чуть было не подошел к концу в результате травли со стороны «прогрессивной» печати. В сознании писателя имя Герцена стало навсегда ассоциироваться с петербургскими пожарами, непозволительным легкомыслием революционных агитаторов и принесенными ей в жертву жизнями юношей-фанатиков, что отразилось не только в последующих «герценовских» очерках Лескова («Искандер и ходящие о нем толки» (1863), статьи в газете «Биржевые ведомости» (1869–1870) «Загадочный человек» (1870)), но и в его художественной прозе (роман «Некуда» (1864)).

Библиографический список

1. Андреева В.Г. Второе поколение русских nihilists в восприятии Н.С. Лескова и В.Г. Авсеенко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 5. – С. 131–134.
2. Андреева В.Г. Взбаламученное море А.Ф. Писемского и «Дым» И.С. Тургенева: типологические связи и художественные переключки // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 5. – С. 121–125.
3. Батурицкий В.П. А.И. Герцен, его друзья и знакомые. Т. 1. – СПб.: Издательство Львовича, 1904. – 310 с.
4. Видуэцкая И.П. Лесков о Герцене // Проблемы изучения Герцена. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 301–320.
5. Видуэцкая И.П. Передовые статьи по вопросам внутренней жизни России в «Северной пчеле» (1862–1863 гг.) // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 1. – М.: Терра, 1996. – С. 787–859.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 529 с.
7. Головачева О.А. Средства характеристики в публицистических статьях Н.С. Лескова об

А.И. Герцене: парадигматический и стилистический аспекты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 7. – С. 79–82.

8. Катков М.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. – СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2010. – 834 с.

9. Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова, 1904. – 428 с.

10. Лесков Н.С. Русское общество в Париже // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 3. – М.: Терра, 1996. – С. 185–372.

11. Лесков Н.С. Сочинения 1862–1863 гг. // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 2. – М.: Терра, 1998. – 992 с.

12. Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 1 (1850–1865) [текст] / В.П. Мещерский. – СПб.: Типография князя В.П. Мещерского, 1897. – 453 с.

13. Туниманов В.А. «Вольное слово» А.И. Герцена и русская литературная мысль XIX века // Русская литература. – 1987. – № 1. – С. 100–112.

14. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. 10. – М.: Худ. лит, 1951. – 1094 с.

15. Цез В.А. Воспоминания // Русская старина. – 1897. – № 11. – С. 274–277.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОМЕТЫ Л.Н. ТОЛСТОГО В ЖУРНАЛЕ «THE WHIM» (по материалам яснополянской библиотеки писателя)

Статья посвящена уточнению источников «Круга чтения» – сборника мудрых мыслей, составленного Л.Н. Толстым. В статье приведены еще не публиковавшиеся ранее пометы чтения Л.Н. Толстого на страницах американского журнала «The Whim». Годы издания журнала «The Whim» (1901–1905 годы) были для Толстого временем отбора источников для составления сборников изречений мудрецов: «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903 год), «Круг чтения» (1904 год), «На каждый день» (1906 год), «Путь жизни» (1910 год). Из всех сборников Толстого «Круг чтения» представляется наиболее обширным по объему и по подбору источников: в нем наибольшее количество и самих мудрых изречений, и наиболее разнообразный состав их авторов. Одним из источников сборника «Круг чтения» был американский журнал «The Whim», издателем которого был Эрнест Кросби, друг и корреспондент Толстого. В яснополянской библиотеке писателя среди изображений близких друзей и единомышленников находилась и фотография Эрнеста Кросби.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Круг чтения», Эрнест Кросби, журнал «The Whim», русская литература, американская литература, библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

В яснополянской библиотеке Л.Н. Толстого сохранились двадцать шесть номеров журнала «The Whim» – выпуски с августа 1902 года по январь 1905 года. Некоторые страницы американского журнала даже остались неразрезанными, но на многих страницах сохранились пометы чтения Толстого.

Журнал «The Whim» (в переводе с английского языка – «Прихоть», перевод мой – О. А.) издавался в американском городе Нью-Арк (Newark) с 1901 по 1905 год. В каждом выпуске журнала на первой и четвертой страницах обложки печатались ключевые изречения номера, многие из этих ключевых афоризмов были выделены пометами Л.Н. Толстого. Писатель сочувствовал главной цели издания: в выпусках журнала публиковались изречения о нравственном отношении человека к другим людям и к окружающему миру. Часто на страницах журнала публиковались статьи-рассуждения о том, что нравственность законов жизни американских индейцев выше законов европейских народов, считавшихся более цивилизованными; появлялись статьи об этике пищи, в которых вегетарианское питание представлялось более гуманным по сравнению с употреблением в пищу мяса. В номерах журнала обсуждались и последние новости: политические курсы ведущих держав мира, войны, которые часто развязывали крупные государства, чтобы захватить меньшие по территории и числу жителей страны. Различные политические события и общественные явления часто подвергались строгому нравственному суду авторов статей на страницах журнальных выпусков. Так как статьи в журнале публиковались чаще всего без подписи, можно предположить, что их авторами, вероятно, были сами издатели – Эрнест Кросби (Ernest Crosby) и Бенедикт Приет (Benedict Prieth).

Близкий друг Л.Н. Толстого, руководитель издательства «Посредник»¹ И.И. Горбунов-Посадов так

писал о цели издания журнала: «Среди огромных американских газетных броненосцев он [Кросби] издает свой маленький мирно-боевой листок WHIM, и в то время, когда огромные американские газетные броненосцы с миллионными бюджетами полощутся на месте в грязной луже грязной рекламы, грязной политики, афер, скандалов, убийств и мошенничеств, его маленькая ладья WHIM смело несется, не страшась грозных бурь и подводных скал, в открытое море грядущего, к берегам нового мира»² [7, с. 31].

Выпуски журнала присылали в Ясную Поляну сами издатели, а так как с Эрнестом Кросби Л.Н. Толстой был знаком лично, именно его писатель поблагодарил в письме от 30 апреля 1904 года: «Благодарю Вас за присылку «The Whim». Мне приятно было найти там ваши стихотворения. Недавно я взял одно из ваших стихотворений эпиграфом к моей <...> статье, по поводу этой отвратительной войны» [15, т. 75, с. 89]. Толстой тогда работал над статьей «Одумайтесь» и взял стихотворение Кросби, начинающееся со слов «Я сознаю в себе силу, которая со временем преобразит мир» эпиграфом к X главе статьи [15, т. 36, с. 132], а также Л.Н. Толстой добавил это изречение в свой сборник мудрых мыслей «Круг чтения» на 27 января [15, т. 41, с. 62].

В журнале «The Whim» публиковались и изречения самого Л.Н. Толстого. Например, в номере за май 1904 года на четвертой странице обложки напечатан перевод отрывка из письма Л.Н. Толстого к М.Н. Чистякову³ от 9 декабря 1892 года: «В сто раз лучше обжечься хорошенько на черте, чем стоять на распутье или лицемерно идти к Богу» [15, т. 66, с. 285]. Толстой написал ответ на письмо от 15 ноября 1892 года, в котором Чистяков выражал свои сомнения в правильности выбранных им жизненных ориентиров. Пометы рядом с этим высказыванием Лев Николаевич не оставляет, но можно

предположить, что этот перевод своих слов он заметил, так как они были напечатаны на задней обложке журнала с подписью «Tolstoy» (Толстой).

Неоднократно в выпусках журнала появлялись рекламные анонсы, предлагающие читателям подписаться на новые книги издателей. В выпуске журнала за октябрь 1903 года на страницах 112–120 помещена небольшая статья под названием «Одна или две книги» (оригинальное название – «A book or two»), представляющая собой отрывок из только что написанной книги Эрнеста Кросби «Толстой и его жизнепонимание» (оригинальное название на английском языке – «Tolstoy and his message»).

Годы издания журнала «The Whim» были для Толстого временем составления сборников мудрых мыслей: «Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни».

Можно выделить несколько редакций в составлении писателем подобных сборников. Еще 15 марта 1884 года в дневнике Толстой отметил: «Надо себе составить Круг чтения: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаоцы, Будда, Паскаль, Евангелие – это и для всех бы нужно» [15, т. 49, с. 68].

Весной 1886 года Толстой задумал составить сборник народных пословиц в сопоставлении с текстом Евангелия для издания в «Посреднике». В августе 1903 года были опубликованы «Мысли мудрых людей на каждый день». Однако в 1904 году, в скором времени после выхода в свет этого сборника, писатель начал работу над новым, большим по объему и охвату материала, получившим название «Круг чтения».

24 сентября 1904 года Л.Н. Толстой писал своему близкому знакомому Г.А. Русанову: «Я занят последнее время составлением уже не календаря, но Круга чтения на каждый день, составленного из лучших мыслей лучших писателей. Читая все это время, не говоря о Марке Аврелии, Эпиктете, Ксенофоне, Сократе, о браминской, китайской, буддийской мудрости, Сенеке, Плутарха, Цицерона и новых: Монтескье, Руссо, Вольтера, Лессинга, Канта, Лихтенберга, Шопенгауэра, Эмерсона, Чаннинга, Рескина, Амиеля и др. (притом не читаю второй месяц ни газет, ни журналов), я все больше и больше удивляюсь и ужасаюсь тому не невежеству, а «культурной» дикости, в которую погружено наше общество. Ведь просвещение, образование есть то, чтобы воспользоваться, ассимилировать все то духовное наследство, которое оставили нам предки, а мы знаем газеты, Золя, Метерлинка, Ибсена, Розанова и т. п. Как хотелось бы хоть сколько-нибудь [помочь] этому бедствию...» [15, т. 75, с. 168–169].

В 1906 году новой, уже третьей, редакцией по составлению книги для ежедневного чтения стал сборник «На каждый день». От двух более ранних сборников («Мысли мудрых людей на каждый день» и «Круг чтения») «На каждый день» отли-

чается тем, что в нем преобладают мысли самого Толстого.

«Путь жизни» – сборник мудрых изречений, составленный Толстым в 1910 году, в последний год его жизни. Книга подводит своеобразный итог размышлениям писателя о смысле жизни человека, его духовности и о том, каков путь становления человека нравственного. Эта работа тесно связана с предшествующими сборниками «Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «На каждый день», в которые были включены высказывания мудрецов всего мира: ученых, просветителей, писателей, религиозных деятелей. Толстой работал над этим сборником с 30 января по 15 октября 1910 года. Вместе со своим секретарем В.Ф. Булгаковым писатель отбирал изречения в том числе и из составленных ранее сборников, для того чтобы самые яркие и важные из них добавить в «Путь жизни».

Из всех сборников Толстого «Круг чтения» представляется наиболее обширным по объему и по подбору источников: в нем большее количество и самих мудрых изречений, и более разнообразный состав авторов, которым эти афоризмы принадлежали.

Л.Н. Толстой для того, чтобы читатели вполне поняли замысел создания этих книг, решил в предисловии к изданиям сборников мудрых мыслей указать все, что необходимо было учесть при знакомстве с ними. В одном из неопубликованных⁴ вариантов предисловия к «Кругу чтения» Лев Николаевич сообщает: «Мысли, собранные здесь, взяты мною из очень большого количества сочинений и сборников мыслей <...> преимущественно английских. Печатая эти мысли в таком виде, в котором они являются здесь, я должен оговориться о том, как я переводил и составлял их. Часто я переводил мысли немецких, французских и итальянских мыслителей с английского, и потому переводы мои могут оказаться не вполне верны подлинникам. Другая и главная причина, по которой мысли эти могут буквально не соответствовать подлинникам, состоит в том, что, переводя некоторые места, я не всегда строго держался оригинала, а иногда сокращал его, выпуская некоторые слова и предложения, которые, по моему мнению, ослабляли силу впечатления, и даже заменял, хотя и очень редко, некоторые слова другими, когда считал замену эту необходимой для ясности понимания» [15, т. 42, с. 470].

В финале этого предисловия писатель делает следующий вывод: «Все это я сказал для того, чтобы объяснить, почему я передавал собранные здесь мысли писателей свободно, стараясь об одном: сделать книгу как можно более доступною и полезною большинству читателей. Так что, если бы нашлись желающие переводить эту книгу на другие языки, то я бы советовал им не отыскивать на своем языке места подлинников англичанина

Кольриджа, немца Канта, француза Руссо, а если они уж хотят переводить, то переводить с моего» [15, т. 42, с. 473].

Сборник «Круг чтения» интересовал многих исследователей творчества Толстого: можно назвать работы К.С. Шохор-Троцкого, Н.Н. Гусева, Н.К. Гудзия и Е.С. Серебровской. Большой интерес представляют также комментарии к изданию полного собрания сочинений Л.Н. Толстого: многие из них были созданы людьми, знавшими писателя лично – Н.Н. Гусевым, И.И. Горбуновым-Посадовым.

В конце XX века заметно возрос интерес к источникам «Круга чтения». В 1991 году выходит отдельное двухтомное издание «Круга чтения» Л.Н. Толстого. Во вступительной статье А.Н. Николюкина к этой книге также определяется место сборников мыслей мудрых людей в творческом наследии писателя. Комментарии к этому двухтомному изданию представляют большой интерес для исследователей, так как в них анализируются и греческие, и латинские, и индийские, и русские, и английские, и американские источники сборника [13].

Многие статьи о «Круге чтения» Толстого печатаются в «Яснополяских сборниках». В центре внимания данных исследований также находятся источники сборников мудрых мыслей, составленных Л.Н. Толстым в последние годы жизни [3; 4; 6; 10; 12].

В комментариях к изданию «Круга чтения» в полном собрании сочинений Л.Н. Толстого приведен «Список основных источников» [15, т. 42, с. 589], в этом списке упомянут и американский журнал «The Whim». В комментариях к письму Эрнесту Кросби, в котором Лев Николаевич благодарил издателя за присылаемый журнал, утверждается: «Толстой поместил в “Круге чтения” одно изречение из этого журнала» [15, т. 75, с. 90]. Вероятно, подобное заключение было сделано комментаторами вследствие подписи под афоризмом, помещенном в «Круге чтения» на 17 ноября, – «Вим» (это кириллическая транскрипция названия американского журнала «The Whim»). В выпуске журнала «The Whim» за май 1903 года на странице 117 можно обнаружить загнутый, а затем расправленный нижний уголок страницы, а также боковую помету на полях в виде вертикальной линии карандашом рядом с изречением под рубрикой «TODAY»: «There is no past and there is no future, for who ever enters into either of these illusory realms? There is only a now. Be not anxious for the morrow for there is no morrow. Live in and for today, for all life is to-day, and if your to-day is right it is right eternally and forever». Перевод этого высказывания был помещен в «Круг чтения» на 17 ноября: «Нет ни прошлого, ни будущего, потому что кто же когда проникал в эти призрачные царства? Есть только настоящее. Не беспокойся о завтрашнем, потому что нет завтра. Живи в нынешнем и для нынешнего, и если твое

нынче хорошо, то оно добро навсегда» [15, т. 42, с. 259].

В статье Г.В. Алексеевой, посвященной рассмотрению журнала «The Whim» как источника «Круга чтения», установлены источники еще двадцати четырех изречений сборника [2, с. 137–148].

Работа, проведенная с материалами из личной библиотеки Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, позволяет расширить представление об источниках «Круга чтения» и проследить процесс формирования писателем сборника. Важно уточнить и некоторые другие источники высказываний для «Круга чтения», вновь обратившись к журналу «The Whim».

В выпуске журнала за ноябрь 1903 года на странице 131 можно обнаружить боковую помету на полях в виде двух вертикальных линий, оставленных карандашом, рядом со словами: «Society is produced by our wants, and government by our wickedness»; высказывание было подписано «Thomas Baine». В «Круге чтения» перевод этого изречения помещен на 11 апреля: «Общества образуются из наших нужд, а правительства из наших грехов», с подписью – «Томас Бейн» [15, т. 42, с. 433].

Номер журнала за июнь 1904 года содержит боковую помету на полях в виде вертикальной линии, оставленной чернилами, на странице 169 рядом с высказыванием: «Every one who wears a uniform and a chevron on his sleeve and is entrusted with a share of authority becomes inevitably a despot», подпись – «Urban Gohier». Перевод изречения вошел в «Круг чтения» на 9 февраля: «Всякий, кто носит мундир и вышивку на рукаве и кто наделен долей власти, – делается неизбежно деспотом», подпись – «Урбан Гойэ» [15, т. 42, с. 426].

В выпуске за август 1904 года на странице 19 на полях чернилами отчеркнута следующая фраза: «Wealth is indeed accumulated labor, but one man usually perform labor and another the accumulating, – and this by the wise is called the Division of Labor». Дословный перевод этих слов помещен в «Круг чтения» на 19 марта: «Правда, что богатство – это скопление труда; но обыкновенно один человек производит труд, а другой – скопление. И это-то мудрыми людьми называется “разделением труда”!» [15, т. 41, с. 178]. В американском журнале под этой фразой приведена подпись «Economic Nuggets», а в «Круге чтения» под ней подписано: «с английского». Можно предположить, что приведенная в журнале «The Whim» подпись «Economic Nuggets» является названием журнала, в котором это изречение было впервые напечатано. В «Круге чтения», вероятно, подпись под этой фразой «с английского», как представляется, появляется для того, чтобы не приводить название не издававшегося в России печатного издания.

Выпуск журнала за сентябрь 1904 года обнаруживает боковую помету на полях страницы 67, оставленную Л.Н. Толстым, в виде вертикальной

линии чернилами напротив афоризма: «War is a blind behind which men and nations revel in séances of sin the world would not otherwise tolerate», изречение подписано – «Springfield (Ohio) Sun». Перевод высказывания помещен в «Круге чтения» на 8 апреля: «Война – это занавес, за которым люди и народы предаются таким грехам, которые мир не потерпел бы иначе», с подписью – «Спрингфильд» [15, т. 41, с. 235].

В выпуске журнала за сентябрь 1902 года на первой странице обложки напечатано высказывание: «Let a man overcome anger by love; let him overcome evil by good; let him overcome the greedy by liberality, the liar by truth», подпись под высказыванием – «Dhammapada». Пометы рядом с этим высказыванием нет, но можно предположить, что изречение, помещенное на первую страницу обложки журнала, писатель мог заметить, тем более что почти дословный перевод этого афоризма приводится в «Круге чтения» на 7 апреля: «Побеждай гнев кротостью, зло добром, скупого щедростью, лгуна правдой», подпись – «Буддийская мудрость [Дхаммапада]» [15, т. 41, с. 231].

Также был обнаружен целый ряд помет на страницах журнала, которые еще не были опубликованы. Отчеркнутые высказывания не были переведены и включены писателем в сборники мудрых мыслей, но внедрение всех помет, оставленных Л.Н. Толстым на страницах журнала «The Whim», в научный оборот представляется нам важной и нужной задачей.

Всего было выявлено восемнадцать подобных помет. Писатель отчеркивал высказывания, различные по тематике: о войнах, политике, науке, вегетарианском питании и др. Но большее количество помет Л.Н. Толстой оставляет у изречений о социальных проблемах, прежде всего о несправедливости жизни одних людей в роскоши, а других в нищете. Приведем далее отчеркнутые Л.Н. Толстым изречения, затрагивающие социальные проблемы.

Например, в номере журнала «The Whim» за апрель 1903 года на четвертой странице обложки Толстой оставляет боковую помету на полях рядом с афоризмом: «If you are getting an income without earning it, someone else is earning it without getting it», под высказыванием была подпись – «Mennonides». Это изречение можно перевести на русский язык следующим образом: «Если ты получаешь доход незаслуженно, кто-то другой заслуживает, но не получает его»⁵, подпись – «Меннониты».

В номере за июнь 1903 года обнаруживается загнутый уголок на странице 160 и боковая помета на полях в виде двух вертикальных карандашных линий рядом с высказыванием: «If it were not for the fools in this world, wise men would have to work for their living», с подписью – «Dr Green». На русский язык эту фразу можно перевести так: «Если бы в этом мире не было глупцов, умным людям

пришлось бы самим зарабатывать себе на жизнь», подпись – «доктор Грин».

В выпуске «The Whim» за сентябрь 1903 года Толстой отчеркнул на полях страницы 80 изречение: «I never could believe that Providence had sent a few men into the world, ready booted and spurred to ride, and millions ready saddled and bridled to be ridden», изречение подписано – «Richard Rumbold on the scaffold, 1695». Перевод изречения может выглядеть так: «Я никогда не поверю, что Провидение отравило в мир несколько человек уже одетых и обутих для верховой езды, а миллионы людей – уже готовыми к тому, чтобы их оседлали», с подписью – «Ричард Рамболд на эшафоте, 1695 год».

Номер журнала за ноябрь 1903 года содержит помету на полях страницы 158, причем вертикальная линия на полях начинается практически с середины текста (данное ниже курсивом в квадратных скобках – то, что было в начале и не было отчеркнуто Толстым, курсив мой – О. А.): «[Socrates told Ischomachus that he would have been much ashamed of his poverty if he had not once seen an admiring crowd following a fine horse and discussing its good points]. “I asked the groom”, he said, “if the horse was rich”, and he looked at me as if I was crazy and answered, “How on earth could a horse be rich? And at that I breathed again, hearing that it is possible even for a penniless horse to be a good horse, if he has naturally a good character». На русский язык это небольшое повествование можно перевести следующим образом: «[Сократ сказал Исхомаху, что сильно бы стыдился своей бедности, если бы не видел однажды, как восхищающаяся толпа шла за прекрасным конем, обсуждая его достоинства]. «Я спросил конюха, – сказал Сократ, – богат ли этот конь, и конюх, посмотрев на меня как на сумасшедшего, сказал: “Каким же образом может конь быть богатым?”. И тогда я вздохнул с облегчением, услышав, что даже конь без денег может быть хорошим конем, если у него от природы хороший нрав».

Таким образом, Л.Н. Толстой оставил в общей сложности сорок шесть помет на страницах выпусков журнала «The Whim», сохранившихся в яснополянской библиотеке писателя.

С конца 1880-х годов Л.Н. Толстой много работал над составлением сборников мудрых мыслей. Источниками сборников стали книги и журналы на русском и иностранных языках, многие из которых и в наши дни хранятся в яснополянской библиотеке писателя. Л.Н. Толстой в произведениях многих других авторов находил мысли, отражающие взгляды на мир и человека в нем, близкие его миропониманию. Эти мысли писатель считал нужными и полезными для всех, но многие из них были сформулированы не на русском языке. Желая познакомить с мудрыми высказываниями русских людей, прежде всего крестьян, не имевших в большинстве своем ни малейшей возможности про-

честь изречения на иностранных языках, Толстой считал необходимым переводить важные для жизни слова мудрецов на русский язык. Переводы эти имели для Толстого огромное значение, он много работал над ними, причем старался переводить достаточно свободно, ставя во главу угла не точность или дословность перевода, а ту важнейшую мысль, выраженную в словах тех или иных авторов, которую считал самой нужной для себя и других. Многие изречения писатель почерпнул на страницах журнала «The Whim» и переводы этих высказываний включил в свои сборники мудрых мыслей, прежде всего в обширнейший из них – «Круг чтения».

Примечания

¹ «Посредник» – издательство, специализировавшееся на издании доступных книг и брошюр для народа, было создано по инициативе самого Л.Н. Толстого его соратниками.

² Цитата из этого издания 1911 года приведена в современной орфографии.

³ Чистяков Матвей Николаевич – управляющий имением близкого друга Л.Н. Толстого В.Г. Чертова.

⁴ Предисловие это не было опубликовано с изданием сборника, но в качестве одного из вариантов предисловий помещено в комментариях к полному собранию сочинений Л.Н. Толстого.

⁵ Здесь и далее перевод автора статьи.

Библиографический список

1. *Алексеева Г.В.* Американские диалоги Льва Толстого (по материалам личной библиотеки Л.Н. Толстого). – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2010. – 256 с.

2. *Алексеева Г.В.* Американский журнал «WHIM» как источник «Круга чтения» Л.Н. Толстого (по материалам личной библиотеки писателя в Ясной Поляне) // «Лев Толстой и мировая литература»: материалы III Международной научной конференции; Ясная Поляна, 28–30 августа

2003 года. – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2005. – С. 137–148.

3. *Богачева З.М.* Использование Л.Н. Толстым талмудических текстов при составлении сборников мудрости (По материалам личной библиотеки писателя) // Яснополянский сборник – 2012. – Тула: «ЯП», 2012. – С. 379–385.

4. *Богачева З.М.* Л.Н. Толстой – переводчик А. Силезиуса // Яснополянский сборник – 1998. – Тула: «ЯП», 1999. – С. 302–310.

5. *Виттакер Р.* Неизвестные письма Л.Н. Толстого – находки в архивах США // Неизвестный Толстой в архивах России и США. – М.: АО «Техна-2», 1994. – С. 205–250.

6. *Голубков А.В.* Энциклопедия vs комpendиум: Лев Толстой и западная традиция // Яснополянский сборник – 2014. – Тула: «ЯП», 2014. – С. 304–324.

7. *Горбунов-Посадов И.И.* Эрнест Кросби, поэт нового мира // Толстой и его непонимание. – М.: Изд-во «Посредник», 1911. – С. 5–33.

8. *Кросби Э.* Л.Н. Толстой как школьный учитель. – М.: Изд-во «Посредник», 1908. – 80 с.

9. *Кросби Э.* Толстой и его непонимание. – М.: Изд-во «Посредник», 1911. – 64 с.

10. *Лантева Л.П.* Чешский мыслитель XV века Петр Хельчицкий и Лев Николаевич Толстой // Яснополянский сборник – 2002. – Тула: «ЯП», 2002. – С. 38–45.

11. *Маковицкий Д.П.* Яснополянские записки. У Толстого. 1904–1910 // Литературное наследство. – М.: Наука, 1979. – Т.90: В 4 кн. – Кн.1. – 544 с.

12. *Никитина Н.А.* Лев Толстой – собиратель многовековой мудрости // Яснополянский сборник – 2004. – Тула: «ЯП», 2004. – С. 214–220.

13. *Николюкин А.Н.* Американские источники // Толстой Л.Н. Круг чтения: В 2 т. – М.: Политиздат, 1991. – Т. 2. – С. 345–352.

14. *Николюкин А.Н.* Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. – М.: Наука, 1981. – 408 с.

15. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.; Л.: Худ. лит., 1928–1958.

ПЬЕСА М. ГОРЬКОГО «ВРАГИ»: К ВОПРОСУ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В статье рассматриваются особенности построения сюжета в пьесе М. Горького «Враги». Описание развития сюжетных линий в пьесе дает возможность уточнить ее жанр, который сам автор определил как «Сцены». Интерпретация этого понятия позволяет говорить о пьесе как драме, как трагедии и как трагикомедии. По замыслу автора, реальная история, положенная в основу пьесы, должна заставить читателя задуматься над общественными и нравственными проблемами.

В статье рассматривается специфичность композиционных элементов, способствующих распознаванию плавающего «конфликта», т.е. переходящего из условно называемой «рабочей» истории пьесы в «нравственную» историю, которые не просто накладываются в пьесе друг на друга, но еще и плавно перетекают одна в другую.

Особое внимание уделено анализу темы – что есть правда? Анализ изменения самого слова-символа «правда», за которым каждый из героев видит свое (у рабочего Левшина это «справедливость», у генерала Печенегова это «команда», у Михаила Скроботова это «дело», Николая Скроботова это «закон» и т.д.), позволяют осознать значение «правды» как неизменяемой константы.

Ключевые слова: М. Горький, «Враги», жанр пьесы, сюжетная история, цензурная история, интерпретация пьесы, специфика композиции.

Пьеса «Враги» была написана М. Горьким в Америке летом 1906 г.; практически одновременно он работал и над пьесой, и над циклами «Мои интервью», «В Америке», и над романом «Мать».

В конце июля 1906 г. из Саммер Брука Горький написал И.П. Ладыжникову: «Пьесу пришлю недели через две. Название – “Враги”. Содержание – “бунт” на фабрике. Небольшая» [3, т. 5, с. 197]. А чуть позже, 2(15) августа 1906 г. Горький сообщил переводчику М. Хилквиту: «Я кончил пьесу “Враги” и на днях вышлю Вам манускрипт» [3, т. 5, с. 200]. 14 августа 1906 г. Горький информировал директора издательства «Знание» К.П. Пятницкого: «Ладыжникову послана пьеса моя “Враги” с просьбой переслать Вам, как только это окажется удобным» [3, т. 5, с. 203].

Жанровая характеристика «Врагов» – сцены – весьма характерна для Горького. Такую жанровую характеристику имеют его пьесы «Дачники» (1904), «Чудаки» (1910), «Васса Железнова» (1910), «Фальшивая монета» (1913) и др.

Для того чтобы понять и объяснить специфику такой жанровой характеристики, следует обратить внимание на сюжет пьесы, основные события которой разворачиваются на ткацкой фабрике Бардина и Скроботова. Герой пьесы рабочий Левшин с гордостью говорит Татьяна: «Мы вот с Тимофеем ткачи, мы – ткачи...» [4, с. 514].

Говорить кратко о сюжетной линии всегда сложно, но этой пьесе Горького «повезло»: 11 февраля 1907 года цензором драматических сочинений И. Ламкертом был подан рапорт в Главное управление по делам печати о пьесе М. Горького «Враги». В своем рапорте он описал сюжетную линию пьесы: «Действие в этих сценах несложное. Михаил Скроботов, директор фабрики, не исполняет требования рабочих уволить неудобного им масте-

ра и угрожает совсем закрыть фабрику, если они забастовкой поддержат свое требование. При происходящих на фабрике беспорядках один из рабочих убивает Скроботова. Убийца пользуется большим почетом в рабочей среде, считается нужным человеком в деле достижения рабочими лучшего положения и поэтому для его спасения молодой рабочий Рябцов принимает преступление на себя. В конце концов, является, однако, истинный убийца и отдает себя в руки правосудия» [1].

Супруга писателя, Е.П. Пешкова, в свое время предполагала, что основой пьесы послужили события, происходящие на фабрике братьев Морозовых, которые были хорошо известны Горькому. Действительно, события пьесы перекликаются с событиями, развернувшимися в феврале-ноябре 1905 г. на орехово-зубовских мануфактурных фабриках Морозовых. События и конфликт, изображенные в пьесе, совпадают с тем, что действительно произошло на этой фабрике: забастовка (их было несколько: в январе, в феврале-марте, мае и в ноябре), требование рабочих уволить за грубость мастера Горева, объявление локаута в ноябре 1905 г., вызов войска директором фабрики С.А. Назаровым. Более того, во время этих событий молодой рабочий Иван Ветров убил в Никольской конторе директора Назарова.¹

Однако при внимательном прочтении можно выявить отдельные штрихи, которые значительно расширяют хронотоп пьесы. Реплика Михаила Скроботова («Это он <т.е. Захар Бардин – О.Б.> говорит после аграрных погромов на юге!» [4, с. 495]) свидетельствует об крестьянских восстаниях весной 1902 г. на Полтавщине и Харьковщине.²

Реплика Квача о Синцове: «Они жили на Брянском заводе...» [4, с. 556] – позволяет говорить об аналогичных событиях, произошедших в другом месте – на Рельсопрокатном, железнодорожном

и механическом заводах Брянского акционерного общества. Стоит отметить и другой факт: Горький всегда следил за разворачиванием стачечной борьбы в стране. Мимо его внимания никак не могла пройти Сормовская забастовка в августе 1904 г. [см.: 6]. Эти события были спровоцированы введением табеля о штрафах. Протест экономического перерос в политический. Директор механического завода Мещерский был готов пойти на уступки. Но дирекция завода обратилась к губернатору с просьбой прислать войска. 18 августа 1904 г. завод был закрыт, часть рабочих уволена, также были произведены массовые аресты.

Таким образом, получается, что в основе пьесы могла действительно лежать реальная история. Но все-таки это художественный текст, в котором автор предлагал поразмышлять над общественными и нравственными проблемами.

Одним из самых сложных вопросов при изучении пьесы «Враги» является вопрос – что считать конфликтом в этой сюжетной истории?

Само заглавие как будто диктует выбор главных конфликтующих сторон, которыми являются владельцы фабрики и рабочие. Приведем одну из самых ярких реплик пьесы. Полина, узнав, что конторщик Синцов социалист, жалуется: «...Захар был с ним откровенен и даже хотел сделать его помощником бухгалтера! Это, конечно, пустяки, но подумайте, как трудно становится жить! Рядом с вами – принципиальные враги, а вы их не замечаете» [4, с. 552]; т.е. жена фабриканта Бардина называет рабочих «принципиальными врагами».³ В цитированном выше рапорте Ламкерта также говорится об этом: «В этих сценах ярко подчеркивается непримиримая вражда между рабочими и работодателями, причем первые изображены стойкими борцами, сознательно идущими к намеченной цели – уничтожению капитала, последние же изображены узкими эгоистами» [1].

Однако если объявление локаута является завязкой, то кульминационным моментом должен быть «бунт». Но в пьесе он никак не изображен, более того, о нем становится известно только из слов Левшина: «Мы ничего худого не сделали. Вот нас позвали сюда для охраны прядка, – мы пришли. Там народ, который разозлился, говорит: сожжем завод и всё сожжем, одни угли останутся. Ну, а мы против безобразия. Жечь ничего не надо... зачем жечь? Сами же мы строили, и отцы наши, и деды... и вдруг жечь!» [4, с. 514]. Из слов героя становится ясно, что сами рабочие не только не раздувают пламя сопротивления, но, наоборот, стремятся погасить его.

Следуя этой логике, развязкой является арест рабочих, участвовавших в волнениях. Но он изображен автором как ремарка к третьему действию: «Большая комната в доме Бардиных. В задней стене четыре окна и дверь, выходящая на террасу; за

стеклами видны солдаты, жандармы, группа рабочих, среди них Левшин, Греков» [4, с. 535]. Кстати, и об арестах становится известно только из отдельных диалогов и реплик героев: так, ротмистр Бобоедов спрашивает у Квача: «У арестованных нашли что-нибудь» [4, с. 536], Николай Скроботов на вопрос Татьяны отвечает: «И господин Синцов арестован» [4, с. 537], возмущенная Надя бросает тете и дяде в лицо: «Пришли к вам жандармы, солдаты <...> хватают людей, кричат на них, грозят им...» [4, с. 543] и др.

Именно такой подход к сюжету позволяет квалифицировать предложенные Горьким «сцены» как социальную драму.

Литературовед Б.А. Бялик в свое время писал о развитии событий в сюжете пьесы через призму типических и нетипических обстоятельств: «...и угроза забастовки и локаут входят в число тех типических обстоятельств, которые отражены в пьесе “Враги”, но “пружину” ее составляют не типические обстоятельства, а явление мало типическое, прямо скажем – “казус”: анархический поступок одного из сознательных рабочих, от которого ничего подобного нельзя было ожидать, поступок, идущий во вред задуманной забастовке и осуждаемый всеми остальными участниками революционной борьбы» [2, с. 156]. Таким образом, нравственный аспект лишь подчеркивает социальное столкновение противоположных классов. Но разговоры об убийстве и поиски убийцы подталкивают представителей одного класса, в данном случае, семьи Скроботовых и Бардиных искать врагов и в своей среде, что не противоречит данной жанровой характеристике.

Есть еще один аспект, на который необходимо обратить внимание при рассмотрении вопроса о жанре пьесы. В письме А.В. Амфитеатрову в августе 1906 г. Горький сообщил: «Написал 3-актную пьесу “Враги” – ничего, веселая» [3, т. 5, с. 214]. А через некоторое время он предлагал режиссеру Петербургского театра Н.Д. Красову (Некрасову): «Почему бы вам не поставить “Врагов”? Вещь веселая и простая» [3, т. 6, с. 22].

Как-то трудно согласиться, что пьеса, в которой убивают человека, пусть даже капиталиста, может быть веселой. Тем не менее, эта характеристика верна.

В 1935 г. труппа Художественного театра приступила к репетициям этой пьесы Горького. Разумеется, прошло почти тридцать лет, и пьеса была интерпретирована в соответствии с современными представлениями. После премьеры пьесы режиссер В.И. Немирович-Данченко написал Горькому, что оценил его по-новому «как драматурга», поясняя: «Вы берете кусок эпохи в крепчайшей политической установке и раскрываете это не цепью внешних событий, а через характерную группу художественных портретов, расставленных как

в умной шахматной композиции. Сказал бы даже, мудрой композиции. Мудрость заключается в том, что самая острая политическая тенденция в избранных столкновениях характеров становится не только художественно убедительной, но и жизненно объективной, непреоборимой» [8, с. 140].

Сравнение с «умной шахматной композицией» не только оригинально, оно позволяет прочувствовать своеобразную гибкость пьесы Горького.

Итак, самое начало первого действия стоит рассматривать как пролог к дальнейшему действию. В диалоге конторщика Пологого и денщика Коня уже закладывается основа другой жанровой интерпретации пьесы.

Конторщик приходит в усадьбу Бардиных с жалобой на фабричных ребят, которые украли огурцы с его огорода: «...я человек маленький, жизнь у меня мелкая, но каждый огурец взращен мной собственноручно, и рвать его без возмездия мне я не могу разрешить» [4, с. 487]. Он задается весьма серьезным вопросом: «Если вашу собственность нарушают – имеете ли вы право просить защиты закона?» [4, с. 487]. И услышав от отставного солдата Коня грубый, но четкий ответ: «Сегодня огурцы рвут, а завтра головы рвать будут... Вот тебе и закон!» [4, с. 487] – патетически восклицает: «Как же вы, солдат и кавалер, можете пренебрегать законом?» [4, с. 487]. Но Конь, прошедший не одну войну, произносит выстраданное: «Закона – нет. Есть – команда» [4, с. 487].

Автор пьесы с самого начала ставит перед читателем вопросы – где правда? О «правде» будут говорить все герои пьесы, вот только звучать это слово будет по-разному. Так, рабочие говорят о «справедливости»; Левшин говорит о трудах человека: «...мы так думаем – что сработано, то свято. Труды людские ценить надо по справедливости, это так...» [4, с. 515]. Братья Скроботовы, фабрикант и юрист, говорят о законе; в своем споре Михаил в ответ на реплику Захара о справедливом увольнении Дичкова, волнуясь, произносит: «Ф-фу! Уважаемый компаньон, давайте говорить серьезно. Речь идет о деле, а не о справедливости; справедливость – это вот задача Николая. И я еще раз скажу, что справедливость, как вы ее понимаете, пагубна для дела» [4, с. 492]. И злясь на своего компаньона, высказывает свое мнение о нем, утверждая, что у него «уважение к законности – отсутствует» [4, с. 492]. Николай Скроботова генерал Печенегов называет «гроб законов» [4, с. 499], считая его хранителем никому не нужных законов в обществе. Татьяна же в разговоре с Николаем чуть изменяет это прозвище: «Послушайте, кладбище законов» [4, с. 538]. Впрочем, генералу Печенегову из всех вариаций понятия только «команда» – об этом свидетельствует твердое убеждение его денщика.

И только один персонаж постоянно изменяет это слово (как впрочем, изменяет и самому поня-

тию), находя все новые и новые грани своего либерального мироощущения, – это Захар Бардин. Так, в споре с Михаилом, оправдываясь за свою мягкость, он апеллирует: «Все это для меня ново, сложно. Хочется быть справедливым...» [4, с. 494]. А после смерти Михаила он пытается объяснить всем, почему он открывает завод: «...зачем вражда? Я ведь хочу одного – избежать возможного... я не хочу крови. Неужели неосуществимо мирное, разумное течение жизни? А вы смотрите на меня с ненавистью, рабочие – с недоверием... Я тоже хочу добра... только добра!» [4, с. 520–521]. И в ответ получает от генерала: «Что такое – добро! Даже не слово, а буква» [4, с. 521].

После ареста рабочих, Захар склоняется к мысли, что в его доме устроили «судьбище», по сути, фикцию. Тут же уместно припомнить слова его жены Полины, сетующей на то, «как возможна законность в стране, где нет законов» [4, с. 492].

И опять перед читателем во всей красе предстает лицемерный человек, который в красивых оборотах речи дает богатство слов, но не богатства дел. Когда же судьба ставит его перед выбором, его решение твердо и непоколебимо: «Если нападают – надо защищаться» [4, с. 550]. Теперь Захар и Полина Бардины безоговорочно принимают точку зрения ротмистра Бобоедова: я – закон.

Юная и наивная Надежда, пожалуй, единственная среди героев клана фабрикантов, кто пытается найти правду, ее спор с Бобоедовым весьма символичен:

«Надя (*горячо*): Закон, власти, государство... Фу, боже мой! Но ведь это для людей?

Бобоедов: Гм... я думаю! То есть, прежде всего – для порядка.

Надя: Так это же никуда не годится, если люди плачут. И наши власти и государство – все это не нужно, если люди плачут! Государство... какая глупость!...» [4, с. 544].

Ее обещание стать революционеркой в контексте этого диалога, впрочем, и самой истории, рассказанной автором, звучит весьма твердо и убедительно.

Другой правдоискатель – Пологий – в процессе действия находит свою стезю: он становится фискалом охраны. Что касается других персонажей пьесы, то здесь уместно вспомнить точную и язвительную реплику Аграфены, отражающую некую границу поисков своей правды. Ягодина жалуется Аграфене на Левшина, что, мол, тот «и господ учить начал», на что Аграфена отвечает: «Он правду говорит. Немножко правды и господам знать надо!» [4, с. 552]. Сюжет заставляет поверить, что рабочие пойдут до конца, а господам искать ее необязательно. На эмоциональном уровне это подтверждается репликой Ягодина: «Рабочая душа поймет, а господской это не по недугу...» [4, с. 513].

Таким образом, конечный итог поиска правды позволяет уточнить данную автором характери-

стику: «смешная» история перетекает в историю трагикомическую, и, соответственно, пьеса может иметь жанровую характеристику «трагикомедия». Стоит отметить, что для Горького это понятие (равно, как и жанровая интерпретация) было приемлемо. Он писал о своей юности: «...решено было мною самому пойти посмотреть, как живет “народ”. Пошел и увидел дикий хаос, буйное кипение бесчисленных, мелких и крупных, совершенно непримиримых противоречий; в массе своей они создавали чудовищную трагикомедию – роль главной героини в ней играла жадность собственника» [5, с. 348]. И вполне очевидно, что многоконфликтность пьесы «Враги» подразумевает такое жанровое решение как трагикомедия, тем более что характеристика «сцены» этому способствует.

И последний возможный вариант истолкования пьесы Горького. Размышления над пьесой и ее «рабочая» трактовка позволяют начать разговор о трагедии. Конечно, пьеса Горького – не трагедия в привычном смысле этого жанра. Но, несомненно, элементы трагедии присутствуют в пьесе. В советском литературоведении эта мысль была развита Б.В. Михайловским, писавшим: «Во “Врагах” движущей пружиной самого сюжета становятся события исторической жизни, общественные действия, столкновения коллективов – классов, социальных групп, представителей общественно-политических течений, партий» [7, с. 154].

Для подтверждения этой мысли приведем всего несколько реплик главных героев пьесы: так в разговоре Клеопатры с Татьяной жена убитого признается: «Нужно, чтобы люди жили тесно, дружно, чтобы все мы могли верить друг другу! Вы видите – нас начинают убивать, нас хотят ограбить! Вы видите, какие разбойничьи рожи у этих арестантов? Они знают, чего хотят, они это знают. И они живут дружно, они верят друг другу. Я их ненавижу! Я их боюсь! Мы живем все враждая, ничему не веря, ничем не связанные, каждый сам по себе... Мы вот на жандармов опираемся, на солдат... а они – на себя... и они сильнее нас!» [4, с. 551–552].

Когда один класс считает другой своими «принципиальными» врагами, то это общество обречено. С этой мыслью уже смирились герои Горького. Михаил Скроботов размышляет: «Нет, Россия не жизнеспособна, говорю я! Люди сбиты с толку, никто не в состоянии точно определить свое место, все бродят, мечтают, говорят... Правительство – кучка каких-то обалдевших людей... злые, глупые, они ничего не понимают, ничего не умеют делать...» [4, с. 496]. Его брат, говоря о рабочих, как будто предвидит: «Что могут внести с собой эти люди? Ничего, кроме разрушения... И заметьте, у нас это разрушение будет ужаснее, чем где-либо...» [4, с. 526].

Трагическая интерпретация событий возможна еще и потому, что пьесе, по сути, показан процесс

крушения кумира (столь характерный для жанра трагедии), но в данной ситуации кумиром выступает не человек, а общественный класс. Впрочем, конфликт мировоззрений противоположных общественных классов (по сути, конфликт идей) столь огромен, что его невозможно разрешить в рамках одной пьесы, действие которой проходит в течение суток. Именно эта невозможность придает событиям пьесы характер трагического бытия.

Подводя итоги, следует сказать, что «сцены» у Горького – это стереоскопичность бытия, отраженная в кратком эпизоде; незаконченность изображаемой жизни, в которой присутствует и эпичность, и лиричность. Горьковские «сцены» – это всегда многогранность жанровой интерпретации в зависимости от прочтения художественного произведения.

Примечания

¹ По воспоминаниям М.Ф. Андреевой, первые наброски к пьесе писатель делал в Риге, куда он переехал после освобождения из Петропавловской крепости. Таким образом, подтверждается, что замысел пьесы складывался в марте 1905 г. под свежим впечатлением событий на фабрике Морозовых.

² Об этом может свидетельствовать тот факт, что 19 апреля 1902 г. Горький посылал К.П. Пятницкому письмо «по поводу полтавских» и харьковских беспорядков» [3, т. 3, с. 49].

³ Стоит подчеркнуть, что именно цензура увидела в пьесе образец программной литературы, приравняемой к руководству к действию: «Сцены эти являются сплошной проповедью против имущих классов, вследствие чего не могут быть допущены к представлению» [1].

Библиографический список

1. Архив М. Горького. – Москва, ИМЛИ РАН. – Шифр: ЦД 5-2.
2. Бялик Б.М. Горький – драматург. – М.: Сов. писатель, 1962. – 634 с.
3. Горький М. Полное собрание сочинение. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 1997–2017. – Т. 1–19.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. – М.: Наука, 1970. – Т. 7. Пьесы, драматические наброски. 1897–1906. – 688 с.
5. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1953. – Т. 25. Статьи, речи, приветствия. 1929–1931. – 520 с.
6. Иокар Л.Н. Из творческой истории пьесы «Враги» // Горьковские чтения. 1961–1963. Драматургия и театр. – М.: Наука, 1964. – С. 62–107.
7. Михайловский Б.В. Драматургия М. Горького в эпоху первой русской революции. – М.: АН СССР, 1951. – 200 с.
8. Немирович-Данченко В.И. Театральное наследие: в 2 т. – М.: Искусство, 1952. – Т. 1. Статьи, речи, беседы, письма. – 444 с.

«ЩИТ-СЕРДЦЕ» С.А. КЛЫЧКОВА: К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается проблема художественной целостности произведения, названного С.А. Клычковым «Щит-сердце». Описывается структурная организация указанного поэтического творения. Доказывается, что «Щит-сердце» представляет собой циклическое образование, состоящее из стихотворений, обнаруживающих как относительную смысловую автономность, так и очевидную близость.

В работе выявляются основные приёмы циклизации, использованные Клычковым. Выделяются «скрепы», объединяющие отдельные стихотворения в художественное целое. Это, в частности, – единый лирический герой, выражающий суть духовно-нравственных исканий автора; образно-мотивная система, обеспечивающая переключку разных стихотворений цикла. В статье проясняется и циклообразующая роль заглавия, подчёркивающего двуплановость общей тональности произведения. Отмечается, что уже в самом заглавии заложена семантика «закрытости» человека от окружающей реальности, его желание спрятаться от внешнего разрушительного воздействия мира, в котором ему приходится существовать. Делается вывод о том, что использование С.А. Клычковым символа щита рождает ассоциацию с блоковским стихотворением «О, весна! без конца и без краю...». Показывается, что целостность цикла «Щит-сердце» поддерживается частотностью лексем тематической группы «Смерть», а также сквозным использованием повторяющихся эпитетов, олицетворяющих метафор, аллегорий.

Ключевые слова: С.А. Клычков, циклизация, цикл, «Щит-сердце», художественная целостность произведения.

«Щит-сердце» – раздел одного из поздних сборников С.А. Клычкова «Талисман», созданного автором в 1920-х гг. Данное произведение неоднократно становилось объектом исследования литературоведов. Е. Демиденко рассматривала его с точки зрения образа лирического героя [3]. И. Ростовцева обращалась к особенностям мотивно-образной системы [6]. С.И. Субботин в предисловии к сборнику стихотворений С.А. Клычкова осветил некоторые вопросы истории создания, а также раскрыл специфику структуры произведения [7] и др. Заметим, что в вышеупомянутых научных работах «Щит-сердце» определяется как раздел, сборник стихотворений. В самом определении «сборник» уже содержится значение объединения, некоей целостности. Понимая лирический цикл как образование, в котором «порождаются новые смысловые комплексы, не выводимые из семантической структуры каждого отдельного текста» [1, с. 14], и в котором присутствуют «скрепляющие» элементы, мы придерживаемся мнения о том, что «Щит-сердце» может быть назван лирическим единством. Так, например, Г.С. Клычков называет рассматриваемое единство циклом [4]. Следует отметить, что в произведении С.А. Клычкова, названном «Щит-сердце», действительно присутствует «скрепляющее» начало, выделяются элементы интеграции отдельных стихотворений в одно лирическое пространство. Это позволяет говорить о художественной целостности текста.

«Щит-сердце» представляет собой достаточно объёмный поэтический текст, состоящий из 23 стихотворений, объединённых общим заглавием. Однако некоторые из произведений имеют собственные подзаголовки. О значении названия, являющегося одним из признаков цикла, следует сказать отдельно. Символ «щита-сердца», пред-

ставляющий собой метафору, рождает двойное понимание авторского замысла. С одной стороны, двухкомпонентное слово, включающее образ щита как элемента защиты в сочетании с существительным «сердце», содержит внутреннее значение силы и храбрости человеческого сердца, способного противостоять внешним обременяющим условиям. С другой стороны (на это обращает внимание Е. Демиденко [3]), уже в самом заглавии заложена семантика «закрытости» человека от окружающей реальности, его желание спрятаться от внешнего разрушительного воздействия мира, в котором ему приходится существовать. Обратим внимание на то, что использование С.А. Клычковым образа щита в первом указанном нами значении рождает ассоциацию с блоковским стихотворением «О, весна! без конца и без краю...»: «О, весна! без конца и без краю – / Без конца и без краю мечта! / Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! / И приветствую звоном щита!» [3, с. 185]. В произведении поэта-символиста, на наш взгляд, щит символизирует готовность лирического героя к противостоянию трудностям жизни. Название же цикла С.А. Клычкова обнаруживает несколько толкований.

Второе значение заглавия поддерживается образом «бедной заячьей души», которой наделён лирический герой цикла:

*Всю ночь я бродил всё и слушал.
Ах, друг мой, откроюсь тебе:
За бедную заячью душу
Я так благодарен судьбе.*

(«Весной на проталой полянке...») [5, с. 155]

Примечательно, что эпитет «заячий» является в произведении повторяющимся. Как известно, упомянутое Клычковым животное в контексте русской фольклорно-мифологической традиции ассоциируется с трусостью и робостью. Таким образом, применяя к себе характеристику «заячья

душа», как и её контекстный синоним «пугливый сурок», лирический субъект не относит себя к храбрецам. Он прямо сознаётся в том, что не способен противиться внешним гнетущим обстоятельствам жизни. Примечательно, что эпитетом «заячий» автор сопровождает также и образы природы. Природа находится в схожем с лирическим героем положении: вырубаются леса, индустриализация вытесняет из обжитых мест животных. Деревья, подобно русскому мужику, простому сельскому жителю, подвергаются жестокому гонению:

*Вёсну и лето, и в осень по лесу
В прохолодь пела пила-верезга.
Некуда деться полесному бесу,
Некуда лосю укутать рога...*

(«Пухлый снежок – словно заячьи лапки...») [5, с. 161]

Так, мысль о беспощадном уничтожении традиционного уклада крестьянской жизни автор выражает через использование ёмкого природного символа – мотива варварского истребления русского леса. Природа чувствует на себе действие разрушающих сил, она сама, наряду с человеком, становится жертвой, способной страдать и выражать различные чувства. Прочитанный отрывок стихотворения «Пухлый снежок – словно заячьи лапки...» демонстрирует тревожные чувства лирического героя, наблюдающего постепенное уничтожение лесов. Таким образом, в данном произведении Клычковым изображается не только социальный, но и природный апокалипсис. В художественном пространстве цикла природа играет роль активного лирического персонажа. Сквозными в исследуемом лирическом единстве становятся приёмы аллегории и олицетворения. Природа наделена божественными чертами, она символизирует собой Спасителя русской земли. Например, в названном стихотворении образ вербы органично соединён с христианскими мотивами:

*Выйдет на вырубку верба-старуха,
Поросли крестит и шепчет под нос...*

(«Пухлый снежок – словно заячьи лапки...») [5, с. 162]

Использование повторяющегося образа вербы также создаёт в цикле художественную переключку произведений. Так, в стихотворении «Иванушка» вербный пруттик вновь сопряжён с духом православия: он связан с образом икон:

*И не прогонишь злую сводню,
И не отмашешь от окон
Ни свечкой, ни крестом Господним,
Ни чёрным словом преисподним,
Ни вербным прутиком с икон.*

(«Иванушка») [5, с. 168]

Лирический герой заявляет, что в своих бедах виноват сам человек. Вмешиваясь в коренной уклад жизни, он причиняет боль природе, а следовательно, и самому себе. Показательным в этом плане является стихотворение «Грибы садятся у дороги...», где ягодный сок сравнивается с человеческой кровью:

*Да хуже он, чем зверь рыскачий:
Раскрывши рот, нахмуря бровь,*

*Не видит, как с его онучей
Стекает ягодная кровь...*

(«Грибы садятся у дороги...») [5, с. 174]

Таким образом, перед нами уже не человекоподобные животные, а звероподобные люди, которые, по мнению лирического героя, сами не замечают того, что вносят деструктивное начало в природную жизнь.

В представлении Клычкова природа становится одушевлённой, сопротивляющейся разрушительным преобразованиям нового времени, нарушившим органическое течение крестьянской жизни. Так рождается сквозной мотив цикла: борьба «живого» и «железного», поединок природы и цивилизации. Деструктивное воздействие новых явлений, привнесённых в деревенскую жизнь, неоднократно описывается в лирическом единстве. Прочитав, например, стихотворение «Медвежата»:

*И с той поры таёжную сторонку
Сковали рельсы, словно кандалы!.. <...>
Теперь столбы шагают из болота,
Неся в руках стальные провода...*

(«Медвежата») [5, с. 162]

Губительные последствия социальных преобразований в деревне оборачиваются вселенским пожаром, катастрофой, которую Клычков мастерски передаёт, используя приёмы развёрнутой метафоры и аллегории:

*Нахмурил бровь в сухмень сосновый яр,
Когда от искр из паровозной топки
С конца в конец прошёл большой пожар.
... Ушли медведи, и подались лоси,
На гари леший обернулся в пень...
... И самому мне тоже довелось
Перескочить за дедовский плетень...*

(«Медвежата») [5, с. 162]

Лирический герой предчувствует победу «железного» в схватке с «живым» и исконным, поэтому в его душе рождается глубокий психологический кризис, выражением которого становится нежелание жить в новой реальности. Цикл буквально пронизан мотивами странничества, бродяжничества. С одной стороны, эти мотивы выражают стремление лирического героя обрести свою подлинную сущность. С другой стороны, они говорят о желании лирического субъекта спрятаться от бушующей, неведомой, разрушающей силы. Показательным в этом плане является стихотворение «Я от окна бреду с клюкою...»:

*Я от окна бреду с клюкою
К запорошённой окну,
Но злою участью такою
Я никого не попрекну...*

(«Я от окна бреду с клюкою...») [5, с. 156]

Лирический герой говорит не о том, что ему тяжело нести крест нищего и бродяги. Наоборот, он видит в странничестве спасение собственной души. Находясь наедине с природой, лирический субъект обретает гармонию. Эту же мысль автор развивает в стихотворении «Куда ни глянь – везде ометы хлеба...»:

*Ой, хорошо в привольи
И безлюдья,
Без боли,
Мир оглянуть и вздохнуть,
И без пути
Уйти...*

(«Куда ни глянь – везде ометы хлеба...») [5, с. 157].

Лирический герой заявляет о том, что мир изменился под влиянием человека. Он стремится найти тот уголок земли, где будет безлюдно, а значит, нет места разрушениям («...Прильнуть / На грудь земли усталой грудью...») [5, с. 157]. Клычков с пронзительным лиризмом, используя яркую образность, описывает атрибутику странника: сума для бродяги явилась чем-то сродни душе, куда он складывает и в то же время прячет от людских глаз всё самое светлое: «...И в узелочке за плечами / Такой неизъяснимый свет...» [5, с. 163]. Таким образом, мотив души является повторяющимся в цикле. Внутренний мир лирического субъекта представляется закрытым и замкнутым. Он характеризуется метафорами «пугливый сурок», «сума нищего», «заячья душа». Герой стремится оградиться от внешнего воздействия, защититься от нарастания власти «железной» силы. В связи с этим в лирическом единстве обнаруживается тенденция к сужению жизненного пространства. Не случайно в стихотворении «Стала жизнь человечья бедна и убога...» присутствуют такие строки:

*Стала жизнь человечья бедна и убога,
Зла судьба, и душа холодна.
Каждый в тайне грустит: как уютна берлога,
Где ютились один и одна...*

(«Стала жизнь человечья бедна и убога...») [5, с. 166]

Мотив сужения жизненного пространства также звучит в стихотворении «Пухлый снежок – словно заячьи лапки...», где повествуется о страхе маленького барсука перед пугающим вторжением чужой грубой силы в его жилище. Образы природы и цивилизации в цикле Клычкова антропоморфны. Под обликом испуганного барсука скрывается образ деревенского человека, который под напором агрессии городской цивилизации стремится оградиться от окружающего мира, чтобы спасти себя:

*Рельсу попробовал на зуб барсук:
Эх, и в каком это вырос урочьи
Этот без листьев и веточек сук...*

(«Пухлый снежок – словно заячьи лапки...») [5, с. 161]

Вестниками враждебного «железного мира» лирическому герою кажутся технические достижения нового времени: железная дорога, паровоз, рельсы, телеграфные столбы. Об этом говорят экспрессивные сравнения и метафоры, использованные автором для их характеристики («рельсы, словно кандалы», «шаловой паровоз заорёт» и т. п.).

Произошедшие изменения в дотоле родном и привычном мире и заставляют душу спрятаться в укромное место. Однако даже это не дарит надежду на спасение, так как в ограниченном пространстве всё же присутствует ощущение опасности:

*В норке тепло, как в избе, и уютно,
Пахнет сосновой смолою песок.
Только беда вот: всё ждёшь поминутно,
Кто бы с обоих крылец не поджёг...*

(«Пухлый снежок – словно заячьи лапки...») [5, с. 161]

Следует отметить, что мотив желанного сужения жизненного пространства характерен не только для данного произведения. Он присутствует и в других поздних циклах С.А. Клычкова (например, в «Заключении смерти»), то есть выполняет интегрирующую функцию.

Кроме того, мотив замкнутого пространства демонстрирует апокалиптические настроения лирического героя, передаёт состояние его глубокого психологического кризиса. Прошлое становится для лирического героя чем-то недостижимым, но близким и родным. В цикле часто повторяются лексемы тематической группы «Смерть»: могила, могильщик, могильные плиты, кладбище, погост, погибель, крест и т. п. Однако, именно образ кладбища, деревенского погоста становится в лирическом единстве символом встречи с прошлым. Так, тоскуя по ушедшим годам, лирический герой в стихотворении «У моего окна такая высь и ширь...» восклицает:

*О, тих ты и прозрачен, синий полог звёзд,
И я живу, живу, – не ожидая срока.
И лишь, как памятка о родине далёкой,
Вдали с крестами деревянными погост...*

(«У моего окна такая высь и ширь...») [5, с. 165]

Созерцая настоящее, лирический субъект приходит к ощущению того, что «за окном» не его страна. Русь как будто бы находится в глубоком сне. Всё, что происходит вокруг него, кажется чуждым. Лирический герой не узнаёт родного края. Он тревожится за его судьбу, молится за него:

*За чудесною рекою
Вижу: словно дремлет Русь,
И разбитою рукою
Я крещусь, крещусь...*

(«Монастырскими крестами...») [5, с. 164]

Истребление русской деревни и крестьянства Клычков связывает не только с послереволюционными преобразованиями, но и с напрасными жертвами Первой мировой войны (стихотворение «У моего окна такая высь и ширь...»):

*Лежат там пахари, степные косари,
Переодетые в солдатские шинели, –
И запеклись уста, и щёки посинели...*

(«У моего окна такая высь и ширь...») [5, с. 165]

В стихотворении «Монастырскими крестами...» места погребения солдат, бывших крестьян, названы «лишними могилами»:

*Край родной мой (всё, как было!)
Так же ясен, дик и прост, –
Только лишние могилы
Сгорбили погост...*

(«Монастырскими крестами...») [5, с. 165]

В определении «лишний» выражено отрицательное отношение Клычкова к тому, что «пахари» и «косари» в начале XX века были оторваны

от труда на собственной земле и вынуждены были взять в руки оружие. Своё глубокое сожаление об уходящем деревенском укладе жизни лирический герой эмоционально выражает в стихотворении «Дрожит, трясется и боится...»:

*Пройдёшь по горям и по сечам,
И ннём прикинется глухарь...
Да, похвалиться больше нечем,
Как раньше похвалялись, встарь!*

(«Дрожит, трясется и боится...») [5, с. 172]

Однако, несмотря на общее минорное настроение цикла, автор всё-таки оставляет надежду на возвращение света, исцеление души. Клычков видит выход в христианском смирении и духовной стойкости, идущей от веры предков, – русского православия. В финальном произведении цикла «Была душа моя светла...» читаем:

*Тяжка людская коловертъ!
И всё ж, смирясь душою сирой,
В ней надо встретить даже смерть
Как нежное лобзанье миру!*

(«Была душа моя светла...») [5, с. 175]

Подобная же мысль встречается в стихотворении «Куда ни глянь – везде ометы хлеба...». Рассуждая об обретении гармонии наедине с природой, лирический герой восклицает: «Есть в мире радость, есть...» [6, с. 158]. Подобно С.А. Есенину, воплотившему мысль о конце жизненного пути в метафорическом мотиве осеннего увядания природы, Клычков также предлагает смиренно, мудро и с любовью принять все тяготы и невзгоды земного мира, сравнивая смерть с доцветанием заката:

*И, словно облаку закатному, доцветь,
Страхнув с крыла последний луч с любовью!..*

(«Куда ни глянь – везде ометы хлеба...») [5, с. 158]

Таким образом, «Щит-сердце» С.А. Клычкова представляет собой художественное единство, лирический цикл. В качестве интегрирующего начала в цикле выступает, во-первых, мотивно-образная система (образ лирического героя, образы природы; мотив сожаления об ушедших годах, мотив бродяжничества, мотив борьбы «живого» и «железного» и др.). Образы природы в лирическом цикле Клычкова «Щит-сердце» выполняют не только экспозиционную функцию, но и передают настроение и переживания лирического героя. Они играют

роль своеобразной художественной «скрепы», обеспечивающей смысловую перекличку разных стихотворений, оказываются основой художественной целостности цикла.

Во-вторых, циклообразующую роль играет единое заглавие, которое подчёркивает двуплановость общей тональности произведения. В-третьих, фактором циклообразования стало словесное наполнение «Щита-сердца»: Клычковым активно задействованы лексемы тематической группы «Смерть». В-четвёртых, целостность произведения поддерживается сквозным использованием определённых средств образной выразительности (повторяющихся эпитетов, олицетворяющих метафор, аллегорий).

Библиографический список

1. Акоюн Л.Г. Лирический цикл как тип текста // Семантические и коммуникативные категории текста (типология и функционирование): тезисы докладов всесоюзной научной конференции. – Ереван: Изд-во Ереванского гос. ун-та, 1990. – С. 14.
2. Блок А.А. Стихотворения // Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / под ред. М.Л. Гаспарова, Ю.К. Герасимова, А.Л. Гришунина и др. – М.: Наука, 1997. – Т. 2., кн. 2. – 895 с.
3. Демиденко Е.А. Лирический герой в поэзии С.А. Клычкова: эволюция, художественная специфика: дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – 404 с.
4. Клычков Г.С. Медвяный источник // Наше наследие. – 1989. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/klychkow_s_a/text_0010.shtml (дата обращения: 14.03.2016).
5. Клычков С.А. Стихотворения. Сахарный немец: роман // Собр. соч.: в 2 т. / предисл. Н.М. Солнцевой; сост. М. Нике, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина. – М.: Эллис Лак, 2000. – Т. 1. – 542 с.
6. Ростовцева И. Лирическое, слишком лирическое... // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы: сб. статей. – М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2011. – С. 234–248.
7. Субботин С.И. Свет неизъяснимый // Клычков С. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1991. – 367 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ
В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ РАБОТАХ Ю. ФЕЛЬЗЕНА

Статья посвящена реконструкции эстетической позиции писателя русского зарубежья Юрия Фельзена. В ней рассматриваются все известные на данный момент литературно-критические и публицистические тексты названного автора, вошедшие в состав его первого и на сегодняшний день единственного собрания сочинений.

В работе доказывается, что эстетическая позиция Фельзена репрезентируется фрагментарно, через определённые оценки ключевых явлений мирового литературного процесса, как в синхронном, так и в диахронном аспектах. Показывается, что свои взгляды писатель выражает не прямо, а косвенно: в виде идейных оппозиций, эксплицитно и имплицитно выраженных в его критических текстах. Названные оппозиции в статье условно разделяются на три тематические группы: парадигмальные оппозиции; социальные оппозиции; творческие оппозиции.

В статье отмечается, что, с точки зрения Фельзена, эмигрантская литература была свободна в выборе тем и форм, хотя из-за своего территориального положения и была обделена читателями. Советская литература, по его мнению, находилась в идеологических тисках, поэтому её произведения были окрашены не творческой индивидуальностью, а политической коллективностью.

Несмотря на такое противопоставление, Фельзен всё-таки непредвзято относился ко всей русскоязычной литературе: как к эмигрантской, так и к советской. Ему была чужда любая идеология в литературе: и религиозная, и политическая. В эмигрантской литературе он не терпел натуралистического бытописания, которым «грешили» новоявленные писатели. В советской же литературе – отрицательно оценивал клишированные и идеологически обусловленные темы и сюжеты.

Ключевые слова: критика, эстетическая позиция, Юрий Фельзен, оппозиции, литература русского зарубежья.

На рубеже веков усилилось стремление творцов представлять литературу, культуру и историю как результат, а точнее, как процесс бесконечного противоборства неких сил (вечное становление). Достаточно вспомнить идею об аполлоническом и дионисийском началах культуры, введённую в оборот Фридрихом Ницше и активно воспринятую писателями, поэтами и философами Серебряного века: «Греки, высказавшие и одновременно сокрывшие в своих богах тайные учения своего мировоззрения, в качестве двойного истока своего искусства представили два божества, Аполлона и Диониса» [5, с. 203]. Точно так же и Юрий Фельзен «высказал» и «сокрыл» в своих критических работах взгляды на литературу.

Эстетическая позиция Фельзена репрезентируется фрагментарно, через определённые оценки ключевых явлений мирового литературного процесса, как в синхронном, так и в диахронном аспектах. Свои взгляды писатель выражает не прямо, а косвенно: в виде идейных оппозиций, эксплицитно и имплицитно явленных в его критических текстах. Названные оппозиции можно условно разбить на три тематические группы:

1. Парадигмальные оппозиции.
2. Социальные оппозиции.
3. Творческие оппозиции.

Парадигмальные оппозиции отражают разнообразные противоречия между различными литературными парадигмами, актуальными для 1930-х годов. Под парадигмой мы понимаем «исторически конкретные системные единства представлений о месте искусства в жизни человека и общества, о его целях, задачах, возможностях и средствах, о критериях и образцах художествен-

ности» [6, с. 155]. Эта группа включает в себя такие оппозиции, как *новаторское – классическое*, *русское – европейское*, *эмигрантское – советское*. Три этих оппозиции можно объединить в одну более крупную, взяв *эмигрантское* как опорный элемент, потому что *эмигрантское* сочетало в себе для Фельзена одновременно и *русское*, и *новаторское*. Итоговая оппозиция будет выглядеть таким образом: *эмигрантское – классическое, европейское, советское*. Именно в этих со- и противопоставлениях более ярко вырисовывается портрет русского писателя-изгнанника. Сверхзадача всего корпуса литературно-критических работ Фельзена – это попытка определить, что же такое эмигрантский писатель и что такое эмигрантская литература. По его мнению, творчество художника в эмиграции – это, прежде всего, акт *самоидентификации* писателя, оказавшегося на перепутье как литературном, так и политическом.

Оппозиция *эмигрантское – классическое* была особенно значима для молодых авторов-эмигрантов (В. Сирина, Б.Ю. Поплавского и др.), которые в отличие от мэтров (И.А. Бунина, И.С. Шмелёва и др.), до отъезда из России не были признанными писателями. Поэтому им было очень важно отвоевать «своё место под солнцем» на литературной арене за рубежом. Полем такой борьбы служили литературные журналы, выпускавшиеся литературными «кружками» и другими идеологически сплочёнными группами. Суть всех противостояний сводилась к вечному конфликту «отцов и детей». Большая часть «молодёжи» находилась под сильным влиянием европейского модернизма и ратовала за авангардные литературные техники и изощрённый психологический анализ. Для мэтров же непререкаемым

идеалом и творческим ориентиром была русская литературная классика XIX века, с её духовными и нравственными началами. Именно в возрождении и продолжении традиций русской классики старшее поколение писателей видело путь эмигрантской литературы. Фельзен в этом споре, соответственно своим эстетическим взглядам, занимает срединную позицию, тяготеющую к новаторскому, модернистскому полюсу. С одной стороны, он ценил наследие русской литературы, хотя и считал вершинной точкой её развития творчество М.Ю. Лермонтова, а не А.С. Пушкина. С другой стороны, как и его коллеги по журналу «Числа», Фельзен превозносил Марселя Пруста, считая его одним из величайших писателей современности. Вот как Фельзен оценивал влияние европейской литературы на молодых русских прозаиков в статье «Мы в Европе»: «Между тем европейский роман – и по форме, и по жизненной силе, по широте, по какой-то человечности – опередил современную русскую прозу, и поневоле молодым эмигрантским писателям пришлось учиться у иностранных романистов и отчасти у русских поэтов. Появилась другая опасность – как бы утраты национального лица и растворения в европейской беллетристике. <...> В русскую прозу, чуть ли не впервые, проник теперь, через Сирина, каламбурно-метафорический блеск, опять-таки вовсе не бесцельный, прикрывающий бедную, голую суть бесчисленных людей-авторов, создаваемых нашей эпохой, и подчёркивающий то, что нам надо в себе и других преодолеть» [7, с. 242]. Как видно из этого отрывка, Фельзен всё-таки был очень озабочен тем, чтобы русская проза не утратила своего национального духа, другими словами, чтобы она хранила верность русской классике. Но в то же время Фельзен подчёркивает, говоря о творчестве В. Сирина, что новаторские элементы в его прозе («каламбурно-метафорический блеск») используются не для украшения текста, а имеют чёткую авторскую интенцию, наследующую опыт М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.П. Чехова: обратить внимание на то, что нужно преодолеть внутри себя современному человеку.

Оппозиция **эмигрантское – европейское** в какой-то мере продолжает линию оппозиции **эмигрантское – классическое**, поскольку то *новаторское*, что привносили в русскоязычную литературу писатели-эмигранты, во многом было почерпнуто именно у современных европейских модернистов: Д. Джойса, В. Вулфа, Ф. Кафки и, в особенности, у М. Пруста. Именно имя Пруста и служило определённым символом, критерием, позволявшим распределить писателей по противоположным эстетическим лагерям. Зачастую «старшие» прозаики не принимали Пруста – его произведения казались им затянутыми, бездуховными и безыдейными. «Младшие» писатели, наоборот, чаще всего, относились к Прусту с восхищением и восторгом, считая его одним из величайших, если не величайшим художником того времени. С особым пиететом к нему

относились авторы редакции журнала-альманаха «Числа», к которым принадлежал и Фельзен: «Имя Пруста упоминалось в статье, открывавшей первый номер и исполнившей роль манифеста, оно постоянно появляется на страницах “Чисел”. Прусту посвящена первая – что само по себе является знаком – из анкет альманаха <...> Анкета содержала три вопроса: “1) Считаете ли Вы Пруста крупнейшим выразителем нашей эпохи? 2) Видите ли в современной жизни героев и атмосферу его эпохи? 3) Считаете ли, что особенности Прустовского мира, его метод наблюдения, его духовный опыт и его стиль должны оказать решающее влияние на мировую литературу ближайшего будущего, в частности, на русскую?”» [4, с. 231]. Сами формулировки этой анкеты, по точному замечанию А. Мокроусова, «отражают редакционное отношение к писателю, хотя и содержат определенную долю провокационности» [4, с. 231]. Вот что писал в ответе на эту анкету писатель старшего поколения И.С. Шмелёв: «О “решающем влиянии” Пруста на литературу ближайшего будущего, в частности – на русскую литературу, нельзя никак говорить. Чем может насытить Пруст? Дух насытить, требовательный, не пустой? Увлечение Прустом я считаю случайным, модным, что ли. Или это – знамение оскудения духа? То, что дает Пруст, слишком мало для взыскательного читателя» [3, с. 116–117]. В этой цитате очень важно обратить внимание на дважды повторяющееся слово «дух». Дух, как синоним внутренней жизни человека, был очень важной, даже дискуссионной темой в литературном процессе русского зарубежья. Poleмика возникала на почве отношения к психологическим открытиям европейских модернистов, которые в своих произведениях художественно исследовали внутреннюю жизнь личности, пытались изобразить её неуловимую природу. Писатели-мэтры оценивали подобные литературные экзерсисы как симптом оскудения и упадка души современного человека (это подтверждает вышеприведённая цитата Шмелёва). Фельзен же, напротив, выражая мысли молодых писателей, считал, что раздробленное сознание, которое изображается в современной литературе, – это не болезненный симптом современного духа, а доказательство его эволюции. Вот что он пишет в статье «Мы в Европе»: «Прежде всего, о внутреннем распаде, об утере какого-то нашего единства – это ошибка, и для меня ее опровержение приблизительно сводится к следующему: душевный мир с веками усложняется и должна усложниться его передача, анализ становится тщательней, а синтез труднее уловим, и люди слишком нетерпеливые, привыкшие к иным образцам, до синтеза добраться не могут и заблуждаются вполне добросовестно [7, с. 238].

В рецензии на книгу В.В. Вейдле «Умирание искусства» Фельзен конкретизирует свою идейно-эстетическую позицию. Наиболее чётко она проявляется при сопоставлении с позицией Вейдле. Вейдле считал, что самое лучшее и продуктивное состояние ис-

куства бывает в молодости народов, когда «поэты сочиняют национальные языки»: «У Данте, у Шекспира, в ранней лирике Гете, у Пушкина поэтическое творчество всегда в какой-то мере – творчество языков; язык еще девственен, все его нераскрытые возможности предчувствуются в нем <...>; каждое слово поэта как бы впервые называет обозначаемый им предмет; каждый ритм, каждый образ, каждый оборот кажутся употребленными впервые» [1, с. 35]. В этот период искусство близко и понятно народу. Нынешняя эпоха, считал Вейдле, знаменует собой разрыв между творчеством (художниками) и обычными людьми: произведения становятся слишком сложными, формализованными, оторванными от реальности. Выход из этого положения состоит в духовном (христианском) возрождении, которое и вернёт литературу на круги своя, сделает её духовно богатой и понятной простому читателю. Совершенно иной была позиция Фельзена. Во-первых, он скептически относился к самой идее религии, поэтому все концепции духовного возрождения не воспринимал вовсе. А во-вторых, он считал, что нынешнее состояние литературы это не упадок, а напротив новый эволюционный этап, цель которого – изобразить сложную и индивидуальную жизнь «передовых людей» (т. е. людей с богатым внутренним миром). Именно этому и посвящена романная трилогия («Обман», «Счастье», «Письма о Лермонтове»), в которой Фельзен, разрабатывая прустинскую эстетическую модель, стремился максимально развёрнуто и подробно передать историю духовного становления молодого писателя-эмигранта.

Если две предыдущих оппозиции (**эмигрантское – классическое** и **эмигрантское – европейское**) разделяли старшее и младшее поколение литераторов, то оппозиция **эмигрантское – советское** делила писателей не по временному, а по территориальному признаку, объединяя эмигрантов и противопоставляя их большевистским писателям: «И всё же эмигрантская проза не утонула в иностранных течениях, и у каждого нашего прозаика легко найти и русские истоки. Дыхание Европы дало эмигрантской литературе то, чего так недостает литературе советской и что несомненно окажется плодотворным» [7, с. 242].

Опорными пунктами построений Фельзена были его убеждения в том, что: а) эмигрантская литература была свободна в выборе тем и форм, хотя из-за своего территориального положения и была обделена читателями; б) советская литература находилась в идеологических тисках, и её произведения были окрашены не творческой *индивидуальностью*, а политической *коллективностью*.

Несмотря на такое противопоставление, Фельзен всё-таки непредвзято относился ко всей русскоязычной литературе: как к эмигрантской, так и к советской. Но вместе с тем эстетическому чувству Фельзена была чужда любая ангажированность и конъюнктурность литературы. Другими слова-

ми, Юрий Фельзен был настроен решительно против любой идеологии в литературе: и религиозной, и политической. В эмигрантской литературе к тому же он не терпел натуралистического бытописания, которым «грешили» новоявленные писатели. В советской же литературе он отрицательно оценивал именно «советское» («пролетарское»): клишированные и идеологически обусловленные темы и сюжеты. Но значимых писателей Фельзен всегда выделял, наоборот подчёркивая, что они не типичные советские писатели (например, М. Шолохов, О. Савич): «У Шолохова большой талант, не худосочный и не мнимо-“черноземный”, какие во множестве преподносятся читателю различными пролетарскими издательствами. <...> Мертвость большевицки-благонмеренных “типов” и жизненность, любовное изображение “типов контрреволюционных”, а также воздаяние должного личной нравственной чистоте Каледина, Корнилова, Алексева вызвали бурю в советской критике и множество недоумений по поводу нового пролетарского писателя» [7, с. 280].

Именно из этого противопоставления и вырастает следующая важная для Фельзена группа **социальных** оппозиций, которые стали результатом его размышлений на вечную тему «художник и толпа». Кроме того, они получили продолжение и развитие в оппозиции «творческий человек и тоталитарное государство», из-за того, что на глазах у Фельзена формировались тоталитарные государства (СССР, Третий Рейх): «“Там” [в СССР] всё больше зажимают рты. <...> Прежде довольствовались лояльностью, сейчас – нужна активная пропаганда. Чем яростнее «пропагандные» требования, тем, разумеется, ниже литературные качества» [7, с. 185].

Фельзен сочувствовал своим советским коллегам по писательскому цеху. Он был уверен в том, что тоталитарное государство своими запретами и социальными заказами уничтожало подлинное творчество: «В судьбе, в унижениях личности, поглощаемой коллективом, есть одна особо-трагическая деталь – положение творческого человека.<...> Между тем гибель творческой личности имеет безмерное социальное значение: без новаторов в любых областях мы были бы духовно и материально в “пещерном веке”. И в государствах, где новые ценности не создаются, пещерный век наглядно возвращается – не только духовно, а также и материально. Таковы современная Россия и Германия: ведь нельзя же новыми ценностями считать пятилетку и “очищение расы”» [7, с. 334].

И наконец, как итог, точнее как жёсткий каркас, проявляется важнейшая в эстетической системе Юрия Фельзена группа **творческих** оппозиций, которые раскрывали фундаментальные аспекты литературы как творческой деятельности. Наиболее ёмко и метафорически ярко эту группу оппозиций формулирует сам Юрий Фельзен в статье «О судьбе эмигрантской литературы»: *дух текста – тело текста* [7, с. 222]. Эта группа оппозиций является

наиболее важной, так как представляет результат философско-эстетических исканий автора и суммирует предыдущие группы противопоставлений. Возможно, сама идея использовать термины «дух» («душа») и «тело» по отношению к словесно-художественным произведениям была позаимствована из работ Д.С. Мережковского [2], с которым Фельзен был знаком. Но если Мережковский использовал эти термины применительно к психологической стороне литературного изображения, то Фельзен кардинально меняет их содержание: он использует их для того, чтобы изобразить вечное противоречие между социальным и индивидуальным, низким и высоким, политическим и поэтическим в литературе.

Как мы уже сказали, Фельзен нигде полно и подробно не описывал своих эстетических взглядов. Возможно лишь по «осколкам» восстановить их целостность. Группа оппозиций «тело текста – дух текста» реализуется через цепочку синонимичных друг другу антиномий, рассеянных в его литературно-критических работах: жизненная конкретность – музыкальность, тема (требование критики) – атмосфера (интенция писателя), острота – глубина и др.

Под «**телом текста**» (конкретностью, остротой) Фельзен подразумевал любые факторы, которые влияли на творчество извне и переносили центр тяжести с писателя на читателя. Сюда входят и условия советской литературы, с требованиями пролетарского содержания и идеологической выдержанности, и любое морально-религиозное содержание, присутствовавшее у некоторых писателей-эмигрантов, и авантюрно-бульварные сюжеты, наполненные множеством захватывающих событий, но не несущие духовного содержания.

Под «**духом текста**» (музыкальностью, атмосферой) Фельзен подразумевал свободную писательскую индивидуальность, ничем не скованную, творящую в своё удовольствие.

И в первом, и во втором случае доминирование одной из сторон отрицательно сказывалось на качестве произведения. Если доминировало «тело текста», то, по Фельзену, создавалось литературное произведение, в котором внешнее, идеологическое, гражданское превалировало. Тогда получалась агитка, в художественной форме (соцреалистический роман, религиозный роман). Если доминировал «дух текста», то на первый план выходил произвол творческой индивидуальности, мало заботившейся о читателе (авангардная проза и поэзия, радикальные модернистские эксперименты).

Литературный процесс изображается Фельзеном как антиномичная система, как взаимодействие двух разнонаправленных сил, в котором большинство участников (творцов, писателей) находятся на том или другом полюсе и лишь единицы достигают золотой середины, «возносятся над схваткой». Главную цель писателя-творца Юрий Фельзен видел в искусном и гармоничном объ-

единении этих творческих факторов, в результате которого произведение обретало «жизненное течение» [7, с. 284], «жизненное дуновение» [7, с. 222].

Несмотря на то, что Юрий Фельзен нигде не выразил полно своих эстетических взглядов, всё же имеется текст (рецензия на книгу французского писателя Жака Шардонна), где писатель, анализируя и оценивая творчество коллеги, словно пророчески пишет о самом себе:

«Все книги Шардонна, писателя, не достигшего большой славы и вряд ли к ней стремящегося, но имеющего своих верных читателей и почитателей, все четыре его книги об одном и том же – о любви и браке, о том, как трудно сочетать любовь и каждодневную будничную жизнь, о том, как трудно любовь сохранить. Шардонн честно и мужественно показывает отдельные случаи, мы можем от них переходить к тем или иным обычным, легкомысленным обобщениям, но у самого автора их нет – и не ставится никаких “проблем”.<...> В романе удивительное “единство тона”, фраза эмоциональна, своеобразна и сгущённо-содержательна, нет лишних, отвлекающих от главного, разговоров, поступков и действующих лиц, есть только это «главное», и оно сильнее захватывает, от него труднее оторваться, чем от любой книги с внешне-увлекательным сюжетом» [7, с. 284–285].

Именно этой задаче: передать то самое «главное», что не исчерпывается ни увлекательным сюжетом, ни социально-религиозной идеологией, – посвятил своё творчество Юрий Фельзен.

Библиографический список

1. Вейдле В.В. Умирание искусства / сост. и авт. послесл. В.М. Толмачёв. – М.: Республика, 2001. – 447 с.
2. Контелова Н.Г. Творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в интерпретации Д.С. Мережковского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – № 1. – С. 37–44.
3. Марсель Пруст в русской литературе / сост.: О.А. Васильева, М.В. Линдстрем; авт. вступ. ст. А.Д. Михайлов – М.: Рудомино, 2000. – 255 с.
4. Мокроусов А. «Поклонение, столь мало похожее на любовь...» Марсель Пруст и «Числа» // Сборник радова Факултета драмских уметности. – 2008. – № 13–14. – С. 229–242.
5. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 5. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / пер. с нем. Н.Н. Полилов, К.А. Свасьян, 2012. – 480 с.
6. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
7. Фельзен Ю. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2 / сост., подг. текста, вст. статья и примеч. Л. Ливака. – М.: Водолей, 2012. – 428 с.

ЛИРИКА М.А. ДУДИНА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
МЕЖДУ РИТОРИКОЙ И «ВЕЧНЫМИ ТЕМАМИ»

Целью статьи является рассмотрение соотношения риторического и собственно поэтического в лирике известного советского поэта М.А. Дудина. В годы Великой Отечественной войны агитационно-пропагандистская поэзия с клишированностью ее этоса, пафоса, языка, в значительной мере уступила место по популярности традиционной лирической проблематике. Связь советской лирики с риторикой не является однозначно негативным фактором, ведь в лирической поэзии, изначально открытой «вечным» (онтологическим) темам, существует принципиальная возможность преодоления (по крайней мере, частичного) «дефицита референции» – если, конечно, опыт действительности мыслится как фундаментальный, а господствующая риторическая система лишь «надстраивается» над ним.

Тексты лирики Дудина военных лет демонстрируют, как по-разному решается в каждом конкретном случае скрытый конфликт риторического и поэтического. Так, «Соловьи» – открыто пограничное явление между «поэтическим» как внутренним индивидуально-авторским и «риторическим» как внешне-стилевым. Преодоление ложного пафоса и общих мест оказывается возможным, если у поэта есть внутренний источник лиризма помимо риторики. В случае Дудина таким источником оказалось стремление передать «правду войны» и в то же время воспеть естественную силу и спасительное очарование жизни, без которых нельзя перенести страдания и смерть.

Ключевые слова: риторика, этос, пафос, «вечные» темы, пограничность, конфликт риторического и поэтического, референция.

Целью нашей работы является рассмотрение соотношения риторического и собственно поэтического в лирике известного советского поэта М.А. Дудина. С этой точки зрения его поэзия еще не рассматривалась. Для анализа выбран период Великой Отечественной войны, так как советская лирика этого периода – уникальный пласт, оценки которого, по крайней мере, частично созвучны у советских критиков и литературоведов, а также у многих ученых оппонентов самого строя. Тоталитарное государство в принципе себя лучше чувствует на войне или под угрозой войны, особенно отечественной, потому что в таких условиях его постоянные мобилизационные усилия и ограничения получают весомую мотивировку, «враг» из риторической, архетипической фигуры становится конкретным врагом, уничтожающим все, что тебе дорого [2].

В науке уже сформировалось устойчивое представление об особой идеологической и лингвориторической модели советской литературы, рассчитанной на массового читателя, нагруженной пропагандистским и риторическим (прежде всего воспитательным) заданием, нормированной по образцам (произведения, канонизированные властью): «Это позволяет анализировать данные тексты с точки зрения и поэтики, и риторики, рассматривая их в аспектах этоса, пафоса и логоса, выводя содержательные и формально-языковые черты из системы топосов как морально-идеологических и логико-смысловых моделей. Языку и стилю словесности социалистического реализма в качестве доминанты присуща клишированность...» [3, с. 8].

Ущербность «советского» языка очевидна в первую очередь с этосной стороны – это «дефицит референта», побуждающий языковую личность рисовать искаженную картину действитель-

ности, что дискредитирует весь риторический механизм (текст, несмотря на весь риторический блеск, интуитивно или осознанно может восприниматься как «пустой», «лживый», «демагогический», «риторический» в негативно-оценочном смысле). Однако в годы испытаний публицистическая агитационная лирика, прямо воплощавшая государственную риторику, оптимистичная, патетичная, зовущая к победам, довольно быстро уступила свое место по части популярности совсем другим стихам о войне: «...в лирику снова вернулись темы душевных переживаний: разлука, горе, плач по погибшим – темы, на долгое время оказавшиеся вытесненными, как бы забытыми. <...> Военная лирика во многом использовала темы, присутствовавшие и во второй половине 1930-х годов, однако теперь изменился ракурс, иначе расставлялись акценты, изменилось и восприятие» [7, с. 960].

Тот факт, что многие из лучших военных стихотворений написаны как раз поэтами, до войны исповедовавшими патетическую риторику в чистом виде, не должен удивлять – такая связь как раз и свидетельствует о переосмыслении самой риторики (без отказа от советских убеждений) и открытия новых, прямо не подотчетных ей источников творчества. Это хорошо видно в военной лирике Михаила Дудина.

Его поколение росло под воздействием тоталитарной риторики, и дети во дворах играли уже не в гражданскую войну. Как свидетельствует В. Шощин, характеризуя изданную Дудиным в соавторстве книгу для детей «Веселый двор» (1940), где пионеры всю гоняют «самураев на озере Хасан»: «Велась серьезная подготовка литературного оружия к неизбежным грядущим боям. Происходила психологическая перестройка. Поколение Дудина, знавшее о войне лишь понаслышке, оказывалось

тем не менее подготовленным к ней. Всем образом своей жизни – трудовой, деятельной. Воспитанием – рабочим, комсомольским, общественным» [10, с. 18]. Риторика здесь предопределяет и общую картину, и функциональный портрет советского писателя, и задачи литературы, и язык. «Литературное оружие» – исчерпывающая, афористическая характеристика для понимания искусства внутри тоталитарной риторики, но, при всей мифологизации исторических фактов, она отражает реальную социокультурную и социально-психологическую ситуацию. Тем не менее ни одна из риторических формул, вошедших в сознание художника, не является автоматическим приговором его искусству; художник способен оставаться художником и внутри формул, если изначально он шел не только от риторики и ее ценностей и языка, но и от опыта действительности, входящего с оптимистической и патетической риторикой если не в конфликтные, то в достаточно сложные отношения. Даже у В. Шошина есть признание, что война явилась прозрением для «легкомысленных» романтиков войны, ибо поле боя не могло до этого даже привидеться им как поле поражения [10; 17].

Опытный газетчик, Дудин явно понимает на войне свою поэтическую задачу как хроникально-газетную. О его работе на Гангуте, куда обрушились тысячи снарядов, но где 25-тысячный гарнизон не давал врагу блокировать советский Балтийский флот, – написано достаточно много, обратимся лишь к одному из стихотворений. В тот момент эти стихи были востребованы и популярны, и вряд ли можно игнорировать в позднейшей оценке контекст, в котором они возникали. Однако по прошествии времени они предстают чистой советской риторикой, целиком построенной на «топосах», клишированных формулах и не имеющей самостоятельной поэтической ценности: «О холодный камень бьется валом // Темная свинцовая вода. // Мы тверды, как эти каменные скалы, // В грозный час не сломит нас беда. // Мы знамен победных не уроним, // Здесь чужая не пройдет нога. // Родина, мы наши головы не склоним // Перед черной силою врага...» [10, с. 45].

При всей своей преданности гангутскому братству, Дудин старался не включать такие тексты в позднейшие собрания, однако и в тех, что в собрания сочинений включены, мы обнаруживаем торжество риторики, нередко нарастающей прямо над фронтовой конкретикой. Поэтическая тема развивается как риторическая, публицистическая, поэтому исчезают и конкретика, и психологизм, и оригинальность мысли и чувства, происходят неизбежное упрощение, плакатизация: «Я знаю все. Мне все это знакомо. // Винтовка. Бой. Землянка. Котелок. // И эти вот, родней родного дома, // Седые камни, сосны и песок. // Мы все переживем – тоску и стужу, // И, как сегодня, отстояв зарю, // Мы,

вспомнив праздник, выглянем наружу // И молча улыбнемся Октябрю» [4, с. 40].

Однако плакатная риторика торжествовала не везде. Обычный повод для ее преобразования у поэта-фронтовика – гибель товарища. И тогда текст захлестывается такой волной конкретики, что риторика не может подчинить ее и «засушить». В стихотворении «Камень» ночной разговор («Любимая меня давно забыла, Друзья воюют, а семьи нема... Кому ж писать и сообщать о смерти? Да я и не намерен умирать...») сменяется «мокрым адом», в который уходят и бесследно пропадают связи: «В грязи хрипели лошади. Колеса // По втулки вязли. К черту обода // Летели. Ухали зенитки. // И пулеметы сыпали галдеж. // Мы вымокли (хоть выжимай!) до нитки, // А может, пропотели – не поймешь» [4, с. 58].

Дальше – рассказ о подвиге героя, который последним ушел в ночь и спас батальон. У фронтовика Дудина конкретика подвига настолько ярка и эмоциональна, что и риторика гораздо убедительней, например, схожего по сюжету, но отвлеченного, абстрактно-рационального пастернаковского стихотворения «Смерть сапера»: «...Здесь золотое солнце сыплет блики. // Здесь камни радуются. Только он // Лежит в крови, израненный и грубый. // Пусть в памяти пребудут навсегда // Последним вздохом стиснутые зубы, // Соединяющие провода. <...> Мы камень положили над могилой, // Мы вспомнили любимую и мать. // А у него ни матери, ни милой, // И некому об этом написать» [4, с. 59].

Дудин не «отменяет» и не выбрасывает риторику – он открыто постулирует правоту обеих правд: правды высокого героизма и правды бесследной гибели. И только просит читателя откликнуться подлинно человеческим жестом на эту запредельную жестокость жизни: «Быть может, ты найдешь случайно камень, // Тот самый камень среди других камней. // Как друга, крепко обними руками, // Прижмись к нему и сердцем отогрей» [4, с. 59]. «Камень» относится к ряду таких дудинских стихотворений, в которых раскрывается многомерность происходящего, несводимость его – при всей жестокой определенности – ни к чему однозначному. «Для Дудина знаменитое гудзенковское «И выковыривал ножом из-под ногтей я кровь чужую» могло стать лишь первой инстанцией в познании правды войны» [8, с. 164]. Но и в коротких стихотворениях, если нет явного риторического «задания», ясно виден исконный дудинский лиризм, на войне получивший какую-то особенную пронзительность и даже лаконичную, внешне сдержанную «классичность», как в сонете «По не позабываемым приметам», где воспоминание о свидании «позапрошлым летом» превращается в острейшее ощущение катастрофы, над которой «звенят стрижи над купой старых ветел»: «Ограда. Сад. Сирень исходит цветом. // Фугасной бомбой снесена сте-

на. // Мне уши разрывает тишина, // Мне каждый камень говорит об этом» [4, с. 69].

В дудинскую «правду войны» входит и обыденность смерти, к которой нельзя привыкнуть, и природная сила и очарование жизни, без которых нельзя перенести происходящее. Это впитанное с детства чувство красоты окружающего мира – красоты спасительной, несмотря ни на что. «Под сапогами оползает глина», «дрожит земля от бешеного гуда» – а с высоты рассыпается «звенящим серебром» жаворонок: «Свистели бомбы. Тявкали зенитки. // Протяжный гул, невероятный вой... // А он висел на золотистой нитке // Между разбитым небом и землей» [4, с. 89].

Вообще говоря, Дудин один из самых «птичьих» поэтов – мир пернатых, чаще всего певчих, для него есть животворящая радость романтически настроенной души, воплощение того, что, кажется, невозможно расслышать в адской какофонии боя. Невозможно – но поэт слышит, и услышанное врачует душу (хотя речь идет о смерти, как указывает эпиграф) ибо от песни жаворонка «Моя земля травинкой каждой пела, // Таинственного трепета полна. // И раненый смотрел на клубы дыма, // Прислушивался к пенью не дыша. // Здесь смерть была, как жизнь, необходима. // И жизнь была, как песня, хороша» [4, с. 89].

Перед нами сквозной мотив творчества Дудина. Как верно отметил Л. Лавлинский, анализируя балладу «Соловьи», «жизнь необорима, и сам умирающий на мгновение забывает о смерти. Все эти мысли и образы для Дудина очень характерны. Едва лирический герой получает передышку между боями, мать-природа тотчас одаривает его своей красотой и лаской. И вслушиваясь в пение соловьев и малиновок, «дыша пылью цветочной», герой ощущает прилив свежих сил...» [5, с. 243]. Это «неистребимое соловьиное начало» лирики Дудина – «внутренний ресурс», способный трансформировать риторические клише в поэзию.

Видимо, именно эта легкая, неумирающая, певчая, «птичья» красота мироздания и продиктовала поэту в годы войны одно из самых красивых и воздушных его стихотворений. В шуме ночного дождя, в сверканье белых молний, в запахе «отряхивающих крылья» тополей возлюбленная «спала, как сказочная птица», и эта прекрасная картина сам по себе и есть правда жизни – очень необычный и трогательный романтизм для советского поэта, да еще и на войне: «Был сладок сон. И были, словно листья, // Закрыты полукружия ресниц. // Но утро шло все в щебете и свисте, // Все в шелканье невыдуманных птиц. // Казалось, мир в том щебете затонет, // Его затопит этот звонкий гам. // И мне хотелось взять тебя в ладони // И, словно птицу, поднести к губам» [4, с. 84].

Посреди войны поэта тянет создавать не только многословные поэмы гражданского звучания, но

и целые словесные фрески, посвященные «таинственному содроганию весенней природы». Робкая трава, ломок «с ажурными прожилками ледок», стремителен перелив ручья, «серебряные почки тонких ив горят на солнце», «тонкая береза, как девочка, стоит на берегу» – и поэт повторяет, как заклинание, что он счастлив. Однако это мир, в который пришел обезобразивший его враг – и поэт решает проблему едва ли не по-бунински: изображая во всех деталях, как природа сама завершает уничтожение поверженного врага. Детали одновременно натуралистичны и поэтически точны: «Со лба сползает кожа, как повязка, // И зеленью покрылось серебро, // И свастика заржавела, и каска. // И сжатый рот, как серый камень, нем. // Что делал он и шел сюда зачем?» [4, с. 129].

Здесь мы снова видим типично дудинский источник поэтичности, не позволяющий риторике заглушить поэзию. Публицистическая риторика в тоже появится – но после того, как «Уже расцвел подкошенный орешник, // Заплыл смолой в стволе сосны свинец, // И в чудом сохранившийся скворешник // Веселый возвращается скворец. // Малиновка у ржавого лафета // Свила гнездо и вьется у гнезда...» [4, с. 130]. И только после этого «объективного» праздника возрождения, сдержанностью интонации напоминающего позднюю пушкинскую лирику звучит: «Гори, моя солдатская звезда! // О, дай мне сил и мужества...».

Лучшее стихотворение военной поры, а возможно, и всего дудинского творчества – «Соловьи» – соединило в себе едва ли не все эти богатые стилистические возможности и даже газетчика с поэтом. Трагический контраст природы и человека, несовместимость естественного состояния мира с катастрофизмом войны выливаются в нем в торжество человеческого духа во имя жизни и будущей гармонии. Дудинские «Соловьи» – открыто пограничное явление между «поэтическим» как внутренним индивидуально-авторским и «риторическим» как внешне-стилевым.

Здесь важна уже дотекстовая ситуация художественного замысла. Изначально это своеобразный «приказ» военному журналисту Дудину к первой годовщине войны. Всё цветет и зеленеет, на зорях заливаются соловьи – а поэт переживает гибель своих друзей. И замысел возникает, как желание сказать самое главное и о жизни, и о смерти: «Я забрался в заросли орешника. Расстелил на зеленой траве шинель. Лег на живот. И вывел в своей тетради первую строчку: “О мертвых мы поговорим потом...”» [9, с. 33]. Заказ – как его понимает поэт и «разрешает» батальонный комиссар – абсолютно совпадает с пережитым и задуманным, более того – с общей трагедией и «пограничностью» жизни и смерти в войне, судьбой поколения и конкретно – ивановцев. Такое совпадение означало в риторическом плане уход от идеологического

«новояза» к Этому истинной риторике, «требующей от языковой личности этически ответственной мыслеречевой деятельности на основе соблюдения прагматической конвенции – ‘единства слов, убеждений и дел’ (Н.Д. Арутюнова)», к доминантности не идеологической, а «реалистической» референции [1, с. 3].

Обрамление текста («о мертвых мы поговорим потом») содержит в себе, кроме четко эксплицированного в конце пафоса (смысл его – «я славолю смерть во имя нашей жизни»), явную ораторскую (риторскую) установку и отсылку к общим для универсальной аудитории и риторика базовым ценностям, позволяющим без комментариев употребить «мы». Можно сказать, что это «мы» «риторического человека», однако у него особый статус: лирический герой разделяет общую судьбу. Из множества клишированных текстов с плакатной антитезой (советские люди – фашистские немцы) стихотворение выделяет сама базовая коллизия (жизнь и смерть на войне, умирающий боец и торжество природы) и ее развертывание в модусе реалистической референции и связанных с предельным драматизмом ситуации «вечных вопросов». Событийно-персональный слой реальности подвергается альтернативному, по сравнению с официально-публичным, членению и, при всей внешней простоте коллизии, ведет не к риторической пустоте, а к философской глубине.

Вступление риторически построено довольно сложно: оно содержит не только «речь о речи» и ориентирующий блок (риторические предложение и разделение), но и «аргументацию от противного». «Грубая простота» мира, где смерть «обычна и сурова», где «остался только пепел», как бы не предполагает дальнейшего разговора – однако это риторический ход, рассчитанный на понимание читателя. Таким образом, уже риторическая пропозиция содержит в себе потенциал художественного развертывания.

Сразу же задается не совпадающая с официальной героикой пространственно-временная структура реальности: изображено «остановленное мгновение» не героического подвига и т. п., но «обычной», негероической, смерти на фоне ликующей жизни. Причем укрупнена, реалистически и психологически детализирована, поразительно достоверна именно смерть: «Он умирал. И, понимая это, // Смотрел на нас и молча ждал конца, // И как-то улыбался неумело. // Загар сначала отошел с лица, // Потом оно, темнея, каменело. // Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней. // Запри все чувства сразу на защелку» [4, с. 62].

Психологическая точность, детализация с символическими коннотациями (корни у обрыва, ландыш, заглядывающий в воронку от разрыва) высвечивают вечную антиномию. Риторическое нагнетание (риторическое не только по форме, ведь

сирень и ландыши не цветут одновременно) помогает высветить онтологический конфликт – от неожиданно защелкнувшегося где-то рядом с умирающим соловья через цветущую на минном поле землянику (деталь), через количественное расширение («Ему в ответ // Еще – второй, еще – четвертый, пятый. // Звенят стрижи. Малиновки поют» [4, с. 63]) и градацию к экспрессивной и масштабной картине: «Весь этот лес листом и корнем каждым, // Ни капли не сочувствуя беде, // С невероятной, яростной жадной // Тянулся к солнцу, к жизни и к воде. // Да, это жизнь. Ее живые звенья, // Ее крутой, бурлящий водоем. // Мы, кажется, забыли на мгновенье // О друге умирающем своем» [4, с. 63].

Главная художественная задача здесь, несмотря на риторическую виртуозность, не сводится к рациональным формулам (и соответственно аргументация – к общим топам типа «жизнь – смерть»). Акцент переносится с обычного на войне случая на неизменные законы жизни, независимые от ситуации, поэтому развитие поэтической мысли идет с постоянным прирастанием не риторического, а поэтического смысла. Смысл кольцевой композиции – как раз показать разное значение повторяющихся строк. Если в зачине преобладает «обычность и суровость» смерти на войне (как бы и не о чем здесь говорить), то в финале перед нами – глубокая, выстраданная, оплаченная смертью товарища и готовностью отдать свою жизнь поэтическая истина. Даже повторенное дважды «мы» здесь особое. Как точно отметил Л.И. Лазарев, «мы» у фронтовиков – «это выражение общности ровесников, юношей 41-го года, для которых жизненными университетами стали дороги войны. Сколь органично для всех них это «мы» – в нем нет ничего от поэтической позы, оно возникает совершенно естественно» [6, с. 63–64].

Однако уже в первые послевоенные годы заметно, как начинает «ритуализовываться» дудинская поэзия, распадаться на отдельные составляющие то «преображение риторике», которое свойственно лучшим его стихам. Становятся заметней общие изъяны советской поэзии – канонизированная властью традиционность ее стиха, превращающаяся часто в однообразие стихотворных размеров, ритмов, образности, словесной ткани, заданность риторической «инвенции» и «диспозиции» (когда по началу текста уже примерно ясно, куда и как ведет поэт), «тематическая» повествовательность и др.

Типично, например, стихотворение «Победитель», откровенно состоящее из набора общих мест, причем обобщаются даже прекрасно удающиеся Дудину лирические мотивы и образы природы. «Где ночь от ярких молний слепа, // Кипела в заводях вода, – // Из камня, щебня и из пепла // Встают родные города» [4, с. 193]. А «великий русский человек» «мир от черной смерти спас. // И мир, прекрасен и огромен, // его приветству-

ет сейчас. // А сзади темные могилы // Врагов на дальнем берегу – // О нашей доблести и силе // Напоминание врагу» [4, с. 193].

Это просто риторическая иллюстрация к партийным выступлениям и постановлениям, чистая топка языка власти: величественное (а в соцреализме иначе не бывает) восстановление разрушенного врагом, историческая непобедимость «великого русского человека» (национальный культ великодержавного характера), который одновременно «спаситель мира», но «тих и скромнен»; «темные могилы врагов» на условном «дальнем берегу», «доблесть и сила» как «напоминание врагу» – какому? Очевидно, бывшим союзникам по антигитлеровской коалиции. И никаких вопросов, проблем – ни чудовищной разрухи, ни ропота уставшего от невыносимых условий жизни народа, ни репрессий, ничего. И даже своеобразия авторского взгляда нет, он утрачен. Так тоталитарная риторика возвращает себе утраченные было в ходе потрясений войны позиции, поскольку всецело владеет языковым сознанием, превращая лирический текст в тавтологический набор уже известного.

Итак, именно в лирической поэзии, изначально открытой «вечным» (онтологическим) темам жизни, смерти, любви, страдания, одиночества и т. п., существует принципиальная возможность преодоления (по крайней мере, частичного) «дефицита референции», если, конечно, опыт действительности мыслится как фундаментальный, а господствующая риторическая система лишь «надстраивается» над ним. Но это возможно лишь в том случае, если у поэта есть внутренний источник лиризма помимо риторики. В случае Дудина таким источником оказалось стремление передать «правду войны» и в то же время воспеть естественную силу и спасительное очарование жизни, без которых нельзя перенести страдания и смерть. Экстремальность войны сглаживала внутреннюю конфликтность (с риторикой) этой ситуации, после же вновь на первый план вышла риторика – дала о себе знать

принципиальная позиция советского писателя, проводника партийно-государственной линии.

Библиографический список

1. *Ворожбитова А.А.* «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. – С. 21–42.
2. *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 743–784.
3. *Дубровина Н.В.* Лингвостилистические и риторические особенности литературы социалистического реализма: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – Волгоград, 2012. – 24 с.
4. *Дудин М.А.* Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. Переправа. Стихотворения и поэмы 1935–1962. – М.: Современник, 1987. – 480 с.
5. *Лавлинский Л.* «Побед и бед неповторимый опыт...» (Михаил Дудин) // Лавлинский Л. Не оставляя линии огня. – М.: Современник, 1975. – С. 242–265.
6. *Лазарев Л.И.* Юноши 41-го года (Заметки о поэзии военного поколения) // Лазарев Л.И. Это наша судьба. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 55–127.
7. *Менцель Б.* Советская лирика сталинской эпохи // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 957–968.
8. *Таганов Л.Н.* Великая Отечественная война в советской поэзии 40–70-х годов: Учебное пособие. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1978. – 180 с.
9. *Хренков Д.Т.* Михаил Дудин: Пять штрихов к портрету. – М.: Советская Россия, 1976. – 112 с.
10. *Шошин Вл.* Михаил Дудин: Литературный портрет. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1976. – 208 с.

О НЕКОТОРЫХ КОГНИТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА (на примере повести В. Березина «Виртуальность»)

В статье рассматриваются когнитивные особенности постмодернистской прозы на примере повести о любви «Виртуальность» В. Березина. Осуществляется попытка изучения когнитивной деятельности автора и читателя. Заголовок, эпиграф, выбор жанра, композиция текста, отбор языковых средств рассматриваются как воплощение интенций автора. К чертам постмодернистской прозы можно отнести высокую степень семиотичности повествования, продуктивность аллюзий, недоговорённость. Указанные черты способствуют усилению семантической целостности текста, его символизации. Данные приёмы помогают автору вовлечь читателя в процесс совместного творчества, на основе предложенного текста создать своё произведение, отражающее индивидуальное прочтение и понимание. Повесть состоит из четырёх, разных в тематическом отношении частей, раскрывающих ключевые слова эпиграфа. Первая часть «Три куста роз» раскрывает ключевое слово **любовь**, вторая «Ежедневник» – слово, третья «Мир букв» – **буква** и **мир**, четвёртая «Шар» – **желание**. Автор использует следующие приёмы, активизирующие когнитивную деятельность читателя: актуализацию и смысловое выделение лексем, аллюзии, аллегории, недоговорённость, мистификацию. Когнитивная деятельность читателя корректируется автором путём вкладывания в уста своих героев объяснения идеи произведения. Перечисленные приёмы являются способом коммуникации автора с читателем. Рассмотрены процессы семантического обогащения ключевых слов и формирования текстовых символов. Повесть «Виртуальность» В. Березина характеризуется смысловой неопределённостью, мерцанием идей, которые хотел бы донести до читателя автор. Название произведения «Виртуальность» отражает его концептуальное своеобразие: идея не находит чёткого выражения. Мерцание смысла создаётся путём возвращения к ранее заявленной теме, мотиву, образу.

Ключевые слова: интерпретация, восприятие, интенция, текст, смысл, ключевое слово.

К чертам постмодернистской прозы можно отнести высокую степень семиотичности повествования, продуктивность аллюзий, недоговорённость. Данные признаки способствуют усилению семантической целостности текста, его символизации. Главной интенцией автора, использующего их, является стремление вовлечь читателя в процесс совместного творчества, на основе предложенного текста создать своё произведение, отражающее индивидуальное прочтение и понимание. Повесть «Виртуальность» В. Березина характеризуется неясностью, мерцанием идей, которые хотел бы донести до читателя автор. Название произведения отражает его концептуальное своеобразие: идея не находит чёткого выражения. Мерцание смысла создаётся путём возвращения к ранее заявленной теме, мотиву, образу.

В повесть входят четыре небольшие, самостоятельные в тематическом отношении части: «Три куста роз», «Ежедневник», «Мир букв», «Шар», которые объединены не только общим заглавием, но и авторским эпиграфом, выражающим идею произведения: «Нет в мире ничего, кроме нашей любви, кроме зыбких слов и букв. Все скрыто в стуке клавиш, и все в них явлено. Русский мир – мир букв и представлений. И желания русские состоят из букв – чтобы их было больше, вволю, досыта». Заголовок текста *виртуальность* – ‘такой, который может или проявиться, возникнуть и т. п. при определенных условиях,’ [2] указывает на нетипичную, нереальную плоскость осуществления событий. Определение автором жанра текста «По-

весть о любви», а также содержание эпиграфа выделяют аспект осмысления всего произведения: возможно, речь пойдёт о виртуальной любви. Ключевыми в смысловом отношении являются слова: любовь – слово – буква – желание – русский мир. В текстовом пространстве смыслы этих слов отождествляются: любовь проявляется в слове, в букве, желания выражаются словами и буквами, любовь составляет основу русской духовности.

Раскрытие каждого ключевого слова эпиграфа посвящена отдельная часть повести. Это осуществляется с опорой на лексический повтор, а также на тематическое развёртывание ключевого слова. Характеризуя когнитивно-функциональные особенности лексического повтора, Широва отмечает: «...Повторение слова в тексте не означает повторения понятия <...>, включение слова в органическое единство текста наполняет понятие дополнительными смысловыми нюансами, запечатлевает конденсацию смысла. Смыслы, актуализируемые повторяющимися единицами, формируют объёмное, «стереоскопическое» видение. «Узаконивающая» случайную связь повторяемость является по отношению к художественному тексту осмысленной и принципиально значимой» [3, с. 58]. Таким образом, повесть структурирована паратекстуальными связями, продуцируемыми ключевыми словами эпиграфа.

Для определения идеи повести за основу возьмём ведущий принцип герменевтики перехода от части к целому, от интерпретации смысла отдельной части к толкованию идеи всего произведения.

В первой части «Три куста роз» воплощается тема виртуальной любви. Несколько героев одновременно включены в процесс виртуального общения. Первый – Паевский, сначала скептически относящийся к общению в сети, но потом увлечённый им. Второй – молодой лаборант Паевского, участвовавший в финансовых махинациях. Третий – приехавший в Россию немец, потерявший в сети свою возлюбленную. Предположительно, лаборант Паевского и исчезнувшая девушка вместе вымогали деньги у интернет-пользователей. Четвёртый – сосед Паевского по даче, открывший закон виртуальной любви.

Паевский, предусмотрительно купивший себе учёную степень, получает удовольствие от общения с соседями по даче, учёными-математиками. Один из них говорит Паевскому о том, что в основу работы современной техники должен быть положен новый принцип: машина должна влюбить в себя человека. «...Положительный результат в тесте Тьюринга казался недостижимым, точно так же, как теорема Ферма – недоказуемой, а теперь обе задачи – история. Или почти история – техника становится все умнее. Настоящая машина Тьюринга должна строить себя не из логики, а из жизни собеседника, отражая его, как зеркало» [1]. Машина получила интеллект, который должен ориентироваться не на неё, а на пользователя. Сосед Паевского полагает, что «любой предмет может оказаться» носителем разума, в этом заключается Божий промысел. А, следовательно, любовь, которую может давать человеку машина, является также выражением воли Бога. Философские размышления соседей Паевского затрагивают проблему ответственности человека за то, что он стал носителем интеллекта и души, проблему границ человеческих возможностей. «Сам человек может изменять свойства предметов, но где предел этих изменений – может ли он вложить разум в тростник или камень» [1]. Может ли человек сам вложить интеллект, душу в машину? Машина становится важным элементом современной виртуальной коммуникации. Ценность живого общения снижается. «Страсти Паевский не любил, и лишь иногда из гигиенических соображений заводил короткие оплаченные романы» [1]. Эпитеты *гигиенические, короткие, оплаченные* характеризуют отношения между людьми в прагматическом, примитивном ключе: «Завязалась странная беседа, состоящая из тихого поцелуйного звука клавиш» [1]. Эпитеты *тихий, поцелуйный* продуцируют контекстуальные семы ‘интимность’, ‘близость’, ‘чувственность’.

Посещение сети уподобляется постепенному вхождению в воду и плаванию. «Это происходило медленно, будто он входил в воду, долго идя по гальке от берега залива. Воображаемая вода плескалась вокруг него, поднималась выше, и наконец он поплыл. Он с безразличием миновал сайты знакомств

и, руководствуясь подсказками немца, отправился к малоизвестным островам общения». Сеть трактуется как особая жизненная среда. Паевского удивляет, что здесь он находит то, чего не хватало ему в реальной жизни, – общение: «А тут был именно разговор, и, что самое главное, впервые ему не пришлось ограждать свое личное пространство – заповедник стареющего мужчины» [1]. Диалог автор описывает не как звучание слов, а как «тихий поцелуйный звук клавиш». Сеть оказывается особенно значимой для русского человека, поскольку она даёт важное для русской ментальности общение.

Слово «роза» становится текстовым символом. Оно употребляется в сильной позиции – заголовке: «Три куста роз» и далее встречается несколько раз. Дачники-учёные занимаются разведением роз и яблонь, а значит, по их мнению, соприкасаются со сферой разума этих растений. Приезжая на дачу, Паевский обращает внимание на старые засохшие кусты роз, посаженных давно ушедшей из жизни женой. Они символизируют ушедшую любовь. Тут же Паевский видит свежую грядку с только что посаженными соседом, создавшим машину любви, цветами. Свежие розы становятся символом нового интеллекта и виртуальной любви.

Повествование характеризуется мистичностью, недоговорённостью, которые создаются за счёт лаконизма повествования, контаминации фактуальных и подтекстовых смыслов. Паевский не понимает, что имеет в виду его сосед, задавая вопрос: «Когда ты догадался?». Главный герой и вместе с ним читатель не понимают вопроса. Сосед-математик открывает Паевскому свою тайну: «Я придумал зеркало, в которое все вы смотрите... Не выдумать машину, похожую на человека, а заставить человека полюбить машину – вот задача. А все люди только и могут, что полюбить себя. Себя! ... Теперь программа, как нормальный вирус, распределилась между тысячами машин и строит себя сама. Раньше она питалась мной, а теперь этими дураками. Любят резиновых, любят и двумерную. Вопрос – какую. При хорошем раскладе она будет жить вечно. Ну, хорошо – долго, долго... Просто очень долго. Машины идеальны, все портят только люди» [1]. Таким образом, в уста главного героя автор вкладывает понимание новой любви: её источником является машина, вызывающая любовь человека. Любовь подобна программе, вирусу, который заражает других людей. Любовь машины идеальна, а значит, будет жить вечно. Новая любовь виртуальна: она сопоставляется с зеркалом. Сосед характеризует своё творение как идеальное, поскольку оно «сделано из желаний»: каждый пользователь сети принимал невольное участие в её создании. Данный смысл соотносится с одним из ключевых слов эпитафии. Лексический повтор актуализирует когнитивную тактику сопоставления элемента эпитафии с словоупотреблени-

ем в тексте и активизирует процесс чтения и понимания.

Далее Паевского и читателя ожидает ещё одна аллюзия. Сосед говорит о жадности людей, особенно молодых. Слова соседа «Одним из них меньше – кто заметит. Этот был очень жадный. Жадный, а жадность к искусству любви допускать нельзя» [1] и свежая грядка с саженцами роз, которую автор называет уже «двухметровым холмиком, под которым многое могло поместиться» [1], аллюзия: «Разное он слышал в прежние годы о землеройных работах на природе» [1], намекающая на разборки в девяностых, – формируют понимание того, куда пропал молодой лаборант. Сосед подтверждает предположения Паевского: «Да и сейчас понял все остальное» [1]. Автор ставит героя и читателя в одну когнитивную ситуацию: сначала непонимание положения дел, затем предположение и его подтверждение.

На следующий день после разговора с Паевским соседя находят мёртвым, в предсмертной записке он объяснил причину: из-за любви. По мере повествования автор неоднократно выражает своё ироничное отношение к описываемым событиям. Так, немца, который приехал в Россию искать свою подругу, он называет «тевтонским Ромео». Узнав о том, что сосед повесился, Паевский говорит, что раньше из-за любви стрелялись на дуэли. Первая часть заканчивается циничной характеристикой любви, которая живёт в проводах: «Большой экран, хорошее разрешение. Любовь постоянная. Вечная» [1]. Сопоставление разноаспектных, в какой-то степени противоположных явлений вносит оттенки иронии.

Следующая часть повести «Ежедневник» посвящена раскрытию ключевого знака – *слово*. Главная героиня Наталья Александровна испытывает страсть к ежедневникам. Автор старается передать, что значила для неё эта тетрадь, используя эпитеты и сравнения чистой бумаги: «что-то непередаваемое», «как запах крахмального передника на школьной форме, как запах только что застеленного белья в гостиничном номере во время первой поездки за границу», «запах бумажной невинности». Наталья Александровна любила делать аккуратные записи перьевой ручкой. Это составляло целый ритуал. Осязаемость дневника передаёт его сравнение с любовником: «Ежедневник – как любовник, он даже еще интимнее, и прикасаются к нему чаще, чем к иному любовнику» [1]. Наталья Александровна придавала огромное значение выбору нового ежедневника. Он должен был подходить по форме, цвету, запаху. Значимость тактильных ощущений передана фразой: «Внезапно она ощутила у себя в руке искомое» [1]. Новый ежедневник, который героиня присмотрела на новогодней ярмарке, был недорогим, «толстым, но не тяжёлым», «благородным, как дворянский герб, но

не аляповатым». Повествователь сравнивает выбор дневника с выбором мужчины: «хочешь выбрать надолго, но, как бы ни старалась, идеального все равно нет. И если мужчина кажется тебе идеальным, то всегда выясняется, что внутри какая-то проблема, будущая беда, расстройство и неприятности... К тому же мужчин без прошлого не бывает...» [1]. Эти фразы намечают линию дальнейшего повествования. Значит, ежедневник может иметь прошлое. Мистическая виртуальная тема получает выражение, когда на страницах дневника появляются и исчезают таинственные записи. Наталья Александровна сначала с негодованием думает о том, что дневник уже был в чьих-то руках, но затем понимает, что кто-то ведёт с ней диалог, подсказывает, как поступить. И этот кто-то, по мнению героини, мужчина. Дневник становится средством виртуального общения. Кто-то делает записи и уничтожает то, что отметила героиня повести. «Теперь Наталья Александровна вела разговор с дневником и одновременно читала чужие записи» [1]. Тема новой части повести генерирует тактику обращения к предыдущему изложению. Несложно выявить сходства: речь вновь идёт об общении, не реальном, без визуализации своего собеседника, но очень нужном и увлекательном. Примечательно, что приобретение нового ежедневника происходит накануне года бабочки. Слово «бабочка» ещё один текстовый символ повести. Сначала героиня рассматривает ежедневники с изображением насекомого. Позже она получает подарок – небольшую коробку с засушенной бабочкой. Затем героиня встречается с лепидоптеристом, то есть специалистом по бабочкам. Автор актуализирует когнитивную стратегию сопоставления Натальи Александровны с пойманной бабочкой: «и вот она уже была добычей: когда он смотрел на нее, казалось, что он накрыл ее сачком. Она представляла себя бабочкой, наколотой на булавку» [1]. Ещё одна грань осмысления данного образа – приведённая в художественном тексте этимология, попытка оживить внутреннюю форму: «Где-то она читала, что русское «бабочка» восходит к праславянскому *baба*, которое «по мнению большинства лингвистов-энтомологов, в древности обозначало предка. Так что славянские бабушки и прабабушки машут крыльями капустниц и белянок по русским полям. Покойные тещи всех времен и народов реют бражниками, а мертвая голова отчетливо видна мимо их крыльев. Или же они ползут по склону горы, как в знаменитом рассказе Эдгара По “Сфинкс”» [1]. Таким образом, ключевое слово *бабочка* генерирует не только идею жертвенности, но и связи с прошлым. Люди, с которыми встречается Наталья Александровна, кажутся ей уже знакомыми. «Лишь только на мгновение ей показалось, что когда-то этот человек уже встречался в ее жизни» [1]. Ещё один аспект осмысления об-

раза бабочки – её умерщвление, переведение в состояние бессмертия в качестве экспоната. «Бабочка крылышками бяк-бяк-бяк, за нею энтомолог прыг-прыг-прыг. А дальше что? Взмах сачка. А дальше появляется банка-морилка. Довольно кровожадная вещь. ...Очень действенны морилки с цианистым калием – несколько его кристалликов помещают на дно банки и заливают гипсом. Раз заряженная, такая герметичная морилка будет эффективна в течение года. Впрочем, употребляют и хлороформ. Потом, описанная и упакованная, она ждет продолжения своей посмертной жизни на энтомологическом матрасике...» [1]. Бабочку как бы выводят за пределы реального времени – в мир виртуальный. «Бабочку-бабушку расправляют, и в грудь ее беззвучно входит одна из тех специальных булавок... Надгробная надпись, и братская могила за стеклом. Смерть повсюду, повсюду и жизнь... Недаром у греков что бабочка, что душа – одно слово “психе”». Генерируется ещё один смысл: бабочка, как и душа, бессмертна, вне времени, вне реальности.

Новый знакомый Натальи Александровны, специалист по бабочкам, забирает у неё дневник. Героиня возвращается в реальное время, в прошлое. То, что ушло на задний план, становится вновь актуальным: «Или еще восточная мудрость, – сказал Лепидоптерист. – “Когда караван поворачивает обратно, то последний верблюд становится первым. Особенно это верно в момент поиска дороги”» [1]. Рассказ заканчивается фразами: «И они снова постучали. Переходя в тональности от просто вкрадчивого стука до требовательного». К Наталье Александровне возвращаются персонажи прошлой жизни.

Третья часть «Мир букв» раскрывает ключевые слова *буква* и *мир*. Слово *мир* указывает на целостность, объединённость, согласованность. Главный герой рассказа – молодой, начинающий врач провинциальной психиатрической больницы, замечающий странную закономерность: на теле людей он находит буквы, которые складываются в слова. Тематический выбор психиатрической больницы как места действия указывает на противопоставленность обычному миру. Данная часть также характеризуется наличием сквозных образов. Психиатрическая больница размещается в старом помещицком доме, хозяин которого в память о своей военной службе устраивал военные парады. Парад предполагает согласованность и гармоничность действий каждого участника, образующего целое. Пациенты больницы также ходили стройно, соблюдая какую-то закономерность. «Теперь Барановский стал пристальнее следить за парадом пациентов на плацу. Буквы многих он знал и теперь обнаружил в движении людей что-то осмысленное» [1].

Первый пациент, на теле которого врач увидел странное пятно в виде буквы «Ф», был Барановский, который по состоянию здоровья уже мог

бы покинуть больницу, но не сделал этого: «мир не ждал пациента Ф» [1]. Данной фразой автор актуализирует оппозицию свой – чужой. Пациент Ф включён в свой мир, непонятный и противопоставленный чужому. Наблюдения за больными позволяют молодому врачу прочитать слова: одно из них вечность. Данное слово является смыслообразующим для всей повести и актуализирует обращение читателя к содержанию предшествующих повестей, в которых затрагивался данный смысл.

Заинтересованный странным пятном, доктор в старой газете находит заметку о двух братьях, имеющих на коже изображения в виде букв добро и веда. Братское родство отражается в семантической близости названий букв, обозначающих ещё один мир. Далее главный герой вспоминает эпизод русско-японской войны, когда матросы уходящего в море крейсера флажками написали: «Погибаю, но не сдаюсь». Этот образ также направлен на воплощение идеи целостности, противопоставленности своего чужому.

Экспликация идеи произведения, как и в рассказе «Три куста роз», осуществляется словами одного из героев, старого врача: «У нас тут все с буквами, так назначено <...> это память Бога, его заметки свыше. Заметки на человеческих телах. А на чем ему еще записывать? Тут вопрос, имеем ли мы право читать?» [1]. Слова героя объективируют идею рассказа: в буквах выражается промысел Бога, они соединяют людей, определяют их судьбы. Встреча происходит не случайно, а по воле бога. Важно, что носителем этой божественной воли оказывается человек.

На теле у старого врача тоже есть буква алеф, которая выступает в качестве текстового символа. Она является первой буквой древнейшего – еврейского – алфавита. В каббале данная буква означает «безграничную, чистую божественность». Оба значения связаны с идеей всего произведения. В конце повествования читатель узнаёт, что на теле главного героя появляется буква я, символизирующая его включённость в свой мир и завершённость. Буквы слово имеют божественную природу, человек же становится лишь исполнителем воли Бога.

В последней части повести, раскрывающей ключевое слово *желание*, рассказывается о четырёх путешественниках, которые отправились посмотреть на огромный шар, необыкновенным образом попавший в болота. Образ шара вызывает ассоциации сферы, замкнутости, целостности. Шар – это мир. Главный герой – ничем не выдающийся Петров. По дороге к цели он придумывает, что шар способствует исполнению желаний, чтобы как-то объяснить трудности предстоящего пути. Петров размышляет о своих желаниях и о желаниях других людей. «Провалились они все», – провалятся все, так сам и останешься висеть в пустом белом пространстве...» [1]. Так, увидев одну из попутчиц, он дума-

ет: «Макнуть бы ее в грязь, да по уши, во всем ее дорогом и замшевом, – подумал он. – Так макнуть, чтобы забубькала» [1]. Мысли Петрова постепенно материализуются. Так, он думает о том, что люди обычно не замечают друг друга. «Их вдруг не стало в нашей жизни, а значит, и вовсе нет на свете. Замечают только тех, от кого что-то нужно» [1]. Спустя некоторое время по дороге к шару он теряет из виду одну из спутниц, а другая и вовсе уходит под воду болота. Немного позже исчезает и приятель Петрова, первым зашедший внутрь шара.

Материализуется и сон Петрова, в котором он вспоминает старую детскую колыбельную. Текст колыбельной в ироничной форме актуализирует идею жертвы для всех.

Неси, мышка, сладкий сон
И друзьям моим и мне,
Через сени, через клеть,
Через щель в окошечке.
Тихонько, легонько,
Чтоб не слышал котенка:
Как услышит котенка –
Тебе голову отъест [1].

Петров размышляет о смысле человеческой жизни, о целесообразности жертвы во имя человечества, о любви к другим людям и приходит к выводу, что они живут обиденными эгоистичными желаниями, которые сводятся к тому, чтобы им не мешали. «Ты приносишь жертву или, весь в пылу любви к человечеству, приносишь в жертву себя, а человечеству это все не нужно. Тогда ты отдаешь свое желание другим, и можешь сделать странное открытие. Человечеству нужно, чтоб ты провалился и освободил место: коллегам нужно, чтобы освободилась ставка, детям – чтобы опустела квартира, а соседям – чтобы исчез твой велосипед на лестничной клетке» [1]. В уста Петрова автор вкладывает важную мысль о сущности человеческого счастья: «Счастье не в исполнении желаний, а в том, чтобы найти свое место и предназначение». Жертва должна быть не только принесена, но и принята. Счастье не в потреблении, а в стремлении и самореализации.

Автор, с одной стороны, заставляет читателя думать над текстом, расшифровывать аллегоричное повествование, с другой – не бросает читателя, эксплицируя собственные мысли голосами своих героев. Объединяющую функцию выполняет эпиграф, носящий характер авторской сентенции.

К приёмам, активизирующим когнитивную деятельность читателя, можно отнести актуализацию и смысловое выделение лексем, аллюзии, недоговорённость, мистификацию, простоту изложения, вызывающую у читателя ожидание подвоха, порождающую глубокий подтекст. Автор использует разнообразные аллегорические знаки. Всё это способствует неясности понимания смысла. При этом автор направляет когнитивную деятельность читателя, вкладывая в уста своих героев объяснения идеи

произведения. Перечисленные приёмы, по справедливому мнению И.А. Щириной и Е.А. Гончаровой, являются способом коммуникации автора с читателем. «Сигналы адресованности – «точки контакта» автора и читателя – обнаруживаются в тексте в трёх случаях: 1) там, где существует моделируемая автором рецептивная трудность, в основе которой лежит неполнота или неоднозначность текста; 2) там, где прослеживается «своего рода инструкция», направляющая восприятие адресата и позволяющая ему построить мысленную модель (фрагмента) текста на основании содержащихся в памяти «слепок опыта» (текстовая заданность), и 3) там, где рецептивная трудность сопровождается подсказками, указывающими на путь её преодоления... Сигналом адресованности может стать практически любой компонент текста лексического, синтаксического и пр. уровня, если он деавтоматизирует восприятие читателя и занимает значимую позицию в иерархии текстовых смыслов» [3, с. 69].

Несмотря на разную фактуальную направленность рассказанных автором историй, определение жанра «Повесть о любви» заставляет читателя искать смыслы, связанные с данным концептом. Целостному восприятию повести способствуют паратекстуальные связи, также обращение к актуализированным в предшествующем повествовании семантическим структурам.

Идея повести заключается в утверждении непреходящей ценности духовной любви, которая находит разнообразные проявления. Любовь вечна, жертвенна, она объединяет, имеет божественную природу. Человек должен оберегать это чувство. Желание любить для него должно быть естественным. Эгоизм не совместим с любовью, разрушает человека.

Таким образом, подтекстовое, концептуальное содержание оказывается более сложным и богатым. Его понимание осуществляется с опорой на многократное обращение к семантике заголовка, эпиграфа, её обогащению новыми смыслами по мере прочтения текста и размышления над прочитанным, к обозначению жанра текста. Актуализации процессов понимания способствуют многообразные аллюзии, разнообразные приёмы недоговорённости, контаминации фактуального и подтекстового смыслов, текстовые символы.

Библиографический список

1. Березин В. Виртуальность // Новый мир. – 2016. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/4/virtualnost.html (дата обращения: 10.10.2016).
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Русский язык, 2000.
3. Щирина И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. – 472 с.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ ПО ПРИНЦИПУ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП

В статье на богатом фактическом материале из славянских языков рассматриваются конкретные вопросы, связанные с перспективами изучения исторической лексикологии по принципу исследования тематических групп. Обзорному анализу подверглись некоторые наименования двух тематических групп: орнитологические названия, а также названия профессий и занятий людей. Птицы являются наиболее распространенной группой живых существ, населяющих и оживляющих природу. Результат наблюдений за окружающим миром находит яркое отражение в тех названиях, которые люди дают птицам. Особый интерес у лингвистов вызывали и вызывают проблемы, связанные с теорией номинации, мотивированностью наименований птиц. Тематическая группа «Профессия и занятия людей» относится к одной из самых древних, так как связана с хозяйственной деятельностью человека, его бытом и культурой. Автор полагает, что такой метод далеко не исчерпал себя и в современной лингвистике. Разные аспекты исторического изучения слова помогут раскрыть данные, взятые из источников русского языка (как архивных, так и опубликованных).

Ключевые слова: историческая лексикология, тематические группы, этимология, словообразование, семантико-грамматический аспект.

Изучение исторической лексикологии по принципу исследования тематических групп как метод, используемый историками языка, конечно, не является новым. Подобные работы особенно интенсивно появлялись во второй половине XX века, но в начале XXI века этот метод незаслуженно, на наш взгляд, стал постепенно забываться исследователями. Полагаем, что такой путь исторической лексикологии еще далеко не исчерпал себя, так как, во-первых, исследован далеко не весь богатый языковой материал, имеющийся в русском и других родственных языках, а во-вторых, изучены не все грани самого метода [2; 3].

Мы решили обратиться к характеристике некоторых общих для славянских языков наименований, восходящих к названиям птиц и профессий, занятий людей.

Наименования птиц. Совокупность наименований птиц обладает многочисленным количеством единиц, которые могут быть объединены в тематические группы (например, наименования домашних, промысловых, хищных, сухопутных и водоплавающих, певчих, экзотических птиц и другие).

Обратимся к тем наименованиям, которые входят к общеславянскому языку; в современных славянских языках присутствуют общие корни этих названий. Наши наблюдения показывают, что те наименования, которые обозначают птиц, тесно связанных с жизнью человека.

Наименование «воробей» для обозначения соответствующей птицы в том или ином словоизменении представлено во всех славянских языках: укр. воробець, горобець, горобель, гворобець, блр. верей, воробчык, болг. врабец, с.-х. врабац, словен. vlabelj, чеш. vtabec, слвц. vtabec, польск. wtabel, в.-луж. wtabel, н.-луж. gobel' [7,

т. 1, с. 352]. М. Фасмер отмечает исконное родство между этими формами и греч. ρόβιλλος, а также лит. žvirblis, лтш. zvirbulis. Корень *virb- подвергся, вероятно, в балтийских языках контаминации со словом на ž- (лтш. z-). Древнерусская форма ВОРОБИИ, церковнославянская – ВРАБИИ (неполногласие).

В письменных памятниках наименование фиксируется в записи под 946 г.: Она же (Ольга) рече имь... дайти ми от двора по 3 голуби да 3 воробьи. Лавр. лет., запись под 946 г. В русских памятниках XVIII века отмечаются варианты воробейчик, воробышек, воробец, воробенок, воробка, воробье-нок и др. [6, т. 4, с. 69–70].

Ворона: укр. ворона, цслав. ВРАНА, болг. врана, с.-х. врана, словен. vřana, чеш. vřana, слвц. vřana, польск. wřona, кашуб. vřana, словин. vřana [7, т. 1, с. 353]. Этимологи усматривают родство с лит. vřana, др.-прусс. wårne. Праславянская форма *vřana родственна, в свою очередь, старослав. ВРАНЪ «вороной, черной масти». Письменные памятники свидетельствуют, что основным названием с древности был вариант мужского рода, а не женского. ВРАНЪ (ВОРОНЪ) отмечается в записях, датированных XI веком, а ворона (врана) – с XV века: Оно ти сѣдять врань черныи. Лавр. лет. под 1074 г.; Врани граяхуть (Слово о полку Игореве); Черность от черности не разнится самостию своею, но приключениемъ, едино яко ворона, а иное аки смола. XV век [5, т. 3, с. 33]. Известно также, что в древнерусской письменности употреблялось счетное слово «воронь», означавшее 10 000 000.

Наименование *глухарь* этимологи возводят к общеславянскому корню глух(-ой): эта птица при токовании как бы глохнет [7, т. 1, с. 417]. Историче-

ские словари отмечают слово «глухарь» в значении «крупная лесная птица семейства тетеревиных» в памятниках XVIII века [6, т. 5, с. 135]. У В. Даля: глухой-тетерев, мошник и др. [1, т. 1, с. 359]. В современных славянских языках представлены словообразовательные варианты: укр. глухар, блр. глушец, болг. глухар, польск. gluzec и др.

Спорной считается этимология слова *ласточка*, известного всем славянским языкам: укр. ластовиця, ластівка, болг. ластовица, с.-х. ластавица, словен. lastovica, lastovka, чеш. laštovice, слвц. lastovica, польск. lastówka, lastovka и др. [7, т. 2, с. 463]. Церковнославянское ЛАСТУНА М. Фасмер сближает с лит. lakstaū, lakstyti «летать», lakstus «быстрый», lakstis; другие исследователи считают этимологически тождественным «ласка» (О.Н. Трубачев), «ласта» (Н.М. Шанский). Общеславянское «ласта» буквально – «летающая туда и сюда» (лит. lakstyti «летать туда и сюда»). Слова ЛАСТУНЪ, ЛАСТОВИЦА в памятниках известны с XII–XIII веков в значениях «стриж» и «ласточка»: Мало же есть въ птицахъ, еже злоногы суть, да ни ловити ими могутъ, ни ходити, яко же то ластовице суть и ластуни, им же кърма по въздуху пареще бываетъ. Шестоднев. Ио. екз. XIII в.; Ти да быша сѣдѣлы птица пѣснивы по вършю дубьному, славие и ластовица и щюрове (XII в.); Ластовица зимѣ прешедши весну являеть (XV в.); Яко славии громогласнии, яко ластовицы слаткоглаголивии (XVII в.) [5, т. 8, с. 178]. В истории русского языка со значением «ласточка» в письменных памятниках употреблялись однокоренные образования ЛАСТВИЦА, ЛАСТКА, ЛАСТОВИЦА: Царица его... проводивъ до церкви... супруга своего царя и возвратився въ полаты своя, аки ластвица во гнездо свое. Каз. лет. XVII в.; Ластка день начинается, а соловей вечер кончается. XVII в. [5, т. 8, с. 177].

Словарь В. Даля фиксирует словообразовательные варианты в диалектах позднее: ластка, ластовица, ластвица, ластовка, ластовочка, ласточка, ластушка, ластушенок, ластушата «ласточкины птенцы». Интересен следующий факт: наименование *ночная ласточка* в диалектах отмечается в значении «большой черный стриж» [1, т. 2, с. 239] (сравним с приведенной выше фиксацией XIII века: ЛАСТУНЪ «стриж»).

Сорока. Церковнославянское СВРАКА «сорока» было заимствовано многими славянскими языками: укр. сорока, блр. сорока, болг. сврака, с.-х. сврака, словен. sraka, чеш. straka, слвц. straka, польск. sroka, в.-луж. sroka, н.-луж. sroka, словин. sārka, полаб. svorko. М. Фасмер указывает на существование двух исконных форм: *sorka и *svorka [7, т. 3, с. 723]. Этимологи сравнивают с лит. šarka «сорока», др.-прусс. sarke и далее – с др.-инд. Śāṅī «какая-то птица». Славянский «в» в церковнославянском, болгарском, сербохорватском, полабском объясняют влиянием церковнос-

славянского СВРЪЧАТИ «издавать звук» и близких форм сверчать, сверчок. Вариант *sorka сравнивают с латинским согіх «ворона», соgvus «ворон», греч. κόραξ «ворон», корóνη «ворона» (там же). В.И. Даль предполагает, что «сорока» от «стреко-татъ» (ср. слвц. Straka, которое, в свою очередь, от *строкатый* «пестрый» [1, т. 4, с. 274].

Многие названия птиц, использующиеся в славянских языках, имеют прозрачную семантическую структуру, подчеркивающую функциональную значимость в жизни человека: гуменник, снегирь, касатка (от коса, в связи с наличием у этого вида ласточки раздвоенного хвоста, похожего на косички; также касатка), чиж (звукоподражательное) и др.

Противопоставленность по признаку пола сопровождается словообразовательными суффиксами, а в некоторых случаях – супплетивизмом: гусь – гусыня, соловей – соловыха, орел – орлица, перепел – перепелка, селезень – утка, петух – курица и др. В наименованиях птиц возможны случаи, когда наличие у одного и того же наименования форм мужского и женского рода оказывается соотносимым не с полом птицы, а служит способом дифференциации и родовой, и видовой принадлежности: *кедровик* (он и она) – название различных птиц, питающихся кедровыми орехами, *кедровка* (он и она) – «птица семейства воробьиных, питающаяся кедровыми орехами». Или даже являются наименованиями вообще разных птиц: *ворон* (он и она) – «крупная хищная птица с синевато-черным оперением семейства вороновых», *ворона* (он и она) – «птица отряда воробьиных средней величины с черным или серо-черным оперением». В некоторых случаях названия, кажущиеся коррелятами по признаку пола, на самом деле оказываются наименованиями разных птиц: *кречет* – «птица из породы соколиных», *кречетка* – «птица подсемейства чибисовых». Следовательно, признак грамматического рода у существительных, называющих птиц, является в некоторых случаях в русском языке условным. Специфической чертой этой группы слов является также возможность несовпадения названий одних и тех же птиц в русском языке и диалектах: стрепет – трясучка, зарянка – желтушка, козодой-ночник и др.

В данной тематической группе часто встречаются коннотативно окрашенные наименования, языковые средства, с помощью которых соответствующие коннотативные компоненты реализуются в семантической структуре названий птиц: у таких наименований, как *красавка* – положительная оценка выражается семантикой самой основы, *пеночка* – положительная оценка реализуется с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса, у наименования *бургомистр* – отрицательная оценка выражена при помощи метафоризации, ассоциативных связей (птица властно распоряжа-

ется добычей, отбирая ее у других птиц). В некоторых случаях положительная оценка выражается сочетанием метафоризации положительно коннотативуемой основы и суффиксации: *королек* – положительная оценка выражается при помощи и метафорического переноса, и суффиксации.

Птицы являются наиболее распространенной группой живых существ, населяющих и оживляющих природу. Результат наблюдений за окружающим миром находит яркое отражение в тех названиях, которые люди дают птицам. Особый интерес у лингвистов вызывали и вызывают проблемы, связанные с теорией номинации, мотивированностью наименований птиц. В начале XXI века изучению этой группы была посвящена работа Н.Б. Нероновой, в которой автор рассматривала отражение языковой личности русского человека в названиях живых существ, его окружающих [4]. Существительные – наименования птиц в русском литературном языке – в ее работе представлены как соответствующая часть семантического поля, имеющего центр и периферию. Исследователь отмечает, что количество наименований птиц в поле дополняется лишь за счет все возрастающей дифференциации в наименованиях самка – самец и редкого появления экзотических иноязычных наименований птиц (вальдшнеп, киви, колибри, марабу, минорка и др.). Центр поля, по ее мнению, составляют не столько названия домашних птиц, сколько широкий круг птиц, традиционно играющих большую роль в укладе жизни и обычаях человека, являющихся для него обрядовыми и фольклорными героями.

Профессии и занятия людей. Изучение тематической группы «Профессии и занятия» в современных славянских языках показывает, что для обозначения используются в большинстве те же корни, а иногда и аффиксы, которые мы наблюдаем в русском языке или известные русскому языку. Приведем некоторые примеры: рус. инженер, серб. инжењер, болг. инженер, чеш. inženýr, польск. inżynierem; рус. учитель, серб. учитељ, болг. учител, чеш. učitel, польск. nauczycielem; рус. токарь, серб. стругар, болг. стругар, чеш. soustružník, польск. tokarzem и др.

Суффикс *-ар* является не чем иным, как аналогом старославянского суффикса *-арь* для обозначения лица, занимающегося какой-либо деятельностью (вратарь, бондарь). В таком своем виде суффикс фиксируется только в современных южнославянских языках, в западнославянских языках – фонетически трансформируется или отсутствует: серб. часовничар «часовщик», болг. часовникар, чеш. hodinář, zegarmistrzem; серб. новинар «журналист», болг. журналист, чеш. novinář, польск. dziennikarzem (буквально: «рассказчик по дням»); серб. рудар «шахтер», болг. миньор, чеш. horník, польск. górnikiem; серб. лекар, болг. ле-

кар, чеш. lékař, польск. lekarzem. Таким образом, старославянский по своему происхождению суффикс *-арь* со значением лица, занимающегося какой-либо деятельностью, непродуктивный в современном русском языке, в других современных славянских языках (особенно южнославянских) остается актуальным в наши дни именно в указанном значении.

Интересны в этом аспекте языковые связи многих современных славянских слов со словами старославянскими. Например: серб. крзнар и болг. кожухар в значении «кожевник». Если обратимся к историческим словарям, найдем: цслав. КОРЗНО (КОРЪЗНО) «верхняя одежда в виде покрывала или плаща, который накидывался сверху и застегивался на плече». Слово известно из памятников начала XI века: Стополкъ же окаяннии нача княжити в Киевѣ и созва люд и нача даяти овѣмъ *коръзна* овѣмъ кунами и раздая множество. Радзив. лет., 79; И ссочи же Володимеръ с коня и покры и *корзно* река кыяном. Лавр. лет., 317 [5, в. 7, с. 313]. В письменных памятниках фиксируются и другие формы слова в том же лексическом значении: Она же вземши *корозно* его иде. Хроногр. 16 в.; *Корознь*. Новг. V лет., 107 [5, в. 7, с. 336]. Словарь В. Даля отмечает с пометой «старое»: корзно – «верхняя одежда, зипун» [1, т. 2, с. 164] и предлагает сравнить слово «корзно» со словом «корзина». Этимологические словари отмечают, что «корзина» буквально – «плетенка», так как корзить – «плести»; глагол фиксируется также в диалектах.

Особый интерес для исследователя, на наш взгляд, представляют случаи семантического переосмысления, происходившие в разные этапы развития языка. Языковые соответствия, схождения и расхождения в современных языках здесь представляются особенно ценными. Мы имеем в виду случаи, подобные семантическому переосмыслению в слове «благовоние» (ср.: польск. woniawki «духи», чеш. voňavku «духи»). В старославянском языке ВОНЯ – «запах вообще, скорее приятный» – было нейтральным по своей стилистической окраске. Такая семантика прослеживается и в памятниках XVIII века: Все цвѣты иже имѣют *злую воню*. Кн. земл.; От *вони* мы роз приятных поблѣднѣм. Опыт о чел. 14 [6, т. 4, с. 59] и др. Для обозначения неприятного запаха в старославянском языке использовался корень смерд-(-ѣть).

В сербском языке в значении «артист» используется слово *глумац* (ж. р. *глумица*). В русском языке глумиться – «издеваться». Словарь XI–XVII веков отмечает слово ГЛУМЕЦЬ – «странствующий актер, скоморох» (Игрыца и *глумьца*) или чиновника (нѣкоего не подобаеть въ борзѣ поставляти епспа. Новг. Корм. 1280 г.), ГЛУМИТИСЯ – «забавляться, веселиться, смеяться». С XV века письменные памятники дают и вторичное значение «насмехаться, глумиться» [5, т. 4, с. 36–37], однако Словарь XVIII в. особенно

подчеркивает у слов с этим корнем нейтральную стилистическую окраску [6, т. 5, с. 133].

В польском языке используется слово *stawsem* «портной». КРАВЧА (XV век), КРАВЕЦЬ (XVII век) использовались в русском языке для обозначения понятия «портной» [5, т. 7, с. 402]. Интересно отметить некоторое соответствие аффиксов в словах этой тематической группы в сербском и болгарском языках: серб. кројач «портной», болг. шивач «портной»; серб. радник «рабочий», болг. работник «рабочий»; серб. архитект. «архитектор», болг. архитект «архитектор»; серб. војник «солдат», болг. войник «солдат»; серб. професор «профессор», болг. професор «профессор» и др.

Таким образом, даже обзорный анализ некоторых лексем, составляющих тематические группы наименований, позволяет сделать вывод о семантико-грамматических, исторических, этимологических, словообразовательных и других особенностях данных групп лексики. Метод изучения истории лексики по принципу исследования тематических групп на основе данных, полученных из источников разного времени и словарей, далеко не исчерпал себя и заслуживает пристального внима-

ния ученых, занимающихся разысканиями в области исторической лексикологии.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
2. Лебединская В.Г. Общерусские наименования мер сыпучих веществ в русском языке XI–XVII вв. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 66. – С. 60–68.
3. Лебединская В.Г. Становление русской метрологической системы (лингвистическое измерение). – Пятигорск: ПГЛУ, 2009.
4. Неронова Н.Б. Наименования птиц в русском языке (семантико-грамматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 16 с.
5. Словарь XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975.
6. Словарь XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–9. – Л., 1984–1997.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1964–1973.

ФИННО-УГОРСКИЕ НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИЕ ЗООСЕМИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ЛОШАДЬ' (на лексическом материале финно-пермских языков)

В финно-угорских языках имеется множество сложных по форме названий растений, в состав которых входят названия животных (зоосемизмы). Имеется также ряд простых по форме фитонимов, мотивированных зоосемизмами. В данной статье автор исследует такие фитонимы, включающие названия лошади и жеребенка, в финно-пермских языках (ветви финно-угорских языков, исключая угорские языки).

Часть таких названий образованы по структурно-семантические модели 'зоосемизм + детерминант (определи- тель класса объекта номинации)', другие же фитонимы являются переносными. Структурно-семантические моде- ли, включающие детерминанты, часто оказываются общими для ряда финно-пермских языков.

Среди рассматриваемых в статье переносных названий растений особенно широкое распространение получили модели вида 'зоосемизм + часть тела животного', например, 'лошадиный хвост', 'колено жеребенка'.

Большинство таких структурно-семантических моделей названий растений представлено только в прибалтий- ско-финских языках, и только часть их можно найти в других родственных языках. В ряде случаев этим моделям на- ходятся соответствия в неродственных, в том числе контактных, языках.

Ключевые слова: номинация растений, фитонимия, фитонимы, зоосемизмы, финно-угорские языки, финно- пермские языки, языковые контакты, лошадь, жеребенок.

В финно-угорских языках распространены названия растений (фитонимы), в основ- ном сложные по форме, определяемая часть которых представляет собой зоосемизм (на- звание животного). Подобные же названия растений распространены во многих языках мира, например, рус. **конский щавель**, нем. **Hühner|fennich** 'ежов- ник', фр. **raisin de rénard** 'вороний глаз', латышск. **zak|pēdīnas** 'сушеница топяная'. На материале финно-угорских языков такие фитонимы остаются практически неизученными.

В данной работе мы рассматриваем зоосемиз- мы, имеющие значение 'лошадь', входящие в со- став фитонимов финно-пермских языков (ветви финно-угорских языков, исключая угорские языки) и выделяем модели номинации, включа- ющие соответствующие зоосемизмы. В исследо- вание не включены саамские названия растений, так как саамские языки функционируют в спец- ифическом природно-климатическом ареале, и их фитонимия заметно отличается от фитонимии род- ственных языков. Народные миконимы (названия грибов) мы рассматриваем вместе с фитонимами, так как принципы номинации растений и грибов совпадают.

В составе финно-пермских фитонимов можно обнаружить названия многих животных, в том чис- ле домашних: лошади (с жеребцом и жеребенком), коровы (с быком, теленком, телкой), овцы (с бараном и ягненком) и т. д. В названиях растений встре- чаются названия жеребенка (без различия пола) – возрастной разновидности лошади; мы описываем такие фитонимы в особом разделе статьи. Слова с значением 'жеребец' очень редки в составе фин- но-угорских названий растений, поэтому в данную работу они почти не включаются.

Модели номинации растений в ряде случаев оказываются общими для родственных между со- бой языков; в тех случаях, когда и компоненты этих моделей этимологически родственны, мож- но, по нашему мнению, ставить вопрос об общем древнем происхождении таких моделей. В случае тождества модели в финно-угорском и неродствен- ном контактном языке оно может быть результатом языковых контактов.

В предлагаемой работе фитонимы распределе- ны по отдельным языкам в следующем порядке: прибалтийско-финские, мордовские, марийский и пермские языки. Во всех случаях сохраняется транскрипция оригинала. Внутри разделов, посвя- щенных лексике отдельных языков, названия рас- тений даются в алфавитном порядке.

При написании данной работы мы использо- вали свыше пятидесяти лексикографических ис- точников и иных изданий по финно-угорским и контактным языкам. В список литературы поме- щаются только те из них, на которые почему-ли- бо необходимо было сослаться непосредственно в тексте.

Лошадь – основное тягловое, «силовое» сельско- хозяйственное животное. Возможно, название ло- шади в прибалтийско-финских языках имеет индо- европейское происхождение (ср., напр., греч. **ιππο-**), однако до сих пор эта гипотеза встречает фонети- ческие трудности, и потому не находит отражения в этимологической лексикографии. В качестве аль- тернативы можно предположить происхождение от гот. **heiwa-** 'домашний' (герм. **hîw-** 'домашний') [8, с. 526]. Важнейшая роль этого домашнего животно- го для хозяйства определила его центральное место в верованиях и мифологии финно-угорских народов (см.: 1, с. 265–292; 3, с. 14, 41, 43, 53; 4, с. 210–213

и др.); тем не менее в фитонимии отражения этой роли мы нигде не находим.

Мордовские названия лошади имеют тюркское происхождение [2, с. 97–98]. Пермские названия лошади, имеющие соответствие в марийском языке (**вӱльӧ** 'кобыла'), по-видимому, имеют финно-пермское или даже финно-угорское происхождение [2, с. 91–93]. *Мар. имне* 'лошадь', вероятнее всего, имеет тюркское происхождение, хотя выдвигалась и версия об автохтонном происхождении данного зоосемизма [2, с. 89–90]. Эти данные показывают, что предки пермских народов и марийцев уже в древности имели какие-то навыки животноводства. В отношении прибалтийско-финских народов такого сказать нельзя: лексика, связанная со скотоводством, имеет в них достаточно позднее происхождение. Показательно, что названия домашних животных часто заимствовались в прибалтийско-финские языки с изменением своего первоначального значения; исконные зоосемизмы тоже могли менять свое значение. Например, *морд. лишме* 'лошадь' – *фин. lehmä* 'корова'; *фин. härkä* 'бык', ср. *лит. žirgas* 'конь'; *фин. sika* 'свинья', ср. *др.-сакс. ziga* 'коза' (EES:469).

Фитонимы, содержащие зоосемизмы со значением 'лошадь'

Прибалтийско-финские языки

Финский язык

hevonen (также **hepo**) 'лошадь' – **hepo||harakka** 'сморчок', букв. 'лошадиная сорока (женский головной убор)'; **hepo||hiera, hepo||hera, hepo||herra, hepo||herake, hepo||hierake, hepo||hierakka, hepo||hierikka, hepo||hierikkä, hepo||hierukka, hepo||hiira, hepo||hiirikka, hepo||hiirikkä, hepo||hiirikka, hepo||hienakka, hepo||hora, hepo||hörä, heos||hiirikäs, hevon||hera, hevon||hiera, hevon||hienakka, hevon||hierakka, hevon||hierike, hevon||hiirikka, hevon||hörö, hevos||hera, hevos||hierakka, hevosen||hierikka, hevosen||hera, hevosen||hero, hevosen||hienakka, hevosen||hörö, hevo||heirake, hevo||hierukka** 'иван-чай, кипрей', 'коровяк обыкновенный', 'лютик едкий', 'щавель' (в том числе 'щавель курчавый', 'щавель прибрежный'), букв. 'лошадиный щавель' (также с дополнительным детерминантом **hepo||herran||lehti, hevos||hera||lehti**); **hepo||hiessana, hepo||hiestana** 'роза сизая', 'черная смородина', букв. 'лошадиная черная смородина'; **hepo||häntä, hevon||häntä, hevosen||häntä** 'иван-чай', 'купальница европейская', 'полынь', 'хвостник обыкновенный', 'щавель курчавый', букв. 'лошадиный хвост'; **hepo||hormu** 'иван-чай', букв. 'лошадиный иван-чай'; **hepokkainen, hipokkainen, hipokkainen** 'поленика', мотивировано **hepo (hipo)**; **hepo||kukka** 'иван-чай, кипрей', букв. 'лошадиный цветок'; **hepo||marja, hevon||marja** 'кизил шведский', 'роза сизая', 'черная смородина', букв. 'лошадиная ягода'; **hepo||matara, hevos||matara** 'лапчатка прямо-

стоячая', 'подмаренник северный', букв. 'лошадиный подмаренник'; **hepo||puola, hevon||puola** 'дерен шведский', букв. 'лошадиная брусника'; **hepo||sieni** 'сморчок', букв. 'лошадиный гриб'; **hepo||tatti** 'боровик, белый гриб', букв. 'лошадиный гриб (трубчатый)'; *ингерм. hevosen||heinä* 'щавель курчавый', букв. 'лошадиная трава'; **hevosen||kavia, hevosen||kavio, hevoisen||kavio** 'грушанка', 'мать-мачеха', букв. 'лошадиное копыто'; **hevosen||kavio||kukka** 'грушанка круглолистная', букв. 'цветок лошадиного копыта'; **hevosen||kengän||kukka, hevoisen||kengän||kukka** 'белозор болотный', букв. 'цветок лошадиной подковы'; **hevon||juulukka, hevosen||juopukka, hevoisen||juopuka** 'голубика', букв. 'лошадиная голубика'; *ингерм. hevosen||kukka* 'ятрышник', букв. 'лошадиный цветок'; **hevosen||kusiainen, hevoisen||kusiainen, hevon||kusiainen** 'горец вьюнковый', 'горец живородящий', дериват от **hevosen||kusi (hevoisen||kusi, hevon||kusi)** 'лошадиная моча'; *ингерм. hevosen||kus||heinä* 'щавель курчавый', букв. 'трава лошадиной мочи'; *ингерм. hevosen||kus||kukka* 'ятрышник', букв. 'цветок лошадиной мочи'; **hevosen||marja** 'голубика', букв. 'лошадиная ягода'; **hevosen||muikku** 'щавель кислый', букв. 'лошадиный щавель'; **hevosen||mustikka, hevoisen||mustikka** 'голубика', букв. 'лошадиная черника'; **hevosen||suola||heinä** 'щавель курчавый', букв. 'лошадиный щавель'; **hevosen||säari, hevoisen||säari, hevos||säari** 'мытник скипетровидный', букв. 'лошадиная голень'; **hevosen||virnas, hevoisen||virnas** 'щавель кислый', букв. 'лошадиная вика'.

Фин. hepo||hiera и другие многочисленные фитонимы того же гнезда относятся прежде всего к щавелям и очень редко – к другим растениям. В образовании этих названий заметную роль сыграла аллитерация (**he – he, he – hie**).

Карельские наречия

кар. собств. hepo, кар. ливв., люд. hebo (также *кар. собств. hebon'e, кар. ливв. heboine, кар. люд. heboin'e*) 'лошадь' – **hepo||kelta** 'плаун годичный', букв. 'лошадиный плаун'; *кар. собств. hepokka, hepokkaini, hevongaine, hevongaiset, hevonkaine(n), hebongane, hepukkainen, hippokkaiset, кар. люд. hebokkahaine, hebočče 'поленика', мотивировано **hepo (hebo)**; *кар. собств. hebo||marja, кар. люд. hebon||mard'a* 'поленика', букв. 'лошадиная ягода'; *кар. твер. hevon||šuola||hein'ä* 'щавель конский', букв. 'лошадиный щавель'*

Ижорский язык

heppoin 'лошадка' (в сложных фитонимах используется только диминутивная форма; возможно, это происходит под влиянием финских ингерманландских говоров, где основное название лошади имеет диминутивную форму) – **heppoizen||kuzi||muna** 'дождевик', букв. 'лошади-

ный дождевик'; **hepoisem||butki** 'купырь лесной', букв. 'лошадиный дудник'

Вепсский язык

hebo, hōbo (юж. диал. также **hebōn'e**) 'лошадь' – **hebočaine (hōbočaine)** 'поленика' (мотивировано **hebo**); **hebon||gruzn'** 'желтый груздь', букв. 'лошадиный груздь'; **hebon||kel'** 'щавель', букв. 'лошадиный язык'; **hebon||muigčud** 'щавель' (так в СВЯ; все же, по-видимому, относится к конскому щавелю), букв. 'лошадиный щавель'

Эстонский язык

hobu, hobune (также **hobo, hobene, hopen**) 'лошадь' – **hobese||kastan** 'каштан конский', букв. 'лошадиный (конский) каштан'; **hobese||sita||lill** 'первоцвет мучнистый', букв. 'цветок лошадиного навоза'; **hobu||hain, hobu||jain** 'щавель кислый', 'зимолоубка зонтичная', букв. 'лошадиная трава'; **hobu||juur, hobuse||juur** 'колючник', 'омежник водный', букв. 'лошадиный корень'; **hobu||king** 'чина луговая', букв. 'лошадиный башмак'; **hobu||kumel, hobu||kōömel, hobu||kōömen** 'ромашка пахучая', 'турча тминолистная', букв. 'лошадиная ромашка'; **hobu||läätsed** 'мытник болотный', букв. 'лошадиная чечевица'; **hobu||madar, hobuse||madar, hobo||madarad, hobose||madarad, hobuse||madu, hobbu||maddarad, hobbo||mad(d)ar, hobbo||maddarad, hobbose||maddarad** 'василек луговой', 'лапчатка ползучая', 'лапчатка прямостоящая', 'паслен сладко-горький', 'подмаренник желтый', 'подмаренник мягкий', букв. 'лошадиный подмаренник'; **hobu||maitsed, obu||maetsed** 'подмаренник желтый', 'подмаренник мягкий', 'подмаренник настоящий', букв. 'лошадиное лакомство'; **hobu||maran, hobu||marana'** 'зверобой пятнистый', 'подмаренник желтый', 'подмаренник северный', букв. 'лошадиная лапчатка'; **hobu||oblik, hobu||oblikas, hobuse||oblik, hobuse||oblikad, hobuse||oblikas, hobuse||hublik, hobo||oblikad, hobose||hoblik, hobu||liblikas, hobuse||oblikut, hobbo||oblikas, hobbose||oblikad, hobbose||oblikut, hobbose||hoblikad, obu||oblikad, obu||oblikas** 'хвощ полевой', 'хвощ речной', 'щавель длиннолистный', 'щавель кислый', 'щавель водяной', 'щавель конский', 'щавель курчавый', 'щавель туполистный', букв. 'лошадиный щавель'; **hobu||punad, hobuse||puna, hobuse||pune** 'зверобой', 'подмаренник желтый', 'щавель курчавый', букв. 'лошадиные румяна'; **hobuse||apikas, obu||apukad, obuse||apukas** 'щавель курчавый', букв. 'лошадиный щавель'; **hobuse||hapu||oblik, hobuse||hapu||oblikas, hobose||ap||oblikas** 'щавель кислый', 'щавель курчавый', букв. 'лошадиный щавель'; **hobuse||hurma||rohi** 'лабазник', букв. 'лошадиный чистотел'; **hobuse||kabi, hobuse||kabjad** 'грушанка круглолистная', 'калужница болотная', букв. 'лошадиное копыто'; **hobuse||keele||lõik** 'осока желтая', букв. 'лошадиная осока (порез лошадиного языка)'; **hobuse||kolled** 'очиток ед-

кий', букв. 'лошадиный плаун'; **hobuse||kuljus** 'колокольчик персиколистный', букв. 'лошадиный куколь'; **hobuse||kuse||hapu||oblikas** 'щавель курчавый', букв. 'щавель лошадиной мочи'; **hobuse||kusi, hobuse||kuse||hein, hobuse||kuse||hain, hobuse||kuse||rohi, hobose||kuse||hain** 'лабазник', 'лютик едкий', 'первоцвет мучнистый', 'селезеночник очереднолистный', 'щавель кислый', 'щавель курчавый', букв. 'лошадиная моча' (с дополнительным детерминантом 'трава лошадиной мочи'); **hobuse||kuse||lill(ed), obuse||kuse||lill** 'лютик едкий', 'первоцвет мучнистый', 'сердечник луговой', букв. 'цветы лошадиной мочи'; **hobuse||kuse||oblikas, obuse||kuse||olik** 'щавель воробьиный', 'щавель курчавый', букв. 'щавель лошадиной мочи'; **hobuse||küümne'** 'купырь лесной', букв. 'лошадиные десятки'; **hobuse||kärna||lill** 'лютик кашубский', 'синяк', букв. 'лошадиный лютик'; **hobuse||kōha||rohi, hōbbose||kōhha||rohhi, hobese||kōhha||rohi** 'лапчатка гусиная', 'лютик едкий', 'синяк', букв. 'трава лошадиного кашля'; **hobuse||lill, obuse||lälled** 'кульбаба осенняя', 'лютик едкий', букв. 'лошадиный цветок'; **hobuse||ohakas** 'синяк', букв. 'лошадиный осот'; **hopuse||perse||oblikas** 'щавель курчавый', букв. 'щавель лошадиного зада'; **hobuse||polved, obuse||polved** 'горец развесистый', 'горец шероховатый', букв. 'лошадиные колени'; **hobuse||ristik||hein** 'различные виды клевера', букв. 'лошадиный клевер'; **hobuse||tilk** 'осока желтая', 'хвощ полевой', букв. 'лошадиная горчица'; **hobuse||tubakas** 'коровяк', букв. 'лошадиный табак'; **hobuse||uba** 'боб конский', букв. 'лошадиные бобы'; **hobuse||udar, hobuse||udara||rohi** 'печеночница', букв. 'лошадиное вымя' (с дополнительным детерминантом 'трава лошадиного вымени'); **hobuse||urm, hobuse||urma||juured, hobuse||urma||purikad** 'щавель курчавый', букв. 'лошадиные свертывающие кровь корни, лошадиные свертывающие кровь сосульки'; **hobuse||värtsik, hobuse||värtsikas** 'щавель водяной', 'щавель курчавый', букв. 'лошадиная пряность, лошадиная приправа'; **obu||kärna||lilled** 'мытник болотный', букв. лошадиный щавель курчавый'; **obu||louk** 'щавель кислый', букв. 'лошадиный лук'; **obu||paats** 'крушина ломкая', букв. 'лошадиная крушина'; **obuse||rohi** 'лапчатка гусиная', букв. 'лошадиная трава'; **obuse||tõvve||rohi** 'лапчатка гусиная', букв. 'трава [от] лошадиной болезни'; **obu||udara||lill** 'чина луговая', букв. 'цветок [от болезни] лошадиного вымени (лошадиных сосков)'; с дополнительными определениями: **jõe||hobu||lill** 'щавель водяной', букв. 'речной лошадиный цветок'; **valged hobu||maitsed** 'подмаренник мягкий', букв. 'белые лошадиный подмаренник'

Этм. **hobuse||urm**, букв. 'лошадиная рана' – результат отпадения детерминанта (корни растения использовались как кровоостанавливающее, ранозаживляющее, ср. другие названия; в отношении

названия **hobuse||urma||purikad** – вертикальное соцветие растения напоминает сосульку). *Эст.* **hobese||kastan** 'конский каштан' не является прямой калькой латинского названия *Hippocastanum*; в этом случае калькирование опосредовано немецким (*нем.* **Roß||kastanien**) или русским (ср. **конский каштан**) языком.

Эст. **hobuse||uba** 'боб конский', букв. 'лошадиные бобы', зафиксированное лишь на о. Сааремаа (см. в *Vilbaste*), вероятнее всего, источником своим имеет *нем.* **Pferde||bohne** 'боб конский', букв. 'лошадиные бобы'.

Водский язык

орõõ 'лошадь' – **орõõõ||ublikaz** 'конский щавель', букв. 'лошадиный (конский) щавель'

Ливский язык

i'bbi, e'bbi, i'bbi, ü'bbi 'лошадь' – **ibis||kiela** 'колокольчик', букв. 'лошадиный колокол'

Для прибалтийско-финских языков характерно обилие моделей вида 'название лошади' + 'название конкретного растения, сравниваемого с номинируемым'.

Мордовские языки

Эрзянский язык

алаша 'лошадь' – **алашань панго** 'свинуха', букв. 'лошадиный гриб'; **алашань анис** 'петрушка курчавая', букв. 'лошадиный анис'; **алашаñ tikše** 'коневник', букв. 'лошадиная трава'; **алашаñ umbra·v** 'конский щавель', букв. 'то же'

Мокшанский язык

алаша 'лошадь' – **алаша нар** 'горец птичий', букв. 'лошадиный горец'; **алаша панга** 'свинуха', букв. 'лошадиный гриб'

Марийский язык

имне 'лошадь' – **имны||вогто** 'свинуха', букв. 'лошадиный гриб'

Пермские языки

Удмуртский язык

вал 'лошадь' – **вал||булык||турын** 'медунца', букв. 'трава [от] лошадиного духа болезни'; **вал||дэй||турын** 'ярутка', букв. 'трава [от] лошадиной грыжи'; **вал||быж** 'щавель', букв. 'лошадиный хвост'; **вал||гырлы** 'примула', букв. 'лошадиный колокольчик'; **вал||пыд||гижы** 'копытень', букв. 'копыто конской ноги'

Коми-зырянский язык

вõв (вõл) 'лошадь' – **вõв турун** 'щавель конский', букв. 'лошадиная трава'; **вõв шом||кор** 'щавель конский', букв. 'лошадиный щавель'; **вõл||гум** 'щавель конский', букв. 'конский дудник'; **вõл||шомань** 'щавель конский', букв. 'лошадиный щавель'; **вõв зõр (вõл зõр)** 'овсюг', букв. 'лошадиный овес'; **вõв йõн (вõв||йõн)** 'бодяк разнолистный', 'чертополох' букв. 'лошадиный осот'; **вõв рыжык** 'шампиньон', букв. 'лошадиный рыжик'; сюда же – **вõв||кудз (турун)** 'щавель конский', букв. 'лошадиная моча[-трава]' и **вõл||кудз шомага** 'конский щавель', букв. 'щавель конской мочи'

Ряд финно-пермских «лошадиных» фитонимов имеет общую мотивацию, причем какой-либо компонент может при этом быть генетически родственным в двух или более языках. Для таких фитонимов можно предположить древнее происхождение.

'Поленика' (иногда 'голубика') – названия этих ягод имеют общую мотивацию зоосемизмами со значением 'лошадь' в финском, вепсском языках и карельских наречиях: *фин.* **hepokkainen** с фонетическими вариантами, *кар. собств.* **hepokka, hepokkaini** и др., *кар. люд.* **hebokkahaine, hebočče, вепс. heboč, hebočäine, höbočeine, hebočuine** – различные суффиксальные производные от зоосемизмов со значением 'лошадь'. Сюда же модель 'лошадиная ягода' (см. ниже). Близка мотивация названия поленики в диалектах собственно-карельского наречия словом со значением 'жеребец': **or'hoi, or'hoi(m)||marja, or'hoi||mar'ju, orhonkain'e, orhongani, ol'hoi**.

Модель 'лошадиная трава' представлена следующим образом: *фин. ингерм.* **hevosen||heinä** 'щавель курчавый'; *эст.* **hobu||hain, hobu||jain** 'щавель кислый', 'зимолоубка зонтичная'; **obuse||rohi** 'лапчатка гусиная'; *эрз.* **алашаñ tikše** 'коневник'; *коми зыр.* **вõв турун** 'щавель конский'. Ввиду географического разброса представленных фитонимических данных об общности это модели говорить нельзя. Ср. *нем.* **Pferde||kraut** 'вид газонной посевной травы *Arrhenatherum avenaceum*', 'зубровка'; *нем.* **Roß||gras** 'бухарник', оба букв. 'лошадиная трава'.

По модели 'лошадиный цветок' образованы названия некоторых травянистых растений в финском и эстонском языках: *фин.* **hepo||kukka** 'иванчай, кипрей'; *ингерм.* **hevosen||kukka** 'ятрышник'; *эст.* **hobuse||lill, obuse||lilled** 'кульбаба осенняя', 'лютик едкий', букв. 'лошадиный цветок'.

Модель 'лошадиная ягода' функционирует также только в прибалтийско-финских языках: *фин.* **hepo||marja, hevon||marja** 'кизил шведский', 'роза сизая', 'черная смородина'; **hevosen||marja** 'голубика', *кар. собств.* **hebo||marja, кар. люд. hebon||mard'a** 'поленика'. Названиями лошади мотивированы и другие наименования поленики в карельском и вепсском языках (см. выше). Ср. также *лит.* **arklia||uogė** 'толокнянка', букв. 'лошадиная ягода'.

Модель 'лошадиный гриб' представлена следующим образом: *фин.* **hepo||sieni** 'сморчок', букв. 'лошадиный гриб'; **hepo||tatti** 'боровик, белый гриб', букв. 'лошадиный гриб (трубчатый)'; *эрз.* **алашань панго** 'свинуха'; *мокиш.* **алаша панга** 'свинуха'; *мар.* **имны||вогто** 'свинуха'; совпадение модели в ряде языков может указывать на ее древность (за пределами прибалтийско-финских языков она относится к свинухе), кроме того, эрзянский и мокшанский миконимы явно восходят

к единой общемордовской форме. Ср. *рус.* **конский гриб** 'поганка серая'.

Модель 'лошадиный хвост' встречается в двух языках, находящихся между собой в отдаленном родстве: *фин.* **hepo||häntä, hevон||häntä, hevosen||häntä** 'иван-чай', 'купальница европейская', 'полынь', 'хвостник обыкновенный', 'щавель курчавый'; *удм.* **вал||быж** 'щавель'; очевидно, представленные фитонимы обоих языков не связаны между собой. Ср. *рус.* **конский хвост** 'хвоц', а также *лат.* (номенклатурное) **hippuris** 'хвостник', образованное из двух основ со значениями 'лошадь' и 'хвост'; эта модель активна и в других европейских языках, например, *англ.* **horse||tail** 'хвоц' и *фр.* **queue de cheval** 'хвостник'. Впрочем, последнее название может быть калькой латинского.

Форма большинства перечисленных растений напоминает по форме лошадиный хвост (щавель, иван-чай, хвостник, полынь); на купальницу название, вероятно, перенесено с другого растения.

Модель 'лошадиный (конский) щавель' получила необычайно широкое распространение: *фин.* **hevosen||suola||heinä** 'щавель курчавый'; *кар.* **hevон||šuola||hein'ä**; *венг.* **hebon||muig'cud; hobu||oblikas**; *вод.* **opōzōō||ublikaz**; *эрз.* **alašañ umbra·v**; *удм.* **вёл||шомань**; *коми зыр.* **вөв шом||кор** 'щавель конский', все букв. 'лошадиный щавель'; по-видимому, имеет место калькирование русского фитонима в каждый из данных языков по отдельности. Впрочем, в отношении некоторых прибалтийско-финских фитонимов можно предположить изменения, связанные с действием народной этимологии: ср. близкие по звучанию эстонские названия щавеля **hobu||oblik, hobu||oblikas** (букв. 'лошадиный щавель') и **haru||oblik, haru||oblikas** (букв. 'кислый щавель').

В этих сложных названиях определяющий компонент имеет значение 'лошадь', в то время как значение детерминанта 'щавель'. Несколько иная семантическая структура у сложных названий щавеля в других языках ('лошадь' + детерминант с общим значением; переносное название): *удм.* **вал||быж** 'щавель кислый', букв. 'лошадиный хвост'; *коми зыр.* **вөв турун** 'щавель конский', букв. 'лошадиная трава'; **вёл||гум** 'щавель конский', букв. 'конский дудник'.

Такая же модель номинации присутствует и в татарском языке – *тат.* **ат кузгалагы** 'щавель конский', букв. 'то же' (*тат.* **кузгалак** 'щавель'), в башкирском языке (*баш.* **куш||кулак**), в чувашском языке (*чув.* **ут кайшкәрё**). В этой связи интересным представляется ряд тюркских названий кислых на вкус растений, мотивированных названиями лошадиного молока (кумыса), напр. *тат.* **кымызлык** 'кислица', *тат. диал.* **кымызыб** 'свербига', 'щавель', 'кислица'; *кирг.* **кумыздык** 'щавель', *каз.* **кымыздық** 'щавель'. Кумыс является носителем признака наличия кислого вкуса. Отсюда очень

вероятно семантическое развитие мотивирующего слова: 'молоко лошади' → 'лошадь'. Из тюркских языков модель попала в славянские языки, для которых правдоподобное объяснение происхождения номинации иначе невозможно (ср. *рус.* **конский щавель, лошадиный, лошадиная кислица**). Это тем более вероятно, что именно тюркские народы, в отличие от славян, активно занимались скотоводством и, в частности, коневодством. Далее модель попала в финно-пермские языки, где появились своеобразные ее перетолкования и уточнения, например, модели, содержащие компонент 'моча': 'цветок лошадиной мочи', 'щавель лошадиной мочи' и т. д. Из русского языка в таком случае происходят и *лит.* **arklia||rūgštė** 'конский щавель', и *латышск.* **zīrg||skābenes** 'конский щавель', оба букв. 'конский (лошадиный) щавель'.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие совпадений данной мотивации фитонимов в коми и удмуртском языке, то есть явное отсутствие каких-либо общих «лошадиных» моделей в общепермском языке. Это указывает на поздний характер мотивирования растения названием лошади и заимствованный характер большинства коми моделей, включающих **вөв (вёл)** 'лошадь'.

В ряде фитонимов, содержащих зоосемизмы со значением 'лошадь', отразились лечебные свойства растений. Примеры: *эст.* **obuse||tõvve||rohi** 'лапчатка гусиная', букв. 'трава [от] лошадиной болезни'; **hobuse||urm**, букв. 'лошадиная рана' (подробнее обо этом названии см. выше); **obu||udara||lill** 'чина луговая', букв. 'цветок [от болезни] лошадиного вымени (лошадиных сосков)'; *удм.* **вал||булык||турын** 'медуница', букв. 'трава [от] лошадиного духа болезни'; **вал||дэй||турын** 'ярутка', букв. 'трава [от] лошадиной грыжи'. Необходимость лошади как тяглого животного для хозяйства вызывала появление целого пласта народных ветеринарных знаний, включающих сведения о лекарственном применении трав для лечения различных болезней лошадей.

Название **жеребца** представлено лишь в составе двух удмуртских фитонимов: *удм.* **уж** 'жеребец' – **уж||быж** 'щавель конский', букв. 'хвост жеребца'; **уж зег** 'спорынья', букв. 'рожь жеребца'.

Фитонимы, содержащие зоосемизмы со значением 'жеребенок'

Названия жеребенка весьма широко распространены в качестве мотиваторов названий растений. Большинство таких фитонимов известно в финском и эстонском языках.

Прибалтийско-финские названия жеребенка имеют, скорее всего, балтийское происхождение, ср. *лит.* **veršis** 'теленоч', *латышск.* **vērsis** 'бык'. Происхождение мордовских зоосемизмов не установлено, но они также могут иметь отношение к указанным балтийским словам. *Мар. Л.* **чома**, *удм.* **чуньы**, *коми чань* родственны *венг.* **csina** 'жеребенок' и, та-

ким образом, имеют общефинно-угорское происхождение; в отношении марийского зоосемизма имеются сомнения из-за характера инфлаутного согласного [см. подробнее в: 2, с. 101–102].

Прибалтийско-финские языки

Финский язык

vars 'жеребенок' – **varsan||jal(a)ka** 'горец шероховатый', 'одуванчик', букв. 'нога жеребенка'; **varsan||kaali** 'фиалка собачья', букв. 'капуста жеребенка'; **varsan||kavio**, **varsan||kaava**, **varsan||kavio(n)||kukka**, **varsan||kavian||kukkainen** 'белозор болотный', 'грушанка круглолистная', 'грушанка средняя', 'линнея северная', 'майник двулистный', 'одуванчик', 'фиалка лесная', букв. 'копыто жеребенка' (с дополнительным детерминантом 'цветок копыта жеребенка'); **varsan||kavia||kaali** 'фиалка собачья', 'фиалка трехцветная', букв. 'капуста колена жеребенка'; **varsan||kello** 'колокольчик крапиволистный', букв. 'колокол жеребенка'; **varsan||kenkä**, **varsan||kengän||kukka** 'грушанка круглолистная', 'грушанка средняя', букв. 'подкова жеребенка' (с дополнительным детерминантом 'цветок подковы жеребенка'); **varsan||kukka**, **varsan||kukkanen** 'грушанка круглолистная', 'сабельник болотный', букв. 'цветок жеребенка'; **varsan||marja** 'майник двулистный', букв. 'ягода жеребенка'; **varsan||polven||ruoho**, *ингерм.* **varsan||polv(i)||heinä**, **varsan||pol'v||heinii**, 'горец перечный', 'горец почечуйный', 'горец птичий', 'горец шероховатый', 'гравилат речной', 'сабельник болотный', 'фиалка трехцветная', букв. 'колено жеребенка' (с дополнительным детерминантом 'трава колена жеребенка'); **varsan||ruoho** 'горец перечный', 'горец почечуйный', букв. 'трава жеребенка'; **varsan||upukka**, **varsan||nupukka** 'кубышка желтая', 'кувшинка', букв. 'кубышка (кувшинка) жеребенка'

Карельские наречия

varza 'жеребенок' – *кар. собств.* **varzam||polvi||heinä**, *кар. ливв.* **varzam||polvi||heiny** 'горец шероховатый', 'зорька', 'смолевка', букв. 'трава колена жеребенка'

Эстонский язык

vars 'жеребенок' – **põld||vars||põlv** 'очный цвет полевой', букв. 'полевое колено жеребенка (или 'полевая вероника' – название **vars||põlv** может относиться к ряду растений)'; **vars||jalg** 'калужница болотная', букв. 'нога жеребенка'; **vars(s)a||kabi**, **vars||kabja**, **vars||kabjad**, **vars||kabjas**, **vars||kabjaleh**, **vars||kapjad**, **vars||kavi** 'белозор болотный', 'будра плющевидная', 'водосбор', 'вороний глаз четырехлистный', 'грушанка круглолистная', 'калужница болотная', 'копытеня европейский', 'кубышка желтая', 'лютик кашубский', 'майник двулистный', 'мать-мачеха', 'ортилия однобокая', 'первоцвет весенний', 'печеночница благородная', 'селезеночник очерднолистный',

'фиалка болотная', 'фиалка собачья', букв. 'копыто жеребенка'; **vars||mari** 'вороний глаз четырехлистный', букв. 'ягода жеребенка'; **vars||põlv(ed)**, **vars||põlved**, **vars||põlved** 'вероника береговая (или ключевая)', 'горец развесистый', 'очный цвет полевой', букв. 'колено жеребенка'; **vars||põlve||rohi**, **vars||põlve||rohi** 'горец почечуйный', 'горец развесистый', букв. 'трава колена жеребенка'

Мордовские языки

Эрзянский язык

вашо 'жеребенок' – **вашень||биле** 'медуница неясная', букв. 'ухо жеребенка'

Марийский язык

чома (*Г. цама*) 'жеребенок' – **чома||воч** (*Г. цама||вач*) 'щавель конский', букв. 'хвост жеребенка'; **чома||вылыш** 'щавель конский', букв. 'ухо жеребенка'

Мар. **чома||вуч** 'щавель конский', букв. 'жеребчатый дудник', несмотря на семантическое соответствие в мокшанском языке, кажется все же вторичным по отношению к переносному **чома||воч**, основанному на сравнении щавеля с лошадиным хвостом.

Пермские языки

Удмуртский язык

чуньы 'жеребенок' – **чуньы||быж** 'щавель кислый', 'щавель конский', букв. 'хвост жеребенка'; **чуньы||пыд** 'копытеня европейский', букв. 'нога жеребенка'

Коми-зырянский язык

чань 'жеребенок' – **чань||кок турун** 'копытеня европейский', букв. 'трава ноги жеребенка'

Наибольшее распространение получили сложные названия травянистых растений, образованные в соответствии с моделями номинации вида 'жеребенок + название части тела этого животного' (образуются переносные фитонимы).

Модель номинации растений 'ягода жеребенка' представлена в финском (**varsan||marja** 'майник двулистный') и эстонском (**vars||mari** 'вороний глаз четырехлистный') языках.

Модель 'нога жеребенка' ('трава ноги жеребенка'), имеющаяся в пермских языках и относящаяся к одному растению (копытеня), несомненно, является общепермской. Та же модель 'нога жеребенка' представлена в некоторых прибалтийско-финских языках: *фин.* **varsan||jal(a)ka** 'горец шероховатый', 'одуванчик'; *эст.* **vars||jalg** 'калужница болотная'. Недостаточность лексических данных не позволяет судить о древности модели для прибалтийско-финских языков, несмотря на полную материальную общность ее компонентов в фитонимах этих языков.

Фитонимы, образованные по модели 'копыто жеребенка', представлены лишь в финском и эстонском языках и относятся к большому числу непохожих друг на друга растений: *фин.* **varsan||kavio**, **varsan||kaava**, **varsan||kavio(n)||kukka**,

varsan||kavian||kukkainen 'белозор болотный', 'грушанка круглолистная', 'грушанка средняя', 'линейя северная', 'майник двулистный', 'одуванчик', 'фиалка лесная'; *эст.* **vars(s)a||kabi, varsa||kabja, varsa||kabjad, varsa||kabjas, varsa||kabjaleh, varsa||kapjad, varsa||kavi** 'белозор болотный', 'будра плющевидная', 'водосбор', 'вороний глаз четырехлистный', 'грушанка круглолистная', 'калужница болотная', 'копытень европейский', 'кубышка желтая', 'лютик кашубский', 'майник двулистный', 'мать-мачеха', 'ортилия однобокая', 'первоцвет весенний', 'печеночница благородная', 'селезеночник очереднолистный', 'фиалка болотная', 'фиалка собачья'. У некоторых из перечисленных растений (например, копытня, фиалок, кубышки) форма листьев напоминает отпечаток лошадиного копыта, в отношении других причина применения модели неясна; по-видимому, в этих случаях произошел перенос названий с одних растений на другие из-за их каких-либо общих свойств. Семантически близкая модель 'подкова жеребенка' функционирует в финском языке и относится к различным видам грушанки; листья этих растений по форме напоминают отпечаток подковы.

Модель 'колено жеребенка' представлена лишь в прибалтийско-финских языках: *фин.* **varsan||polven||ruoho**, *ингерм.* **varsan||polv(i) (||heinä), varsan||pol'v||heini**, 'горец перечный', 'горец почечуйный', 'горец птичий', 'горец шероховатый', 'гравилат речной', 'сабельник болотный', 'фиалка трехцветная'; *кар. собств.* **varzam||polvi||heinä**, *кар. ливв.* **varzam||polvi||heiny** 'горец шероховатый', 'зорька', 'смолевка'; *эст.* **varsa||põlv(ed), varsa||polved, varsa||põlved** 'вероника береговая (или ключевая)', 'горец развесистый', 'очный цвет полевой', **varsa||põlve||rohi, varsa||polve||rohi** 'горец почечуйный', 'горец развесистый'. Несомненно, модель является обще-прибалтийско-финской. Ср. также модель 'лошадиные колени', например, в эстонском языке.

Модель номинации 'ухо жеребенка' функционирует в эрзянском (**вашень||биле** 'медунца неясная') и марийском (**чома||вылыш** 'щавель конский') языках.

Модель 'хвост жеребенка': *мар.* **чома||воч** (*Г. цама||вач*) 'щавель конский'; *удм.* **чуны||быж** 'щавель кислый', 'щавель конский'.

Две последние модели, вероятно, образовались в различных языках самостоятельно.

Выше нами рассмотрены все значимые модели номинации растений, в которых имеется мотивация названием лошади (жеребенка). Иные модели функционируют, как правило, в пределах одного языка (наречия).

Сокращения названий языков

балт. – балтийские языки, *баш.* – башкирский, *венг.* – венгерский, *вепс.* – вепсский, *вод.* – вод-

ский, *герм.* – германский, *гот.* – готский, *греч.* – греческий, *др.-сакс.* – древнесаксонский, *ижор.* – ижорский, *каз.* – казахский, *кар.* – карельские наречия (*ливв.* – ливвиковское, *люд.* – людиновское, *собств.* – собственно-карельское, *кар. твер.* – тверские говоры собственно-карельского наречия), *кирг.* – киргизский (кыргызский), *лат.* – латинский, *латышск.* – латышский, *лив.* – ливский, *лит.* – литовский, *мар.* – марийский (*Л.* – лугово-марийский, *Г.* – горномарийский), *моки.* – мокшанский, *морд.* – мордовские языки, *нем.* – немецкий, *приб.-фин.* – прибалтийско-финские, *рус.* – русский, *тат.* – татарский, *удм.* – удмуртский, *фин.* – финский (*ингерм.* – ингерманландские говоры финского языка), *фр.* – французский, *хант.* – хантыйский, *чув.* – чувашский, *эрз.* – эрзянский, *эст.* – эстонский

Библиографический список

1. *Винокурова И.Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов. – Петрозаводск, 2006. – 448 с.
2. *Кузнецова М.* Происхождение названий животных в марийском языке // *Linguistica Uralica*. – Tallinn, 1993. – № 3. – С. 182–188.
3. *Садиков Р.Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). – Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. – 232 с.
4. *Салаева Т.А.* Семейно-родовая культура мордвы: традиции и инновации: дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2016. – 306 с.
5. СВЯ – *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепского языка / ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР. – Л.: Наука, 1972. – 747 с.
6. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46. – М.; Л.; СПб., 1965–2013.
7. EES – *Eesti etimoloogiasõnaraamat.* Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli edrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. – Tallinn, 2012. – 792 lk.
8. *EWD – Pfeiffer W.* Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999. 1696 s. ISBN-13 978-3423325110
9. *SKES – Toivonen Y.H.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII / Y.H. Toivonen, E. Itkonen, A.J. Joki etc. – Helsinki, 1955–1981.
10. *SSAP – Suomen sanojen alkuperä.* I – III. – Helsinki, 1992. – 486 s. (I); 1995. – 470 s. (II); 2000. – 503 s. (III).
11. *Suhonen P.* Suomalaiset kasvinnimet. Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicae Fennicae Vanamo 7: 1. – Helsinki, 1936.
12. *Vilbaste G.* Eesti taimenimetused // *Emakeele Seltsi Toimetised*. – Tallinn, 1993. – № 20 (67). – 708 lk.

МИКРОТОПОНИМЫ XVIII–XX ВВ. ГОРОДА КОСТРОМЫ

В статье рассматриваются вопросы организации топонимического пространства города Костромы в XVIII–XIX вв. Городская топонимия имеет достаточно сложную и разветвленную структуру. На материале микротопонимов города Костромы в статье представлены тематические группы: названия храмов и монастырей, имена объектов жизнедеятельности города, промышленных объектов, ландшафтных, частных домов, мест отдыха. Особую группу составляют микротопонимы-эклезионимы, которые почти всегда имели адресную приставку, что указывает на их принадлежность к топонимам. Большую группу составляют микротопонимы, образованные от названий объектов жизнедеятельности города общественного значения: гастрономов, казарм, ночлежек, тюрем, богаделен. В XIX–XIX вв. значительными объектами, названия которых становятся микротопонимами, являются промышленные и торговые предприятия. Отдельные группы составляют микротопонимы, образованные от апеллятивов, называющих объекты здравоохранения, образования и места отдыха, что свидетельствует об их значимости в жизни горожан.

Уделяется внимание этимологии названий. Приводятся эллиптированные микротопонимы. В процессе исследования микротопонимов в статье выявляются наиболее продуктивные способы их образования: от апеллятивов и антропонимов. Среди антропонимических микротопонимов наиболее распространены названия частных владений, доходных домов. В статье поднимается вопрос о нахождении топонимов в активном использовании либо пассивном запасе и о возвращении микротопонимов в речь горожан. Предложенная автором модель исследования может быть использована при описании микротопонимов других периодов развития городской топонимии.

Ключевые слова: городская топонимия, микротопонимы, микротопонимы-эклезионимы, антропонимы, апеллятивы, тематические группы, способ образования микротопонимов, официальные названия, неофициальные названия, адресный компонент в названии.

Городская топонимия имеет достаточно сложную и разветвленную структуру. В её состав включаются официальные названия городских поселений, частей города, посадов, слобод, деревень, вошедших в городскую черту, площадей, улиц и т. д. Значительную долю также занимают микротопонимы, которые представлены официальными названиями наиболее значимых городских объектов и неофициальными названиями различных мест, закреплённых в сознании жителей как постоянные имена, регулярно повторяемые и имеющие определённую семантическую окраску.

Городские микротопонимы – это наименования отдельных объектов, выполняющих адресную функцию: названия предприятий, торговых точек, кладбищ, храмов, строений, отдельных мест города. Микротопонимы Костромы характеризуются прозрачной мотивировкой, ясной этимологией, часто носят экспрессивный характер. Они встречаются в исторических текстах, иногда фигурируют в официальных документах. Микротопонимы отличаются от названий объектов в первую очередь своей закреплённостью в бытовой речи горожан, повторяемостью, адресной принадлежностью, возможностью определить местоположение объекта.

Описание микротопонимов Костромы формирует представление об исторических традициях и духовной культуре костромичей, дает возможность раскрыть историю города через язык названий городских объектов, подчеркивает своеобразие и неповторимую привлекательность волжских костромских наименований [4, с. 87].

Классифицируя микротопонимы Костромы XVIII–XIX вв., можно представить следующие группы: названия храмов и монастырей, имена объектов жизнедеятельности города, промышленных объектов, ландшафтных, частных домов, мест отдыха.

Представим группу микротопонимов-эклезионимов, названия которых почти всегда имели адресную приставку, что указывает на их принадлежность к топонимам.

Церковь *Богословская на Каткиной горе*. Название храму дано в честь Святителя Иоанна Богослова. Оно включает адресный компонент, указывающий на ее расположение (ул. Горная). Каменный храм с колокольней, построен в 1876 г. средствами костромского 1-й гильдии купца М.Н. Чумакова вместо старого, построенного в 1689 г. [10, л. 202].

Богоявленский собор – каменный храм, который был восстановлен на территории Соборного ансамбля в 1776–1790 гг. после пожара 1773 года. В 1929 г. был закрыт, а 1934 г. вместе с Успенским собором продан на кирпич и щебень для строительства льнокомбината и взорван. Название получило в честь христианского праздника Богоявления.

Церковь Воскресенская на Площадке, названная в честь Воскресения Христова, часто именовалась просто «церковь на площадке». Имелась в виду небольшая площадь, где в настоящее время расположен центральный фонтан города. Каменный храм построен в 1744 г. дворянином А.Б. Иларионовым, разрушена в 1930 г. [10, л. 577 об.].

Златоустовская церковь названа в честь Святителя Иоанна Златоуста. Каменный храм построен в 1751 г. на средства прихожанина И.С. Ара-

вина, а приделы устроены в 1791 г. на средства купцов Дурыгиных.

Покровская в Крупениках церковь. Названа в честь Покрова Пресвятой Богородицы с прибавлением названия городского предместья **Крупеники**. Построена в 1790 г. на средства прихожан. Храм разрушен в 1936 г., на его месте в середине 1950-х гг. была установлена телевышка.

Спасская в Гостином ряду церковь. Названа во имя Христа Спасителя. Каменный храм с колокольной возведен с 1766 г. на средства купца С.С. Белова. В начале 90-х гг. XVIII в. при постройке С.А. Воротиловым Гостиного двора (Красных рядов) церковь оказалась внутри рядов.

Спасо-Запрудненская церковь. Названа в честь Нерукотворного образа Спасителя с адресным компонентом – наименованием реки Запрудни. Храм построен, согласно легенде, на месте обретения костромским князем Василием иконы Федоровской Божией Матери. Каменный храм возведен в 1754 г., пристройка – в 1806 г. на средства купца В.И. Стригалева. Главную достопримечательность церкви составляет нерукотворный образ Спасителя письма Вятской Строгановской школы XV в.

Спасская в Подвязье церковь. Храм назван в честь Христа Спасителя с адресным компонентом – названием Позвязье. Приделы устроены в 1806 г. купцами Ашистинными (Ошастинными) [10, л. 589].

Успенский собор. Был расположен на территории Соборного ансамбля (центральный парк), назван в честь праздника Успения Божией Матери. После пожара 18 мая 1773 г. собор был восстановлен в камне по велению императрицы Екатерины II. Разрушен в 1936 г.

Христорождественская в Дебре церковь. Располагалась на Нижней Дебре (на углу с переулком Коротким). Чаше называлась по приделу храма, который был устроен в честь Николая Чудотворца [10, л. 587]. Так как храм был построен на болотистом берегу Волги, храм часто называли церковь **Николая Мокрого**. Каменный храм построен в 1734 г. на средства прихожан. В настоящее время церковь утрачена. Эти названия могли появиться ещё в XVII в., так как каменные постройки возводились на месте одноименных деревянных храмов.

Несколько экклезионимов образовано от апеллятивов, это обусловлено единичностью объекта. В городе были: одна кирха, мечеть и костел.

Кирха¹ – евангелическо-лютеранская церковь (кирха) находилась в последнем квартале улицы Богоявленской на углу с Царевским переулком. В настоящее время улица Симановского. **Костел** – топоним обозначает дом № 41 по улице Ивановской. До 1920-х гг. – здание римско-католической общины, молельного дома, построенного для приехавших в Кострому ссыльных поляков [8, с. 12]. **Мечеть**. Это место поклонения, культовое мусуль-

манское сооружение. В Костроме мечеть была возведена в 1780 г. на территории Татарской слободы. В настоящее время разрушена.

Продуктивным можно считать способ образования микропонима от названия объектов общественного значения, играющих какую-либо роль в жизнедеятельности города.

Гастроном – в XIX–XX вв. располагался на углу улицы Ильинской (Чайковского) и Русина (Советской). Топоним в пассивном запасе.

Ночлежка. Название ночлежного дома, построенного купцом Черновым для костромских бездомных и нищих. В настоящее время это здание водоканала в первом квартале улицы 1 Мая с мемориальной плитой, раскрывающей историю здания [5, с. 35].

Тюремный замок – топоним возник в связи с постройкой на средства костромских купцов здания в 1748 г. в период царствования Екатерины Великой. Когда-то он возвышался на городской окраине [1, с. 5]. С годами город окружил тюрьму, теперь она оказалась на центральной улице (Советской) и стала выполнять роль следственного изолятора. Составной топоним **Тюремный замок** стал употребляться в эллиптированном виде **Тюрьма**.

Гауптвахта. Расположена на площади Сусанина. Гауптвахта – это место отбывания наказания для офицеров и солдат. В настоящее время здание занимает музей.

Баня на Сенной. Бывшие Румянцевские бани, построенные в 1891 г. мещанином В.Д. Румянцевым на Сенной площади. Бани проработали до времен Гражданской войны, сооружения снесены в 1980 г.

Дворянское собрание. Так называли орган дворянского сословного самоуправления в Российской империи в 1785–1917 гг. Здание Дворянского собрания в Костроме было построено в 1780-х гг. как жилой дом купца М.П. Дурыгина. В 1837 г. город выкупил его для Дворянского собрания. В 1891–1917 гг. в здании размещалась Костромская губернская архивная комиссия – с архивом, музеем и библиотекой. После 1917 г. в здании разместился рабоче-крестьянский университет, позднее – Дворец пионеров. Сейчас в здании – экспозиции Историко-архитектурного музея-заповедника (расположен на проспекте Мира, дом № 7).

Лазаревское кладбище – территория бывшего кладбища. В 1929 г. разрушена церковь Рождества Богородицы с приделом Святого Лазаря, кладбище закрыто, в настоящее время это район площади Конституции, на месте кладбища разбита роша.

Пожарка – пожарная каланча в центре города на площади Сусанина, уникальный памятник архитектуры, автор П.И. Фурсов.

Небольшую группу образуют микропонимы, называющие объекты здравоохранения.

Красный Крест – топоним называет здание общины сестер милосердия Красного Креста во имя

Федоровской Божией Матери и Романовской больницы, появившейся в годы Первой мировой войны. Госпиталь общества Красного Креста основан по предложению императрицы Марии Федоровны, здание построено к празднованию 300-летия Дома Романовых к приезду в Кострому императора Николая II [3, с. 51]. В настоящее время это онкологический диспансер на улице Нижняя Дебря, дом № 19, напротив церкви Воскресения на улице Нижней Дебре. Данный топоним встречается в речи горожан.

Отдельную группу микротопонимов составляют наименования, образованные от антропонимов, называвших образовательные учреждения.

Гимназия Смоляниновой. Частная женская гимназия Ю.В. Смоляниновой [7, с. 14]. Топоним – в пассивном запасе. **Григоровская гимназия.** Названа по имени её основателя А.Н. Григорова. Это была первая в России женская гимназия, преобразованная из училища в 1870 г. Первой начальницей гимназии стала смолянка Софья Андреевна Шкот. Сейчас в этом здании находится один из корпусов Костромского государственного университета.

Романовский пансион. Пансион назван по фамилии царской династии Романовых. В 1865 г. при Григоровской женской гимназии на средства костромского дворянства был открыт Романовский пансион для проживания иногородних воспитанниц. С начала XX в. это госпиталь, расположен на современной улице Лермонтова.

Чижевское училище – профессионально-техническое механическое училище. Названо по имени мецената, русского промышленника, общественного деятеля и ученого Ф.В. Чижова, открывшего в 1894 г. это училище. В настоящее время Костромской энергетический техникум им. Ф.В. Чижова.

Значительной является в указанный период группа микротопонимов, называющих объекты промышленности и торговли.

Белилка – название поварни купцов Пыпиных для беления пряжи на улице Набережной [2, с. 44]. **Ликерка** – неофициальное название ликеро-водочного завода, расположенного в начале улицы Ленина; активно употребляется и в наше время. **Маслозавод** – название завода, основанного в 1898 г. купцом Н.А. Толстопятовым [3, с. 46]. Завод расположен на улице Лесной. **Тарунинская пекарня.** Бывшая пекарня Таруниных расположена в первом квартале улицы Горной. Топоним в активной лексике, так как в настоящее время в здании размещено ООО «Тарунинская пекарня», занимающееся производством хлеба и мучных кондитерских изделий и выпускающее «Тарунинский хлеб». **У Днепров.** В 1903 г. на улице Дебринской купец А.Ю. Днепров возвел дом из красного кирпича. Разместившийся здесь позднее продуктовый магазин получил неофициальное имя *У Днепров.*

Топоним сохранился. В настоящее время в здании размещена художественная школа. **У Лонжа.** Последний дом Еленинской улицы (Ленина) – продуктовая лавка К.В. Лонжа. Здесь в основном делали покупки крестьяне, возвращавшиеся из Костромы по Сущевскому тракту.

Небольшую группу составляют названия частных домов. **Третьяковские дома** – топоним обозначает доходные дома, принадлежавшие купцу первой гильдии И.П. Третьякову, представителю старинного рода купцов-раскольников. Петр Иванович разбогател на винокурном деле и построил доходные дома [3, с. 134]. Здания расположены на пересечении улиц Пятницкой и Симановского. В настоящее время в здании размещено музыкальное училище им. М.М. Ипполитова-Иванова.

Дом Акатова. Дом № 18 с колоннами на улице А.Н. Островского. Его возвел в 1819–1820-х гг. меццанин Н.П. Акатов, торговавший в Красных рядах тканями.

Дом Борцова. Это одна из крупнейших усадеб эпохи классицизма в Костроме. Построена в 1819–1824 гг. для генерал-лейтенанта С.С. Борцова, участника войны 1812 г. Расположена на углу проспекта Мира и улицы Шагова.

Дом Колодезниковых. Бывший купеческий особняк, памятник архитектуры. Расположен по улице Молочной горе, дом № 4. Дом назывался по имени владельцев Колодезниковых, фамилия которых происходит от названия ремесла «колодезники» – копатели колодцев. С 1800-х гг. Колодезниковы занимались кузнечным ремеслом, затем, разбогатев, стали торговать скобяным товаром.

Дом Стригалевых. Расположен на улице Молочная гора, дом 6/8. Назывался по имени владельца – богатого купца-кожевника И.Л. Стригалева. Фамилия напоминает о потомственной профессии «стригали» – парикмахеры и брадобреи.

Обозначена и группа микротопонимов от названий мест отдыха.

Пале. Название происходит от французского «*palais*» – дворец. Это название кинотеатра К.С. Бархатова, открытого в 1912 г. После 1917 г. он переименован в «Художественный» [6, с. 30]. В настоящее время произошла реставрация названия, новый развлекательный центр в этом же здании называется «Пале». **Колнаки** – чайная общества трезвости, расположенная на Молочной горе. Название связано с колпаками – элементами формы обслуживающего персонала чайной. **Козий парк.** В XIX в. в конце улицы Русина (Советской) за тюрьмой вплоть до речки Черной (территория площади Конституции) тянулись зеленые насаждения, где костромичи пасли коз. За этим местом закрепилось название Козий парк, сохраняющееся и поныне.

Разнообразие групп микротопонимов, использование характерных мотивировочных основ дает

возможность говорить о топонимии Костромы как развитой, семантически насыщенной, структурно оформленной системе.

Примечание

¹ Здесь и далее топонимы, не имеющие ссылки на источник, собраны автором при опросе респондентов.

Библиографический список

1. Антонов С. Тайны тюремного замка // Хронометр. – 2004. – № 28. – С. 4.
 2. Бочков В.Н. Улицы Костромы: справочник. – Ярославль, 1989. – С. 39.
 3. Бочков В.Н. Старая Кострома: рассказы об улицах, домах и людях. – Кострома, 1997. – 232 с.
 4. Горланова И.Б. Топонимия города Костромы. – Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та,

2010. – 115 с.

5. Кивокурцева О. Ночлежный дом Чернова // Костромские ведомости. – 1993. – № 7.

6. Клейменов В. Улица Чайковского // Молодежная линия. – 2003. – 23 января. – № 5 – С. 30.

7. Негорюхин Б. Прогулки по Костроме. Улица Первого мая // Костромская народная газета. – 2001. – № 28. – 27 июня. – С. 12.

8. Павлова Т.В. Прогулки по Костроме // Костромская народная газета. – 2001. – № 23. – 6 июня. – С. 12.

9. ПАКО – Памятники архитектуры Костромской области: каталог.– Кострома, 1996. – Вып. 1. – Ч. 1. – 367 с.

10. ПК – Писцовая книга г. Костромы 1628 года // ГАКО. – Ф. 558. – Оп. 2. – Д. 133.

11. Резепин П.П. Дурыгины // Костромской предприниматель. – 2004. – № 5 (41) – С. 9.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

*В статье отражены основные проблемы составления региональных словарей диалектной фразеологии. Актуальность работы по фиксации и описанию диалектных фразеологических единиц отдельных регионов обуславливается набирающим обороты процессом нивелирования диалектных особенностей в современном русском языке. На примере рязанских говоров охарактеризованы наиболее существенные задачи, решаемые таким словарем, предложена структура словарной статьи словаря фразеологических диалектизмов Рязанской области, включающая в себя орфоэпическое, морфологическое, синтаксическое, семантическое и географическое описание языковой единицы. В качестве источников исследования использовались существующие диалектные словари рязанских говоров, Словарь русских народных говоров, а также данные диалектологических экспедиций, проводимых кафедрой русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Фразеология понимается авторами в широком смысле и включает в себя максимально возможное количество устойчивых сочетаний, в которое входят собственно фразеологические единицы, устойчивые сочетания терминологического характера, предложено-надежные конструкции и т. д. В результате проведенного анализа составлена картотека, насчитывающая около 1 850 фразеологических диалектизмов, встречающихся в Рязанской области. Все используемые языковые иллюстрации выделены курсивом и приводятся с семантическим описанием. В качестве примера оформления словарной статьи использованы рязанские фразеологические диалектизмы *анчутка ее знает* и *благой характером*.*

Ключевые слова: рязанская диалектная фразеология, словарь, фразеологический диалектизм, лексикографическое описание, семантика.

В связи с интенсивным процессом нивелирования диалектных особенностей в XX и особенно в XXI веке вопрос о фиксации диалектологического материала в специальных областных словарях встает особенно остро. Рязанская группа говоров относится к диалектам первичного образования и территориально охватывает Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую и восточную часть Липецкой области, то есть является самой распространенной по площади среди южнорусских диалектов. Лексический материал рязанских говоров зафиксирован в «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» под редакцией И.А. Оссовета (1969 г.) и в «Словаре русских народных говоров рязанской Мещеры» В.Т. Ванюшечкина (1983 г.). Кроме того, рязанский диалектный материал использовался при создании «Словаря русских народных говоров» под общей редакцией В.П. Филина, позднее – Ф.П. Сороколетова, первый выпуск которого издан в 1965 г. (работа по составлению словаря продолжается в настоящее время). Однако отдельного словаря рязанских фразеологических диалектизмов до сих пор не существует. Это связано, по-видимому, с тем, что рязанской диалектной фразеологии не уделялось достаточного внимания, фразеологические единицы говоров использовались в основном в качестве иллюстраций к характерным особенностям диалекта.

Опыты составления собственно фразеологических диалектных словарей в русском языкознании есть – назовем, например, «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири» Н.Т. Букаревой и А.И. Федорова (1972 г.).

Интерес к исследованиям в области диалектной фразеологии обусловлен возникновением и развитием таких наук, как лингвокультурология, лингвистическое краеведение, этнолингвистика, когнитивная лингвистика и др. Как отмечают авторы статьи «У народа как у праздника: Словарь русской диалектной фразеологии (презентация лексикографического проекта)», «издание словаря русской диалектной фразеологии – насущная необходимость современного этапа развития лексикографической парадигмы исследования и комплексного (совокупного) описания диалектного материала» [8, с. 140].

По материалам существующих областных словарей оказалось возможным составить картотеку, насчитывающую около 1850 диалектных фразеологизмов рязанского региона, куда вошли и языковые факты, собранные в результате лингвистических экспедиций, проводимых кафедрой русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

С учетом специфики анализируемых данных при составлении словаря ставились следующие задачи:

- отбор и фиксация устойчивых сочетаний, обладающих признаками фразеологической единицы;
- описание значения фразеологических диалектизмов;
- дефиниция диалектных компонентов, входящих в состав фразеологического диалектизма;
- указание источника, зафиксировавшего фразеологический диалектизм;
- указание на распространенность фразеологического диалектизма (указание других говоров, в которых были отмечены описываемые фразеологические диалектизмы).

При отборе и фиксации устойчивых сочетаний основная проблема заключается во включении или невключении устойчивого сочетания в пласт диалектной фразеологии. Как известно, вопрос о составе фразеологии в современной лингвистике не решается однозначно. Существует несколько дискуссионных моментов:

1) включение в состав фразеологии пословиц и поговорок (исследователи В.П. Жуков, А.М. Бабкин, А.И. Федоров не включают данные устойчивые сочетания в состав фразеологии; Г.Г. Мельниченко, Л.И. Ройзензон – включают);

2) устойчивые сочетания терминологического характера (исследователи А.И. Молотков, Ф.П. Сороколетов, О.Д. Кузнецова не включают их в состав фразеологии; А.И. Федоров – включает);

3) устойчивые предложно-падежные сочетания (И.Н. Куклина не включает их в состав фразеологии; В.В. Виноградов, А.И. Молотков, В.П. Жуков – включают).

Учитывая общую лексикографическую направленность данной работы, следует отметить, что фразеология будет пониматься нами в самом широком смысле, охватывая максимальное число устойчивых единиц. Наибольшую сложность представляет определение образной составляющей фразеологического диалектизма, так как, в отличие от литературных фразеологизмов, диалектные фраземы характеризуются ярко выраженной конкретностью в описании наблюдаемых жизненных реалий и ситуативной обусловленностью.

Максимальный охват устойчивых диалектных сочетаний-предполагает включение в словарь и встречающихся в достаточном количестве в рязанских говорах профессионализмов, например названий кружевных узоров (описание значения устойчивого терминологического сочетания представляет собой дословные цитаты из Словаря русских народных говоров):

– *города белые* – бумажный кружевной узор [6, вып. 2, с. 40];

– *огурчиками с белым* – суровый нитяной узор кружевной, шириной около 6,2 см [6, вып. 2, с. 40];

– *ординарка с белым* – бумажный кружевной узор, шириной в 2,2 см [6, вып. 2, с. 40];

– *ветки-проводы* – бумажный кружевной узор, шириной в 16/8 вершка [6, вып. 4, с. 193];

– *ветки-разводы травчатые* – бумажный кружевной узор, шириной в 2 3/8 вершка [6, вып. 4, с. 193].

В рязанских говорах отмечены в значительном количестве и устойчивые предложно-падежные конструкций, например:

– *на лапочках* – идти тихо, потихоньку [1, с. 204];

– *на нитке* – быть в угрожающем, ненадежном положении [6, вып. 21, с. 241];

– *на красоте* – на видном месте, хорошо освещенном солнцем (о доме, усадьбе) [7, с. 249];

– *промеж рук* – в промежутках между основными занятиями, между делом [7, с. 495].

Описание значения фразеологических диалектизмов в большинстве случаев не вызывает затруднений, так как в имеющихся словарях, как правило, указывается семантика фразеологизма:

– *сгорел и дыму не видать* – о неизвестном местонахождении кого-, чего-либо [1, с. 113];

– *служить молебен* – о продолжительном наставлении, нравоучении [1, с. 230];

– *с гаку взять* – взять криком [6, вып. 6, с. 102];

– *галахова карета* – полный отказ [6, вып. 6, с. 106];

– *под гребёнку крыть* – выравнять солому на крыше гребенкой: «Снопья аккуратно обмолоченной соломы кладут рядами комлями вниз, развязывают и подгоняют особым кровельным инструментом – “гребёнкой”» [6, вып. 7, с. 82];

– *благая минута* – по суеверным представлениям, неблагоприятное для чего-либо время, когда особенно активна нечистая сила [7, с. 56];

– *ни дороги ни вологи* – о невкусной, плохо приготовленной пище [7, с. 92];

– *голым колом* – не имея ничего, без всякого имущества [7, с. 229].

Однако в некоторых случаях описание значения в словарях отсутствует, это касается в основном бранных выражений. Словарная статья при этом ограничивается пометой «бранное выражение»:

– *вихор (грех, игрец) тебя (вас, его) изломай* – бранное выражение [6, вып. 12, с. 140];

– *кобель с ним (с ней, с тобой)* – бранное выражение [6, вып. 13, с. 356];

– *лом вас сломай!* – бранное выражение [6, вып. 17, с. 115];

– *анчутка роговая* – бранное выражение [7, с. 46];

– *чтобы тебя (вас, его) колотье закололо* – бранное выражение [7, с. 234];

– *в трубку* – бранное выражение [7, с. 565].

В таких случаях для восстановления общего семантического значения необходима дефиниция компонентов диалектной фраземы. Например, в Энциклопедическом словаре русских суеверий, составленном М.В. Власовой, находим сведения об *анчутке* и *игреце* как представителях нечистой силы, различного рода бесах [2], что дает нам возможность предположить общее значение фразеологического диалектизма, отмеченного в словаре лишь как бранное выражение.

Указание источника, из которого взята описываемая языковая единица, представляется целесообразным, так как пользователь словаря при желании может легко найти первоисточник. В разрабатываемом словаре рязанских диалектных фразеологизмов данная информация может отсылать как к диалектным словарям, так и к неопубликованным данным картотеки университета.

Обозначение распространенности фразеологических диалектизмов в других говорах представляет обширный материал для проведения сравнительного анализа и сопоставительных исследований в области диалектной и общенародной фразеологии.

В данной работе предлагается располагать информацию словарной статьи следующим образом:

1. Заглавный фразеологизм с акцентологическим и орфоэпическим описанием (ударение; в случае необходимости, особенности произношения).

2. Семантическая характеристика фразеологической единицы (в случае необходимости, отметка о морфологических и синтаксических особенностях).

3. Ссылка на источник.

4. Компоненты-диалектизмы с акцентологическим и орфоэпическим описанием.

5. Морфологическая и синтаксическая характеристика компонента-диалектизма.

6. Семантическое описание компонента-диалектизма.

7. Иллюстративный материал.

8. Указание распространенности в других говорах (по данным диалектных словарей).

Приведем примеры оформления словарной статьи для словаря фразеологических диалектизмов Рязанской области:

АНЧУТКА ЕЕ ЗНАЕТ – бранное выражение.

Источник: Словарь русских народных говоров: Выпуск 1. С. 263 [6].

Анчутка, -и, м. и ж. Черт, дьявол, бес, нечистый дух; бесенок, чертенок; антихрист; является весьма распространенным представителем нечистой силы; существо, которое обычно связывают с водой или болотом.

В бане видели чертей, банных анчуток, кикиморами что прозываются.

По данным Словаря русских народных говоров, **анчутка** употребляется жителями Зарайского района Рязанской области, Караченского района Орловской области, Самарской области, Тульской области, Наурского района Чеченской республики.

БЛАГОЙ ХАРАКТЕРОМ – сердитый, злой, раздражительный, сварливый.

Источник: Словарь русских народных говоров: Выпуск 2. С. 306 [6].

Благой, -ая, -ое; благ, -а, -о. Дурной, плохой.

У меня ли у молодой свекор-батюшка благой, Он благой, благой, стар, не ласковый такой: Не пуцает молоду гулять вечером одну.

По данным Словаря русских народных говоров, **благой** употребляется жителями Касимовского района Рязанской области, Владимирской области, Костромской области, Нижегородской области, Ленинградской области, Пермской области, Псковской области, Челябинской области.

Таким образом, составление словаря фразеологических диалектизмов Рязанской области поможет зафиксировать и сохранить исчезающие из употребления диалектные фраземы рязанских говоров, которые являются ценным материалом для исследований в области этимологии, лингвокультурологии, истории, культурологии и т. д.

Библиографический список

1. *Ванюшечкин В.Т.* Словарь русских народных говоров рязанской Мещеры. Материалы по русской диалектологии: в 2 ч. Ч. 1. А–Н. – Воронеж, 1983. – 275 с.

2. *Власова М.В.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 672 с.

3. *Молотков А.И.* Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 543 с.

4. *Никольский А.А.* История изучения говоров Рязанской области: учеб. пособие. – Рязань: Рязан. пед. ин-т, 1985. – 66 с.

5. Русская диалектология / под ред. проф. Л.Л. Касаткина. – М., 1989. – 202 с.

6. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013.

7. Словарь современного русского народного говора (с. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссовецкого. – М., 1969. – 526 с.

8. У народа – как у праздника: Словарь русской диалектной фразеологии (презентация лексикографического проекта) / Т.А. Гридина, Н.А. Воробьева, Т.А. Зуева и др. // Филологический класс. – 2012. – № 4 (30). – С. 140–142.

9. *Федоров А.И.* Изучение русской сибирской диалектной фразеологии // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 4. – С. 7–16.

СЛУЖЕБНАЯ ЛЕКСИКА В ПОУНЖЕНСКИХ ГОВОРАХ
(на материале произведений И.М. Касаткина)

В данной статье рассматривается служебная лексика, представленная в произведениях костромского писателя И.М. Касаткина. Автор использует её как одно из средств воссоздания особенностей речи крестьян поунженских деревень. Так, частотным в рассказах писателя является употребление типичных для севернорусских говоров двух- и трехкомпонентных партикулярных союзов *али, аль, альни, альбо, инда*, и др. При этом лексемы *альни* и *инда* являются в текстах гибридными образованиями – союзами-частицами и передают значение «так что, даже». Специфика в области употребления частиц проявляется в возможности их самостоятельного использования в качестве завершения высказывания. В диалектной речи они являются более семантически нагруженными и способны передавать смысл «скрытой строки», поэтому отсутствие необходимого контекстного отрезка после частицы не вызывает чувства недостатка информации у собеседника. Частицы *коли* и *неужели* обладают в произведениях сентенциальной семантикой, которая не свойственна им в литературном языке. Возможно, приобретение данного смысла связано с присутствием в составе лексем партикулы *ли*, которая имеет данное значение в самостоятельном употреблении. Диалектные особенности предлогов проявляются в их внешнем облике: *супротив, окромя, округ*, а также в выполняемых ими функциях в речи. Предлог *супротив* употребляется для выражения сравнительно-сопоставительных отношений, его значение можно передать конструкцией «по сравнению с». Предлог *по* используется в объектно-целевых конструкциях и сочетается с одушевлёнными существительными, что является особенностью говоров северо-восточных территорий.

Ключевые слова: И. Касаткин, художественный текст, костромские говоры, служебная лексика, союз, частица, предлог, синтаксис.

При изучении говоров Верхнего Поунжья нельзя оставить без внимания творческое наследие И.М. Касаткина, уроженца д. Барановицы Кологривского уезда Костромской губернии, выходца из бедной крестьянской семьи. Он вошёл в русскую литературу на рубеже XIX–XX веков как автор многочисленных рассказов о русской деревне и судьбе крестьян. В текстах его произведений отразились диалектные черты родных писателю поунженских говоров, которые дают довольно объёмное представление о языке костромского крестьянства. Достоверно отображая живую народную речь в различных коммуникативных ситуациях, И. Касаткин не только обильно представляет костромскую областную лексику, но и передаёт многие особенности грамматического и синтаксического строя говоров: *Мотри же, сынушко, из избы не убегай* [6, с. 17]; *Хлебушко-то ему пожуи* [6, с. 16]; *А ко мне вот от дохтора бумага. По супругу еду* [6, с. 51]; *Женщина при родах померши* [6, с. 53]; *В городе, рожонный, в городе* [6, с. 74]; *А барин наш... с балхону нас, голубок, и угляди* [6, с. 145]; *Мать евоная внизу чуть не со слезами руками плещет* [6, с. 332]; *Гонится, кричит чего-то, а за ней – батько ейный* [6, с. 139]; *Где он, ягнячья мать! Цене его, цене за пятки!..* [6, с. 174]; *Валяй через Калилово! Моих-то повидь!* [6, с. 240] и т. д.

Поскольку диалектный синтаксис «принадлежит к числу тех уровней языка, которые сравнительно легко поддаются изменению под влиянием таких факторов, как школа, печать, радио, кино, телевидение и т. п.» и «многие из локально ограниченных синтаксических конструкций постепенно утрачиваются современными говорами» [10, с. 52], исследование особенностей построения фразы

в поунженских говорах начала XX века, переданных писателем, представляет особый интерес.

Прежде всего, особенности синтаксического строя говора передаются через употребление в речи героев специфических по своему составу, семантике и функциям служебных частей речи (союзов: *аки, али, аль, альбо, альни, инда, ежели, коли, поколь, покель, ровно, ровно бы*; частиц: *аль, быд-то, -де, -ко, -кось, коли не, неужто, -от, -ту, токмо*; предлогов: *по, окромя, округ, супротив*). Многие из представленных лексем являются архаическими образованиями – партикулярными кластерами, сформировавшимися способом агглютинации древних первоэлементов-партикул [8, с. 5–6]. Они представляют собой двух и трёхкомпонентные кластеры (а + ли, ко + ли, а + ль + бо, а + ль + ни, е + же + ли, не + уж + то и т. д.). Как отмечают исследователи, в отличие от литературного языка, где на современном этапе присутствует небольшое количество партикулярных лексем (так называемое «архаическое ядро»), в диалектной речи подобные образования хорошо сохраняются и приумножаются наращиванием новых элементов [17, с. 266; 3, с. 190].

Так, например, частотны в произведениях И.М. Касаткина архаические партикулярные кластеры с консонантным л-элементом и инициалью *a-*: *али, аль, альбо, альни*. Изучая функционирование данных союзов в севернорусских говорах, Е.Р. Гусева приходит к выводу, что они являются очень древними, исконно многозначными лексемами, которые сохраняют в диалектах основные значения входящих в них первообразных партикул [3, с. 191]. БАС даёт информацию о том, что в настоящее время лексемы *али* и *аль* с вопросительным и разделительным зна-

чением являются устаревшими и областными [13, т. 1, с. 93]. И.М. Касаткин регулярно употребляет лексемы *али* и *аль* в разделительном значении при однородных членах: *Кто их знает: были дочери али нет?* [6, с. 168]; *Может, видел аль слышал про них где?* [6, с. 124]; *Да ежели бы конфету, аль бы пряник Ганьке, чтоб водился с девкой, как быть надо* [6, с. 206] и др. Также в начале простого предложения лексема *аль* выполняет функцию вопросительной частицы «или, разве»: *Што? Аль буде? – удивился мужик, застыв с поднятой кувалдой в угрожающей позе, точно смертельный враг стоял перед ним* [6, с. 160]; *А чего, мол, ты вопишь? Аль болит чего?* [6, с. 191]; *Ося, аль не признал?* [6, с. 289]; *Дедуи, аль воевать вздумал?* [6, с. 292]; *Василь Диментич, чего там? Аль галка?* [6, с. 332].

В произведениях И.М. Касаткина употребителен также союз *альбо*: *Поразузнай в городе и опиши... Может, в спитательный, альбо в ученье какое, хоть двоих-то...* [6, с. 238]. Он является вторично произведённой от *али* энклитической конструкцией и в различных вариантах функционирует в языках всех славянских групп с разделительным значением [15, т. 1, с. 38]. В русском же литературном языке он постепенно уходит из употребления и в художественных произведениях с XVIII века уже не используется [12]. При этом союз известен многим говорам русского языка с исконным разделительным значением [11, т. 1, с. 237]. Принадлежность данной лексемы фонду поунженских говоров подтверждает ККОС [5, с. 16]. Там же [5] представлен родственный союз *альни*, который используется И.М. Касаткиным в следующем контексте: *Пронеслись, значит, выхорем через дорогу, альни пух летит!* [6, с. 181]. Е.Р. Гусева также считает его образованным слиянием с энклитикой, приводя в доказательство употребление в древнерусском языке конструкции *аль но*. Исследователь делает вывод, что «в результате присоединения третьего компонента, *n*-вой партикулы» у союза развивается вторичное значение следствия [3, с. 191]. При этом лексема играет двойную роль в предложении: помимо союзной функции она выполняет функцию усилительной частицы [3, с. 189]. Данные особенности лексемы показывают и наши материалы.

Сходной семантической двойственностью обладает в рассказах И.М. Касаткина союз-частица *инда*: *Геннадий в сердца вошёл, распарился, инда весь дрожит* [6, с. 212]; *Наляжет, оцерится зверем, инда грудь трецтит, а он: ух!..* [6, с. 312]; *Закорючил ноги коленками к самому подбородку – и знай покачивается в сладкой эдакой обморочи, инда в носу свербит...* [6, с. 319]; *В каждой песне орут под гармошку, бьют в заслоны, топчут ногами, свищут и ухают, инда месяц в небе вздрагивает...* [6, с. 320]; *А потом как рявкнула гармонь, инда в ушах засвербело...* [6, с. 334]. Смысловое содержание данной лексемы, как и предыдущей,

можно передать сочетанием «так что даже». В словаре И.И. Срезневского слово *инда* отсутствует [14]. Однако лексикографические издания, отражающие более позднее состояние языка, указывают на распространённость и частотность данной лексемы. Очевидно, изначально это было сочетание двух служебных слов *ин да*, каждое из которых привнесло свою семантику во вновь образованную лексему, определив её двойственный статус. Так, в Опыт областного словаря 1852 года слово *инда* показано в значении «так что» в Нижегородской, Орловской, Тамбовской областях [9, с. 75]. Более обширная география, включающая северно-, средне- и южнорусские говоры, представлена в СРНГ, где лексема дана как союз и частица со значением «так что, так что даже» [11, т. 12, с. 197]. С пометой «простореч.» представлена она и в БАС как усилительная частица и союз следствия [13, т. 5, с. 330].

Среди подчинительных союзов наиболее частотными являются *коли* и *ежели*, использующиеся в условных конструкциях: *Одна голова, примерно, ошибку даст, а ежели, скажем, много голов, да в один голос, в одну ноту ежели, тут, гляди, маху не выйдет, будет во как верно!* [6, с. 163]; *Машины которые через крыши аж запускают, ежели в дверь не лезут* [6, с. 113]; *Коли лопнул буксир, стростить его надобно, буксир-от...* [6, с. 199]; *А ежели что, коли ладно там будет, пиши!* [6, с. 226]; *«Так и скажи им, коли увидишь», – стучала о пол старая, сгорбленная Фетинья Рыбкина и вся тряслась* [6, с. 238] и др.

В значении «если» в древнерусских памятниках функционирует союз *еже* без финалии *ли* [14, т. 1, с. 819], которая, видимо, присоединилась позднее. Как отмечает Л.А. Булаховский, писатели ещё первой половины XIX века употребляли лексемы *ежели* и *коли* в значении условного союза «без специальной стилистической окраски» [1, с. 411]. Позднее они приобретают стилистические ограничения. В начале XX века *коли* получает «некоторый налёт языка народного или просторечия» [1, с. 411]. В настоящее время данные союзы трактуются как устаревшие и просторечные [13, т. 3, с. 1251; т. 5, с. 1157].

В памятниках древнерусского языка XII–XIV веков отражена многозначность слова *коли*, которое передавало значения «когда, когда-нибудь, если» [14, т. 1, с. 1250]. Есть версия, что первоначально оно означало продолжительность времени. В старославянском языке данное слово являлось наречием «когда» [16, т. 10, с. 85], от которого в старорусский период во время «кардинального обновления грамматической системы русского языка (XV – середина XVII в.)» [15, с. 277] был образован союз *поколь*. Данная лексема известна с XV века [14, т. 2, с. 1112]. И.М. Касаткин использует слово *поколь* и его фонетический вариант *покель* в значении временного союза «до

тех пор пока»: *Пороть таких надо, покель не поздно* [6, с. 64]; *Посолят... соли на раны-то, да опять драть, покель не устанут* [6, с. 146]; *Ну и порешили: не отступаться от угодьев, покель сам рендатель не отступится* [6, с. 163]. Как устаревший и областной союз *покель* в том же значении представлен в БАС [13, т. 10, с. 881]. В СРНГ показана обширная территория распространения в диалектах временного союза, в частности, употребителен он и в костромских говорах [11, т. 28, с. 391].

Наши материалы фиксируют также употребление лексемы *коли* в функции частицы в начале простого предложения в комплексе *коли не*: «*Коли не хотеть-то?*» – воскликнул Жвака, и руки его растопырились, будто он уже пахал [6, с. 205]; «*Жаль мерина, знамо!* – вздохнул кто-то из навалившихся на телегу. – *Коли не жаль...* Сто рублей в хозяйстве бо-ольшая утычка!» [6, с. 213]; «*Коли не желать!* – мы ему. – *Давай навастривай!*» [6, с. 332]. Значение конструкции *коли не* не сводится к совокупности семантики входящих в неё элементов. Она используется в риторическом вопросе и восклицании и утверждает бесспорность высказанной мысли. Данное значение отражено в СРНГ с пометой «Тонкин. Горьк.» [11, т. 14, с. 134]. Таким образом, данная конструкция приобретает сентенциальное значение, которое свойственно примарной партикуле *li* [7, с. 272], входящей в состав частицы. В данном примере, возможно, находит отражение одна из особенностей партикул – становясь союзами, частицами, артиклями, они «никогда не оставляют всей своей былой семантики, хотя бы в виде некоторого шлейфа “скрытой памяти”» [7, с. 50]. Подобное значение лексемы *коли* отражает и Словарь В. И. Даля [4, т. 2, с. 117], где с пометой «вост.» дана конструкция *коли-нет* в значении «да, конечно, разумеется». В данном случае графически сочетание приближается к слитному написанию, являясь, по-видимому, следствием его семантической нерасчлененности. В современном русском языке сочетание частиц *ли* и *не* также даёт подобное значение неоспоримости утверждения в конструкции типа: *Это ли не счастье!*

Сходной сентенциальной семантикой в произведениях И.М. Касаткина обладает частица *неужели*, завершающая высказывание (отметим, что она также имеет в составе партикулы *не* и *ли*): «*Знамо дело!* – откликнулся Жвака, выходя со двора. – *Раз сказано, так неужели*»... [6, с. 205]. Заметим, что И.М. Касаткин не единожды использует подобного рода фразы, завершающиеся самостоятельными частицами. При этом предложение, казалось бы незавершённое логически, вполне достаточно по объёму информации для понимания собеседником. Так, ограничительная частица *только*, встречающаяся в наших материалах исключительно в комплексе *не только*, не всегда требует после себя контекстный отрезок, поясняющий данное ограничение: *На-*

конец настроил лесопилен, да как пошёл дымить под самым нашим рылом, да как повёл дело на зачистку, так не только зверь, птишка божья и та чего-то уже плохо около наших мест водится [6, с. 39]; *Ежели ты умный, то действуй в хвост и в гриву, а не только чтоб с передка* [6, с. 122]; *Научат так, что не только железо – людей живых будешь ковать, зрячих...* [6, с. 160]; *Ты, брат, разбирайся, а не только...* [6, с. 65]; «*За общественное дело, – говорит, – я, может, душу выложу, а не только!*» [6, с. 333]; *И до чего, бабушка, дошло: кору, например... осиную тоись кору сушат да на муку и мелют, а не только...* [6, с. 246]. В качестве одного из характерных свойств многих частиц Т.М. Николаева выделяла их способность быть указателем существования контекстного отрезка, расположенного вправо или влево от основного высказывания [8, с. 80]. Однако И.М. Касаткин в речи своих героев подметил ту особенность диалектного синтаксиса, когда данный контекстный отрезок не является обязательным, а частица способна передавать смысл «скрытой строки». Такие особенности функционирования частиц в диалектной речи отмечает О.В. Волгина, которая пишет об активности «их объединения в комплексы... а также функционирование частиц и их комплексов в качестве самостоятельных реплик, позволяющих в минимально коротком речевом отрезке заключить прагматическое содержание, которое в иных условиях (незнание речевой ситуации, отсутствие определённых общих знаний у собеседников) потребовало бы развёрнутого высказывания» [2, с. 84].

Диалектные особенности представлены И.М. Касаткиным и в области употребления предлогов. Они выражаются во внешнем облике лексем: *супротив, окромя, округ*: *Загодя промеж себя решили: перевалим горы и обернёмся супротив их вот! <...> Офицеров, которые уж больно супротив были, этой ночью там, в горах, прикокнули, а досталь – вот они...* [6, с. 300]; *По одиннадцати рубликов чистоганом выдал, окромя всего прочева...* [6, с. 46]; *Гляжу: окромя волка разное зверьё, чудышки, мохнатки...* [6, с. 193]; *Есть старики суровых лет, а окромя своего поля да леса и свету не выдывали* [6, с. 331]; *Остальные на полу, значит, округ меня в кружок* [6, с. 192]; *Отворяю двери, а там нянюшки в золотых киках округ шёлковых зыбок павами похаживают...* [6, с. 194] и др. Также отмечены функциональные особенности употребления предлогов в речи. Так, предлог *о* передаёт временные отношения: *О первую пору оно малое выходило, с горошину* [6, с. 69]. Лексема *супротив* используется писателем для выражения сравнительно-сопоставительных отношений. Значение данного предлога можно передать конструкцией «по сравнению с»: *Зверя я видал всякого. Ну только нет злее зверя супротив барина да купца* [6, с. 296]; *Где уж крестьянскому скоту супротив*

барского [6, с. 300]; *Попомните мое слово, ребята, еще годок, другой, и такая повсеместно для вас жизнь откроется, – ну, сказка **супротив** прежней нашей, вполне дурацкой жизни* [6, с. 343]. В данном значении предлог употребителен преимущественно в севернорусских говорах [11, т. 42, с. 260]. БАС в качестве иллюстрации к устаревшей и просторечной лексеме *супротив* в данном значении приводит единственную цитату из пьесы А.Н. Островского, биография которого также связана с костромским краем: *И опять же ваша пешая служба супротив морской много легче* [13, т. 14, с. 1205].

Предлог *по* в произведениях И.М. Касаткина употребляется в объектно-целевых конструкциях, сочетаясь с одушевлёнными и неодушевлёнными существительными: *А в ней прописано, что я обязан явиться **по** свою супругу и **по** новорожденных, значит...* [6, с. 48]; *А ко мне вот от дохтора бумага. **По** супругу еду* [6, с. 51]; *Семка, айда завтра в Ошмятиху **по** грибы* [6, с. 309]; *Еще, помню, мальчонкой с батькой **по** рыбу ездил...* [6, с. 161]. Такие конструкции с существительными различной семантики были общерусским фактом в языке XVII века [14, т. 2, с. 982]. В настоящее время объектно-целевые конструкции с предлогом *по* в сочетании с одушевлёнными существительными свойственны говорам северо-восточных территорий [10, с. 186]. БАС фиксирует употребление предлога в данном значении с пометой «простореч.» только при обозначении предмета как цели движения, перемещения и т. п. [13, т. 10, с. 7]. Также в рассказах И.М. Касаткина представлено наречие *почто*, этимологически связанное с рассматриваемой конструкцией. В его семантике остаётся целевая установка: *Н-ну?! Пошто ты здесь, а?* [6, с. 36]. Словарная статья в СРНГ показывает широкую географию данного слова, функционирующего практически во всех группах говоров со значением «с какой целью, для чего» [11, т. 31, с. 19]. Для современного русского языка лексема *почто* является устаревшей и областной [13, т. 10, с. 1736]. В настоящее время в объектно-целевых конструкциях используется предлог *за*, не отмеченный в данной роли в памятниках древнерусского языка [14, т. 1, с. 891]. Соответственно, изменило свой вид и наречие цели – *зачем* [13, т. 4, с. 1081].

Таким образом, И.М. Касаткин, стремясь показать жизнь деревни во всех её проявлениях, использовал данные языка родных мест как одно из средств реалистичной передачи бытовых условий, образа мыслей и речи крестьян. Не последнюю роль играет для достижения поставленной цели отражение особенностей синтаксического строя поунженских говоров. И.М. Касаткин употребляет особые синтаксические конструкции, служебную лексику, имеющую территориальные особенности. Частотными являются в речи героев рассказов характерные севернорусские союзы и предлоги.

В использовании частиц также проявляется местная специфика, во многом продиктованная ситуацией общения между хорошо знакомыми людьми, обладающими общим фондом знаний.

Библиографический список

1. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. – М.: Учпедгиз, 1934. – 468 с.
2. Волгина О.В. Частицы в нижегородских говорах // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – № 3. – С. 81–85.
3. Гусева Е. Р. Союзы с *и*- и *п*- партикулами в севернорусских говорах (инициаль *а*) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 6. – С. 186–192.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
5. ККОС – Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова: отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: ГОУВПО им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.
6. Касаткин И.М. Мужик. – М.: Советский писатель, 1991. – 382 с.
7. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). – М.: Языки славянских культур, 2008. – 376 с.
8. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 168 с.
9. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1852. – 275 с.
10. Русская диалектология: учебник / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, О.Г. Гецова и др.; под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Академия, 2005. – 288 с.
11. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1– / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л.; СПб., 1965– .
12. СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. – СПб.: Наука, 1984.
13. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: АН СССР, 1948–1965.
14. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1–2. – СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1893. – Т. 1; 1902. – Т. 2.
15. Тарланов З. К. Грамматической системы языка развитие // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия. – СПб: СПб ГУ, 2001. – Т. 1. – Кн. 1: Осьмнадцатое столетие. – С. 277–279.
16. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1974.
17. Яцкевич Л. Г. Структурная и функциональная дистрибуция первообразной дейктической партикулы с консонантным элементом *т* в вологодских говорах // Русское слово и костромской край. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 266–272.

Дмитрук Людмила Александровна
кандидат филологических наук
Костромской государственной университет
lyudmila-dmitruk@mail.ru

**СЛОВАРЬ ЯЗЫКА КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ
А.О. АБЛЕСИМОВА «МЕЛЬНИК-КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ»
(задачи и принципы составления)**

В данной статье рассматриваются принципы составления на материале произведения А. О. Аблесимова авторского словаря-тезауруса, отражающего фрагмент общенационального языка конца XVIII в. Пьеса «Мельник-колдун, обманщик и сват» не случайно становится объектом авторской лексикографии. Выбор её обусловлен популярностью данного произведения у современников, жанровой и языковой спецификой, а также включённостью пьесы в круг источников исторической лексикографии, в частности «Словаря русского языка XVIII века» (ИЛИ РАН). В статье объясняется актуальность составления словаря языка одного произведения на материале пьесы, указываются некоторые отличительные черты, позволяющие считать «Словарь языка комической оперы А. О. Аблесимова “Мельник-колдун, обманщик и сват”» самостоятельным лексикографическим проектом. Детально описывается структура словаря, организация словарной статьи (оформление заголовочного слова, указание его частотности, грамматическая характеристика, способ толкования, объём иллюстративного материала), приводятся примеры словарных статей. В связи с тем, что значительная часть слов пьесы входит в состав национального ментально-лингвального комплекса, характеризующего материальную и духовную культуру русского народа XVIII столетия, особое внимание здесь уделяется содержанию справочного отдела в составе словарной статьи, где предлагается историко-культурный и этнолингвистический комментарий.

Ключевые слова: Аблесимов, «Мельник-колдун, обманщик и сват», комическая опера, авторский словарь полного типа, структура словаря, словарная статья.

В последние годы теоретическая и практическая разработка авторских словарей занимает всё более значимое место в общей российской лексикографии. Процесс становления данного направления, его специфика и проблематика нашли отражение в ряде фундаментальных исследований как теоретического, так и прикладного характера. Однако до сих пор некоторые вопросы, касающиеся типологии словарей, терминологии, выбора источника изучения и т. д. не разрешены до конца. В связи с этим, как кажется, каждый новый опыт создания авторского словаря является «приобретением» авторской лексикографии (АЛ).

Исследователи неоднократно отмечали, что основными задачами составления словарей языка писателей является демонстрация индивидуально-авторского словоупотребления, а также возможность описать сегмент словарного состава национального языка, отражённого в исследуемом произведении. Р.Р. Гельгардт отмечает, что авторские словари, «возникнув из потребности лингвистического пояснения языка художественных и философских сочинений... постепенно начинают рассматриваться как необходимый материал для самой истории языка» [3]. По нашему мнению, в этом отношении наиболее показательными являются частные случаи авторских словарей, сконцентрированные на изучении языка одного произведения. Подобные лексикографические труды известны ещё с XIX в., например, «Словарь к стихотворениям Державина» Я. Грота, «Язык и слог комедии “Горе от ума”» Куницкого В.Н., хотя их удельный вес в АЛ меньше, в сравнении с авторскими тезаурусами и словарями дифференциального типа, описывающими

определённые лексические группы. Вместе с тем словарь языка одного произведения позволяет исследователю детально изучить слово: дать его полную семантико-стилистическую характеристику, изучить максимальное число случаев лексической сочетаемости, установить сферу функционирования слова в изучаемую эпоху, проследить включённость слова в историко-культурный контекст.

Составляемый нами «Словарь языка комической оперы А.О. Аблесимова “Мельник-колдун, обманщик и сват”» (СлМКОС) продолжает наметившуюся в последнее десятилетие традицию создания словарей языка одного произведения, представителями которой являются «Словарь языка басен Крылова» Р.С. Кимягаровой (М., 2006), «Словарь языка комедии “Горе от ума”» Л.М. Баш, Н.С. Зацепиной, Л.А. Илюшиной, Р.С. Кимягаровой (М., 2007), «Словарь языка комедии Гоголя “Ревизор”» Л.А. Илюшиной, Р.С. Кимягарова, Л.М. Баш (М., 2016). Избранная нами пьеса в хронологическом плане – предшественница басен Крылова и комедии «Горе от ума» Грибоедова, а язык этих произведений, отражающий разговорный узус рубежа XVIII–XIX вв., – яркий пример демократизации литературного языка «до Пушкина».

Выбор пьесы Аблесимова в качестве объекта лексикографирования не случаен и обусловлен рядом причин. Рассмотрим их.

Во-первых, комическая опера «Мельник-колдун, обманщик и сват» – одно из самых популярных драматических произведений конца XVIII в. Уроженец города Галича Костромской губернии, Аблесимов большую часть жизни прожил в Москве, где, будучи секретарём А.П. Сумарокова, впервые пробует себя в качестве писателя. Однако ни одно

из его произведений, кроме «Мельника...», не стало популярным, поэтому за ним, как и за Грибоедовым, в истории русской литературы закрепилась репутация автора одного произведения. Премьера комической оперы «Мельник-колдун, обманщик и сват» состоялась 20 января 1779 г. в Москве на сцене Большого Императорского театра. Успех её был очевиден: в первый сезон в Москве она игралась 22 раза кряду, а в Петербурге ставилась 27 раз (ср.: «Недоросль» в первый год сыграли 8 раз, что сам Фонвизин считал успехом). К 1808 г. только в Петербурге состоялось более двухсот представлений «Мельника...». Как отмечает Драматический словарь 1880 г., «сия пиеса столько возбудила внимания от публики, что много раз с ряду была играна, и завсегда театр наполнялся», «едва ли не первая Русская опера имела столько восхитившихся зрителей и плескания» [4, с. 77–78]. Несмотря на очевидную популярность «Мельника...», это произведение, как отмечают современные исследователи, часто недооценивается в полном объёме, о нём говорят «с долей снисхождения, как о литературном пустячке» [7, с. 151]. Однако ни одна из пьес XVIII в., кроме комедий Д.И. Фонвизина, не пользовалась таким успехом, как это произведение Аблесимова. Достаточно отметить, что А.С. Пушкин высоко ценил пьесу, а одну из её строк предполагал использовать в качестве эпиграфа к пятой главе «Арапа Петра Великого»: «Я тебе жену добуду / Иль я мельником не буду». В.Г. Белинский в рецензии на сочинения Фонвизина ставит «Мельника...» Аблесимова в один ряд с «Бригадиром» и «Недорослем», подчёркивая, что «водевиль Аблесимова “Мельник” и комедии Фонвизина убили... все комические знаменитости, включая сюда и Сумарокова» [1, с. 53].

Во-вторых, выбор пьесы объясняется её языковой спецификой. Произведение Аблесимова написано в жанре комической оперы, возникшем, как считают исследователи, на исконно русской основе, хотя и имеющем свои национальные соответствия в западноевропейской культуре [8, с. 263–264; 2, с. 181]. Следуя традиции народных жанров, комическая опера напрямую обращалась к богатым ресурсам народно-разговорной речи: слова и выражения персонажей «действительно употреблялись или могли употребляться в тех или иных ситуациях в речевом обиходе разных слоёв населения» [6, с. 95]. Естественным образом перед исторической лексикологией и лексикографией встаёт вопрос об изучении языка русских комедий и комических опер как одного из важнейших источников сведений о речевом узусе прошедших эпох.

Комическая опера Аблесимова была не единственным произведением этого жанра в России во второй половине XVIII в. (такowymi были, например, «Анюта» М.И. Попова, «Несчастье от кареты» Я.Б. Княжнина и др.), но, бесспорно, самым

популярным из них, что во многом определялось умением автора передать живой разговорный язык современной ему эпохи. Аблесимов, уроженец Костромской земли, прекрасно знал язык сельских жителей к северо-востоку от столицы, на стыке северорусских и среднерусских говоров, был знаком с бытом крестьян и мещан, обычаями русского народа. Этот богатый опыт, как видится, он сумел применить в «Мельнике...»: речевая канва пьесы расцвечена областной, этнографической, фольклорной лексикой, пословицами, поговорками, каламбурами, лирическими песнями и шуточными куплетами. Эту особенность пьесы подмечает Т.Н. Ливанова: «Язык “Мельника” и более жизненный, и более литературный... в нём есть стремление к характерности русской литературной речи» [7, с. 154]. Таким образом, речевая ткань комедии демонстрирует фрагмент общенационального языка конца столетия, времени, когда был заложен фундамент нового литературного языка, построенного на демократической основе. Колоритный и богатый народными элементами, язык произведения Аблесимова стал, по нашему мнению, одной из первых попыток сблизить книжную и разговорную стилистику, положить начало формированию литературного языка нового типа.

В-третьих, комическая опера Аблесимова является одним из источников академического «Словаря русского языка XVIII века» (СРЯ XVIII), на данный момент самого полного лексикографического труда, отражающего состояние лексики русского языка XVIII в. В СРЯ XVIII расписана часть лексического корпуса пьесы, а цитаты из неё приводятся в качестве иллюстраций. Следует, однако, иметь в виду, что СРЯ XVIII – продолжающееся издание. В настоящее время издан 21 выпуск, последний из которых завершается литерой «П», а слова, начинающиеся на Р–Я, представлены только в картотеке СРЯ XVIII (ИЛИ РАН). За пределами видимости исследователей пока остаются такие слова, как *рахманной*, *рыскуша*, *савраско*, *сивуха*, *скурныкать*, *спрорушить*, *сулейка*, *шетун* и др., имеющие ярко выраженную разговорно-просторечную, а иногда и региональную окраску, важные для понимания языковой ситуации конца XVIII столетия. Следовательно, достаточно большое количество лексем XVIII в. до сих пор не получило необходимого лексикографического освещения. Эту задачу отчасти может помочь решить составляемый нами Словарь. Кроме того, многотомный СРЯ XVIII в силу своего масштаба не ставил перед собой задачу показать все лексические группировки, нюансы значений слов и фразеологизмов, существовавшие в языке изучаемого периода. Но именно эта потребность выходит на первый план при составлении словаря языка одного произведения.

Например, в СРЯ XVIII имена собственные включены ограниченно, в основном это мифоло-

гические имена, некоторые географические наименования. Антропонимы сюда не введены, за исключением имён, употреблённых в нарицательном смысле [10, с. 17]. В СлМКОС комментируется вся лексика пьесы, собственная и нарицательная. Среди антропонимов выделяются две группы личных наименований, различных по своим функционально-стилистическим качествам: высокие, соответствующие письменной традиции употребления, полные церковные крестильные имена персонажей – *Анкудин, Фаддей, Фетинья, Филлимон*, и сниженные, обиходно-разговорные наименования – *Анюта, Антипьевна, Гаврилыч*. Топонимы представлены следующими лексемами: хороним *Русь*, комонимы – село *Сесвяцкое*, село *Хлебородово*, деревня *Добрая Пожня*, потамоним *Пресня*.

Не фиксируются в СРЯ XVIII и некоторые лексические единицы из пьесы Аблесимова. Так, здесь отсутствует глагол *зачинать* в значении ‘начинать’, приводятся лишь существительное *зачин* ‘действ. по глаголу начинать; начало чего-л.’ и глагол *зачиниѣть* ‘заделать какое-либо повреждение’ [9, вып. 8, с. 138]. Вместе с тем слово *зачинать* в значении ‘начинать какое-либо действие или дело’ встречается в пьесе 5 раз и в ремарках, и в речи действующих лиц: «*Всѣ. Зачинать пора пирушку намъ смѣкать, // И пѣ песіолости затѣмъ куликатъ*» [5, с. 56]. Не учитываются в СРЯ XVIII некоторые случаи лексической сочетаемости слов, например, *девушка-невеста*: «*Анюта. Матушка меня не пуцаетъ, говоритъ: ты – дискать ужъ дѣвушка невѣста, такъ женихи осудятъ...*» [5, с. 20–21], а также не приводится ряд разговорных фразеологизмов пьесы, например: *приставить голову к плечам* в значении ‘обнадёжить, вернуть к жизни’, *скроить треуха* – ‘дать оплеуху’, *влетит тулунбаса* – ‘бить кого-то, ударить’ и др. Осталась в стороне здесь и этнолингвистическая характеристика слов, которые у Аблесимова тесно связаны с обрядом: *вода, дерево, зеркало, мельник, мельница, месяц*.

Ввиду вышеизложенного составление словаря-тезауруса на материале произведения писателя второй половины XVIII в., которым является комическая опера Аблесимова, является актуальным. Необходимость лексикографического описания пьесы возникает ещё и потому, что единственные существующие на данный момент словари, описывающие речевой узус писателей XVIII в., относятся к концу XIX–началу XX в.: «Словарь к стихотворениям Державина» Я.К. Грота, построенный в форме конкорданса, «Язык и слог комедии “Горе от ума”» В.Н. Куницкого и «Словарь к сочинениям и переводам Д.И. Фон-Визина» К.П. Петрова. СлМКОС может быть полезен не только специалистам в области русского языка и литературы, но и учащимся школ, студентам-филологам. В настоящее время это произведение включено в ко-

стромскую «Региональную программу по литературе» в курс девятого класса в раздел «Литература XVIII века». Изучается оно в разделе «Русская литература XVIII века» и на филологических факультетах вузов. Обращение к изучению лексического состава языка XVIII столетия, отражённого в сочинениях авторов той поры, даёт важный материал для исторической лексикологии и лексикографии, ведёт к более тонкому пониманию прошлого нашего языка, а значит, и культуры.

Приступая к составлению Словаря, мы ставили перед собой следующие задачи: 1) Лексикографическим описанием охватить весь объём лексики и фразеологии произведения: нарицательные знаменательные и служебные слова, проприальную лексику, микроидиомы, фразеологизмы, паремии; 2) Указать частотность лексем в произведении; 3) При иллюстрировании максимально развёрнуто использовать материал пьесы; 4) Охарактеризовать употребление слова в русском языке конца XVIII в.; 5) Проследить изменения в структурно-семантической, функциональной и стилистической квалификации лексики произведения по отношению к современному состоянию русского языка; 6) Показать этнолингвистическую значимость ряда лексем.

Таким образом, *основной принцип* Словаря – полнота словника, тенденция к полноте комплексного семантико-стилистического, грамматического описания, многостороннее использование цитации.

В соответствии с современной типологией авторских словарей, предложенной Л.Л. Шестаковой [11, с. 66–67], СлМКОС представляет собой авторский словарь, конкретно – словарь языка одного произведения, по охвату описываемого материала – это полный словарь, включающий всю лексику пьесы «Мельник-колдун, обманщик и сват» (более 1000 слов и выражений). Заголовочные единицы располагаются в алфавитном порядке, соответствующем современному русскому алфавиту. С точки зрения временной перспективы – это исторический авторский словарь, созданный на материале произведения автора XVIII столетия. По своей функции и адресату – это словарь с научно-описательной и научно-учебной ориентацией, адресованный специалистам-филологам, студентам и школьникам, а также читателям, интересующимся историей русского языка и русской культуры. По способу описания лексики данный Словарь является толковым, что предполагает наличие в словарной статье обязательных структурных зон. Определим их содержание.

Заглавное слово даётся полужирным шрифтом в начальной грамматической форме с ударением (кроме односложных слов). В качестве заглавного слова может быть представлена любая часть речи, фразеологизм, антропоним, топоним. Заглавное слово подаётся в квадратных скобках, если оно употреблено в тексте только в какой-либо одной форме

или в составе фразеологизма, например, [БАБА] (слово употреблено в тексте дважды в форме мн. ч. **бабы**). Омонимы помещены в разные словарные статьи и сопровождаются индексом: А¹, союз. А², част. Имена собственные приводятся в той форме, в какой они даны у Аблесимова. После семантической характеристики слова через знак «/» даны отсылка к полному варианту имени и сведения этимологического характера: **АНТИПЬЕВНА** (1), ж. *Женское отчество* / От Антип, греч. *Antip* – ‘упорный’, ‘крепкий’. Мъльник. Помогай Богъ! Антипьевна! (II, 5).

Количество словоупотреблений в тексте даётся после заглавного слова в круглых скобках. В число словоупотреблений включены слова из реплик действующих лиц, слова из авторских ремарок и все случаи указания на лицо, произносящее реплику.

Грамматическая характеристика слова. У каждого слова даны грамматические пометы, устанавливающие его принадлежность к той или иной части речи: например, у существительных указывается род (м., ж., ср.), число, если это существительные *singularia tantum* – ед., если *pluralia tantum* – мн.; у глагола – вид (сов., несов.). Указание на часть речи приводится у неизменяемых частей речи: наречий, союзов, предлогов, частиц, междометий. После грамматических помет в словарной статье приводятся формы слов, имеющих акцентологические особенности или особенности в образовании. Фонетические варианты даются в одной словарной статье.

Стилистические пометы показаны курсивом после грамматической характеристики слова в фигурных скобках. На первом месте расположена помета, подтверждающая сферу функционирования слова в XVIII в., а после знака «→» следует помета, фиксирующая сферу употребления слова в наши дни. Стилистически нейтральные слова даются без специальных помет. Пометы, поясняющие употребление слова в конце XVIII в., указываются по следующим словарям: Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля; Материалам для фразеологического словаря русского языка XVIII века М.Ф. Палевской; Словарю Академии Российской (1789–1794); Словарю Академии Российской, по азбучному порядку расположенному (1806–1822); Словарю русского языка XVIII века; Словарю церковно-славянского и русского языка» (1847). Пометы, поясняющие употребление слова на современном синхронном срезе, подтверждаются данными словарей: Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова (2000); Словаря русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (1985–1988); Словаря современного русского литературного языка (1950–1965).

Толкование слова выделено курсивом. Значение может раскрываться при помощи одного слова, приведения синонимов, развёрнутого описания,

а также комбинированием данных способов. Разные значения многозначного слова в словарной статье разделяются арабскими цифрами.

Иллюстративный материал приводится в полном объёме, то есть в словарной статье даны все случаи употребления слова в тексте. Исключением являются лишь иллюстрирование частотных предлогов союзов, частиц, местоимений; опущено перечисление действующих лиц и лиц, произносящих реплики. Цитата приводится в том объёме, который необходим для раскрытия семантики слова. Усечение начала или конца цитаты сопровождается знаком <...>. Иллюстрации приводятся по изданию пьесы 1792 г. [5] Орфография и пунктуация иллюстраций полностью приводятся по указанному изданию.

Все виды фразеологических единиц (ФЕ) даются после иллюстрации под знаком ◊ – «стоячий ромб». ФЕ располагается в конце словарной статьи на основное слово с абзаца. Если в тексте пьесы употребляется только ФЕ и ни один из его компонентов не встречается в составе свободных сочетаний, то стержневое слово ФЕ выносится в заголовок словарной статьи в своей начальной форме и даётся в квадратных скобках: **[БОГ]** (2), м. ◊ **Помогай бог.** {СРЯ XVIII: *Простореч.* → БАС: *Устар.*} *Пожелание успеха, этикетная формула.* Мъльник. Помогай Богъ! Антипьевна (II, 5). Мъльник. Помогай Богъ, сосѣдушка! (II, 11).

Комментирующая часть. В СлМКОС особое внимание уделяется толкованию национально-маркированной лексики, несущей информацию о материальной и духовной культуре русских крестьян, преимущественно жителей центральной Руси конца XVIII в.: *бражка, ворожба, ворожейка, гнедко, домовой, дьявольщина, красна, крючок, мерочка, мошна, подзатыльник, поднизь, поезжане, посиденки, савраско, сговор, сивуха, сулейка* и др. Большая часть такой лексики является регионально окрашенной. При описании слов за знаком «*» следует комментирующая часть, где приводятся географические сведения, свидетельствующие о локализации слова в наши дни. Региональный характер слова устанавливается по следующим источникам: Словарю народно-разговорного языка Е.В. Честнякова «Живое поунженское слово» Н.С. Ганцовской (2007); Словарю говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи Н.С. Ганцовской (2015); Словарю «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» А.В. Громова (2012); Краткому костромскому областному словарю «Живое костромское слово» Н.С. Ганцовской и Г.И. Машировой (2006), картотеке Костромского областного словаря; Словарю современных русских народных говоров. Ссылка на эти источники в словарной статье приводится в сокращённом виде, следует после указания на географию

лексемы и дана в квадратных скобках шрифтом меньшего размера, например:

КРО́СНА (2), мн. *Полотно, вытканное на ткацком станке (кроснах)*. Фетинья. Ты рыскушка, всіо на улицѣ и рано и поздно; а што дѣлаешь? вить только зѣваешь; а ты бы, дѣвушка, лучше кросна ткать смышляла (II, 3). Анюта. <...> видать ли ужь какъ бы за мужъ вытти, тогда не сказала бы она мнѣ: лучше бы, дѣвушка кросна ткать смышляла... (II, 3). *Петрозав., Олон., Ветл., Вят., Калуж., Ряз., Моск. [СРНГ]; Костром. [Гр].

На фоне диалектных слов в пьесе заметна группа лексики, которая приобретает своё региональное звучание лишь в условиях ритуала, являясь отражением специфического национального менталитета. Это нейтральные общеупотребительные слова, имеющие в контексте произведения этнолингвистическую нагруженность, составляющие национальный ментально-лингвальный комплекс: *вода, дерево, дорога, зеркало, мельник, мельница, месяц*. К такой лексике в комментирующей части словарной статьи указывается ссылка на источник, по которому устанавливалась этнолингвистическая специфика слова: Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля; Этнолингвистический словарь «Славянские древности» под редакцией Н.И. Толстого.

ВОДА́ (2), ж. *В народной культуре средство очищения, избавления от болезней; граница между земным и потусторонним миром, место обитания нечистой силы*. Мѣльникъ. <...> Много псякопа есть зброду: Нагопарипають поду Решетомъ пертять мирянамъ, И жипуть такимъ обманомъ (I, 1). Мѣльник. Разступись, вода!.. разстворись мѣльница!.. явись ко мнѣ съдой демонъ!.. (I, 4). *[Даль; СД].

Таким образом, комическая опера А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», являясь ценным источником сведений из истории русского языка и народной культуры конца XVIII в., представляет важный исследовательский материал современной авторской лексикографии, а детальный анализ слов пьесы (всех словоупотреблений) поможет создать наиболее полное впечатление о лекси-

ческой и семантической ценности её словаря как одного из источников формирования лексики русского литературного языка.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 565 с.
2. *Берков П.Н.* История русской комедии XVIII века. – Л.: Наука, 1977. – 391 с.
3. *Гельгардт Р.Р.* Словарь языка писателя. К истории становления жанра // Русская авторская лексикография XIX–XX веков. Антология / отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М., 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.ru> (дата обращения: 03.10.2016.).
4. *Драматический словарь*. – СПб.: Издание книжного магазина «Нового времени», 1880. – 166 с.
5. *Аблесимов А.О.* Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват: в трёх действиях / соч. А. Аблесимовым. – СПб.: Типография Императорского Московского университета. – 56 с.
6. *Левин В.Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. (Лексика). – М.: Наука, 1964. – 408 с.
7. *Ливанова Т.Н.* Русская комическая опера // Русские драматурги XVIII–XIX вв.: монографические очерки: в 3 т. Т. 1 / под ред. Г.П. Макагоненко. – Л.; М.: Искусство, 1959. – С. 131–203.
8. *Музыка: большой энциклопедический словарь* / гл. ред. Г.В. Келдыш. – М.: Большая российская энциклопедия, 1988. – 672 с.
9. *СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–21. – СПб.: Наука, 1984–2015.
10. *СРЯ XVIII ППС – Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарём. Указатель источников* / под ред. Ю.С. Сорокина. – Л.: Наука, 1984. – 141 с.
11. *Шестакова Л.Л.* Современная картина авторской лексикографии // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: материалы междунар. науч. конференции. – М.: ИРЯ РАН, 2007. – С. 65–78.

Блохин Александр Викторович

кандидат филологических наук, доцент
Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево
avb6767@mail.ru

Куркина Татьяна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент
Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево
kafrusggtu@mail.ru

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА КОМПОЗИТОВ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

В статье рассматривается вопрос употребления сложных слов (композигов) в тексте романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Основное внимание при анализе названных лексических единиц уделяется их структурным и семантическим особенностям, а также функционированию в художественной ткани произведения в качестве авторского стилиобразующего средства. Сложное слово обладает большими эмоционально-экспрессивными возможностями, позволяет автору выявлять внешне малозаметные черты характера, поступков героев, выражать их отношение друг к другу, к событиям и явлениям, давать свою оценку персонажам. Наиболее емкой в этом плане является первая часть сложной основы, так как она называет дополнительный признак и выражает оценочные градации признака, обозначенного второй частью основы. Сложные слова в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» создаются и используются преимущественно как средство характеристики персонажей. Будучи способными целостно передавать единый сложный признак, эти слова дают автору возможность передать тончайшие оттенки переживаний героев. Композит, являясь ключевым центром контекста, иногда довольно большого, служит концентрированным сложным определением, вбирающим в себя ранее выявленные черты персонажа и оценку его как со стороны автора, так и другого персонажа. Создавая сложные слова, Л.Н. Толстой расширяет фразеологические связи, рамки лексико-семантической сочетаемости наименований, благодаря чему вновь созданные лексемы приобретают новые (по сравнению с отдельно употребляемыми составляющими композита) эмоционально-экспрессивные оттенки и, тесно вплетаясь в ткань художественного повествования, выполняют характеристически-оценочную функцию.

Создание и использование авторских композигов в романе «Война и мир» является мотивированным внутренними задачами творчества и выполняет определенную художественно-стилистическую функцию.

Ключевые слова: композиги, сложное имя прилагательное, сложное наречие, Л.Н. Толстой, роман «Война и мир», индивидуальный стиль писателя, художественный прием, стилиобразующее средство.

Прием использования сложных слов (композигов) в художественной литературе применялся и до Л.Н. Толстого. Так, достаточно много сложных слов различного характера в произведениях В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя. Масса сложных слов создана М.Е. Салтыковым-Щедриным. Каждый писатель образует эти слова по-своему и по-своему же использует их в ткани художественного произведения. При этом сказываются и художественные установки автора, и его общественно-политические взгляды: отношение к назначению художественной литературы, к языку, индивидуальная манера писателя, содержание самого произведения. У Л.Н. Толстого сложное слово – средство, способствующее тому, чтобы ярче обрисовать образы героев произведения, их поступки, внешность, многогранность и противоречивость их духовного мира.

Можно сказать, что для того, чтобы максимально точно и выразительно передать свой художественный замысел, Толстой поднимает на поверхность самые тонкие и подчас незаметные в бытовом общении стилистико-смысловые оттенки отдельных слов, потому что языковой материал в литературном произведении служит средством оформления и воплощения художественного образа, каждый языковой элемент здесь максимально заострен и мотивирован.

Сложные слова, бесспорно, являются у Л.Н. Толстого одним из таких языковых элементов. По мнению В.В. Краснянского, если индивидуальное в лексике ограничивать авторскими новообразованиями, то таковых насчитывается действительно немного. И среди них преобладают различные сложения, при этом наибольшим числом представлены сложные прилагательные и наречия с двумя адъективными или адвербиальными основами [3, с. 3].

Источником выборки послужил роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». Материал отбирался по определенному критерию: написание данного прилагательного и наречия в тексте – дефисное или раздельное, отраженное в нормативных словарях [1]. Например, в романе-эпопее встречаются весьма противоречивые, с орфографической точки зрения, случаи написания близких по структурно-семантическим показателям слов: «в этой *детски восприимчивой* душе», «*детски смешная*» и «*детски-наивная*», «*энергически вопросительный жест*» и «*энергически-твердо* отделявал». Таким образом, орфография отражала индивидуальное понимание границ слова и словосочетания. Дефисное написание в вышеприведенных примерах – намеренная «вольность», которой автор показывает, что качественный элемент значения в композигах такого типа важен для понимания контекста.

Общее количество интересующих нас сложных лексем в тексте «Войны и мира» – 222, из них при-

лагательных – 182, наречий – 39, одно является предикативным наречием (словом категории состояния) – «было *черно-темно*». При этом большая часть данных наименований в значительной мере представляет собой не окказионализмы в узком смысле этого термина, а индивидуально-авторские *образования*, то есть индивидуально-авторские слова, созданные не по действующим в литературном языке словообразовательным схемам. В большинстве своем они относятся к разряду потенциальных слов. В конечном итоге категории окказиональности, потенциальности несущественны при изучении эстетики слова Л. Толстого. В восприятии языка писателя обращает на себя внимание прежде всего нестандартность лексемы, которая связана с разнообразными факторами, в том числе с периферийностью в литературном языке, нелитературностью слова. Границы между индивидуальным и редким в речи Л. Толстого зыбки и намеренно стерты [3, с. 4].

Из общего числа выявленных сложных прилагательных и наречий 200 можно считать индивидуально-авторскими. При этом некоторые из них используются в тексте два раза и более, например: *бессознательно-радостный* (2 раза), *громадно-высокий* (2 раза), *испуганно-вопросительный* (4 раза) и другие.

Следует отметить, что сложные слова воспроизводятся в романе-эпопее в разных вариантах: при различных первых частях сложной основы повторяется вторая часть. Так, например, у прилагательного *нежный* расширяется значение в пяти адъективных композитах в сочетании с прилагательными *бережливый, внимательный, восторженный, обворожительный, самоуверенный*. Наоборот, с прилагательным *детский*, выступающим в качестве первой части, отмечены 9 композитов, из них 4 – сложные прилагательные, включающие в качестве второй части прилагательные *грудной, кроткий, наивный, робкий*, 5 наречий со второй адвербиальной частью: *-испуганно, -пронзительно, -страдальчески, -укоризненно, -счастливо*. То же самое можно сказать о сложных прилагательных *пронзительно-тонкий, пронзительно-жесткий, пронзительно-звонящий, притворно-тихий, притворно-сладкий, странно-тоненький, странно-шаловливый, странно-поэтический* и других. Такая подвижность частей, составляющих сложные слова, делает последние ярким выразительным средством в руках писателя, что позволяет передавать тончайшие нюансы психических переживаний героев.

Первая часть сложной основы прилагательного или наречия выражает оценочные градации признака, обозначенного второй частью основы. И все сложное слово целиком служит средством характеристики лица или (реже) предмета. Таким образом, у первой части сложной основы выявляется двой-

ная семантическая нагрузка: 1) определить признак, выраженный второй частью основы, внося дополнительный оттенок, и 2) наравне с последней служить определением при имени существительном (если сложное слово – прилагательное) или при глаголе (если сложное слово – наречие). Такие слова в романе запечатлевают выражение лица, взгляда: *бессмысленно-счастливые* (лица), *беспокойно-робкие* (лица), *бережно-нежное* (выражение), *натянуто-неестественное* (выражение), *нагло-шутливо* (смотрели), *недовольно-вопросительный* (взгляд). Они отмечают оттенки голоса, тона: *ворчливо-презрительный* (тон), *детски-грудной* (голос), *отчаянно-злобный* (тон), *капризно-игривый* (тон); улыбки: *бессознательно-радостная, наивно-веселая, неожиданно-добрая*, внешности: *багрово-румяная, золотушино-болезненная, характерно-благородные* (морщины), расположения духа, настроения: *восторженно-патриотическое, возбужденно-веселое, озлобленно-взволнованное* (настроение), *грустно-приятные* (мысли), походки, движений: *гневно-быстрые, непривычно-поспешные* (шаги), *странно-неловко* (вытягиваясь) и другие. Не случайно наибольшее количество сложных слов служит для определения выражения лица и взгляда: сложные движения души человека Л.Н. Толстой передает через их внешнее проявление в выражении лица, взгляда, улыбки, в интонации своих героев. Сложные эпитеты, передающие психическое состояние человека, почти не повторяются в составе сочетания с одним и тем же существительным, для них характерно одноразовое употребление. В группе прилагательных с цветовой сложной семантикой тоже есть специфика: первая часть может обозначать цвет, а вторая – свет: *желто-бледное* (лицо). Иногда наблюдается совмещение цветовой характеристики с какой-либо другой: *щеищучато-золотой дым, отрадно-розовый* цвет и подобные.

В романе неоднократно используются сложения с синонимичным варьированием семантики, например: *восторженно-радостный, грустно-задумчивый, предупредительно-вежливый, серьезно-строгий, сосредоточенно-задумчивый, поучительно-наставнический, радостно-праздничный, умеренно-спокойный, радостно-восторженный*. В то же время между частями присутствуют отношения антонимичности, переходящие в антитезу: *сдержанно-страстный, сосредоточенно-рассеянный, счастливо-грустный, грустно-приятный, почтительно-насмешливый, однообразно-разнообразный*.

Наблюдается общая закономерность в употреблении композитов-наречий. Они в большинстве случаев распространяют глаголы определенных семантических групп: глаголы речи, смеха, улыбки, глаголы *глядеть, смотреть* и их синонимы.

Композит, являясь ключевым центром контекста, иногда довольно большого, служит концен-

трированным сложным определением, вбирающим в себя ранее выявленные черты персонажа и оценку его как со стороны автора, так и другого персонажа. Сложное слово оказывается как бы кульминационным элементом в так называемом «протекающем» образе.

Так, на первых страницах романа мы знакомимся с Элен Курагиной. Автор настойчиво подчеркивает ее особенность – внешнюю красоту лица, тела, улыбки: «ей как будто совестно было за свою... *победительно-действующую* красоту». В последующих главах автор показывает читателю Элен в театре рядом с юной, оживленной, непосредственной Наташей Ростовой, которая тоже, увидев Элен, восхищается красотой «великолепной графини». И в этих обстоятельствах Л.Н. Толстой характеризует улыбку Элен сложным прилагательным «однообразно-красивая»: «...сказала она Наташе с своею однообразно-красивой улыбкой...» Сложное прилагательное, более емкое по сравнению с простым по структуре прилагательным, по-новому представляет лицо Элен как маску, безжизненную, пустую, фальшивую. Оно подчеркивает контраст между непосредственной, живой Наташей и светской «львицей». Закономерность отрицательной оценки, которую выражает сложное прилагательное, усиливается местоимением «с своею», указывающим на постоянный признак.

Противоположна целостная характеристика Наташи Ростовской, в которой воплотились энергия, жажда жизни, счастья, богатство духовного мира. В ее словесной характеристике намечается три линии: 1) внешность («некрасивая», «тоненькая»); 2) характер (оживленность, веселость, поэтичность), 3) внутренний мир (ощущение счастья, ожидание счастья).

Автор, характеризуя свою героиню, вынужден отразить сложный мир ее побуждений и чувств, «диалектику души» (по выражению Н.Г. Чернышевского). И этой комплексной характеристике как нельзя лучше соответствуют сложные прилагательные и наречия: *странно-тоненькая* (девушка), *безумно-веселое* (расположение духа), *капризно-весело* (закричала), *хитро-весело* (улыбнулась), *лихорадочно-блестящий* (взгляд), *непривычно-блестящие* (глаза), *именинно-сияющая* (Наташа), *страстно-поэтическое* (ощущение), *радостно-счастливая* (улыбка), *странно-шаловливое* (выражение лица), *обворожительно-нежное* (что-то в Наташе), *отчаянно-оживленные* (глаза), *восторженно-счастливое* (оживление).

Л.Н. Толстой, рисуя образ *маленькой* княгини Болконской, использует определения-прилагательные и существительные преимущественно с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «*молодая маленькая княгиня...*», «*хорошенькая, с... усиками губка...*», «*...хорошенькую будущую мать*», «*светлую улыбочку...*», «*маленькими... шашками*», «*се-*

ренькое изящное платье», «*отвечала вздергивая с усиками губку*» и т. п. А далее мастер слова, иронически-дружелюбно оценивая героиню, ее непосредственность, прибегает к сложным лексемам. Последние имеют в своем составе первую часть основы *детски-*: *детски-испуганно* смотрели глаза, *детски-счастлива* осталась поднятая губка, *детски-страдальчески* заплакала, *детски-укоризненно* посмотрела. И завершается оценка образа сложным прилагательным: «*Ангельски-невинна* была она», – пишет о ней княжна Марья Жюли Курагиной.

Сложное слово обладает большими эмоционально-экспрессивными возможностями, позволяет автору выявить внешне малозаметные черты характера, поступков героев, выражать их отношение друг к другу, к событиям и явлениям, давать свою оценку персонажам. Наиболее емкой в этом отношении является первая часть сложной основы, так как она называет дополнительный признак.

Можно выделить две основные группы сложных слов оценочного характера: 1) с отрицательной оценкой, 2) с положительной оценкой. Так, немецкий генерал Пфуль характеризуется как *бестолково-самоуверенный*: «Из всех лиц... возбуждал участие в князе Андрее озлобленный... и бестолково-самоуверенный Пфуль». Вторая часть в сложном прилагательном обозначает признак с оценкой неодобрительности, но в то же время и первая часть сама по себе называет отрицательный признак. Вступая в соединение, обе части в составе сложной лексемы создают резко отрицательную оценку: Пфуль самоуверен из-за своей бестолковости и бестолков в силу своей самоуверенности.

Толстой отрицательно оценивает крикливый и показной патриотизм, проявляющийся в высокопарных речах, шумливых афишах графа Ростопчина. Саркастически это отношение он передал словом *патриотически-геройское*: «Этот человек не понимал значения совершающегося события, а хотел что-то сделать сам, удивить кого-то, что-то совершить патриотически-геройское». Усиливает выразительность композита стоящие рядом с ним в контексте глагол «*хотел*» и неопределенное местоимение «*что-то*».

Представители высшего света в романе характеризуются как «*болтливо-веселые* люди»: «Она [княгиня Болконская] встретила князя Василия с тем приемом шуточек, который часто употребляется *болтливо-веселыми* людьми». Первая часть сложной основы вносит отрицательную оценку в характеристику, определяет носителя данного признака как пустого человека.

С едким сарказмом описываются автором служители церкви: «Аббат, хорошо откормленный, с пухлою, гладко бритою бородой, приятным крепким ртом и белыми руками... сидел близко к Элен и с тонкой улыбкой на губах, *мирно-восхищенным* ее красотой взглядом смотрел изредка на ее лицо

и излагал свой взгляд на занимавший их вопрос». Обе части сложной основы выражают положительные, но противоречивые признаки: с одной стороны, спокойный, чуждый тревожений, с другой – исполненный восхищения. В данном контексте первая часть получает значение «без плотских вожделений». Оказываясь в контексте со словом *откормленный*, сложное прилагательное выражает отрицательную оценку: оттенок иронии, презрения. Оценочное значение сохраняет только слово *откормленный*, центр контекста меняет свое место, переносится со слова *мирно-восхищенный* на слово *откормленный*. Комический эффект создается в этом случае соединением лексем, взятых из различных смысловых сфер, столкновением слов разных эмоционально-экспрессивных свойств.

Фальшь, неестественность, ограниченность Мюрата выражаются характеризующими его сложными прилагательными: *торжественно-театральный*, *добродушно-глупый*: «Балашов был уже на расстоянии двух лошадей от скачущего ему навстречу с *торжественно-театральным* лицом всадника в браслетах, перьях и золоте...» Вторая часть *театральный* употребляется в значении «неестественный, показной, ходульный», а первая часть *торжественно-* вносит в характеристику оттенок иронии. Улыбка Мюрата получает определение «*добродушно-глупая*». Слово выражает оценку с фамильярно-презрительным оттенком.

Сложным словом *ограниченно-умный* автор характеризует губернатора Николеньки – мосье Десалья. Первая часть *ограниченно-*, вступая в сочетание со второй частью *-умный*, выражающей положительный признак, создает новое слово с отрицательной оценкой – оттенком легкого презрения: «Он [Десаль] был все тот же *ограниченно-умный*, добродетельный и педантичный воспитатель».

Рассмотрим еще один пример-характеристику: «...Все, что он [Берг] рассказывал, было так *мило-степенно*...» Обе части основы этого сложного слова в отдельном употреблении обозначают признаки положительные. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова [4, с. 703] у обеих составляющих это прилагательное указано по два лексико-семантических варианта. У компонента *милый* один из них – «славный, привлекательный», у второй части (*степенный*) первый лексико-семантический вариант – «рассудительно-серьезный, важный». Сочетание этих двух частей, построенное на психологической несовместимости неэкспрессивного *степенный* и оценочного *мило-* (от прилагательного *милый*) в одном сложном слове создает отрицательную оценку иронического характера.

Большая часть характеристик, создаваемых сложными словами, выражает оценку со стороны персонажей. Первая часть сложных основ выражает восприятие тем или иным лицом признака, обозначенного второй частью. При этом в том же

контексте называется лицо, которым данный признак воспринимается: «Он [Борис Друбецкой] остановился в середине речи, опустил глаза, чтобы не видеть ее *неприятно-раздражительного* и нерешительного лица». Все слово целиком характеризует лицо Жюли. Первая часть *неприятно-* вносит оценочный элемент в признак, обозначенный второй частью, и регистрирует впечатление, производимое на окружающих, в данном случае – на Бориса. Подобную характеристику отражают и другие примеры из романа: «Лицо ее (Элен) поразило Пьера своим изменившимся, *неприятно-растерянным* выражением...», «девушка [Соня]... *неприятно-притворно* улыбалась, как показалось княжне Марье», «Веселый вопросительный блеск светился в ее [Наташи Ростовой] глазах, на лице было ласковое и *странно-шаловливое* выражение», «Впереди других, ближе, подбегала очень тоненькая, *странно-тоненькая*, черноглазая девушка...»

Первая часть сложной основы может выражать характер восприятия окружающими признака, обозначенного второй частью основы, как несвойственного данному лицу, носителю его: «...сказал он [князь Василий]... при этом особенно резко высказывая в сложившихся около рта морщинах что-то *неожиданно-грубое* и неприятное», «Князь Андрей... увидев улыбающееся лицо Пьера, улыбнулся *неожиданно-доброй* и приятной улыбкой», «Пьер находился в смущении и нерешительности. *Непривычно-блестящие* и оживленные глаза Наташи... привели его в это состояние», «...он [князь Василий] *непривычно-поспешными* шагами... пошел к старшей княжне».

Первая часть сложной основы может выражать отношение одного персонажа к другому носителю признака, обозначенного сложным прилагательным: «Берг сидел подле графини и *родственно-почтительно* утешал ее», «"Все хлопочут", – с *почтительно-насмешливой* улыбкой... сказал Михаил Иванович».

Насмешливость, прикрытая почтительностью, точно выявляется в сложном прилагательном: «...*презрительно-почтительное* отношение молодежи к выжившему из ума старику [Кутузову] выражалось в высшей степени во всем обращении Чичагова». В этом случае выразительно определяются непростые отношения между людьми. В одной сложной основе соединяются части с противоположными значениями, взаимоисключающие признаки. Это создает особую точность морально-этической характеристики.

Сложные слова в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» создаются и используются преимущественно как средство характеристики персонажей. Будучи способными нерасчлененно передавать единый сложный признак, эти слова дают автору возможность передать тончайшие оттенки переживаний героев.

Создавая сложные слова, Л.Н. Толстой расширяет фразеологические связи, рамки лексико-семантической сочетаемости слов, благодаря чему вновь созданные слова приобретают новые эмоционально-экспрессивные оттенки по сравнению с отдельно употребляемыми частями и, тесно вплетаясь в ткань художественного повествования, в линию «протекающего» образа, выполняют характеристически-оценочную функцию.

Создание и использование авторских композитов в романе «Война и мир» является мотивированным внутренними задачами творчества и выполняет определенную художественно-стилистическую функцию. В связи с этим можно привести слова Г.О. Винокура: «Даже тогда, когда мы имеем дело с чисто грамматическим материалом, известные психологические закономерности могут открываться в том, в каком внеграмматическом соотношении, например количественном, находятся эти отдельные грамматические факты между собой. Ясно, например, что преобладание какой-нибудь формы из числа двух равнозначных, более частая употребительность какой-нибудь формы у данного писателя сравнительно с другим при

прочих равных условиях, вообще распределение различных синонимичных средств языкового выражения – все это способно подсказывать важные и существенные выводы» [2, с. 251]. Подмеченная нами системность в использовании авторских композитов в романе «Война и мир» является лишь одним из штрихов в многоцветной палитре толстовского стиля.

Библиографический список

1. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно?: Опыт словаря-справочника. – М.: Рус. яз., 1983. – 880 с.
2. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 489 с.
3. Краснянский В.В. Нестандартная лексика в художественной и нехудожественной речи Л.Н. Толстого // Изучение языка произведений Л.Н. Толстого. – Тула: Тульский гос. пед. ин-т, 1987. – 160 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.
5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 9–12. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958.

Колышкина Татьяна Борисовна

кандидат филологических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
kib-10@mail.ru

Шустина Ирина Викторовна

кандидат филологических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
shustina-irina@rambler.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕКЛАМНОГО ОБРАЗА

Одно из средств, позволяющих оказывать влияние на потребительский выбор, – удачно созданный рекламный образ. Известно, что его формирование происходит разными средствами – неязыковыми и языковыми. Языковые средства создания рекламного образа соотносятся с уровнями языка. В данной статье авторы обращаются к анализу грамматических средств, позволяющих формировать рекламный образ различного типа. Учитывая традиционную структуру коммуникации, можно выделить три образа, релевантных для рекламного текста: образ производителя, образ товара и образ потребителя. В статье отмечается, что в процессе формирования рекламного образа можно также выделить три уровня – образ объекта, образ действия и образ отношения. Их последовательное формирование позволяет легче усваивать содержание рекламного текста и строить целостный образ объекта рекламирования. Используемая авторами классификация дает возможность моделировать рекламный образ по трем типам: по типу характеристик и свойств, по типу выполняемых функций, по типу создаваемого впечатления. Последовательный анализ большого количества текстового материала позволил выявить достаточно четкие тенденции организации рекламного пространства и выбора грамматических средств создания рекламных образов различного типа. В результате исследования было установлено, что грамматические средства используются при создании всех типов образов. Следует отметить, что частотность их употребления в текстах неодинакова, кроме того, выявлено, что в рекламной практике преобладает смешанный тип образа, сочетающий описание товара и потребителя, товара и производителя, производителя и потребителя, что способно обеспечить комплексное воздействие на адресата.

Ключевые слова: реклама, рекламный образ, грамматические средства, воздействие в рекламе.

Воздействие в рекламе может осуществляться посредством рекламного образа [5]. К типичным образам рекламной коммуникации относятся образ производителя [4], образ потребителя [2] и образ товара, которые могут создаваться неязыковыми и языковыми средствами. К последним относятся средства различных уровней языка: фонетические, лексические, грамматические [3]. В процессе формирования образа выделяют три уровня – образ объекта, образ действия и образ отношения [1, 160–167], что позволяет осуществлять моделирование средствами языка 1) по типу характеристик и свойств, 2) по типу выполняемых функций, 3) по типу создаваемого впечатления.

Рекламный образ может создаваться разнообразными грамматическими средствами: словообразовательными, морфологическими и синтаксическими. Остановимся на описании словообразовательных средств, причем отдельного внимания в этом плане заслуживают окказионализмы. Данное языковое средство встречается редко и служит для создания рекламного образа потребителя по типу создаваемого впечатления и рекламного образа производителя услуг по типу выполняемых функций (*Вот бы мне автоуберешь, автооткрутеешь, автоотлепешь, автозаплетеешь, авторасплетеешь, автокроватуберешь, автозастегнешь, автоподрастешь, автокашаешь*). Вот бы все было таким удобным, как автоплатеж от Сбербанка. Подключите услугу «Автоплатеж ЖКХ», поручите оплату счетов

Сбербанку. Я придумала *автосостолауберешь*). Из примера видим, что серия окказиональных слов, продуцируемых по одной словообразовательной модели персонажем-ребенком, называет желания, одним из которых является реальное слово «автоплатеж», обозначающее оказываемую Сбербанком услугу. С помощью окказиональных слов можно создать и рекламный образ продукта (*Jacobs Monarch. Наполните праздники ароматией истинного кофе!*) по типу свойств продукта и производимого впечатления: аромат кофе настолько силен, что производит магическое впечатление.

Большую группу средств создания рекламного образа составляют фигуры экспрессивного синтаксиса. Одним из таких средств являются назывные предложения (*Кроме Volvo в жизни есть много хорошего. Дороги, среди которых почти не осталось непроходимых, благодаря мощному двигателю 0,5. Риск, взятый под контроль современными системами активной безопасности. Город, который будет покорен вашим особым чувством стиля. Поэтому вы выбираете кроссовер Volvo XC70; Кафе «Палермо». Жаркое лето в компании легких салатов и холодных коктейлей позади. Теперь хочется поскорей укрыться от дождей и ветров в уютном кафе за столиком на двоих с бокалом согревающего глинтвейна или грога*), создающие рекламный образ потребителя по типу производимого впечатления. С помощью номинативных конструкций может создаваться образ продукта за счет актуализации его свойств: 1) *Теплые бирюзовые озера, нежные лучи заходящего солнца, мягие*

очертания гор на фоне заката. И свежая озерная форель на ужин. Таковы впечатления от Каринтии, которые мне хочется испытать и в этом году. А Вам? Озера в радость! Забронируйте поездку в Каринтию уже сейчас; 2) *Отличный кофе каждый день. Жар Африки. Страсть Бразилии. Уникальная смесь зерен Африки и Бразилии наделяет кофе ЖОКЕЙ удивительной полнотой вкуса. Соединяясь в непревзойденном альянсе, зерна Арабики, собранные на разных континентах, рождают неповторимый вкус кофе ЖОКЕЙ).* В первом примере номинативные конструкции, создающие рекламный образ продукта, сочетаются с вопросительным и побудительным предложениями, проецирующими рекламный образ потребителя по типу получаемых им впечатлений. Во втором примере рассматриваемые средства подчеркивают особенности продукта, причем образ усиливается благодаря синтаксическому параллелизму, на основе которого построены назывные предложения, и парцелированной конструкции (последние два предложения), акцентирующей внимание потребителя на заявленных вначале свойствах продукта и впечатлении от употребления данного товара. В некоторых случаях (*Возможность (1) приготовления кофе латте, капучино. Контроль (2) температуры нагрева воды. Металлическая тонкостенная посуда (3). Идеальный кофе (4). Bork мужской подход (5). Die hohe Qualität*) номинативные конструкции, построенные по принципу синтаксического параллелизма, позволяют одновременно создавать образ производителя по типу свойств (примеры 2, 3, 5), образ потребителя по типу функций (пример 1) и образ товара по типу свойств (пример 4).

Номинативные конструкции могут сочетаться с анафорой: 1) *Новый Volkswagen Jetta. Неприкритое превосходство. Вы успешны и энергичны. Вы не торопитесь, но всегда успеваете. Вы не боитесь трудностей и знаете Volkswagen Tiguan. Жжет. Снаружи – само спокойствие и респектабельность. Элегантность и внушительность. Настоящий Volkswagen. Качественный и основательный. Как и Вы. Настоящий Volkswagen. Стремительный и энергичный. Как и ты;* 2) *Первая улыбка, первый зуб, первое слово... Как много радости еще у вас впереди! Любящая мама знает, как помочь своему малышу с уверенностью делать первые шаги. Каша «Малышка» содержит комплекс питательных веществ, минеральных витаминов, так необходимых для здоровья и роста ребенка. Каша «Малышка» помогает маме заботиться о растущем организме малыша и наслаждаться каждым мигмом общения! Как видно из примеров, за счет номинативных предложений в сочетании с анафорой и другими видами повтора создается устойчивый рекламный образ потребителя, поскольку акцент делается на впечатлениях,*

которые ассоциативно возникают у потребителя при упоминании о товаре.

Анафора может сочетаться с синтаксическим параллелизмом, за счет чего усиливается эффект запоминания и создается рекламный образ потребителя с его желаниями, ожиданиями: *Для кого океан пронизан солнцем? Для кого ветер иначе укладывает волосы, а курьерский ночной нарушает июльский покой маленьких станций? Почему незнакомый минуту назад человек взял билет на соседнее место? Исключительно для меня.* Кроме уже названных средств создания образа, в примере представлена вопросно-ответная форма, с помощью которой реализуется рекламный образ производителя, способного предугадать желания потребителя и удовлетворить их благодаря предлагаемому товару. Аналогично представлен двухмерный рекламный образ в следующем примере: *«Я хочу, чтобы мир был безопаснее...» Новый Volkswagen Polo. Я так хочу. Я хочу радоваться каждому дню. Я хочу, чтобы меня окружали красивые вещи. Я хочу, чтобы мир вокруг был безопаснее. Я хочу обладать идеальной техникой. Я хочу большего. Новый Volkswagen Polo. Более дерзкий, более энергичный. Новые стандарты, стильный дизайн, свежие эмоции, еще не испытанные ощущения. Это автомобиль для таких, как я. Новый Volkswagen Polo делает жизнь такой, как я хочу.* Анафорическая конструкция «я хочу» позволяет, с одной стороны, создать яркий образ потребителя, а, с другой – рекламный образ товара, способный удовлетворить самые неожиданные запросы потребителя за счет особых свойств или функций этого товара. Для создания образа товара на основе производимого впечатления в рекламе используется повтор слова *лучший* с указанием круга товаров, с которыми сравнивается рекламируемый товар: *2012 Лучший в Европе исторический отель. Лучший в России отель класса «люкс». Лучший в Европе бизнес-отель класса «люкс». 2011 Лучший в Европе бизнес-отель класса «люкс». Лучший в Море бизнес-отель класса «люкс». Лучший в России отель класса «люкс». 2010 Лучший в России отель класса «люкс». Гостиница «Рэдиссон Ройал, Москва».* В некоторых случаях анафорической единицей может быть название продукта, что способствует запоминанию и созданию рекламного образа товара на основе его свойств и качеств: *Полный вкус который не полнит. Oltermanni 17 – это тонкий изысканный вкус из Финляндии, сочетающийся с уникальными полезными свойствами. Oltermanni 17 – сыр с пониженным содержанием жира (17 %). Oltermanni 17 отличается высоким содержанием протеина, витаминов, минеральных веществ и низким содержанием соли. Oltermanni 17 производится из экологически чистого молока без применения консервантов.*

Анафора в сочетании с параллелизмом может усиливаться эпифорой, причем в качестве повто-

ряющегося элемента чаще всего может выступать название товара или торговой марки (*Абрис Декор – решение неразрешимых задач. Абрис Декор – компания профессиональных художников-декораторов. Абрис Декор – широкий выбор дизайнерских тканей и обоев из Европы и Америки. Абрис Декор – специалисты-технологи по работе с тканями ведущих западных производителей. Вы хотите обновить интерьер квартиры – обращайтесь в АБРИС ДЕКОР!*) Подобная комбинация средств создания образа способствует выстраиванию комплексного рекламного образа, представляющего производителя по его функциям и свойствам, товар по его качественным характеристикам, а также потребителя по его впечатлениям от полученных услуг. Акцент на впечатлениях потребителя может создаваться за счет сочетания анафоры, параллелизма и риторического вопроса: *RAV 4. Максимум возможностей. Максимум свободы. Покинуть офис в разгар рабочего дня? Покинуть город в разгар недели? Кто не мечтает об этом... Но лишь некоторым это жизненно необходимо!*

Весьма действенным средством создания рекламного образа является антитеза, поскольку данный прием выделяет на контрасте значимые для потребителя аспекты: 1) *Меньше времени на ожидание, больше времени на созидание;* 2) *Это не Карибские острова. Это не Ривьера. Это не Древний Рим. Это Кипр. Весь мир на одном острове. Кипр.* Антитеза позволяет создать рекламный образ потребителя (см. текст 1) по типу производимых впечатлений или рекламный образ потребителя и рекламный образ товара на основе его свойств, которые подчеркиваются благодаря оппозиции с другими товарами (см. текст 2). Нередко антитеза используется в первом или последнем предложении текста (*Это не конец путешествия, это только начало. Песчаные дюны. Оазис Лива. Здесь царят безмолвие и безмятежность. Здесь Вы обретаете покой и умиротворение. Бескрайние просторы. Девственная земля. Ненайденные сокровища. Манящий горизонт. Здесь каждый закат сулит пробуждение чего-то нового. Вы уверены, что видели это? Откройте для себя Абу-Даби; Одна стирка – и белье просто сияет. Представляем Ariel с уникальным пятновыводящим комплексом M-Zim 5, С новым Ariel M-Zim 5 безупречная чистота белья гарантирована вам уже после первой стирки. Ariel. Не просто чисто, а безупречно чисто*), поскольку именно позиция края усиливает воздействующий эффект текста.

Не менее эффективным средством создания рекламного образа является парцелляция (нарушение границ синтаксической конструкции): выделение члена предложения в самостоятельное предложение акцентирует внимание адресата на основных качествах и свойствах товара: 1) *При*

первом взгляде так и хочется сказать: «Вау». ПРЕМИАЛЬНЫЙ с точки зрения качества. Невероятно ДИНАМИЧНЫЙ. Хотите обладать этим легендарным автомобилем? Обратитесь к ближайшему дилеру Ford или узнайте больше на сайте; 2) *REFRESHINGLY UNIQU Охлажденный. С игристыми пузырьками. Прекрасен сам по себе. Идеален с долькой лимона. Perrier освежает в самый горячий момент).* Парцелляция может встречаться в текстах, создающих рекламный образ потребителя по типу производимых товаром впечатлений (*Большой эффект присутствия теперь занимает меньше места. Еще неизвестно, что сильнее впечатлит Вас в телевизоре SlimFit. Яркое, контрастное и предельно реалистичное изображение или на треть уменьшенная глубина корпуса. Иными словами, преимущества кинескопной и плоскпанельной технологий наконец-то объединены в одном телевизоре. SlimFit. Для большей глубины впечатлений).*

Рекламный образ потребителя часто создается благодаря конструкции «тот, кто» + описание характеристик потребителя (1) *К победе приходит азартный, тот, кто не сойдет с дистанции на полпути. Audi S4. Встав на путь больших побед, невозможно остановиться. Первые успехи вызывают острое желание достичь большего. Главное – не сбрасывать скорость. Audi S4. Вы азартны во всем и всегда первым стремитесь к успеху. Audi S4. Для тех, кого невозможно встретить в последних рядах. Встав на путь больших побед, невозможно остановиться. Первые успехи вызывают острое желание достичь большего. Главное – не сбрасывать скорость;* 2) *Для тех, кто знает страну не понаслышке. Land Cruiser 100. Покоряй мир вместе с ним. Новые впечатления каждый день. Новые встречи, знакомства, маршруты, приключения... Свежесть ощущений. Вот то, что делает Вашу жизнь насыщенной и яркой. Обновленный Land Cruiser 100. Покоряй мир вместе с ним).*

Средством создания рекламного образа могут выступать побудительные конструкции. Как правило, такие предложения используются для создания образа потребителя за счет выделения основных его желаний, ожиданий, причем данный прием встречается в рекламе независимо от товарной категории (1) *Lexis GS. Узнайте страсть. Изведайте покой. Сядьте за руль Lexis GS и перенеситесь в особый мир изысканной роскоши власти над скоростью.* Динамичный дизайн GS вызывает желание убедиться в его возможностях. Уникальный 4,3-литровый двигатель V8 мощностью 283 л. с. полностью оправдывает ваши самые смелые ожидания; 2) *Новый Ford Fiesta. Вырвись из будней. Новый Ford Fiesta. Теперь Вам не усидеть в 4 стенах. Вместительный салон, импозантная внешность, безупречное управление – это автомобиль создан для тех, кто наслаждается жиз-*

ню; 3) *Особые случаи – вот что делает жизнь прекрасной. Подчеркните их неповторимость восхитительным вкусом шоколадных конфет Ко-милъфо*). В последнем примере одновременно реализуется образ потребителя и образ товара, позволяющего потребителю достичь желаемого. В некоторых рекламных текстах побудительные конструкции создают образ товара, обладающего определенным набором свойств 1) *Познай лучшее с Côte d'Or – вкус сладкой жизни!* 2) *Пейте овощи! Они растут и созревают на грядках под теплым, ласковым солнцем. Их заботливо собирают и делают из них натуральные соки и нектары. В них много витаминов и полезных веществ, которые сохраняются круглый год. Они – это овощи, которые вы найдете в упаковке с названием «8 овощей»;* 3) *Сельдь высшего качества – значит Норвегия. Легкие салаты, оригинальные закуски и полноценные блюда – откройте целое море разнообразных рецептов с норвежской сельдью*) или функций (*Представьте... уборка без шума и пыли. Еще никогда уборка не была такой бесшумной. Stealth от Samsung – это мощный и удивительно тихий пылесос без мешка для сбора пыли. Благодаря новой усовершенствованной конструкции уровень шума составляет всего 73 дБА. Технология Multi Chamber обеспечивает постоянную высокую мощность всасывания. Избавьтесь от пыли без лишнего шума*). Побудительные конструкции чаще всего содержат императивную форму глаголов совершенного вида, что создает ощущение гарантированного результата в случае приобретения рекламируемого продукта, то есть предлагают купить не продукт, а конкретный желаемый результат.

В качестве средства создания рекламного образа потребителя встречаются неожиданные синтаксические конструкции, стилизованные под спонтанный бытовой диалог (имитация телефонного разговора или электронной переписки), главной чертой которого является неполнота предложений, переход с темы на тему, причем это сопровождается большим количеством сленговой лексики. Такой прием целесообразен для создания рекламного образа потребителя молодежных товаров: активный образ жизни, конкуренция, жизнь как драйв или квест, соревновательность, обладание благами, доступными избранным, подчеркивание эксклюзивности, спонтанная реакция на происходящее, отказ от социальных норм, которые считаются устаревшими, формирование субкультуры определенной

группы, стремление задавать социальные стандарты нового времени и обесценивать прошлое: *Драйв нон-стоп. Все, поехали Auris скидываемся на подарок Auris боулинг покруче Auris страйк Auris закрытый показ Auris звонили Auris едут Auris кофейку Auris лучшие стейки в городе Auris какие люди Auris что слушаешь Auris к тебе или ко мне Auris теперь ко мне Auris закроем сезон Auris заеду через 15 минут Auris я не устал Auris Auris Auris Toyota Auris. Заряжает эмоциями.*

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что грамматические средства языка используются при создании всех типов образов, однако наиболее частотны они при создании образа потребителя по типу характеристик и создаваемому впечатлению, образа товара по типу характеристик и свойства, по типу выполняемых функций и создаваемому впечатлению, производителя по типу выполняемых функций. Поскольку в большинстве текстов встречается смешанный тип образа «товар – потребитель», «товар – производитель», «производитель – потребитель», это позволяет говорить о комплексном воздействии на адресата.

Библиографический список

1. Кольшикина Т.Б. Структурно-стилистическая организация текстов, размещенных в специализированных компьютерных журналах: дис. ... канд. филол. наук / Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2008.
2. Кольшикина Т.Б., Шустина И.В. Слова категории состояния как отражение потребительских мотивов в рекламном тексте / Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 194–198.
3. Феценко Л.Г. Проблемы атрибуции и анализа рекламного текста // Петербургская школа PR и рекламы: от теории к практике: сб. статей / отв. ред. А.Д. Кривоносов. – СПб.: Роза мира, 2006. – Вып. 4– С. 158–168.
4. Шустина И.В. Адресант-коллектив и адресант-персона в рекламной коммуникации // Бизнес. Наука. Образование: проблемы перспективы стратегии: материалы российской науч.-практ. конф. – 2015. – С. 608–611.
5. Юдин С. Рекламный образ: умение управлять // Психология и психоанализ рекламы: личностно-ориентированный подход / под ред. Д.Я. Райгородского. – М.: Бахрах-М, 2001. – С. 484–490.

Кулинцева Наталья Александровна

кандидат филологических наук, доцент
Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск
Natasha777.07@list.ru

Зайцева Ольга Львовна

кандидат филологических наук, профессор
Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск
zaitsevao@mail.ruКАТАФОРИЧЕСКАЯ И АНАФОРИЧЕСКАЯ ФУНКЦИИ
ФИНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА АБЗАЦА В ТЕКСТЕ

Статья направлена на исследование структуризации и пространственных связей и отношений внутри текстовых отрезков, обнаруживающих структурно-семантическую и коммуникативно-прагматическую целостность, а именно: абзацного комплекса, абзаца и связного текста. Автор рассматривает значимость такого текстового компонента как финальное предложение абзаца и/или абзацного комплекса. Этот компонент относится к так называемым центрам контекстуально значимой информации, располагаясь в сильных позициях связного текста и непосредственно участвуя в формировании общего рисунка структурно-семантического и функционально-прагматического напряжения связного текста. Финальный компонент абзаца, таким образом, выступает важнейшим средством текстового семиозиса, во многом определяющим сам статус его связности и существование в качестве единого целого. Автором выделяются анафорический, катафорический и анафоро-катафорические основные типы таких финальных компонентов абзаца. Анафорические компоненты направлены на предшествующий ему текст, катафорические – на последующую информацию в тексте. Особой сложностью отличаются анафоро-катафорические компоненты, функционирующие в обоих направлениях. Кроме того, автор отмечает три основных уровня функционирования финального компонента абзаца, а именно внутриабзацный, межабзацный уровни, а также уровень абзацных комплексов.

Ключевые слова: текст, дискурс, абзац, абзацный комплекс, анафора, катафора, когезия.

Известно, что текст (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) – это «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [2, с. 507]. «Нет текста, который бы не обладал этими признаками...», так как «...в основе любого текста лежит структурирование...» [5, с. 99].

В любом тексте как структурированной системе выделяются отношения между его частями (абзацами и абзацными комплексами), и такие отношения определяются как по горизонтали, так и по вертикали текста. Связи и отношения между абзацами и абзацными комплексами по горизонтали текста называются линейными отношениями, а по вертикали – иерархическими. Отметим, что стандартный текст в основном характеризуется линейными отношениями. Но в рамках художественного произведения, которое мы исследуем, автор достаточно часто комбинирует линейные и структурно-иерархические отношения. Данные отношения рассматриваются как их взаимодействие, приводящее к развитию, «движению» текста под влиянием коммуникативного замысла автора, и установление таких отношений между абзацами и абзацными комплексами позволяет построить связный, целостный, структурированный текст с логичным переходом от одной части текста к другой, распределением информации по степени значимости и другое. В этой связи нас прежде всего интересует финальный компонент абзаца (ФКА), представленный последним предложением абзаца и используемый автором в качестве одного из средств при установлении та-

ких отношений между частями текста. С точки зрения формально-смысловой организации текста как целого финальный компонент абзаца (как составляющая часть абзаца или абзацного комплекса) ведет себя как текстовая скрепа, связывающая дистантно или контактно расположенные части текста в единую систему [1; 4].

Определим роль финального компонента абзаца в структурировании текста. Прежде всего, финальный компонент абзаца завершает каждый компонент текста, акцентируя внимание читателя на структуре произведения, на его формально-смысловых составляющих. Но при этом не каждый финальный компонент абзаца является в смысловом плане завершающей частью повествования. Те же финальные компоненты, которые выполняют функцию итоговости по абзацу или абзацному комплексу и завершают их, выступают в качестве композиционно-организующего центра части текста и являются его «опорной» составляющей, что проявляется в общей структурированности отдельно взятого произведения.

Также отметим, что финальный компонент абзаца взаимодействует с окружающим контекстом в двух планах: поверхностном и глубинном. В первом случае мы используем термин «синтаксические отношения», а во втором – «семантические отношения». Формально финальный компонент абзаца входит в состав основного абзаца и абзацного комплекса. На глубинном уровне финальный компонент абзаца находится между двумя абзацами или абзацными комплексами, соединяя их в последовательность и устанавливая определенную

семантическую зависимость между ними. В свою очередь финальный компонент абзаца определяется как содержанием основного абзаца или абзацного комплекса, так и (часто) содержанием последующего абзаца. Зависимость финального компонента абзаца от направленности действия в первом случае называется анафорическим вектором, зависимость от последующего контекста – катафорическим вектором; в тех случаях, когда текстообразующая функция финального компонента абзаца распространяется одновременно в двух направлениях, – анафорическим и катафорическим. Для удобства условно обозначим последние предложения как анафорические ФКА, катафорические ФКА и анафоро-катафорические ФКА [3].

В связи с этим нас интересуют следующие вопросы: во-первых, участие каждого типа финального компонента абзаца в формировании структуры и семантики основного абзаца или абзацного комплекса, частью которого являются ФКА; во-вторых, участие финального компонента абзаца в установлении связей и отношений между данными и остальными частями текста; и, в-третьих, взаимозависимость выполняемых финальными компонентами абзаца функций и задач и уровня их функционирования, а именно: внутриабзацного, межабзацного, внутрикомплексного и межкомплексного уровней.

Наиболее распространенным типом финального компонента абзаца является анафорическое последнее предложение. Это определяется рядом причин: во-первых, финальный компонент, находясь в сильной позиции текста, завершает часть текста – абзац или абзацный комплекс – и чаще всего подводит некий итог по данной части текста. Иллативная функция, выполняемая финальным компонентом, невозможна без естественной ссылки на предыдущий контекст. В данном случае мы прежде всего руководствуемся общей семантической направленностью финального компонента абзаца. Во-вторых, финальный компонент абзаца находится между двумя абзацами или абзацными комплексами, соединяя их в последовательность и устанавливая определенный тип семантической и синтаксической зависимости между ними. Такая зависимость была бы невозможна без ссылки на ретрофакт (анафорический элемент), и, таким образом, финальный компонент абзаца становится детерминированным содержанием предшествующего контекста, причем не только с граничащим предложением, но и с дистантно расположенными предложениями. Проиллюстрируем итоговые финальные компоненты с анафорической векторной направленностью на абзацном и комплексном уровнях.

Ah, how he had wanted her: Winifred! She was young and *beautiful* and strong with life, like a flame in sunshine. She moved with a slow grace of energy like a blossoming, red-flowered bush in motion. (...)

And he, he was tall and slim and agile, like an English archer with his long supple legs and fine movements. (...) And he was white-skinned with fine, silky hair that had darkened from fair, and a slightly arched nose of an old country family. **They were a beautiful couple** [9, с. 142].

В настоящем абзаце автор описывает двух молодых людей, влюбленных друг в друга. Абзац завершается анафорическим финальным компонентом, подводящим итог текстового фрагмента повествования. Предложение является синтаксически простым. Оно лаконично подводит итог по части текста и организует смысловую целостность абзаца. Если опустить данный ФКА из приведенной части текста, то абзац останется логически незаконченным и потребует продолжения либо обоснования. В данном же случае финальный компонент абзаца передает обобщенный смысл, он синсематично и тесно связан с предшествующим ему контекстом, прежде всего – при помощи анафорического местоимения ‘they’ и лексических повторов. Так, повтор слова второго предложения абзаца ‘beautiful’, употребляющегося как семантическое средство соединения текстовой последовательности, усиливает информативность ФКА.

Рассмотрим анафорический финальный компонент абзаца, который связывает два соседних абзаца, то есть функционирует на межабзацном уровне. При этом между двумя абзацами устанавливаются линейные отношения, когда абзацы следуют друг за другом, находясь в непосредственной близости, и информация, содержащаяся в них, передается от одного элемента текста к другому. Второй абзац вбирает в себя содержание предшествующего контекста и развивает далее тему художественного произведения. ФКА в такой ситуации выполняет связующую функцию. Проиллюстрируем данное положение на примере сочетания двух абзацев.

“I like you,” said he [Wee Willie Winkie] slowly, getting off his chair and coming over to *Brandis*. “I like you. I shall call you *Coppy*, because of your hair. Do you mind being called *Coppy*? It is because of ye hair, you know.”

Here was one of the most embarrassing of Wee Willie Winkie’s peculiarities. He would look at a stranger for some time, and then, without warning or explanation, would give him a name. And the name stuck. No *regimental* penalties could break Wee Winkie of this habit. (...) **So Brandis was christened “Coppy”, and rose, therefore, in the estimation of the regiment** [8, с. 78].

Данный анафорический финальный компонент абзаца явно объединяет два соседних абзаца в границах абзацного комплекса, выполняя иллативную функцию. Герой рассказа обладает способностью давать точные прозвища людям, и он прозвал одного из мужчин ‘Coppy’. Связь финального компонента с предыдущим текстом осуществляется

посредством полного повтора слов 'Drandis, Corru', корневого повтора слова 'regiment'. Итоговость финального компонента выражена скрепой 'so' в инициальной позиции предложения, а также его общей семантикой. Следовательно, последнее предложение выполняет итоговую и связующую функции по двум абзацам.

Анализ итоговых ФКА с анафорическим вектором направленности показал, что такие предложения могут функционировать как на уровне абзаца, так и на уровне абзацного комплекса. По отношению к этим частям текста они выполняют итоговую, оформляющую функцию и, бесспорно, обладают сильными текстообразующими функциями, так как выделяют основной абзац или абзацный комплекс на уровне целого текста. С помощью анафорического финального компонента абзаца устанавливаются логические и смысловые связи между частями текста. Все это способствует четкому его структурированию. Более того, финальные компоненты обеспечивают полное восприятие текста и направляют внимание читателя в необходимом для автора направлении. Одновременно итоговые финальные компоненты являются средоточием значимой речевой информации, акцентируют ее согласно прагматической установке текста.

Далее представим финальные компоненты абзацев с катафорической векторной направленностью, когда «элемент с отсылающим значением является линейно предшествующим» [6, с. 32]. При этом виде отношений антецедент располагается впереди части предложения с отсылочной семантикой. Катафорические или проспективные отношения функционируют в основном на содержательном (прагматическом) уровне и маркируют необходимость продолжить повествование. Этим они отличаются от закрытых анафорических финальных компонентов. Такие предложения, функционируя на уровне абзаца, чаще всего являются частью одного из промежуточных абзацев в абзацном комплексе.

Приведем пример открытого катафорического финального компонента абзаца.

Which held true for Winifred, too. She was not made to endure aloof. Her family tree was a robust vegetation that had to be stirring and believing. In one direction or another her life had to go. In her own home she had known nothing of this difference which she found in Egbert, and which she could not understand, and which threw her into such dismay. **What was she to do, what was she to do, in face of this terrible difference?**

It was all so *different* in her own home. Her father may have had his own misgivings, but he kept them to himself... [9, с. 154–155]

Данный финальный компонент абзаца имеет катафорический вектор направленности прежде всего потому, что синтаксически представляет собой

вопросительную конструкцию. Главная героиня, Winifred, переживает трудности в семейной жизни, не понимает своего мужа и задается вопросом о дальнейшей жизни. Прагматический вектор ФКА направлен за пределы абзаца, так как любая вопросительная форма, даже риторический вопрос, предполагает ответ. Таким образом, налицо своеобразное «отталкивание» финального компонента абзаца в сторону присоединенного последующего абзаца, то есть в сторону развития содержания. С прагматической точки зрения финальный компонент абзаца способствует проставлению акцентов в данной части текста. Это удается благодаря, во-первых, финальному расположению предложения в абзаце, во-вторых, благодаря вопросительной синтаксической структуре предложения. Вопросительная структура ФКА стимулирует читателя найти ответ на заданный вопрос и более вдумчиво вчитываться в текст. Следовательно, финальный компонент абзаца выполняет выделительную функцию по отношению к этой части текста и имеет большое значение для семантической структуры целого текста, так как формирует проблематику всего произведения. Ответ на заданный вопрос не располагается в последующем за ФКА абзаце. Но все же финальный компонент абзаца оказывается семантически тесно связанным с последующим текстом, представляя своего рода экспозицию, «ввод» в проблематику.

Итак, основываясь на изучении употребления финального компонента абзаца, полагаем, что катафорические ФКА прежде всего направлены на дальнейшее повествование, оставляя абзацы «незаконченными». Границы частей текста в большинстве случаев определены первым предложением следующей части текста, а не последним предложением. Отношения между абзацами с открытыми катафорическими последними предложениями устанавливаются в условиях логически прямой соотнесенности между ними без каких-либо семантических «препятствий» и «прерывания» последовательности повествования, которая далее получает свое развитие в следующем за ним абзаце. В этом случае ФКА является формально последним предложением, в действительности выполняя функции переходных предложений. Также присутствует и выделительная функция, когда информация, содержащаяся в ФКА, становится более очевидной и значимой в структуре текста за счет пограничного расположения финального компонента абзаца в тексте. На уровне абзаца катафорические предложения не играют значимой роли в семантической структуре текста и чаще всего являются частью одного из промежуточных абзацев в абзацном комплексе. Общей функцией катафорического открытого финального компонента абзаца является создание перспективной направленности, которая заключается в том, что каждый «незаконченный»

абзац формирует некоторые ожидания у читателя, которые либо подтверждаются последующими частями текста, либо разрушаются, когда читатель не находит ожидаемого продолжения, и это стимулирует дальнейшее продвижения по тексту.

Анафоро-катафорические финальные компоненты абзаца объединяют признаки обоих типов последних предложений: анафорических и катафорических. Такое объединение функций способствует достаточно сильному выделению финального компонента абзаца на фоне окружающего контекста и часто – всего текста целиком. Анафоро-катафорические ФКА чаще всего семантически «разделяются» на две части и функционируют в обоих направлениях: левом и правом. Они функционируют как на уровне абзаца, так и на уровне абзацного комплекса. Рассмотрим пример анафоро-катафорического ФКА.

“What is he?” Mrs. Markham stared. How could she possibly tell this man who reached so high only to look down, what Peter was. He was a man, her husband. He was a lover and a scholar and a drinker of wine, an explorer by day and a poet by night. **But that, she knew, was not what Mr. Kimmel meant.**

“*I mean,*” he said slowly, impaling her with his chin, “what does he do?” [7, с. 108].

Данный финальный компонент абзаца, также как и в предыдущем примере, является анафоро-катафорическим, организуя связь с левым и правым контекстами. Рассматриваемое предложение подводит итог по первому абзацу, обобщая его информацию. Связь с левым текстом осуществляется посредством скрепы ‘but’, устанавливающей противительные отношения с остальными предложениями абзаца, и анафорических местоимений ‘she’ и ‘that’, также отсылающих читателя назад в начало абзаца. Местоимение ‘that’ замещает всю предшествующую информацию и вместе со скрепой ‘but’ формирует итоговость ФКА. Одновременно прагматически финальный компонент абзаца направлен за пределы абзаца и поддерживает интерес читателя к тому, что именно имел в виду Mr. Kimmel. В следующем абзаце находится объяснение вопроса. В этом примере присутствует стилистический прием подхвата, что способствует выделению данной мысли в структуре текста и одновременно служит тесной взаимосвязи двух абзацев. Повторение глагола ‘to mean’ в прошедшем и настоящем временах соотносит оба абзаца и обеспечивает их тесную взаимосвязь. Но, маркируя смену модальности, финальный компонент абзаца выполняет сразу несколько функций по отношению к данному отрезку текста: функции итоговости по основному абзацу, присоединения основного абзаца к последующему и рематизации смысловой части данного абзацного сочетания в семантической структуре текста.

Итак, анафоро-катафорические финальные компоненты, функционирующие на уровне абзаца,

выполняют значимую роль в объединении абзацев в абзацный комплекс. Финальные компоненты всегда выходят за границы основного абзаца, частью которого являются, и чаще всего служат переходом от одной части текста к другой при одновременном выделении темы последующего абзаца. Анафоро-катафорические ФКА в такой ситуации занимают место между двумя частями текста, к одной из которых предложение имеет отношение, подобное заголовку или введению новой темы, – это текст, следующий за ФКА и связанный с предыдущим текстом лексически, синтаксически, семантически и прагматически. Основными функциями такого финального компонента абзаца являются выделительная, тематическая и соединительная.

Подобным образом функционируют ФКА и на межкомплексном уровне, фиксируя определенные отношения между значительными отрезками текста, то есть абзацными комплексами. Объем статьи не позволяет нам привести пример таких комплексных образований и отношений между ними. Но необходимо отметить, что на любом уровне функционирования финальные компоненты абзацев занимают сильные позиции текста и, таким образом, задают его «структурное напряжение», становясь определенными «опорными центрами», с помощью которых осуществляется и определяется основное структурное, семантическое и прагматическое значение текста.

Итак, анализ анафорического типа финальных компонентов абзаца показал, что такие предложения могут функционировать на всех текстовых уровнях, выполняя итоговую, оформляющую функцию, и, бесспорно, обладают сильными текстообразующими функциями.

Общей функцией катафорического функционального типа финальных компонентов абзаца является создание перспективной направленности, так как абзацы оставлены «тематически незаконченными», хотя являются формально последними предложениями.

Третий, анафоро-катафорический, функциональный тип финальных компонентов абзаца играет значимую роль в объединении абзацев и абзацных комплексов, выполняя тем самым выделительную, тематическую и соединительную функции.

Итак, мы можем утверждать, что финальный компонент абзаца является особым синтаксическим образованием, которое выполняет определенные текстообразующие функции и играет важную роль в общей динамике развития текста, обеспечивает его связность и целостность на внутриабзацном, межабзацном уровнях, а также на уровне абзацных комплексов. Семантическая наполняемость финального компонента абзаца различной синтаксической сложности характеризуется активным участием в семантической структуре абзаца, абзацного комплекса и всего текста в целом. Согласно

выполняемым функциям, мы подразделяем ФКА на три основные группы и приходим к выводу, что такое предложение во многом определяет характер скрепления компонентов текста и организует данные компоненты в целостную структуру – текст.

Библиографический список

1. *Зайцева О.Л., Давыдова А.Р.* Текст как универсальная категория дискурса // Вопросы романо-германской и русской филологии. – Пятигорск, 2014. – № 1. – С. 85–91.

2. *Колианский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – С. 174.

3. *Кулинцева Н.А.* Семантико-синтаксические и прагматические свойства финального компонента абзаца (на материале англоязычной художественной литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Белгород, 2011. – 26 с.

4. *Лебедева М.Б.* Корреляция категорий пояснения и приложения // Вопросы романо-германской и русской филологии. – Пятигорск, 2014. – № 1. – С. 121–126.

5. *Николаева Т.М.* Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 507.

6. *Падучева Е.В.* Анафорическое отношение // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 32.

7. *Hudson H.* The Tenant // Американский рассказ XX века: сборник. – М.: Менеджер, 1996. – С. 103–121.

8. *Kipling R.* Wee Willie Winkie // Английский рассказ XX века: сборник. – М.: Менеджер, 1998. – С. 77–90.

9. *Lawrence D.* England, my England // Английский рассказ XX века: сборник. – М.: Менеджер, 1998. – С. 140–184.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ
КАК СВОЙСТВО НАУЧНОГО ТЕКСТА

В данной статье рассматривается понятие «маркированность», которое характеризуется многозначностью и носит междисциплинарный характер. Несмотря на то, что данный термин был изначально введен для обозначения привативных оппозиций в фонологии, позднее он нашел отражение в морфологии и семантике, а также широко применялся для анализа текстовых пластов и различных типов дискурса. В рамках проводимого исследования особое внимание уделяется дискурсивной маркированности, также называемой прагматической или информативной, которая определяет порядок репрезентации информации и семантически выделяет данный текст в ряду подобных. В качестве корпуса исследования выступает научный дискурс и используемые в нем прагматические маркеры, которые управляют речевым и смысловым потоком, а также выражают принадлежность текста к определенному стилю. В подтверждение выдвигаемого тезиса приводятся статистические данные частотности использования маркеров в различных функциональных стилях языка с учетом классификации американского ученого Брюса Фрейзера.

Ключевые слова: маркированность, дискурс, метаязык, прагматические маркеры, классификация, научный стиль.

Впервые понятие «маркированность» было предложено Пражской лингвистической школой, проводившей исследования в русле фонологии. Н.С. Трубецкой описал подобным образом фонемы, находящиеся в привативной оппозиции по отношению друг к другу, то есть различающиеся наличием или отсутствием какого-либо коррелятивного признака (озвончение, назализация либо лабиализация). В рамках данного подхода фонема, обладающая вышеуказанной характеристикой, называлась «маркированной», тогда как фонема без признака – «немаркированной».

Позднее описательный и объясняющий потенциал данной категории был раскрыт Р. Якобсоном в области морфологии и семантики, где маркированные единицы характеризовались большей семантической детерминированностью, но вместе с тем значительной удаленностью от исходного смыслового ядра. В современных научных работах понятие «маркированность» используется для анализа синтаксических структур, прагматических связей и дискурсивных элементов.

Несмотря на то, что в современных исследованиях понятие маркированности может рассматриваться за пределами фонем и отдельных языковых единиц, а также широко применяться для анализа текстовых пластов и различных типов дискурса, суть данного понятия неизбежно восходит к термину, предложенному Н.С. Трубецким [8]. Таким образом, любой вид маркированности строится на следующих принципах: (а) обязательно подразумевает бинарные отношения между рассматриваемыми элементами; (б) причем данные отношения носят исключительно относительный характер.

Применительно к тексту можно говорить о нескольких типах маркированности в зависимости от рассматриваемого аспекта. В настоящий момент выделяют лингвокультурологическую маркированность (принадлежность текста к определенной языковой культуре), гендерную маркированность (идентификатор половой принадлежности автора),

стилистическую маркированность (статус текста в системе функциональных стилей речи), структурную маркированность (характер строения отдельных предложений, формирующих общую структуру текста) и дискурсивную маркированность (порядок подачи сообщаемой информации).

В рамках проводимого нами исследования особого внимания заслуживают структурная, стилистическая и дискурсивная маркированность, поскольку анализ феномена научного стиля и выявление его функциональных особенностей представляется наиболее продуктивным именно с этих позиций.

Так, стилистическая маркированность текста включается в упорядоченную классическую системность и является строго одновалентной. Иными словами, текст даже при условии его пограничного межстилевого статуса занимает единственное определенное место в жестко структурированной матрице стилистической системы речи. Тем не менее при характеристике языковой организации и когнитивно-коммуникативных свойств текста большинство выявленных признаков можно отнести как к стилистическим, так и к дискурсивным, поскольку «потенциально каждый языковой элемент в условиях определенного дискурса может стать носителем стилистической информации» [2, с. 151].

Говоря о дискурсивно-стилистический идентификации текста, стоит отметить, что вне зависимости от допустимой многочленной атрибуции лишь один из признаков может одновременно выступать в качестве стилистического и дискурсивного, тогда как все остальные характеризуют текст с позиции дискурса. Следовательно, дискурсивная маркированность включается в подвижную диссипативную системность и в отличие от стилистической является поливалентной. В этом случае текст выступает представителем открытого множества дискурсов.

Дискурсивная маркированность, также называемая прагматической или информативной, отображает порядок подачи информации в предложении или высказывании и выступает в качестве оппо-

зиции немаркированной дистрибуции сем (то есть отображает актуальное тема-рематическое деление речи). Вместе с тем дискурсивная маркированность представляет более сложный концепт, поскольку ее характер напрямую зависит от типа синтаксической конструкции (то есть содержание высказывания во многом определяется его формой) [9, p. 35].

Согласно Т. Гивону, дискурсивная маркированность – это «степень, в которой данное дискурсивное явление будет воспринято реципиентом как нечто неожиданное или будет сочтено отступлением от принятой коммуникативной нормы» [13, p. 88]. В более поздних научных работах ученый подчеркивает, что дискурсивная маркированность зависит от контекста и типа дискурса: иначе говоря, одно и то же высказывание может быть маркировано или нейтрально в зависимости от типа дискурса [14, p. 57].

М. Драйер, также занимающийся разработкой данного теоретического вопроса, высказывает мнение, что прагматическая маркированность придает тексту дополнительное значение и семантически отмечает его в ряду сходных конструкций [10, p. 109]. Учитывая характер вышеизложенного, можно заключить, что прагматическая маркированность определяется в соответствии со следующими критериями [9, p. 36]:

- прагматически маркированная конструкция является отступлением от коммуникативной нормы и воспринимается реципиентом как нечто неожиданное в результате изменения движения информационного потока или введения качественно нового элемента дискурса;

- прагматически маркированная конструкция обладает дополнительным прагматическим значением, что в существенной степени ограничивает частотность ее использования.

Наконец, следует отметить, что структурная маркированность тесно связана с прагматическим уровнем текста, поскольку она выступает планом выражения по отношению к плану содержания информационного пласта. Структурная маркированность главным образом имеет дело с порядком слов в конкретно взятом предложении, построенном на основе базисной структуры высказывания, однако она может в значительной степени различаться в зависимости от стилистики рассматриваемого текста [6, с. 83].

В данной статье особое внимание уделяется вопросу прагматической маркированности научного стиля речи, поэтому прежде всего необходимо обозначить его функциональные особенности, чтобы в дальнейшем произвести сравнительный анализ прагматических маркеров, используемых в различных типах дискурса.

Несмотря на то, что язык науки оперирует лексическими и синтаксическими средствами, которые составляют основу обыденного общения, дан-

ный языковой регистр требует особого отношения, поскольку наравне с универсальными языковыми единицами он также использует специфические понятия и концепты [7, с. 114]. Можно сказать, что язык науки выступает своеобразной «надстройкой» к сложившейся языковой системе и характеризуется определенными свойствами.

В целом научная коммуникация выполняет следующие ключевые функции: *информационную*, *интегрирующую* и *нормативно-регулятивную*. Информационная функция обеспечивает не только преемственность научных знаний, но и получение новых сведений с перспективой их дальнейшего углубления и систематизации. Интегрирующая функция связана с содержанием необходимых условий объединения и формирования коллективного субъекта научного познания. Нормативно-регулятивная функция способствует координации и согласованию коллективных действий в процессе познания, а также планированию и управлению исследованием [4, с. 204].

Хотя обыденное и научное общение обращаются к средствам одного и того же языка, существующего в рамках определенной культурной общности, научный текст отличается такими универсальными чертами, как *целостность*, *связность*, *информативность*, *интертекстуальность*, *интенциональность* и *модальность*, а также высокой степенью *формализованности*, *аналитичности* и *доказательности*. В лексическом плане характерной чертой научных текстов является строгий отбор языковых средств, отказ от элементов эмоциональности и образности [5, с. 56–60].

Вышеуказанная специфика научных текстов обусловлена не только особыми синтаксическими конструкциями и языковыми единицами с узконаправленным значением, но также функциональными коннекторами, структурирующими фрагменты текста. Так, американский лингвист Брюс Фрейзер предложил следующее определение этих дискурсивных единиц: «Прагматические маркеры – это слова, обладающие процедурным значением и принадлежащие к таким классам синтаксических единиц, как союзы, обстоятельства и предложные обороты, которые сохраняют присущие этим классам синтаксические характеристики, а также находятся в отношениях дополнительной (комплементарной) дистрибуции со своими аналогами, обладающими концептуальным значением» [12, p. 946].

К настоящему моменту лингвистами разработано несколько вариантов классификации прагматических маркеров, однако в рамках настоящего исследования мы будем придерживаться типологии Фрейзера, которая представлена на рисунке 1 [см.: 12, p. 948–949].

Для установления природы прагматической маркированности и определения ее необходимости в устных и письменных текстах нами были про-

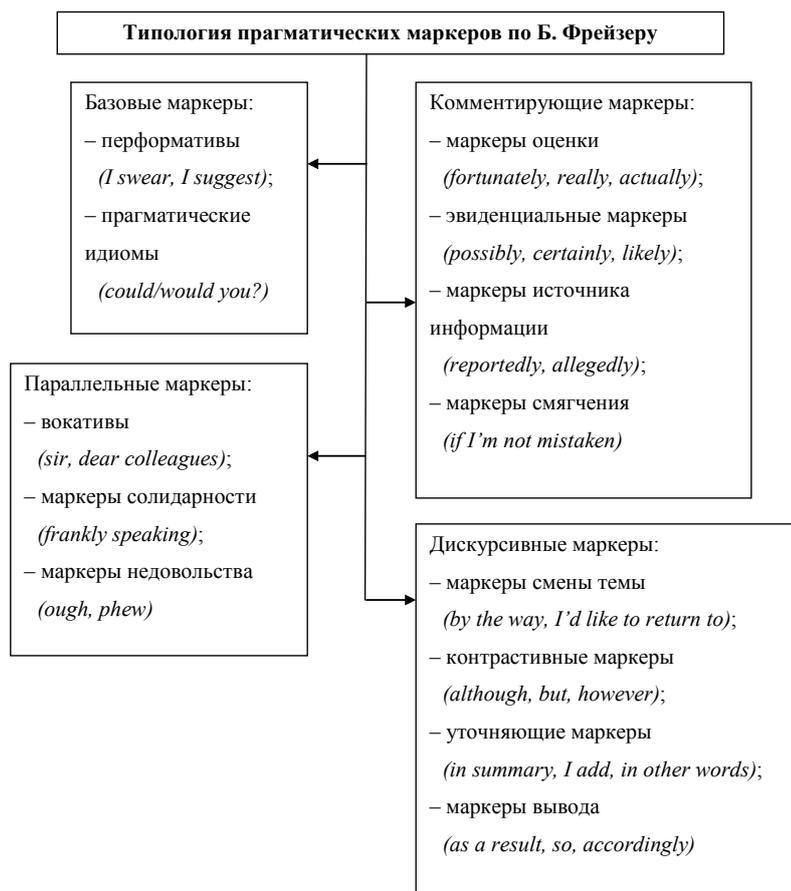

Рис. 1. Классификация прагматических маркеров Б. Фрейзера

анализированы три группы независимых источников, принадлежащих к разговорному, официально-деловому и научному стилю. Каждый из данных текстов включал как сигнификативно сильные (маркированные) компоненты, принадлежащие к отдельным типам прагматических маркеров и характеризующиеся особой дистрибуцией, так и слабые (немаркированные) единицы, которые восходят к базисным синтаксическим структурам.

Как показывает анализ языковых фактов, для разговорной речи свойственно большое количество метаязыковых вставок, которые утратили собственно пропозициональное значение, однако сохранили функции коммуникативных ориентиров. В обыденном дискурсе прагматические маркеры, по нашим данным, выражают отношение говорящего к теме высказывания (27 %), указывают на его социальный статус (5 %), заполняют возникающие паузы (13 %), выражают солидарность (18 %) и акцентируют внимание собеседника на каком-либо смысловом фрагменте (24 %). Несмотря на то, что дистрибуция прагматических единиц в рамках повседневного общения отличается большим разнообразием, чем в научной сфере, все случаи использования метаязыковых элементов обусловлены их примативно эмоциональной функцией [1, с. 68].

Официально-деловой стиль характеризуется довольно частым использованием прагматических

маркеров, которые тем не менее отличаются заметно меньшим разнообразием в сравнении с другими функциональными стилями речи. Анализ корпуса исследования показал, что перформативы занимают ведущую позицию в текстах данного рода (42 %). Помимо этого, в официальных документах высока концентрация контрастивных (14 %) и уточняющих (9 %) маркеров. Наконец, при составлении типовых контрактов широко применяются маркеры вывода (7 %) и маркеры, указывающие на источник информации (12 %), поскольку они служат индикаторами юридической грамотности представленного документа [3, с. 88–89].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что прагматические маркеры в научном стиле речи преимущественно связывают отдельные утверждения в целый текст и организуют общий информационный поток. Если рассматривать частотность употребления прагматических маркеров того или иного типа, то данные показывают, что в научно-филологических текстах уточняющие и контрастивные маркеры применяются чаще всего (58 %), тогда как оценочные маркеры (17 %), маркеры смены темы (12 %) и маркеры, указывающие на источник информации (5 %), используются авторами факультативно [3, с. 87].

Исходя из полученных данных, следует, что характер маркированности текстов, принадлежа-

щих к различным функциональным стилям, может в значительной степени различаться. Если в обычном дискурсе прагматические маркеры выполняют функцию экспресsem и стилем, а в официально-деловом стиле приближаются по выполняемой роли к канцеляризмам, то в рамках научных текстов дискурсивные единицы служат в виде коннекторов для реализации универсальных черт данного стиля. Таким образом, доминирующая функция прагматических маркеров научного стиля заключается в организации смыслового потока и акцентировании внимания реципиента на важнейших фрагментах представляемой информации, что является неотъемлемой чертой прагматической маркированности современных научных текстов.

Библиографический список

1. Вишнеvская Г.М., Загороднова О.А. Метаязыковые свойства дискурсивных маркеров в различных стилях речи // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 1. – С. 65–69.
2. Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория // *Studia Linguistica*. – 1999. – Вып. 8: Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. – С. 146–154.
3. Загороднова О.А. Особенности функционирования дискурсивных маркеров в научном и официально-деловом стилях речи // Новая наука: от идеи к результату: материалы фестиваля. – 2015. – С. 84–90.
4. Ким В.В., Блажевич Н.В. Язык науки: Философско-методологические аспекты // *Философское образование*. – 1998. – № 4. – С. 200–210.
5. Саврушева М.И. Философия науки и техники: учеб. пособие для магистрантов. – Омск: Омск. гос. агр. ун-т, 2013. – 120 с.
6. Солганик Г.Я. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 268 с.
7. Соломоник А.Б. Синтаксис в знаковых системах. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – 288 с.
8. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича; под ред. С.Д. Кацнельсона. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 372 с.
9. Callies M. Information Highlighting in Advanced Learner English: The syntax-pragmatics interface in second language acquisition. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. – 293 p.
10. Dryer M.S. Frequency and pragmatically unmarked word order // *Word Order in Discourse*. – Amsterdam: Benjamins, 1995. – P. 105–135.
11. Erman B. Pragmatic markers revisited with a focus on you know in adult and adolescent talk // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – № 33. – P. 1337–1359.
12. Fraser B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*. – Amsterdam: Elsevier, 1999. – № 31. – P. 931–952.
13. Givón T. Functionalism and Grammar. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. – 486 p.
14. Givón T. On Understanding Grammar. – N. Y.: Academic Press, 1979. – 379 p.

Красильникова Евгения Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
poussin15031981@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ НАУЧНОМУ СТИЛЮ РЕЧИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье рассмотрены трудности научного стиля речи, которые необходимо преодолевать иностранным военным специалистам при изучении языка специальности, а также перечислены языковые особенности научного стиля речи, на которые стоит обратить внимание курсантов при написании выпускной квалификационной работы. Автор статьи рассматривает лексические, морфологические, синтаксические, словообразовательные особенности научного стиля русского языка, останавливается на ключевых моментах, которые должны быть учтены при подготовке курсанта, изучающего русский язык как иностранный.

Ключевые слова: научный стиль речи, выпускная квалификационная работа, язык специальности, иностранные военные специалисты.

В вузах Министерства Обороны Российской Федерации обучение иностранных военных специалистов (ИВС) ведется на русском языке, который является для студентов в том числе и средством овладения избранной ими специальностью. За весь период обучения зарубежные курсанты знакомятся с основными функциональными стилями языка: разговорно-бытовым, художественным, официально-деловым, публицистическим, научным. По мнению В.В. Виноградова, каждый стиль языка является более или менее устойчивой системой на данном этапе развития литературного языка. Стили языка – категория историческая; они изменяются, развиваются, появляются и исчезают [2].

Яркой иллюстрацией изменений, происходящих в языке, является наиболее интернациональный стиль речи – научный стиль, который отражает научно-профессиональную сферу деятельности человека [3]. Научный стиль имеет свои разновидности (подстили): собственно научный (диссертация, монография, статья, доклад), научно-популярный (очерк, статья в неспециальных журналах, газетах, публичная лекция перед массовой аудиторией), научно-учебный (учебник, учебное пособие), научно-справочный (словарь, справочник, каталог), научно-информативный (реферат, аннотация).

В практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в военных вузах большое внимание уделяется методам и формам обучения собственно научному стилю речи. Разумеется, иностранный студент должен осознавать тот факт, что владение научным стилем ему будет необходимо для выполнения определенных видов работ: так, на этапе аттестации уровень профессиональной и общекультурной подготовки ИВС оценивается по качеству выполненной выпускной квалификационной работы (ВКР).

Необходимо понимать, что научный стиль не выступает как нечто надстраиваемое над языковой системой. Одна из ярких особенностей научного стиля заключается в том, что он очень широко использует грамматические возможности языка,

поэтому вполне нормальны и обоснованы значительные усилия, которые придется прилагать студентам для соответствия создаваемого ими текста нормам определенного стиля.

На завершающем этапе обучения ИВС должны уметь выбирать соответствующий коммуникативному намерению способ передачи информации; определять программу высказывания и реализовывать ее в адекватной языковой форме; объединять отдельные коммуникативно и формально завершенные фразы в структурно и семантически цельный текст; уметь передавать прочитанную и прослушанную информацию, выражать собственные мысли, понимать собеседника, обмениваться мнениями, сведениями и т.д. [6].

Конечно, наиболее ярко уровень усвоения научного стиля речи проявляется при написании ВКР (письменная научная речь) и защите (устная научная речь). Поэтому при обучении научному стилю речи ИВС следует уделять большое внимание как устным, так и письменным реализациям научного стиля речи. И здесь преподавателю необходимо помнить, что владение научным стилем речи напрямую связано с освоением научного типа мышления. Для студента, изучающего русский язык как иностранный, освоение научного стиля часто бывает связано с профильными предметами, с изучением специальной терминологии, определенных речевых клише.

Как отмечает в своем исследовании И.А. Богомолова, комплексное содержание научного стиля речи складывается из:

- формирования и развития речевых навыков и умений, требующихся для общения в учебно-научной сфере студентов;
- овладения необходимыми языковыми средствами;
- усвоения определенного минимума основной информации содержательного характера [1].

Научный стиль подобно другим стилям языка обладает собственными лексическими, грамматическими средствами, особенностями синтаксического строя предложения, определяемыми ходом

научной мысли и стремлением к наибольшей объективности, максимальной точности и лаконичности изложения. Для научных текстов по определенной специальности характерно использование наиболее значимых для данного предмета типов научного изложения, специальных конструкций, структурно-семантических особенностей научных текстов. При обучении научной речи курсанты встречаются насыщенные информацией и синтаксически сложные фрагменты текстов, содержащие реальные трудности научного стиля речи, которые необходимо преодолевать при изучении языка специальности [5]. Для того чтобы языковое оформление ВКР и презентация научных результатов соответствовали предъявляемым требованиям необходимо актуализировать знания, которые курсанты получают на занятиях по РКИ в рамках модуля «Научный стиль речи» [4].

Ниже раскрываются особенности лексического, морфологического, синтаксического уровня языка, а также особенности словообразования, на которые стоит обратить внимание курсантов при написании ВКР.

Лексический уровень. На этом уровне для научной речи характерно активное использование научной терминологии, то есть слов, называющих узкоспециальные понятия (*помехозащитность, универсальность, мобильность*). При написании ВКР курсант использует в тексте большое количество терминов, поэтому руководителю необходимо четко оговаривать с курсантом понятийный аппарат со ссылкой на источники. Целесообразно, на наш взгляд, составить с обучающимися список основных понятий и терминов, используемых в работе, определить основные термины, выстроить систему понятий и потребовать выучить определения, а в случае необходимости – разобрать подробно каждое понятие с курсантом, так как это важный элемент научного текста. Как правило, преподаватели на защите уделяют особое внимание правильности употребления терминов в изучаемой области знания. К использованию терминов предъявляются особые требования, один и тот же термин на протяжении всего текста должен употребляться в одном и том же значении. Следует обратить внимание курсантов на то, что попытка заменить термин общедоступным синонимом не облегчает, а затрудняет понимание научного высказывания. В научных текстах не употребляется разговорная лексика. Не допустимы диалектизмы, жаргонизмы, просторечные элементы.

На уровне лексики важно обратить внимание курсантов на отглагольные существительные, часто употребляемые в научном стиле. Важно, чтобы студенты поняли, что отглагольные существительные, как правило, принадлежат к разряду абстрактных существительных, не имеющих форм множественного числа. Научный стиль отличается почти

полным отсутствием экспрессии, оценочных и выразительных средств речи (в особенности это касается точных наук, некоторые исключения возможны для гуманитарных областей науки). Курсанты должны понимать, что исследователь, создающий текст научного стиля, излагает не субъективную, а объективную информацию, выражает научное мнение, а не свои вкусы и пристрастия.

Морфологический уровень. Общеизвестно, что в научном стиле не допускается вести изложение от первого лица единственного числа, то есть «я наблюдал», «я считаю», «по моему мнению» и т. п. Стиль письменной научной речи – это безличный монолог, поэтому изложение обычно ведется от третьего лица, так как внимание сосредоточено на содержании и логической последовательности сообщения, а не на субъекте речи. В текстах научного стиля распространены безличные синтаксические конструкции, в которых сказуемое выражено сочетанием безлично-предикативного слова и инфинитива: *следует отметить, необходимо акцентировать внимание, можно сделать вывод и др.*

Следует обратить внимание курсантов на необходимость использовать выражения: «на наш взгляд», «по нашему мнению», «изучение опыта свидетельствует о том, что...», «проведенное исследование подтвердило...» и т. п., так им будет легче на защите воспринимать вопросы, задаваемые членами аттестационной комиссии.

В научном изложении речи сегодня активно используются числительные. Это связано с точностью и фактологичностью языка науки, особенно часто числительные звучат при защите ВКР по техническим специальностям. Курсанту-иностранцу, как правило, тяжело изменять числительные по падежам, особенно составные (*семьдесят четыре, двести тридцать пять*), поэтому научному руководителю стоит облегчить задачу курсанту, выстроив его ответ на защите так, чтобы числительные звучали без изменений по падежам. Например: *семьдесят четыре (И.п.)* – а не *в семидесяти четырёх (П.п.)*, *двести тридцать пять (И.п.)* – а не *двумстам тридцати пяти (Д.п.)*.

Для научного текста характерны причастия и деепричастия, так как эти глагольные формы образуют высокоинформативные обороты. Курсантам следует напоминать о необходимости формулировать мысли в письменном виде, используя эти части речи. Например: *Изучая/анализируя полученные данные, можно сделать следующие выводы... ; нами были проанализированы данные, полученные в результате эксперимента; и т.д.*

В научной речи употребляется большое количество производных предлогов, которые выполняют композиционную функцию: вводят новые части рассуждения, связывать их с предшествующими частями: *в связи с, в течение, по причине, в довершение, вследствие, в соответствии* [7].

Особое внимание курсантов нужно сконцентрировать на правильном употреблении предлогов, союзов и наречий, останавливать выбор обучающихся на словах, имеющих книжный оттенок и используемых в письменной речи.

Синтаксический уровень. В письменной научной речи сложные предложения существенно преобладают над простыми. Из сложных предложений наиболее активны сложноподчиненные определительные, изъяснительные, условия, причины, следствия, цели.

Характерно для научного стиля речи использование пассивных конструкций (*Проблема решается специалистами, данный вопрос изучается*).

В научном изложении речи в равной степени используются предложения с сохранением первого лица множественного числа (*«Мы разработали комплексный подход»*) и предложения со страдательным залогом (*«Разработан комплексный подход к исследованию...»*).

В рамках модуля «Научная речь» на занятиях по РКИ отрабатывается использование вводных слов, указывающих на последовательность изложения (*во-первых, во-вторых, следовательно, таким образом, соответственно и т. п.*). Они отражают логику мысли, позволяют осуществлять переходы от одного абзаца, параграфа работы к другому, обобщают то, что уже было высказано. Во время подготовки к защите ВКР следует напомнить курсантам о необходимости использовать данные слова в устной и письменной научной речи.

Уровень словообразования. Развитие науки продуцирует новые понятия, способные отразить новые знания, в связи с чем для научной речи характерны словообразовательные признаки. Одним из способов пополнения научной терминологии является аббревиация [7].

На занятиях по РКИ преподаватели уделяют достаточное время работе с аббревиатурами, но часто бывает, что курсант, используя аббревиатуры в своем ответе, при просьбе преподавателя их расшифровать, допускает ошибки. Стоит обратить внимание курсанта на то, что при ответе на вопрос «Что такое ПВО?» или «Что такое СВКН?» не достаточно просто расшифровать аббревиатуру, необходимо дать полное определение понятия. Второй момент, на который стоит обратить внимание: в устном выступлении аббревиатуры должны употребляться, как правило, в расшифрованном виде.

В заключении отметим, что «ни один спектакль не будет иметь успеха без репетиций». Для ИВС защита ВКР может стать неудачно сыгранным спектаклем, так как у него нет опыта выступления с научным докладом перед комиссией, поэтому необходимо инсценировать, проигрывать защиту с курсантом. Можно написать примерные вопросы, которые могут ожидать его на защите, попросить ответить на данные вопросы (устно), чтобы он привык использовать сложную научную терминологию в устной речи в рамках темы своего научного исследования. Языковые особенности научного стиля речи обеспечивают ясность, точность, объективность, недвусмысленность, логичность и доказательность изложения, успешное овладение ими – залог успешного написания курсантом работы и удачной ее защиты.

Библиографический список

1. Богомолова И.А. Интегрированное обучение научному стилю речи студентов-носителей русского языка в вузах инженерного профиля: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2005. – 184 с.
2. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1.
3. Иваницкая Е.В. Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи // Язык и текст. – 2016. – Т. 3. – № 2. – С. 62–75.
4. Коряковцева О.А., Тарабарина Т.И. Путь к успеху: учебно-методическое пособие. – Ярославль: РИО ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2017.
5. Погорельская Л.И. Цели и содержание пособия по обучению специальной лексике // Русская словесность в научном, культурном и образовательном пространстве (к 90-летию со дня рождения профессора В.И. Максимова) / Материалы докладов и сообщений XXI международной научно-методической конференции. – Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2016. – С. 401–405.
6. Федотова С.И., Чевела О.В., Аликова Е.А. Особенности построения монологической речи при обучении иностранных студентов // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 5–3. – С. 610–613.
7. Щеникова Е.В. Функциональные стили: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 80 с.

ФРАНСУА ЖЮСТ МАРИ РЕНУАР О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается биография французского филолога, писателя и драматурга Ф.Ж.М. Ренуара, а также его теория о происхождении романских языков. Он родился 18 сентября 1761 г. в Бриньоле. По окончании учёбы Ренуар становится адвокатом и берётся за политическую деятельность в Законодательном собрании. Не получив признания как драматург, он решает всецело посвятить себя научной деятельности. По своему содержанию его теория о происхождении романских языков значительно отличается от теорий других исследователей, например К.Ф. Дица и А.В. Шлегеля. По мнению учёного, провансальский когда-то был общим языком Латинской Европы¹ и стал предшественником романских языков. Это утверждение является главной идеей его творчества. Он был уверен, что все романские языки имели одно происхождение, но провансальский сформировался раньше всех, а следовательно, другие романские языки наполнены его лексикой. Вывод о том, что провансальский стал первым сформированным романским языком, филолог сделал на основании обнаружения в нём самого большого количества античных значимых форм. Романские языки вышли из примитивного романского языка, тогда как примитивный романский язык продолжил совершенствоваться в провансальском. Несмотря на многочисленную критику лингвистических взглядов исследователя, значение его трудов было со временем высоко оценено филологами.

Ключевые слова: Ф.Ж.М. Ренуар, примитивный романский язык, К.Ф. Диц, провансальский язык, патриотизм, романские языки.

Как известно, наука, занимающаяся изучением романских языков, называется романистикой, или романской филологией. Несмотря на то, что её основателем принято считать немецкого филолога К.Ф. Дица, сам учёный называет таковым французского филолога, писателя и драматурга Ф.Ж.М. Ренуара [3, с. 1].

Ф.Ж.М. Ренуар родился 18 сентября 1761 года в Бриньоле. Французский критик и литературовед Ш.-О. де Сен-Бёв подчёркивал особую связь Ренуара с местом его рождения: «Он был из Бриньоля, никогда нельзя об этом забывать, рассуждая о нём. Ни один выдающийся человек, кроме Ренуара, не сохранил в себе такой глубокий след своей провинции, родного места. Прежде всего, его происхождение выдавал акцент. Масийон, Флешье, Сийес, будучи тоже южанами, по мнению греков, обладали мягким произношением; произношение Ренуара, имеющего более твёрдый характер, было резким, в нём было что-то сильное и едкое. Не только акцент выдавал его происхождение; его выдавали также взгляды, благородный дух, патриотизм»² [16, с. 2].

Он учился в семинарии, расположенной в городе Экс-ан-Прованс, позднее – на факультете права. По окончании учёбы Ренуар становится адвокатом и берётся за политическую деятельность в Законодательном собрании. Свои взгляды он разделял с жирондистами, из-за чего был заключён в одну из старинных тюрем Парижа. Пребывая в заточении, Ренуар пишет трагедию «Катон Утический» (1794). Поскольку его работа имела антиякобинскую направленность, она стала формой протеста против тирании и, скорее всего, именно поэтому осталась фактически не оценённой.

Расцвет творчества Ренуара как писателя и драматурга падает на годы Империи. Трагедия «Тамплиеры» приносит ему ошеломительный успех [2, с. 112]. Она была поставлена во Французском театре 14 мая 1805 года [16, с. 7]. В центре сюже-

та – исторический факт разгрома ордена тамплиеров королём Филиппом IV в 1307 году. Автор представляет тамплиеров идеализированно, как сторонников высоких и религиозных добродетелей. Им суждено быть сожжёнными на костре, однако они остаются преданными королю и не теряют веру в Бога [2, с. 113]. Заметим, что Ренуар впервые за долгое время заговорил о свободе слова прямо перед императором [16, с. 8–9].

В своих драматических произведениях он обращался к эпохе Средневековья. Тем не менее добиться театрального успеха ему не удалось. В 1809 году вышла его пьеса «Генеральные штаты, или Смерть герцога де Гиза». Вызвав резкую критику Наполеона, она была изъята из репертуара, вследствие чего Ренуар покинул театр и всецело посвятил себя филологии. Об этом событии он написал так: «Я возвращаюсь к происхождению нашего прекрасного языка. Я стану тем, кто напишет о нём историю...» (фр. «Je retourne à l'origine de notre belle langue, j'en deviendrai l'historien...») [7, с. 439]. Ф.Ж.М. Ренуар скончался 27 октября 1836 года в парижском районе Пасси.

Количество трудов французского филолога весьма велико: «Основы грамматики романского языка» [10], «Избранная оригинальная поэзия трубадуров» [9], «Сравнительная грамматика языков Латинской Европы в их отношении к языку трубадуров» [11], «Словарь языка трубадуров, или Романская лексика в ее сравнении с лексикой других языков Латинской Европы» [13] и другие.

Обратимся к теории ученого о происхождении романских языков. По своему содержанию она значительно отличается от теорий других исследователей романских языков, например К.Ф. Дица и А.В. Шлегеля. Ренуар приводит доказательства существования примитивного романского языка, памятником которого являются, например, «Страсбургские клятвы» 842 года [12, с. 3]. Т.Б. Алисова и К.Н. Плужникова подчёркивают: «Исследуя ману-

скрипты средневековых авторов, он обнаружил, что наряду со старофранцузским на территории Франции существовал еще другой, более древний романский язык, на котором была создана богатая, но почти никому не известная литература» [1, с. 7]. Учёный утверждал, что именно на этом языке когда-то говорила вся Западная Европа, и только через несколько веков возникли другие романские языки [17, с. 39].

В своём труде «Основы грамматики романского языка» [12] Ренуар пишет о происхождении и формировании примитивного романского языка, под которым подразумевает язык, возникший из испорченной латыни. Обращаясь к истории Римской империи, филолог сообщает о том, что её официальным языком был латинский, но поскольку народы, жившие на завоёванных землях, имели свой язык, возникло много новых говоров [10, с. 5–8]. В этот период латынь спас только культ христианства. Латинский являлся универсальным языком декретов и всего, что было связано с церковью [10, с. 9].

Но количество иностранцев на территории Римской империи не переставало увеличиваться, поэтому к XVI веку официальный язык превратился в хаос. Особенно это было заметно на уровне грамматики. Франкский епископ Григорий Турский в предисловии к своему труду «Слава духовникам» выражает опасение по поводу того, что в неправильном употреблении рода его не упрекут [10, с. 22].

Появились два предлога: «de» и «ad». Значение предлога «de» было сопоставимо с родительным падежом, «ad» – с дательным. В результате этого окончания имён существительных стали использоваться произвольно, и, утратив тем самым своё значение, были со временем отменены [10, с. 25].

По мнению Ренуара, провансальский язык стал предшественником романских языков [4, с. 90]. Это утверждение является главной идеей его творчества. Например, учёный был уверен, что все романские языки имели одно происхождение, но провансальский сформировался раньше всех, а следовательно, другие романские языки наполнены его лексикой [13, с. 40; 14, с. 3]. Вывод о том, что провансальский стал первым сформированным романским языком, филолог сделал на основании обнаружения в нём самого большого количества античных значимых форм [11, с. 4]. Эту мысль он подробно развивает в своей работе «Сравнительная грамматика языков Латинской Европы в их отношении к языку трубадуров» [11].

Ренуар считал, что языки Латинской Европы вышли из примитивного романского языка, тогда как примитивный романский язык продолжил совершенствоваться в провансальском языке. К тому же можно с лёгкостью увидеть черты, которые отличают языки Латинской Европы от примитивного романского языка. И если бы они исчезли, то каждый язык стал бы идентичным провансальскому [11, с. 384; 15, с. 11].

Поначалу теория Ренуара получила поддержку, но вскоре она была поставлена под сомнение в силу более глубокого изучения языков. Учёные открыли влашский диалект, однако главным стало проведение исследований народной (вульгарной) латыни: именно в ней учёные увидели источник возникновения романских языков [4, с. 8–9]. Французский филолог Г. Парис пишет: «...впрочем, немного ослеплённый патриотизмом, Ренуар не постеснялся объявить о том, что провансальский язык в какой-то момент был общим языком Латинской Европы и о том, что этот язык был “матерью” французского, итальянского, испанского» (фр. «...un peu aveuglé d'ailleurs par l'esprit patriotique, n'hésita pas à proclamer que le provençal avait été à un certain moment la langue commune de l'Europe romane, et que cette langue, fille du latin, était mère du français, de l'italien et de l'espagne») [4, с. 8].

Бельгийский лингвист и писатель Ф.О.Ф.Т. де Райфенберг (Рейфенберг) в своей работе «Очерк о Ренуаре» [15] выражает сомнение относительно того, что когда-то люди использовали один романский язык, на котором теперь говорят провансальцы [15, с. 11]. Французский филолог К.Ш. Форель также не соглашался с Ренуаром, указывая на то, что романские языки родились не от одного примитивного языка [8, с. 365]. Аргументы Ренуара по поводу того, что романский язык был посредником между латынью и вышедшими из него романскими языками, не убедили немецкого писателя и критика А.В. Шлегеля [17, с. 39]. Теории французского филолога противоречит уже тот факт, что португальский не имеет ничего общего с провансальским языком [17, с. 49].

На взгляд Ренуара, провансальский язык начал распространяться по северу Франции. Подтверждений его точки зрения было мало, тем не менее учёный её не изменил. Таким образом, язык юга Франции (провансальцев), язык Бриньоля, с точки зрения Ренуара, стал «матерью» старофранцузского, а также каталонского, испанского, итальянского и португальского вместо того, чтобы быть одним из «братьев», появившимся на свет раньше других [16, с. 18].

Несмотря на то, что многие учёные критиковали Ренуара, важность его работ признавалась всеми филологами [5, с. 152]. Он стал автором идеи проведения сравнительного анализа грамматического строя и лексического состава романских языков. Тем самым учёный открыл новый путь их изучения. Хотя его грамматика со временем и потеряла своё значение, однако лексика до сих пор служит базой сравнительной филологии [4, с. 12].

Наследие Ренуара оказало немалое влияние на творчество А.В. Шлегеля. В научно-литературном журнале Европы «Журнал дэ саван» («Journal des savants») 1818 года находим следующее высказывание немецкого филолога: «Я с давних пор собирал материал для труда “Исторический очерк о формировании французского языка”. Исследова-

ния Ренуара на многое пролили свет. Они лишают мои заметки новизны, но всё же не делают их бесполезными...» (фр. «J'avois préparé depuis plusieurs années les matériaux d'un «Essai historique sur la formation de la langue française». Les recherches de M. Raynouard m'ont fourni beaucoup de lumières. Elles ôtent à mes observations une partie de leur nouveauté; mais elles ne les rendent peut être pas entièrement inutiles...») [6, с. 586].

Добавим, что Ренуар, в свою очередь, так отзывался о Шлегеле: «Из всех иностранцев, с которыми я говорил о романской литературе, господин А.В. Шлегель – тот, кто изучил её, как мне показалось, лучше всех. Он взялся за написание исторического очерка о формировании французского языка; я не сомневаюсь, что в нём можно найти и много информации, и много смысла» (фр. «De tous les étrangers avec lesquels j'ai parlé de la littérature romane, M. A. W. de Schlegel est celui qui m'a paru l'avoir étudié avec le plus de succès». Il a entrepris un essai historique sur la formation de la langue française; je ne doute pas qu'on n'y trouve et beaucoup d'érudition et beaucoup d'esprit) [9, с. 163–164]. Сам Шлегель высоко оценивал значение научных трудов Ренуара: «...он завоевал уважение не только своих соотечественников, но и всей научной Европы» (фр. «...il a mérité la reconnaissance, non seulement de ses compatriotes, mais de l'Europe savante») [17, с. 81].

Ренуар был одним из тех немногих учёных, кто занялся изучением провансальского языка [16, с. 16]. При этом филолог никогда не говорил о том, чему не находилось подтверждения в исторических памятниках, служивших базой его исследований [17, с. 4]. Работы Ренуара заполняют лауну в истории литературы средневековья. Благодаря ему поэзия трубадуров изучена даже лучше, чем та, что была создана на старофранцузском языке [17, с. 59]. До Ренуара были учёные, которые занимались изучением провансальской литературы, но результаты проведённых ими исследований остались неизвестны в филологии [17, с. 1].

Центральной мыслью теории Ф.Ж.М. Ренуара была идея о провансальском языке как источнике происхождения романских языков. Несмотря на то, что многие исследователи, например Г. Парис, Ф. Райфенберг и некоторые другие, критиковали французского учёного, важность его трудов была признана филологами. Сравнительный анализ грамматического строя и лексического состава романских языков, выполненный французским учёным, открыл новый путь их изучения.

Примечания

¹ Под термином «Латинская Европа» понимается общее название европейских стран, в которых язык, относящийся к романской группе, является официальным.

² Здесь и далее перевод с французского языка наш. – П. С.

Библиографический список

1. Алисова Т.Б. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров: учеб. пособие / Т.Б. Алисова, К.Н. Плужникова. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 176 с.
2. История зарубежного театра: учеб. пособие: в 4 ч. Ч. 2. Театр Западной Европы XIX – начала XX века, 1789–1917 / под ред. Г.Н. Бояджиева и др. – М.: Просвещение, 1984. – 272 с.
3. Diez F. Grammaire des langues romanes: en 3 vol. T. 1 / par Frédéric Diez. – Paris: F. Vieweg, 1874. – 476 p.
4. Diez F. Introduction à la grammaire des langues romanes / Frédéric Diez; trad. de l'allemand par Gaston Paris. – Paris: Albert L. Hérold, 1863. – 163 p.
5. Journal de savans: septembre – décembre 1816: premier cahier, depuis le rétablissement de ce Journal. – Paris: Imprimerie Royale, 1817. – 256 p.
6. Journal de savans: janvier – décembre 1818. – Paris: Imprimerie Royale, 1818. – 768 p.
7. Journal de savans: année 1837. – Paris: Imprimerie Royale, 1837. – 768 p.
8. Lühr R. Claude Fauriel, précurseur des études indo-européennes en France // Claude Fauriel et l'Allemagne: idées pour une philologie des cultures. – Paris, 2014. – P. 349–394.
9. Raynouard F. J. M. Choix des poesies originales des troubadours: en 6 vol. T. 2. Des dissertations sur les troubadours, sur les cours d'amour, etc. – Paris: Firmin Didot, 1817. – 319 p.
10. Raynouard F.J.M. Elements de la grammaire de la langue romane avant l'an 1000, précédés de recherches sur origine et la formation de cette langue. – Paris: Firmin Didot, 1816. – 105 p.
11. Raynouard F.J.M. Grammaire comparée des langues de l'Europe latine, dans leurs rapports avec la langue des troubadours. – Paris: Firmin Didot, 1821. – 412 p.
12. Raynouard F.J.M. Influence de la langue romane rustique sur les langues de l'Europe latine. – Paris: Imprimerie de Crapelet, 1836. – 92 p.
13. Raynouard F.J.M. Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours comparée avec les autres langues de l'Europe latine: précédé de nouvelles recherches historiques et philologiques, d'un résumé de la grammaire romane, d'un nouveau choix des poésies originales des troubadours et d'extraits de poèmes divers: en 6 vol. T. 1. Recherches. Grammaire. Poesie. – Paris: Silvestre, 1844. – 583 p.
14. Raynouard F.J.M. Observations philologiques et grammaticales sur le «Roman de Rou» et sur quelques règles de la langue des trouvères au douzième siècle. – Rouen: Édouard Frère, 1829. – 140 p.
15. Reiffenberg F.A.F.T. de. Notice sur François-Juste-Marie Raynouard. – Bruxelles: M. Hayez, 1839. – 15 p.
16. Sainte-Beuve C.-A. Causeries du lundi: en 15 vol. T. 5. – Paris: Garnier Frères, 1852. – 319 p.
17. Schlegel A.W. von. Observations sur la langue et littérature provençales. – Paris: Librairie grecque-latine-allemande, 1818. – 136 p.

КОНЦЕПТ «ВОЛЯ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА В ДРАМАТУРГИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО И ТРАНСЛИРУЕМОГО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматриваются особенности трансляции смыслового наполнения концепта «Воля», репрезентируемого посредством фразеологии в пьесах А.Н. Островского, в англоязычных переводах пьес. Фразеологическая семантика исследуется в рамках лексико-фразеологических конфигураций в контексте драматургического и вместе с тем межкультурного дискурса. Выявляются культурные компоненты фразеологической семантики, трансляция которых сопряжена с трансформацией когнитивных признаков в концептуальном пространстве перевода. Осуществляется когнитивно-концептуальный анализ транслятов, предполагающий рассмотрение особенностей участия их внутренней формы и смыслового содержания в процессе реализации ими концептообразующей функции. Обобщаются закономерности преобразования концептуального смысла в переводе. Оценка релевантности когнитивных признаков позволяет отметить точки максимального пересечения концептуальных пространств, отражающие контрасты ценностно-мыслительных ориентиров англоязычной и русскоязычной лингвокультур. В этом отношении акцентируется релевантность признака, репрезентирующего концепт *free will* («свободная воля»), составляющего основную культурную универсалию. Отмечается проявление семантически полярной категории «пациентивность / агентивность», маркирующей культурное различие в способах концептуализации языковой личностью действительности, воплощенное в образах персонажей в контексте сопоставляемых концептуальных пространств.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, дискурс, когнитивный признак, фразеологизм, коррелят, транслят, культурный компонент семантики, концептообразующая функция.

Фразеологизмы (далее ФЕ) в драматургии А.Н. Островского репрезентируют концепт «Воля», относимый к категории культурных доминант [3, с. 166]. Когнитивно-концептуальный анализ ФЕ в рамках фразеологических конфигураций и парадигматических связей позволил раскрыть специфику концептуализации воли различными персонажами пьес А.Н. Островского, определить особенности репрезентации ключевых признаков данного концепта русской культуры [4, с. 81–93]. В англоязычных переводах пьес аналогичному анализу подвергались в первую очередь корреляты фразеологизмов, включающих лексемы *воля* и *вольный*, а также обороты контекстуального окружения. С целью выявления особенностей иноязычной трансляции концептуального содержания рассмотрим ряд фразеологических конфигураций, раскрывающих ключевые (наиболее релевантные) признаки концепта «Воля» в пьесах А.Н. Островского, в сопоставлении с соответствующими фрагментами контекста в переводе.

Своеобразие репрезентации концепта «Воля» в пьесах характеризует фразеология в речи помещицы Уланбековой и её воспитанницы Нади в нижеприводимом контекстуальном употреблении: [Уланбекова:] *(Наде строго.)* Это что за новости? ты плакать еще! Чтобы этих слез не было! *(Надя плачет.)* Я тебе говорю. *(Привстает.)* Для меня ваши слезы ровно ничего не значат! Когда я захочу что-нибудь сделать по-своему, уж я поставлю на своем, никого в мире не послушаюсь! *(Садится.)* И вперед знай, что упрямство твое ни к чему не поведет;

только ты рассердишь меня. [Надя:] *(плача)*. Сирота я, сударыня! **Ваша воля во всем.** [Уланбекова:] Еще бы! разумеется, **моя воля**; потому что я тебя воспитала; это все равно что жизнь дала [7, с. 156].

Русскоязычный оборот *Ваша воля во всем* образован на базе разговорной ФЕ *воля ваша* <твоя> со значением «как вам угодно; поступайте / делайте, как хотите, как считаете нужным» [8] путём расширения её компонентного состава посредством предлога и определительного местоимения, выступающего в реплике Нади в роли интонационного акцента. Передавая покорность, смирение воспитанницы, преобразованный фразеологизм вместе с тем образно подчеркивает крайнюю степень своеволия помещицы: абсолютизм её воли, вуалируемый под маской заботливости, ассоциируется с объёмом, протяжённостью, распространением. Эти ассоциации порождают обороты, включающие местоимение *весь* с предлогом, в речи различных персонажей пьес, в особенности персонажей пьесы «Воспитанница» (ср. фразеологические варианты *Ваша воля во всем* и *На все ваша воля-с*, также обороты *На все есть ваша воля* и *На всех свою заботливость простирают*).

Редупликация ФЕ в рамках диалогического единства (**Ваша воля во всем.** <...> Еще бы! разумеется, **моя воля**) служит актуализации когнитивного признака «принадлежность воли», характеризуя своего рода условия субъект-объектного взаимодействия посредством противопоставленных по смыслу местоименных компонентов **своя** <моя> **воля** – **не своя** <ваша / не моя> **воля** (ср.

актуализацию данного признака рядом оборотов: не *моя воля*, на все *ваши воля*, *кабы была моя воля*, не по *своей воле*). Помещица и ее воспитанница предстают как субъект и объект воли. Для субъекта воли характерна демонстрация неограниченной возможности поступать на своё усмотрение (см. употребление в вышеприведённом контексте оборота *поставлю на своём* с местоименным компонентом в сильной позиции), категоричность решений (этот смысл интенсифицируют обороты со значением отрицания *никого в мире не слушаюсь*, *упрямство твоё ни к чему не поведёт*). Авторские ремарки (...*строго*; *Привстает*; *Садится*) дополнительно акцентируют желание помещицы утвердить свой авторитет, подавить любое сопротивление. Воспитанница Надя представляет объект воли; принятие воли помещицы с её стороны есть вынужденное подчинение желаниям и требованиям хозяйки, обусловленное ощущением своей беззащитности перед ней: *Сирота я, сударыня!*

Пронаблюдаем особенности трансляции данного концептуального содержания в переводе: [Madam Ulanbekov:] (*To Nadya, sternly*) What new tale is this? Still crying! Let's have no more tears! (*Nadya weeps*) I'm talking to you. (*Rising slightly*) Your tears mean absolutely nothing to me! When I make up my mind to do a thing, I take a firm stand, and listen to no one on earth! (*She sits down*) And know, first of all, that your obstinacy will lead to nothing; you will simply anger me. [Nadya:] (*Weeping*). I'm an orphan, mistress! **Your will must be obeyed!** [Madam Ulanbekov:] Well, I should say! **Of course it must**, because I brought you up; that's equal to giving you life itself [15, с. 25].

Коррелятом ФЕ *Ваша воля во всем* выступает оборот *Your will must be obeyed!*, лексема *will* в составе которого соответствует компоненту *воля* русского оборота. Лингвистами отмечался тот факт, что субстантив русского языка *воля*, также как и *тоска*, *совесть*, *правда*, не имеет точного эквивалента в английском языке [6]. Анализ словарных дефиниций *will* позволяет констатировать сближение сигнификатов сопоставляемых лексем *will* и *воля*. В рассматриваемом контексте лексемы актуализируют сходные компоненты смысла: *воля* = «пожелание», «требование» и *will* = «принуждающая команда или указ» («a compelling command or decree» [13]). Несмотря на значительное сходство семантических центров (сигнификатов лексем *will* и *воля*), англоязычный и русскоязычный корреляты обнаруживают существенные отличия компонентного состава, различие внутренних форм (ср.: *Ваша воля во всем!* и *Your will must be obeyed!* – букв. «Вашей воле должны подчиняться»). Повтор модального компонента *must* в рамках диалогического единства имитирует приём редупликации ФЕ в оригинале. Лексема *must* со значением долженствования разносторонне реализует свою прагматическую функцию. С позиции, соответствующей

субъекту воли в оригинале, долженствование в переводе подразумевает исполнение команды, требования (ср. данное толкование лексемы со следующими: «be commanded or requested to: *you must stop*» [14]). С другой стороны, с позиции, соотносимой с объектом воли, долженствование предполагает вынужденную необходимость, совершение действия в силу существования правила, закона («You use must to indicate that it is necessary for something to happen, usually because of a rule or law» [11]), не исключая и оценку ситуации как повеления судьбы (обратим внимание на употребление *must* с неодушевленным подлежащим в случаях использования в качестве транслята оборота *Your will must be obeyed!* в сравнении с иллюстрацией значения лексемы в словаре: «be compelled by fate or by natural law to: what must be will be» [14]).

В большинстве своем корреляты ФЕ с компонентом *воля* в переводе лишены образности и являются лексическими соответствиями. Фразеологическое соответствие имеет оборот *поставлю на своём*, характеризующий своеволие как качество субъекта воли. Фразеологический коррелят *I will take a firm stand* наряду с оборотом *When I make up my mind* в вышеприведённом контексте актуализируют семы, в комплексе репрезентирующие признаки, подобные тем, что характеризуют субъект воли в оригинале пьес: ‘личное желание’, ‘решение’, ‘сформированное мнение’, ‘устойчивое отношение’, ‘настрой’, ‘твердая позиция’. Фразеологическое единство *make up one's mind* («принимать решение, решиться»), содержит лексему, не имеющую однозначного эквивалента в русском языке: *mind* – «разум, ум», «мнение, точка зрения», «желание, намерение». В сравнении с устойчивым сочетанием *сделать по-своему* английский фразеологизм передаёт образное представление о принятии решения как о способности активно воздействовать на свой разум / сознание, будто собрав его воедино из различных частей (см. *make up sth* – «putting different things together» [12]). Интерпретация фразеологических оборотов, выступающих в сочетании в рассматриваемом англоязычном контексте, позволяет отметить, что при передаче своеволия как качества субъекта воли актуализируются семы, служащие характеристике таких человеческих качеств, как решимость, целеустремленность. Категоричность, бесповоротность решения помещицы акцентируют обороты *listen to no one on earth!* и *your obstinacy will lead to nothing*, соответствующие русским *никого в мире не слушаюсь* и (*упрямство твоё*) *ни к чему не поведёт*. Между тем такой признак, как абсолютизм воли, может рассматриваться как нерелевантный в силу утраты связанной с ним образности в переводе.

Одним из ключевых признаков концепта «Воля», подчеркивающих образность восприятия воли персонажами пьес, является «ограничение

пространственной свободы, свободы передвижения». Трансляция данного когнитивного признака осуществляется путем частичного калькирования внутренней формы ФЕ оригинала, что обуславливает высокую степень образности транслятов. Примечательно то, что ограничение пространственной свободы предполагает и возможность преодоления ситуации ограничения / состояния ограниченности, как о том позволяет судить анализ внутренней формы коррелятов фразеологизма *выходить из чьей-либо воли* в переводах пьес А.Н. Островского. Используемый ряд транслятов имплицитно передает не только ограничение пространственной свободы, свободы передвижения, но и различную степень активности его преодоления: компоненты *take a step, go* и *depart* транслятов характеризуют различную степень интенсивности движения, в то время как предлоги *against* и *from* интенсифицируют значение сопротивления, отдаления. Сопоставим различия внутренних форм межъязыковых коррелятов: *I will never take a step against your will* (букв. «Я никогда не сделаю шаг против вашей воли») – *Я из твоей воли ни на шаг не выйду; we must not go against the will of our parents* (букв. «Мы не должны идти против воли наших родителей») – *из воли родительской мне выходить не должно; I think, mamma, I never depart a hairsbreadth from your will* (букв. «Я думаю, мама, я никогда не покидаю вашу волю / отделяюсь от вашей воли и на волосок») – *Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг*. Различный характер движения (степень активности преодоления ограничения) отражает индивидуальность способов концептуализации в переводе проявляемых персонажами состояний и свойств. Рассматривая трансляты с позиций дискурсивного подхода, можно выделить гендерный компонент семантики оборотов при соотношении образов персонажей с культурно-историческим контекстом пьес. Так, положение русской женщины в семье в патриархальном обществе накладывало на неё большие ограничения в сравнении с мужчиной как в пространственном, так и в других отношениях. В связи с этим отмечаем, что первые два оборота в вышеприведенном ряду транслятов характеризуют повинование Любови Гордеевны, героини пьесы «Бедность не порок», как знак осознания ею своего положения. Её послушание обусловлено признанием авторитета родительского слова – волеизъявления (ср. также корреляты *твоя воля, батюшка* и *as you wish, father*, последний из которых подразумевает вербализацию желания / решения). Оборот *I never depart a hairsbreadth from your will* принадлежит в переводе Тихону; для него, согласно культурно-историческим представлениям, естественным было бы отделение от материнской / отческой семьи, частью которой он является, ради создания и поддержания новой семьи (ср. с этимологией глагола *depart*: in Middle English

«to divide, part company» [14] – в среднеанглийском «разделять на части, покидать компанию»). Наряду со значением отделения / отдаления, компонент *depart* в составе транслята в речи Тихона имплицитно выражает значение изменения образа действий (ср.: *depart* – «do something in a different way», «to deviate from: we can not depart from our rules» [14]). Обитая в привычной для него среде и не стремясь на деле изменить свою жизнь (отмечаем использование глагола *depart* в составе транслята в настоящем времени, что позволяет подчеркнуть постоянство, неизменность действия / ситуации), Тихон пребывает в состоянии безвольного дитя, отказывающего себе в проявлении маскулинности. В переводе эта этот смысл акцентирует образное сравнение с ребёнком (ср. обороты *нюни распустил* и *whimpering like a sick child* – букв. «хныкая, как больной ребенок»), а также форму обращения к матери *mamma*, свойственную ребёнку).

Примечательно и то, что в пьесах А.Н. Островского воля в представлении персонажей из простого народа, пребывающих в ситуации отсутствия возможности совершения выбора, принятия решения, бесправности («не своя воля» как член семантической оппозиции), в значительной степени ассоциируется с эмоциональным состоянием, что объясняется взаимопроникновением смысловых составляющих концептов «Воля», «Душа» и «Тоска» [4, с. 94]. Эта особенность позволяет отметить преобразование признака «не своя (моя) воля как состояние / свойство» (состояние бесправности персонажей, которым не свойственно делать самостоятельный выбор) в признак «не мои действия»: *не моя воля – it's not my doing* (букв. «это не мой поступок»), а также вариант *it's not with my consent* (букв. «это не с моего согласия»); *кабы моя воля была – If I had my way* (букв. «если бы я делала по-своему / поступала своим способом»). Такая трансформация смысла сопряжена с проявлением оппозиции «агентивность / пациентивность» при взаимодействии англоязычной и русскоязычной лингвокультур в художественном дискурсе. В терминах «метаязыка» А. Вежбицкой, активно используемых и другими исследователями, точка зрения, определяемая как ‘то, что со мной происходит’ в отличие от ‘то, что я (или определенный субъект) делаю (делает)’, отражает «пациентивную, или пассивную, направленность, связанную с объектом воздействия» [9]. Пациентивность как подвергаемость чьему-либо действию вопреки собственному желанию реализуется одновременно на уровне лексической и синтаксической семантики. Оборот *не моя воля*, значение которой может быть интерпретировано с помощью структур метаязыка А. Вежбицкой следующим образом: кто-то хочет чего-то, чего я не хочу; кто-то может сделать что-то, чего я не хочу; я хотел бы, но не могу изменить это; я чувствую, что это плохо. При перево-

де ФЕ *не моя воля* используются структуры с подлежащим *it*, обезличивающим субъект действия. В случае же использования транслята *If I had my way* с подлежащим в форме личного местоимения при переводе оборота *кабы моя воля была* отмеченная семантическая оппозиция проявляется наиболее ярко.

Своеобразной точкой пересечения культурных смыслов в процессе трансляции концептуального содержания служит оборот *I am not going of my own free will*, соответствующий обороту *He no svoeй я воле еду* в речи Бориса в контексте пьесы «Гроза». В данном случае лексема *will*, выступающая коррелятом ключевого в смысловом отношении компонента *воля*, наращивает свой семантический объём за счет сочетания с определяющими её компонентами *my own* и *free*, передавая представление о воле как принадлежащей / не принадлежащей личности и составляя соответствующий когнитивный признак. Устойчивое сочетание *free will* (букв. «свободная воля») в составе фразеологического оборота *of one's own free will* («добровольно, по собственному желанию, волеизъявлению»), объединяет в себе концептуально значимые элементы смысла, наполняющие понятия *свободный* и *воля*, очерчивая вместе с тем тонкую межкультурную грань. Слово *free* («свободный, не имеющий ограничений»), как и его дериват *freedom*, относится к категории ключевой лексики, репрезентирующей ядерные ценности англоязычной культуры [1, с. 216–219], в то время как *will* является аналогом лексемы *воля*, репрезентирующей одну из доминант русской культуры [1, с. 241]. Само по себе сочетание *free will* «свобода воли» имеет философское толкование [5] (в двуязычных словарях как наиболее релевантные зафиксированы значения «свободный выбор» и «произвол»). На протяжении истории своего существования концепт «free will» получал разносторонние толкования в соответствии со взглядами представителей различных философских течений. Представляется, что сохраняя свою актуальность в европейском сознании, концепт «free will» являет собой условную культурную универсалию, ибо даже универсалии получают различные трактовки в истории становления научных парадигм в условиях различных культур. В.И. Карасик в монографии «Культурные доминанты в языке», ссылаясь на описания лексикона русского менталитета в других работах, подтверждает мысль о концептуализации воли русским языковым сознанием как недоступности права на выбор, соотносимой с «волей судьбы». В этой связи автор приводит цитату Ежи Фарыно: «Именно свободная воля... определяет разницу между православием и католицизмом, между русским и западным отношением к жизни» [3, с. 119].

Обобщая закономерности трансляции смыслового наполнения концепта «Воля», репрезентируе-

мого посредством ФЕ, следует отметить тенденцию к доминированию в переводе рациональной оценки над эмоциональной при передаче связываемых с волей состояний, свойств и качеств персонажей. На когнитивном уровне усиление рациональной оценки обусловлено трансформацией когнитивных признаков (в первую очередь признаков разного слоя концепта) в результате переводческой интерпретации смысла, как, например, в случае трансляции признака «состояние / свойство» через признак «действие», сопряжённой с проявлением семантически полярной категории «пациентивность / агентивность», выступающей маркером типологического различия русского и английского языков. В собственно языковом плане актуализация рациональной оценки происходит различными путями: на лексическом и грамматическом (синтаксическом) уровнях, в результате синтагматических и парадигматических отношений языковых единиц. Иллюстрацией этому служит разносторонняя реализации прагматики лексем на уровне диалогического единства (см. рассмотренный выше случай употребления лексемы *must* при трансляции смысловой оппозиции «своя / моя воля – не своя / ваша воля»).

Концептуальный смысл фразеологических оборотов, репрезентирующих когнитивные признаки концепта «Воля», нередко транслируется посредством комплекса семантических оттенков в переводе. Это обусловлено нерелевантностью некоторых когнитивных признаков, нетипичностью подобных представлений для ментального пространства представителей англоязычной культуры. Так, нерелевантным в переводе является образный признак, характеризующий абсолютизм воли. Место данного признака занимают характеристики таких качеств, как целеустремленность, решимость. Своеволье как качество, характеризующее посредством целого ряда ФЕ, образующих фразеологические конфигурации, транслируется на уровне общей эмоциональной тональности, указывающей на прямолинейность, категоричность высказывания.

Очевидно, что процесс трансляции концептуального смысла средствами иного языка и, следовательно, способами, характерными для представителей иной лингвокультуры, сопряжён с неизбежным преобразованием концептосферы художественного произведения. Результатом такого преобразования становится объективация в переводе компонентов семантики, способных обеспечить адекватность восприятия смысла в рамках микро- и макроконтраста. Исследование особенностей процесса трансляции концептов осуществляется с позиций когнитивно-концептуального, дискурсивного, а также лингвокультурологического подходов. Элементы культурно-маркированного смысла нередко относятся к имплицитному слою семантики. В силу этого характер взаимодействия

концептуальных пространств, формируемых языком источника и языком перевода, выявляется путем соотнесения компонентов фразеологической семантики различного порядка, служащих реализации, с одной стороны, контекстуально-прагматического, интенционального, а с другой стороны, невольно привносимого, в меньшей степени осознаваемого культурно детерминированного смысла.

Библиографический список

1. *Везжицкая А.* Понимание культур через средство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. *Весновская И.С., Клушин Н.А., Шестакова Н.Б.* Перевод и его роль во взаимодействии культур разных этносов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород: Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, 2013. – № 1 (2). – С. 41–44.
3. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205.
4. *Наградова Л.С.* Концептообразующая функция фразеологических единиц в пьесах А.Н. Островского: дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2011. – 194 с.
5. Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека Института философии РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iphras.ru/elib/2671.html> (дата обращения: 01.12.16).
6. *Опарина Е.О.* Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Classes.ru: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm (дата обращения: 03.12.16).
7. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1973. – 576 с.
8. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
9. *Чудинов А.П.* Востоковедческий миф: антропологическая полярность // Современная политическая коммуникация: учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lawbook.online/politicheskaya-lingvistika_1169/vostokovedcheskiy-mif-antropologicheskaya-33664.html (дата обращения: 02.12.2016).
10. *Янссен-Фесенко Т.А., Вайгель А.Л.* Перевод в структуре ментального пространства: концептуальный подход // Язык и культура. – 2013. – № 4 (24). – С. 66–76.
11. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 30.11.16).
12. English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 30.11.16).
13. English World dictionary 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://world-en.enacademic.com> (дата обращения: 30.11.16).
14. Merriam-Webster [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 30.11.16).
15. Plays by Alexander Ostrovsky. Transl. George Rapall Noyes. – New York: Scribner, 1917 // The Project Gutenberg EBook of Plays, by Alexander Ostrovsky [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.org/stream/plays10722gut/10722.txt> (дата обращения: 10.11.2016).

Григорян Ашот Арамович
 доктор филологических наук, профессор
 Ивановский государственный университет
 yerkat@yandex.ru

Маник Светлана Андреевна
 кандидат филологических наук, доцент
 Ивановский государственный университет
 svetlana_manik@yahoo.com

АМЕРИКАНСКИЙ ПРЕДВЫБОРНЫЙ МЕДИАДИСКУРС: СТРАТЕГИИ И ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ (на материале теледебатов Х. Клинтон и Д. Трампа 2016 года)

В статье рассматривается предвыборный дискурс и подходы отечественных и западных лингвистов к его изучению. Далее выделяются его основные стратегии и тактики, а также описываются лингвориторические особенности выступлений и стратегии, выбранные двумя основными кандидатами (Х. Клинтон и Д. Трампом) в ходе предвыборной кампании 2016 года в США. Материал исследования – теледебаты, их скрипты и другие публикации по теме американских выборов – является новым, отражает противоречия внутри современного американского общества и иллюстрирует лингвориторические особенности предвыборной кампании 2016 года. Данная кампания в США, безусловно, отличается от всех предыдущих, в частности, ролью СМИ и социальных сетей, значительной интеграцией информационных потоков и их манипулятивным воздействием на аудиторию, тематикой дебатов, а также личностями кандидатов в президенты Америки. Согласно полученным данным среди всех тактик и стратегий анализируемой кампании самыми употребляемыми оказались стратегия дискредитации оппонента и стратегия эмоциональной аргументации и манипулирования, которые взаимодополняют друг друга. В выступлениях каждого кандидата встречается значительное количество «традиционных» (широко принятых и ожидаемых) лингвистических средств для достижения поставленной цели: фонетических, лексических, синтаксических, которые создают риторические структуры и способствуют формированию речевого имиджа кандидата, а также оказанию коммуникативного воздействия на избирателей. Вместе с тем настоящее исследование проиллюстрировало лишь часть лингвориторических особенностей предвыборной кампании 2016 года в Америке, которые отличают данный предвыборный медиадискурс от всех предыдущих и сделали кампанию довольно эмоциональными, напряженными и агрессивными.

Ключевые слова: предвыборный дискурс, лингвориторические особенности, стратегия дискредитации, стратегия аргументации, манипулирование.

Изучение способов и подходов к изложению платформ в ходе предвыборных кампаний кандидатов на пост американского президента привлекает внимание ученых различных областей знаний: политологии, риторики, социолингвистики, прагмалингвистики, теории аргументации и т. п. Это довольно важное событие, которое оказывает воздействие на развитие не только общественно-политической ситуации в мире, но также политической риторики, политического языка. В этой связи представляется интересным обратиться к жанру предвыборного медиадискурса, выделить его основные стратегии, а также описать лингвориторические особенности выступлений и стратегии, выбранные кандидатами в ходе предвыборной кампании 2016 года в США. Материал исследования включает три теледебата, сайты кандидатов Х. Клинтон и Д. Трампа и другие медиатексты по теме американских выборов.

Предвыборный дискурс отражает социально-экономические, идеологические и культурные отношения внутри государства, помогает сконструировать образ внешнего врага, определяет общественно-политические интересы данного общества, в том числе по отношению к мировому сообществу. Существует довольно много работ отечественных и зарубежных лингвистов по политическому и предвыборному дискурсу. Вместе

с тем настоящее исследование представляется актуальным и востребованным, поскольку проанализированный материал является новым (осень 2016 года), отражает противоречия внутри современного американского общества и иллюстрирует лингвориторические особенности предвыборной кампании 2016 года, которая, безусловно, отличается от всех предыдущих, в частности, ролью СМИ, интеграцией информационных потоков, тематикой дебатов, а также личностями кандидатов в президенты Америки.

В настоящей работе предвыборный дискурс понимается, вслед за О.В. Гайковой, как официальное публичное выступление, или речь, произносимая по случаю выдвижения кандидатами своих кандидатур на пост президента страны. Такое выступление отличается особым эмоциональным настроением, содержит в себе призывы и побуждения к действию, а также выражает убедительную позицию оратора [1]. Необходимо подчеркнуть, что предвыборный дискурс синкретичен, то есть в его рамках сосуществуют, оказывают взаимное влияние, пересекаются и дополняют друг друга различные дискурсные формации [2, с. 184]. Поэтому данный вид дискурса характеризуется некоторыми параметрами: публичностью, конвенциональностью, оценочностью, агональностью, информативностью, динамичностью, театральностью, идеологично-

стью, манипулятивностью, экспрессивностью, инспиративностью и аргументативностью. Предметом настоящего исследования является именно риторическое воздействие на избирателей при помощи различных лингвистических средств с целью изменения их представлений об определенном кандидате, конструирования собственного имиджа, формулирования предвыборной платформы и в итоге – голосования в его/ее поддержку на президентских выборах, поскольку, на наш взгляд, это составляет одну из главных отличительных черт предвыборного выступления. Таким образом, обращение к рассмотрению данного вида дискурса с точки зрения одновременно риторики и лингвистического анализа представляется оправданным.

В зарубежной лингвистической науке предвыборный дискурс рассматривается в основном в рамках политической риторики и с позиций функционального подхода, проводятся анализы политических предвыборных кампаний в разных странах. С точки зрения функционального подхода, зародившегося в США, предвыборные политические кампании рассматриваются через шесть ключевых аксиом с целью понимания обращений и идей кандидатов [2]:

1. Голосование является актом сравнения. Действительно, выбор избирателей основывается на суждении-сравнении, выбирают «наименьшее зло».

2. Кандидаты должны выделиться среди своих оппонентов либо при помощи пунктов предлагаемой платформы, либо личными характеристиками. Так, Д. Трамп часто использует тактику разграничения «мы – они» (напоминает «свой – чужой»): «Secretary Clinton and others, politicians, should have been doing this for years, not right now, because of the fact that we've created a movement. They should have been doing this for years. What's happened to our jobs and our country and our economy generally is – look, we owe \$20 trillion. We cannot do it any longer, Lester».

3. Положения политических кампаний являются важным проводником кандидатов для самопроявления и самодифференциации. Некоторые послания напрямую достигают избирателей (когда они слушают речь, смотрят теледебаты, читают политический памфлет или изучают страницу политика в Интернете). Поэтому кандидаты довольно часто обращаются к своей аудитории. Например, Х. Клинтон во время первых теледебатов говорит: «We're going to have a debate where we are talking about the important issues facing our country. You have to judge us, who can shoulder the immense, awesome responsibilities of the presidency, who can put into action the plans that will make your life better. I hope that I will be able to earn your vote on November 8th». Довольно часто люди используют иные источники информации: различные ток-шоу о выборах, рейтинги популярности и прогнозы результатов,

сайты для проверки фактов (fact-checkers), комментарии и обсуждения известных публичных личностей о кандидатах, социальные сети (например, Twitter) и т. п. Именно в предвыборной кампании 2016 года сайты для проверки сведений, отмеченных кандидатами в выступлении (*fact-checking sources: Politifact, FactCheck.org, Open Secrets, the Sunlight Foundation, Flackcheck.org, Fact Checker by the Washington Post, HillaryClinton.com* и т. п.), а также «Твиттер» стали довольно мощным инструментом манипулирования и общения с аудиторией, с электоратом. Так, CNN News даже опубликовала самые «громкие» посты Д. Трампа в «Твиттере», выбрав наиболее скандальные и оскорбительные контексты.

4. Кандидаты влияют на предпочтения избирателей при помощи громких заявлений, нападения и защиты от них. Поскольку основная задача политика выделиться таким образом, чтобы привлечь голоса избирателей, любое выступление выполняет эти три функции: рассказать о своих достоинствах и преимуществах программы (*acclaim*); критиковать оппонента (*attack*), в частности предлагаемые им пункты, но также и его/ее как личность; отстоять свои позиции и отразить нападение другого кандидата (*defense*). Например, Х. Клинтон в начале дебатов проводит следующую линию:

I think we come at it from somewhat different perspectives. I understand that. You know, Donald was very fortunate in his life, and that's all to his benefit. He started his business with \$14 million, borrowed from his father, and he really believes that the more you help wealthy people, the better off we'll be and that everything will work out from there.

I don't buy that. I have a different experience. My father was a small-businessman. He worked really hard. He printed drapery fabrics on long tables, where he pulled out those fabrics and he went down with a silkscreen and dumped the paint in and took the squeegee and kept going.

And so what I believe is the more we can do for the middle class, the more we can invest in you, your education, your skills, your future, the better we will be off and the better we'll grow. That's the kind of economy I want us to see again».

Фактически обвиняя Д. Трампа в его происхождении из состоятельной семьи и приверженности интересам богатых, политик противопоставляет себя ему, позиционируя себя как представителя небогатого, но трудолюбивого сословия, как и большинство американцев, – среднего класса, с одной стороны, отождествляя себя с аудиторией (местоимение «we»), с другой стороны, разграничивая (местоимение «you»).

5. Предвыборный дискурс концентрируется на двух темах: политика (предлагаемые направления развития страны) и личность (образ кандидата). Как показывает анализ речей Х. Клинтон

и Д. Трампа, последнему уделяется значительное место: политики довольно часто переходят на личности, обвиняя друг друга в «симпатиях Москве/Путину/русским», «в несамостоятельности» (*Putin's puppet*), «несостоятельности и несоответствии статусу президента» (*Donald Trump is different. I said starting back in June that he was not fit to be president and commander-in-chief; Because she has been a disaster as a senator. A disaster*) и т. п.

6. Кандидат должен получить большинство голосов в ходе выборов, в случае с американскими выборами – большинство голосов выборщиков [2].

Данные аксиомы отражают риторические особенности предвыборного дискурса, что соотносится с манипулятивными и аргументативными стратегиями и тактиками, а также в некоторой степени этическим аспектом данного дискурса. На наш взгляд, среди всех тактик и стратегий анализируемой кампании самыми употребляемыми в ходе теледебатов в США в 2016 году оказались стратегия дискредитации оппонента и стратегия аргументации, которые взаимодополняют друг друга. Например, Д. Трамп так отвечает на вопрос относительно реформы/отмены плана медицинского страхования *Obamacare*:

«Obamacare will never work. It's very bad, very bad health insurance. Far too expensive. And not only expensive for the person that has it, unbelievably expensive for our country. It's going to be one of the biggest line items very shortly.

We have to repeal it and replace it with something absolutely much less expensive and something that works, where your plan can actually be tailored. We have to get rid of the lines around the state, artificial lines, where we stop insurance companies from coming in and competing, because they want — and President Obama and whoever was working on it — they want to leave those lines, because that gives the insurance companies essentially monopolies. We want competition.

You will have the finest health care plan there is. She wants to go to a single-payer plan, which would be a disaster, somewhat similar to Canada...»

Одновременно с обличением отрицательных сторон данной реформы (в основном дороговизны (*far too expensive; unbelievably expensive; a disaster*) и монополистской роли страховых компаний), Трамп подчеркивает роль Х. Клинтон во введении и поддержке/продолжении *Obamacare*. Представляется, что подобная аргументация является эмоциональной, а не рациональной, поскольку убеждение происходит не за счет статистических, фактических данных, а за счет апелляции к эмоциям аудитории и воздействия на эмоционально-психологическую сторону слушателей при помощи обвинения.

В свою очередь, Х. Клинтон вместе со стратегией самопрезентации активно применяет стра-

тегию аргументации, включения аудитории в разговор при помощи обращения через вопросы и манипулирование:

«There are children suffering in this catastrophic war; largely, I believe, because of Russian aggression. And we need to do our part. We by no means are carrying anywhere near the load that Europe and others are. But we will have vetting that is as tough as it needs to be from our professionals, our intelligence experts and others.

But it is important for us as a policy, you know, not to say, as Donald has said, we're going to ban people based on a religion. How do you do that? We are a country founded on religious freedom and liberty. How do we do what he has advocated without causing great distress within our own country? Are we going to have religious tests when people fly into our country? And how do we expect to be able to implement those?

So I thought that what he said was extremely unwise and even dangerous. And indeed, you can look at the propaganda on a lot of the terrorists sites, and what Donald Trump says about Muslims is used to recruit fighters, because they want to create a war between us.

And the final thing I would say, this is the 10th or 12th time that he's denied being for the war in Iraq. We have it on tape. The entire press corps has looked at it. It's been debunked, but it never stops him from saying whatever he wants to say».

Х. Клинтон апеллирует к образу врага (*Россия и террористам*) и историческим догмам американцев (*свобода выбора религии*), довольно категорично характеризует высказывания Д. Трампа (*extremely unwise and dangerous*), противопоставляет «мы – он» (*we, us – Donald, he, him*) (ср. риторiku Д. Трампа «мы – они», которая проиллюстрирована ранее). В местоимении «мы» подразумеваются объединенные силы: мы – вся страна (*we are a country*), мы – все СМИ (*the entire press corps*).

Х. Клинтон убедительно использует цифры, описывая свои и развенчивая экономические идеи оппонента по оптимизации в стране налогообложения для среднего класса:

«Independent experts have looked at what I've proposed and looked at what Donald's proposed, and basically they've said this, that if his tax plan, which would blow up the debt by over \$5 trillion and would in some instances disadvantage middle-class families compared to the wealthy, were to go into effect, we would lose 3.5 million jobs and maybe have another recession».

Глаголы *blow up* (взорвать) и *disadvantage* (поставить в невыгодное положение) образно описывают будущее, которое рисует Х. Клинтон в случае избрания Д. Трампа президентом: рецессия (*recession*). Вероятно, такая стратегия запугивания призвана оказать должное воздействие на избирателей.

В текстах теледебатов необходимо отметить большое количество громких заявлений и нело-

гичных высказываний. Например, Х. Клинтон не понимает, как человек, не плативший федеральные налоги в течение 20 лет, может рассуждать о своих дальнейших планах: «And it is sort of amusing to hear somebody who hasn't paid federal income taxes in maybe 20 years talking about what he's going to do». Интересна авторитетная ссылка Д. Трампа на собственные знания, а не отчеты спецслужб («I know more about ISIS than the generals do» (*Я знаю про ИГИЛ больше, чем знают генералы*)), использование силовых методов и тактик запугивания (например, посты Трампа в «Твиттере» с угрозами опубликовать секреты оппонентов, если они не будут «careful» (*более внимательными*)). Интересно, что газета New York Times составила довольно солидный список оскорбленных этим кандидатом в «Твиттере» людей, организаций и мест. Публикации о Х. Клинтон занимают большую часть постов: «scooked» (*нечестная, лживая*); «FAILED ALL OVER THE WORLD» (*не оправдала надежды целого мира*); «She'll say anything and change NOTHING!» (*она скажет все что угодно, но НИЧЕГО не изменит!*); «a Wall Street PUPPET!» (*марионетка с Уолл Стрит*); «a foreign policy DISASTER» (*КОШМАР внешней политики*); «If I win – I am going to instruct my AG to get a special prosecutor to look into your situation» (*Если я выиграю, я дам поручение генеральному прокурору начать расследование по Вашему делу*) и т. п. Х. Клинтон тоже использует много оценочных фраз, ссылаясь на авторитеты спецслужб, СМИ, излагает угрозы и т. п. Например:

«China is illegally dumping steel in the United States and Donald Trump is buying it to build his buildings, putting steelworkers and American steel plants out of business. That's something that I fought against as a senator and that I would have a trade prosecutor to make sure that we don't get taken advantage of by China on steel or anything else».

В речах каждого кандидата встречается значительное количество «традиционных» (широко принятых и ожидаемых) лингвистических средств для достижения поставленной цели: фонетических, лексических, синтаксических, которые создают риторические структуры и способствуют формированию речевого имиджа кандидата, а также оказанию коммуникативного воздействия на избирателей. Вместе с тем наиболее интересными и «необычными» представляются решения в речах Д. Трампа, за которые его так часто критиковали.

Например, целесообразно обратиться к прилагательным, используемым республиканцем: вместо «great», «good» или «bad» звучат слова «amazing, tremendous job, tremendous numbers of new jobs, tremendous potential, beautiful thing to watch, a much better job, horrible things like Obamacare», превосходная степень прилагательных в значительной степени добавляет эмоциональности и красочно-

сти. «You are going to approve *one of the biggest tax cuts* in history. You are going to approve *one of the biggest tax increases* in history. You are going to drive business out. Your regulations are a *disaster*, and you're going to increase regulations all over the place». Образности также способствуют существительные «disaster» (*катастрофа, беда*), «devastation» (*опустошение, разорение*): «You go to New England, you go to Ohio, Pennsylvania, you go anywhere you want, Secretary Clinton, and you will see *devastation* where manufacture is down 30, 40, sometimes 50 percent. NAFTA is *the worst trade deal maybe ever signed anywhere*, but certainly *ever signed* in this country». Довольно эффективным представляется комбинирование прилагательных из разных регистров – «onerous – bad»: «And when these people are going to put billions and billions of dollars into companies, and when they're going to bring \$2.5 trillion back from overseas, where they can't bring the money back, because politicians like Secretary Clinton won't allow them to bring the money back, because the taxes are so *onerous*, and the bureaucratic red tape, so what – is so *bad*».

Д. Трампа довольно часто обвиняли в неверных и недостоверных высказываниях, опровергаемых на специальных сайтах по проверке фактов. На наш взгляд, это связано с тем, что политик использует намеренное преувеличение (гиперболу) для достижения максимального эффекта. Например, «the whole world is blowing up» (*Во всем мире происходит нагнетание*) или «See, you're telling the enemy everything you want to do. No wonder you've been fighting – no wonder you've been fighting ISIS your entire adult life» (...*Вы боролесь с ИГИЛом всю свою сознательную жизнь*).

Интересным является эвфемизм Д. Трампа «locker room talk» (разговор в раздевалке между мужчинами обо всем, в том числе о женщинах, часто иронично, вульгарно, обидно, хвастливо, но его не следует воспринимать серьезно), использованный в ситуации обсуждения нанесенного политиком оскорбления женщине и извинения за него: «This was locker room talk. I'm not proud of it. I apologize to my family. I apologize to the American people. Certainly I'm not proud of it. But this is locker room talk».

Используя повтор, что является довольно распространенным приемом в речах Д. Трампа, кандидат в президенты стремится сгладить отрицательное впечатление. Движение феминисток по защите прав женщин очень сильное в США, поэтому политик не может пренебречь данной частью электората.

На наш взгляд, повторяющиеся конструкции и выражения, а также простые грамматические обороты, за которые политика так часто критиковали и высмеивали журналисты, в результате позволили Д. Трампу получить большинство голосов среди простых американцев, представителей сред-

него класса. Его манера говорить: довольно весомо и авторитетно заканчивать фразы, вести себя «неполиткорректно» во время дебатов – способствовали формированию популярности республиканца, конструированию образа сильного и властного человека: «I'm going to cut regulations. I'm going to cut taxes big league, and you're going to raise taxes big league, end of story».

Представляется необходимым выделить важный и в некоторой степени символический неологизм, который использовала Х. Клинтон в своем выступлении, – «The Trump effect»:

«You know, children listen to what is being said. To go back to the very, very first question. And there's a lot of fear – in fact, teachers and parents are calling it the Trump effect. Bullying is up. A lot of people are feeling, you know, uneasy. A lot of kids are expressing their concerns».

Речь идет об исследовании группы Teaching Tolerance весной 2016 года, когда опросили более 2000 американских учителей о влиянии президентской избирательной кампании на учеников и процесс обучения. Исследование, со слов учителей, показало, что значительная часть цветных детей (children of color), детей иммигрантов и мусульман боится нарастающего расового, религиозного и антисемитского напряжения в школах, возможной депортации. Многие учащиеся отметили агрессию и озлобленность кампании. Таким образом, данное выражение отражает усиливающийся раскол внутри американского общества, обвиняя в происходящем Д. Трампа.

В заключение важно подчеркнуть, что настоящее исследование проиллюстрировало лишь часть лингвориторических особенностей предвыборной кампании 2016 года в Америке, рассмотрены лишь те стороны, которые отличают данный предвыборный медиадискурс от всех предыдущих. Доминирование стратегии дискредитации оппонента, стратегии эмоциональной аргументации и манипулирования сделали кампанию довольно эмоциональными, напряженными и агрессивными. Данный политический дискурс включает большое количество новых слов, а также «закодированных» высказываний, изучение которых необходимо продолжать.

Библиографический список

1. Гайкова О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 211 с.

2. Халатян А.Б. Предвыборный дискурс // Политическая лингвистика. – 2011. – Вып. 2 (36) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politlinguist.ru/materials/pl/36.pdf> (дата обращения: 28.12.2016).

3. Benoit W.L. The functional Theory of Political Campaign Discourse // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/the-functional-theory-of-political-campaign-discourse> (дата обращения: 28.12.2016).

4. Full Transcript: Third 2016 Presidential Debate [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politico.com/story/2016/10/full-transcript-third-2016-presidential-debate-230063> (дата обращения: 28.12.2016).

5. Teaching the 2016 Election. The Trump effect. The Impact of the Presidential Campaign on Our Nation's Schools [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.splcenter.org/sites/default/files/splc_the_trump_effect.pdf (дата обращения: 28.12.2016).

6. The 305 People, Places and Things Donald Trump Has Insulted on Twitter: A Complete List // New York Times. – 2017. – January 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/interactive/2016/01/28/upshot/donald-trump-twitter-insults.html> (дата обращения: 22.01.2017).

7. The First Presidential Debate: Hillary Clinton and Donald Trump (Full Debate) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=855Am6ovK7s> (дата обращения: 02.12.2016).

8. The First Trump-Clinton Presidential Debate Transcript, Annotated [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated/?utm_term=.3e39b916692b (дата обращения: 02.12.2016).

9. The Second Presidential Debate [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ooShpws3Dik> (дата обращения: 02.12.2016).

10. The Final Presidential Debate [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=ye0Xblp_Nb0 (дата обращения: 20.12.2016).

11. Transcript of the Second Debate [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2016/10/10/us/politics/transcript-second-debate.html> (дата обращения: 20.12.2016).

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЙ И ИХ ОСОБЕННОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ (на материале выступлений А. Меркель)

В данной статье рассматривается специфика форм обращений как основного средства установления связи между коммуникантами в рамках речевого этикета. Выбор той или иной модели обращения напрямую связан с нормами этикета в деловом общении и является значимой составляющей любого выступления в ситуации массовой коммуникации. Особое внимание в данной работе уделено формам обращения в публичных выступлениях и их воздействующей на адресата функции. Основное содержание исследования составляет анализ форм обращений в публичных речах А. Меркель с 2007 по 2015 год, определение количественного состава и их классификация в текстах выступлений. В настоящей статье наглядно представлены формы обращений как к широкой аудитории, например к молодежи, спортсменам, гражданам ФРГ и Европы, участникам торжественных мероприятий, так и к конкретным субъектам – лицам женского или мужского пола. Также автор акцентирует внимание на доверительной и дружеской тональности в обращениях, адресованных некоторым государственным деятелям. На основании данных, полученных в ходе анализа форм обращений, автор статьи стремится обосновать употребление той или иной формы обращения в зависимости от ситуативных условий и интенций говорящего. В заключение делается вывод об актуальности и значении исследования форм обращений в современной политической коммуникации и культуре речи.

Ключевые слова: обращение, формы обращения, адресат, публичное выступление, публичная речь, речевой этикет, культура речи, политическая коммуникация.

Как известно, обращение называет адресата, к которому непосредственно направлена речь. Будучи одним из главных средств установления связи между высказываниями и участниками общения, обращение «оказывается точкой пересечения существеннейших коммуникативных связей» [1, с. 4]. Обращение принадлежит области речевого этикета, представленного совокупностью правил речевого поведения, принятых обществом в данной ситуации и обстановке общения [6, с. 379–381; 7, с. 47]. В силу того, что публичное выступление относится к массовой и публичной коммуникации, обращение как главное средство выделения адресата обладает наибольшей степенью выразительности и воздействия на слушателя [8, с. 10]. При помощи такой единицы выполняется контактоустанавливающая, апеллятивная, аттрактивная функция говорящим, стремящимся к достижению поставленных в публичном выступлении целей.

Для поддержания социальных контактов и демонстрации социальных отношений необходимо использование этикетных формул, то есть таких языковых единиц, выбор которых диктуется определенной экстралингвистической ситуацией. К различным сферам коммуникации (обиходно-бытовой, научной, деловой, общественно-политической и др.) тесно привязан ряд типичных повторяющихся ситуаций, когда от коммуникантов требуются устойчивые выражения и стереотипные средства речевого этикета. Между тем публичное выступление в рамках официального общения требует особого внимания в использовании норм речевого этикета. Тем не менее средства речевого этикета, так называемые речевые формулы, поддаются изменению в том случае, если на них может повлиять конкретная внеязыковая ситуация или

сам говорящий с целью наибольшего речевого воздействия.

Выбор форм обращений, лежащих в основе речевого этикета любой национальной культуры, играет ключевую роль в достижении целей успешного вербального взаимодействия и установлении контакта и сотрудничества, в частности на государственном и общественном уровне. Особенно важным является проявление вежливости, толерантности и гармоничности общения между коммуникантами, а также поддержание общения в эмоционально положительной тональности в соответствии с речевой ситуацией [8, с. 60–61, 151–152]. Примечательно, что формы обращений как единицы речевого этикета, с одной стороны, на семантическом уровне «хранят» и отражают информацию о постоянных характеристиках участников речевой ситуации, как-то: пол, социальный статус, возраст, профессия и др. С другой стороны, они сообщают нам информацию об официальной или неофициальной обстановке, об уважительной, дружеской или доверительной тональности.

Специфика обращения выступала объектом исследования во многих работах. Несомненный теоретический вклад в изучение этой проблемы внес русский лингвист В.Е. Гольдин [1], рассматривая обращения в качестве коммуникативных единиц с точки зрения семантики общения. На синтаксическом уровне исследована структура и грамматические признаки данного языкового явления на примере русского и сербо-хорватского языков [3]. Наиболее детально изложен коммуникативно-прагматический подход к анализу обращения в речевом этикете [8; 9]. Отдельные работы зарубежных ученых посвящены лингвистическим аспектам обращения в немецком и шведском языках [12], историческому развитию и функционированию форм

обращений [10; 14]. Была издана библиография по социолингвистике обращений [11]. Приветствия и формы обращений были также рассмотрены на примерах в деловой переписке между различными учреждениями и организациями в ГДР [13].

Вместе с тем малоизученным на сегодняшний момент является употребление форм обращений в современной немецкой политической коммуникации, в частности в публичных речах, что предопределило актуальность данного исследования.

Целью данной статьи является анализ и классификация различных форм обращений в публичных речах А. Меркель, а также описание их особенностей. Материалом для исследования послужили публичные речи политика с 2007 по 2015 год, общий объем которых составляет 581 речь. Методом сплошной выборки из этих речей было выделено 3 556 форм обращений. Следует заметить, что данные выступления имеют отношение не только к выступлениям перед людьми, задействованными в одной профессиональной области, государственными и политическими деятелями, но также и перед более широкой аудиторией, включающей разные слои населения. Полученные данные могут быть использованы на занятиях по деловому общению, культуре речи и эффективности общения. Рассмотрим более подробно результаты.

При распределении обращений прежде всего учитывалось следующее: направлено ли обращение к одному или нескольким лицам, содержится ли в обращении имя, фамилия, должность, звание. К первой группе мы будем относить формы обращений, относящиеся к широкой аудитории. Самая типичная форма обращения, универсальная для официальной сферы общения [2, с. 177] и исполь-

зуемая по отношению к знакомым и незнакомым адресатам и к собравшимся, – это *meine Damen und Herren*. На 581 опубликованную речь приходится 1 811 обращений с компонентом *Damen und Herren*. Намного реже среди них встречаются подчеркнута вежливые формы с атрибутами *geehrt, verehrt, lieb* («уважаемые», «дорогие»): форма *meine sehr geehrten* (39 раз), форма *meine sehr verehrten* (19 раз), форма *meine lieben + sehr verehrten* (1 раз). Частотность данных обращений представлена в таблице 1. Тот факт, что обращение *meine sehr verehrten Damen und Herren* госпожа Меркель применяет исключительно в ситуациях проведения праздников, конференций, юбилеев, наградений различными премиями, позволяет сделать вывод, что использование данной формы имеет торжественный характер.

Другая наиболее употребительная форма обращений, которая была обнаружена нами, связана с тем, что говорящий адресует свои слова профессионально близкой ему аудитории [2, с. 178]. В рассматриваемой речевой ситуации А. Меркель обращается при помощи формы *liebe Kolleginnen und Kollegen*, на которую приходится 195 случаев в анализируемом материале. Приведем примеры: *liebe Kolleginnen und Kollegen des Europäischen Parlaments, liebe Kolleginnen und Kollegen aus den Parlamenten, liebe Kolleginnen und Kollegen aus dem Bundestag*.

Приведенная форма обращения, как видно из примеров, рассчитана на лиц обоего пола. Тем временем в публичных речах А. Меркель наблюдается отдельная форма, маркированная по мужскому роду: *liebe Kollegen aus dem Deutschen Bundestag / aus dem Kabinett* (встречается 24 раза).

Таблица 1

Формы обращений к широкой аудитории и их количество

Форма обращения	Количество	Форма обращения	Количество
Meine Damen und Herren	1 811	Liebe Kolleginnen und Kollegen	195
Meine sehr geehrten Damen und Herren	39	Liebe Kollegen	24
Meine sehr verehrten Damen und Herren	19	Liebe Schülerinnen und Schüler	4
Meine lieben und sehr verehrtem Damen und Herren	1	Liebe Studierende	9
Exzellenzen	92	Liebe Jugendliche	8
Sehr geehrte Exzellenzen	8	Liebe Schülerinnen	1
Sehr geehrte Gäste	10	Liebe Studentinnen und Studenten	7
Liebe Ehrengäste	1	Liebe Freunde des Turnsports	3
Werte Gäste	10	Liebe Sportlerinnen und Sportler	3
Liebe Gäste	19	Liebe Nationalspielerinnen	1
Verehrte Gäste	8	Liebe Bürgerinnen und Bürger	5
Werte / verehrte Festgäste	4	Sehr geehrte Freunde	3
Werte Festversammlung	10	Liebe Freunde	10
Liebe Festversammlung	2	Sehr geehrte französische Freunde	1
Sehr geehrte Festversammlung	3	Liebe politische Freunde	1
Sehr verehrte Festversammlung	5	Sehr verehrte Anwesende	1

Следует учитывать, что аналогичная форма, *liebe Kolleginnen*, маркированная по женскому роду, в текстах публичных выступлений отсутствует. По всей вероятности, это свидетельствует о том, что количество членов бундестага мужского пола суммарно выше женского. На данный момент имеется следующее соотношение: 398 к 232 [5].

Третью группу составляют обращения, типичные для дипломатической сферы по отношению к дипломатическим представителям других стран, *Exzellenzen* [14, с. 183–184]. На них приходится 90 случаев, 8 из которых используются с атрибутом *sehr geehrte Exzellenzen*.

Особого внимания заслуживает четвертая группа форм обращений, используемых в связи с участием госпожи Меркель в торжественных мероприятиях. Обращения к аудитории в выступлениях А. Меркель сопровождается только атрибутами «дорогие» и «уважаемые» и «глубокоуважаемые»: например, *werte, liebe, verehrte + Gäste, Festversammlung, Festgäste*. Как правило, такие обращения адресованы участникам собраний, праздничных мероприятий, церемоний награждений: *werte / verehrte Festgäste, werte Gäste, liebe Gäste, sehr geehrte Gäste, verehrte Gäste, liebe Ehrengäste, werte Festversammlung, liebe Festversammlung, sehr verehrte Festversammlung, sehr geehrte Festversammlung*. Всего насчитывается 72 случая. Частотность каждого из обращений представлена в таблице 1. Любопытно, что среди вышеуказанных обращений наблюдается метонимическое использование обращения *Festversammlung*, то есть употребление целого вместо части. Метонимизация происходит за счет переноса наименования по смежности. *Festversammlung* – это все участники торжественного заседания.

Разновидностью четвертого типа обращений к аудитории является форма более торжественного характера с компонентом «друзья» [13, с. 130], употребленная А. Меркель 13 раз. По большей части данное обращение используется с атрибутом *lieb – liebe Freunde*. Иногда подобные обращения имеют указание на сферу деятельности аудитории (*liebe politische Freunde*) или национальную принадлежность (*sehr geehrte französische Freunde*). Немаловажно, что обращение с компонентом «друзья» характерно только для публичных выступлений на праздничных мероприятиях.

Немногочисленную пятую группу составляют обращения к школьникам, учащимся, молодежи: *liebe Schülerinnen und Schüler, liebe Schülerinnen, liebe Studierende, liebe Studentinnen und Studenten, liebe Studentinnen, liebe Jugendliche*. Частотность их употребления отражена в таблице 1. В данной группе представлены как существительные обоего рода (и в отдельности женского), так и субстантивированные причастия и прилагательные с собирательным значением.

Шестая группа обращений направлена гражданам ФРГ и Европы: *liebe Bürgerinnen und Bürger*. На эту группу приходится 5 случаев употребления.

Седьмая группа насчитывает 5 обращений к спортсменам, среди которых: *liebe Sportlerinnen und Sportler, liebe Freunde des Turnsports, liebe Sportlerinnen und Sportler, liebe Nationalspielerinnen*.

И, наконец, наименьшее количество раз (всего 2) употребляется обращение к присутствующим с атрибутом *sehr verehrte Anwesende*, где *Anwesende* – субстантивированное причастие.

Теперь рассмотрим вторую группу обращений, адресованных одному лицу. Дружескую и доверительную форму обращения можно разбить на небольшие подгруппы. К первой подгруппе относятся слова с определением *sehr geehrt u verehrt* («уважаемый»). Однако никогда в нижеприведенных примерах не используется их синоним *wert*. Самую распространенную подгруппу составляет форма обращения *Sehr geehrter + Herr + должность / звание / фамилия*, например: *sehr geehrter Herr Präsident, sehr geehrter Herr Ministerpräsident, sehr geehrter Herr Regierender Bürgermeister, sehr geehrter Herr Bundeskanzler Schröder, sehr geehrter Herr Professor Leinfelder*. Она употребляется 884 раза. Тем временем форма обращения *Sehr geehrte + Frau + должность / звание / фамилия* встречается гораздо реже, 140 раз. Приведем примеры: *sehr geehrte Frau Professor Friis, sehr geehrte Frau Schmalz-Jacobsen, sehr geehrte Frau Ministerin*. Результаты приведены в таблице 2.

Примечательно, что в современном немецком языке, по мнению некоторых специалистов, больше не различается противопоставление форм *verehrt* (в обращении к лицам только женского пола) и *geehrt* (соответственно, только мужского) [13, с. 130; 14, с. 181]. Действительно, как показал анализ выбранного материала, обращение с атрибутом *geehrt* используется по отношению к лицам обоего пола. При этом форма *Sehr verehrter + Herr + должность / звание* отсутствует, а на форму *Sehr verehrte + Frau + должность / звание* приходится 4 примера: *sehr verehrte Frau Präsidentin, sehr verehrte Frau Bundeskanzlerin*.

Третья подгруппа объединяет обращения 1-го и 2-го типа с добавочным атрибутом *lieb*, выражающим при этом подчеркнuto доверительное и до некоторой степени дружеское отношение к адресату, который нередко может также являться и главой государства: *sehr geehrt + Herr + должность + lieber + имя + фамилия*. Форма обращения к адресату мужского пола встречается 150 раз. Проиллюстрируем примерами: *sehr geehrter Herr Generalsekretär, lieber Anders Fogh Rasmussen; sehr geehrter Herr Präsident, lieber Barack Obama; sehr geehrter Herr Präsident, lieber François Hollande; sehr geehrter Herr Staatspräsident, lieber Wladimir Putin*. Наряду с этим форма *Sehr geehrte +*

Frau + *должность* + *liebe* + *имя* + *фамилия* используется 44 раза. К примеру, *sehr geehrte Frau Staatsministerin, liebe Maria Böhmer; sehr geehrte Frau Ministerpräsidentin, liebe Christine Lieberknecht*.

Среди проанализированных обращений в выступлениях Ангелы Меркель необходимо также выделить четвертую подгруппу обращений, которая касается, очевидно, еще более личного и дружеского тона в адрес собеседника. Здесь аналогичным образом используется конструкция *sehr geehrter Herr* + *должность / звание / фамилия*, но с приложением *lieber* + *имя* адресата. Всего использовано 10 подобных форм. Проиллюстрируем примерами: *sehr geehrter Herr Premierminister, lieber Pedro; sehr geehrter Herr Professor Schwarz, lieber Helmut; sehr geehrter Herr Gurria, lieber Ángel; sehr geehrter Herr Präsident, lieber Barack; sehr geehrter Herr Präsident, lieber François; sehr geehrter Herr Präsident, lieber Dmitri; sehr geehrter Herr de Maizière, lieber Lothar; sehr geehrter Herr Ministerpräsident Jazenjuk, lieber Arseni; sehr geehrter Herr Ministerpräsident, lieber Alex*. К лицам женского пола также адресовано обращение *sehr geehrte Frau* + *должность / звание / фамилия* с приложением *liebe* + *имя* адресата, но всего 3 раза в текстах речей: *sehr geehrte Frau Ministerpräsidentin, liebe Helle; sehr geehrte Frau Burrow, liebe Sharan; sehr geehrte Frau Botschafterin, liebe Annette*. Приведенные выше примеры позволяют говорить об интимизации обращений, о снижении официальности и создании на лексико-семантическом уровне более непринужденного тона в высказывании.

Наиболее интересными являются обращения А. Меркель к тем или иным государственным лицам на иностранном языке. Так, 3 раза встречаются обращения канцлера перед конгрессом США в Вашингтоне на английском языке и на годовщине Первой мировой войны в Париже на французском языке: *Madam Speaker, Mr. Vice President, Monsieur le Président*. Подобные обращения на родном языке адресата могут служить средством установления более близкого контакта с адресатом или свидетельствовать о тесном сотрудничестве между гла-

вами стран. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Итак, проанализированный материал позволил сформулировать определенные выводы. Во-первых, в обращениях к широкой аудитории наибольшее употребление имеют формы *meine Damen und Herren* и *meine sehr geehrten Damen und Herren*. По отношению к лицам одной профессиональной сферы говорящий использует *Exzellenzen, liebe Kolleginnen und Kollegen, liebe Kollegen* (к лицам мужского пола). Между тем в текстах выступлений мы не находим отдельную форму обращения к лицам женского пола *liebe Kolleginnen*. Также было обнаружено, что наиболее частотными формами обращений на торжественных мероприятиях являются: *werte Gäste, liebe Gäste, sehr geehrte Gäste, werte Festversammlung* (с метонимическим переносом).

Во-вторых, в обращениях к определенному лицу высокий показатель частотности составляет форма *Sehr geehrter + Herr + должность / звание / фамилия, sehr geehrter + Herr + должность + lieber + имя + фамилия, sehr geehrte + Frau + должность / звание / фамилия*. Полученные данные подтверждают мысль о том, что чаще всего должности в политической сфере занимают мужчины.

В-третьих, показательно, что в текстах речей отсутствует форма обращения *Sehr verehrter + Herr + должность / звание* к лицам мужского пола.

В-четвертых, на основании анализа можно заключить, что иногда форма обращения зависит непосредственно от намерений говорящего. В этом случае формы обращений имеют дружескую, интимную и доверительную тональность. Для ее выражения А. Меркель, помимо принятого в официальном общении обращения, использует либо *sehr geehrter Herr + должность / звание / фамилия* с приложением *lieber* + *имя* адресата, либо форму обращения на родном адресату языке. Этот факт свидетельствует о заинтересованности говорящего в поддержании тесного контакта с адресатом. Таким образом, форма обращения в речевом этикете может изменяться в ситуациях такого рода.

Итак, в связи с эволюцией коммуникации в обществе и изменением социальной регуляции в нем проблема форм обращений остается актуальной

Таблица 2

Формы обращений к одному лицу и их количество

Форма обращения	Количество	Форма обращения	Количество
Sehr geehrter + Herr + должность / звание / фамилия	884	Sehr geehrter Herr + должность / звание / с приложением lieber + имя	10
Sehr geehrte + Frau + должность / звание / фамилия	140	Sehr geehrte Frau + должность / звание с приложением liebe + имя	3
Sehr verehrte + Frau + должность / звание	4	Формы обращений на иностранном языке	3
Sehr geehrter + Herr + должность + lieber + имя + фамилия	150	Sehr geehrte + Frau + должность + liebe + имя + фамилия	44

и по сей день, а их уместное использование в публичных выступлениях способствует эффективной и успешной реализации взаимодействия участников коммуникации.

Библиографический список

1. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / под ред. Л.И. Баранниковой. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 136 с.

2. Городникова М.Д., Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь речевого общения. – М.: Рус. яз., 1999. – 332 с.

3. Проницев В.П. Синтаксис обращения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – 88 с.

4. Публичные речи А. Меркель с 2007 по 2015 год // Официальный сайт бундесканцлера Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bundestanzlerin.de/SiteGlobals/Forms/Webs/BKin/Suche/DE/Solr_aktuelles_formular.html?nn=619050&timerange=before+2010+2011+2012+2013+2014+2015&doctype=speech (дата обращения: 10.01.2017).

5. Состав депутатов бундестага // Официальный сайт бундестага [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bundestag.de/abgeordnete18/mdb_zahlen/frauen_maenner/260128 (дата обращения: 06.01.2017).

6. *Формановская Н.И.* Обращение // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-спра-

вочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 379–381.

7. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Рус. яз., 2002. – 216 с.

8. *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. – М.: Высш. шк., 1989. – 159 с.

9. *Формановская Н.И., Соколова Х.Р.* Речевой этикет. Русско-немецкие соответствия: справочник. – М.: Высш. шк., 1992. – 95 с.

10. *Besch W.* Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern. – Göttingen: Verlag Vandenhoeck & Ruprecht, 1996. – 160 p.

11. *Braun F., Kohz A., Schubert K.* Anrededeforschung: Kommentierte Bibliographie zur Soziolinguistik der Anrede. – Tübingen: G. Narr, 1986. – 404 p.

12. *Kohz A.* Linguistische Aspekte des Anredevhaltens. Untersuchungen am Deutschen und Schwedischen. Mit einer selektiven Bibliographie zur Linguistik der Anrede und des Grusses. – Tübingen: G. Narr, 1982. – 144 p.

13. *Sommerfeldt K.E.* Sehr geehrter Herr! – Werter Genosse! – Lieber Kollege! // Sprachpflege. Zeitschrift für gutes Deutsch. – 1980. – № 7. – P. 129–132.

14. *Spillner B.* Anrede und Grußformen im Deutschen // Zeitschrift des Verbandes Polnischer Germanisten. – 2014. – № 3. – P. 173–187.

Шубина Эльвира Леонидовна

доктор филологических наук, профессор
 Московский государственный институт международных отношений
 Министерства иностранных дел Российской Федерации
 elvira.shubina@mail.ru

Орлова Анна Игоревна

Московский государственный институт международных отношений
 Министерства иностранных дел Российской Федерации
 Anna.mp3@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРЕДЛОГОВ *PRO* И *JE* В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Данная работа посвящена стилистическому и синтаксическому варьированию предлогов *pro* и *je* в публицистическом стиле современного немецкого языка. Предлоги *pro* и *je* активно проникают в публицистику вместе с заимствованными словами и обнаруживают одинаковую регулярность употребления. Анализ материалов прессы показал, что для упомянутых предлогов характерно различное падежное управление. Вопреки рекомендациям грамматистов, данные предлоги способны соединяться более чем с одной падежной формой. Предлог *pro* управляет не только винительным падежом, но и дательным и гораздо реже номинативом. Предлог *je* способен управлять номинативом, дательным, аккузативом и генитивом. Среди синтаксических факторов наибольшее воздействие на колебания в употреблении предлогов в современном немецком языке оказывают структурно-формальные, в частности наличие / отсутствие артикля или сопроводительного слова перед управляемым существительным, позиция / позиция предлога, тип склонения сочетающегося с предлогом существительного.

Ключевые слова: предлоги, предложное управление, существительные слабого типа склонения, вариативность, заимствованные предлоги.

В ходе своего становления система немецкого языка сохранила в той или иной степени многие элементы, унаследованные от германского, а еще ранее – от индоевропейского праязыка. Предлоги относились к синтаксическим средствам языка наряду с согласованием, подчинением, порядком слов. Большинство предлогов древнегерманских языков происходили от наречий места. Эти наречия в процессе дальнейшего развития либо превращались в предлоги, вступая в связь с приглагольными дополнениями и обстоятельственными словами, либо примыкали к глаголу, превращаясь в так называемые «отделяемые приставки».

Развиваясь из наречий, предложные конструкции конкурируют с падежами, обозначая синтаксические связи существительного более конкретным и дифференцированным образом. В переводе с латинского предлог означает «впереди стоящий», и этот факт имеет прямое отношение к позиции предлога в предложении. Большинство предлогов в немецком языке действительно стоят перед знаменательным словом (*über den Wolken* – над облаками), только некоторые предлоги ставятся в конце (*den Fluss entlang* – по реке). Еще реже встречаются случаи многоуровневых предлогов, образующих так называемую рамку для знаменательного слова (*um der Mutter willen* – ради матери).

Однако среди всех предлогов лишь 20 являются наиболее употребительными: *in, mit, von, an, auf, zu, bei, nach, um, für, aus, vor, über, durch, unter, gegen, hinter, bis, neben, zwischen*. При этом лидером по частоте присутствия в тексте является предлог *in* (28 %), за ним следует предлог *mit* (10,4 %),

von (10,3 %), *an* (8,8 %), *auf* (8 %), *zu* (7,8 %). 10 самых часто употребляемых предлогов составляют почти 90 % [6; 7]. Остальные предлоги встречаются относительно нечасто, например: *angesichts, dank, kraft, zufolge*.

Когда речь идет о предлогах, важно помнить, что это открытый для заимствований класс служебных слов, что затрудняет определение количества его членов. В зависимости от того, считаем ли мы сложные (*mithilfe*), составные (*in Bezug auf*) предлоги, а также предлоги, примыкающие к наречиям (*südlich, links*) и существительным (*Richtung Schweiz*), их число может варьироваться от 50 до 100. Чаще всего французский и латинский языки являются источником новых предлогов: *Wir haben drei Hosen à 50 Euro gekauft, Dieser Betrag ist zu zahlen, exclusive der Portokosten; Das macht 365 Euro inclusive des Vorschusses; Sie zahlen die Ware per Nachnahme; Wir waren zu sechst, 10 Euro pro Person; Die Bahn fährt via Hauptbahnhof zum Zoo; Das Denkmal steht vis-a-vis der Post*.

В данной работе речь пойдет о функционально-семантических свойствах синонимичных предлогов *pro* и *je*. Языковой материал для данного исследования был получен из публицистических изданий 2001–2016 гг. «Spiegel», «Stern», «FAZ», «Manager Magazin», «Süddeutsche Zeitung». Обращение к публицистике объясняется тем, что здесь язык представлен в его современном состоянии. В прессе активно используется новая лексика и новые образные средства выражения.

Предлоги *pro* и *je* употребляются при указании на ряд однородных предметов, лиц, отрезков времени, с которыми связано одно и то же действие:

die Abstimmungsberechtigten haben je eine Stimme (избиратели имеют по одному голосу); pro Person gab es ein Bier, а также при указании на цену, стоимость, по которой приобретается или продаётся что-либо: *der Eisenbahnfahrpreis zweiter Klasse beträgt achtzehn Cent je (angefangenen) Kilometer*.

Оба предлога выражают отношение приведения (то есть преобразования одной системы или группы единиц в другую, ей эквивалентную, а также установления некоего соответствия этих систем) [2, с. 152]. Характер данного отношения обуславливает использование предлогов *pro* и *je* в публицистике, где те или иные положения часто подкрепляются количественными характеристиками, а также в научно-технических и научных текстах. Как показывают словарные эквиваленты для структур с вышеназванными предлогами, вне упомянутых стилей речи, то есть там, где не требуется особая точность характеристик, отношение приведения редко вычленяется как особый вид и как бы поглощается общим понятием перспективы, целенаправленности, то есть тем отношением, которое передается предлогом *für*. Таким образом, предлоги *pro* и *je* оказываются стилистически маркированным вариантом предлога *für*. Тот факт, что в целом малоупотребительные предлоги достаточно часто встречаются в перечисленных функциональных стилях, объясняется тем, что выражаемые ими отношения объектов специфичны для одной области отражения действительности и неспецифичны для другой.

Этимологический словарь указывает, что наречие *je* (словарь приводит только происхождение наречия, о предлоге в словарной статье не упоминается) восходит к древневерхнемецкому *io*, *eo* «всегда», средневерхнемецкому *ie* и переводится «по мере как», перед числительными (*je drei*) «каждый раз». Этимологически заложенное значение постоянства в данном предлоге сохранилось и в современном языке [12].

Для предлога *pro* словарь указывает, что в деловом общении он стоит перед существительными, обозначающими меры веса, длины, указание времени (с XIV века), и часто используется в сочетаниях типа *pro Kopf, Jahr, Person*.

Авторы девятого тома из серии «Der Duden in 12 Bänden», посвященного трудностям современного немецкого языка, а также другие нормативные грамматики немецкого языка указывают, что предлоги *je*, *pro* управляют винительным и реже дательным падежом [5, с. 815; 10, с. 408; 9, с. 696; 8, с. 654]: *je ausgeliefertem Stück, pro laufenden Meter, pro Kranken oder Krankem*

В этих сочетаниях определить падеж, которым управляет предлог, несложно, так как существительные мужского и среднего рода в единственном числе распространены прилагательным. Именно прилагательное указывает однозначно на падеж-

ную форму. Несколько иначе складывается ситуация с существительными женского и среднего рода в именительном и винительном падежах: *pro auftretendes Proton (FAZ), je beförderte Person (FAZ)*. Форма существительного и окончания прилагательного позволяют допускать, что предлоги управляют как винительным, так и именительным падежом. Не определяется вид подчинительной связи также в словосочетаниях с существительными женского рода: *pro verkaufter CD (Spiegel)*. В этом случае можно сказать, что предлог управляет как генитивом, так и дативом. Возникают определенные сложности и в предложных сочетаниях с субстантивированными существительными. Так, если в сочетании *je Beschäftigtem* однозначно устанавливается падежная форма датива, то в случае с сочетанием *pro Beschäftigten (Manager Magazin)* можно говорить о генитиве и аккузативе. Амбивалентна падежная форма в сочетаниях с существительными во множественном числе, которые не распространены прилагательными. В этих сочетаниях однозначно констатировать можно только дательный падеж, так как существительное получает окончание *-n*: *pro 100 Kilometern (Spiegel)*. При отсутствии окончания для этих предлогов можно констатировать номинатив, аккузатив и генитив: *je 1000 Telefonate (FAZ)*. В случае распространения существительных множественного числа предложное управление также остается амбивалентным, только выбор происходит между номинативом и аккузативом: *pro 100000 männliche Einwohner (FAZ)*. В случае с нераспространенными существительными единственного числа женского рода, среднего рода и мужского рода сильного типа склонения определить падеж не представляется возможным. В случае с существительными слабого типа склонения распознается исключительно номинатив *je Neukunde, pro Mensch*, так как в остальных падежах окончания у этих существительных совпадают. Примечательно, что существительные слабого типа склонения в нашем материале во всех случаях не получают флексии с рассматриваемыми предлогами.

Авторы грамматики из серии «Дуден» указывают, что предлог *je* может выступать в том же значении в роли наречия, и тогда этот предлог сочетается с именительным падежом [8, с. 469]: *je erwachsener Teilnehmer, je beschäftigter Arbeiter*.

Проведённое нами исследование показало, что на выбор падежа оказывает влияние наличие/отсутствие артикля или сопроводительного слова перед управляемым существительным, препозиция/постпозиция предлога, тип склонения сочетающегося с предлогом существительного.

Примеры употребления в публицистических текстах предлога *pro* с существительными, распространёнными прилагательными или причастиями, продемонстрировали следующие возможности грамматического оформления:

1) существительное мужского рода единственного числа стоит в четырех примерах в винительном падеже, что сигнализируется формой прилагательного или причастия: *pro gefahrenen Wagen (DAZ)*, *pro getroffenen Menschen (DAZ)*, *pro getragenen Müllmann (Stern)*;

2) существительные мужского (девять примеров), среднего рода (один пример) единственного числа стоят в дательном падеже, на что указывают окончания прилагательного или причастия: *pro interessantem Artikel (Focus)*, *pro lesendem Schüler (DAZ)*, *pro geborenem Kind*, *pro rauchendem Mitarbeiter (Süddeutsche Zeitung)*, *pro heimlichem Fahrgast (Spiegel)*, *pro zusätzlichem Arbeitsplatz (FAZ)*, *pro nautischem Räderwald (Spiegel)*, *pro angeschlossenen Haushalt (FAZ)*, *pro gefahrenem Autobahnkilometer (Tageszeitung)*, *pro gestrichenem Punkt (Stern)*;

3) есть также сочетания, допускающие двойное толкование падежной формы:

а) окончания прилагательного или причастия перед существительными женского рода могут указывать как на дательный, так и на родительный падеж: *pro neuer Stadt (DAZ)*, *pro angekommener Person (TAZ)*, *pro verkaufter Disc (Spiegel)*, *pro verkaufter Verpackung (Tageszeitung)*;

б) окончания прилагательного или причастия перед существительными женского и среднего рода единственного числа могут указывать как на именительный, так и на винительный падеж: *pro auftretendes Proton (FAZ)*, *pro halbe Stunde (Spiegel)*;

Субстантивированные существительные мужского рода получили окончание *-n*, которое указывает как на accusativ, так и на genitiv: *pro Erwachsenen (FAZ)*, *pro Beschäftigten (Manager Magazin)*.

В сочетаниях существительных сильного типа склонения и женского типа склонения с предлогом *pro* не представляется возможным определить падеж, в котором стоит существительное *pro Person*. В сочетаниях существительных слабого типа склонения с предлогом *pro* в подавляющем большинстве случаев существительное стоит в именительном падеже: *pro Kunde*. В сочетаниях существительных во множественном числе, которые не распространены определением, однозначно устанавливается только дательный падеж. Примеров с дательным падежом в нашем материале не обнаружено. Среди сочетаний предлога *pro* с существительными во множественном числе, распространенных определением, обнаружены сочетания, которые можно причислить как к именительному, так и винительному падежу: *pro 100000 männliche Einwohner*.

В языке прессы активно используется предлог *je*, член группы предлогов, участвующих в моделировании дистрибутивных отношений в речи. И без статистических подсчетов очевидна незначительная частотность предлога *je* за пределами публицистического функционального стиля.

Как и для предлога *pro*, авторы нормативных грамматик рекомендуют выбирать accusativ или (реже) dativ. Представляется, что приведённые примеры достаточно наглядно иллюстрируют тот факт, что предлог *je* способен соединяться более чем с одной падежной формой. Так, наличие препозитивного определения перед существительным выявляет следующие возможности его грамматического оформления:

1) существительное мужского рода единственного числа стоит в винительном падеже, что сигнализируется формой прилагательного или причастия *je gekauften Ring (DAZ)*, *je abgeschlossenen Vertrag*, *je gelaufenen Kilometer (FAZ)*;

2) существительные мужского, среднего рода единственного числа стоят в дательном падеже, на что указывают окончания прилагательного или причастия: *je gekommenem Gast (Focus)*, *je schlafendem Kind (TAZ)*, *je ausgefallenem Arbeitstag (FAZ)*, *je ausgeliefertem Stück (FAZ)*, *je heruntergeladenem Klingelton (FAZ)*, *je verkauftem Sitzplatzkilometer (FAZ)*;

3) есть также сочетания, допускающие двойное толкование падежной формы:

а) окончания прилагательного или причастия перед существительными женского рода могут указывать как на дательный, так и на родительный падеж: *je finanzierten Gesellschaft (Focus)*, *je erwähnten Summe (DAZ)*, *je eingespeister Kilowattstunde (FAZ)*, *je verwässerter Aktie (FAZ)*;

б) окончания прилагательного или причастия перед существительными женского и среднего рода единственного числа могут указывать как на именительный, так и на винительный падеж: *je beförderte Person (FAZ)*;

в) окончания существительного слабого типа склонения и определительного прилагательного указывают на genitiv или accusativ: *je potentiellen Kunden (FAZ)*.

Примеры употребления в прессе предлога *je* с субстантивированными существительными выявили следующие возможности грамматического оформления:

1) окончание *-n* субстантивированных существительных мужского рода указывает как на accusativ, так и на genitiv: *je Abgeordneten (FAZ)*;

2) окончание *-m* субстантивированных существительных мужского рода указывает на dativ: *je Beschäftigtem (Stern)*.

В сочетаниях существительных сильного типа склонения и женского типа склонения с предлогом *je* не представляется возможным определить падеж, в котором стоит существительное: *je Stunde*. В сочетаниях существительных слабого типа склонения с предлогом *je* в подавляющем большинстве случаев существительное стоит в именительном падеже: *je Kandidat*. В сочетаниях с существительными во множественном числе, которые не распро-

странены определением, однозначно устанавливается только дательный падеж. Однако примеров данного типа в нашем материале не обнаружено. В сочетаниях предлога *je* с существительными во множественном числе, распространенных определением, обнаружены сочетания, которые можно причислить как к именительному, так и винительному падежу: *je 120 übertragene Zeichen*.

Из приведённых примеров следует важное наблюдение, что для рассматриваемых предлогов характерно интенсивное варьирование падежных форм.

Опрос носителей языка также отражает вариативность в выборе падежа для анализируемых предлогов. В своей работе Эльке Хентчел представила результаты эксперимента, в ходе которого она предложила заполнить пропущенные окончания существительных и прилагательных в предложных сочетаниях, которые входили в состав следующих предложений, ср.:

1) *Pro abgeschossen_Hase_ wurde eine Prämie ausgezahlt;*

2) *Der Versicherungsvertreter erhält je abgeschlossen_Vertrag_ einen Bonus;*

3) *Pro beschäftigt_Arbeiter_ werden folgende Versicherungssummen abgeführt;*

4) *Im Jahr verfüttert der Zoo ... kg Fleisch pro Löwe_;*

5) *Die benötigte Futtermenge beträgt pro Hase_ im Monat.*

В результате эксперимента обнаружились следующие возможности грамматического оформления существительных сильного и слабого склонения в единственном числе [11, с. 290]:

1) *pro Löweø* – 84,1 %, *pro Löwen* – 16 %;

2) *pro Haseø* – 77,6 %, *pro Hasen* – 22,4 %;

2) *pro abgeschossener Haseø* – 5,1 %, *pro abgeschossenem Hasen* – 39,1 %, *pro abgeschossenen Hasen* – 55,8 %;

3) *je abgeschossener Vertrag* – 0,6 %, *je abgeschlossenen Vertrages* – 1,2 %, *je abgeschlossenem Vertrag* – 34,0 %, *je abgeschlossenen Vertrag* – 64,1 %;

4) *pro beschäftigter Arbeiter* – 7,7 %, *pro beschäftigtem Arbeiter* – 41,7 %, *pro beschäftigten Arbeiter* – 50 %, *pro beschäftigte Arbeiter* – 0,6 %.

Опрос информантов показал, что носители языка преимущественно выбирали аккузатив как для предлога *je* (64 %), так и для предлога *pro* (50 %). В тоже время достаточно высока доля сочетаний с дативом. Для предлога *je* доля сочетаний с дательным падежом составила 34 %, а для предлога *pro* примерно 40 %. Не исключается и номинатив, на что указывали нормативные грамматики: *pro beschäftigter Arbeiter*; *pro abgeschossener Haseø*. В данных примерах номинатив устанавливается однозначно, на что указывает окончание прилагательного. Во втором примере на номинатив

указывает не только окончание прилагательного, но и отсутствие окончания у существительного слабого типа склонения. Не исключают носители языка и генитивное управление для предлога *je je abgeschlossenen Vertrages*. Что касается сочетания *pro beschäftigte Arbeiter*, то в данном случае носители языка, вероятно, решили, что существительное стоит во множественном числе, так как отсутствие окончания во множественном числе позволяет причислить существительное к существительным множественного числа. Обращает на себя внимание тот факт, что существительные слабого типа склонения не имеют в большинстве случаев окончаний с рассматриваемыми предлогами, если существительное не распространено прилагательным *pro Haseø*. Иначе выглядит ситуация с существительными с определением. В данных сочетаниях существительные в подавляющем большинстве случаев получают окончания *pro abgeschossenen Hasen*.

В современной устной речи, в публицистике отмечается общая тенденция к обогащению вариативности подчинительных связей [3; 4, с. 239]. Нормативная оценка вариативных явлений, рекомендации относительно их употребления, распределения на временной оси тесно переплетаются с проблемой прогнозирования. У некоторых предлогов современного немецкого языка произошло изменение в управлении, причем речь идет о замене генитива дательным падежом: *wegen, trotz, zufolge*. Идет ли речь об аналогичных колебаниях у обсуждаемых предлогов, остаётся неясно. Для предлогов *pro* и *je* нормативные грамматики изначально рекомендовали только аккузатив по аналогии с синонимичным им предлогом *für*. При этом у существительных слабого типа склонения рекомендовано в качестве правильного варианта использовать окончание *-n*: *pro Kollegen, pro Doktoranden*, а не *pro Kollege, pro Doktorand*. В любом случае необходимо упоминать в нормативных грамматиках о возможности управления дательным падежом, а в случае с сочетаниями типа *pro Kunde, pro Patient* указывать на то, что наиболее частотным вариантом является вариант без окончания *-n*.

Библиографический список

1. Плузган В.А., Рахилина Е.В. Полисемия служебных слов: предлоги ЧЕРЕЗ и СКВОЗЬ // Русистика сегодня. – 1996. – № 3. – С. 1–17.
2. Рейман Е.А. Функционально-стилистическое варьирование у английских предлогов // Вариативность в германских языках (функциональные аспекты). – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 152.
3. Чеботарева Г.Н. Колебания в функционировании предлогов в современном немецком языке: семантика и структура: автореф. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2005.

4. Шубина Э.Л. Стилистическое и синтаксическое варьирование у немецких предлогов // Вестник МГИМО ун-та. – 2014. – № 3. – С. 240.
5. Brockhaus: Wahrig: Deutsches Wörterbuch: in 6 bd. / hrsg. von G. Wahrig. – Stuttgart: Deutsche Verlags – Anstalt; Wiesbaden: Brockhaus, 1980–1983. – Bd. 1–5.
6. Di Meola C. Norm und Variation in der Grammatik am Beispiel der Präpositionen im Deutschen / E. Neuland (hg.): Variation im heutigen Deutsch. Perspektiven für den Sprachunterricht. – Frankfurt: Soziolinguistische Beiträge, 2006. – S. 419–430.
7. Di Meola C. Die Rektion der Lehnpräpositionen im Deutschen // Vivere l'interculturalità – gelebte Interkulturalität. Studi in onore di Hans Drumbl / A. Hornung, C. Robustelli (hg.). – Tübingen, 2008. – S. 25–45.
8. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. – 953 S. – (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)
9. Engel U. Deutsche Grammatik. – Heidelberg, 1988.
10. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. – Lpz.: Bibliogr. Inst., 1980. – 629 S.
11. Hentschel E. Schwankender Kasusgebrauch im Deutschen a, je, per, pro// Sprechen und Hören. Tübingen. – 1989. – S. 289–298.
12. Pfeifer W. (Bearb.): Etymologisches Wörterbuch des Deutschen: Erarbeitet unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. – München: dtv, 2003. – 1665 S.
13. Die Welt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.welt.de>.
14. Spiegel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.spiegel.de.
15. Stern [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.stern.de.
16. Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sueddeutsche.de.
17. Tageszeitung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.taz.de.
18. Die Zeit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.zeit.de.

Попутникова Людмила Андреевна

кандидат исторических наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
popytnikova@rambler.ru

Журавлева Наталья Николаевна

кандидат педагогических наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
n.juravleva@mail.ru

МУЛЬТИЭТНОЛЕКТЫ КАК ОБЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Статья посвящена такому феномену, как возникновение единого языка в мультикультурном пространстве европейских городов, что стало общей особенностью в историческом развитии германских языков.

На современном этапе своего развития германские языки претерпевают множество изменений, связанных со смешением культур и трансформацией норм коренного языка. Не существует и единого взгляда на исследуемую проблему: среди лингвистов ведутся многочисленные споры об отрицательном влиянии на языковую систему или ее обогащении и развитии. Тем не менее в отношении германских языков приходится констатировать факт создания новых мультиэтнолектов, требующих более детального рассмотрения.

В статье анализируется формирование новых вариантов языка, обусловленное политической и экономической ситуацией в ряде европейских стран. Раскрывается понятие мультиэтнолекта, рассматриваются причины и этапы его формирования. Выявляются схожие языковые особенности, типичные для мультиэтнолектов в германских языках, а также специфика их функционирования на примере трансформаций шведского, голландского, английского и немецкого языков.

Ключевые слова: мультиэтнолекты, германские языки, иммиграционные потоки, этнические группы, молодежный язык, варианты языка.

Со второй половины XX века в Европу, Скандинавию и Великобританию активизировались иммиграционные потоки из развивающихся стран. Тесное соседство представителей разных культур отразилось на структуре языка.

Особый интерес для исследований вариаций языка представляют собой городские популяции с их особой динамикой, социальным, этническим и языковым разнообразием. В молодежной среде европейских городов под влиянием миграционных процессов и многоязычия стали появляться новые варианты языка, обладающие особым инновационным потенциалом. В Германии таким языком стал Kiezdeutsch, в Нидерландах – straattaal, в Дании – københavnsk multietnolekt, в Швеции – rinkebysvenska, в Великобритании – Multicultural London English, в Норвегии – byvankerslang, или kebabnorsk.

Между этими молодежными сленгами общим является то, что они сформировались в процессе тесного контакта разных языков и культур в городских районах с большой долей мигрантов. Но в отличие от этнолектов применение данных сленгов не ограничивается молодежью определенного происхождения. Напротив, этот язык используется как средство общения между представителями разных этнических групп. Таким образом, речь идет о формировании мультиэтнолектов в германских языках. Мультиэтнолекты используются представителями разных национальностей, но они напрямую не указывают на происхождение говорящего, так как однозначно не отражают специфику родного языка речевого партнера.

Такой феномен, как использование единого языка в мультикультурном пространстве, стал привлекать внимание лингвистов начиная с 60-х годов XX века, а к 2000-м годам стал предметом многочисленных исследований европейских ученых.

Так, в Скандинавских странах разработкой этих вопросов ученые занимаются уже более 40 лет. Стоит отметить работы Б. Эмануэллсона, У.-Б. Котси-наса и Н.Е. Ханзегарда, К. Строунда, посвященные изучению особенностей молодежного сленга, возникшего в крупных городах Швеции. Изучением языковых особенностей и общественного восприятия молодежного языка в мультиэтнических микрорайонах городов в Швеции занимались также К. Фраурунд и Э. Бийвоет.

Благоприятная социально-экономическая политика стран скандинавского полуострова сделала их привлекательными для мигрантов, наибольшей толерантностью к которым отличается Швеция. Еще в середине XX века шведское правительство изменило миграционную политику и взяло курс на лояльное отношение к иностранным мигрантам, которым были созданы условия для интеграции в шведское общество на равных условиях. Массовые переселения в 60-х годах XX и в начале XXI века привели к тому, что культурное и языковое разнообразие стали неотъемлемой частью жизни.

В настоящее время доля мигрантов составляет около 20 % от всех жителей страны. Группы переселенцев концентрировались в основном в больших городах, таких как Стокгольм, Гётеборг и Мальмё. При такой большой концентрации иностранцев состоялся и языковой контакт представителей разных культур, и взаимодействие с многочис-

ленными языками. Все это привело к формированию «уличного языка», который сначала назывался *halvspråkighet*, а потом был переименован в *rinkebysvenska*. Данный термин используется для обозначения варианта шведского языка, сформировавшегося в пригороде Стокгольма Ринкенби, где в 2011 году, согласно статистическим данным, насчитывалась самая большая доля мигрантов среди местного населения – 80 % [9]. Б. Эмануэллсон отмечает, что данный вариант шведского языка распространен в среде молодежи с миграционным фоном и отличается от литературного шведского языка произношением, словарным составом, морфологией и порядком слов: произношение характеризуется как очень резкое, грубое; лексические единицы заимствованы из других языков (турецкого, арабского и сербского); наблюдается редукция в морфологии и синтаксисе [3, с. 24].

Вместе с улучшением социально-экономической и политической ситуации увеличился приток мигрантов и в другие страны Евросоюза. Изучением молодежного языка «*straattaal*» («уличный язык»), возникшего в мультиэтнических кварталах, начали заниматься в Нидерландах в конце 90-х годов XX века. Впервые термин «*straattaal*» был употреблен Рене Аппель в 1999 году для обозначения молодежного сленга в Амстердаме. *Straattaal* представляет собой смешение нескольких языков, на которых общаются мультиэтнические группы. Основой для молодежного языка стал официальный нидерландский (голландский) язык, который дополнили слова из арабского, турецкого и английского языков, а также сранан-тонго, языка суринамских креолов [10, с. 123–144]. Кроме ученых на новый вариант языка обратили внимание и СМИ, при этом реакция общественности была очень негативной: иммигрантов критиковали за недостаточное владение нидерландским языком, обвиняли в опошлении литературного языка и его «инфантилизации». Но благодаря многочисленным исследованиям Рене Аппель удалось изменить представление о новом молодежном сленге. Ученый доказал, что употребление *straattaal* не связано с недостаточным знанием нидерландского языка: во-первых, этот молодежный сленг использовала и местная нидерландская молодежь, а во-вторых, на нем говорили те мигранты, которые достаточно хорошо владели нидерландским языком, обладая при этом лишь начальными знаниями и навыками общения на родном языке [1, с. 39–56].

Multicultural English также возник под влиянием мультиэтнической среды в таких крупнейших городах Великобритании, как Лондон и Бирмингем, ставших наиболее популярными для притока трудовых мигрантов. Ученые во главе с Б. Рэмптоном из Королевского Колледжа в Лондоне, используя социолингвистический и этнографический методы, изучали выбор языковых средств

в молодежном сленге в зависимости от социального контекста. А. П. Керсвилл и Д. Чешир изучали *Multicultural London English* с точки зрения фонетических и грамматических изменений языка. А. Хан составил социолингвистическое описание современного молодежного языка в Бирмингеме, которое отображало тип и распространение лингвистических изменений в городе. Кроме того, социальное и этническое разнообразие населения Бирмингема, по мнению ученого, является идеальной средой для изучения влияния социальных сетей на изменения структуры языка [6]. Социальные группы и дружеские контакты были отмечены Р. Хьюитом в качестве важного механизма лингвистических трансформаций не только внутри отдельных этнических групп, но и более широкой общественности [4].

В Германии, где пятая часть населения имеет иммигрантское происхождение, научные исследования молодежного сленга в мультиэтнических городских кварталах начались в 2000-х годах. Разработкой данных вопросов занимались Я. Андросупулос, П. Ауер, Х. Визе, Е. Виттемберг, И. Дирим, М. Кляйн, К. Пауль. Ученые пытались выяснить, с чем связано употребление новой формы языка, как оно было связано с социальной идентификацией и принадлежностью к группам, как распространяется в СМИ и поп-культуре, рассмотрена трансформация этнолекта в мультиэтнолект.

На примере немецкого языка можно выделить схожие этапы развития мультиэтнолектов в германских языках: 1) возникновение первичного этнолекта; 2) формирование вторичного этнолекта на основе первичного; 3) трансформация вторичного этнолекта в мультиэтнолект.

В Германии первичный этнолект возник в гетто больших городов, то есть в городских кварталах с большой долей мигрантов, например в Берлине-Нойкельне, Кёльн-Кальке или Кройцберге. На нем общалась молодежь турецкого, итальянского и испанского происхождения, родившаяся в Германии, а также выходцы из Балканских стран [5, с. 2]. Вторичный, или трансформированный, этнолект, возникший на основе первичного, используется исключительно работниками СМИ в газетных статьях, кинофильмах, комиксах и различных шоу, для того чтобы лучше передать особенности, манеру общения людей с иммигрантским происхождением. Последним этапом трансформации этнолекта стало его распространение в среде немецкой молодежи, которая, используя в общении вторичный этнолект, модифицировала его [2, с. 255–264]. Результатом трансформации этнолекта на данном этапе стало формирование новой формы разговорного немецкого языка *Kiezdeutsch*, используемой в основном молодежью в больших городах. Содержание элементов родного языка трудовых мигрантов турецкого и арабского происхождения выделяет данный сленг

среди других молодежных языков [11]. Но в отличие от других этнолектов, таких как *Turkendeutsch*, *Turkenslang*, *Kanak (sprak)*, *Türkenpidgin*, используемых молодежью турецкого происхождения, *Kiezdeutsch* вышел за рамки этнических групп и распространился в среде немецкой молодежи.

Мультиэтнолекты обладают своей грамматикой, самостоятельным языковым строем, сформировавшимся не из-за произвольных языковых ошибок, а наоборот, он имеет системные характеристики.

Кроме того, возникшие в мультиэтнической среде новые языковые модели в разных германских языках обладают схожими чертами. Это проявляется, например, в измененном порядке слов. Так, в стандартном литературном немецком, датском и шведском языках спрягаемая часть сказуемого имеет фиксированное положение в предложении, а именно: сказуемое занимает второе место, а подлежащее стоит или на первом месте (прямой порядок слов), или сразу после сказуемого (обратный порядок слов). Отклонение от литературной нормы в мультиэтнолектах *Kiezdeutsch*, *rinkebysvenska* и *københavnsk multietnolekt* проявляется в том, что подлежащее стоит перед сказуемым, даже если первое место в предложении уже занято другим членом предложения, чаще всего обстоятельством времени или образа действия (таблица 1).

В отличие от литературного языка мультиэтнолект имеет свои фонетические и просодические особенности, сложившиеся под влиянием родного языка мигрантов. Так, например, влияние арабского, турецкого и сербского языков на *rinkebysvenska* проявилось в более резком и грубом произношении по сравнению с литературным шведским языком. Для *Kiezdeutsch* характерны такие фонетико-фонологические изменения, как замена (i)ch-звука на sch: *isch* вместо *ich*, *riſchtig* вместо *richtig* [7, с. 15]. Мультиэтнолекты выделяются и более экспрессивной интонацией. Так, например, молодые люди, разговаривающие на *straattaal*, начинают высказывание с возгласов «Ah...» или «Tezz», тон в которых поднимается на октаву выше по сравнению с нидерландским языком, например: *Ah, wij doen hier niks. Tezz, wat is dat, ik vind echt niet leuk ofzo* [12].

Мультиэтнолект представляет собой живой и изменяющийся язык, в который регулярно добавляются новые слова и выражения. Большая часть лексики во всех европейских мультиэтнолектах касается таких тем, как «деньги и власть», «отношения между девушками и молодыми людьми», «секс», «социальные контакты». Например, в *rinkebysvenska* наиболее употребимыми словами, заимствованными из турецкого, арабского, сербского, курдского и других языков, стали «guss» («девушка»), «aina» («полиция»), «keff» («плохо»), «fett» («хорошо»), «jalla» («торопиться»), «chilla» («расслабляться, успокаиваться»), «shuno» («парень»), «Ey len» («Эй, ты») [8]. Исследователи отмечают влияние *rinkebysvenska* на современный шведский язык. [9]. Так, некоторые слова мультиэтнического молодежного сленга были официально признаны Шведской академией и включены в список слов повседневного общения, например, такие как «guss» или «keff».

Для другого мультиэтнолекта – *straattaal* – характерно большое количество ругательств и проклятий. Часть слов молодежного сленга заимствованы из других иностранных языков, например *doekoe* (из сранан-тонго – «деньги»), *chill* (из американского сленга – «расслабляться»), а другая часть – из нидерландского языка, но слова используются в другом значении. Так, например, если слово «*viëndje*» в нидерландском языке обозначает «друг», то в *straattaal* оно используется в противоположном значении, как ругательство [13].

Общей особенностью мультиэтнолектов можно назвать их стремление к упрощению языка, наблюдается редукция в морфологии и синтаксисе. Так, в *Kiezdeutsch* артикли и предлоги зачастую опускаются, упрощается склонение существительных и прилагательных, при спряжении глаголов редуцируются окончания, так как они не влияют на понимание предложения, например: «*Ich geh kino*» (*Kiezdeutsch*) вместо «*Ich gehe ins Kino*» (литературный немецкий язык); «*von meinem Gegner*» вместо «*von meinem Gegner*».

Но при этом в молодежном сленге *Kiezdeutsch* речь идет не о простом языковом упрощении, а о продуктивном расширении литературного немецкого языка, так как мультиэтнолект использует

Таблица 1

Порядок слов в мультиэтнолектах

Мультиэтнолект	Порядок слов			
	обстоятельство времени или образа действия	подлежащее	спрягаемая часть сказуемого	остальные члены предложения
Kiezdeutsch	Gestern	ich	war	krank.
	Normalerweise	man	geht	zum Jugendclub.
Rinkeby Svenska	Igår	jag	sjuk.	
Københavnsk multietnolekt	Normalt	man	går	på ungdomsskolen.

за основу грамматику и словарный состав немецкого языка, при этом модифицируя их в зависимости от языковой ситуации. В данном варианте языка появляются новые языковые формы, собственные конструкции, например: новые слова, устойчивые выражения и грамматические модели. Так, например, в конструкции «*Machst du rote Ampel*» [= Du gehst bei „rot“ über die Straße] мы наблюдаем не только отсутствие артикля перед существительным, но и семантическое ослабление глагола. Основное смысловое значение здесь падает на номинальную группу «*rote Ampel*», а не на глагол «*machen*», который здесь не используется в своем настоящем значении (сделать/изготовить светофор), а указывает на то, что кто-то переходит улицу на красный свет. В конструкциях «*Ich mach dich Messer*» [= Ich greife dich mit dem Messer an], «*Wir sind jetzt anderes Thema*» [= Wir behandeln jetzt ein anderes Thema] существительное или номинальная группа также вводят основное значение предложения, а глагол выполняет чисто грамматическую функцию, выстраивая предложение.

Подобные функциональные глагольные конструкции встречаются не только в Kiezdeutsch, но и в других мультиэтнOLEKТАХ. При этом они создаются спонтанно в зависимости от ситуации, поэтому без знания контекста трудно понять смысл всего выражения.

Кроме языковых особенностей мультиэтнOLEKТА, важно отметить и его функцию: участники коммуникации прибегают к мультиэтнOLEKТУ с целью социальной и культурной самоидентификации, чтобы подчеркнуть принадлежность к меньшинству или к одному кругу. Но при этом, попадая в другую среду, они легко переходят на государственный язык.

Таким образом, новый лингвистический феномен, привлекая внимание как научного сообщества, так широкой общественности в ряде европейских стран в последние десятилетия, является проявлением нового способа общения молодых людей и подростков для социальной и культурной самоидентификации в городских кварталах с многонациональной и многоязычной средой, которая поддерживает новые и разнообразные варианты государственного языка, богатство многоязычных компетенций.

Библиографический список

1. *Appel R.* Straattaal. De mengtaal van jongeren in Amsterdam. – Toegepaste Toegepaste Taalwetenschap in Artikelen, 1999.

2. *Auer P.* «Türkenslang»: Ein jugendsprachlicher Ethnolekt des Deutschen und seine Transformationen // *Spracherwerb und Lebensalter*. – Tübingen: Francke, 2003. – 256 s.

3. *Emanuelsson B.* Gatus – ett multietniskt ungdomsspråk. – Uppsala universitet: FUMS Rapport nr 214, 2005.

4. *Hewitt R.* White talk black talk: Inter-racial friendship and communication amongst adolescents. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

5. *Keim I., Androutsopoulos J.* Hey Lan, isch geb dir konkret Handy. Deutsch-türkische Mischsprache und Deutsch mit ausländischem Akzent: Wie Sprechweisen der Straße durch die Medien populär werden // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – 2000. – 21.26.01.

6. *Khan A.* A Sociolinguistic Study of Birmingham English: Language Variation and Change in a Multi-Ethnic British Community. Unpublished PhD thesis, Lancaster University, 2006.

7. Kiezdeutsch als Teil des Sprachrepertoires Jugendlicher in multiethnischen Wohngebieten. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dvjj.de/sites/default/files/medien/imce/documente/veranstaltungen/dvjj-veranstaltungen/Vortrag_Pohle%26Schumann_27.03.14.pdf (дата обращения: 11.12.2016).

8. *Kotsinas U.-B.* En bok om slang, typ. – Stockholm: Norstedts ordbok, 2003. – 310 s.

9. *Kowal I.* Die Sprachsituation in Schweden // *Linguistica Silesiana* 34, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ls.czasopisma.pan.pl/images/data/ls/No_34_2013/KOWAL%20Ling.%20Siles.%20vol%2034-2013-6.pdf (дата обращения: 20.12.2016).

10. *Kuiken F.* Multilingual Amsterdam // *Solidarity and Identity: Ethnic Amsterdam: Immigrants and Urban Change in the Twentieth Century* / L. Nell und J. Rath (Red.). – Amsterdam, 2009. – 132 s.

11. *Menz A.* Kiezdeutsch eine Varietät zwischen Jugendsprache, Ethnolekt und Imitation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.perspectivia.net/.../menz_kiezdeutsch/.../menz_kiezdeutsch.de (дата обращения: 16.11.2016).

12. *Nortier J.* Tezz, wat is dat? Ik vind echt niet leuk ofzo! Murks en straattaal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lt-tijdschriften.nl/ojs/index.php/lt/article/viewFile/611/602> (дата обращения: 07.02.2017).

13. Straßensprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://neon.niederlandistik.fu-berlin.de/de/nedling/langvar/straattaal> (дата обращения: 26.11.2016).

МЕДИАКОНЦЕПТ *NEW EUROPE* В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

*Статья посвящена исследованию медиаконцепта *New Europe* в электронных средствах массовой информации США и Великобритании. Раскрывается содержание понятия «медиаконцепт» в сравнении с понятием «концепт». Структура исследуемого медиаконцепта состоит из когнитивных слоёв, ранжированных в порядке убывания, что позволило описать его ядро и периферию. Проанализированы сходства и отличия данного медиаконцепта в медийном дискурсе США и Великобритании.*

*План исследования включал в себя три этапа: 1) теоретический (изучение понятия медиаконцепта и его отличий от концепта); 2) технологический (разработка методики описания исследуемого медиаконцепта по материалам выбранных периодических изданий (их электронных версий)); 3) практический (реконструкция медиаконцепта *New Europe* в СМИ США и Великобритании, сравнительный анализ результатов исследования).*

*В результате проведённого исследования автор приходит к следующим выводам. Медиаконцепт *New Europe* в медийном дискурсе США и Великобритании имеет ряд отличий. Данный концепт имеет более объёмную и сложную структуру в прессе США, чем в прессе Великобритании. Исследуемый медиаконцепт более детально актуализируется в американских СМИ, чем в британских, следовательно, он более коммуникативно релевантен, актуален для американского языкового сознания.*

Ключевые слова: медиаобраз, медиаконцепт, Новая Европа, когнитивные признаки, когнитивные слои, структура медиаконцепта, ядро, периферия.

В настоящее время чрезвычайно актуальным представляется исследование медиаобразов, которые определяются как «фрагменты реальности, описанные в текстах профессиональных журналистов» [1, с. 91] с целью целенаправленного воздействия на массовое сознание.

По мнению современных исследователей, с понятием «медиаобраз» коррелирует понятие «медиаконцепт» [5, с. 50], который трактуется как образ, распространяемый по каналам СМИ. При этом он содержит не только образную, но и рациональную составляющую [6, с. 2].

Целью данной статьи является исследование медиаконцепта *New Europe* в электронных СМИ США и Великобритании.

Актуальность исследования медиаконцепта *New Europe* в СМИ США и Великобритании объясняется той ролью, которую данные страны играют в современных международных отношениях, а также важностью изучения ментальных конструктов через языковые репрезентации.

Термин «*New Europe*» используется в массмедийном дискурсе с 2003 года. Энциклопедия Farlex определяет «*New Europe*» как термин, используемый политическими аналитиками в Соединенных Штатах для обозначения европейских пост-коммунистических стран. Под «новизной» этих стран понимается не продолжительность времени, на протяжении которого они были независимы, но тот факт, что они только недавно вновь обрели статус капиталистических государств с демократической формой правления [10].

Таким образом, под термином «Новая Европа» понимают страны Центральной и Восточной Европы, недавно получившие членство в европейских структурах: Чехия, Венгрия, Польша, Румыния,

Словакия, Словения, Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Кипр, Мальта, Хорватия.

Материалы и методы. В качестве практического материала исследования были использованы публикации крупнейших (многотиражных) газет и журналов США и Великобритании за 2003–2015 годы: «The New York Times», «Forbes», «Newsweek», «Time», «The Washington Times», «The Washington Post», «BusinessWeek», «The Wall Street Journal», «Los Angeles Times», «USA Today», «The Times», «The Telegraph», «The Guardian», «The Independent».

В ходе исследования были использованы следующие лингвистические методы: сплошная выборка языкового материала, сравнительный, контекстуальный анализ, а также математический метод – метод моделирования.

Результаты и их обсуждение. В процессе работы был составлен план исследования, который включал три этапа: 1) теоретический (изучение понятия медиаконцепта и его отличий от концепта); 2) технологический (разработка методики описания исследуемого медиаконцепта по материалам выбранных периодических изданий (их электронных версий)); 3) практический (реконструкция медиаконцепта *New Europe* в СМИ США и Великобритании, сравнительный анализ результатов исследования).

Остановимся подробнее на теоретическом этапе.

Медиаконцепт, наряду с термином «медиаобраз», – одно из центральных понятий медиалингвистики, которое было введено в терминологический аппарат современной лингвоконцептологии исследователем О.В. Орловой, которая понимает под медиаконцептом вербально-ментальный феномен особого рода, отличающийся медийной дискурсивно-стилистической природой, вошедший

в мирознание носителей языка с началом формирования информационного общества и ставший средством ментально-психологической и эмоциональной адаптации к новой реальности [7, с. 12].

Также медиаконцепт трактуется как идеальная (ментальная) сущность, единица картины мира, которая формируется в сознании человека с помощью СМИ [4, с. 11]; феномен особого рода, отличающийся медийной детерминированностью и аккумулирующий социально значимые смыслы, установки и ценности [4, с. 5].

Медиаконцепт – более узкое понятие, нежели концепт, так как является предметом целенаправленного создания смыслов и предполагает минимальную психическую активность личности читателя в его формировании. В отличие от концепта в структуру медиаконцепта не входят чувственный опыт и предметная деятельность, а также не в полной мере реализуются языковое общение и сознательное познание языковых единиц [4, с. 5]. Особенностью медиаконцептов является, во-первых, то, что они бытуют в медиатексте, в медиадискурсе, во-вторых, то, что они определяют и фокусируют актуальные социкультурные тенденции [2, с. 78].

Следующим этапом стала разработка методики описания исследуемого медиаконцепта.

Под методом исследования мы понимаем совокупность «определённых правил, приёмов, способов, норм познания и действия. Метод – это система предписаний, принципов, требований, которые должны ориентировать в решении конкретной задачи, достижении определённого результата» [3, с. 219].

Во-первых, был проведен анализ словосочетания *New Europe*, объективирующего данный медиаконцепт в исследуемом языковом материале. В этом случае был использован контекстуальный анализ, позволяющий выделить те признаки Новой Европы, которые в американских и британских средствах массовой информации рассматриваются

как существенные, важные, отличительные, как предмет осмысления и обсуждения. На данном этапе анализировалась семантика языковых средств, образующих контекстуальное окружение словосочетаний *Old Europe* и *New Europe*, с использованием словарей.

Следующим этапом явилась когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств, которая «представляет собой выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу» [8, с. 262]. Под *когнитивными признаками* понимаются отдельные признаки объекта, осознанные человеком и отображенные в структуре соответствующего концепта как отдельные элементы его содержания [8, с. 128].

Далее когнитивные признаки были сгруппированы в когнитивные слои медиаконцепта *New Europe*. Под *когнитивным слоем* мы понимаем «совокупность когнитивных признаков, отражающих дискретную единицу концепта определённого уровня абстракции, имеющую языковые способы объективации (слово, словесный ряд, фразеологические единицы, лингвистические средства текста)» [9, с. 49].

Затем проводилось описание ядра и периферии медиаконцептов на основе количественного анализа обращений к когнитивным слоям.

Практическая часть, в которой реконструируется медиаконцепт *New Europe*, является основной и самой объёмной частью исследования.

Изучение языкового материала позволило проанализировать содержательное наполнение рассматриваемого медиаконцепта. Выявленные когнитивные слои были ранжированы в порядке убывания, что позволило описать ядро и периферию медиаконцепта (таблицы 1, 2).

Сравнительный анализ результатов исследования медиаконцепта *New Europe* в американских и британских СМИ позволяет сделать вывод, что

Таблица 1

Структура медиаконцепта *New Europe*
(по материалам интернет-версий периодических изданий США)

Элементы полевой организации медиаконцепта	Наименование когнитивного слоя	Процентное соотношение выявленных контекстов
Ядро	Отношения Новой Европы и США	27 %
	Отношения между Новой и Старой Европой	16 %
Ближняя периферия	Экономическое развитие	11 %
	Идеология	9 %
	Физические качества	8 %
	Волевые качества	7 %
Дальняя периферия	Приток мигрантов	5 %
	Моральные качества	5 %
	Эмоциональные качества	4 %
	Территориальное расширение	4 %
	Инвестиции и кредитование	4 %

Структура медиаконцепта *New Europe*
(по материалам интернет-версий периодических изданий Великобритании)

Элементы полевой организации медиаконцепта	Наименование когнитивного слоя	Процентное соотношение выявленных контекстов
Ядро	Отношения Новой Европы и США	38 %
	Отношения между Новой и Старой Европой	28 %
Ближняя периферия	Отношения между Новой Европой и Великобританией	10 %
	Экономическое развитие	9 %
Дальняя периферия	Волевые качества	7,5 %
	Приток мигрантов	7,5 %

содержание исследуемого медиаконцепта в СМИ США более разнообразно (11 когнитивных слоёв по сравнению с 6 когнитивными слоями в британских СМИ). В то же время медиаконцепты имеют 5 сходных когнитивных слоёв: «отношения с США», «отношения со Старой Европой», «волевые качества», «экономическое развитие», «приток мигрантов».

Когнитивные слои, присутствующие только в американских СМИ: «идеология», «физические качества», «моральные качества», «эмоциональные качества». Когнитивный слой, выявленный только в британских СМИ, – «отношения между Новой Европой и Великобританией».

Сравнительный анализ представленных в таблицах 1–2 результатов исследования особенностей содержания медиаконцепта *New Europe* даёт основания говорить о различии его структуры в периодике США и Великобритании. Так, если ядро когнитивной единицы *New Europe* является идентичным (в периодике США и Великобритании его составляют когнитивные слои «отношения Новой Европы с США», «отношения между Новой и Старой Европой»), то в ближней периферии общим является только один когнитивный слой – «экономическое развитие», а когнитивные слои «отношения между Новой Европой и Великобританией», «идеология», «физические качества», «волевые качества», входящие в медиаконцепт *New Europe* в СМИ США, имеют дифференцирующие значение в исследуемых медиаконцептах.

Что касается дальней периферии, то здесь наблюдается один общий когнитивный слой – «приток мигрантов». Дальняя периферия концепта *New Europe* в американских СМИ превосходит по объёму аналогичную часть структуры данного концепта в британских СМИ более чем в два раза.

Таким образом, анализ результатов исследования позволяет сделать вывод, что структура медиаконцепта *New Europe* в американских СМИ более объёмна и вариативна по сравнению со структурой исследуемой когнитивной единицы в британских СМИ. Следовательно, номинативная плотность первого медиаконцепта, а значит, его коммуникативная значимость и актуальность, выше.

В качестве примера для описания содержательного наполнения когнитивных слоёв, и, следова-

тельно, самого медиаконцепта мы выбрали самый объёмный слой – «отношения Новой Европы и США». Данный когнитивный слой представлен публикациями, тематически связанными с различными аспектами отношений между странами Новой Европы и Соединёнными Штатами.

Американскими и британскими журналистами создается образ Новой Европы, для которого характерны следующие когнитивные признаки: «приверженность политике США», «противление политике США», «поддержка хороших отношений с США».

В таблице 3 представлены когнитивные признаки, составляющие данный когнитивный слой исследуемого медиаконцепта в СМИ США и Великобритании, а также примеры контекстов, на основании когнитивной интерпретации которых были сформулированы вышеуказанные признаки.

Как в периодических изданиях США, так и в периодических изданиях Великобритании выделяются признаки «приверженность Новой Европы политике США», «поддержка Новой Европы со стороны США». Что касается когнитивного признака «противление политике США», то он фиксируется только в медиаконцепте в СМИ США. Останемся на каждом из перечисленных признаков.

Когнитивный признак «приверженность политике США».

На страницах периодики США Новая Европа предстает в образе ласкового человека, горячего приверженца политики США, например: *that while “old Europe” – France and Germany – might oppose U.S. policy, “new Europe” embraces them* (NW. 2003. March 24). Метафорическое выражение *“new Europe” embraces them* имеет экспрессивное значение, усиливающее воздействие на чувственно-образную сферу восприятия массового сознания американцев, делая образ Новой Европы более выразительным.

Повествуя об отношениях Новой Европы и США, авторы сообщений характеризуют их как теплые, дружеские: *So far, the relations between “New Europe” and America have been cordial* (The WT. 2008. March 16). Реализуемое значение лексемы *cordial* («warmly and genially affable»; «warm and gracious; courteous») способствует уста-

Когнитивный слой «отношения Новой Европы и США»

СМИ США	СМИ Великобритании
<i>Приверженность политике США</i>	
<p>while “old Europe” – France and Germany – might oppose U.S. policy, “new Europe” embraces them (NW. 2003. March 24).</p> <p>So far, the relations between “New Europe” and America have been cordial (The WT. 2008. March 16).</p> <p>It was only a decade ago that Central Europe, in the American imagination, was Donald Rumsfeld’s “New Europe,” a collection of freedom-loving, heroic small nations – and America’s most loyal allies (The NYT. 2015. Apr. 27).</p>	<p>Together with the Poles, Czechs and Hungarians, all brimming with optimism, and can-do spirit, these nations form a “New Europe” of sorts, more or less coinciding with the core of pro-American states singled out for praise by Mr Rumsfeld, who dismissed France and Germany as the “Old Europe” (Telegraph. 2003. Jan. 31).</p> <p>Favourable views of the US tend only to be found in the “New Europe”, some parts of Africa and the Far East (Independent. 2007. June 29).</p> <p>New eastern Europe was not only prepared to spill the blood of its youth, but to look to Washington as its leader (Guardian. 2009. Oct. 27).</p>
<i>Поддержка Новой Европы со стороны США</i>	
<p>...the new Europe of Poland, Hungary, Bulgaria and Romania, which have a deep understanding of America’s role in winning their liberty (Time. 2003. Aug. 04).</p> <p>The former Soviet satellites... believed they could count on the United States to defend their interests against perennially predatory Russia (The WT. 2009. Aug. 28).</p>	<p>President Bush and the US Senate demonstrated Washington’s alliance with “new” Europe yesterday by welcoming seven Central and Eastern European nations into Nato (The Times. 2003. May 09)</p> <p>His extensive tour – to the French-German border for the 60th anniversary of Nato; to the Czech Republic – the “new Europe”, so beloved of George Bush (Independent. 2009. Apr. 01).</p>
<i>Противление политике США</i>	
<p>Some conservatives see this new Europe as focusing on building itself up as a counterweight to American interest (The NYT. 2005. Feb. 20).</p> <p>In any case, public support for America has been steadily slipping across the countries of what Donald Rumsfeld called “new Europe” (NW. 2009. Sep. 18).</p>	

новлению в сознании читателей представления о сердечном, дружественном отношении стран Новой Европы к США.

Образ Новой Европы – союзника США вербализируется при помощи лексемы *ally* («one that is associated with another as a helper»): *It was only a decade ago that Central Europe, in the American imagination, was Donald Rumsfeld’s “New Europe,” a collection of freedom-loving, heroic small nations – and America’s most loyal allies* (The NYT. 2015. Apr. 27). Уверенность в союзнике подчеркивается прилагательным *loyal*.

В британских СМИ в ряде публикаций для характеристики стран Новой Европы используется лексема *pro-American* (приставка *pro-* образует слова со значением «сторонник»), вербализирующая приверженность политических кругов Новой Европы курсу, проводимому Соединёнными Штатами: *Together with the Poles, Czechs and Hungarians, all brimming with optimism, and can-do spirit, these nations form a “New Europe” of sorts, more or less coinciding with the core of pro-American states* singled out for praise by Mr Rumsfeld, who dismissed France and Germany as the “Old Europe” (Telegraph. 2003. Jan. 31).

Правительства стран Новой Европы зарекомендовали себя как союзники США по многим политическим вопросам, что находит своё отражение

в британских СМИ. Авторы сообщений отмечают, что Соединённые Штаты получают одобрительную оценку только в *Новой Европе*, в некоторых государствах Африки и на Дальнем Востоке: **Favourable views of the US tend only to be found in the “New Europe”, some parts of Africa and the Far East** (Independent. 2007. June 29).

В британских СМИ формируется представление о Новой Европе как о личности, считающей Америку своим лидером: *New eastern Europe was not only prepared to spill the blood of its youth, but to look to Washington as its leader* (Guardian. 2009. Oct. 27).

Рассмотрим когнитивный признак «поддержка Новой Европы со стороны США».

Авторы публикаций в американских изданиях пишут о том, что страны Новой Европы осознают роль Америки в обретении ими свободы: *...the new Europe of Poland, Hungary, Bulgaria and Romania, which have a deep understanding of America’s role in winning their liberty* (Time. 2003. Aug. 04).

Они также полагают (согласно СМИ США), что могут рассчитывать на помощь Соединённых Штатов в защите их интересов: *The former Soviet satellites... believed they could count on the United States to defend their interests* against perennially predatory Russia (The WT. 2009. Aug. 28).

В британских СМИ также находит своё отражение тема поддержки стран Новой Европы со стороны США. Американские власти демонстрируют своё союзничество с Новой Европой: *President Bush and the US Senate demonstrated Washington's alliance with "new" Europe yesterday by welcoming seven Central and Eastern European nations into Nato* (The Times. 2003. May 09)

Создаётся образ Новой Европы, пользующейся любовью и уважением Америки. *His extensive tour – to the French-German border for the 60th anniversary of Nato; to the Czech Republic – the "new Europe", so beloved of George Bush* (Independent. 2009. Apr. 01). Усиление впечатления о данном образе происходит вследствие употребления прилагательного *beloved* («любимый») в сочетании с наречием *so* («чрезвычайно»).

Ещё один когнитивный признак – «противление политике США».

Признак «противление политике США» является только в медиаконцепте, бытующем в американском медиадискурсе. Данный признак актуализирует несогласие Новой Европы с политикой, проводимой Соединёнными Штатами. При помощи метафоры *counterweight* «противовес» авторы создают образ Новой Европы как создателя противовеса американским интересам: *Some conservatives see this new Europe as focusing on building itself up as a counterweight to American interest* (The NYT. 2005. Feb. 20).

Новая Европа предстает в американских СМИ в образе противника политики США: *In any case, public support for America has been steadily slipping across the countries of what Donald Rumsfeld called "new Europe"* (NW. 2009. Sep. 18).

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы. Медиаконцепт *New Europe* в медийном дискурсе США и Великобритании имеет ряд отличий. Данный концепт имеет более объёмную и сложную структуру в прессе США, чем в прессе Великобритании, что отражается в большем количестве когнитивных слов – 11 и 6 соответственно. Ядро медиаконцепта является идентичным. Все когнитивные слои, выявленные в медийном дискурсе Великобритании (за исключением когнитивного слоя «отношения между Новой Европой и Великобританией»), присутствуют в концепте в прессе США. В ходе сравнительного анализа были выявлены когнитивные слои, присутствующие только в американских СМИ: «идеология», «физические качества», «моральные качества», «эмоциональные качества». Таким образом, исследуемый медиаконцепт более

детально актуализируется в американских СМИ, чем в британских, следовательно, он более коммуникативно релевантен, актуален для американского языкового сознания.

Библиографический список

1. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2013. – № 11 (160). – С. 91–94 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2013_11/16.pdf (дата обращения: 19.03.2016).
2. Дуреко Е.Ю. Медиаконцепт «Екатеринбург – столица» и его варьирование в журналистском дискурсе // Известия Уральского Федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – Т. 101, № 2. – С. 77–83 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17953321> (дата обращения: 15.04.2016).
3. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
4. Лавитский А.А. Коммуникативное пространство региональных газет: жанры, важнейшие концепты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2015. – 25 с.
5. Малышева Е.Г. «Город мёртв»: Концентрация негативного в медиаобразе Омска // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 2. – С. 50–59 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/gorod-myortv-kontsentratsiya-negativnogo-v-mediaobraze-omska> (дата обращения: 12.05.2016).
6. Набиева Е.А. Медиаконцепты в журналистской картине мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novsu.ru/file/1146259> (дата обращения: 25.02.2016).
7. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2012. – 43 с.
8. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
9. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.
10. FDF – theFreeDictionary by Farlex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 14.04.2016).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.53

Веселов Игорь Геннадьевич

Правовое управление Аппарата Государственной Думы ФС РФ, г. Москва
veselov@duma.gov.ru

Комаров Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва
SVKomarov2008@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИИ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (Часть 2)*

В статье излагаются особенности правового мониторинга как одной из наиболее значимых юридических технологий в законотворческой деятельности, обосновывается задача институционализации правового мониторинга как юридической технологии по экспертному обеспечению законодательной деятельности Государственной Думы.

По мнению авторов, есть все основания рассматривать правовой мониторинг как форму парламентского контроля, имея в виду, что цели правового мониторинга соотносятся с целями данного контроля (изучение практики применения законодательства Российской Федерации, выработка рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства Российской Федерации и повышение эффективности его исполнения). Кроме того, отдельные элементы правового мониторинга уже предусмотрены Федеральным законом «О парламентском контроле».

Авторы предлагают идею периодической научной экспертизы законодательного акта в рамках осуществления его правового мониторинга, что позволило бы оценить положения закона с точки зрения их научной обоснованности, бытия закона в связи с развитием научного знания и выработкой новых доктринальных подходов к решению затрагиваемых проблем. Обязательность предоставления информации о реализации законодательных актов усилила бы контрольную функцию парламента Российской Федерации и, в конечном счете, способствовала бы преодолению негативной тенденции последних 15 лет, связанной с усилением полномочий и авторитета органов исполнительной власти в сравнении с законодательными (представительными) органами страны.

Ключевые слова: правовой мониторинг, Государственная Дума, правовые технологии, законодательство, экспертиза, парламентский контроль.

В современных условиях роль юридической науки в осуществлении всесторонней правовой оценки принятых Государственной Думой законодательных актов недостаточно учтена. Все согласны с тем положением, что целесообразно привлекать к осуществлению правовой экспертизы специалистов ведущих научных и образовательных организаций высшего образования в различной форме, включая работу различных научно-экспертных советов, созданных в Государственной Думе. Это позволяет дать комплексную правовую оценку законодательного акта, который, как правило, на стадии принятия законопроекта в третьем чтении не вызывает замечаний у Правового управления Аппарата Государственной Думы.

Экспертиза законодательного акта, проводимая в рамках осуществления его правового мониторинга, должна включать в себя также и экспертизу по существу, в том числе научную и отдельные специализированные виды экспертиз. В частности, необходимо чтобы осуществляемый Государственной Думой правовой мониторинг обеспечивал проведение антикоррупционной экспертизы законодательства. В настоящее время проведение такой

экспертизы предусмотрено в отношении нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и организаций, органов местного самоуправления, их должностных лиц [10], но не предусмотрено в отношении действующих федеральных конституционных и федеральных законов, что, наш взгляд, нельзя признать обоснованным. Целесообразно также и проведение в рамках правового мониторинга общественной экспертизы законодательных актов. Такая экспертиза позволяет не только выявить погрешности в содержании законодательного акта, но и оценить последствия его принятия, т.е. эффективность реализации. В соответствии с п. 3. ч. 9 ст. 22 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», итоговый документ (заключение), подготовленный по результатам общественной экспертизы, должен содержать общественную оценку социальных, экономических, правовых и иных последствий принятия акта, проекта акта, решения, проекта решения, документа или других материалов, в отношении которых проводилась общественная экспертиза.

* Часть 1 см.: Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – № 3. – С. 210–216.

Периодическая научная экспертиза законодательного акта в рамках осуществления его правового мониторинга позволила бы оценить положения закона с точки зрения их научной обоснованности, проще говоря, не устарел ли закон в связи с развитием научного знания и выработкой доктриной новых подходов к решению затрагиваемых проблем.

Для осуществления комплексной мониторинговой экспертизы законодательного акта в рамках осуществления его правового мониторинга Государственной Думой, необходима нормативная институционализация соответствующих организационно-правовых механизмов не только в рамках положений Регламента Государственной Думы, который является внутренним актом палаты и в этой связи не может устанавливать обязанности внешних по отношению к ней субъектов, но и в федеральном законодательстве. Заметим, что де-факто Регламент Государственной Думы такие обязанности все же устанавливает, так как определяет обязательные требования для внесения законопроектов в Государственную Думу, которые должны соблюдаться всеми субъектами права законодательной инициативы.

Соответствующими изменениями следовало бы затронуть Федеральный закон «О парламентском контроле», Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Представляется целесообразным также принятие специального федерального закона «О Федеральном Собрании Российской Федерации», проект которого уже вносился в Государственную Думу рядом ее депутатов, а также разрабатывался и опубликовался в инициативном порядке и федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», проект которого неоднократно подготавливался Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в инициативном порядке [7].

Составным элементом правового мониторинга является контроль [9, с. 78–84]. Следует отметить, что первый Регламент Государственной Думы, действовавший в период 1994–1998 гг., содержал принципиально важное положение о том, что комитеты Государственной Думы по вопросам, отнесенным к их ведению, осуществляют функции контроля за реализацией законодательства. Представляется, что аналогичная норма нуждается в закреплении и в действующей редакции указанного документа.

На наш взгляд, есть все основания рассматривать правовой мониторинг как форму парламентского контроля, имея в виду, что цели правового мониторинга соотносятся с целями данного контроля (изучение практики применения законодательства Российской Федерации, выработка реко-

мендаций, направленных на совершенствование законодательства Российской Федерации и повышение эффективности его исполнения), а кроме того, отдельные элементы правового мониторинга Федеральным законом «О парламентском контроле» уже предусмотрены. Так, в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О парламентском контроле», палатам Федерального Собрания Российской Федерации предоставлены полномочия по осуществлению контроля за обеспечением соблюдения Правительством Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти установленных сроков принятия нормативных правовых актов, разработка и принятие которых предусмотрены федеральными законами, а также за полнотой регулирования соответствующих правоотношений в целях выявления соответствующих пробелов.

В ряде субъектов Российской Федерации осуществление правового мониторинга законодательным (представительным) органом государственной власти обоснованно отнесено к способам осуществления им своей контрольной деятельности [8].

Представляется, что внесение необходимых изменений в Федеральный закон «О парламентском контроле» и Регламент Государственной Думы в целях отнесения правового мониторинга, осуществляемого Государственной Думой, к формам парламентского контроля и закрепление механизмов реализации этого контрольного полномочия, включая установление требования об обязательности предоставления при осуществлении Государственной Думой правового мониторинга информации о реализации законодательных актов, усилило бы контрольную функцию парламента Российской Федерации и, в конечном счете, способствовало бы преодолению негативной тенденции последних 15 лет, связанной с усилением полномочий и авторитета органов исполнительной власти в сравнении с законодательными (представительными) органами страны.

Анализ законодательства субъектов Российской Федерации, регламентирующего осуществление правового мониторинга законодательным (представительным) органом государственной власти, показывает, что выделяют текущий, оперативный, точечный и плановый мониторинг. Полагаем, что эти виды правового мониторинга должны использоваться и в деятельности Государственной Думы. Текущий правовой мониторинг предполагает его непрерывное осуществление в рамках повседневной деятельности Государственной Думы, ее комитетов и комиссий, структурных подразделений Аппарата в соответствии с их компетенцией. Оперативный правовой мониторинг целесообразно проводить в течение первого года действия принимаемых Государственной Думой федеральных конституционных и федеральных законов, в первую

очередь, социально-значимых законодательных актов. К таким законопроектам следует, на наш взгляд, относить все законопроекты, предусматривающие концептуальные изменения законодательного регулирования в сфере реализации прав и свобод граждан и конкретизирующих соответствующие положения Конституции РФ (например, вопросы пенсионного обеспечения, социальных выплат, осуществления образования, проведения митингов и шествий и т. д.).

Для закрепления нормативной обязанности об осуществлении такого вида правового мониторинга достаточно включать соответствующие предписания, в том числе показатели оценки объекта мониторинга, в постановление Государственной Думы о принятии соответствующего законопроекта в третьем чтении (т. е. в качестве федерального закона). Точечный характер правового мониторинга обуславливает его направленность на анализ норм и практики применения конкретного законодательного акта или его отдельных положений. Нормативное оформление этого вида правового мониторинга целесообразно осуществлять специальным постановлением Государственной Думы или распоряжением ее Председателя.

Осуществление Государственной Думой правового мониторинга на плановой основе предполагает утверждение постановлением Государственной Думы плана мониторинга принятых законодательных актов на определенный период (квартал, полугодие или год), который должен определять объекты правового мониторинга, показатели оценки их качества и эффективности реализации, исполнителей мониторинга, порядок и сроки подготовки аналитических материалов по результатам правового мониторинга.

Реализация Государственной Думой указанных видов правового мониторинга должна осуществляться на комплексной основе, что позволит преодолеть такие недостатки правового мониторинга, которые имеют место при организации его осуществления в ряде законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, как бессистемность и нерегулярность проведения, отсутствие системной и регулярной оценки действующего законодательства. Кроме того, это позволит соотносить осуществление Государственной Думой правового мониторинга с мероприятиями, предусмотренными планом мониторинга правоприменения в Российской Федерации на соответствующий год, утверждаемым Правительством Российской Федерации, а также создать условия для формирования планов законопроектной работы Государственной Думы на основе осуществления правового мониторинга действующего законодательства.

В настоящее время планирование Государственной Думой своей законодательной деятель-

ности носит краткосрочный характер, осуществляется по результатам внесения в Государственную Думу законопроектов и не взаимосвязано с реализацией функций парламентского контроля. Использование при осуществлении планирования законодательной деятельности Государственной Думы правового мониторинга позволит внедрить в процесс планирования элементы юридического прогнозирования (оценку последствий принятия законопроектов), которое обоснованно рассматривать как в качестве самостоятельной юридической технологии, направленной на научно-экспертное обеспечение законотворческого процесса, так и в качестве составного элемента правового мониторинга [1, с. 20].

Осуществляемый Государственной Думой правовой мониторинг помимо экспертизы законопроектов и законодательных актов может проводиться и в иных формах, которые присущи организации парламентской деятельности: работа с обращениями граждан и организаций, создание рабочих групп, рассмотрение вопросов на заседаниях комитетов Государственной Думы, организация деятельности различных научно-экспертных советов, созданных в Государственной Думе, направление депутатских и иных запросов, организация и проведение мероприятий по проблемам законотворческой деятельности (парламентские слушания, конференции, семинары, «круглые столы» и т. п.), «Правительственный час», осуществление научных исследований, социологических, экспертных и иных опросов, анализ и обобщение материалов, поступивших в ходе осуществления мониторинга, в том числе материалов судебной практики, анализ публикаций в СМИ и т. д.

Указанные формы работы характерны, прежде всего, для осуществления текущего правового мониторинга (осуществляемого в рамках повседневной деятельности органов Государственной Думы и структурных подразделений ее Аппарата), вместе с тем они могут использоваться и при осуществлении Государственной Думой иных видов правового мониторинга. В данном случае важно, чтобы полученная в результате осуществления указанных форм работы информация о качестве законодательства и эффективности его реализации обобщалась и анализировалась на основе определенных показателей с последующей подготовкой аналитических материалов по результатам мониторинга, включая предложения по совершенствованию действующего законодательного регулирования.

Проведение правового мониторинга предполагает обязательное наличие полной и достоверной информации о текущем состоянии российского законодательства вообще, статистических и иных данных – в частности. Советом Федерации достаточно давно предлагалось внедрить в практику законодательной работы «досье закона» –

электронной системы, обеспечивающей на основе проводимого правового мониторинга непрерывное информационное сопровождение закона от зарождения идеи, разработки и до прекращения его действия. Подобного рода электронные системы существуют в ряде зарубежных парламентов, в том числе в Европарламенте, и направлены на предоставление законодателю основных инструментов, которые они затем смогут использовать для проведения собственного исследования и как источник информации по определенному законопроекту [2, с. 28]. Основанная на данной концепции система «паспорт законопроекта» успешно применяется в законотворческой деятельности ряда законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Например, в Московской городской Думе в указанной системе применительно к каждому закону отражаются не только результаты его экспертиз, но и материалы судейско-прокурорской практики, социологических опросов и т. п. [3, с. 97].

Заслуживает внимания опыт эксплуатации в органах МВД РФ автоматизированной аналитической информационной системы АИС «Мониторинг», представляющей собой многоуровневую территориально обособленную систему, предназначенную для сбора, обработки, накопления и анализа информации о состоянии нормативного регулирования сферы внутренних дел [6]. Объектами учета в указанной системе являются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, выводы об оценке эффективности законодательства, содержащиеся в поступивших обращениях, научных работах, в том числе диссертационных исследованиях, статьях, публикациях в средствах массовой информации и иных материалах. Состоящая из нескольких блоков автоматизированная система позволяет вводить комментарии и давать оценку любому предложению, находящему в базе данных, а технология, заложенная в основу АИС «Мониторинг» и разработанные поисковые алгоритмы позволяют выявлять пробелы, противоречия, устаревшие и недействующие нормы [4, с. 176–181].

Необходимо использование автоматизированной информационно-технологической системы с аналогичными возможностями и в практике работы Государственной Думы. Значительный потенциал в этом отношении представляет Государственная автоматизированная система «Законотворчество», которая должна прийти на смену используемой сейчас в Государственной Думе Автоматизированной системе обеспечения законодательной деятельности (АСОЗД) и обеспечить, в частности, как указано на официальном сайте ее разработчика, формирование общедоступных досок по законопроектам и проблемам, требующим законодательного регулирования, анализ состоя-

ния правового поля, контроль полноты и непротиворечивости законодательства.

В этой связи введение в эксплуатацию ГАС «Законотворчество» в полном объеме должно, на наш взгляд, сопровождаться необходимой нормативной институционализацией организационно-процедурных механизмов осуществления Государственной Думой правового мониторинга, так как в ином случае, как представляется, потенциал ГАС «Законотворчество» не будет раскрыт полностью.

В процессе осуществления правового мониторинга Государственной Думой целесообразно также использование связанных с ней Интернет-ресурсов, таких как официальный сайт Государственной Думы, «Парламентский портал», созданный для обеспечения взаимодействия между депутатами и экспертами, а также для информирования граждан об инициативах и законотворческой деятельности депутатов, систему общественного обсуждения законопроектов «Вече», позволяющую комментировать, оценивать и просматривать результаты обсуждения законопроектов в сети Интернет.

Помимо отражения в информационно-технологических системах обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы и Интернет-ресурсах информация о проведении мониторинга должна также присутствовать в специальных аналитических материалах, выпускаемых в Государственной Думе, – информационно-аналитических бюллетенях по итогам работы Государственной Думы за весеннюю и осеннюю сессии, аналитических вестников, обзорах и иных материалах, подготавливаемых аналитической службой Аппарата в соответствии с Положением о ней. Соответствующее требование целесообразно закрепить в Регламенте Государственной Думы.

Устоявшейся формой подведения итогов правового мониторинга, осуществляемого законодательными (представительными) органами государственной власти, является подготовка ежегодных докладов (отчетов) о состоянии законодательства. На федеральном уровне в период с 2004 по 2012 год Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации было подготовлено восемь докладов о состоянии законодательства в Российской Федерации. В этих докладах, на основе мониторинга законотворческих и правоприменительных процессов, сформулированы предложения по повышению эффективности законодательной деятельности и качества законодательства, определены направления совершенствования его отдельных отраслей. В 2013 и 2014 годах отчеты о состоянии законодательства в Российской Федерации подготавливались Советом Федерации и Государственной Думой совместно с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации на базе Совета законодателей Российской Федерации.

Представляется, что данную практику необходимо сохранить, вместе с тем нуждаются в нормативной регламентации вопросы содержания указанных отчетов, взаимосвязь их подготовки с осуществлением правового мониторинга, порядок их подготовки и утверждения. Полагаем, что эти вопросы должны решаться не путем принятия соответствующих решений Совета законодателей Российской Федерации, как это происходит сейчас, а посредством внесения необходимых изменений в федеральное законодательство, в частности в Федеральный закон «О парламентском контроле» и регламенты палат Федерального Собрания Российской Федерации. Отметим также, что подготовка указанных материалов сопряжена с проведением серьезной аналитической работы и требует привлечения к ней научных и экспертных организаций и (или) их отдельных специалистов, что также должно найти свое нормативное решение. Заслуживает также внимания и позиция о том, что практика подготовки ежегодных докладов должна получить развитие на качественно новом уровне с тем, чтобы решение правовых проблем сопровождалось конкретными рекомендациями с указанием исполнителей и сроков [5, с. 258].

При разработке соответствующего нормативного регулирования целесообразно учитывать содержательный опыт регламентации подобного рода вопросов в субъектах Российской Федерации. Так, например, в соответствии со статьей 73-2 Регламента Законодательного Собрания Ленинградской области, доклад о состоянии законодательства Ленинградской области содержит результаты мониторинга по каждому областному закону или группе взаимосвязанных областных законов, проведенному в соответствующем году, обобщение результатов мониторинга областных законов осуществляется не позднее 1 апреля года, следующего за календарным периодом проведения мониторинга областных законов, проект доклада о состоянии законодательства Ленинградской области вносится на рассмотрение Законодательного собрания не позднее 1 мая года, следующего за календарным периодом проведения мониторинга областных законов.

Подводя итог вышеизложенному, следует констатировать необходимость органичного «встраивания» в организационно-процедурные механизмы научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы юридической технологии правового мониторинга, включающего в себя оценку качества нормативных предписаний действующего законодательства и эффективности его применения, что обуславливает необходимость принятия следующих мер:

– нормативная институционализация правового мониторинга как юридической технологии по экспертному обеспечению законодательной деятель-

ности в Регламенте Государственной Думы и в действующем законодательстве, что должно включать в себя определение целей и задач указанного мониторинга, порядка его организации и осуществления, установление круга инициаторов, субъектов и иных участников правового мониторинга, определение их компетенции и процедурных механизмов взаимодействия в процессе осуществления правового мониторинга, методики его осуществления;

– нормативное закрепление показателей, по которым должна оцениваться информация о качестве законодательных актов и практике их реализации, полученная в ходе осуществления правового мониторинга. При этом такие показатели должны являться верифицируемыми, позволять оценивать качество (в том числе юридическое) законодательного решения и эффективность его реализации с учетом достижения поставленных целей правового регулирования. Целесообразно также и введение и использование социологических показателей эффективности, к которым относятся показатели, характеризующие степень удовлетворенности населения качеством образования, здравоохранения, предоставления других государственных услуг, качеством работы органов публичной власти, правоохранительной системы и т. д.;

– отнесение осуществляемого Государственной Думой правового мониторинга к формам парламентского контроля, нормативное закрепление механизмов реализации палатой этого контрольного полномочия в целях установления обязанности органов публичной власти, организаций, должностных лиц предоставлять в рамках осуществляемого Государственной Думой правового мониторинга информацию о качестве законодательных актов и эффективности их реализации;

– включение Государственной Думы в число субъектов мониторинга правоприменения в Российской Федерации в соответствии Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657, координация осуществления Государственной Думой правового мониторинга с мониторингом правоприменительной практики, проводимым федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с ежегодным планом мониторинга правоприменения Российской Федерации, утверждаемым Правительством Российской Федерации, предоставление в Государственную Думу федеральными и иными государственными органами и организациями аналитической информации, полученной в результате осуществления ими правового мониторинга в рамках своей компетенции;

– обеспечение необходимой штатно-ресурсной базы для осуществления Государственной Думой

правового мониторинга, включая расширение штатной численности Аппарата Государственной Думы в связи с возложением на его отдельные структурные подразделения дополнительных функций по осуществлению правового мониторинга (аппараты комитетов Государственной Думы, аналитическая и правовая служба Аппарата); привлечение на основе гражданско-правовых договоров к осуществлению правового мониторинга внешних научных и иных организаций, их отдельных специалистов, создание в Государственной Думе Совета по осуществлению правового мониторинга;

– корреляция осуществления Государственной Думой правового мониторинга с планированием ее законотворческой деятельности; формирование среднесрочных планов законотворческих работ Государственной Думы (на срок не менее одного года) с учетом осуществления правового мониторинга; введение в практику законотворческой работы принципа оценки эффективности реализации законодательного акта с использованием технологии правового мониторинга перед внесением в него изменений, установление в Регламенте Государственной Думы минимальных сроков рассмотрения палатой законопроектов в целях противодействия так называемому скоростному законотворчеству без надлежащей оценки эффективности изменяемого (отменяемого) законодательного акта;

– развитие и введение в эксплуатацию современных многофункциональных информационно-технологических систем обеспечения законодательной деятельности, позволяющих формировать полноценное электронное досье по законопроектам и принятым Государственной Думой законодательным актам с отражением в них всех экспертных и иных материалов, характеризующих качество законопроекта и законодательного акта, а также осуществлять мониторинг качества и эффективности его реализации на основе установленных показателей;

– отражение результатов проведенного правового мониторинга в специальных аналитических материалах, подготавливаемых и издаваемых в Государственной Думе, а также в ежегодных докладах или отчетах о состоянии законодательства в целях обеспечения надлежащей прозрачности осуществления правового мониторинга и возможности ознакомления с его результатами максимально широкого круга лиц (в первую очередь субъектов права законодательной инициативы), что будет

способствовать повышению качественной составляющей федерального законодательного процесса.

Реализация указанных мер в комплексе позволит, как нам представляется, создать прочный фундамент для эффективного использования в Государственной Думе юридической технологии правового мониторинга, а, значит, повысить эффективность федерального законодательного процесса и качество действующего законодательства.

Библиографический список

1. *Жужгов И.В.* Мониторинг правового пространства Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь: РГБ, 2006. – 220 с.

2. *Козлов Д.А.* Информационно-аналитическое обеспечение законодательной деятельности в Российской Федерации (Конституционно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – Коломна, 2005. – 196 с.

3. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой и Ю.А. Тихомирова. – М., 2010. – 732 с.

4. *Москалькова Т.Н., Черников В.В.* Нормотворчество: научно-практическое пособие. – М., 2013. – 419 с.

5. Парламентское право России: монография / А.И. Абрамова, В.А. Витушкин, Н.А. Власенко и др.: под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Издание Государственной Думы, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. – 400 с.

6. Приказ МВД России от 26 июля 2008 г. № 661 «О правовом мониторинге в системе МВД России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.ru

7. Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013.

8. Регламент Московской областной Думы. Ст. 143 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>

9. *Толмачева Н.Н.* «О некоторых проблемах обеспечения эффективности законодательного регулирования экономических преобразований» // Журнал Российского права. – 2006. – № 10. – С. 78–84.

10. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Ст. 9.1 // СЗ РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ САМОЗАЩИТЫ КАК КОНСТИТУЦИОННОГО И СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА И МЕХАНИЗМ ИХ ВЛИЯНИЯ НА ПРАКТИКУ ПРИМЕНЕНИЯ

В связи с отсутствием унифицированных подходов к толкованию права на самозащиту предпринята попытка объяснить причины расхождений в объеме и содержании понятия самозащиты через различия позитивистской и герменевтической методологии. Проведено сравнение широкого (конституционного) и узкого (субъективного) понимания самозащиты, которые нашли отражение не только в соответствующих законодательных актах, но и в юридической практике. В рамках позитивистской и герменевтической методологии рассмотрены стадии интерпретации нормы права на самозащиту, обуславливающие выбор узкого или широкого понимания указанного права. На конкретном примере показано как применение исключительно узкого подхода не позволяет верно интерпретировать фактические обстоятельства дела и квалифицировать деяние, и делается вывод о том, что судебное толкование нормативных положений должно быть основано на широком понимании самозащиты как конституционного права, предполагающего свободу выбора законных средств и способов реализации, и лишь дополнено отраслевой спецификой реализации конкретного средства самозащиты.

Ключевые слова: право на самозащиту, унификация подходов, конституционное право, субъективное право, позитивизм, постклассический метод, герменевтика, интерпретация, термин.

Право на самозащиту, несомненно, является одним из основных прав человека. Поскольку оно признано мировым сообществом и относится к категории фундаментальных прав и свобод, его толкование теоретически должно носить универсальный характер. Тем не менее, под влиянием различных факторов в его толковании возникают расхождения: высокая частота несовпадения интерпретаций термина «самозащита» в практике российских судебных органов позволяет констатировать отсутствие единого подхода к определению объема и содержания данного понятия различными внутригосударственными правозащитными структурами, что диктует необходимость унификации таких подходов. Таким образом, проблема симплификации подходов к интерпретации понятий (категорий), описывающих право на самозащиту, приобретает особую актуальность в современной российской юриспруденции.

Феномен несовпадения содержания и объема конкретных понятий не единожды становился предметом исследования российских правоведов (А.С. Автономова, Г.М. Резника, Ю.А. Веденеевой, Н.В. Витрука и др.). В научной литературе имеет место полемика о причинах появления расхождений. Наиболее сложным является вопрос о том, какой методологический подход в полной мере позволит объяснить не только природу нормативных расхождений, но и, главное, природу толкования норм. Выделяются два основных направления: позитивистское и постклассическое. Приверженцы первого подхода, опирающегося на формальную логику (В.Е. Жеребкин, Г.Н. Манова, Г.В. Мальцев и др.) исходят из классического понимания причинно-следственных связей и не учитывают влияние субъективного фактора. Представители постклассического подхода (А.И. Овчинников, И.Л. Честнов, Е.Н. Тонков, Ю.Ю. Ветютнев и др.),

напротив, указывают на необходимость учета влияния самого субъекта познания, социокультурных условий, в которых осуществляется интерпретация нормативного текста [4], особенностей природы правовых норм [1; 9], их интерсубъективного характера [2] и др.

Таким образом, постклассическая методология представляется более универсальной в изучении феномена толкования права: диалектико-материалистический метод не позволяет в полной мере раскрыть природу толкования норм, причины различий в интерпретации правовых феноменов, а, следовательно, в его рамках невозможен поиск подходов к унификации толкования норм. Постклассическая методология, напротив, учитывает, кроме формальной стороны, иные причины, способствующие возникновению расхождений, а потому позволит выйти за рамки позитивизма и по-новому взглянуть на сам процесс интерпретации правовой нормы, выявить факторы неизбежной трансформации смысла нормативных предписаний.

Именно в рамках описанной методологии предпринята попытка уяснить характер расхождений позиций правоприменителей в толковании самозащиты как конституционного (закрепленного национальной Конституцией) и субъективного (закрепленного нормами отраслевого законодательства) права. С этой целью подвергнута анализу юридическая практика национальных судебных органов.

Прежде всего, необходимо сосредоточиться на расхождениях, обусловленных способом закрепления права на самозащиту. Конституция Российской Федерации как акт проявления воли народа, обладающий высшей юридической силой и носящий учредительный характер, закрепляет право на самозащиту (ч. 2 ст. 45) в качестве самостоятельного права человека, что свидетельствует о его конституционной природе. Как и любая кон-

ституционная норма, право на самозащиту получает свое развитие в отраслевом законодательстве (уголовном, гражданском, трудовом, административном, семейном), где нормативно закрепляются конкретные способы и средства ее реализации. И в этом случае происходит отождествление самозащиты с одним из отраслевых средств. Это меняет ее смысловое содержание, ведет к трансформации правовой природы и восприятию исключительно как правомочия. Таким образом, в Конституции РФ понятие самозащиты толкуется более широко и всеобъемлюще, чем в отраслевом законодательстве.

В данном случае речь идет о герменевтическом феномене, так как когда мы говорим именно о конституционной норме, закрепляющей право на самозащиту, то подразумеваем его всеохватность, всеобщность и интересубъектность. Но когда мы ведем речь об отраслевых нормах, развивающих конституционные положения, то имеем в виду сочетание других качеств – индивидуальности, неповторимости и уникальности. Происходит включение частного смыслового содержания конкретного отраслевого средства самозащиты в общий объем понятия «самозащита». Соотношение более широкого и более узкого понимания самозащиты основано не на рационально-логическом механизме (механическое составление целого из частей), что вытекает из позитивистской концепции, а на герменевтическом, на диалектике частного и целого (понимание целого невозможно без понимания отдельных его частей, а для понимания частей необходимо предварительное понимание целого) [7].

Итак, процесс интерпретации исследуемой категории полностью обусловлен выбором подхода к пониманию – узкого или широкого. В широком смысле под правом на самозащиту следует понимать свободу выбора средств и способов защиты (конституционное право). В узком же смысле самозащита интерпретируется как самостоятельные действия лица, направленные на защиту собственных прав, т. е. конкретный способ ее осуществления (правомочие).

Подчеркнем, что сам выбор подхода к толкованию – сложная аналитическая задача. Среди большинства российских теоретиков права было принято разделение процесса интерпретации на две стадии: уяснение и разъяснение [3, с. 111; 13, с. 312]. Говоря о самозащите как конституционном праве, следует учитывать, что основная нагрузка по разъяснению ложится на высший юрисдикционный орган (Конституционный суд РФ). Но с точки зрения герменевтического подхода процесс интерпретации следует дополнить еще одной стадией – толкования-применения [12, с. 14]. Толкование-применение является ключевой стадией понимания как длящегося процесса интерпретации. Это стадия создания решения, в котором нормативное предписание максимально конкретизировано, характе-

ризуется императивностью, а также влечет определенные правовые последствия. Поэтому когда речь идет об отраслевых нормативных положениях, закрепляющих отраслевые способы реализации самозащиты, в качестве интерпретатора будет выступать конкретный правоприменитель (судья).

Несомненно, особенности правовой природы толкуемой категории накладывают существенный отпечаток на процесс разъяснения смыслового содержания. В контексте исследуемой проблемы можно утверждать, что от выбора подхода к толкованию (узкого или широкого) будут зависеть оценка юридического факта и правоотношения, а, следовательно, обоснование допустимости применения выбранного средства самозащиты, что чрезвычайно актуально для адресата юридического воздействия.

Право на самозащиту в широком смысле (как свобода выбора средств реализации) подразумевает только правовые возможности – законные средства. В рамках герменевтического дискурса применение отраслевой нормы, посвященной самозащите, в процессе квалификации действий личности означает вывод уполномоченного лица о соответствии выбранного средства самозащиты критерию законности, а также специфическим требованиям применения отраслевых средств. Например, в уголовно-правовой сфере самозащита понимается в первую очередь как физическое сопротивление насилию, т. е. как необходимая оборона (ст. 37 УК РФ). Совершение действий в состоянии необходимой обороны должно соответствовать критерию законности выбранного средства (конституционный аспект), конкретизация же самих критериев осуществляется в строго установленных уголовным законодательством рамках (отраслевой аспект с учетом конституционной природы). Так, Приютненский районный суд Республики Калмыкия [10], рассмотрев материалы уголовного дела, пришел к выводу о виновности подсудимого Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и приговорил его к 8 годам лишения свободы. Из обстоятельств дела следовало, что обвиняемый Ш., защищаясь от нападения потерпевшего, нанес последнему удар ножом в грудь, от которого тот скончался. Однако потерпевший первым напал на подсудимого с ножом, который впоследствии подсудимому удалось отобрать, и данный нож стал орудием самозащиты. В ходе судебного разбирательства суд, давая квалификацию действиям обвиняемого и решая вопрос о соответствии критерию законности выбранного средства, не учел степень опасности, реально грозящей жизни подсудимого, что предполагало возможность выбора адекватных средств самозащиты, а, исходя из последствий, выразившихся в смерти потерпевшего, неверно квалифицировал действия как умышленное убийство. Налицо узкий подход к по-

ниманию самозащиты, явившийся следствием неверной оценки юридических фактов. Для правильного понимания смысла конкретной отраслевой нормы требуется познать первоначальный смысл, заключенный в конституционных положениях, на которых данная норма основана. Это позволит дать верную оценку нормам, фактам и правоотношениям. Если бы суд учел данный аспект, то сам процесс толкования-применения был бы выстроен иначе, и была бы дана верная квалификация.

Решение суда первой инстанции было обжаловано в Верховном суде Республики Калмыкия [11]. Используя иной механизм оценки фактических обстоятельств дела, суд пришел к выводу о том, что имело место применение самообороны. Аргументируя свою позицию, суд верно выстроил саму модель интерпретации конкретных обстоятельств дела, отталкиваясь в определении оснований применения самозащиты от отраслевого подхода: потерпевший Ч. был вооружен ножом, многократно угрожал Ш. убийством и находился в состоянии алкогольного опьянения. Однако суд квалифицировал действия обвиняемого по ч. 1 ст. 108 УК РФ (превышение пределов самообороны) и назначил наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год и 6 месяцев, т. е., отталкиваясь исключительно от узкого понимания критерия законности, не учел конституционный аспект (как свободу выбора средств защиты) и не смог верно интерпретировать конкретные факты. В момент, когда Ш. пытался отобрать у Ч. нож, нападение еще не было завершено, так как Ч. замахнулся ножом на Ш. и хотел его ударить. Если рассматривать данные обстоятельства через призму широкого понимания, то становится очевидной адекватность выбора обвиняемым средства для защиты своей жизни (права на жизнь) в сложившихся условиях. Данный пример доказывает, что через толкование основных признаков самозащиты как конституционного права возможно установить пределы применения конкретного отраслевого средства. Подчеркнем, что в процессе квалификации действий по реализации самозащиты понимание фактических обстоятельств дела и постижение смысла конституционных и отраслевых норм представляют собой не два отдельных акта, а единый процесс, который в конечном итоге редуцируется в применении конкретной отраслевой нормы [5].

Оговоримся, что Верховный суд РФ, стремясь обеспечить тождество механизма оценки действий личности на предмет соответствия требованиям ст. 37 УК РФ, в постановлении пленума от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [6] особо отмечает, что конструкция данной статьи является не чем иным, как механизмом реализации конституционного права на

самозащиту, и указывает на конституционную первооснову данного правового явления, тем самым подчеркивая необходимость применения широкого подхода судьями при отправлении правосудия.

Решение Верховного суда Республики Калмыкия было обжаловано в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ. Коллегия по результатам рассмотрения жалобы, руководствуясь широким подходом, рекомендованным вышеприведенным постановлением, определила прекратить уголовное дело в отношении Ш. на основании ч. 2 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления [10]. Во всех трех судебных инстанциях источниками сведений квалификатора, на основании которых сделаны компетентные выводы, стали одни и те же доказательства, но это не обеспечило единообразия в их оценке. Доказательства представляют собой субъективные отражения реальности, которые воспринимаются судьей в зависимости от его взглядов на природу конкретных правовых категорий.

Итак, в теории законодатель устанавливает правовую норму, излагая ее с позитивистской точки зрения, суд же не устанавливает, а избирает правовую норму из всей их совокупности, при этом ни в коем случае не утрачивая первичного смысла правового предписания. Однако на практике, как показывают вышеприведенные примеры, применение исключительно узкого подхода иногда не позволяет верно интерпретировать фактические обстоятельства дела и квалифицировать деяние. Судебное толкование нормативных положений как реализация властного полномочия должно быть основано на широком понимании самозащиты как конституционного права, предполагающего свободу выбора законных средств и способов реализации, и лишь дополнено отраслевой спецификой реализации конкретного средства самозащиты.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Объективное в праве // Правоведение. – 1971. – № 1. – С. 112–118.
2. *Беляев М.А.* Неклассическая герменевтика, юридическая теория и их взаимодействие в настоящем и будущем // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. – СПб.: Алетей, 2016. – С. 107–124.
3. *Гревцова Ю.И., Козлихин И.Ю.* Энциклопедия права: учебное пособие. – СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2008. – 772 с.
4. *Магазинер Я.М.* Объект права // Правоведение. – 2000. – № 6. – С. 202–213.
5. *Марчук В.В.* Герменевтически-феноменологический подход к познанию уголовно-правовой ситуации и его значение для квалификации преступления // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. – СПб.: Алетей, 2016. – С. 309–342.

6. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.09.2012 № 19 [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации: [официальный сайт]. – Режим доступа: http://www.suprcourt.ru/Show_pdf.php?Id=8168 (дата обращения: 04.03.2017).

7. *Овчинников А.И.* Юридическая герменевтика как правопонимание // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 4. – С. 160–169.

8. Определение Верховного суда РФ от 21.08.2012 №42-Дп12-3 [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации: [официальный сайт]. – Режим доступа: // http://www.suprcourt.ru/stor_pdf.php?id=501148 (дата обращения: 04.03.2017).

9. *Полянская Г.Н., Сатир Р.Д.* Еще раз о соотношении объективного и субъективного в праве // Правоведение. – 1972. – № 4. – С. 94–105.

10. Постановление Приютненского районного суда РК от 29 августа 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://priyutninsky.kalm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=88 (дата обращения: 04.03.2017).

11. Справка о причинах отмены и изменения кассационных определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Калмыкия за 2012 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vs.kalm.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=190> (дата обращения: 04.03.2017).

12. *Тонков Е.Н.* Юридическая герменевтика и практические подходы к толкованию права // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 11–39.

13. Уголовное право России. Общая часть: учебник / А.И. Бойцов, И.В. Волгарева, Б.В. Волженкин и др.; под ред. Н.М. Кропачева и др. – СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2006. – 1064 с.

Михалева Анна Борисовна

Московская городская коллегия адвокатов «Право и справедливость»
mbm63@mail.ru

Содиков Шарбатullo Джаборович

кандидат юридических наук
Аналитический центр Московский государственный институт международных отношений
sodikovsh@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Данная статья дает представление и понимание актуальности и важности принципов прав человека и Конвенции ООН о правах ребенка. В статье уделяется особое внимание важности соблюдения прав ребенка и поощрению пропагандистской деятельности общественных и детских организаций в отношении защиты прав ребенка. Автор в представленном исследовании анализирует статьи Конвенции и рассматривает их в качестве социальных прав (право на жизнь и развитие, охрану здоровья и доступ к медицинскому обслуживанию, право на образование, семейную жизнь, воссоединение семьи, право на содействие в максимально возможной социальной интеграции для детей-инвалидов, а также право на поддержку родителей в том, чтобы они могли защищать права своих детей), экономических прав (право на достойные условия жизни, на социальное обеспечение, на защиту от экономической эксплуатации), культурных прав (право на уважение языка, культуры и религии, на упразднение традиционных видов практики, которые могут нанести ущерб благополучию ребенка), защитных прав (право на защиту интересов ребенка, защиту от физического и сексуального насилия и эксплуатации, защита от участия в военных конфликтах, защита от злоупотребления правами и унижения), гражданских и политических прав (право быть услышанными и воспринятыми всерьез, право на свободу от дискриминации при осуществлении прав, право на свободу религии и убеждений, право на неприкосновенность частной жизни, на информацию, на уважение физической и личной неприкосновенности и свобода от всех форм насилия, пыток или других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения, право на уважение процессуальных нормам в законодательстве и право на особый порядок задержания и уголовного судопроизводства).

Ключевые слова: права ребенка, международное право, Конвенция ООН о защите прав ребенка, общественное здоровье, здоровье ребенка.

Актуальность и важность прав, здоровья и благополучия ребенка и семьи не может быть переоценена. В развитых странах изменения в демографии, социально-экономических и политических процессах формируют новое восприятие детей и их здоровья. Социальная и экологическая трансформация изменила исторические причины заболеваемости детей. В развивающихся странах избыток детской заболеваемости и смертности ведет свои корни именно из динамично изменяющихся социальных и экологических факторов. Подход к здравоохранению, основанный на принципах защиты прав человека, способен достичь оптимального здоровья и благополучия для детей [3, с. 440].

История общественного и детского здоровья – это хроника взаимосвязей между здоровьем и правами человека, равенством и социальной справедливостью. Однако глобализация изменила баланс сил и подходов к принятию решений по вопросам государственной политики, связанной с состоянием прав человека. Эти и другие социальные изменения создали новый контекст для осмысления здоровья и благополучия детей и детства. Они предусматривают изменения роли и функций государственных медицинских работников для того, чтобы эти отрасли оставались жизнеспособными и направленными на охрану здоровья и благополучия детей и семей. Применение правозащитного подхода в здравоохранении обеспечивает необхо-

димую концептуальную основу, а также материальные стратегии и навыки, которые могут быть применены специалистами здравоохранения для реализации основных функций государственной защиты детей.

Конвенция ООН о правах ребенка является основополагающим международным договором о правах человека, который определяет детей в качестве субъекта права с такой же ценностью, что и взрослых. Конвенция призвана привить мировому сообществу постулат уважения детей. Признавая, что дети имеют право на особую защиту и заботу, Конвенция также предусматривает возможность участия детей, в соответствии с их возрастом и дееспособностью, в защите своих прав.

Конвенция ставит под сомнение традиционное восприятие детей в качестве получателей защиты со стороны взрослых и предусматривает необходимость признания детей в качестве социальных субъектов, мнение которых необходимо слушать и воспринимать всерьез.

Важность Конвенции вытекает из правового и этического прецедента, который она устанавливает для детей. Это первый и единственный правовой документ, утверждающий полный набор прав, которыми обладают все дети. Это единственный в мире общепризнанный документ о правах человека (Соединенные Штаты являются единственной страной, подписавшей, но не ратифицировавшей документ) и единственная основа для защиты прав ребенка,

которая используется родителями, адвокатами и педагогами для поддержки индивидуальных и общественных усилий в интересах детей [2, с. 553].

Конвенция признает детей уязвимой категорией субъектов общественных отношений и включает в себя ряд защитных мер. Ключевое значение Конвенции заключается в признании детей субъектами права и полноправными участниками правоотношений. Иными словами, Конвенция вводит обязательство обеспечивать баланс между защитой и воспитанием. Концепция воспитания вводится именно потому, что детям не хватает полной дееспособности и автономии для осуществления прав от своего имени в полном объеме.

Правовая система имеет большое количество законов, защищающих детей. Однако подобные законы обеспечивают защиту детей не в полном объеме. Они определяют лишь основные права ребенка и устанавливают меры по их защите и зачастую подвержены изменениям, либо отмене национальными исполнительными или законодательными актами в различных государствах. Конвенция же устанавливает правовую основу для распространения прав человека на детей, конкретную основу для комплексной защиты детей и определяет социальные условия, которые необходимы для соблюдения и защиты прав ребенка [4, с. 98].

Права, определенные в Конвенции, являются неделимыми и универсальными. Нет никакой иерархии важности. Вместе они создают целостную структуру прав, которые, в случае их полного соблюдения, будут содействовать здоровью, благосостоянию и развитию всех детей. Например, невозможно бороться с насилием и сексуальной эксплуатацией детей, не обращая внимания на нарушение или игнорирование прав, которые делают детей объектами насилия – нищету, отсутствие доступа к образованию, дискриминацию, расизм, предрассудки и ксенофобию, а также неспособность воспринимать всерьез мнение детей, относительно условий их жизни. Аналогичным образом права детей на оптимальное здоровье и развитие не могут быть выполнены без обязательства одновременно обеспечивать их права на необходимый уровень жизни, достойное жилье и защиту от насилия дома и в учреждениях, экономической эксплуатации и вредных условий труда. Невозможно обеспечить детям здоровье и благополучие, не предоставляя им доступа к информации, дающей им возможность сделать осознанный выбор и защитить себя [3, с.208].

Осуществление прав, содержащихся в Конвенции, было достигнуто в течение достаточно короткого срока. С момента принятия Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году Конвенцией были достигнуты ряд положений:

– На международном уровне существует гораздо более глубокое осознание и готовность положить конец эксплуатации детского труда, сек-

суальным надругательствам, дискриминации в отношении девочек и детей-инвалидов и использованию детей в качестве солдат.

– На национальном уровне многие государства начали анализировать и совершенствовать свое законодательство, чтобы привести его в соответствие с положениями Конвенции, учреждать независимых уполномоченных по правам ребенка, повышать уровень осведомленности общественности о правах детей, разрабатывать Программы, направленные на защиту интересов детей, добиться прекращения всех форм насилия в отношении детей.

– На национальном, региональном и местном уровнях многие страны приняли меры для обеспечения того, чтобы дети имели возможность выражать свои взгляды и быть уверенными в серьезном отношении к ним и их мнению.

Хотя санкции не могут быть направлены против государств, нарушающих права детей, Комитет по правам ребенка как международный орган, учрежденный в соответствии с положениями Конвенции для наблюдения за процессом выполнения национальными государствами своих обязательств в отношении детей, призывает государства к конструктивному диалогу в отношении неизбежности прав человека для всеобщего благополучия. Подобный диалог является инструментом и катализатором перемен, который привел к росту осознания и понимания характера прав детей. Это медленный процесс, но он активно добивается реальных перемен в процессе охраны здоровья и обеспечения защиты прав детей [2, с. 311].

Во многих странах была выражена озабоченность в связи с тем, что, выводя на первый план права детей, Конвенция, таким образом, является антисемейной, подрывает родительские права. С абсолютной долей вероятности можно констатировать, что эти опасения основаны на фундаментальном непонимании Конвенции. В преамбуле, так же как и во многих статьях Конвенции, подчеркивается, что воспитание в заботливом семейном окружении имеет решающее значение для здорового развития детей. Конвенция требует предоставление семьям возможности расширить права, которыми она обладает на своих детей. В частности:

– Ст. 5 признает права и обязанности родителей обеспечивать воспитание и определять направление развития своих детей.

– В ст. 9 подчеркивается право ребенка не быть разлученным с родителями, если это не подвергает их жизнь или здоровье опасности.

– Ст. 18 подчеркивает обязанность государства обеспечить поддержку родителей для содействия им в выполнении своей роли в воспитании и защите прав своих детей.

Тем не менее, Конвенция действительно подразумевает изменения традиционного представления о детях. Необходимо чтобы:

– детей слушали, и их мнение воспринималось всерьез;

– более широкое внимание уделялось их способности принимать решения по отношению себя;

– родители считали интересы детей основополагающими при принятии решений, определяющих их дальнейшую жизнь;

– признание того факта, что интересы детей не всегда совпадают с интересами их родителей.

Конвенция способствует развитию культуры уважения к детям, как в семьях, так и в обществе. Но это не подрывает и не уменьшает роль родителей. Права позволяют детям принимать участие в принятии решений относительно их судьбы, а также они возлагают ответственность на родителей за обеспечение надлежащей заботы и защиты посредством выслушивания и оценки мнения детей. Родительское уважение к детям будет способствовать уважению детей к родителям [1, с. 335].

Обеспечение прав детей является необходимой стратегией для достижения их оптимального здоровья и благополучия. Правозащитный подход к здоровью детей согласуется с концепцией здоровья населения и детей. Конвенция ООН о правах ребенка служит основой и механизмом поддержки работы государственных и детских медицинских работников.

Во-первых, Конвенция определяет весь спектр потребностей детей и обеспечивает практический подход к удовлетворению этих потребностей комплексным и целостным образом посредством осуществления их прав.

Во-вторых, Конвенция ставит под вопрос целесообразность традиционного подхода к детям, который рассматривает их в качестве некомпетентных, пассивных объектов, всецело находящихся под юрисдикцией взрослых, и признает детей способными и имеющими право на активное участие в принятии решений в вопросах, которые затрагивают их жизнь.

В-третьих, Конвенция является юридически обязательной для всех стран, которые ее ратифицировали. В соответствии с международным правом, правительствам необходимо принимать все необходимые меры для осуществления ее положений. Конвенция обеспечивает универсальный набор стандартов, на основе которых можно измерять и улучшать защиту, а также лечение детей.

В-четвертых, хотя официальных санкций, которые могут быть выдвинуты против правительств за несоблюдение положений Конвенции не существует, процесс отчетности перед Комитетом ООН по

правам ребенка является бесценным механизмом контроля за соблюдением положений Конвенции национальными государствами. Это дает возможность всем тем, кто участвует в защите здоровья и благополучия детей, вместе работать над улучшением стандартов.

Основания для защиты права детей могут быть структурированы из следующих четырех принципов:

– У всех детей есть потребности. Конвенция ООН о правах ребенка устанавливает международное признание возможности детей иметь право на удовлетворение жизненно-необходимых потребностей.

– Конвенция обеспечивает всеобъемлющие рамки прав, которые будут способствовать целому подходу к обеспечению здоровья и благополучия детей.

– Здоровье детей и их развитие способствуют удовлетворению всех их жизненно-необходимых потребностей. Соблюдение всех прав, закрепленных в Конвенции, позволит достичь этой цели.

– Конвенция имеет обязательную юридическую силу и налагает на государства обязательства по соблюдению прав детей.

В одном всеобъемлющем документе Конвенция ООН о правах ребенка закрепляет основания для обеспечения здоровья и благополучия детей, а также обязательства отдельных лиц, родителей, общества и правительств удовлетворять потребности детей путем осуществления их прав [3, с. 320]. Реализация основанного на правах подхода к основным функциям общественного здравоохранения и здоровья детей, который используется в рамках прав детей, содержащиеся в Конвенции, обозначает коренное изменение статуса детей во всех государствах мира и помогает обеспечивать их оптимальное здоровье и развитие.

Библиографический список

1. *Егоров А.* Конвенция о правах ребенка: итоги и перспективы // Вопросы социального обеспечения. – 2015. – № 23. – С. 5–6.
2. Комитет ООН по правам ребенка, российские НПО и права детей в России. – М.: Право ребенка, 2014. – 104 с.
3. *Король И.Г.* Личные неимущественные права и обязанности ребенка // Российское правосудие. – 2016. – № 4 (48). – С. 58–63.
4. *Содиков Ш.Д.* Практика применения дипломатической защиты при решении вопроса об экстрадиции иностранных граждан // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8 (87). – С. 34–35.

ПРИНЦИП СУБСИДИАРНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Осуществление функций государства на национальном и наднациональном уровнях сегодня непосредственно связано с процессами глобализации мировой экономики. Это приводит к необходимости экономического сближения государств. В последние десятилетия процесс интеграции затрагивает не только экономическую среду, он распространяется и на научную, социальную, политическую, культурную и правоохранительную сферы жизни общества и государства. Это отражается на механизмах реализации функций каждого государства объединенного сообщества. Для достижения общих целей государства готовы жертвовать элементами собственного суверенитета, передавая отдельные компетенции наднациональным организациям. Распределение компетенции государственных и надгосударственных институций осуществляется в соответствии с принципом субсидиарности. Принцип субсидиарности находит применение не только при разграничении компетенции между государствами-членами и Европейским Союзом, но и в процессе реализации компетенции Европейского Союза. Данный принцип несёт в себе политическую, философскую, социальную, экономическую и правовую составляющие. В статье рассмотрено содержание и исторические предпосылки применения данного принципа.

Ключевые слова: функции государства, надгосударственный уровень реализации функций, принцип эффективности, принцип субсидиарности, глобализация.

Роль государства в современном мире во многом зависит от того места, которое оно занимает на международной арене. Сейчас, в эпоху глобализации политических, экономических, социальных, правовых связей эффективность функционирования государства как института управления зависит от того, насколько оно включено в международное общение. Государства не просто стремятся к сотрудничеству, а готовы даже пожертвовать элементами своего суверенитета ради создания единого экономического пространства, облегчения визового режима и т. д., что в частности выразилось в создании такой уникальной наднациональной организации, как Европейский Союз [9].

Надгосударственность, наднациональность является правовым качеством международной организации, позволяющим ей, в соответствии с утвержденной государствами-членами процедурой, принимать решения обязательного характера, в том числе без прямого согласия на то заинтересованного государства. Надгосударственность возникает на этапе реализации целей и задач международной организации, установленных в учредительном договоре или других международных договорах организации. Суверенные государства-члены закрепляют в своём законодательстве положения о возможности возложения государственных правомочий на международную организацию [8].

Осуществление функций государства на наднациональном уровне сегодня непосредственно связано с процессами глобализации мировой экономики, что приводит к необходимости экономического сближения государств. Одной из форм такого сближения является финансовая интеграция. В рамках финансовой интеграции решаются вопросы создания благоприятных условий для трансграничного движения капитала и финансовых услуг, а также создания благоприятного инве-

стиционного климата. В свою очередь, в современных экономических условиях вопросы правового регулирования отношений, связанных с инвестиционными процессами, являются актуальными как для стран с развитой экономикой, так и для стран, модернизирующих свою экономику и развивающих новые направления финансового сектора. Глобализация мировой экономики ставит страны перед проблемами, которые решаются схожими методами. Одним из основных принципов в этом процессе выступает «всеобъемлющий принцип эффективности». В силу этого происходит сближение национальных правовых систем, средств и методов правового регулирования [1, с. 222]. Такое сближение национальных правовых систем, средств и методов правового регулирования, вопросов относительно которых взаимодействуют государства-члены Европейского Союза, является значимым и важным для эффективной реализации сотрудничества между ними. Ведь если законодательное поле каждого государства будет максимально схоже по вопросам их взаимодействия, это будет отражаться на качестве оказанных услуг в положительную сторону, снижении численности конфликтных ситуаций относительно регулируемых вопросов, решение которых требует обращения в европейский суд и иные инстанции.

По мере углубления экономической интеграции, процесса расширения, воздействия, глобализации, по-новому стали ставиться социальные проблемы, наглядно выражается связь между социальным и экономическим развитием. Сегодня всё явственнее поступает необходимость учитывать социальные последствия любых процессов и трансформаций в экономической, политической, финансовой и других областях, термин «социальная интеграция» получил право на самостоятельное существование.

Социальная политика, традиционно занимающаяся самыми насущными для людей вопросами, – их жизнеобеспечением, социально-трудовыми отношениями, защитой прав населения в условиях рыночной экономики, всегда была самым чувствительным местом политики любого государства, индикатором его стабильности, как бы показателем его здоровья [3, с. 737]. Поэтому реализация социальной функции на национальном, а тем более на наднациональном уровне имеет важное значение для развития современных государств.

Социальная политика является претворяемой в жизнь программой обеспечения социальной защиты населения, реализации его социальных прав, сохранения и улучшения его жизненного уровня. Таким образом, закономерно, что социальное право становится частью комплексной правовой системы Европейского Союза и находит отражение в основополагающих документах – от Договоров о Европейском Союзе до Конституции Европейского Союза. Оно координируется и тесно связано с налоговым, бюджетным и другими отраслями европейского права. В частности, при построении бюджетного плана Европейского Союза учитываются потребности социальной сферы.

Проявившие себя в конце XX века европейская интеграция, глобализация, использование технологических инноваций, информатизация общества по-новому поставили вопрос о соотношении экономических, политических процессов и социального развития. Не случайно сейчас социальную политику наряду с экологией называют приоритетом XXI века. Процесс расширения Европейского Союза, развитие международных связей и глобализация в целом ведут к расширению диапазона действий социальной политики, интенсивному развитию её внешнего измерения и правовому оформлению её достижений [3, с. 738].

Исследуя вопрос об осуществлении функций государства на национальном и наднациональном уровнях, важно остановиться на принципе субсидиарности. Данный принцип, в отличие от принципа передачи компетенции, находит применение не только при разграничении компетенции между государствами-членами и Европейским Союзом, но и в процессе реализации компетенции самого Европейского Союза. Более того, принцип субсидиарности в соответствии с Лиссабонским договором [7] должен использоваться не только во взаимоотношениях между национальным и наднациональным уровнями, но и в случае участия региональных образований внутри государств-членов в сферах, попадающих под регулирование Европейского Союза. Принцип субсидиарности впервые закреплён в учредительных договорах Единым Европейским Актом [5], несёт в себе политическую, философскую, социальную, экономическую и правовую составляющие» [4, с. 163].

Понятие «субсидиарность» хотя и применяется в истории европейской правовой и политической мысли (оно упоминается ещё Аристотелем, Фомой Аквинским, Иоаном Альтузием, Дж. Локком, Токвилем и др.) [12, с. 129], однако не является устойчивой категорией общей теории права и государства. Традиционно данная категория используется наукой гражданского права, зачастую употребляется в науке термин «субсидиарная ответственность». Вторая половина XX века отмечается успешным развитием европейского интеграционного процесса, одним из главных основ которого был признан принцип субсидиарности, что стало основанием для его включения в категориальный аппарат науки международного права [2, с. 372]. В наши дни указанный принцип вызывает значительный интерес и для общей теории государства и права, поскольку он широко используется для исследования механизма функционирования социального государства, анализа внутренних отношений в государствах с федеративным территориальным устройством, а также для разграничения компетенции между Европейским Союзом и государствами-членами, которые его образуют. Это даёт основание для признания принципа субсидиарности не только в качестве общепризнанной юридической категории, которая широко используется в юридической науке в целом, но и для анализа специфических проблем общей теории государства и права, конституционного права и международного права. Вместе с тем, следует признать, что содержание этого принципа и механизм его реализации до сих пор не получил надлежащего освещения как в отечественной, так и иностранной литературе. Поэтому без сомнения следует согласиться с И. Яковюком относительно того, что осмысление и изучение этих вопросов касательно принципов и идей государственно-правового развития европейских государств будет способствовать полному и глубокому пониманию сущности глобализационных процессов, а также правовой природы ЕС в контексте взаимодействия с национальными государствами – членами ЕС [16, с. 23].

Следует учитывать, что изначально принцип субсидиарности разрабатывался Католической церковью, которая всегда более чётко и универсально чем другие институты гражданского общества стран Запада отображала присущие ему ценности, и случай с принципом субсидиарности не является исключением [15, с. 16]. Внедрение Церкви принципа субсидиарности осуществлялось с целью обеспечения эффективности подчинённой римскому папе иерархической пирамиды, и он состоял в возможности проявления инициативы нижних уровней относительно выполнения функций более высоких уровней иерархии [11, с. 33]. Значительный вклад в развитие принципа субсидиарности со временем внёс Иоан Альтузиус, который рассматривал его как основной принцип

федерализма. Однако в дальнейшем, с момента утверждения либерализма в экономической и политической сферах, данный принцип постепенно исчерпывается. Возвращение научных исследований subsidiarity происходит лишь во второй половине XX века. Сначала это обусловлено построением социального государства, которое рассматривает subsidiarity как один из своих фундаментальных принципов. Однако настоящий ренессанс принципа subsidiarity происходит в ходе дискуссий, в которых обсуждаются проблемы развития и функционирования Европейского Союза [16, с. 24].

Процесс признания subsidiarity фундаментальным принципом Европейских Содружеств, а впоследствии и Европейского Союза, был длительным и сложным. Это объясняется тем, что европейская интеграция характеризуется достаточно противоречивым параллельным развитием двух конкурирующих традиций европейской политической мысли и практики: либерализма и солидарности [14, с. 87]. С момента провозглашения Декларации Р. Шумана – предложения министра иностранных дел Франции Робера Шумана объединить металлургическую, железорудную и угледобывающую промышленности Франции и Западной Германии, реализация которого привела к созданию Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), которое предшествовало появлению Европейского союза, – долгое время в европейском экономическом процессе доминировала экономическая составляющая и господствовали законы рыночной экономики и конкуренции.

Впервые на официальном уровне принцип subsidiarity был использован в выводах Европейской Комиссии в 1975 году и только с 1984 года, как указывает В. Чиркин, он начинает рассматриваться как один из главных принципов Европейского Содружества [13, с. 189].

Официальное признание принципа subsidiarity происходит во второй половине 1980-х годов не случайно. Соответствующие шаги институтов Европейского Союза и национальных правительств были обусловлены необходимостью получения широкой социальной поддержки интеграционного процесса, который вышел на уровень преобразования Европейских содружеств в Европейский Союз.

В учредительных договорах Европейского Союза впервые чётко, хотя и с существенными ограничениями относительно сферы применения, указано, что Сообщество предпринимает усилия в области окружающей среды в той мере, в какой цели, предусмотренные в параграфе 1, могут быть реализованы на уровне Сообщества эффективнее, чем государствами-членами самостоятельно [5].

В полном объёме принцип subsidiarity получил своё отражение в Маастрихтском договоре об учреждении Европейского Союза [6], подписан-

ном 7 февраля 1992 года и вступившем в силу 1 ноября 1993 года, где данный принцип упоминается дважды. Первое упоминание о принципе subsidiarity отражено в преамбуле данного Договора: государства – члены преисполненные решимости продолжить процесс создания все более сплоченного союза народов Европы, в котором согласно принципу subsidiarity принятие решений в максимально возможной степени приближено к гражданам. В ст. 5 данного Договора указывается, что принцип наделяния компетенцией регулирует пределы компетенции Европейского Союза. В свою очередь принципы subsidiarity и пропорциональности регулируют осуществление данной компетенции. В соответствии с принципом subsidiarity, Европейский Союз уполномочен действовать не только в пределах своей исключительной компетенции, но и за ее пределами. Это обуславливается тем, что действия институтов Европейского Союза будут более эффективны, нежели аналогичные действия объединившихся государств – членов на центральном, региональном или местном уровне.

Принцип subsidiarity применяется институциями Европейского Союза на основании и в соответствии с Протоколом о применении принципов subsidiarity и пропорциональности. Парламенты государств – членов Союза следят за соблюдением принципа subsidiarity в порядке, предусмотренном в этом Протоколе.

Таким образом, государства – члены Европейского Союза с целью унификации процесса принятия решений и приближения его к гражданам Европейского Союза подписали Протокол о применении принципов subsidiarity и пропорциональности № 2 от 13 декабря 2007 года, в котором предусматриваются порядок применения принципов subsidiarity и пропорциональности и контроля за их применением со стороны государств – членов [10].

Важным моментом в указанном Протоколе является регламентация того, что каждый институт Европейского Союза постоянно следит за соблюдением принципов subsidiarity и пропорциональности, определенных в ст. 5 Договора о Европейском Союзе. Суд Европейского Союза имеет право выносить решения по искам в связи с нарушением нормативными актами принципа subsidiarity, которые, согласно условиям, предусмотренным в ст. 263 Договора о функционировании Европейского Союза, подаются государствами-членами или передаются ими в соответствии со своими законодательными процедурами от имени национального парламента или соответствующей палаты последнего. Согласно условиям, предусмотренным в упомянутой статье, подобные иски также могут подаваться Комитетом регионов для оспаривания тех законодательных актов, в случае

принятия которых Договор о функционировании Европейского Союза предусматривает проведение с ним консультации.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что государственный режим осуществления функций государства выражается в осуществлении государственными (национальными) органами власти своей компетенции. Надгосударственный режим осуществления функций государства состоит в развитии сотрудничества между государствами-членами Европейского Союза и реализации их компетенции в определённых сферах: экономической, энергетической, экологической, трудовой, валютной, финансовой, торговой, таможенной, политической и др. Соотносятся данные режимы осуществления функций государства как внутригосударственное и международное право. Реализация функций государства на наднациональном уровне базируется на принципе субсидиарности, что предполагает распределение компетенций между государствами-членами Европейского Союза и самим Европейским Союзом, а также чёткое определение границ компетенций и регулируется Протоколом о применении принципов субсидиарности и пропорциональности № 2 от 13 декабря 2007 года. Данный принцип используется также в случае участия региональных образований внутри государств-членов европейского Союза в сферах, попадающих под регулирование Европейского Союза.

В связи с активизацией процессов глобализации на сегодняшний день значительного внимания требует вопрос реализации экономической функции государства не только на государственном, а и на надгосударственном уровне. Сфера развития мировой экономики, финансовой интеграции в пределах создания необходимых условий для движения капиталов, осуществления финансовых услуг, инвестиций – важнейшие вопросы, которые подлежат эффективному урегулированию на государственном и надгосударственном уровнях реализации экономической функции каждого современного государства.

Социальная функция каждого государства – члена Европейского Союза является на сегодняшний день важным вопросом для построения сильного социального, правового и демократического государства. Говоря о реализации социальной функции государства на наднациональном уровне (на примере Европейского Союза) отметим, что за весь период существования Европейского Союза постепенно увеличивается пространство, которое попадает под регулирование социальной сферы. Это связано с тем, что изначально Европейский Союз состоял из 6 государств, позже эта цифра увеличилась до 28 европейских государств. Поэтому очевиден тот факт, что для урегулирования социальных правоотношений на наднациональном уровне пришлось столкнуться с неоднородностью

и разнообразием правовых систем государств в этой сфере. Тем более, что в условиях развития глобализационных процессов социальная сфера требует эффективной работы всех институтов механизма Европейского Союза для приведения в соответствие правового поля всех государств-членов Европейского Союза.

Осуществление экологической функции государств на наднациональном уровне является актуальной проблемой всех современных государств, особенно государств – членов Европейского Союза. Формирование экологической политики продолжается уже значительное время. Сотрудничество государств-членов Европейского Союза в экологической сфере не только важно, но и необходимо, потому как осуществление иных функций государств могут не в лучшей степени влиять на экологическую обстановку в европейском пространстве. Поэтому важными направлениями при реализации экологической функции на наднациональном уровне является: сохранение, защита, улучшение и восстановление состояния окружающей среды; забота о здоровье населения; разумное и рациональное использование природных ресурсов; содействие мерам, направленных на решение региональных и общемировых проблем охраны окружающей среды.

Библиографический список

1. Акинфиева Н.И. Интеграционное регулирование финансового рынка Европейского Союза // Государство в меняющемся мире: материалы VI Международной школы-практикума молодых учёных-юристов / отв. ред. В.И. Лафитский. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. – С. 221–230.
2. Арах М. Европейский Союз: видение политического объединения. – М.: Экономика, 1998. – С. 371–373.
3. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: Учебник для вузов / отв. ред. д.ю.н., проф. Л.М. Энтин. – М.: Норма, 2005. – 960 с.
4. Европейский Союз и государства-члены: разграничение компетенции. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. – 200 с.
5. Единый Европейский Акт от 17 февраля 1986 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/994_028 (дата обращения: 22.10.2016).
6. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.). Консолидированный текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2566557/#friends> (дата обращения: 22.10.2016).
7. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества от 13 декабря

2007 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon> (дата обращения: 22.10.2016).

8. *Моисеев А. А.* Суверенитет государства в международном праве. – М.: Восток-Запад, 2009. – 383 с.

9. *Петрова Е.А.* Современное государство и международное право // Государство в меняющемся мире: материалы VI Международной школы-практикума молодых учёных-юристов / отв. ред. В.И. Лафитский. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. – С. 475–484

10. Протокол о применении принципов субсидиарности и пропорциональности № 2 от 13 декабря 2007 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/protoc/2> (дата обращения: 22.10.2016).

11. *Фадеева Т.М.* Единая Европа: идея и реаль-

ность. Концепция культурной идентичности. – М.: РАН ИНИОН, 1997. – 364 с.

12. *Фадеева Т.М.* Федеративная модель Европейского Союза – концепции и практика // Федерализм, региональное управление и местное самоуправление. – М., 1999. – 135 с.

13. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование). – М., 2001. – 453 с.

14. *Хьюеглин Т.* Федерализм, субсидиарность и европейская традиция // Казанский федералист. – 2002. – № 4.

15. *Яковюк І.В.* Соціальна доктрина Католицької церкви // Проблеми законності. – Х., 2002. – Вип. 52. – С. 15–21.

16. *Яковюк І.В.* Субсидіарність як принцип взаємовідносин національних держав та Європейського Союзу // Вісник академії правових наук України. – 2004. – № 4 (39). – С. 22–30.

**ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ АБЗАЦА 2 ПУНКТА 1 СТАТЬИ 22
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 2202-1 ОТ 17 ЯНВАРЯ 1992 Г.
«О ПРОКУРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»,
КАСАЮЩЕГОСЯ ВЫДЕЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ**

На основе анкетирования, проведенного автором в июле-сентябре 2016 года по вопросу практической значимости абз. 2 п. 1 ст. 22 Федерального закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», касающегося выделения специалистов для выяснения возникших вопросов у прокурора. В данной статье приводятся суждения прокурорских работников (Управления Генеральной прокуратуры РФ в Уральском федеральном округе, военной прокуратуры Восточного военного округа, военной прокуратуры Балтийского флота, прокуратуры Белгородской области, прокуратуры Рязанской области, прокуратуры Орловской области, прокуратуры Тамбовской области и др.) и делаются выводы о необходимости участия специалистов, привлеченных для выяснения возникших вопросов у прокурора в ходе надзорного мероприятия (проверки) и в целях совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, прокурор, прокуратура, прокурорский надзор, прокурорская проверка, специалист, специальные познания, специальные знания, судопроизводство, федеральное законодательство.

Надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законом – одно из ведущих направлений деятельности современной прокуратуры РФ, которое непосредственно связано с укреплением законности в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, ряда иных структур. Его правовую основу составляют Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 19.12.2016) «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), приказы Генпрокурора РФ и иные организационно-распорядительные акты [1, с. 175].

В соответствии с пунктом 1 ст. 21 Закона о прокуратуре, предметом надзора является следующее: соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций; соответствие законам правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами.

Полномочия, которыми наделен прокурор для осуществления надзора в рассматриваемой выше сфере, перечислены в ст. 22 Закона о прокуратуре, расширительному толкованию они не подлежат. Как показало проведенное нами в июле-сентябре 2016 года исследование вопроса практической зна-

чимости абз. 2 п. 1 ст. 22 Федерального закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», касающегося выделения специалистов для выяснения возникших вопросов у прокурора, эффективность надзорных мероприятий во многом зависит от участия специалистов, привлеченных для выяснения возникших вопросов у прокурора в ходе надзорного мероприятия (проверки).

На основе проведенного автором анкетирования было установлено, что руководители Управления Генеральной прокуратуры РФ в Уральском федеральном округе указали на то, что полномочия требовать выделения специалистов для выяснения возникших вопросов активно используются прокурорами при осуществлении надзорной деятельности и имеют важное практическое значение.

Учитывая большой объем направлений и вопросов, по которым прокурорами осуществляются проверки исполнения требований федерального законодательства, привлечение для их проведения лиц, имеющих специальные познания в конкретной сфере деятельности, способствует оперативно-му и объективному выяснению обстоятельств, даче правильной правовой оценки, выявлению нарушений закона и принятию мер для их устранения.

В целом управление Генеральной прокуратуры РФ в Уральском федеральном округе не возражает против проработки вопроса о создании института специалиста, обладающего специальными познаниями в судопроизводстве и ОРД.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что в уголовном судопроизводстве специальными познаниями обладают дознаватели, следователи, руководители и иные сотрудники органов следствия и дознания, прокуроры, надзирающие за соблюдением законности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, судьи и адвокаты.

Специальными познаниями в сфере ОРД обладают руководители и сотрудники органов, осуществляющих ОРД, прокуроры, судьи, а также, с учетом ограничений, предусмотренных законодательством о государственной тайне, – дознаватели, следователи, руководители и иные сотрудники органов следствия и дознания, адвокаты (ответ от 15.07.2016 г. № 33/2-238-2016 на обращение С.П. Жданова).

Руководители военной прокуратуры Восточного военного округа высказали следующие суждения: при реализации военным прокурором полномочий по надзору за исполнением законов зачастую возникает необходимость привлечения к прокурорским проверкам специалистов, обладающих специальными познаниями в той или иной сфере. Названная норма права имеет большую практическую значимость, поскольку именно она предоставляет прокурорам право требовать от руководителей и других должностных лиц органов, перечисленных в Законе о прокуратуре, выделения специалистов для выяснения возникших вопросов.

На практике военные прокуроры ВВО пользуются данными полномочиями активно. В истекшем периоде 2016 г. военной прокуратурой ВВО с привлечением различных специалистов проведено 4208 результативных прокурорских проверок (35% от общего количества проведенных проверок).

В рамках осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства об ОРД органами военной прокуратуры в оперативных подразделениях ФСБ России проверяется соблюдение прав и свобод граждан при проведении ОРМ путем изучения заведенных дел оперативного учета и (в отдельных случаях, перечень которых ограничен) сигнальных подборок. При этом соответствующие материалы ОРД содержат сведения, составляющие государственную тайну (гриф «совершенно секретно»), а также сведения о персональных данных граждан. Кроме того, прокурорским надзором охватывается исключительно правовой аспект ОРД, техническая сторона проведения ОРМ прокурорами не проверяется.

Таким образом, уполномоченные прокуроры, имеющие высшее юридическое образование и необходимый допуск к секретным сведениям для ознакомления с ведомственными правовыми актами ФСБ России по вопросу осуществления ОРД, могут самостоятельно давать оценку законности проведения тех или иных ОРМ, заведения и прекращения дел оперативного учета и т. д. Привлечение же к надзорным мероприятиям сторонних специалистов может создать предпосылки к разглашению данных ограниченного распространения, что является недопустимым (ответ от 26.07.2016 г. № 39/2-8158 на обращение С.П. Жданова).

Руководители военной прокуратуры Балтийского флота в ходе анкетирования отметили, что

военной прокуратурой Балтийского флота для обеспечения возложенных на нее функций в служебной деятельности для выяснения возникших вопросов привлекаются специалисты, выделенные указанными органами на основании соответствующих запросов.

Так, в текущем году военной прокуратурой флота из 2721 проведенной проверки почти четверть (675) составили проверки, проведенные с привлечением специалистов, в том числе по вопросам исполнения законодательства о сохранности оружия и боеприпасов, землепользовании, экологии, защите жизни и здоровья граждан, сохранности государственной собственности и ряда других (ответ от 19.07.2016 г. № 4082/1 на обращение С.П. Жданова).

Руководителями прокуратуры Белгородской области в ходе анкетирования был представлен следующий объективный анализ по вопросу о практической значимости абз. 2 п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре (исполнитель: прокурор отдела по надзору за соблюдением федерального законодательства А.В. Пересыпкин).

Необходимость привлечения к прокурорской проверке специалистов, как правило, объясняется многообразием сфер, с которыми сталкивается прокурор-«общенадзорник», и отсутствием у последнего специальных познаний в узкопрофильных отраслях.

Вместе с тем, недостаточное нормативное регулирование правового института специалиста при проведении прокурорских проверок приводит к низкой эффективности его использования.

Анализ прокурорской практики позволяет сделать вывод о наличии двух основных форм реализации данного института:

1) привлечение специалиста, который является сотрудником проверяемой организации, обладает знаниями применительно к конкретной организации, в которой работает.

Зачастую прикрепление такого сотрудника к прокурору производится самостоятельно руководителем проверяемой организации в начале проводимой проверки. Он используется прокурором в основном в целях выяснения вопросов, которые не влекут для проверяемой организации негативных последствий: для получения пояснений по вопросам организации работы в учреждении, распределению обязанностей, помощи в поиске на проверяемой территории интересующих объектов, сотрудников и т. п.;

2) использование специалиста, который обладает специальными знаниями (имеет спецподготовку) применительно к конкретной сфере деятельности, отрасли знаний и зачастую не является сотрудником проверяемой организации.

К помощи указанных специалистов прокуроры прибегают наиболее часто, при этом в большин-

стве случаев ими выступают сотрудники контролирующих органов.

Изучение практики взаимодействия прокурора и таких специалистов позволяет констатировать наличие трех основных схем взаимоотношений:

а) проверку проводит прокурор, специалист консультирует его о наиболее возможных нарушениях, «зонах повышенного риска» (в том числе дистанционно, по телефону, либо при составлении плана проверки);

б) фактически проверку проводит привлекаемый специалист, прокурор только организует его работу и принимает меры реагирования по выявленным нарушениям;

в) специалист занимает пассивную позицию, фактически прокурор самостоятельно проводит проверку.

Представленные схемы обусловлены, прежде всего, субъективными факторами, такими как опыт, уровень квалификации, добросовестность, загруженность, авторитет конкретного прокурора и специалиста.

При этом полагаем, что ни одна из трех представленных моделей взаимоотношений прокурора-специалиста не соответствует потребностям общества и государства.

Так, общенадзорная прокурорская практика показывает, что прокуроры в основном привлекают специалистов к проведению «первичных» проверок. Например, к проверке соблюдения трудового, природоохранного, санитарно-эпидемиологического законодательства в организациях.

Вместе с тем, одновременное присутствие на проверке и прокурора и сотрудника контролирующего органа зачастую нецелесообразно и влечет неэффективное использование трудовых ресурсов и бюджетных средств на их содержание.

Кроме того, это не в полной мере соответствует требованиям п. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре, согласно которой при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы.

Избежать случаев дублирования функций и перезагрузки контролирующих органов и прокуратуры возможно только при условии полного отказа от проведения прокурорами «первичных проверок», расширения полномочий прокурора по направлению в контролирующие органы требований о проведении внеплановых проверок.

Однако это не означает отказ от практики привлечения прокурорами специалистов, обладающих специальными познаниями.

Полагаем, что необходимость в существовании данного института останется, но это потребует значительного реформирования и придания специалисту статуса эксперта.

При этом нужно учитывать, что специалисту в таком случае, возможно, придется высказывать

суждения, которые в последующем повлияют на признание действий (бездействия) его же коллег не- законными.

В связи с этим требуется:

– законодательно установить правовой статус специалиста (эксперта), правовые и экономические гарантии его безопасности и независимости, урегулировать порядок взаимодействия работника с работодателем в период его привлечения в качестве специалиста;

– определить порядок совместной деятельности прокурора и специалиста (эксперта), процедуру оформления ее результатов;

– ввести ответственность за достоверность и полноту данного им заключения.

Также предлагается закрепить право прокурора при наличии сомнений в объективности специалиста мотивированным решением передавать на рассмотрения материалы проверки (либо их часть) иным специалистам, в том числе находящимся в иных административно-территориальных образованиях, инициировать их комиссионное изучение.

Нормативное закрепление представленных предложений возможно посредством дополнения соответствующей главой Закона о прокуратуре, а также закрепления в п. 2 ст. 21 названного закона требования, согласно которому не допускается проведение органами прокуратуры проверки фактов, отнесенных к компетенции контролирующего, надзорного, правоохранительного органа, в случае если они не являлись предметом проверки таких органов.

Предложенная модель взаимодействия позволит повысить эффективность деятельности как «общенадзорного крыла» органов прокуратуры, так и работу контролирующих органов; избежать необоснованного дублирования их полномочий, минимизировать случаи привлечения специалистов при одновременном увеличении их результативности (ответ от 27.07.2016 г. № 7-29-2016 на обращение С.П. Жданова).

Руководители прокуратуры Рязанской области в ходе анкетирования отметили, что к помощи специалистов прокурорские работники прибегают на разных этапах работы: при подготовке к проверке, при оценке материалов, поступивших из контролирующих органов, отчетных данных, носящих предметный характер, и в других случаях.

Взаимодействие прокурора со специалистом может быть в виде консультаций, фиксации фактов, имеющих значение для установления события правонарушения и последующего принятия мер реагирования.

Нередко получение официального документированного подтверждения данных о нарушениях со стороны специалистов, например, в сфере оказания медицинской помощи, есть необходимое условие для принятия законного и обоснованного решения прокурором.

Таким образом, использование знаний специалиста, особенно в сферах медицинского обслуживания и лекарственного обеспечения, охраны труда и предоставления жилищно-коммунальных услуг является эффективным средством для подготовки обоснованных ответов на вопросы, выходящих за пределы правовых знаний прокурора.

По вопросу необходимости развития деятельности специалиста, обладающего специальными познаниями в судопроизводстве и ОРД, считаем целесообразным следующее: согласно п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре прокуратура РФ проводит надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие; в соответствии с процессуальным законодательством РФ, прокуроры, участвуя в рассмотрении уголовных, гражданских дел судами, противодействуют противоречащим закону решениям, приговорам, определениям и постановлениям судов. Реализуя указанные функции, прокурор является специалистом в области судопроизводства и ОРД (ответ от 09.08.2016 г. № 22-11-2016 на обращение С.П. Жданова).

Руководители прокуратуры Орловской области высказали следующие суждения: в силу полномочий, представленных абз. 2 п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре, прокурор при осуществлении возложенных на него функций вправе требовать выделения специалистов для выяснения возникших вопросов проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизий деятельности подконтрольных или подведомственных организаций.

Указанное полномочие, на наш взгляд, наиболее востребовано. При проведении проверок, требующих специальных (технических, экономических, культурологических, инженерных и др.) познаний в различных сферах жизнедеятельности общества. Проведение подобных проверок обусловлено широким спектром полномочий прокурора, определяемых основными направлениями надзорной деятельности.

Практика привлечения специалистов к проверкам исполнения законодательства об оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального законодательства не получила достаточного применения в органах прокуратуры Орловской области, что связано, главным образом, со спецификой рассматриваемого вида надзора (обязательное наличие у надзирающего прокурора определенной формы допуска к сведениям, представляющим государственную тайну, определенный перечень вопросов, подлежащих изучению в период прокурорской проверки), а также высокой квалификацией самих надзирающих прокуроров, имеющих, исходя из обязательных требований законодательства о прокуратуре, высшее юридическое образование, а в ряде случаев, прошедших специальное обучение на базе вышестоящей прокуратуры.

Наибольшее распространение получила практика привлечения специалистов при проведении прокурорами так называемых «общенадзорных» проверок, то есть проверок соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, действующих на территории РФ, учреждениями и организациями, определенными п. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре, среди которых федеральные органы государственной власти, представительные (законодательные) и исполнительные органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, органы контроля, их должностные лица, а также коммерческие и некоммерческие организации.

Участие специалистов, обладающих специальными познаниями, в проверках соблюдения федерального законодательства свидетельствует о важности и необходимости рассматриваемого полномочия прокурора как инструмента для эффективного выявления нарушений закона, а также для оценки полноты принятия мер к устранению допущенных нарушений по результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования.

Полагаем, что одним из дискуссионных вопросов в контексте рассматриваемой темы может стать предложение о совершенствовании законодательства в части определения порядка оплаты труда специалиста, задействованного в прокурорских проверках, при выполнении им большего объема работ в сравнении с предусмотренным по основному месту деятельности (ответ от 05.08.2016 г. № 22-101-16 на обращение С.П. Жданова).

Руководители прокуратуры Тамбовской области высказали следующие суждения: прокурор при осуществлении возложенных на него функций наделен рядом полномочий, в т. ч. требовать выделения специалистов для выяснения возникших вопросов.

Указанное положение федерального законодательства имеет одно из ключевых значений для прокурорской деятельности, поскольку круг вопросов, с которыми прокурорам ежедневно приходится сталкиваться при осуществлении надзора, широк и разнообразен. Это и проблемы жилищно-коммунального хозяйства, долевого строительства, качества автомобильного топлива и вопросы соблюдения требований законодательства при проведении закупок, осуществлении образовательного процесса, оказании медицинской помощи и многие другие.

Привлечение к проведению проверок квалифицированных специалистов для выяснения возникших вопросов позволяет в короткие временные рамки получить необходимые сведения в определенной узкой отрасли и сфере деятельности, на основании которых сделать верные выводы и заключения с учетом имеющихся знаний в юриспруденции.

Говоря об институте специалиста в уголовном судопроизводстве, следует отметить, что он нужда-

ется в совершенствовании с учетом потребностей уголовно-процессуального законодательства.

Прежде всего, целесообразно УПК РФ дополнить нормой о требованиях, предъявляемых к заключению специалиста, как о форме, так и о содержании этого документа, имеющего доказательное значение.

Специалист, участвующий в ОМП (помимо отражения его деятельности в протоколе следственного действия), мог бы составлять документ, имеющий самостоятельное доказательственное значение о следах преступления, выявленных и изъятых с его участием в ходе осмотра. Этот документ (справка в ряде зарубежных стран) повышает ответственность специалиста за свою деятельность, дает более полное представление об изъятах при его участии предметах со следами преступления.

В ходе ОРД для раскрытия преступлений, совершенных этническими преступными группами, существенное значение имеет привлечение в качестве специалиста переводчика, ответственность которого за достоверность перевода следует повысить.

Так, например, постановление Советского районного суда г. Тамбова от 07.12.2015 г. по уголовному делу в отношении гражданина Республики Таджикистан Раджабова Файзуллоджона Низомидиновича (согласно обвинительного заключения Рачабова Файзуллоджона Нихомидиновича), обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30 п. «г» ч. 4 ст. 228.1 (2 состава преступления), п.п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, возвращено прокурору Советского района г. Тамбова для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Основание для возвращения уголовного дела прокурору послужил тот факт, что переводчик, привлеченный следователем к участию в деле, в разных процессуальных документах по-разному осуществлял перевод фамилии обвиняемого (ответ от 15.08.2016 г. № 7-953-2016 на обращение С.П. Жданова).

Как было указано ранее в Законе о прокуратуре, «прокурор при осуществлении возложенных на него функций вправе требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов выделения специалистов для выяснения возникших вопросов» (абз. 2 п. 1 ст. 22). Однако полномочия этих специалистов (сведущих лиц) в этом Федеральном законе не определены.

Предлагается дополнить ст. 22 Закона о прокуратуре абз. 2.1 следующего содержания: «Обязанности и права специалистов (сведущих лиц), выделяемых для выяснения возникших у прокурора вопросов, регламентируются иными федеральными законами» [2, с. 43].

По нашему предложению руководители Генпрокуратуры России высказали следующие суж-

дения: представляется заслуживающим внимание и будет рассмотрен при подготовке новой редакции Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», работа над которой ведется Генпрокуратурой России в настоящее время (ответ заместителя начальника правового управления – начальника отдела Е.Д. Михайловой от 15.04.2015 г. № Отв-22-3219 на обращение С.П. Жданова).

В свою очередь, эксперт экспертно-консультационного совета по уголовному праву, уголовному процессу, уголовно-исполнительному праву Аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству М.С. Фокин высказал следующее суждение: по внесению дополнения в ст. 22 Закона о прокуратуре, необходимо изменить процессуальное законодательство, что является в настоящее время необоснованным и нецелесообразным (ответы от 03.11.2015 г. № 3.1-44/3623, от 25.11.2015 г. № 3.1-41/3992 на обращения С.П. Жданова).

Таким образом, практика прокурорской деятельности показывает, что привлечение специалистов к проведению проверок значительно повышает как эффективность конкретной проверки, так и в целом прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства РФ.

Библиографический список

1. Бессарабов В.Г., Викторов И.С., Казаринова А.Х., Маматов М.В. Предмет, пределы надзора за исполнением законов и полномочия прокурора по его осуществлению // Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. – М.: Юрайт, 2012. – С. 175–191.
2. Жданов С.П. Специология – научное направление и учебная дисциплина. К вопросу о совершенствовании участия специалиста в правоохранительной деятельности // Закон и право. – 2016. – № 1. – С. 39–43.
3. Жданов С.П. Участие специалиста в судопроизводстве и оперативно-разыскной деятельности: постановка проблем: препринт моногр. / предисловие А.Ю. Шумилова. – М.: ИД Шумиловой И.И., 2014. – 250 с.
4. Жданов С.П. К вопросу о специалисте и использовании его специальных познаний (знаний) в оперативно-разыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2014. – № 4 (41). – С. 24–27.
5. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. – М.: Проспект, 2016. – 256 с.
6. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практ. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. – М.: Юрайт, 2011. – 720 с.

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1928–1933 ГГ.): ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

В статье обосновывается вывод о том, что характерной чертой государственно-правовой политики в разрешении конфликтов на производстве становилось возведение «государственного интереса» в абсолют, в жертву которому приносились многочисленные интересы трудящихся. Технократический подход при разрешении конфликтов прочно занял место в сознании законодателей. В связи с прекращением (в 1934 г.) заключения коллективных договоров и ликвидации Советов профсоюзов (в 1937 г.) рабочие были существенно ограничены в примирительно-третейском разрешении конфликтов. Процессуальное упрощенчество, прекращение с 1934 г. деятельности трудовых сессий народных судов, а с 1936 г. – специальных народных судов по производственным и трудовым делам, предпочтение профсоюзных и хозяйственных органов при разрешении конфликтов явилось следствием усиления централизованного начала в управлении страной в 1930-х годах.

Ключевые слова: социальная напряженность, трудовой конфликт, разрешение конфликта, забастовки, профсоюзные организации, третейские суды, примирительные камеры, расценочно-конфликтные комиссии, трудовая дисциплина.

Торжество в конце 1920-х годов сталинской концепции социально-экономического развития советского общества и практическое ее воплощение становилось одним из главных факторов, влиявших на обострение социального конфликта. «Наступление на промышленном фронте» осуществлялось с помощью «военно-коммунистических» методов, ведущих к разрыву экономических и социальных аспектов развития, ломке всей системы экономического управления, постоянным сбоям в производстве, падению жизненного уровня, что сыграло значительную роль в обострении конфликта между Советским государством и рабочим классом в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

Признаки нарастающей социальной напряженности проявлялись в форме коллективных обращений к руководящим партийным и советским органам с целью получения разъяснений сущности кампаний, подачи заявлений в связи с ущемлением их трудовых прав, массовых уходов с общих собраний, забастовок [1]. На ряде рабочих собраний принимались резолюции, содержавшие требования повышения заработной платы, отмены новой тарифной сетки, пересмотра норм и расценок [4, с. 188].

Лозунг «социалистического наступления» был в значительной мере сориентирован на так называемых «новых рабочих», которые пополнили ряды городского пролетариата. Эти «новые рабочие», являясь, как правило, выходцами из деревни, медленно интегрируясь в городское общество, были далеки от сознательного участия в общественной жизни, становились удобным объектом политического и идеологического манипулирования. От их имени провозглашались демократические по содержанию лозунги, но они же, чаще всего, являлись и субъектами индивидуальных и коллективных трудовых конфликтов, становились наиболее восприимчивой частью рабочего класса [11, с. 265–266].

Подавляющее число трудовых конфликтов происходило на государственных предприятиях (на текстильных предприятиях страны с 1927 по 1929 годы – 120 выступлений), меньше – на частных и концессионных (соответственно – 2 выступления) [20, с. 127].

К концу 1920-х годов несколько видоизменились причины и мотивы забастовочных выступлений. По мнению Б.Н. Казанцева и И.М. Некрасова, они возникали на почве недостатков в самом производственном процессе, в организации труда [20, с. 237]. Рабочие протестовали против непродуманной тарифной политики (необоснованного в ряде случаев увеличения норм выработки, снижения расценок на производимую продукцию без проведения соответствующих мер по рационализации производства и т. п.), ущемления их интересов при заключении новых коллективных договоров. Анализ трудовых конфликтов свидетельствует также об определенных сдвигах в самосознании рабочих, в оценке ими своего места на производстве и в развитии производительных сил общества.

Конфликты на частных и арендованных предприятиях обуславливались, как правило, несвоевременной выплатой заработной платы, нарушениями владельцами условий коллективного договора, невыдачей спецодежды на ряде предприятий.

Выделяя забастовку, как острейшую форму проявления социального конфликта, необходимо подчеркнуть, что в 1920-е годы право на забастовку не регламентировалось, хотя возможность забастовки допускалась. Так, например, правовым актом, касавшимся забастовок, являлось постановление ЦИК и СНК СССР от 23 января 1929 г. [14], которое запрещало «обращение взыскания на принадлежащие профсоюзным организациям стачечные фонды». В 1930-е годы, с отходом от новой экономической политики, прекращением заключения коллективных договоров и рассмотрения

коллективных трудовых споров завершилась какая бы то ни была регламентация забастовок. Предполагалось, что уже уничтожена эксплуатация, а значит, нет места антагонистическим противоречиям, которые служили бы причиной организации и проведения забастовок. Как отмечал Л.Ю. Бугров, «в советских общественных науках, изучающих трудовые и смежные с ним отношения, констатировалось, что в СССР нет и не может быть объективных социально-экономических причин для противоречий между интересами отдельных коллективов рабочих и служащих. Этим, в основном, и объяснялось, почему законодательство, не запрещая забастовки, не предусматривает и права на них» [2, с. 280].

Законодательство, действительно, прямо не запрещало забастовки, но организация и проведение их рассматривались практически как нарушение трудовой дисциплины, которую обязаны были соблюдать все без исключения работники. В работе «Забастовка в советском праве» С.А. Иванов высказал мысль о том, что «именно связь забастовки с трудовой дисциплиной придавала ей противоправный характер» [12, с. 88].

В возникавших конфликтах на предприятиях всех форм собственности наиболее характерными были следующие причины: задержка выплаты заработной платы (от нескольких дней до 2–3-х месяцев); желание повышения расценок, снижения норм выработки, повышения тарифных ставок; недовольство увольнением по сокращению штатов или в связи с ликвидацией предприятий; отказ частного предпринимателя от подписания коллективного договора на условиях, выработанных профсоюзами; нарушения дисциплины труда; оскорбления рабочих со стороны административных работников и инженерно-технических служащих.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов к причинам конфликтов добавились также тяжелейшие материальные условия рабочих [7, с. 37–38].

Одна из крупнейших забастовок в Иваново-Вознесенской губернии состоялась в 1928 г. на Верхне-Середской пряядильной фабрике и охватила 2500 человек [10]. Поводом к забастовке послужила остановка фабрики из-за низкого качества выпускаемой продукции. В ходе расследования ее причин выявлена недостаточная внимательность низового технического персонала к рабочим, вплоть до случаев грубого обращения; уплотненная работа проходила в условиях изношенности оборудования; была не продумана система выплат заработной платы. Кроме того, отмечалась слабая партийная и профсоюзная работа, и, как следствие, низкий авторитет в рабочей среде фабзавкомов, цехпрофбюро, партийных ячеек, производственных совещаний.

В конце 1928 г. на Вышневолоцкой мануфактуре Тверской губернии произошла забастовка,

в которой приняло участие 3400 человек. Созданная для расследования комиссия выделила главные причины выступления рабочих: отсутствие условий, облегчавших тяжелый физический труд, уравнительность в оплате труда, технические недочеты в производстве, грубое отношение администрации к рабочим, тяжелые жилищные условия [21].

Во время забастовки мануфактурщики выразили недоверие местным партийным и советским органам, ЦК профсоюза. Рабочие красильного цеха выступили с критикой экономической политики Советского государства.

Не могли не сказаться на настроениях рабочего класса и трудности, переживаемые деревней в начале 1930-х годов. Кризис в хлебообеспечении города не раз выводил рабочих на улицы с требованиями к государству относительно улучшения условий труда и жизни. В 1932 г. на территории Ивановской промышленной области произошла забастовка, охватившая текстильные предприятия четырех районов области – Вичужский, Тейковский, Лежневский, Пучежский, с общим количеством бастующих 15000 человек [3]. На экстренном совещании в ЦК ВКП (б) были обсуждены причины такого массового недовольства.

Анализ трудовых конфликтов позволяет отметить роль профсоюзов в их урегулировании. К концу 1920-х годов профсоюзы превратились в ассистентов государственной власти, молча соглашались со всеми недемократическими решениями, а некоторые из них принимались по их инициативе (например, лишение пособий по временной нетрудоспособности при бытовых травмах) [6, с. 40]. Профкомы предприятий и учреждений беспрепятственно давали согласие на увольнение работников, причем в половине случаев, как свидетельствовала судебная практика, незаконно.

С конца 1920-х годов, а особенно в начале 1930-х годов, советское трудовое право все более и более ориентировалось на обслуживание интересов производства. Интересы человека отодвигались на второй план [6, с. 40]. Так, например, в 1930 г. НКТ СССР получил право по заявкам хозорганов по соглашению с профсоюзом переводить квалифицированных рабочих и специалистов в другие отрасли народного хозяйства или в другие местности для использования по специальности; администрация предприятий и учреждений получила также право при наличии производственной необходимости переводить работников на срок до одного месяца на другую работу на том же предприятии или в той же системе [19].

Кроме того, постановлением СНК СССР от 6 марта 1929 г. «О мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях» [5, с. 19] администрация получила право увольнять работников единоличным распоряжением без предварительной санкции расценочно-конфликт-

ной комиссии, то есть без участия комитета профсоюза; обязанность администрации сообщать фабзавместкому о предполагаемых увольнениях была ограничена случаями массового или группового сокращения штатов [18]. Если в соответствии с КЗоТом 1922 г. работника можно было уволить за неявку на работу более трех дней подряд или более шести дней в месяц без уважительных причин, то в 1932 г. союзный закон установил, что «в случае, хотя бы одного дня неявки на работу без уважительных причин, работник подлежит увольнению с предприятия или учреждения с лишением его права пользования карточками, а также с лишением его права пользования квартирой, предоставленной ему в домах данного предприятия или учреждения» [16].

Принимались жесткие административные [9] и уголовные [10] меры наказания к лицам, самовольно оставившим рабочие места. Так, например, при обращении за работой в органы труда их принимали на особый учет и не посылали на работу в промышленность в течение шести месяцев [9].

Устанавливалась упрощенная, по сравнению с предыдущим периодом, процедура разрешения конфликтов на производстве.

ЦИК и СНК СССР 29 августа 1928 г. утвердили новые Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов [13], а 12 декабря 1928 г. НКТ СССР утвердил Положение о расценочно-конфликтных комиссиях, о примирительных камерах и третейских судах для разрешения трудовых конфликтов [8, с. 795–798].

Органами по примирительно-третейскому разрешению трудовых конфликтов оставались РКК, примирительные камеры, третейские суды; по судебному – трудовые сессии народного суда.

С целью устранения выявившегося в 1920-е годы параллелизма в работе примирительно-третейских и судебных органов из ведения примирительных камер были изъяты все споры искового характера, проведено разграничение компетенции примирительных и судебных органов. Только расценочно-конфликтные комиссии (РКК) по-прежнему могли рассматривать и исковые и неисковые споры.

Были расширены права расценочно-конфликтных комиссий в области разрешения трудовых споров (конфликтов). К ведению РКК относилось: утверждение, предусмотренных в коллективном договоре или в законе норм выработки, сдельных расценок, разбивки работ и должностей по тарифным разрядам, установление нормального процента брака, форм испытания, проб и иных новых условий труда; разрешение всех конфликтов, возникавших между работниками и нанимателями при применении законов о труде, коллективных и трудовых договоров и правил внутреннего распорядка.

Ведению РКК не подлежали дела об увольнении и о восстановлении в должности работников;

дела о расторжении трудовых договоров с работниками по требованию профессионального союза; вопросы изменения должностных окладов, установленных в порядке государственного нормирования заработной платы, изменения штатов; конфликты между работниками и нанимателем на почве предоставления и распределения жилых помещений, удовлетворения бытовых нужд, то есть, не вытекающие из обязательств по коллективным и трудовым договорам; конфликты, рассматриваемые в трудовой сессии народного суда, примирительной камере или третейским судом; дела о дисциплинарных взысканиях.

Решение в РКК принималось по соглашению сторон. Оно могло быть обжаловано в органы труда: инспектору труда, в обком профсоюза и в ЦК профсоюза, а также отменено в порядке надзора. Вышестоящие профсоюзные органы могли отменять решения РКК по трудовому конфликту, но не пересматривать сам трудовой конфликт самостоятельно. Такое право оставалось у суда, куда работник мог обратиться после отмены решения РКК. Таким образом, формировалась новая система обязательных инстанций: без согласительной стадии не могло быть судебного разбирательства трудовых конфликтов.

Для обжалования сторонами решений в порядке надзора был установлен четырнадцатидневный срок со дня получения ими извещения о состоявшемся решении. Органам труда вменялось в обязанности рассмотрение жалобы в семидневный срок.

В случае если в РКК соглашения по трудовому конфликту не было достигнуто или оно было опротестовано в порядке надзора, дело могло переноситься на рассмотрение народного суда (ст. 48 Правил).

Кроме того, Правила 1928 г. вводили административный порядок рассмотрения трудовых конфликтов в отношении лиц, решающих вопросы приема и увольнения, а также других ответственных работников.

Примирительные камеры и третейские суды организовывались по особому соглашению профессиональных союзов и нанимателей. Они создавались при местных органах труда [15]. Примирительные камеры организовывались в составе председателя и представителей сторон (профессионального союза и нанимателей). К ведению примирительных камер относилось: разрешение всех конфликтов по вопросам заключения, изменения, дополнения и толкования коллективных договоров; не получившие разрешения в РКК вопросы об установлении новых условий труда. Решения примирительных камер принималось только по соглашению сторон.

Третейские суды организовывались в составе председателя (суперарбитра), а также по одному представителю от сторон: от профессионального

союза и нанимателя. К ведению третейских судов относилось разрешение конфликтов, не получивших разрешения в примирительной камере. Решения принимались по согласованию сторон, а при отсутствии соглашения – председателем.

В начале 1930-х годов администрация предприятий все реже обращалась в конфликтные органы для разрешения конфликтов, отдавая предпочтение профсоюзным и хозяйственным органам. Показательным в связи с этим являлся тот факт, что если в годы нэпа в текстах коллективных договоров обязательным являлось включение раздела о порядке разрешения конфликтов на производстве, то в конце 1920-х – начале 1930-х годов администрация предприятий не считала нужным выделять такой раздел.

После слияния 23 июня 1933 г. всех органов НКТ в центре и на местах с ВЦСПС третейские суды и примирительные камеры стали организовываться в случае необходимости при Советах профсоюзов [17]. В связи с прекращением с 1934 г. заключения коллективных договоров, рабочие были существенно ограничены в примирительно-третейском разрешении конфликтов на производстве. Основным органом примирительного разрешения конфликтов оставалась лишь расценочно-конфликтная комиссия. После ликвидации Советов профсоюзов (1937 г.) третейские суды и примирительные камеры не стали организовываться. Коллективные споры неискowego характера, возникавшие по поводу изменения действующих условий труда или установления новых, если они возникали между фабзавместкомом и предприятием, стали рассматриваться вышестоящей профсоюзной и хозяйственной организациями. Таким образом, в первой половине 1930-х годов произошло сужение возможности юридического разрешения конфликтов.

Библиографический список

1. Бакулин В.И., Лейбович О.Л. Рабочие, «спецы», партийцы (О социальных истоках «великого

перелома») // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 6. – С. 100–104.

2. Бугров Л.Ю. Свобода в советском трудовом праве: дис. ... докт. юрид. наук. – Пермь, 1991.

3. ГАРФ. – Ф. 374. – Оп. 27. – Д. 1988. – Л. 82–83.

4. Горинев М.М., Доценко Е.Н. 30-е годы // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / сост. В.А. Козлов. – М.: Политиздат, 1991.

5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929–1945 годы. – М., 1957.

6. Иванов С.А. Кризис советского трудового права // Советское государство и право. – 1990. – № 7.

7. Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х-начале 30-х годов // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С. 37–38.

8. Известия Народного Комиссариата Труда СССР. – 1928. – № 51–52. – С. 795–798.

9. Известия Народного Комиссариата Труда СССР. – 1931. – № 4.

10. Известия Народного Комиссариата Труда СССР. – 1930. – № 36.

11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – М., 1984. – Т. 3. – 1922–1925.

12. Пушкарева С.Г. Коллективные трудовые споры (конфликты) в России: (правовые проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992.

13. СЗ СССР. – 1928. – № 56. – Ст. 495.

14. СЗ СССР. – 1929. – № 7. – Ст. 63.

15. СЗ СССР. – 1931. – № 6. – Ст. 69.

16. СЗ СССР. – 1932. – № 78. – Ст. 475.

17. СЗ СССР. – 1933. – № 40. – Ст. 238.

18. СУ РСФСР. – 1932. – № 59. – Ст. 262.

19. СУ РСФСР. – 1930. – № 7. – Ст. 83.

20. Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг. – М., 1998.

21. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 3802. – Л. 3.

22. ЦДНИИО. – Ф. 2. – Оп. Д. – 220. – Л. 8.

ПРАВОСУДИЕ, ЕГО СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

Целью настоящей статьи является исследование природы и сущности правосудия, его исторического становления сквозь призму философского знания. Автор проводит анализ юридической литературы, в которой отражены основные идеи и взгляды великих мыслителей, послужившие основой становления и развития данного института.

Установлено, что общая закономерность развития представлений и теоретических знаний о судебной власти в правовом государстве состоит в противоречии между политической необходимостью и жизненной целесообразностью в достижении должного правосудия. Разрешение этого противоречия можно обозначить как высшую необходимость судебной власти в прав.

В статье находит дополнительное обоснование суждение о том, что справедливость, положенная в основу деятельности судов по осуществлению правосудия, является базовым его элементом. Приведены основные концепции справедливости, которые обогатили научное мировоззрение в сфере судебной власти. Сделан вывод о том, что правосудие – один из важнейших видов государственной деятельности, который является составляющей национальной безопасности государства.

Ключевые слова: суд, право, правосудие, судебная власть, гражданское общество, общественные отношения, справедливость.

Правосудие... Что кроется за этим словом? Какие идеи человечество вкладывало в тот фундамент, на котором строился данный правовой институт? Каким образом идеи справедливости и права объединились в этой дефиниции и положили основу для зарождения судебной власти, которая сегодня является оплотом любого правового демократического государства?

Проводя анализ юридической литературы, можно заметить, что вопросы о государственности, праве и правосудии волновали умы Аристотеля, Г.В.Ф. Гегеля, Г. Гроция, И.Канта, Платона, М. Цицерона, Ш.-Л. Монтескье и других выдающихся мыслителей с давних времен. В последствии их идеи нашли свое отражение в работах наших современников С. Алексева, О. Данильяна, Д. Иконниковой, Д. Керимова, А. Левченкова, В. Нерсисянца, А. Сачкова, В. Смородинского, В. Суханцевой, других российских и украинских авторов. Однако сама природа правосудия динамична, правосудие постоянно развивается под воздействием трансформационных процессов, происходящих в обществе и государстве. Поэтому в контексте данной работы предлагаем проанализировать саму философию правосудия и проследить, посредством каких основополагающих идей и взглядов происходило становление и развитие данного правового института.

Так, еще М. Цицерон в трактате «О государстве» метко отмечает, что «право, правосудие, верность, справедливость... исходит от людей, которые подтвердили одно обычаями, а другое укрепили законами» [13, с. 30]. Потому неудивительно, что в числе основополагающих идей, которые повлияли на нашу цивилизацию и сформировали ее теперешнее лицо, одно из самых почетных мест занимает идея правосудия, без воплощения которой в жизнь развитие правовой государственности является невозможным.

Также актуальной по сей день остается мысль Платона, высказанная им в диалогах «Государство», «Политика», «Законы» и других произведениях: «Где закон не имеет власти и находится под чьей-то властью, неизбежна близкая гибель государства», соответственно, «там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних расприях» [9, с. 411]. Он отмечает, что целью правосудия является не только кара, но и примирение спорщиков. Лучшим является судья, который «достойных вынудит властвовать, а худших, оставив им жизнь, добровольно повиниться», который «приняв... семью, терзаемую сворами, никого бы не погубил, но примирил их, установив на будущее время законы их взаимоотношений, и мог следить, чтобы они были друзьями» [10, с. 79–80].

Назначение судов греческий философ ставит по значимости в один ряд с назначением правителей. Ведь «каждый правитель в определенных случаях выступает как судья; судья же, не будучи правителем, тем не менее становится им... в тот день, когда своим решением заканчивает судебное дело». Платон подчеркивает, что осуществление правосудия является делом всех, обосновывает принцип народного суда: «Обвинения в государственных преступлениях должны сначала передаваться на решение народа. Когда наносят оскорбление государству, пострадавшими оказываются все граждане... Что касается рассмотрения частных дел, то по мере сил все должны принимать и в нем участие. Кто не использует возможность общего осуществления правосудия, тот считается таким, что совершенно не имеет отношения к государству» [10, с. 243–244].

Цицерон неизменной основой права считал присущий человеческой природе разум и справедливость. В Древнем Китае и Индии утверждали: страна в своем развитии должна руководствоваться

ся справедливостью. Эти и другие идеи древних философов относительно права, свободы, справедливости, человеческого достоинства, гуманизма стали основой гуманистических и антропоцентрических взглядов всех последующих поколений, которые легли в основу современной концепции правового государства.

Исследование проблемы правосудия как «дела всех» продолжил ученик Платона Аристотель. По его мнению, Солон ввел народный суд, где судьями могут быть все. Более того, гражданами следует считать тех, «кто участвует в суде и народном собрании. Такое определение понятия гражданина лучше всего подходит всем, кто называется гражданами» [1, с. 67].

Дальнейшее глубокое раскрытие проблем правосудия проводилось в Европе в Новое время. Так, очень высокой оценкой суда является выражение Г. Гроция: «Несмотря на то, что государственные суды установлены не природой, а человеческой волей, они являются несравненно совершеннее, чем творения природы, более пригодными для спокойствия людей; потому и обращение к ним ни для кого не является таким важным, как для отдельных людей. Смирение столь похвальной установке внушают сама справедливость и природный разум... Не подлежит, конечно, сомнению, что самоуправство, которое существовало до учреждения судов, стало весьма ограниченным» [5, с. 119].

Издравле судебная власть или ее прототипы были призваны разрешать конфликты по своему усмотрению. В любой исторической обстановке с помощью именно этой ветви власти в государствах осуществлялось правосудие (в исконно русском смысле этого слова – справедливость суда), обеспечивавшее судебную защиту интересов и восстановление нарушенных прав [11, с. 23–27].

Правосудие возлагает конец правонарушениям, решает спор не оружием, а правом. Соблюдение правосудия, равно как и пользование правом, Гроций определяет как решающие признаки государства, отличающие его, например, от шайки разбойников [5, с. 617].

Качественно нового уровня идея правосудия достигла в связи с формированием одной из величайших конституционных доктрин Нового времени и современности – теории разделения властей. Как определяет ее основатель Ш.-Л. Монтескье, такой раздел нужен ради обеспечения политической свободы человека. Так, совмещение судебной власти с законодательной или исполнительной исключает свободу, поскольку в первом случае права и свободы граждан будут зависеть от судейского произвола, а во втором – судья может стать угнетателем. Сосредоточение всех трех видов власти в одном лице или учреждении, составленном из лиц одного состояния, вообще ведет к «гибели всего». Из этих соображений Ш.-Л. Монтескье делает логический вывод, что все три вида власти должны

принадлежать не только разным органам, лицам, но и различным слоям общества. Именно в таком разделении власти мыслитель видит эффективный механизм не только обеспечения политической свободы, но и достижения социального компромисса. Ведь, если все ветви формально разделенной власти, прежде всего, судебная, фактически будут принадлежать одному сословию или одной политической силе, ни политической свободы, ни общественного единства не будет [8, с. 289].

По мнению Ш.-Л. Монтескье, независимая судебная власть занимает центральное место в обеспечении политической свободы человека. Именно суд является точкой непосредственного соприкосновения государственной власти, закона и индивида и может служить лучшим предохранителем незаконных действий государственной власти, наиболее вероятным защитником гражданина от произвола [8, с. 290].

В этом смысле так же важными являются идеи И. Канта, сыгравшие существенную роль в формировании представлений об общественном долге в осуществлении народной власти. Если Кант понятие долга связывал с наличием нравственного закона в самом человеке, осознанием им необходимости определенного поведения в обществе, то современная этика права скорее исходит из социальной сущности человека и социальной формы ее существования, через которые человек всегда имеет обязанности в отношениях с обществом, коллективом, людьми.

Проблемы правосудия как философско-правового дискурса и одновременно важного социального института тщательно исследовались, Кантом в его работе «Метафизические основы учения о праве», где он определяет назначение суда как «присуждение каждому своего согласно закону», отводит ему в практическом силлогизме «большой посыл – меньший посыл – заключение» место заключения, содержащего «судебное решение (приговор) относительно того, что в данном случае соответствует праву» [7, с. 690].

Дальнейшее развитие философия правосудия получила в трудах Г.В.Ф. Гегеля, прежде всего в его «Философии права». По мнению мыслителя, суд – это гарантия реализации права члена гражданского общества на осуществление правосудия, на получение оспариваемого права (признание общественной ценности судебной власти): «Член гражданского общества имеет спорное право только через суд». Этот долг признавать над собой власть суда распространяется и на правителя (независимость судебной власти). Г.В.Ф. Гегель отмечает, что именно «в судах право получает определение, оно должно быть доказательным». Ход судопроизводства следует определять законом. Осуществление правосудия должно быть гласным, публичным, поскольку «к праву относится, в частности, и доверие, которое граждане имеют к нему, и определенный аспект, который требует публичности судопроизводства»

(необходимость легитимации правосудия). При этом суду необходимы два вида легитимности: общая – доверие к нему всех граждан общества, и индивидуальная – доверие «к субъективности тех, кто решает» (к судьям) [4, с. 194–198].

Средства достижения обоих видов легитимности Г.В.Ф. Гегель усматривает в суде присяжных воплощение права самосознания членов общества. Необходимость суда присяжных (как легитимность) он ставит даже выше возможности лучшего осуществления права чисто «юридическими судами» (как воплощение легальности). При этом лучший выход ученый видит не в противопоставлении этих судов, а в их объединении в единый суд, где присяжные сообщают о составе преступления (выносят вердикт), а профессиональный судья выносит решение по закону. И так, внедрением суда присяжных достигается совпадение легитимности и легальности как судов, так и правосудия, что ими осуществляется. По концепции Г.В.Ф. Гегеля, судья «не только выполняет законы, он является и деятельной стороной, его точка зрения, его мнение и т. п. влияют на ход дела». Таким образом, приговор, по мнению философа, состоит из двух элементов: один из них – закон, второй – мнение, точка зрения, характер судьи, и эта вторая сторона в значительной степени существует» [4, с. 446–447].

Учитывая общественно-историческую практику, мы убеждаемся: если удастся реализовать в общественной жизни эти элементы, создаются эффективные условия для гармоничного развития общества, проявления творческих возможностей личности во всех сферах социальной и государственной жизни, а также формирования гражданского и правового общества.

Р. Фон Иеринг в своем труде «Цель в праве» определяет юстицию как внешнюю гарантию обеспеченности права (внутренней гарантией является правосознание личности). И в этом видит ее социальное назначение. Отличие судебной власти от других ветвей государственной власти («отраслей государственной деятельности»), согласно по концепции Рудольфа фон Иеринга, обуславливается прежде всего «внутренним своеобразием цели»: в отличие от других отраслей юстиция «должна осуществлять исключительно право» (в других отраслях право сочетается с целесообразностью). Из этого следует понимание фигуры судьи как живого олицетворения закона. В самом учреждении судейской должности правовед видит принципиальное самоограничение государственной власти в отношении правовой территории суда. Из этого он делает вывод о полномочии судьи государством «отыскивать право по своему убеждению, независимо от государственной власти, и признание ею обязательной силы решений, принимаемых им» [6, с. 327–329].

Р. Фон Иеринг определяет три средства, которые предоставляют судье «возможность свободно выражать и отстаивать свои убеждения как в от-

ношении частного лица, так и в отношении государственной власти»: несменяемость, тайна совещания и соответствующее содержание [6, с. 338]. Олицетворение полной независимости юстиции от государственной власти правовед считает суд присяжных, который «характеризует переход от абсолютизма к правовому государству» [6, с. 346].

С развитием философской дискуссии научное мировоззрение в сфере правосудия обогащалось новыми достижениями. Справедливость, положенная в основу деятельности судов по разрешению находящихся в их производстве дел, постепенно превратилась в один из базовых элементов общественного мировоззрения любого народа. Сформировались такие концепции справедливости, как метафизическая (концепция справедливости стоицизма, концепция справедливости И. Канта), теологическая (концепция справедливости Фомы Аквинского, современная католическая и протестантская концепции), эмпирические концепции справедливости (космологическая (Гераклит, Конфуций, Пифагор, Т. Спенсер), натуралистическая (античная, Нового времени – Ф. Бекон, Г. Гроций, Т. Гоббс), новая трактовка (Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк)), социологическая (договорной природы справедливости (софисты, Эпикур), социологическое обоснование концепции справедливости в теориях общественного договора, концепции справедливости в учениях Г. Гегеля, В. Соловьева, обоснования справедливости в философии марксизма), неокантианская (учение Г. Штамллера, плюралистические концепции Г. Радбруха и Ю. Стоуна, неокантианская трактовка справедливости как «разумного права») и неогегельянская (Ю. Биндера, Д. Джентиле, Ж. Ипполита, К. Ларенца, Б. Кроче), концепция справедливости Г. Кельзена.

Нет сомнения, что независимое, непредвзятое, честное и высокопрофессиональное отправление правосудия является решающим фактором правовой государственности и судебной системы. Следовательно, его принципы необходимо внедрять в современную жизнь, причем с учетом многовекового опыта западной цивилизации – опыта реального, а не бумажного верховенства права над государственным произволом, реального, а не декларативного отказа от права силы в пользу силы права [12, с. 39–47].

Исторически судебная власть, ее прототипы были призваны разрешать конфликты по своему усмотрению. В любой обстановке с помощью именно этой ветви власти в государствах осуществлялось правосудие, в исконно русском смысле этого слова – справедливость суда, обеспечивавшее судебную защиту интересов и восстановление нарушенных прав. Но, наделяя эту власть государственным правом разрешать конфликты, верховная власть и народ по-разному воспринимали ее предназначение, ее правосудную природу. В несовпадении их правовых представлений о формально-юридических и духовно-нравственных началах должного

правосудия, оценки обусловленности причин, порождающих и изменяющих судебную власть, проявляется противоречивость материальной и духовной составляющих ее правовой материи. Эти составляющие объективируются в соответствующих судебно-властных отношениях, которые и определяют практику действительного существования судебной власти. В этом заключается общая закономерность развития представлений и теоретических знаний о любой судебной власти в правовом государстве как противоречие между политической необходимостью и жизненной целесообразностью в достижении должного правосудия. Разрешение этого противоречия можно обозначить как высшую необходимость судебной власти в праве [11, с. 23–27].

В этой связи наши современники Г. Власова и Н. Поликарпова отмечают, что правосудие как вид государственной деятельности, призванной обеспечить справедливость в отношении тех, чьи права и интересы оно затрагивает, базируется на правовых и нравственных началах. Законность и нравственность в правосудии, в деятельности правоохранительных органов находятся в неразрывном единстве. Правосудие, не связанное законом, не отвечающее требованиям права, вообще немислимо. Правосудие – суд по праву, по справедливости. Но сам закон должен отвечать требованиям нравственности, а его применение судом не должно противоречить нравственным нормам. Формальное применение закона вопреки требованиям справедливости извращает саму идею правосудия [3, с. 897–900].

Таким образом, можно заметить, что философская природа правосудия менялась под воздействием различных концепций права и справедливости. В древние времена судья фактически отождествлялся с правителем, позднее, с осознанием потребности в независимости органов судебной власти, судья стал восприниматься как гарант реализации прав и свобод каждого члена гражданского общества, а его власть постепенно стала распространяться и на правителей, сегодня же судья – должностное лицо суда, представитель государственной власти, наделенный полномочиями по осуществлению правосудия, базирующегося на принципах самостоятельности, независимости, приоритета прав и свобод человека и гражданина и др.

Подводя итоги данной работы хочется отметить, что судебная власть, будучи призванной разрешать вопросы, связанные с защитой, обеспечением реализации или ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина, тем самым гармонизирует общественные отношения. Таким образом, правосудие – один из важнейших видов государственной деятельности, который является составляющей национальной безопасности каждого государства. Интересы безопасности должны быть подчинены нормам права, ибо нельзя действовать во имя безопасности, нарушая при этом закон. Таким образом, обеспечивая разрешение

любых возникающих в обществе конфликтов на основе права, подчинения закону всех субъектов общественной жизни, судебная власть играет важнейшую роль в системе сдержек и противовесов других ветвей власти, осуществлении правового контроля над их деятельностью. Без действенной системы органов правосудия государство не может считаться правовым.

Безусловно, на сегодняшний день доверие народа к носителям судебной власти подорвано. Однако данный правовой институт постоянно развивается и совершенствуется. Неизменными остаются лишь основополагающие принципы, заложенные в его основу с давних времен, такие как справедливость, гуманизм, ответственность и др. Современные законодотворцы в процессе реформирования судоустройства и судопроизводства ни в коем случае не должны забывать об этом. Ибо, как метко выразился французский философ Поль Анри Гольбах, «правосудие есть основание всех общественных добродетелей» [1, с. 67].

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика / пер. с давногреч. – К., 2005. – 239 с.
2. Афаризмы великих людей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wisdoms.ru/162.html> (дата обращения: 20.05.2016).
3. *Власова Г.Б., Поликарпова Н.А.* Понятие правосудия как философской и юридической категории // Молодой ученый. – 2015. – № 10. – С. 897–900.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Основы философии права, або Природне право і державознавство / пер. з нім. – К., 2000. – 336 с.
5. *Гроций Г.* О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. – М., 1956. – 868 с.
6. *Иеринг Р.* Избранные труды: в 2 т. / пер. с нем. – СПб., 2006. – Т. 1. – 618 с.
7. *Кант И.* Основы метафизики нравственности / пер. с нем. – М., 1999. – 1472 с.
8. *Монтескье Ш.* Избр. Произведения / пер. с фр. – М., 1955. – 800 с.
9. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учебник. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
10. *Платон*. Соч.: в 3 т. / пер. с древнегреч. – М., 1971. – Т. 3. – Ч. 2. – 678 с.
11. *Сачков А.Н.* Правосудный образ судебной власти России XXI века: национальный подход к конструированию // Философия права. – 2010. – № 5 (42). – С. 23–27.
12. *Сморodinський В.* Концепт правосуддя в західній філософсько-правовій думці / В. Смородинський // Філософія права і загальна теорія права. – 2012. – № 2. – С. 39–47.
13. *Цицерон Марк Туллий*. О государстве; О законах; О природе богов / пер. с лат. – К., 1998. – 476 с.

ПРАВО КАК СИСТЕМА ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ ПРАВИЛ
В КОНЦЕПЦИИ ГЕРБЕРТА ХАРТА

В статье подробно рассматриваются основные положения концепции права Герберта Харта касательно подхода к генезису и характеру функционирования права. Ключевым тезисом его теории является понимание права как системы первичных правил, определяющих права и обязанности субъектов, и вторичных правил, обеспечивающих их действие. Первичные правила в понимании автора представляют собой социальные обязательства, формирующие общие стандарты поведения. Совокупность этих правил образует протоправовую систему, которая в условиях отсутствия формального основания действия первичных правил обладает дефектами неопределенности, статичности и неэффективности. Главным условием устранения этих недостатков и перехода от социального регулирования к правовой системе Харт называет введение вторичных правил признания, изменения и суда. Вторичные правила устанавливают критерии действительности, в зависимости от соответствия которым первичные правила определяются как правовые. Если первичные правила направлены на граждан и имеют цель установления стандартов поведения, то вторичные правила направлены на официальных лиц и определяют их возможность по обеспечению правопреимства и стабильности в правовой системе. Подобный дуализм права автор объясняет сложностью отношений, лежащих в его основе.

Ключевые слова: социальное регулирование, правовая система, идея обязательства, генезис права, правопонимание, правовой позитивизм, Г. Харт.

Вопрос о том, что есть право, о его существенных характеристиках отнюдь не является новым, что, тем не менее, не умаляет его значимости. В условиях развития интегративных концепций правопонимания, прекращающейся и достаточно предсказуемой критики правового позитивизма, по-прежнему составляющего основу российской научной правовой догматики, нахождение новых целостных и обоснованных аргументов в научной дискуссии представляется весьма ценным.

Выход на новый виток научного правопонимания возможен только при констатации исчерпания методологического потенциала позитивистской концепции. Это не может быть сделано в условиях, когда большой пласт теоретических воззрений и критического анализа в рамках современного правового позитивизма до конца не воспринят и не оценен российской правовой наукой. В данных обстоятельствах большой интерес представляет позиция одного из ведущих правоведов XX века – Герберта Харта, взгляды которого составили основу современной западной правовой мысли, но, к сожалению, оставшихся без серьезного рассмотрения в российской юридической доктрине.

Будучи позитивистом, Харт с одной стороны стремился найти основания права в действующей правовой системе, с другой стороны, выступил жестким критиком классического правового позитивизма. Именно его глубокий анализ и рассуждения по поводу догматов предшествующих и сопровождающих его правовых концепций, прежде всего, формальных позитивистских и нормативистских, привели его к пониманию права как «единства первичных и вторичных правил».

Харт подчеркивает, что для того, чтобы отражать основные закономерности правовой системы,

идея правил должна содержать в себе правила двоякого рода. Правила первого рода Харт называет первичными, представляющими собой собственно правовые предписания, которые непосредственно определяют меру должного и возможного поведения субъектов. Правила второго рода определяют как вторичные, обеспечивающие действие правил первичных, определяя, в частности, условия их принятия, изменения и применения.

Именно в комбинации этих двух типов правил Харт видит то, что он называет «ключом к науке юриспруденции» [1, с. 78]. Вместе с тем существенной оговоркой является то, что такая простая система правил иллюстрирует наиболее общие, стандартные закономерности правовой системы, что определяется Хартом как «центральный случай». Существование «пограничных случаев» допускается, однако и там можно проследить общую логику правил, в виду ее высокого объяснительного потенциала. Во всяком случае, система первичных и вторичных правил естественно проистекает из самого понятия права.

Обязательным свойством права вне зависимости от особенностей подходов к его определению является обязывающий характер норм, которые правом предписываются. Разночтения, ведущие к ошибкам и затемнениям сущности права, возникают из-за того, что обязывающей характер описывается через разные формы социальных императивов, которые могут неточно отражать сущность права.

Принципиальным является замечание Харта о том, что праву наиболее полно соответствует идея обязательства среди других лексических понятий императивов. Более простые формы, прежде всего, приказ, не могут в достаточной степени воспроизвести принципиальные свойства правовой системы. Более того, обязанность по утверждению

Харта существует в особом социальном контексте, а именно в рамках социальных правил [1, с. 81].

Харт определяет обязанность как вытекающую из социальных правил, которые:

1) обеспечены существенным социальным давлением в случае их нарушения;

2) необходимы для поддержания нормальной социальной жизни или наиболее важных ее аспектов;

3) предполагают, что предписываемые ими действия совершаются во благо других, но не всегда в интересах обязанного лица.

Последнее из вышеуказанного представляет наибольший интерес, поскольку довольно точно определяет ключевую черту обязанности как социального императива. Обязанность потенциально всегда предполагает определенные лишения, «жертвенность» обязанного лица ввиду того, что возможен конфликт между его личными интересами и предписанным обязывающим правилом поведением. Как точно замечает Харт, обязывающие правила представляют собой некий образ «пут», связывающих тех, кто их на себя принимает. Эти пути представляются ничем иным, как общественным давлением, связывающим обязанное лицо и вынуждающие его поступать соответственно обязательству, но не по своей воле, если такая воля противоречит существу предъявляемых требований. Общественное давление выражается в применении санкций различного рода разными субъектами, в том числе официальными [3, р. 31]. Может показаться, что такой образ «пут» возвращает приводимую аргументацию к примеру простого императива, исполнение которого связывалось с угрозой неблагоприятных последствий и ощущения давления. Такое впечатление представляется ошибочным, поскольку наложение обязывающих правил предусматривает для субъекта «быть обязанным», но не «чувствовать себя обязанным». Безусловно, статус обязанного лица может вызывать определенные ощущения давления или принуждения, но это отнюдь не одно и то же. Определение обязанности как психологического чувства представляется Хартом как неверное истолкование его содержания.

Таким образом, идея обязанности лежит в основе действия социальных правил, в которых Харт видит начал права. При этом само присутствие в обществе социальных правил еще не говорит об их правовом характере, поскольку возможно существование общества без каких-либо официальных лиц, в том числе законодателей и судов, столь привычных и необходимых для правовой системы [6; 4, chap. 18]. Общество с такой структурой Харт характеризует как основанное на первичных правилах обязательства. Для существования ему очевидно нужны правила, ограничивающие насилие и произвол, а также правила, налагающие позитивные обязанности в интересах общества, то

есть правила непосредственно регулирующие социальные отношения – первичные правила. Такая простая структура социальных отношений, обеспеченная неофициальными правилами, может существовать только в достаточно стабильной однородной среде, поскольку правила, основанные на простом общественном согласии, не могут существовать в случае социального конфликта. Харт тем самым определяет три ключевых дефекта такой простой общественной структуры, устранение которых возможно только посредством усложнения обязывающих правил до уровня правовых [1, с. 87–88].

1. Неопределенность. Общество, в котором присутствуют только неофициальные правила, не образует системы, которая позволила бы определять эти правила, описывать их содержание. Неопределенность относительно правил очевидно может быть преодолена применением определенной процедуры, идентифицирующей обязывающие правила.

2. Статичность. Неофициальные правила могут быть сами по себе изменены только в процессе собственной медленной эволюции, поскольку сознательное их изменение также требует специальной формализованной процедуры, содержащей в себе правила особого рода, в ходе которой старые правила прекращают свое действие, а новые вводятся в силу.

3. Неэффективность. Система неофициальных правил, обеспечиваемая общественным давлением, может благополучно существовать, пока не появятся случаи ее нарушения. В таких ситуациях в отсутствие официального органа возникнут споры как о самом факте нарушения правил, так и о применении наказания.

Устранение подобных недостатков социального регулирования возможно, по утверждению Харта, посредством введения наравне с первичными правилами правил вторичных, имеющих отличную природу. Именно во введении опосредованных правил, обеспечивающих функционирование обязывающих норм, усматривается переход от доправового состояния общества к правовому [2, pp. 127–133].

Как уже было сказано, вторичные правила по своему содержанию и назначению принципиально отличаются от первичных, являются своего рода высказываниями в отношении последних. Если первичные правила касаются регулирования общественных отношений, то вторичные правила касаются исключительно первичных правил, а именно того, как они определяются, принимаются, изменяются и устраняются из правовой системы, а также определяют критерии их нарушения. С упрочнением и расширением системы вторичных правил происходит поэтапное преодоление недостатков доправовых режимов существования общества

и трансформация системы первичных правил в правовую систему посредством введения правил признания, изменения и суда.

Дефект неопределенности доправовой системы устраняется посредством введения вторичного «правила признания». Данное правило содержит в себе признания и критерии, позволяющие идентифицировать правило как правовое, которому социальная группа должна придерживаться под угрозой санкции. Формы данного правила могут быть различными, все зависит от уровня развития правовой системы. В самом простом виде это может быть ссылка на авторитетный текст, на который предписывается ссылаться в случае необходимости идентификации правила. В современных правовых системах правило признания может содержать в себе критерии и характеристики правового правила, условия соблюдения особой процедуры принятия первичного правила или введения его в действие решением уполномоченного органа и даже коллизионные правила для устранения противоречий между указанными условиями.

Дефект статичности первичных правил преодолевается путем добавления в систему нормативного регулирования «правила изменения». В самом простом виде это правило закрепляет право определенного лица или группы лиц вводить, изменять или отменять первичные правила, обязательные для других членов общей с ними социальной группы, посредством определенной процедуры. Действием данного вторичного правила Харт по сути объясняет основы идеи законотворчества. Необходимо отметить, что правило изменения тесно связано с правилом признания, поскольку для своего действия они должны ссылаться друг на друга: если первичные правила вводятся посредством законотворческой процедуры, предусмотренной правилом изменения, то правило признания должно ссылаться на законодательный порядок как критерий правового характера первичного правила. В самом простом виде правило признания вообще может заключаться исключительно в ссылке на соблюдение процедуры введения действия правила уполномоченным субъектом. Действие правила изменения не ограничивается определением законодательной процедуры введения в действие первичных норм. Оно, что не менее важно, делает возможным частным лицам пользоваться статусом, как это называет Кельзен, ограниченного законодателя. Данное правило предоставляет право субъектам самим выбирать и изменять свое поведение в рамках первичных правил [5, p. 136].

Дефект неэффективности доправового режима первичных правил устраняется путем введения в механизм социального регулирования вторичного «правила суда», предоставляющего определенным лицам право установления факта наличия или отсутствия нарушения первичных правил,

а также процедуру принятия решения об установлении данного факта. По большому счету данное правило позволяет конструировать в социальной системе механизмы судебной и административной юстиции. Правило суда также тесно связано с другими вторичными правилами и, в первую очередь, с правилом признания. Суды, решая вопрос о факте нарушения первичного правила, автоматически решают вопрос о том, является ли правило первичным или нет. Правило суда, предоставляя ему авторитетный статус и возможность выносить решения по сути также является правилом признания, определяющим правила через решения суда.

Комбинация первичных и вторичных правил, таким образом, образует формализованную устойчивую систему норм и институтов, обеспечивающих их действие – правовую систему как она есть.

В основе практики существования правовых систем лежит сложное социальное отношение по выявлению вторичными правилами первичных обязывающих правил, нашедшее, по мнению Харта, неубедительное и недостаточное выражение в позитивистской доктрине [5, pp. 110–124, 131–134, 369–373, 365–366; 7, p. 137]. Как уже было сказано, там, где существуют вторичные правила и, прежде всего, правило признания, появляются четкие формальные критерии для идентификации первичных правил в массе спорных ситуаций применения социальных норм. Характерной чертой действия таких правил является то, что они четко не формируются в правовой системе. Они носят фактологический характер и их констатация основывается на том, как те или иные первичные правила применяются уполномоченными субъектами и в первую очередь судом. Вследствие своего авторитетного статуса суды просто декларируют свои решениями, что они применяют вторичное правило определенного рода. Харт в данном случае говорит не о применении правила признания, но о его существовании в правовой системе [1, с. 95].

В данном случае возникает закономерный вопрос о том, как правило может действовать, если оно прямо не определено. Дело в том, что такие недекларированные правила признания, применяются всеми субъектами права при идентификации обязывающих правил, исходя из, как это определяет Харт, внутренней точки зрения. Применяя их, субъекты принимают их для себя как руководящие правила и относятся к первичному правилу в контексте внутреннего утверждения – «это закон». Принимая для себя данное правило и внутренне относясь к нему как действующему, они применяют его, не декларируя критерии, которыми воспользовались. Внешняя точка зрения стороннего наблюдателя не может определить данное правило, но ведет лишь к констатации его применения посредством внешнего утверждения – «законом является то, что применяется». В данном случае действительно невозможно

понять вторичное правило, оно обнаруживается лишь постфактум его применения.

Такое понимание действия вторичного правила, когда ситуация его принятия с внутренней точки зрения принципиально отграничивается от внешней констатации его действия, имеет принципиальное значение для понимания юридической действительности, исключая все неясности [5, pp. 41–42, 118–122]. Определение первичного правила как действительного происходит во внутренней точке зрения посредством применения к нему недекларируемого правила признания. Действительность означает соответствие правилу признания. Если применения правила признания происходит с внутренней точки зрения, то и определить действительность обязывающего правила можно только с нее же.

Немаловажный вопрос функционирования системы первичных и вторичных правил как основы права связан с их иерархичностью. Очевидно, что при существовании множества критериев действительности и связи этих критериев с неоднородными обязывающими нормами правила будут ранжироваться по своей значимости и подчиняться наивысшим правилам системы. Наивысшим правилом правовой системы, очевидно, будет то, которое сохраняет свое действие даже в случае несоответствия другим существующим правилам и определяемым ими критериям, а они в свою очередь сами должны быть изменены для соответствия первому, потому оно будет определяться как окончательное. Из этого следует, что оно отличается тем, что не может быть проверено, поскольку в правовой системе не существует юридических критериев действительности данного правила, если же они существуют, то правило не может считаться окончательным.

Таким образом, окончательное правило признания существует в правовой системе. При этом Харт принципиально говорит не о «предположении существования», а о «констатации действительности» правила, то есть о его фактуальном характере [1, с. 95]. В правовой системе первичные правила зависят от соответствия критериям, предъявляемым к ним правилами признания. Утверждение об их существовании представляется не просто внешним утверждением об их общепризнанности, но внутренним утверждением о соответствии невысказанным вторичным правилам, означающим действительность в рамках критериев действительности. Утверждение же о существовании окончательного правила признания может быть только внешним утверждением о факте. Первичные правила в правовой системе, также как и правила, определяющие критерии действительности, но зависящие от окончательного правила признания могут существовать, даже если они не применяются, само же правило признания суще-

ствует только в системе отношений субъектов по выявлению права через соотнесение с остальными правилами, определенными критериями. Оно существует только если критерии, определяемые им, используются, то есть существование правила признания – это вопрос факта.

Таким образом, в основе правовой системы утверждения лежат два явления. Одно из них заключается в повиновении обычных граждан первичным правилам, другое – в принятии официальными лицами в качестве стандартов поведения вторичных правил. Такой дуализм правовой системы представляется не просто очевидным, но и вполне естественным, поскольку он отражает существенные отличия сложной правовой системы от простой доправовой структуры социального регулирования. При формировании системы первичных и вторичных правил происходят те необходимые плодотворные преобразования, которые позволяют, по утверждению Харта, говорить о правовой системе. Именно вторичные правила и внутреннее отношение к ним добавляют в систему регулирования осознание понятия всеобщего стандарта, являющегося тем необходимым, что должно присутствовать в праве.

В конечном результате на основании обзорного анализа ключевых положений хартовского понимания права можно определить, что в основе функционирования правовой системы лежат следующие взаимосвязанные между собой утверждения:

1. В основе права лежит идея обязанности, отличающаяся от иных социальных императивов объективным характером стандартов поведения, предопределяемого обязанностью.

2. Обязанность существует в особом контексте социальных правил, являющихся рудиментарной формой права. Понятие социального правила предполагает общее строгое требование соответствия им, подкрепляемое значительным давлением со стороны социума в отношении тех, кто их не соблюдает.

3. Общество, в котором нормативное регулирование осуществляется посредством простых социальных норм, образует систему первичных правил, непосредственно определяющих права и обязанности членов социума.

4. В основе системы первичных правил лежат дефекты неопределенности, статичности и неэффективности, устранение которых возможно только посредством усложнения обязывающих правил до уровня правовых.

5. Устранение недостатков доправовой системы и переход ее к правовой осуществляется посредством ввода вторичных правил, определяющих условия действия первичных, а именно правил признания, изменения и суда.

6. Первичные правила в правовой системе действуют посредством их оценки управомоченными

субъектами на соответствие критериям действительности, определяемыми вторичными правилами.

7. Вторичные правила не декларируются правовой системой, а являются вопросом констатации факта их существования. Существуют они в конкретном обществе, поскольку воспринимаются официальными лицами как обязательные.

8. Правовая система существует тогда, когда складывается дуализм отношений в системе первичных и вторичных правил, где первичные правила соблюдаются гражданами независимо от их мотивов, а вторичные правила применяются для обеспечения действия права и рассматриваются как стандарты поведения.

Таким образом, Харт строит полноценную самодостаточную теорию, объясняющую не просто проблему генезиса права, но и гармонично связы-

вающую с ней вопросы фактического функционирования правовой системы.

Библиографический список

1. *Харт Г.Л.А.* Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 302 с.
2. *Baier K.* The Moral Point of View. – NY.: Ithaca, 1958.
3. *Campbell H.* The Structure of Stairs Institute. – Glasgow, 1954.
4. *Diamond A.S.* Primitive Law. – London, 1935.
5. *Kelsen H.* General Theory of Law and State. – Cambridge: Harvard University Press, 1949.
6. *Malinowski B.* Crime and Custom in Savage Society. – NY., 1926.
7. *Salmond J.* Jurisprudence. 11th ed. – London: Sweet and Maxwell, 1957.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОНЯТИЕМ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

В статье рассматриваются основные подходы к понятию юридических фактов, анализируются вопросы широкого и узкого толкования и правопонимания. С учетом существующих подходов рассматриваются различные взгляды на понятие юридических фактов и содержание данного явления. Приводятся доводы о необходимости создания теории юридических фактов и толкования данных фактов в широком смысле, с учетом того, что они должны выполнять определенную функцию в рамках правового регулирования отношений. В работе делаются аналитические заключения относительно понимания юридических фактов в единстве материального и идеального, что исключает принципиальность в вопросе относительно наименований «юридический состав» и «фактический состав». Кроме того, делается вывод о возможности использования указанных ранее понятий в качестве взаимозаменяемых.

Ключевые слова: факты, юриспруденция, наука, теории, подходы, анализ, классификация, доктрина, практика.

Юридические факты представляют собой одну из важнейших и ключевых категорий юриспруденции. Без данного правового явления, как и без норм права, было бы бессмысленно правовое регулирование отношений. Юридические факты выступают движущим элементом в динамике общественных отношений и являются непосредственной причиной возникновения, изменения и прекращения отношений.

Следует отметить, что, несмотря на довольно высокую доктринальную значимость и практическую актуальность, юридические факты в качестве научной категории и в качестве элемента механизма правового регулирования не имеют адекватного и отвечающего имеющимся потребностям понимания. Следствием данного пробела являются непрекращающиеся научные дискуссии и целый комплекс сложных проблем практического характера. Непосредственная причина сложившегося состояния заключается в сложности социальной и юридической природы анализируемого явления.

Одна из важнейших особенностей эволюции понятия «юридический факт» – это расширение объема данного понятия. Современная наука придерживается подхода, согласно которому термин «юридические факты» был введен в оборот Фридрихом Карлом фон Савиньи.

Согласно утверждению немецкого юриста А. Манинг, Савиньи в работе «Система современного римского права» писал: «Я называю события, вызывающие возникновение или окончание правоотношения, юридическими фактами» [6]. На авторство Савиньи делает отсылку О.С. Иоффе. Ученый утверждает, что в дальнейшем процесс, связанный с обогащением анализируемого понятия, шел путем признания юридического факта правонарушения, развитием идеи о слитном или сложном юридическом факте, или прообразе права. В дальнейшем юридическая мысль направилась по пути создания общей системы фактов, охватывающей обстоятельства, которым придавалось юридическое значение в частном и публичном праве [2].

Понятие «факт» берет свое начало от латинского происхождения (лат. factum – сделанное, свершившееся). Под данным понятием понималось действительное событие или явление, которое произошло в действительности. Если обратиться к большой советской энциклопедии, то можно обнаружить, что там приводятся три значения для анализируемого понятия:

1) обычное словоупотребление – синоним понятия истины, событие или результат;

2) знание, достоверность которого доказана;

3) на уровне логики и методологии науки – предположения, которые фиксируют эмпирическое знание.

Факт является понятием с большим объемом. Данным понятием охватывается бесконечное количество явлений объективного и субъективного характера. Существующие предметы, расположенные в определенном порядке, являются фактом. Явление, которое человек видел либо о котором слышал, также является фактом. Произнесенное человеком слово или целый набор слов есть факт. Если человек придерживается известного мнения, следовательно, он имеет известное намерение, действует совестно, любит, сознает или сознавал в конкретное время определенное состояние, был в определенном состоянии здоровья, либо имел своеобразную репутацию – все это сплошные факты.

С учетом юридического значения факты (объективные и субъективные) можно разделить на две основные группы:

1) юридически безразличные;

2) юридически значимые.

Первая группа фактов – это факты, которые не вовлечены в процесс осуществления правового регулирования правовых отношений, следовательно, они не имеют юридического значения. К данным фактам можно отнести: любовь, дружбу, антипатии, симпатии и т. д.

Вторая группа фактов – это факты, которые выполняют определенную функцию в результате осуществления правового регулирования отношений и как следствие, имеют определенное юридическое значение.

Согласно мнению В.И. Синайского, «юридический факт есть понятие чисто юридическое. Само по себе никакое обстоятельство не может вызвать юридических последствий, если за таким обстоятельством право не признает свойства производить эти последствия» [7]. Таким образом, в силу обозначенного выше все явления окружающего мира делят на два вида: безразличные и юридически значимые.

Указанное деление в данном случае является «дихотомическим». Тем не менее, его не стоит абсолютизировать. Необходимо учитывать, что один и тот же факт в одном отношении можно признать юридически безразличным. С другой стороны, он может восприниматься как юридически значимый. Не случайно О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский признавали деление фактов на две указанные разновидности и делали оговорку относительно того, что подобная классификация является условной, так как в реальной действительности не всегда имеется возможность провести абсолютную и неподвижную черту между обозначенными группами юридических фактов [2]. К примеру, удар молнии по своей сути не порождает правовых последствий. Но если от данного удара погибнет имущество, то может быть прекращено право собственности, а если данное имущество было застраховано, то у собственника есть право на страховое возмещение. К какому разряду явлений необходимо отнести удар молнии? В данном случае не получится найти ответ согласно метафизической формуле «да-да, нет-нет», данный метод не будет работать. Все будет находиться в зависимости от того аспекта, в какой обстановке данный факт наступил и придается ли ему юридическое значение законом в случае имеющих обстоятельство.

Многообразие и вариативность юридически значимых фактов делает обоснованным рассмотрение данных явлений в широком и узком значении. В рамках широкого смысла юридически значимые факты включают юридические факты и факты-доказательства. Основанием, необходимым для их деления, является возможность порождать определенные правовые последствия. Интересно отметить, что юридические факты в современной научной юридической литературе определяют в качестве предусмотренных правовыми нормами конкретных жизненных обстоятельств, влекущих установление, изменение либо прекращение правовых отношений [5].

В теории государства и права существенное внимание уделено общетеоретической разработке анализируемого явления, в то время как факты-доказательства постоянно игнорируются, и остаются уделом для уголовно-процессуального и гражданско-процессуального направлений науки [4].

За последние годы возникла потребность в том, чтобы вывести вторую, высоко значимую разновидность фактов на уровень общей теории и на-

учного осмысления. Таким образом, можно будет внести недостающий элемент в становление всей теории юридических фактов. Учитывая сказанное, следует отметить, что понятие «юридический факт» находит свое употребление как в широком, так и в узком смысле. Тем не менее, при употреблении анализируемого понятия в узком смысле слова подразумевается конкретная фактическая предпосылка, состоящая из единственного элемента – юридического факта. В широком смысле под юридическими фактами понимают всякие фактические обстоятельства, которые имеют правовое значение, в частности, элементы, относящиеся к фактическому составу. Следует отметить, что вопросы о фактах-доказательствах фактически не рассматриваются [1].

Юридически значимые факты в узком смысле представляют собой установленные нормами права обстоятельства, которые непосредственно порождают определенные правовые последствия. Если для формирования правового последствия является достаточным одного юридически значимого факта, то его необходимо считать самостоятельным. В том случае, когда правовое последствие порождено на основании двух и более юридически значимых обстоятельств, следует говорить о не-самостоятельных юридически значимых фактов. Обозначенное деление имеет большое значение не только в результате определения юридического статуса имеющих элементов фактического состава, но и в существенной степени дает возможность для решения проблемы их оптимизации.

Для того чтобы постичь природу юридически значимых фактов, важно учитывать аспект понимания их в единой системе как материальное и идеальное. Игнорирование данного обстоятельства может привести к тому, что одни исследователи абсолютизируют основу рассматриваемого явления, а другие, напротив, будут ее полностью отрицать, при этом они будут делать акцент строго на правовом характере.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что юридический факт представляет материально-юридическое понятие. Тем не менее, сказанное ранее совершенно не означает, что материальный и юридический моменты в юридическом факте являются неотделимыми. В научном исследовании их следует и даже необходимо рассматривать в отдельном порядке. Также необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что для исключения терминологических неясностей и для обозначения юридической части конкретного состава можно применять термин «юридическая модель» определенного состава, а материальные факты, которые входят в состав, именовать как «фактическая основа».

Понимание такого явления как юридические факты в единстве материального и идеального

исключает принципиальность в вопросе относительно наименований: «юридический состав» и «фактический состав». Следовательно, их можно использовать в качестве взаимозаменяемых, но здесь нужна детальная проработка и исследование.

Особое внимание заслуживает явная необходимость создания теории юридически значимых фактов, а также рассмотрение их в широком смысле, в качестве фактов, выполняющих конкретную функцию в рамках осуществления правового регулирования отношений.

Теоретически и практически является важным деление юридически значимых фактов, которые понимаются в узком смысле как самостоятельные и несамостоятельные. Принципиальное значение для оптимального и адекватного постижения природы анализируемого явления имеет понимание юридических фактов в единстве «материального и идеального».

Библиографический список

1. *Зинченко С.А.* Юридические факты в механизме правового регулирования. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 257 с.
2. *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. – Ленинград.: Ленингр. ун-т., 1949. – 335 с.
3. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. – М.: Юридическая литература, 1961. – 242 с.
4. *Конева Н.С.* Методологические аспекты современной науки конституционного права России // Проблемы права – 2013. – № 4. – С. 39–43.
5. *Миннебаев Р.Х.* К вопросу о понятии юридических фактов // Юридический мир. – 2011. – № 3. – С. 54–56.
6. *Савиньи Ф.К. фон.* Система современного римского права: В 8 т. – М.: Статут, 2012. – 510 с.
7. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. – М., 2002. – 143 с.

Фарукшин Александр Владимирович
Вятский государственный университет, г. Киров
af-kostroma@mail.ru

Гребнев Иван Анатольевич
кандидат биологических наук, доцент
Вятский государственный университет, г. Киров
Вятская государственная сельскохозяйственная академия, г. Киров
ivan_grebnev_84@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПРАВА НА ЛЮБИТЕЛЬСКУЮ И СПОРТИВНУЮ ОХОТУ ФИЗИЧЕСКИМ ЛИЦАМ В ЗАКРЕПЛЕННЫХ ОХОТНИЧЬИХ УГОДЬЯХ

Настоящая статья посвящена анализу правового регулирования предоставления права на любительскую и спортивную охоту физическим лицам в закрепленных охотничьих угодьях. Рассматриваются вопросы, связанные с оформлением и выдачей правоустанавливающих документов: разрешения на добычу охотничьих ресурсов, договора возмездного оказания услуг, путевки. В ходе работы определены особенности гражданских правовых отношений, определяемые охотничьим законодательством, по предоставлению долгосрочными охотпользователями доступа в закрепленные за ними охотничьи угодья с целью осуществления любительской и спортивной охоты физическими лицами. Определяется значение путевки в действующем правовом механизме предоставления права на охоту. Обсуждаются возможные варианты выдачи путевок юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, являющимися долгосрочными охотпользователями, в закрепленные за ними охотничьи угодья физическим лицам. Выявлены проблемы действующего нормативного правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений. Авторами исследования сформулированы и предложены для обсуждения изменения в Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», необходимые для устранения выявленных дефектов правового регулирования.

Ключевые слова: охота, охотничье хозяйство, путевка, договор, оказание услуг, разрешение, добыча охотничьих ресурсов.

Охота традиционно является одним из основных видов использования объектов животного мира в Российской Федерации. Вместе с тем, правовое регулирование предоставления права на охоту имеет ряд дефектов, негативно сказывающихся на развитии отрасли, реализации и защите прав и законных интересов граждан – охотников. В частности, одним из наиболее проблемных элементов механизма обеспечения права на охоту является путевка, наличие которой у охотника является обязательным условием доступа на территории закрепленных охотничьих угодий. Рассмотрим правовые установления, определяющие статус и значение данного документа, а также непосредственно связанного с ней договора возмездного оказания услуг.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 209) охотничьи угодья подразделяются на:

1) охотничьи угодья, которые используются юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями на основаниях, предусмотренных ФЗ № 209 (закрепленные охотничьи угодья);

2) охотничьи угодья, в которых физические лица имеют право свободно пребывать в целях охоты (общедоступные охотничьи угодья) [6].

При этом площадь закрепленных охотничьих угодий может достигать 80% от общей площади

охотничьих угодий субъекта Российской Федерации (ч. 3 ст. 7 ФЗ № 209).

Действующее охотничье законодательство по-разному регулирует отношения, связанные с основаниями возникновения и реализации права на любительскую и спортивную охоту в закрепленных и общедоступных охотничьих угодьях.

На основании ч. 3 ст. 8 ФЗ № 209 право на добычу охотничьих ресурсов возникает с момента выдачи разрешения на их добычу. Порядок оформления и выдачи разрешений на добычу охотничьих ресурсов утвержден приказом Минприроды России от 29.08.2014 № 379 (далее – Порядок № 379).

Вместе с тем, любительская и спортивная охота в закрепленных охотничьих угодьях осуществляется при наличии путевки и разрешения на добычу охотничьих ресурсов, выданного лицу, указанному в ч. 1 ст. 20 ФЗ № 209 (ч. 3 ст. 14 ФЗ № 209). Любительская и спортивная охота в общедоступных охотничьих угодьях осуществляется при наличии разрешения на добычу охотничьих ресурсов, выданного лицу, указанному в ч. 1 ст. 20 ФЗ № 209 (ч. 4 ст. 14 ФЗ № 209).

Выдача разрешения на добычу охотничьих ресурсов физическому лицу в случае осуществления им охоты в закрепленных охотничьих угодьях осуществляется юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем, заключившими охотхозяйственные соглашения (пп. а п. 1 ч. 1 ст. 31 ФЗ № 209), в случае осуществления им охоты в общедоступных охотничьих угодьях – органом испол-

нительной власти субъекта Российской Федерации (пп. б п. 1 ч. 1 ст. 31 ФЗ № 209).

Заметим, что право на добычу охотничьих ресурсов в общедоступных охотничьих угодьях возникает с момента выдачи уполномоченным государственным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации разрешения на добычу охотничьих ресурсов и может быть реализовано охотником без оформления иных правоустанавливающих документов. В закрепленных охотничьих угодьях право на добычу охотничьих ресурсов возникает с момента выдачи охотпользователем разрешения на добычу охотничьих ресурсов, но может быть реализовано только после выдачи путевки данным охотпользователем. Необходимо акцентировать внимание на том, что охотпользователь вправе отказать в выдаче разрешения в строго определенных случаях, определенных Порядком № 379, к которым невыдача путевки не относится. Такая позиция подтверждается, в том числе и судебной практикой. Так, решением Советского районного суда г. Нижний Новгород от 17.10.2011 по делу № 2-4311/11 суд удовлетворил иск охотника, признал незаконным бездействие общественной организации, выразившееся в невыдаче разрешения на добычу охотничьих ресурсов в соответствии с заявлением истца (в котором указывались все необходимые данные для выдачи разрешения, кроме того, в заявлении имелась оговорка о том, что в услугах в сфере охотничьего хозяйства истец не нуждается). Суд обязал общественную организацию выдать разрешение на добычу охотничьих ресурсов в соответствии с заявлением истца. В данном деле вопрос о невозможности осуществления истцом непосредственно охоты в закрепленных за ответчиком охотничьих угодьях без приобретения путевки судом не рассматривался, как выходящий за пределы заявленных требований [5].

Таким образом, охотпользователь обязан выдавать разрешение в свои охотничьи угодья (при соблюдении всех установленных правил), не выдавая путевку. В то же время охотник, получив разрешение, не имеет право осуществлять охоту, так как нарушит нормы ч. 3 ст. 14 ФЗ № 209 и пп. «г» п. 3.2 Правил охоты, утвержденных приказом Минприроды России от 16.11.2010 № 512 [4].

Обратимся к определению понятия «путевка». Ч. 3 ст. 14 ФЗ № 209 определено, что путевка – это документ, подтверждающий заключение договора об оказании услуг в сфере охотничьего хозяйства. В ч. 1 ст. 55 ФЗ № 209 указано, что услуги в сфере охотничьего хозяйства оказываются на основании договоров возмездного оказания услуг.

Исходя из вышеизложенного, мы можем заключить, что охотник, желающий реализовать свое право на любительскую и спортивную охоту в закрепленных охотничьих угодьях, должен за-

ключить с охотпользователем договор возмездного оказания услуг. Такой договор должен заключаться или до выдачи путевки или одновременно с ее выдачей. Насколько правомерным является такое требование?

До вступления в силу 01.04.2010 ФЗ № 209 путевка выполняла функцию разрешения на доступ в закрепленные за охотпользователем охотничьи угодья. Она выдавалась по форме, утвержденной уполномоченным государственным органом, и, по мнению некоторых юристов, могла считаться договором между охотпользователем и охотником (см. например, определение Верховного суда РФ от 15.12.2004 по делу № 19-ГО4-10).

В настоящее время путевка лишь подтверждает факт заключения договора возмездного оказания услуг между охотпользователем и охотником, по нашему мнению, понуждая обоих к заключению такого договора, что противоречит Федеральному закону «О защите прав потребителей» [2], так как в соответствии с данным законом и ст. 421 ГК РФ, потребитель услуги не может быть принуждаем к заключению договора на оказание услуг. Полагаем, что охотпользователь и охотник должны быть освобождены от обязанности заключения договора возмездного оказания услуг при предоставлении доступа в закрепленные охотничьи угодья, а выдача путевки должна служить лишь подтверждением согласия охотпользователя, данного физическому лицу на доступ в закрепленные за ним охотничьи угодья в целях охоты. Договор возмездного оказания услуг должен заключаться не при предоставлении доступа в закрепленные охотничьи угодья, а при предоставлении услуг в сфере охотничьего хозяйства (услуг егеря, организации охот, прокат техники, оборудования, инвентаря, проживания и питания на базе и т.д.).

В соответствии со ст. 779 ГК РФ договор возмездного оказания услуг – договор, согласно которому исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги [1].

В отношении большинства возмездных гражданско-правовых договоров единственным существенным условием договора возмездного оказания услуг является его предмет. При отсутствии в договоре возмездного оказания услуг условия о предмете или при не достижении сторонами соглашения о его предмете договор считается незаключенным.

Существенными элементами договора являются, в том числе формулирование заказчиком непосредственно заказа, то есть задания на совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности с взятием на себя обязанности оплатить услугу. В договоре оказания услуги должны быть указаны конкретные действия или деятельность, осуществляемые исполнителем

услуги, объем услуг, качество, сроки исполнения. Важным элементом договора является и его цена.

Однако в настоящее время в охотничьем хозяйстве России сложилась практика, в соответствии с которой при выдаче разрешения на добычу охотничьих ресурсов и путевки договор, как правило, не заключается, то есть не определяется какие услуги, в каком объеме, качестве и кем будут оказываться охотнику. При этом путевка в том виде, в каком она существует сейчас, по сути, является фискальным документом строгой отчетности – квитанцией, позволяющей брать деньги с клиента без применения кассового аппарата. Более того, некоторыми исследователями отмечается, что выдача путевки отнюдь не означает, что между охотником и охотпользователем существуют именно отношения, охватываемые договором услуги [3, с. 41–42].

Полагаем, что выдача путевки должна сопровождаться выдачей охотнику экземпляра договора об оказании услуг, отвечающего всем требованиям закона. При предоставлении безвозмездного доступа в охотничьи угодья можно выдавать путевку с предоставлением записи, свидетельствующей о безвозмездном разрешении доступа в угодья. Последнее обстоятельство будет указывать на отсутствие услуги и поможет избежать претензий налоговых органов к долгосрочному охотпользователю.

На основании вышеизложенного мы можем заключить, что режим предоставления права на любительскую и спортивную охоту физическим лицам в закрепленных охотничьих угодьях предусматривает оформление нескольких документов: разрешения на добычу охотничьих ресурсов, договора о возмездном оказании услуг и путевки. При этом действующее правовое регулирование данной сферы правоотношений имеет дефекты и требует корректировки, в том числе считаем необходимым инициировать:

1. Внесение изменения в ч. 1 ст. 55 ФЗ № 209, определяющего, что услуги в сфере охотничьего

хозяйства могут оказываться как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

2. Внесение изменения в ч. 3 ст. 14 ФЗ № 209 определяющего, что путевка – это документ, подтверждающий согласие охотпользователя, данное физическому лицу, на доступ в закрепленные за ним охотничьи угодья в целях охоты.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

2. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // «Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации», 09.04.1992, № 15, ст. 766.

3. Курдюмов К.С. Пушкин А.В. Некоторые проблемы статуса разрешения на добычу охотничьих ресурсов и путёвки. Биологические ресурсы. Часть 1. Охотоведение. // Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Вятской государственной сельскохозяйственной академии и 45-летию подготовки биологов-охотоведов. 3–5 июня 2010 г. Сборник научных трудов. – Киров, 2010. – С. 41–42.

4. Приказ Минприроды России от 16.11.2010 № 512 «Об утверждении Правил охоты» // «Российская газета», № 39, 24.02.2011.

5. Решение Советского районного суда города Нижний Новгород от 17.10.2011 по делу № 2-4311/11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forum.guns.ru/forum_light_message/264/888917.html (дата обращения 13.01.2017).

6. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // «Собрание законодательства Российской Федерации», 27.07.2009, № 30, ст. 3735.

Петелин Борис Валентинович
доктор исторических наук, профессор
Череповецкий государственный университет
pbwtscherepowez@mail.ru

Степанов Григорий Викторович
g-stepanov.84@mail.ru

«РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ»*

В рецензии на монографию профессора Н.В. Павлова отмечается актуальность обращения автора к истории российско-германских отношений, аргументированное использование обширного фактического материала, позволившего показать всю сложность взаимоотношений России и Германии на протяжении многих веков.

Ключевые слова: славяне, германцы, альянс, войны, сотрудничество, ФРГ, ГДР, СССР, Германия, Россия, германская политика.

Новая монография известного российско-германского историка-германиста, доктора исторических наук, профессора МГИМО(У) Н.В. Павлова отличается свежестью взгляда на многовековую российско-германскую историю. Изданная не в самое лучшее время российско-германских отношений, она в своем названии как бы констатирует этот факт: «несостоявшийся альянс». Могло ли быть иначе? Могло! Да и было... «...Россия и Германия, русские и немцы, – пишет автор, – два народа, две культуры, два общества, две судьбы постоянно пересекались во времени и пространстве, порой сотрясая основы европейской цивилизации. Что это было – запрограммированное соперничество, логичное партнерство или случайное стечение обстоятельств?» (с. 10). «Случайным стечением» эти отношения вряд ли назовешь. Оба народа – славяне и германцы давно и прочно вписались в европейскую историю. И Николай Валентинович прав, что «без созидательного сотрудничества этих государств немислима была устойчивость континентального мирного порядка».

Структура книги отвечает замыслу автора – показать взаимоотношения в исторической динамике. В ней, с традиционным предисловием и необходимым заключением, где как раз и подведены к общему «знаменателю» все аргументы о несбывшихся надеждах на «альянс», – 11 глав с краткими, но емкими по смыслу названиями и соответствующим им содержанием (изложенный материал умело структурирован, что придает исключительную цельность его изложению). Каждая глава снабжена соответствующей «хроникой» с указанием дат и событий, происходивших синхронно в России и Германии.

Огромный по историческим меркам пласт взаимоотношений автор разделил на четыре периода. Первый, «доромановский» – растянулся почти на восемь веков; второй насчитывал три столетия; третий (советский) период уложился всего в 74 года. С начала 90-х гг. начался четвертый, нынешний – современный. При этом Н.В. Павлов отмечает, что возможно в дальнейшем под влиянием всеобщего ускорения развития человечества мы будем свидетелями «сжатия» истории, в том числе

в сфере российско-германских двусторонних отношений. То есть их дробление, крутые повороты во взаимоотношениях вполне возможны и допустимы в более узкие исторические рамки.

Свое повествование автор начинает с IX в., со становления государственности на германской и российской землях, со знакомства с традициями, обычаями, занятиями входящих в соприкосновение не столь уж далеких этнически друг от друга народов. Проявление враждебности естественно было, но оно не выходило за пределы обычаев того времени. До начала Ливонской войны, за 380 лет (монография насыщена фактами) в Балтийском регионе, где проживали не одни русские и немцы, можно насчитать от 30 до 40 войн (мелкие многочисленные стычки просто не учитывались), но мирные интересы преобладали в отношениях двух народов (с. 26).

Россия в своем стремлении «прорубить окно в Европу», как известно, преуспела: эта задача была решена Петром I при союзнической поддержке Пруссии (с. 64), но были и другие немецкие княжества-государства, наконец, Австрия, с которыми мирные отношения не складывались. Впрочем, и с Пруссией союз оказался недолговечным. При императрице Елизавете Петровне Россия уже воевала в Пруссии, а в Семилетней войне, начавшейся в 1756 г., Санкт-Петербург и Вена добились ликвидации прусской государственности. Все перипетии той европейской истории изложены в книге логично и последовательно. Постоянного «альянса» России с Пруссией, Австрией, немецкими княжествами мы с вами не отыщем. Но «союзы» не заключаются на века. Нам кажется, что в российско-германских отношениях следует учитывать степень влияния одного государства на другое. Широкое проникновение иностранцев в Россию началось при Петре I. Он ценил их деловые качества, но, как писал С.Ф. Платонов, «везде над ними возвышался русский человек, хотя бы и меньше иностранца знавший дело». А вот при Анне Иоанновне (известное высказывание В.О. Ключевского): «немцы посыпались как сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол,

* Рецензия на книгу: Павлов Н.В. Россия и Германия: Несостоявшийся альянс. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 660 с.

забирались на все доходные места в управлении». Естественно, автор не мог обойти ни этих высказываний, ни самого факта проникновения немцев в Россию. В начале правления Екатерины II в столице насчитывалось 40 тыс. жителей с немецкими корнями, в Москве – 20 тыс. в Одессе – более 10 тыс. (с. 121). Ничего удивительного нет – сама императрица была немкой. Именно при ней появились первые официальные немецкие переселенцы. Дальше – больше. К 1914 г. численность немцев России доходила до 2,5 млн. человек (но это не так много для ее просторов). Но на важнейших ключевых постах государства гражданские и военные чиновники тоже были из немцев. Из последних 6 царей только Александр III выбрал себе в жены датскую принцессу. Немецкая кровь, как известно, оказалась роковой в судьбе Николая II и его семьи.

Немало немцев, как пишет автор книги, принесли славу нашей стране, верой и правдой служили России. Все так. Но при таком раскладе «альянс» был не нужен. Да, ехали и русские люди в Германию, вращались в литературных кругах, учились, но не заправляли там ни промышленностью, ни банками, ни военными делами... Связь с Германией не прервалась и после революций 1917 г. Н.В. Павлов деликатно уходит от дискуссии о «немецких деньгах» большевикам (документальных подтверждений этому не найдено), но германские власти на подрывную работу в России средства выделяли, да и без «германской поддержки большевики Ленина не смогли бы удержаться у власти в свой первый решающий год» (с. 228). Российский «след» в немецком ноябре 1918 г. куда как очевиден. Но установить там диктатуру пролетариата коммунистам-интернационалистам не удалось.

С укреплением советской власти в России интерес к Германии не исчез. Россия и Германия, – писал нарком по внешней торговле Л. Красин – «созданы друг для друга». Обе страны стали изгоями Версальской системы, что привело к установлению двухсторонних отношений и заключению в 1922 г. Рапалльского договора. Никакой «альянс» между СССР и Веймарской Германией не потребовался. Вплоть до прихода Гитлера к власти в 1933 г. без всякого «альянса» стороны успешно сотрудничали, особенно в военно-технической области. Дальнейшее хорошо известно. «Надежды Сталина с помощью держав-победительниц в Первой мировой войне обуздать Гитлера и его сподвижников в других странах..., оказались на поверку мыльным пузырем» (с. 278). Нам думается, что не стоило называть Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. «сговором сатаны с дьяволом» (чем же тогда был «мюнхенский сговор»?). Тем более что далее автор называет «пакт Молотова-Риббентропа» всего лишь «временной тактической уловкой для Гитлера». Так что Сталину оставалось думать о защите своей страны.

Война для фашистской Германии закончилась крахом. Страна была оккупирована и поделена на зоны между СССР, США, Великобританией и Францией. Раскол Германии и появление двух немецких

государств в 1949 г. стал следствием начавшейся холодной войны, в которой противостояние между ее главными соперниками прошло по немецкой земле. Да, строительство социализма в Восточной Германии можно называть экспериментом, так как оно осуществлялось в советской оккупационной зоне. Да, соревнование с ФРГ ГДР, можно сказать, проиграла, потому и исчезла с политической карты. Вот только на этот счет есть и другие мнения, высказанные с учетом анализа политики «перестройки» и «нового политического мышления» М.С. Горбачева, в рамках чего и был решен германский вопрос.

Собственно германской политике СССР автор посвящает отдельную главу. Необходимость подобного выделения вполне понятна. Николай Валентинович является автором многих работ, в которых рассматривались аспекты внешней политики СССР в отношении двух германских государств. На этот раз автор отмечает, что СССР вовсе не был последовательным в отстаивании единства Германии. В годы войны германский вопрос решался на советско-германском фронте (с. 417). После коренного перелома в ходе войны, СССР отстаивал свои позиции в решении германского вопроса, и они не всегда совпадали с намерениями США и Великобритании. В начавшейся холодной войне раскол Германии отвечал и интересам СССР, который закрепился в центре Европы. И, тем не менее, делались попытки сохранить единство Германии, о чем свидетельствуют «сталинские ноты» 1952 г. «Поставлена ли последняя точка в германском вопросе?» – ставит свой вопрос автор, обращаясь к результатам объединительного процесса 1989–1990 гг. Да, минула уже четверть века после объединения Германии, а заданный вопрос остается актуальным. Германия связала свою судьбу с ЕС. Она не может, как Великобритания, осуществить свой Brexit. Но мир изменчив. И что может быть далее, в точности не ответит ни один политик.

Содержательное исследование Николая Валентиновича доказывает, что «альянс» в отношениях России и Германии в истории встречался, и не раз. Прочные, длительные, союзнические отношения между государствами вряд ли могут быть. Такова не только история международных отношений, такова их практика. Россия и Германии, – подчеркивает не в первый раз автор, – «продолжают оставаться ключевыми политическими и экономическими игроками на континенте» (с. 545). А раз были и остаются точки соприкосновения и потребность в сотрудничестве при решении «важных проблем современности, то эта реальность заставит политиков следовать ей. «Амбиции отдельных национальных лидеров, пребывающих в плену геополитических догм» – будут окончательно отвергнуты вызовами XXI века (с. 549).

Яркая содержательная монография профессора Н.В. Павлова отвечает запросам не только российской германистики, но и преподавательской работе в университетах и институтах. И в этом отношении она, безусловно, будет востребована.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ГЕРМАНИИ*

Монография представляет собой системное научно-методическое и учебное пособие по изучению экономической истории важнейшего европейского региона. Германия с давних времен экономически связана с Россией. Поэтому книга может представлять интерес не только для студентов, магистрантов и аспирантов, но и для предпринимателей и менеджеров, для тех, кто на практике организует экономические взаимосвязи между Россией и Германией. В целом книга представляет собой комплексное изложение генезиса своеобразной социальной системы производства, поэтому ситуацию в Германии стоит сделать объектом рассмотрения при поиске ответов на возникающие в России вопросы о путях развития.

Ключевые слова: история, экономика, Германия, камерализм.

Из печати вышел первый том монографии «Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней». Второй и третий тома предполагается опубликовать в 2018–2020 годах. Книга написана коллективом российских и немецких ученых. Примечательно, что среди авторов – наш коллега, преподаватель Костромского государственного университета, Турыгин Александр Александрович.

Книга представляет собой системное научно-методическое и учебное пособие по изучению экономической истории важнейшего европейского региона, включая и генезис экономических отношений, и развитие производительных сил. В отечественной учебной литературе до сих пор не существовало аналога подобного рода пособий, комплексно рассматривающих экономическую историю страны, близкой России и территориально, и ментально, и исторически.

Германия с давних времен экономически связана с Россией. История сохранила свидетельства активной торговли Новгородской Руси с ганзейскими купцами, вклада немецких мастеров и промышленников в модернизацию и индустриализацию Российской империи, а затем и Советского Союза. ФРГ являлась крупнейшим экономическим партнером Российской Федерации. Во многом экономические процессы в наших странах были схожими. Примером могут служить и капиталистические преобразования в XIX веке, и социалистические эксперименты в XX веке. Поэтому изучение опыта Германии может оказаться полезным не только тем, кто интересуется прошлым, но и тем, кто изучает настоящее и формирует будущее.

Рецензируемая книга может быть востребована как в учебном процессе, так и теми, кто просто интересуется историей как художественной картиной из прошлого. Диапазон рассматриваемых в книге проблем достаточно широк. Учебник может представлять интерес не только для студентов, ма-

гистрантов и аспирантов, но и предпринимателей и менеджеров, кто на практике организует экономические взаимосвязи между Россией и Германией.

Каждая глава посвящена конкретным учебным целям. Во введении прослежена эволюция территориального и политического устройства Германии до 1918 года, указаны причины особенностей развития страны, отличавшие Германию от других стран Западной и Центральной Европы и обусловившие поначалу замедленную модернизацию экономических и социальных институтов. В этот период закладывались предпосылки становления рыночной системы. Начало трансформации было положено эпохой Великих географических открытий, освоением новых рынков ресурсов, революцией цен. Результатом стал структурный кризис, под влиянием которого изменилась специализация районов, торговые пути, демографическая ситуация. В книге изложены политические факторы гибели Священной Римской империи, становления Германского союза, а затем Германской империи до начала Первой мировой войны. Относительная отсталость Германии от Нидерландов в XVII веке, от Великобритании в XVIII веке была преодолена, и к концу XIX века Германия стала лидером промышленного производства, особенно в новых отраслях – химической, электротехнической, машиностроении.

В последующих главах детально рассмотрена экономическая история Германии. Хронологически данная эпоха охватывает два крупных периода развития: период меркантилизма XVI–XVIII столетий и период догоняющего развития (индустриализации) XIX – начала XX веков. В главе 1 показано развитие экономики в XVI – начале XVII века. Это время меркантилизма, имевшего в Германии свои особенности, в силу которых возник особый термин для обозначения этого варианта – камерализм. Интерес вызывает и общая характеристика эпохи, и отдельные составляющие народного хозяйства –

* Рецензия на монографию: Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней: монография. В 3 т. Т.1: Экономическая история Германии: от аграрного общества к мировой промышленной державе / Сост., пер. с нем., науч. ред. С.И. Невского. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 261с. – (Научная мысль).

демография, сельское хозяйство, ремесло и мануфактуры, горнодобыча, металлургия, торговля, финансы и денежное обращение. Обосновывается тезис, согласно которому в германских государствах этого времени существовали два основных типа аграрных отношений. Примечательно, что к востоку от Эльбы отношения между землевладельцами и крестьянами строились на личной зависимости последних. В этом основа схожести последующих капиталистических трансформаций в России и Германии.

В главе 2 представлена экономическая история Священной Римской империи германской нации в XVII–XVIII столетиях. Именно с начала XVIII века экономика немецких княжеств снова начинает свое обновление. Хронологически это совпадает с имперской модернизацией России во времена Петра Первого. Дана характеристика пространства и демографического развития Германии в начале Нового времени. Характеризуя экономические связи России и Германии в этот период, нелишне упомянуть, что только в 1766 году по указу Екатерины II в Нижнем Поволжье разместили 30 тысяч гессенских колонистов, которые продолжили миграционные потоки из Германии в Россию. Затем в книге подробно изложены особенности сельского хозяйства, развития мануфактур, сферы услуг, торговли, банковского дела, транспорта. Завершается глава описанием экономической политики и институциональных трансформаций в эту эпоху.

Глава 3 характеризует экономическую политику и финансовое управление в Пруссии XVIII века. Здесь особо выделены финансовое управление при Фридрихе Вильгельме I и при Фридрихе II. Отдельно рассмотрено состояние и развитие камеральных наук. В Пруссии XVIII столетия на первый план выходит деятельность государства, включая особую поддержку мануфактурного производства. В этом видится сходство с Россией. Отличие заключается в том, что усилия, например, правительства Фридриха II были направлены на распространение экономических знаний среди владельцев и управляющих имениями, на развитие духа предпринимательства подданных. Он стремился избежать превращения государства в предпринимателя, оказывая при этом целенаправленную поддержку фабрикантам. Распространение идей Адама Смита в Германии также оказало влияние на ключевые положения политики свободной торговли и озна-

меновало окончательный отказ от меркантилизма к началу XIX века.

В главе 4 показан процесс индустриализации германских государств в XIX веке, включая осуществление институциональной революции. Особо выделены изменения в ведущих секторах тяжелой промышленности (железные дороги, угледобыча, черная металлургия, машиностроение), а также становление и развитие универсальной банковской системы. Аграрная революция сыграла ключевую роль и для торгового баланса Германии. Был создан новый валютный порядок и единое экономическое пространство. В результате маркировка «сделано в Германии» превратилась в знак качества, который до сих пор служит на благо немецкой экономике.

Глава 5 характеризует экономический рост Германии с конца XIX века до начала Первой мировой войны в национальном и международном измерении, отдельно выделено развитие финансовых рынков. Реальный чистый социальный продукт за 40 лет до войны вырос более чем в 3 раза, в расчете на одного занятого – в 1,8 раза. В результате Германия, наряду с США, стала самой быстрорастущей экономикой и прочно заняла второе место в мире.

Заключительная 6 глава дает полную институциональную характеристику экономики Германии в начале XX века. В ней описаны институциональные особенности перехода от либерального к корпоративному производственному укладу, указаны основные черты сложившейся корпоративной рыночной экономики и ее институциональные рамки, особо выделены картели как характерная черта германской рыночной системы, описан институциональный перелом в кайзеровской Германии. Германия смогла стать лидером в превращении науки в фактор производства, в вовлеченности в глобализацию мирового рынка и во возвращении новых институтов, которые определяют ход экономической жизни.

Авторы справедливо отмечают, что по завершении противостояния экономических систем Востока и Запада возникла возможность «обратить внимание на многообразие капитализма, различные формы которого появились по всему миру благодаря процессам модернизации». В целом книга представляет собой комплексное изложение генезиса своеобразной социальной системы производства, поэтому ситуацию в Германии стоит сделать объектом рассмотрения при поиске ответов на возникающие в России вопросы о путях развития.

МАТЕРИАЛЫ ГРОМОВСКИХ ЧТЕНИЙ КАК ЯРКОЕ ЯВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ*

В статье представлены рецензии на издания, вышедшие в Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова, посвященные вопросам изучения русских говоров.

Ключевые слова: конференция, диалектология, диалекты, А.В. Громов.

В 2012, 2014 и 2016 годах в Костромском государственном университете состоялись научно-практические конференции, посвященные проблемам диалектологии. Необычность их связана с тем, что созданы они как дань памяти не академического учёного, а школьного учителя русского языка и литературы, выдающегося краеведа, знатока диалектной лексики, в том числе лексики ремёсел и промыслов, условных языков, ономастики, местного фольклора, – Александра Вячеславовича Громова, метко названного В.Д. Бондалетовым «Костромским Далем». По итогам конференций выпущены три сборника, в которых опубликованы как научные доклады, посвященные актуальным вопросам русской диалектологии, так и исследования сопутствующих жанров (дневники диалектологических экспедиций с впечатлениями от наблюдений за живой диалектной речью разных регионов России и др.).

Русское слово и Костромской край: сб. ст. / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 554 с. – (Рецензенты: Е.Н. Ильина, д. ф. н.; Е.В. Колосько, к. ф. н.)

Данный выпуск составили 85 статей и сообщений авторов разных регионов РФ. Разделы сборника рубрицированы. Рубрика «Воспоминания о А.В. Громе» содержит 15 статей, почти половина которых написана благодарными земляками А.В. Громова. Авторы справедливо и трогательно воздают дань знаменитому краеведу, обилие аспектов деятельности которого, затронутых в статьях, позволяет воскликнуть: и это всё о нём! Невозможность подробного анализа и оценки каждой статьи сборника позволяет мне остановить своё внимание на публикациях коллег, «повенчанных» с русской диалектологией, ставших участниками всех трёх конференций.

В Слове о Громе В.Д. Бондалетов (Пенза) интересно и живо рассказывает о нём как о филологе по призванию. А.А. Хлябинов (г. Мантурово Костромской области) представляет А.В. Громова как человека высокой культуры, интеллигентного, отлично знавшего литературу, поэзию, писавшего добрые стихи, задушевно рассказывает о личных встречах с ним и его книге «Жгонский

язык», понимая жизнь своего земляка как жизнь подвижника и исповедника Духовности. Л.Я. Костючук (Псков) в статье «Подвижнический труд краеведа-учёного – яркое явление в русской диалектологии XX века (памяти А.В. Громова)» обращает внимание на уникальный «Льняной словарь» А.В. Громова, по содержанию – отраслевой, по структуре – тематический, чётко структурированный, обеспеченный прекрасными иллюстрациями.

В разделе «Диалектная лексика, фразеология, словообразование» из статьи ярославского исследователя Т.К. Ховриной «Словарные материалы А.В. Громова как источник региональной лексикографии» читатель узнает о том, что А.В. Громов был в числе составителей Ярославского областного словаря (ЯОС) и о том, что именно сотрудничество с Г.Г. Мельниченко подвигло его на создание словарей: «Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества костромских говоров по р. Унже» (1992), «Жгонский язык» (2000) и «Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромской области» (2005).

В разделе «Лексика народных ремёсел и промыслов» рациональная статья Л.П. Михайловой (Петрозаводск) посвящена вопросу о том, что возможности ареальных связей и обнаружения общерусских и собственно костромских элементов лексики (то, что есть в «Льняном словаре» А.В. Громова), могут быть рассмотрены за счёт близких по тематике исследований. Материал статьи Л.Ю. Зориной (Вологда) служит дополнением сведений, собранных А.В. Громовым, о бытовании лексико-фразеологических средств тематической группы «Благопожелания» в русских народных говорах. В статье В.Д. Бондалетова представлено осмысление материалов экспедиций Пензенского ГПИ в Костромскую область в 1957–1963, 1970–80-е гг. XX в., а также словаря лексики пимокатов «Жгонский язык» А.В. Громова. Показаны слова-арготизмы, впервые введённые в научный оборот «костромским чудачком» А.В. Громовым (600 новых слов); только на буквы А–Е около 100 из них – «громовские». Т.В. Бахвалова (Орёл) для своей чётко структурированной и аргументированной статьи в качестве материала многоаспектного описания избрала лексику жернового промысла,

* Рецензия на сб.: Русское слово и Костромской край (СПб., 2013); Русские народные говоры: прошлое и настоящее (Кострома, 2015); Живое народное слово и костромской край (Кострома, 2016).

номинации которого не являлись предметом внимания лингвистов не только на примере орловских говоров, но и говоров русского языка в целом. *О.И. Жмурко* (Иваново) подробно описывает принцип построения «Словаря профессиональной лексики ремёсел, промыслов и кустарных производств Шуйского региона» *М.И. Литвинова*.

Разделы «*Ономастика*», «*Краеведение*». В статье *Н.С. Ганцовской* «*А.В. Громов и его словарь “Жгонский язык”: заметки на полях*» содержатся впечатления об оригинальности словаря «Жгонский язык» по теме, привлекательности – по качеству исполнения, полноте и точности в описании материала, опоре на надёжные источники, высоко оценённого известными учёными *В.Д. Бондалетовым*, *М.Н. Приёмшевой* и др. Сделан закономерный вывод о том, что вставки и заметки на полях, сделанные *А.В. Громовым*, должны быть учтены при переиздании его Словаря. *Л.А. Климова* (Арзамас) делится с читателями своим многолетним опытом работы по лингвокраеведению, которая в Арзамасском ГПУ им. *А. Гайдара* обрела стройную систему и ведётся в двух направлениях: собирательская деятельность (сбор регионального материала и оформление его в виде картотеки и фонотеки) и интерпретационная.

Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. и сост. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – 530 с. – (Рецензенты: В.Д. Бондалетов, д. ф. н., О.Н. Крылова, к. ф. н., А.К. Котлов, к. ф. н.)

Сборник материалов, как и предыдущий, составлен в русле научных интересов *А.В. Громова* и насущных проблем русской диалектологии, ономастики, изучения и систематизации текстов русской словесности, содержащих в себе диалектные данные. В сборнике опубликованы тексты 91 доклада авторов из различных регионов РФ. В рубрике сборника «От редактора» *Н.С. Ганцовская* как ответственный редактор охарактеризовала проблемы, поднимаемые в статьях сборника, указала их авторов, освободив меня от этой приятной миссии, потому покажу лишь некоторые статьи участников всех трёх конференций, посвящённых Громову. Статья *Т.В. Бахваловой* содержит анализ и описание профессиональной лексики, связанной с названиями валенок в орловских говорах, национально маркированной обуви. Ценность статьи *В.Д. Бондалетова* «Жгонский язык во времени и пространстве» – в многоаспектно проанализированном свежем материале, сравнении его с литературным языком и нелитературными вариантами, что, несомненно, будет способствовать обогащению, расширению и изменению устоявшихся взглядов и суждений в таких актуальных областях знания,

как антропо-, социо-, этнолингвистика. Статья *Н.С. Ганцовской и В.К. Сморгочкова* «У истоков систематического изучения костромских говоров: Герцель Залманович Шкляр» посвящена описанию творческого пути известного белорусского учёного, много сделавшего для развития диалектологии в Костроме: способствовавшего собиранию полевых материалов для ДАРЯ, заложившего основы Картотеки Костромского областного словаря, написавшего ряд теоретических работ о проблемах костромской диалектологии и значительно шире – диалектной славистики. В статье *Е.Р. Гусевой и В.К. Калинин* (Петрозаводск) выявлен состав местоименных наречий в русских говорах Карелии и сопредельных областей, представлена их структурно-семантическая характеристика и т. д. Чётко структурированная статья *Ю.Н. Драчёвой и Е.Н. Ильиной* (Вологда) «Этнолубок XXI века»: коллекция кукол в народных костюмах издательского дома “Де Агостини” сообщает о партворке как явлении массовой культуры, с комментарием этнолингвистического потенциала партворка. В статье *Л.Ю. Зориной* (Вологда) доказана необходимость массивованного обследования народных говоров, определены задачи и методы работы, представлены итоги экспедиций последних лет. Людмила Юрьевна с тревогой говорит об оживившемся в настоящее время стремлении записать диалектные явления «по памяти» и считает, что полевые диалектологические исследования следует продолжать. В статье *Л.А. Климовой* «Фольклорная составляющая краеведения» внимание сосредоточено на трёх наиболее популярных русских сказках: «Курочка Ряба», «Колобок», «Репка», которые рассмотрены с точки зрения их содержания, речевого оформления, модификации. Статья *Л.Я. Костючук* представляет псковского талантливого учителя-краеведа *А.И. Белинского*, историка и филолога, оставившего после себя большое рукописное наследие. В статье *Л.П. Михайловой* «Люди странные, ветреные» изложены мысли и наблюдения автора как участника многочисленных экспедиций, причисляющего себя к людям странным и ветреным – странствующим по почти бескрайней России в поисках народного слова, ветром заносимым то в один регион, то в другой. Статья *Г.Д. Негановой* (Кострома) содержит результаты наблюдений автора над характером отношений описательных атрибутивных конструкций – названий леса в костромских говорах. Фактический материал проанализирован с позиций ономастического и семасиологического подходов, с использованием элементов культурно-ландшафтного. В статье *А.А. Хлябинова* «Жгонские слова в речи жителей макарьевских деревень: заметки учителя» представлены примеры использования арголической тайной лексики в обыденной речи населения поунженских деревень, записи ко-

торой, начатые автором статьи «с молодых ногтей», продолжают и по сей день. *Т.К. Ховрина* в статье «Ярославский областной словарь: дополнение» пишет о том, что лексикографическая работа не закончилась с выходом последнего, десятого, тома Словаря в 1991 году, и представляет результаты 25-летней деятельности по составлению «Дополнения» к нему. В статье *Е.В. Цветковой* «"Живое костромское слово. Краткий костромской словарь" как источник сведений о микропонимии Костромского края» представлены материалы названного словаря, иллюстрации словарных статей которого содержат чрезвычайно важную информацию об отдельных топонимах, дополняющих имеющиеся сведения о топонимике Костромской области.

Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и Костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. / отв. ред. и сост. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ, 2016. – 636 с. – (Рецензенты: Е.Л. Березович, д. ф. н., О.Е. Кармакова, к. ф. н., Т.А. Мирошникова, засл. учитель РСФСР)

Статус международной конференции Третьих Громовских чтений обеспечили статьи авторов из Белоруссии, Украины, Польши, Молдавии, Израиля. Опубликовано 95 текстов докладов и сообщений. Проблематика материалов сборника вышла за пределы собственно русской диалектологии. *Н.В. Любимова* (Москва) рассматривает процессы взаимодействия таких форм существования немецкого языка в Швейцарии, как литературный стандарт и диалекты, обладающие значительным потенциалом в осуществлении коммуникации в бытовых и институциональных ситуациях общения.

Эпиграфом к сборнику послужило стихотворение костромского детского поэта Якова Акима «Ялик», не нарушающее традиции громовской направленности материалов чтений, созвучное аббревиатуре названия научно-информационного бюллетеня «Язык. Литература. История. Культура» Санкт-Петербургского государственного университета (ЯЛИК), главным редактором которого был Александр Сергеевич Герд. Для многих учёных ЯЛИК служил путеводной звездой в стремительно меняющемся противоречивом мире. Так выражено внимание к недавно ушедшему из жизни А.С. Герду, всю свою сознательную жизнь занимавшемуся диалектологией, много и плодотворно работавшему...

В статье *Л.П. Батыревой* (г. Шуя Ивановской области) «Диалектная лексика в историко-биографическом очерке А.Н. Сидорова «Повесть о русском солдате» представлена территориальная «привязанность» имени существительного *дом*, вынесенного в название лексико-семантической группы, и составляющих исследуемой группы лексики: *изба, горница, подловка, загородь, хата* (во время скитаний автора по Белоруссии и Смо-

ленской области), функционирующих в очерке. Интересная многоаспектная статья *Т.В. Бахваловой* посвящена рассмотрению фрагмента терминосистемы «ткачество»; проанализированы названия *бёрда* – составной части ручного ткацкого стана и названия домотканой материи. *В.Д. Бондалетов* в статье «Арго – уникальный источник изучения народного языка» рассматривает диглоссию тайного языка торговцев-коробейников России и территориального диалекта ремесленников-отходников XIX–XX вв., полагая, что слова, сочинённые арготирующими, являются неологизмами и их анализ представляет научную ценность в изучении общих закономерностей жизни самого народного языка и его функций. В статье *Н.С. Ганцовской* и *Е.Г. Веселовой* «Е.В. Честняков как лингвист: роль диалектов в судьбах русского языка» Честняков представлен как лингвист, ратовавший за демократизацию русского литературного языка с более интенсивным внедрением в его систему диалектных ресурсов, считавший диалекты не просто «родными детьми» русского языка, но самой его сутью. Работы Е.В. Честнякова авторы данной статьи образно называют «малахитовой шкатулкой» кологривского края, акцентируя внимание на том, что чаще всего он писал языком крестьян Верхнего Поунжья, который впитал с молоком матери и который без труда и особых стилистических ухищрений воспроизводил в произведениях разных жанров, не переставая заботиться о судьбах родного языка. Статья *Е.Р. Гусевой* «Аспекты изучения литературно-диалектной диглоссии (рассказы Г.В. Масловой в учебно-методическом пособии «Деревенская наука»)» содержит рекомендации по работе с авторскими текстами, написанными на основе говора села Суйсарь Прионежского района Карелии. В статье *О.И. Жмурко* представлен ряд названий водных объектов Ивановской области, характерной чертой которых является их неславянское происхождение. «Впечатления, наблюдения (дневник одной экспедиции)» *Л.Ю. Зориной* включают в себя материалы экспедиционного диалектологического дневника 1994 года (Ряжский сельсовет Сямженского района Вологодской области. В статье *Е.Н. Ильиной* обстоятельно рассмотрены этнолингвистические особенности лексики народной медицины, «живущие» в говоре Режского поселения Сямженского района Вологодской области. В статье *Л.А. Климовой* представлены тексты жанра воспоминаний как средство экспликации концепта *память* определённого хронотипа, воскрешающие жизнь населения Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья 30–50-х гг. XX в. В статье *Л.Я. Костючук* «Фиксация уникальных произведений псковского народного творчества А.И. Белинским (к 40-летию ухода из жизни учёного-краеведа)» – о любви А.И. Белинского к своему краю, к людям, своей работе учителя-воспитате-

ля, народному языку, как и о том, что оставленное им наследие (художественные произведения и научные труды) бесценно. Статья *Л.П. Михайловой* написана на материале диалектной лексики ткачества, слов, начало корневой морфемы которых связано с противопоставлением *к/ц* как результатом второй палатализации, функционирующих на всей территории русских говоров. *Г.Д. Неганова* в статье «Словарь “Ландшафтная лексика в современных говорах Костромской области”» сообщает об основных источниках её словаря, его составе, принципах построения, информативности смыслового, иллюстративного и географического компонентов заглавного слова словарной статьи, приводит комментарий словарной статьи с заглавным словом *угор* названного словаря, включающего в себя примерно полторы тысячи слов. Статья *А.Р. Поповой* (Орёл) «Диалектные лексические единицы в пейзажных описаниях современной орловской писательницы Т.И. Грибановой» выполнена на материале малой прозы, посвящённой жизни орловской деревни и её жителей. Акцент сделан на исследовании семантики диалектных слов, их функций в создании пейзажных зарисовок в их многообразии (реалии растительного мира, ландшафт Орловщины, метеорологические явления, цвета и звуки природы и т. д.) – в связи с работой Анны Ростиславовны (в соавторстве с Т.В. Бахваловой) над большим проектом «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на

примере творчества Т.И. Грибановой)». В статье *Т.К. Ховриной* сопоставлены данные ЯОС с материалами исторических словарей русского языка с целью выявления того, что сохранили говоры в своём составе от предыдущих периодов существования русского языка. Статья *А.А. Хлябинова* содержит сведения о топонимах, названиях речек, озёр, сенокосных, грибных и ягодных мест, а также о диалектной арготической лексике и фразеологии, функционирующей в речи жителей Мантуровского района Костромской области, в основном проживающих в деревне Усолье (родине А.В. Громова), на левом берегу реки Унжи. *Е.В. Цветкова* в статье «Топонимика сборника частушек “Переплетение” А.В. Громова» рассматривает топонимы разных видов ближнего и дальнего пространства районов Костромской области, «живущие» в частушках, записанных в Макарьевском и Мантуровском районах.

Все три сборника Громовских чтений – «россыпь чистых голосов», материалы, опубликованные в них, ценные, мудрые, совершенно необходимы для дальнейшего осмысления и тщательного описания диалектной языковой картины мира. Завораживающие, они влекут нас вперёд и поднимают вверх, где ощущения сильнее, проявления выраженнее, работа ума заметнее. Зачем? – Чтобы лучше знать великую науку Диалектологию, не пренебрегая ею, больше видеть и надёжнее рассмотреть Сокровища русской народной речи, где каждое слово дорогого стоит, и не только для филологов.

КОНКУРСЫ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО И ВОКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА «НАЙДИ СЕБЯ» В ИНСТИТУТЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 2016–2017 учебном году на базе кафедры музыки Института культуры и искусств Костромского государственного университета традиционно состоялись два творческих конкурса. 29 ноября – 8 декабря 2016 г. прошел VI творческий конкурс студентов направления подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Музыка») Института культуры и искусств Костромского государственного университета «Найди себя», в котором приняли участие 39 студентов. 12–13 января 2017 г. в рамках олимпиады для бакалавров «Опора костромского края» проводился II Открытый юношеский конкурс инструментального и вокального творчества «Найди себя», в котором приняли участие 135 учащихся школ и колледжей Костромской и Ярославской областей.

Ключевые слова: Костромской государственной университет, музыкальное образование, творческий конкурс, отечественная исполнительская школа, просветительская деятельность.

В 2016–17 учебном году на базе кафедры музыки Института культуры и искусств Костромского государственного университета традиционно состоялись два творческих конкурса. Целями и задачами данных мероприятий является выявление и развитие у студентов и школьников творческих способностей и интереса к музыкально-исполнительской деятельности, поддержание интереса к сольному и коллективному музицированию, пропаганда инструментальной и вокально-хоровой музыки, содействие в профессиональной ориентации.

Жюри конкурсов в инструментальной номинации возглавил Ю.И. Крючков – Заслуженный работник культуры РФ, профессор кафедры музыки КГУ, в вокальной номинации – М.Л. Жулябина – Заслуженный деятель искусств РФ, профессор кафедры музыки КГУ, художественный руководитель хора «Глория» КГУ. Конкурсные прослушивания проходили в концертном зале Института культуры и искусств КГУ.

VI творческий конкурс студентов направления подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Музыка») Института культуры и искусств Костромского государственного университета «Найди себя» проходил 29 ноября–8 декабря 2016 г., в нем приняли участие 39 студентов очной и заочной формы обучения. Студенты соревновались в номинациях «Инструментальное исполнительство», «Хоровое дирижирование», «Академический вокал», «Эстрадный вокал», «Музыкально-теоретическая олимпиада». Лауреатами конкурса стали студенты А. Алексеев, Д. Бадина, А. Борисова, А. Бурсикова, Е. Кондрашова, А. Кургузова, Е. Максимчук, Т. Малахова, Е. Морозова, А. Павелко, Ю. Пономаренко, В. Розова, Е. Румянцева, А. Сизова, А. Тамазина, А. Туривная, Е. Шарова. Дипломами конкурса были отмечены выступления вокального ансамбля «Юнион» (рук. Е. В. Александрова), А. Соколовой, Д. Бадьиной. Примечательно, что некоторые студенты выступали в 2 и 3 номинациях.

В рамках бакалаврской олимпиады «Опора костромского края» 12 и 13 января 2017 г. проводился II Открытый юношеский конкурс инструментального и вокального творчества «Найди себя». В нем приняли участие 135 человек из Костромской и Ярославской областей – это учащиеся общеобразовательных и музыкальных школ, студенты музыкальных колледжей. Молодые музыканты состязались в инструментальной номинации на фортепиано, струнно-смычковых, духовых и народных инструментах и вокальной номинации, выступали эстрадные и академические певцы. Лауреатами конкурса стали 33 солиста (Е. Орлов, С. Зиновьева, Д. Фарберова, А. Вайсман, А. Баранец, А. Адева, А. Короваева, А. Лебедева, С. Залкинд, Д. Чернов, А. Постникова, А. Груздева, Е. Пская, А. Попова, А. Горчилина, А. Клюева, А. Травина, Д. Прянишникова, Д. Усачёва, В. Иванова, Р. Габзалилов, П. Максимова, И. Буйдоров, Д. Стефанович, И. Абукавичюте, К. Шаровская, В. Габриелян, К. Шалыгин, Д. Кондукторов, И. Виноградов, С. Арсенина, Т. Афанасьева, А. Загрузина), 9 ансамблей различных составов и 2 оркестра (Струнный оркестр «Камерата» под рук. Т.А. Скворцовой МБУДО города Костромы «Детская музыкальная школа №9») и Духовой оркестр под рук. Н.М. Голятина МОУ города Костромы «Средняя общеобразовательная школа №22»). Концертмейстеры М.В. Гусева и И.О. Новикова (МБУДО города Костромы «Детская музыкальная школа №9»), принимавшие участие в конкурсе, награждены дипломами «Лучший концертмейстер», 15 концертмейстеров награждены дипломами «За концертмейстерское мастерство».

Подводя итог проведенным творческим конкурсам, следует отметить, что культурные традиции не сохраняются сами собой, а, напротив, требует массы усилий для поддержания. В современной отечественной системе образования (от школы до вуза) есть немало противоречий и проблем, и хочется надеяться, что проведение подобных меро-

приятий будет способствовать решению некоторых из них, а также даст прекрасную возможность непосредственного общения педагогов-музыкантов, искренне увлеченных своим благородным делом воспитания подрастающего поколения. Надеемся, что наши совместные творческие усилия в стенах

Костромского государственного университета будут и в дальнейшем способствовать процветанию отечественной исполнительской школы и профессиональной подготовке компетентных педагогов-музыкантов.

ЮРИЙ АРТУРОВИЧ ЯКОБСОН – СОЛДАТ, УЧЕНЫЙ, ИНТЕЛЛИГЕНТ

В статье рассматривается жизнь и деятельность Юрия Артуровича Якобсона – профессора Ивановского государственного университета. Он являлся представителем потомственной российской интеллигенции. Накануне Великой Отечественной войны он окончил исторический факультет Ивановского пединститута. Ю.А. Якобсон участвовал в войне с 1941 по 1945 год, работал в военной прокуратуре. После окончания войны участвовал в расследовании злодеяний фашистов в концлагерях, а после демобилизации более пятидесяти лет работал в Ивановском пединституте (с 1974 года – университете). Основная тематика его научных трудов – история рабочего движения в дореволюционной России и, прежде всего, – история первого в России общегородского Совета 1905 года в Иваново-Вознесенске. Ю.А. Якобсон был одним из организаторов зональных научных конференций, посвященных истории пролетариата Центрального промышленного района России. Лекции, которые читал Якобсон в студенческой аудитории, были глубокими и яркими. Юрий Артурович вел многогранную общественную работу, занимал руководящие должности в различных общественных организациях, являлся одним из авторов очерков истории Ивановского университета, организатором музея истории этого вуза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные преступления фашизма, историческая наука, краеведение, научная интеллигенция, Советы рабочих депутатов, музеи университетов.

В 1960–1980-х годах в вузах Верхневолжья регулярно проводились научные конференции, посвященные истории дореволюционного рабочего движения в Центральном промышленном районе. Главную роль в формировании и дальнейшем развитии этих исследовательских площадок сыграли три известных ученых данного региона – Михаил Никитович Белов (Кострома), Михаил Германович Мейерович (Ярославль) и Юрий Артурович Якобсон (Иваново). В 2015 году исполнилось 100 лет со дня рождения Ю.А. Якобсона.

Он родился 6 января 1915 года в городе Иваново-Вознесенске в семье инженера-железнодорожника. Отец Юрия Артуровича – Артур Генрихович Якобсон появился на свет в Эстонии. В его жилах текла кровь двух национальностей: по отцу он был эстонцем, а по матери – немцем. Его семья переехала в Иваново-Вознесенск в 1860-х годах. Когда ему было уже 46 лет, он женился на девушке по имени Лидия, происходившей из мещанского сословия Луха – небольшого городка Костромской губернии. Супруга была на 25 лет моложе Артура Генриховича, впрочем, тогда такие разновозрастные браки не были исключением. В 1915 г., когда родился Юрий, его отец служил начальником железнодорожного депо в Иваново-Вознесенске. Одним из увлечений Якобсона-старшего было выращивание цветов, он особенно любил пионы. Любопытно, что его помощником в выращивании цветов являлся известный ивановский революционер Михаил Багаев, с которым Артура Якобсона связывали приятельские отношения.

Отца Юрия переводили из одного города в другой, то в Вятку, то в Подмосковье, то в Москву. В столице Юрий закончил семилетку. Тогда детям интеллигенции было очень сложно поступить в вуз, конкурс для них был высоким, зато рабочих принимали свободно, даже вне очереди. Поэто-

му Юрию пришлось пойти на авиамоторный завод имени Фрунзе и овладеть профессией токаря. В то время его любимым времяпрепровождением стали путешествия по «дворянским гнездам» на окраинах Москвы и в ближнем Подмосковье – Останкину, Царицыну, Абрамцеву. Именно тогда, вероятно, зародился и окреп у юноши интерес к дореволюционному периоду отечественной истории, которой в дальнейшем он посвятил большую часть своей жизни.

Поступить в вуз удалось только в 1935 г., когда Юрий Якобсон в двадцать лет стал студентом исторического факультета Ивановского государственного педагогического института. К тому времени семья Якобсонов переехала в уже хорошо знакомый город, который тогда часто именовали «красным Манчестером» [2].

Ю.А. Якобсон с глубокой благодарностью вспоминал своих вузовских педагогов. «Учителем жизни» он называл профессора Аркадия Владимировича Конокотина, который известен как крупный мидиевист, он читал студентам курс истории Средних веков. Голос у Конокотина был слабым и монотонным, но логичность лекций была просто феноменальной, поэтому старательные студенты вели себя очень тихо, чтобы не упустить нить его рассуждений. Блестящим знатоком своего предмета являлся Альберт Захарович Манфред, который читал новую и новейшую историю. Позже он стал широко известен как автор интересной биографической книги о Наполеоне Бонапарте. Отечественную историю студентам читал Михаил Иннокентьевич Зеленский. Форма подачи материала у него была яркой и своеобразной. Он начинал изложение тихо и медленно, как бы нехотя. Затем темп его речи увеличивался, а голос становился все громче. Лекцию он заканчивал на особом подъеме.

Юрий нашел среди своих однокурсников единомышленников, которые стали его друзьями. Это

был Леонид Чижов и Сергей Кулев. Сергей завлек Юрия в институтский драматический кружок, в то время самодеятельные театры действовали практически во всех вузах. Дружба с С. Чижовым продолжалась и после Отечественной войны, он работал в это время в 33-й школе г. Иваново [2].

Особый период в жизни Ю.А. Яковсона составляли предвоенные и военные годы, когда с 1939 по 1946 год он проходил службу в рядах Красной армии. В Иваново его включили в небольшую группу молодых людей, только что получивших дипломы о высшем образовании. Они были направлены в Одессу для прохождения срочной военной службы. Все эти юноши попали в «учебку», где из них стали готовить младших командиров. В марте 1940 г. Юрия Яковсона должны были направить из Одессы на фронт советско-финской войны, на которой уже погибли некоторые его товарищи-ивановцы из вышеупомянутой группы. «Однако Господь нас помиловал», – писал Юрий Артурович в своих воспоминаниях. Вместо Карельского перешейка его направили в Бессарабию, которую в 1940 г. Румыния была вынуждена возвратить Советскому Союзу (в 1918 г. румыны незаконно оккупировали эту территорию).

Воспоминания Юрия Артуровича разбивают и донныне существующий стереотип о том, что в Красной армии и в стране в целом о готовящейся войне не говорилось до самого ее начала. В его военной части боевое оружие вместо учебного раздали еще 18 июня, запрещены были увольнительные и любые отлучки из гарнизона. О начале войны бойцы узнали утром 22 июня 1941 г. [3, с. 42–43].

Ю.А. Яковсон в своих мемуарах не скрывал того, что в первые дни войны было катастрофически тяжело: «Ежедневно шли бомбежки с воздуха. А наших самолетов в первые тяжелые дни войны мы не видели. Отступление иногда превращалось в беспорядочное бегство». Около города Умани на Украине дивизия, в которой воевал Ю.А. Яковсон, попала в окружение, но сам он, случайно оказавшись в дивизионном тылу, избежал окружения, возможного плена или гибели.

Во многом случайно Ю.А. Яковсон попал весной 1942 г. в военную прокуратуру, но не в качестве подследственного, а в качестве штатного работника. Кадров в этой структуре не хватало, поэтому выбор пал на Яковсона как на выпускника исторического факультета. Знания приходилось получать по ходу дела. Сначала Юрий Артурович работал в прокуратуре 15-й стрелковой дивизии, потом – 70-й армии, а завершал войну военным следователем прокуратуры тыла 1-го Белорусского фронта, который, как известно, брал Берлин. В отличие от СМЕРШа, занимавшегося политическими делами, военная прокуратура на фронте имела дело с такими уголовными преступлениями как воровство, самострелы, дезертирство, служебные злоупотребления и др. [3, с. 44–46].

После окончания войны военному следователю Ю.А. Яковсону доверили весьма ответственное дело: расследование фашистских злодеяний в концлагере Заксенхаузен, который располагался в нескольких десятках километров восточнее Берлина. Здесь ему приходилось допрашивать как бывших охранников лагеря, так и оставшихся в живых заключенных. Именно в этом лагере осенью 1941 г. были уничтожены 18 тысяч советских военнопленных. В 1947 г. состоялся суд над фашистскими палачами из Заксенхаузена.

В планы Юрия Артуровича не входило продолжение военной службы. Он хотел вернуться в родной Ивановский пединститут, в котором уже успел немного поработать до призыва в Красную армию. Он неоднократно писал рапорты об увольнении с военной службы в самые различные инстанции вплоть до «всесоюзного старосты» М.И. Калинина. Наконец, в июле 1946 г. он был уволен из рядов вооруженных сил, а с августа 1946 г. снова был зачислен в штат кафедры истории СССР [3, с. 49–50]. Именно на ней в дальнейшем проработал более полувек, уйдя на заслуженный отдых в 1998 г. Причем за этот период он более не менял места работы внутри университета.

Позже Юрий Артурович с неизменным успехом читал студентам специальный курс по истории Великой Отечественной войны, который мне посчастливилось прослушать, а потом сдать по нему зачет. К своему удивлению, уже в середине 1980-х гг., став заведующим кафедрой дореволюционной отечественной истории, я не обнаружил в учебной нагрузке Ю.А. Яковсона этого спецкурса и осведомился: почему он перестал его читать в студенческой аудитории. Юрий Артурович ответил, что с годами эти события вызывают у него все более глубокие переживания и слезы невольно навертываются на глазах. Именно поэтому он уже не мог больше рассказывать об этих событиях молодому поколению.

В 1962 г. Ю.А. Яковсон стал кандидатом исторических наук. Тема его кандидатской диссертации была посвящена краеведческой тематике – восстановлению индустриального потенциала в Ивановском текстильном крае после окончания Гражданской войны [9]. Эта тематика сделала возможным приглашение Ю.А. Яковсона в качестве соавтора двух коллективных монографий. Первая была посвящена истории города Иваново, а вторая представляла собой «Очерки» истории местной партийной организации, которые в обязательном порядке издавались в каждой республике, области, крае [10; 11].

С 1970-х годов главной темой научной работы Юрия Артуровича становится история всеобщей стачки иваново-вознесенских рабочих весной–летом 1905 года и первого в России общегородского Совета рабочих депутатов, образовавшегося

в ходе этой забастовки. Ю.А. Якобсон по крупицам собирал материалы об этих событиях в государственном и партийном архивах Ивановской области, в столичных и местных библиотеках. Его внимание привлекали общие проблемы стачечной активности рабочих и деятельности Советов в 1905 году [6; 7], отношение к этому выступлению текстильных фабрикантов Иваново-Вознесенска [4], личность председателя первого Совета – Авенира Евстигнеевича Ноздрина [14], корпусу источников по истории стачки [13].

Со временем, в 1980-х годах, в рамках этой очень широкой тематики особый интерес Юрия Артуровича стала вызывать такая проблема как освещение событий весны–лета 1905 года в Иваново-Вознесенске на страницах российской печати начала XX в. В различных его статьях рассматривались особенности отражения этого событийного ряда в правой, либеральной, легальных и нелегальных революционных изданиях. Итогом этих исследований стала книга, посвященная отражению всеобщей стачки и первого Совета в периодических изданиях 1905 года [5]. Эту книгу можно назвать монографией, но на титульном листе ее было сказано, что это учебное пособие по спецкурсу, предназначенному для студентов: в то время монографию можно было опубликовать в университетском издательстве только под видом учебного пособия.

Ю.А. Якобсон не замыкался в рамках выше-названной темы. Его научные интересы были гораздо более широкими. Он хорошо знал историю Ивановского края в целом, на страницах научных сборников появлялись его публикации, посвященные иным периодам и иным проблемам. В частности, это история рабочего движения в текстильном крае в конце XIX в. [15], история родного для него Ивановского пединститута в 1930-х гг., т.е. в тот период, когда он был студентом исторического факультета ИГПИ [8], участию ивановцев в Великой Отечественной войне [12].

Во второй половине 1980-х годов резко расширились рамки дозволенного для историков, появились новые темы, которые до этого практически не были исследованы, особенно – на региональном уровне. То, что Ю.А. Якобсон не был догматиком, замкнутым на тематике лишь революционного движения с историко-партийным уклоном, свидетельствовало то, что на рубеже 1980–1990 гг., (тогда ему шел восьмой десяток лет), он с юношеским энтузиазмом взялся за новую для него и для всего краеведческого пишущего сообщества тему по истории так называемых непролетарских партий.

Юрий Артурович был не только ученым, но и замечательным лектором. Слушать его было очень интересно, знания его могут быть названы просто энциклопедическими. О том, как он готовился к лекциям, он писал в своих воспоминаниях: «Конечно, я много читал, много изучал литературы –

это основа, которая позволяла мне более широко взглянуть на то или иное событие. Я много писал, и почти все лекции, которые мне приходилось читать, мною были предварительно написаны – но не для того, чтобы их потом читать. Я редко пользуюсь своими конспектами, но написать надо было».

В советский период существовала гласная и негласная цензура не только на печатное, но и на устное слово. Преподаватели вуза, разумеется, знали о теневых сторонах отечественной истории после 1917 г., но не могли донести их до студенческой аудитории. Юрий Артурович Якобсон считал одной из главных прав гражданина возможность «знать правду о своем прошлом». Он с сожалением говорил уже в 1990-е годы: «Откровенно скажу, мне не всегда удавалось об этой правде рассказывать. Вот теперь другое время. Теперь, слава Богу, идеологические штампы уничтожены, и можно говорить о многом. А мне это не всегда удавалось. Я пытался это сделать, внушить уважение к историческому прошлому России. Насколько у меня получалось – не мне судить» [1, с. 8].

У Юрия Артуровича не было аспирантов, звание профессора ему дали «по совокупности» его научных работ и за многолетний педагогический труд. Зато на протяжении многих лет он выпустил в большую жизнь не менее сотни дипломников в Ивановском государственном университете.

Ю.А. Якобсон работал заведующим кафедрой дореволюционной отечественной истории, деканом исторического факультета, проректором по научной работе. Он являлся организатором не только учебного, но и научного процесса в высшем учебном заведении. Юрий Артурович стоял у истоков комплексного изучения истории рабочих Центрального промышленного района. Вместе с М.Н. Беловым из Костромы и М.Г. Мейеровичем из Ярославля он объединил вокруг себя несколько десятков историков не только из Центрального района России, но из Ленинграда, Украины, Белоруссии, с Урала и Сибири. В 1960–1980-х годах конференции по этой тематике регулярно проводились в Иванове, Костроме, Ярославле, Владимире, Горьком. В Иванове под руководством Ю.А. Якобсона они прошли в 1975, 1982 и 1987 годах.

Юрий Артурович был одним из организаторов музея истории Ивановского государственного университета. Вместе с Еленой Михайловной Алексеевой он отдал много сил и энергии сбору документов и вещественных свидетельств жизни вуза. Он участвовал в формировании экспозиции, передал в фонды музея хранившиеся у него документы.

С 1987 г. Юрий Артурович возглавлял Ивановское отделение Российского фонда культуры, занимал различные должности в других общественных организациях городского и областного уровня.

20 октября 2015 года на историческом факультете ИВГУ состоялось торжественное открытие

мемориальной аудитории имени Ю.А. Якобсона. На ней имеется соответствующая табличка, а внутри помещения на стене на стене – краткая биографическая справка о Юрии Артуровиче.

Библиографический список

1. *Алексеева Е.М., Балдин К.Е.* Юрию Артуровичу Якобсону – 85 лет // Юбилейный сборник, посвященный 85-летию со дня рождения профессора Ю.А. Якобсона. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2000.

2. Патриарх ивановской истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ivanovo.monavista.ru/news/189177> (дата обращения: 28.04.2016).

3. *Якобсон Ю.А.* Армия. Война. 1939–1946 гг. // Бурьлинский альманах. – 2015. – № 1 (3). – С. 42–50.

4. *Якобсон Ю.А.* В зеркале прессы: нелегальная и легальная печать России и о всеобщей стачке иваново-вознесенских рабочих летом 1905 года. Уч. пособие для студентов исторических факультетов. – Иваново: Ивановской гос. ун-т, 1989. – 73 с.

5. *Якобсон Ю.А.* Деятельность иваново-вознесенских рабочих за восстановление текстильной

промышленности губернии накануне и в первые годы НЭПа. 1920–1925 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1962. – 20 с.

6. *Якобсон Ю.А.* Иваново-Вознесенск в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // История города Иванова. Ч. 2. Иваново социалистическое. – Иваново: Ивановское книжн. изд-во, 1962. – С. 101–138.

7. *Якобсон Ю.А.* Иваново-Вознесенская губернская партийная организация в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ч. 2. 1917–1967. – Ярославль: Верхне-Волжское книжн. изд-во, 1967. – С. 120–68.

8. *Якобсон Ю.А.* Стачное движение в Иваново-Вознесенском промышленном районе в 80-е годы XIX в. // Морозовская стачка 1885 г. и рабочие Центрального промышленного района России в начале XIX – начале XX в. Тезисы выступлений участников XV зональной межвуз. научн. конференции, посвященной 100-летию Морозовской стачки. – М.: Ин-т российской истории, 1984. – С. 95–100.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Aleksandr I. Yegorov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
branch in the City of Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod Region
dr.egoroff-al2012@yandex.ru*

Aleksandr V. Paramonov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
branch in the City of Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod Region
paramonov@dzh.ranepa.ru*

Irina Yu. Pervuhina

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
branch in the City of Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod Region
dekanspo@dzh.ranepa.ru*

The German factor in relations between Russia and the European Union (2001—2007)

The contribution of Germany to deterioration of the relations between Russia and the European Union in 2001—2007 is analysed in the article. These relations entered a strip of “cold misunderstanding”, assisted by the occurrence of the several centres of tension, during the specified period. In connection with the future entrance of Lithuania and Poland to the EU, Kaliningrad Region in fact turned into an enclave. Kaliningrad issue did have humanitarian, economic and political aspects, moreover, the stand taken by key forces of Germany contributed to the aggravation of the situation. The CDU fraction in the Bundestag tried, using methodology of constructing the effective model of “Lithuanian-Russian-Polish European region”, to raise the question of the economic future of “Bundesland Königsberg”. Expansion of the EU in 2004, “Gas wars”, disputes between the European Union and the Russian Federation concerning ratification of the Energy Charter Treaty by official Moscow passed at the direct and active participation of the representatives of Germany. The mechanism of building a new course of Germany in the framework of the EU in relation to Russia was complex and based on Berlin’s understanding of the international situation as well as on the flexibility of its foreign policy. Deeds of the German authorities remained within the conflict model due to the interests and strategic policy of the EU concerning the extension of controlled areas at the expense of Russia. This approach was due to the offensive strategy involving the displacement of the Russian presence from the European regions. Although the German leaders made several positive initiatives first of all on the continuation of energy co-operation with Russia, they could not but lowered the overall orientation to the positive relationship between the EU and Russia.

Keywords: Russia, Germany, European Union, Kaliningrad Region, centres of tension, opinion differences.

Guzel’ A. Khannanova

*Russian University of Peoples’ Friendship, Moscow
gzhelkaha@mail.ru*

The role of the Federal Republic of Germany in the Middle East peacemaking process: history and contemporaneity

The article is devoted to an analysis of the German role in the settlement of the Middle East conflict. The paper analyses the factors determining German policy regarding the problem in certain period of the conflict. These factors are divided into determinants and variables. “Historical responsibility”, or moral imperative towards Jewish people, as well as trans-Atlantic solidarity refer to the determinants. Variables include Common Foreign and Security Policy of the European Union, German interest in boosting economic and trade exchange with Arab countries, as well as demography factor. Closer consideration is given to Germany’s political, economic and humanitarian initiatives in Palestinian National Authority. In the conclusion, the author analyses the prospects of German engagement in the Middle East peacemaking process in future on the basis of historical method.

Keywords: German foreign policy, Middle East, Israel, Palestinian National Authority, Middle East peacemaking process.

Mikhail I. Vtorushin

*Omsk State Technical University
vtorushin-m@yandex.ru*

Czechoslovak Legion in the Russian Civil War East front

The article describes the foreign policy reasons of the Czechoslovak legions’ participation in the Russian Civil War. Internal and external factors of the participation of former prisoners of war (the subjects of Austro-Hungarian Empire) in this socio-political conflict are investigated; the particular nature of the ideological principles of the corps command and enlisted Legionnaires is revealed; the essence of the conflict of the Legion with Admiral Alexander Kolchak’s government and its role in the White movement defeat in Eastern Russia are studied. The study is conducted on the basis of dialectical materialism method through the historicism principles, taking into account the specific historical experience in connection with other historical events of that time. The Russian Civil War is characterised as part of the global political conflict of 1914—1918 on a number of factors. The armed confrontation between supporters and opponents of the October revolution in Russia was determined by the intervention of world powers and neighbouring countries. Therefore, the civil war in the former Russian Empire was a special course of the World War I. The great powers of Europe, the USA, Japan and new Euro-

pean States tried to provide their political and military interests in the vastest country in the world. Prisoners of war, the former Austro-Hungarian subjects, played the determining, and in Siberia, pivotal role in the Russian Civil War as a part of the global crisis. Firstly, this is the case of the Czechs and also some Slovaks, who actively participated in the political disasters connected with revolutionary transformations in Russia and, at the same time, influenced the course of events striking the balance of the World War I in Europe.

Keywords: Czechoslovak legion, volunteer armed forces mainly of Czechs with some Slovaks, Russian Civil War, Entente, intervention, White Movement.

Irina V. Shil'nikova

*Research university of the Russian nation
"Higher School of Economy", Moscow
shilnikova.i@gmail.com*

"Hungry" strikes in the Soviet Russia in 1918—1920

Strikes and other forms of workers' protests formed an essential element of labour relations in the first years the Soviet regime (1918—1920). However, their study began only in the post-Soviet period due to the changed political conjuncture. One of the main problems of the period of "war communism" was the inability of the new authorities to provide essential commodities, notably food, to workers. This situation became the reason for the strikes. The article deals with the immediate causes and mechanisms of occurrence of strikes at enterprises in the Central Industrial Region. In particular, attention is drawn to the fact that often strikes were stemmed from not just the lack of food, but its inequitable distribution. In this period, the trade unions in the course of strikes took the Soviet side rather than workers'. But some differences in the positions and the events' evaluations by the representatives of the trade unions' and local organisations' central apparatus can be noticed. Local union leaders were not prone to excessive politicisation of the protests that took place at enterprises. They evaluated the reasons for discontent of workers more objectively. The study is based on materials of the archival funds of branch trade unions.

Keywords: labour relations in Soviet Russia, labour conflicts, strikes, rations in kind, trade unions, factory committees, textile workers.

Aleksandr S. Baturin

*Kemerovo State University
alex-910891@mail.ru*

Nikita S. Ravochkin

*Kemerovo State Agricultural Institute
nickravochkin@mail.ru*

The early 1950s—mid 1960s Kemerovo Region's intercity and suburban trucking route network in development analysis

This article is devoted to the route network of the bus fleet in Kemerovo and Kemerovo Region formation and development in 1945—1965. In this paper, we emphasise the formation of route number and its content. The latter includes the direction of the route, the

number of passengers, which can be measured by the number of tickets purchased, model of buses involved in the transport, mileage, the number of runs during the week and on weekends, the cost of the ticket for journey. The article is based on the materials of the public administration "KuzbassPassengerAutotrans", where the characteristic of this complex of materials is given and also Kemerovo Region's state public institution "Kemerovo Region state archive". The bus service is generally described in the article. models of suburban buses and coaches, their annual number, the infrastructure of the bus fleet and road accident statistics are researched in the article. The authors give their personal opinion about some interurban itineraries. The most important tendencies of the long haul bus service are described in the article in comparison with Kemerovo's route network.

Keywords: road transport, route network, public transport, shuttle service, carriage of passengers, economy of Kuzbass land, number of passengers.

Svetlana A. Ditkovskaya

*Shevchenko Lugansk University
ditkovska@yandex.ua*

International cooperation of the Ukraine Society of Friendship in the Sphere of Science and Education (1959—1970s)

The article is devoted to the forms of interaction of the Ukraine society with foreign countries in the sphere of science and education in the era of socialism. Thanks to the Ukraine Society of Friendship such relationships were widespread. Individual and collective members of the sections of law, social sciences, pedagogy, medicine and agriculture actively established and expanded contacts with international organisations in the sphere of science and education. It is shown that the main forms of work of the society was holding of parties, lectures, interviews, meetings, photo exhibitions, work with delegations and tourist groups, the exchange of literature and materials, establishing of links between different organisations, institutions, communities, regions, and the anniversary celebration of memorable dates. It is proved that a unique form of international cooperation was the work of the Society of friendship with foreign students from socialist and developing countries, as well as representatives of the progressive organisation of the Ukrainian diaspora of the capitalist West. The content of the work of the Society in this direction was to introduce Soviet reality to students, as well as life and culture of the Ukraine people. The main forms of work with foreign students was the parties of Friendship, lectures, conferences, meetings with scientists, figures of culture and art, leaders of manufacture. With U.S. and Canadian citizens what was practiced, was individual work, the basic form of which was an invitation to study in the USSR; control of the learning, political and educational works and the organisation of the tourist trips on the territory of the USSR. However, excessive centralisation, planning, ideologisation and formalism reduced the possibilities

of productive communication and played a negative role in the development of international educational and scientific contacts.

Keywords: Ukraine Society of Friendship, international cooperation in sphere of science and education, exchange students, tourist trips, ideologisation.

Sergey S. Vykhor'
Kursk State University
vifsin@mail.ru

Awards of the Russian Imperial Navy sailors by South European countries

The article considers the organisation of the reward system of the countries of southern Europe to the Russian fleet sailors. Which are the most famous awards, are the Italian, Portuguese and Spanish orders and medals to officers and seamen of the Russian fleet. We designated place for Italian, Spanish and Portuguese insignia of the award system with respect to the Russian fleet. We focus on the history and subsequent development of the most famous Italian, Portuguese and Spanish orders. We examine the world political situation which took place at the awarding of the Russian seamen. Rewarding with Portuguese, Spanish and Italian orders are among the little-known pages of history of the Russian Imperial Navy. Moreover, we investigate the foreign states' award system with respect to the Russian fleet.

Keywords: Russian Navy, order, medal, Italy, Portugal, Spain, naval officers.

Pavel V. Chelyshev
Technological university of the Russian nation
"Moscow Institute of Steel and Alloys"
simeon5@rambler.ru

The spiritual and moral foundations of history in the light of ancient mythology (the epic poems by Hesiod and Homer as an example)

On the basis of textual analysis of poems by Hesiod "Works and days" and "The Iliad" and "The Odyssey" by Homer the article reveals the spiritual and moral principles of the historical process, which in the minds of the people of that time always prevailed over the economic, political, cultural and social factors. It is revealed that the moral degradation of the Trojans and the Achaeans caused the destruction of Ilium and the whole generation of heroes or demigods.

Keywords: Asia, Europe, ancient mythology, Bible, Trojan War, heroes, geopolitics, Ilium, Troy, morality, ethics, demigods, history.

Marina B. Abekhtikova
Kostroma State University
m.marinab@mail.ru

Revival of church and spiritual and moral upbringing in Russia in the late 20th—early 21st centuries

Need of spiritual and moral upbringing of younger generation is more and more widely realised by citizens of Russia. In this article, it is shown how gradually, since the 1990s, influence of church on society life has been grown in the country, experience of interac-

tion of church and secular institutions in familiarising of youth with sources of Orthodox culture, upbringing on traditions of volunteerism and humanity is noted. The attention to a number of significant events in life of church of the latest time is paid in the article, emphasising that the opinion of priests has begun to play an increasing role in society, that the Russian Orthodox Church since the 1990s, has actively joined the process of formation of civil society. Also, the author addresses questions of teaching Bases of orthodox culture, on the example of the city of Noginsk draws a conclusion about importance and the importance of this subject.

Keywords: spiritual and moral upbringing, bases of Orthodox culture, Russian Orthodox Church, state, school, teachers, younger generation.

Guzel' V. Ibneyeva
Kazan (the Volga) Federal University, City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
guzel.ibneyeva@yandex.ru

Igor' P. Yermolayev
Kazan (the Volga) Federal University, City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
guzel.ibneyeva@yandex.ru

Al'bert I. Mukhamadeyev
Kazan (the Volga) Federal University, City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
alleo1590@yandex.ru

The representatives of the Mennonite community in dialogue with the Empress Catherine II of Russia

The article is devoted to the history of interaction of the Mennonite colonists invited to Russia and Empress Catherine II during her stay in the Crimea in 1787. Representatives of this community did not agree to move on common condition for colonists and demanded the exclusive rights and privileges for themselves. Previously, they wanted to obtain information about the land they will be assigned. The authors consider the actions of the three deputies of the Mennonite colonists to be aimed at exploration of future lands and at handing the terms of their settlement to Russian authorities. What are the object of attention are pleading articles, in which the deputies expressed their wishes concerning the arrangement of Russia (the 22nd of April, 1787). The article defines the significance of the meeting of the Russian Empress and the Mennonite deputies, which, coupled with their subsequent treatment, has led to a serious result – to the Declaration made by the Russian government to the community of Mennonites in Danzig in late December, 1787. The article shows the significance of the Declaration, by which the Empress sanctioned the arrival of the Mennonites in Russia; the conditions of the invitation are analysed. Catherine's staying in the South Russia and her interaction with the representatives of the Mennonite community has revealed a set of problems that arose after the annexation of Crimea by the Russian state. The Empress had the opportunity to visibly see the lack of population and to make sure the necessity of measures to increase it. Regarding colonists the

Power once again could ensure that the state expediency, objectives of economic development withdrew the question on the ethnic origin of the population, and therefore its religious affiliation.

Keywords: colonists, settlers, colonisation policy, Mennonites, Mennonite community, land development, Ekaterinoslav vicegerency.

Andrey M. Belov
Kostroma State University
Aleksandr O. Gulin
Kostroma State University
holst90@mail.ru

Socio-political situation in the provinces of the Upper Volga on the eve of the February Revolution

The article addresses issues of deterioration of the population's attitude in Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces due to the World War I going at that time and the growth of material, financial and national-economic difficulties associated with the war. Firstly, the protracted war negatively affected the standard of living of the general population of provincial society, families with many children of industrial workers and small officials left without breadwinners, without other means of livelihood, in addition to low salaries, state benefits and assistance to community organisations. Basic information characterising the socio-political situation in the Upper Volga region contained in the reports and the reports of the administration and the gendarme administration provincial and district levels to address the Ministry of Interior. The governors, heads of provincial gendarme administration on the basis of reports of the district police officer reported to various departments of the Ministry of the Population of the provinces to the war as a whole, the Government was taking measures to stabilise food and transport in the situation of strike movement in the factories and political prospects of further activity of political parties, their impact on the development or decline of the revolutionary activity in the community. The paper draws conclusions about absence of attributes of readiness of the population to active revolutionary action.

Keywords: World War I, province, governor, administration, food supply, strike movement.

Anatoliy K. Kiselyov
North-Caucasian Social Institute, City of Stavropol
akiselev2@yandex.ru
Irina A. Korobkina
North-Caucasian Federal University, City of Stavropol
iryndkor@gmail.com
Lyudmila A. Popova
North-Caucasian Federal University, City of Stavropol
ms.plus894@bk.ru

Muslims in the British armed forces in the early 21st century

The authors present data on the service of the Muslim religion in the British Army. Showing the British government's actions at the end of the twentieth century and the first years of the twenty-first century in order to create a so-called inner armed forces – multi-cultural and multi-faith community of military person-

nel. The authors provide concrete examples of services and examples of career advancement in the military representatives of the Muslim communities of the UK. British Army is a sufficiently large number of soldiers and officers, representing different religious faiths, including the Muslims. Despite their relative minority of the total number of personnel of the Royal Armed Forces of the total number of troops, however, they even have their own Armed Forces Muslim Association. The presence of the association's own website allows Muslims, both Sunnis and Shiites, serving in the British army, to meet each other on the Internet forums and to chat with imams. In addition, Islamic soldiers have access to a network of local information, so that they can find a mosque near their bases, as well as details of local religious groups. Thus, a new image of the armed forces increasingly reflects the modern day British Army. In less than the last twenty years, the Ministry of Defence of the UK was able to increase the proportion of the staff of "black" and ethnic minorities in all three services related to the security agencies.

Keywords: Islam, United Kingdom, army, national minorities, legislation, Association of Muslim Armed Forces (AFMA).

Chingiz R. Alaberdov
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow
wanderer_2003@list.ru

American concept of a new world order. Russia – the Third Rome. A look in a retrospective

In the international relations system of the 21st century, what a resistant tendency is still observed, is that the United States of America have a universal and a global domination, staticising, thereby, once existing macrosystem of relations: the metropole – the dominion. genesis of this concept during the period in detail is considered in the article from the moment of signing of the declaration of independence by the USA, up to today. Succession of events preceding the two world wars, and participation of the USA in them is analysed using a comparative-historical method, and, by means of the content analysis in the field of modern challenges and threats, the level of the American influence on these processes is determined. The role of the Russian Federation in new reality (it is long since Yalta Conference) as one of the main actors of the international scene capable to recover balance in of international relations system in detail is considered in the article.

Keywords: America, USA, Russia, international relations, international community, World War I, World War II, geopolitics, global domination.

Aleksandr V. Shipilov
Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan
4shipilov@gmail.com

The Kyrgyz diaspora in Russia: new stage of intercultural interaction

Throughout the history, the Kyrgyz diaspora has had migrations of either violent or compelled nature, owing to the political and religious reasons (up to the

1960s). The modern period (after dissolution of the USSR) is connected more often with the economic reasons and is characterised by individual movement with practice of a call of families to the country of present accommodation of the ethnic Kyrgyz. The Kyrgyz number living (constantly or temporarily) in the Russian Federation, by different estimates, constitutes 500 thousand to one million people or even more. They are consolidated in 50 diasporas of different kind, form a component of the Federation of migrants of Russia. Interests of the Kyrgyz diasporas and migrants are represented abroad by the Association of the Kyrgyz diasporas in Russia and Kazakhstan “Zamandash”.

Keywords: Russia, Kyrgyzstan, migration, diaspora, intercultural relations.

SCIENCE OF LITERATURE

Anna V. Toporova

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
anna.toporova@gmail.com*

Angela of Foligno’s “Liber” as a beautiful specimen of revelation genre

This article considers an interesting and little-studied medieval Italian literary work of the late 13th century – The book of divine consolation of the Blessed Angela of Foligno – as an example of the popular medieval genre of revelations. It traces the history of its creation as a result of the joint work of Angela, who dictated her mystical experiences, and the scribe, who also served as the editor who arranged the material in a given order and gave his annotations about the text itself and the circumstances surrounding its creation. Such features of the Liber as the attempt to depict the means of transmission and reception of the divine message, to describe the external appearance and behaviour of the recipient of the revelations, to minutely set down the process of their recording, and to draw attention to the problem of their authenticity are markers of the revelations genre.

Keywords: Italian medieval literature, religious literature, Angela of Foligno, revelation genre, genre poetics.

Kirill A. Chekalov

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
ktchekalov@mail.ru*

Echoes of discussion of a serial novel in French literature (the late 19th to the early 20th centuries)

The article deals with the response to the serial novel genre in journalistic and writing circles of the late 19th — early 20th centuries. The discussion of serial novel that emerged in the 1840s, upon the publication of Eugène Sue’s novel “The Mysteries of Paris”, this genre was socially criticised. However, it still gained a great level of popularity in many reading circles and was firmly set on the pages of newspapers and magazines. The article pays a special attention to a survey conducted in 1899 by “Revue des revues” journal,

where writers were asked their opinion on the perspectives of the development of serial novel genre. Another important issue is therefore how that fact was related in Gaston Leroux’s novel “Le Roi Mystère” (1908), built as a palimpsest of the novel “The Count of Monte Cristo” by Alexandre Dumas (père).

Keywords: serial, genre, criticism, newspaper, magazine, reader, public, popular reading, commerce.

Kseniya B. Volkova

*Lomonosov Moscow State University
egorovaksenya@mail.ru*

The Play “Warrior’s Heart” by King Rama VI: topical issues of Thai dramaturgy and traditions of theatre classicism

The present study breaks the ground being the first attempt to analyse the play by King Rama IV (Vajiravudh) – founder of the new Thai theatre and the most prolific playwright. The analysis centres in the play “Warrior’s Heart”, which is deservedly recognised as a pinnacle of Thai “spoken” drama. As a proponent of the ideology of “monarchist nationalism”, Vajiravudh used theatre and press for spreading his political views among the public. “Warrior’s Heart” is a pure example of literary outreach activities. The author used dramatic form to bring current socio-political and social issues to public knowledge, to give reasons for his position, clearly explaining it in quite simple structures and seeking to reinforce his readers’/viewers’ belief in monarchy. The value of the play, however, cannot be reduced solely to its ideological message – the play is creatively distinctive and has its own artistic value: the playwright artfully combines “the problem play” (a common genre form of Western drama in the 19th—20th centuries), which gave the King means to promote his views, with the artistic tradition of classicist theatre, maintaining the supremacy of absolutism, the preponderance of patriotic values and moral duty. Moreover, social issues of the play are enriched with motifs of love and psychological insights, the intrigue being well constructed, while characters and their emotions are expressively described.

Keywords: Thailand, King Rama VI (Vajiravudh), theatre, drama, nationalism, propaganda play, traditional theatre, classical theatre.

Lyudmila Ye. Saburova

*Russian-Italian educational scientific center of RGGU
mila.saburova@gmail.com*

The experimental nature of the autobiographical prose of Eugenio Montale

The complicated structure and the hybrid genre of the prosaic work of Eugenio Montale “The butterfly of Dinard” has not allowed the researchers until recently to classify it as belonging to a particular group of texts. However, the authentic autobiographical basis of the text and at the same time its strong fantastic component actually make it a typical example of the autobiographical prose written in the experimental genre of “autofiction”. Besides Montale’s long-standing creative interest to prose, the poet’s work on “The Butter-

fly of Dinard” coincided with an overall and deepening genre crisis, which the Italian literature obviously faced at the time. The post-war period in general was characterised by rapt attention of many of the leading Italian poets to prosaic genres. According to Italo Calvino, these attempts of addressing and exploring the possibilities inherent in prose enabled them to express themselves more freely and satisfy their “mania for telling”, as he then put it. The prose of Montale is characterised by inner monologue, close attention to the inner life of the characters and by constant presence and interplay of different points of view – that of the storyteller, the character and the author himself. The nonlinear narrative about the past and the future is unified in Montale’s work and in the perception of the reader by the special role of memory. In “The Butterfly of Dinard”, what the poet consciously reveals to the reader, is the process of creation of a poetic image, that undoubtedly makes the autobiographical prose of Montale a valuable self-commentary on his poetry.

Keywords: Eugenio Montale, autobiographical prose, autobiographical novel, “autofiction” genre, hermetic poetry, new novel, “Solaria” magazine, short story.

Yuliya Z. Mirkina

*Kant Baltic Federal University, City of Kaliningrad
julia_mirkina@mail.ru*

**Myth-poeti space of the novel “Homo Faber”
by Max Frisch**

This article is devoted to considering the issue of the space model, depicted in the novel “Homo Faber” by the famous 20th century writer Max Frisch. The analysis of the model indicates several types of space relevant to nature, culture or civilisation, including: the New World, the Old World and the Third World countries. It is important to note that the Old World is associated with the mythopoetic type of space characterised by a number of sacred objects and is closely connected with mythology. From the very beginning of the text, the first mythological allusion – a printing machine – is exposed. Max Frisch takes it along to a journey and calls it “Hermes Baby”. In one respect, this name is the brand of a Swiss manufacturer, at the same time, it belongs to an ancient Greek god, Hermes, who is remarkable for his eloquence (the character of the novel keeps a diary) and support for travelers (Walter Faber travels a lot for work). The idea of revenge is realised in ancient Greek goddesses – the Erinyes. Walter Faber adores the sculpture “Head of a Sleeping Erinyes” in the National Museum and believes that due to a certain optical illusion, the revenge goddess as if rises from the dead. Later in the novel text, a snake (snakes are actually Erinyes’ hair) will play a lead role in the main character’s fate: Sabeth dies of a basal skull fracture caused by collapsing after a snake bite. The novel veils the ancient Greek Oedipus myth: both characters are intimate with the nearest relations with no awareness of it. Having been conscious of the fact the main character like Oedipus is about to poke

his eyes out. To summarise, mythologisation is a kind of artistic device, which creates mythopoetic space of the novel. Ancient Greek mythology enables Max Frisch to apply to innumerable analogies and parallels, which is reflected in the novel’s poetic.

Keywords: myth-poetic, mythologisation, allusion, culture.

Aleksandra A. Akatova

*Kostroma State University
aaakatova@mail.ru*

**The concepts of “Aristos” and “Nemo”:
linguocultural and functional-stylistic aspects**

Defining the genre of John Fowles’ novels as the Bildungsroman, i.e. “the novel of education”, or “coming-of-age story”, helped to identify the unifying element in the work and philosophy of Fowles – “preaching” of some of the author’s ideas, of the concept of being and life. In a series of semantic fields, following the stages of the “training” of the hero, the concepts of “nemo” and “aristos” constitute cultural and semantic antinomy. The way of feeling dumb before gaining full internal freedom and independence from the public trends and judgements – this is the way, which, as Fowles believes, the heroes of the novels and, ideally, the readers, must pass. Illustrative for the didactic metatext of Fowles, the concepts “nemo” and “aristos” in their turn integrate the metaphor of the court, the metaphor of teaching and the image of the smile. Identification of lexical-semantic frames of these concepts within the analysis of the English texts of the works of Fowles helps to decode the moralising linguocultural metatext of the author.

Keywords: metatext, “nemo”, “aristos”, John Fowles, semantic field, Bildungsroman, intertext, elected Vs crowd.

Aygul’ R. Khabibullina

*Bashkir State University, City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
khabibullina-ar@mail.ru*

**Childish folklore as mechanism of child’s
socialisation in Bashkir traditional culture
(the late 19th—the early 20th century)**

Bashkir Childish folklore is the subject of this article. Analysis of the Bashkir folklore, which is intended for children as a way of the child’s joining to the community and adapting in it, is the goal of the work. It is important to distinguish the infancy folklore and childhood folklore; to clarify the ethnos’ world outlook on the real things around in the childish folklore; to reveal ways of assimilation of ethnic traditions by the child; to determine the impact of external cultures and to trace general and particular aspects in didactics of a new generation; to reveal the child’s integration in the environment of existence and in the established structure of the society on the basis of the semantic interpretation of children’s folklore.

Keywords: childish folklore, child’s socialisation, Bashkirs’ traditional culture.

Ol'ga V. Belopukhova
Kostroma State University
klepa33667@mail.ru

Genre peculiarities of Ivan Turgenev's pieces and ballad

In Ivan Turgenev's early poems, especially in "Parasha" and "Andrey", he identifies the storyline and psychological motives developed in his later prosaic works. Turgenev's novel, associated with his so called "new style", assimilates his experience in writing stories, dramas and poetry, including ballads and poems. In every story and novel by Turgenev, we can find lines from poems or a reference to them, evoking certain associations in the readers' minds. This lyrical implication can be considered a structure-forming element of Turgenev's novels alongside with their epic and dramatic basis. Turgenev creates a novella-like narrative focusing on the climax of the hero's drama. A dramatic effect as a characteristic feature of Turgenev's novels obtains rationale in his interpretation of interrelation between human and the world, personality and history. Lyricism complements the genre features, revealing the author's "universal and humane subjectivity". Turgenev's way of creating a novel can be represented as a deployment of a lyrical poem's poetic "grain" into a monumental work. Fragmentation, sudden start, understatement, climax, novelistic storyline and romantic plot unite Turgenev's novels and ballads. Romantic ballad attracted Turgenev's attention by a specific philosophy of love, which was similar to his own philosophic search. Turgenev's novels are vivid examples of penetration of a realistic approach to artistic creation in the genre of romantic ballad.

Keywords: Ivan Turgenev's novels, genre features, ballad, romanticism, realism.

Anna A. Fedotova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
gry_anna@mail.ru

Alexander Herzen and the Russian sociopolitical journalism of the 1860s

The article is devoted to the turning point in Alexander Herzen's reception by the Russian society of the 19th century. The author analyses the heated debate between Alexander Herzen and the Russian conservative press: Mikhail Katkov's "Russian Messenger" and *Sovremennaya Letopis'* ("Chronicle of Nowadays") as well as Pavel Usov's "Northern Bee". Free of the ideological topos, this research of the main articles, written during the debate (Alexander Herzen's "The Letter Addressed to Mikhail Katkov and Konstantin Leontyev", "Young and Old Russia", "Journalists and Terrorists"; Mikhail Katkov's "Our Foreign Réfugiés", "Note for the "Kolokol" ("Bell") Publisher"; the editorials of "Northern Bee", written by Nikolai Leskov), helps to understand the important differences between views of the publicists and to make some conclusions about the author's strategies. The analysis of Nikolai Leskov's editorials is seemed especially topical, as his work in the newspaper "Northern Bee" has been still insufficiently explored.

Keywords: Alexander Herzen, Mikhail Katkov, Nikolai Leskov, "Kolokol" ("Bell"), "Russian Messenger", "Northern Bee", polemics.

Ol'ga A. Alferova
Lomonosov Moscow State University Memorial and natural reserve «Museum of Leo Tolstoy's Estate "Yasnaya Polyana"»
alferova09@yandex.ru

Leo Tolstoy's unfamiliar notes in the margins of "The Whim" magazine (based on the material of the writer's library in his estate "Yasnaya Polyana")

The article is devoted to definition of the sources of the "Circle of Reading", the collection of wise thoughts compiled by Leo Tolstoy. In this article, what is revealed, are marginal notes on the pages of an American magazine "The Whim" made by Leo Tolstoy which had not been published yet. The years of publishing of the magazine "The Whim" (1901 to 1905) were for Leo Tolstoy the time when he selected sources for compilation of sages' sayings collections: "Casual Wise Thoughts" (1903), "Circle of Reading" (1904), "Casuals" (1906), "Path of Life" (1910). "Circle of Reading" seems to be the most various Leo Tolstoy's collection in terms of volume and selection of sources in comparison with all other compilations: it contains the greatest number of wise sayings and the most varied amount of its authors. American magazine "The Whim" was one of the sources of "Circle of Reading". Ernest Crosby, Leo Tolstoy's friend and correspondent, was the publisher of the magazine "The Whim". The picture of Ernest Crosby was on the wall in Leo Tolstoy's study at his estate "Yasnaya Polyana" among images of close friends and like-minded persons.

Keywords: Leo Tolstoy, "Circle of Reading", Ernest Crosby, magazine "The Whim", Russian literature, American literature, Leo Tolstoy's library at "Yasnaya Polyana" estate.

Ol'ga V. Bystrova
Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
bystrova63@mail.ru

The play "Enemies" by Maxim Gorky: on the genre belonging

Features of plot creation in the play "Enemies" by Maxim Gorky are considered in the article. Describing development of subject lines in the play gives the chance to specify its genre as "Scenes" by the author himself. Interpretation of this concept allows to speak about the play as a drama, as well as a tragedy and also as a tragicomedy. As envisioned by the author, the real story as the play's basis has to make the reader to think over public and moral problems. Specificity of composite elements is considered in the article, and these elements promote recognition of floating "conflict", i.e. Something which passes from the story of the play, which is conditionally called "worker's", to a "moral" story; at that, these stories are not just imposed at each other in the play, but also smoothly flow one in another. Special attention is paid to the analysis of such a subject – what is the truth? The analysis of

the word's change – a truth symbol which according to opinion of each character seems to be something special (according to the worker Yefim Levshin, it is “justice”; according to general Pechenegov, it is “word of command”; according to Mikhail Skrobotov, it is “affair”; according to Nikolay Skrobotov, it is “law”, etc.); it allows to realise truth's value as an unchangeable constant.

Keywords: Maxim Gorky, “Enemies”, drama genre, story with plot, censorial story, play interpretation, composition specifics.

Anastasiya A. Alekseyeva
Kostroma State University
kisika7@yandex.ru

“Shield Heart” by Sergei Klychkov: on the issue of the artistic entirety of the work

The problem of the artistic integrity of the work, called “Shield Heart” and written by Sergei Klychkov. What is described, is the structural organisation of this poetic creative work. It is proved that “Shield Heart” is a cyclic compilation consisting of poems, which reveal the semantic relative autonomy, as well as the obvious proximity. The work identifies the main cycle-formation techniques used by Sergei Klychkov. We emphasise “ties and clamps” combining individual poems in artistic entirety. This, in particular, is a single lyrical character that expresses the essence of the spiritual and moral quest of the author; figurative and motivic system providing consonances of different poems of the cycle. The work clarifies as well the cycle-formation role of the title, emphasises duality of the work's general tone. It is noted, that semantics of “closed” people from the surrounding reality with their desire to hide from the damaging effects of the external world in which they have to exist, is laid in the title. What can be made, is a conclusion that the use of Sergei Klychkov's shield symbol creates an association with Alexander Blok's poem “Oh, spring, beyond end, beyond limits...”. It is shown that entirety the of the “Shield Heart” series in terms of frequency of lexemes supported by the thematic group “death”, as well as cross-cutting using repetitive epithets, embody metaphors, allegories.

Keywords: Sergei Klychkov, cycle-formation, cycle, “Shield Heart”, work artistic entirety.

Aleksandr A. Kryukov
Kostroma State University
kryukovx@mail.ru

Reconstruction of the aesthetic position in artistic-journalistic works of Yuriy Fel'tsen

The article reconstructs the aesthetic position of the Russian Émigré writer Yuriy Fel'tsen. It examines all the currently known literary criticism and journalistic texts of the author included in the composition of his first and so far only collected works in two volumes. It is proved that the Yuriy Fel'tsen's aesthetic position is represented in fragments, through the evaluation of certain key phenomena of the world literary process, both in synchronous and in diachronic aspects. It is

shown that the writer expresses his views indirectly rather than directly: in the form of ideological opposition, explicitly and something that is implicitly expressed in his critical texts. The said oppositions are conditionally divided into three thematic groups in the article: paradigmatic oppositions; social oppositions; artistic oppositions. The article notes that, from the point of view of Yuriy Fel'tsen, Émigré literature was free in the choice of themes and forms, although, due to its territorial status, had a lack of readers. Soviet literature, in his opinion, was in the grip of ideology, so its works were filled with political collectivism. Despite such opposition, Yuriy Fel'tsen still had an unbiased attitude to all Russian literature: both to the Émigré one and to the Soviet. He stood apart from any ideology in the literature: both religious and political. In the Émigré literature, he could not stand the naturalistic chronicles which were too numerous in the pieces written by young writers. In the Soviet literature, he negatively evaluated clichéd and ideologically conditioned themes and subjects.

Keywords: criticism, aesthetic position, Yuriy Fel'tsen, opposition, Russian Émigré literature.

Dina S. Gromatikopolo
Ivanovo State University
kopolo@yandex.ru

Mikhail Dudin's lyric poetry in the period of the events at the World War II East Front: between rhetoric and “eternal themes”

The aim of this article is to study the ratio of rhetorical and poetical in lyric poetry of the famous Soviet author Mikhail Dudin. In the lines of World War II, in spite of predominance of agitational and propagandistic poetry, full of clichés of its ethos, pathos and language, there was also place to a large extent on the popularity of the traditional lyrical problematics. Connection of the Soviet lyrics with rhetoric is not definitely a negative factor, if the lyric poetry was originally opened to “eternal” (ontological) themes. There is a principled opportunity to overcome (at least partial) “deficit of reference”, of course, if the experience of reality is conceived as fundamental and the dominant rhetorical system, only pieces on it occur. Mikhail Dudin's lyric texts of the war years demonstrate how a hidden conflict of rhetorical and poetical is solved by different approaches in each case. Thus, “Nightingales” is an open border phenomenon between “poetic” as author's individual and “rhetorical” as externally styled. Overcoming the mock pathos and common places is becoming possible, if the poet has the inner source of lyricism in addition to rhetoric. In Mikhail Dudin's, case such a source was the intention to pass “the truth of war” and at the same time, to glorify natural strength and saving charm of life, without which one cannot come through suffering and death.

Keywords: rhetoric, ethos, pathos, “eternal” themes, border, conflict of rhetorical and poetical, reference.

Grigoriy V. Tokarev
Leo Tolstoy Tula State University
 grig72@mail.ru

**On some cognitive features
 of postmodern literature
 (in terms of the story "Virtuality"
 by Vladimir Berezin)**

The article touches upon the cognitive features of postmodern prose in terms of the love story "Virtuality" by Vladimir Berezin. An attempt is made to study the cognitive activities of the author and the reader. Title, epigraph, choice of genre, text composition, selection of language means are seen as the embodiment of the author's intentions. A high degree of narration semioticity, allusions and reticence productivity can be attributed to the features of postmodern prose. Mentioned features increase the semantic integrity of the text, its symbolisation. These techniques help the author to engage the reader into the process of co-creation, to create its own piece reflecting the individual reading and understanding on the basis of the proposed text. The story consists of four different thematic parts dealing with epigraph keywords. The first part, "The Three Rosebushes", reveals the keyword "love"; the second one, "The Personal Organiser", "word"; the third one, "World of letters", "letter" and "world"; the fourth one "The Sphere", desire. The author uses the following methods to activate the cognitive activities of the reader: actualisation and semantic allocation of lexemes, allusions, allegories, reticence, and mystification. The author adjusts cognitive activity of readers by insertion of the explanation of the work ideas into the mouth of the characters. The listed methods are a way for the author to communicate to the reader. The processes of semantic enrichment of keywords and formation of text symbols are regarded. The story "Virtuality" by Vladimir Berezin is characterised by uncertainty of meaning, flickering of ideas that the author would like to translate to the reader. The title "Virtuality" reflects its conceptual originality: the idea does not find clear expression. Meaning flickering is created by a return to the earlier stated topic, motive, and image.

Keywords: interpretation, perception, intention, text, meaning, keywords.

SCIENCE OF LANGUAGE

Viktoriya G. Lebedinskaya
North Caucasus Federal University, City of Pyatigorsk
 lebedinskaya2012@rambler.ru

**The study of historical lexicology
 by principle studies of thematic groups**

In this article, on a rich factual material from Slavic languages, we deal with specific issues related to the prospects of studying historical lexicology by principle studies of thematic groups. We review analysis of some names of two thematic groups: bird names, as well as the names of occupations and classes of people. Birds are the most widespread group of living creatures that inhabit and invigorate nature. The result of observation of the outside world finds a bright reflection in those names that people give to birds. What is of particular

interest to linguists, is what has caused and what is causing problems within the theory of nomination of birds. Thematic group "professions and classes of people" refers to one of the most ancient human economic activity, human life and culture. The author believes that this method is far from exhausting itself in modern linguistics. Different aspects of historical study of words will help to uncover the data taken from the Russian language sources (both archival and published).

Keywords: historical lexicology, thematic groups, etymology, word formation, semantic grammar aspect.

Igor' V. Brodskiy
Herzen Russian State Pedagogic University, Saint Petersburg
 kodima@mail.ru

**Finno-Ugric plant names containing zoosemisms
 with "horse" meaning
 (on the lexical material of Finno-Perm languages)**

There are different composite plants' names, the structure of which includes animals' names (zoosemisms), in Finno-Ugric languages. There are also some simple phytonyms, which are motivated with zoosemisms. In this article, the author examines plants' names, the structure of which includes horse names, in Finno-Perm languages (the branch of Finno-Ugric languages excluding the Ugric branch). Some of these names are formed according to structural-semantic models "zoosemism + nomination class determinant" while other similar phytonyms have figurative meanings. Structural-semantic models including determinant are common for a number of Finno-Perm languages. In composite plants' names (phytonyms), zoosemisms meaning "horse" as well as a nomination class determinant (for example, flower, mushroom) form semantic models, which appear to be similar in many Finno-Perm languages. Which are of special extensiveness, are models "zoosemism + animal's body part", like "horse tail", "foal knee". The majority of models are present in the Baltic-Finnish languages only while some others can also be found in other related languages. In some cases, these models have exact matches in other unrelated languages, including those in contact.

Keywords: plant nomination, phytonym, animal names, Finno-Ugric languages, Finno-Permic languages, language contacts, horse, foal.

Irina B. Gorlanova
Kostroma State University
 irin9991@yandex.ru

**Microtoponyms (names of objects that serve as
 place names), 18th and 19th centuries,
 City of Kostroma**

The article deals with the organisation of toponymic space of the City of Kostroma in the 18th and the 19th centuries. City toponyms have a rather complex and branched structure. Its structure includes the official names of towns, parts of the city, trading quarters, settlements, villages which were gradually included in the city of Kostroma, as well as city streets, squares, etc. Of significant proportion are also microtoponyms which presented the official names of the most signifi-

cant urban sites and unofficial names of various places, enshrined in the minds of the residents as permanent names, are repeated regularly at that, with a certain semantic colouring. Urban microtoponyms are the names of the individual objects that perform the function of the address: the companies, shops, cemeteries, churches, buildings, remarkable places in the city. On a material of microtoponyms of the city of Kostroma, in the article, there are the thematic groups: names of churches and monasteries; names of objects of city life; industrial facilities; landscape; private houses; holiday destinations. Of a special group are ecclesionym microtoponyms the names of which almost always have an address prefix, which indicates that they belong to the place names. Large group of microtoponyms are derived from the name of city life objects of public importance: grocery stores, barracks, rooming houses, prisons, almshouses. In the 19th century, the great objects the names of which represent microtoponyms, belong to industrial and commercial enterprises. Some groups make microtoponyms formed by appellatives calling facilities for health, education and recreational facilities, which indicates their importance in the citizens' life. Attention is paid to the etymology of names. We give ellipse microtoponyms. The study of microtoponyms in the article identifies the most productive ways of their formation from appellatives and personal names. Among anthroponymic microtoponyms what are the most common names, are private estates, tenement houses. The article raises the question of finding the place names in active use or passive reserve and on the return-to-speech microtoponyms among citizens. The proposed model can be used by the author of the study in the description of microtoponyms of other periods of urban toponymy.

Keywords: urban toponymy, microtoponyms, ecclesionym microtoponyms, anthroponymy, appellatives, thematic groups, method of forming microtoponyms' official name, informal title, address component in title.

Sofiya O. Kiparisova

*General of the Army Margelov Ryazan Higher
Paratroops School of Commanding Officers
sofiya_kiparisov@mail.ru*

On the issue of compiling dictionary of Ryazan Region phraseological dialectisms

The main problems of drawing up regional dictionaries of dialect phraseology are reflected in article. Topicality of work on fixation and on description of dialect phraseological units of certain regions is caused by process of amputation of dialect features in modern Russian which has been spinning up. The most essential problems solved by such dictionary are characterised in terms of Ryazan patois, Ryazan Region phraseological dialecticisms dictionary entry structure, which includes orthoepic, morphological, syntactic, semantic and geographical description of language unit, is offered. The existing Ryazan patois dialect dictionaries, Russian folk patois dictionary as well as data of dialectological expeditions conducted by de-

partment of the Russian Language and Technique of Teaching It of Yesenin Ryazan State University were used as research sources. Phraseology is understood by authors in a broad sense and includes the greatest possible number of stable combinations which constitute phraseological units proper, stable combinations of terminological character, combinations of prepositional case, etc. The card file containing about 1850 phraseological dialecticisms which can be heard in Ryazan Region has been made as a result of the carried-out analysis. All used language illustrations are italicised and brought with the semantic description. Ryazan phraseological dialecticisms *анчутка её знает* (which means "deuce knows what a woman she is") and *благой характером* ("he's always screaming blue murder") have been used as an example of the dictionary entry design.

Keywords: Ryazan dialect phraseology, dictionary, phraseological dialectism, lexicographical description, semantics.

Svetlana V. Okulovskaya

*Kostroma State University
okulovskaja_svetlana@rambler.ru*

Function words in the Unzha patois lexis (in terms of Ivan Kasatkin's pieces)

The article deals with the presentation of function words in the works by Kostroma writer, Ivan Kasatkin. The author uses them as one of the means to recreate the peculiarities of the Unzha villagers' speech. Thus, the writer's works show the frequent use of two- and three-component particular conjunctions such as *али*, *аль*, *альни*, *альбо*, *инда*, etc. Meanwhile, the lexemes *альни* and *инда* are hybrid-built in the texts: they are conjunction-particles meaning "so, that even". The specific character of particles use is shown through the opportunity of using them autonomously to complete utterances. In dialect speech, they are more semantically loaded and can denote the meaning of a "hidden line"; therefore, the lack of a necessary context segment after a particle does not make us feel that the interlocutor has lack of information. The particles *коли* and *неужели* have a sentential semantics that is not habitual in the standard language. Perhaps, the acquisition of this meaning is connected with the presence of particle *ли* in the lexemes as this particle has such a meaning in its autonomous use. Dialect peculiarities of prepositions are revealed in their exterior: *супротив*, *окромя*, *округ*; the peculiarities are also influenced by their functions in speech. The preposition *супротив* is used to express contrastive-comparative relations, and its meaning can be denoted by the construction "in comparison with". The preposition *но* is used in object-purposive constructions and it goes together with animate nouns, and this is peculiar for the patois in north-eastern areas of Russia.

Keywords: Ivan Kasatkin, literary text, Kostroma patois, function words, conjunction, particle, preposition, syntax.

Lyudmila A. Dmitruk
Kostroma State University
 lyudmila-dmitruk@mail.ru

**Vocabulary of lexis of comic opera
 “The Miller Who Was a Wizard, a Cheat
 and a Matchmaker” by Alexander Ablesimov
 (tasks and compiling principles)**

In this article, the author describes the principles of compiling an authorised thesaurus dictionary that reflects the fragment of the Russian language of the 18th century out of works by Alexander Ablesimov. The play “The Miller Who Was a Wizard, a Cheat and a Matchmaker” becomes the object of the author’s lexicography. This choice is based on the popularity of this composition among the modern generations, its genre and language characteristics as well as being part of the historical lexicography, in particular, “The 18th Century Russian Language Dictionary”. This article explains the topicality of drawing up the vocabulary of the language of one composition based on the materials of the play; the author also identifies some distinctive features, which make “Language dictionary of comic opera “The Miller Who Was a Wizard, a Cheat and a Matchmaker”” an independent lexicographical project. The article describes the structure of the dictionary in details as well as the organisation of dictionary entry (forming the heading, mentioning its importance, grammatical characteristics, method of interpretation and the amount of illustrative material), the examples of dictionary entries. Due to the fact that a considerable part of the play’s words is included in the Russian mental-lingual complex, characterising the material and spiritual culture of the Russian people of the 18th century; the special attention is paid to the content of the reference department as part of the entry, which offers a historical-cultural and ethno-linguistic comment.

Keywords: Alexander Ablesimov, “The Miller Who Was a Wizard, a Cheat and a Matchmaker”, comic opera, full type author vocabulary, dictionary structure, dictionary entry.

Aleksandr V. Blohin
State University for the Humanities and Technology,
City of Orekhovo-Zuyevo, Moscow Region
 avb6767@mail.ru

Tat’yana S. Kurkina
State University for the Humanities and Technology,
City of Orekhovo-Zuyevo, Moscow Region
 kafrusggtu@mail.ru

**The structure and semantics of composites
 in the novel “War and Peace” by Leo Tolstoy**

The article discusses the use of compound words (composites) in the text of the epos novel by Leo Tolstoy’s “War and Peace”. The focus in the analysis of certain lexical units is paid to their structural and semantic peculiarities, as well as functioning in the artistic storyline of the work as the author’s stylistic means. A compound word has great emotional and expressive capabilities, allows the author to reveal outwardly inconspicuous traits, characters’ actions, to express the characters’ relationship of their attitude to each other,

to events and phenomena, to give authors’ assessment of the characters. What is the most capacious in this regard, is the first part of a complex framework, as it calls for more symbols and expresses the evaluation of the gradation of characteristic, marked the second part of the framework. Complicated words in the novel “War and Peace” by Leo Tolstoy are created and used mainly as a means of characterisation. Being able to holistically convey a single complex trait, these words give the author the chance to convey the slightest nuances of the complex experiences of the characters. The composite, as a key centre of context, is sometimes quite large, is a concentrated complex definition incorporates the previously identified traits of the character and evaluation on the part of the author or another character. Creating complex words, Leo Tolstoy expands their phraseological context, the scope of lexical and semantic collocations, whereby the newly created words have new emotional-expressive shades, compared with separately used parts and are closely woven into the line of storytelling, perform evaluation function. The creation and use of copyrighted compositions in the novel “War and Peace” is motivated by the internal tasks of creativity, and has a specific artistic and stylistic function.

Keywords: composites, complex adjective, adverb complex, Leo Tolstoy’s novel “War and Peace”, writer’s individual style, artistic technique, stylistic tool.

Tat’yana B. Kolyshkina
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
 ktb-10@mail.ru

Irina V. Shustina
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
 shustina-irina@rambler.ru

Grammatical means of creating advertising image

What is one of the tools to influence consumer’s choice, is the successfully created advertising image. It is known that its formation occurs in a variety of means – linguistic and non-linguistic. Linguistic means of creating an advertising image correlate with the levels of language. In this article, the authors analyse the grammatical means to form a promotional image. Given the fact there is traditional structure of communication, one produces three images that are relevant to the advertising text: the image producer, the image of the product and the image of the consumer. The researchers note that in the process of formation of an advertising image, one can also select the three-level image of the object, the behaviour and the relationships. Their successive formation, as is noted in the article, makes it easier to digest the content of the advertising text and to build a complete image of the advertising object. The authors use such a classification that allows modelling promotional image of three types: the type of characteristics and properties, the type of functions performed, the type of impression made. Sequence analysis of the large amount of text material revealed a fairly clear trend organisation of advertising space and the choice of grammatical

means of advertising images. In the result of the study, it was established that the grammatical means are used to create all types of images. It should be noted that the frequency of their use in the texts differs, in addition, we have revealed that advertising practice is dominated by mixed type of the image, combining the description of the product and the consumer, the manufacturer, both the manufacturer and the consumer; that is able to provide a complex effect on the addressee.

Keywords: advertising, advertising image, grammatical means, impact in advertising.

Natal'ya A. Kulintseva

*Pyatigorsk State University, City of Pyatigorsk, Stavropol Land
natasha777.07@list.ru*

Ol'ga L. Zaytseva

*Pyatigorsk State University, City of Pyatigorsk, Stavropol Land
zaitsevao@mail.ru*

Cataphoric and anaphoric functions of a final component of a paragraph in the text

The article is devoted to the study of the structure and spatial connections and relations within a text and its parts, which have structural, semantic, pragmatic and communicative integrity. They are paragraphs, paragraph complexes and texts. The author studies the importance of such a text component as the final sentence of a paragraph and (or) paragraph complex. This component refers to so-called strong positions of a text and takes part in a forming of a general picture of a structural, semantic, functional and pragmatic tension of a text. Thus, a final component of a paragraph is an important means of a text connection. The author distinguishes anaphoric, cataphoric and anaphora-cataphoric final components of a paragraph. Anaphoric components are aimed at the previous text, cataphoric components are aimed at the following information of the text. Anaphora-cataphoric final components are the most complex, as they function in both directions. Besides, the author points out three main levels of the functioning of the final components. They are the level which is inside of the paragraph, between the paragraphs, and the level between the paragraph complexes.

Keywords: text, paragraph, paragraph complex, anaphora, cataphora, coherence.

Olesya A. Zagorodnova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
zagov@yandex.ru*

Pragmatic markedness as characteristic feature of scientific texts

This article dwells upon the concept of markedness which is polysemantic and cross-disciplinary. Although this term had been initially introduced to define privative oppositions in phonology, later it was used in morphology and semantics, analysis of texts and discourse types. Within the framework of this research special focus is placed on discourse markedness (also called pragmatic or informative) that defines the order of information transfer and semantically accentuates the given text among its counterparts. The subject of

research is represented by scientific style where pragmatic markers are monitoring the stream of speech and its inner meaning, as well as show that the given text belongs to a particular style. The suggested thesis is supported by statistics showcasing the frequency of the aforesaid discourse markers in the scientific functional style in accordance with Bruce Fraser's typology of pragmatic markers.

Keywords: markedness, discourse, metalanguage, pragmatic markers, classification, scientific style.

Yevgeniya V. Krasil'nikova

*Yaroslavl Higher Military School of Air Defence
poussin15031981@mail.ru*

Training in scientific style of the speech in practice of teaching Russian as foreign

In the article, difficulties of scientific style of the speech, which foreign military experts need to overcome when studying language of specialty, are considered, and also language features of scientific style of the speech, to which it is worth drawing the attention of cadets when writing final qualification work, are listed. The author of the article considers lexical, morphological, syntactic, word-formation features of scientific style of Russian, stops on the key moments which have to be considered when training the cadet learning Russian as foreign.

Keywords: speech scientific style, final qualification work, specialty language, foreign military experts.

Polina A. Sumarokova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
sumarokova_pa@mail.ru*

François Just Marie Raynouard on the origin of the Romance languages

The article considers the biography of the French philologist, writer and dramatist François Just Marie Raynouard and dwells upon his theory of the Romance languages' origin. He was born on the 18th of September, 1761, in Brignoles. At the end of the study, he becomes a lawyer and begins his political activity in the Legislative assembly. Due to his failure in theatrical activity, he makes a decision to devote his life to philological studies. In its content, his theory of the Romance languages' origin differs significantly from the theories of other researchers, such as, for example, Friedrich Christian Diez and August Wilhelm von Schlegel. According to Raynouard, Provançal was once the general language of Latin Europe and became the predecessor of the Romance languages. This assertion is the main idea of his work. He was sure that all the Romance languages had the same origin but Provançal was formed the first, predetermining the others to be filled with its vocabulary. The philologist concluded that Provançal became the first generated Romance language because he found in it the largest number of the antique significant forms. The Romance languages came from the Primitive Romance language while the Primitive Romance language continued to progress in Provançal. In spite of the numerous criti-

cisms of the scholar's linguistic views, the significance of his works was in due time highly appraised by the philologists.

Keywords: François Just Marie Raynouard, primitive Romance language, Friedrich Christian Diez, Provençal dialect, patriotism, Romance languages.

Lyubov' S. Nagradova
Kostroma State University
niskos@bk.ru

Concept «Will» through the prism of English linguoculture: contrastive-comparative analysis of the peculiarities of phraseological representation of the concept in plays by A.N. Ostrovsky and the conceptual content of the English translations of the plays

The article explores the peculiarities of conveying the semantic content of the concept "Will" represented by the phraseology in plays by Alexander Ostrovsky, in the English translations of the plays. Phraseological semantics is investigated within phraseological configurations in the context of dramaturgic discourse and at the same time, intercultural discourse. Cognitive-conceptual analysis of the translated presupposes considering the manner of their inner form and semantic content participate in the process of conceptualising. Analysing the way of cultural components in phraseological semantics are communicated, we observe transformation of cognitive attributes in the conceptual space. The article summarises the general tendency in transforming conceptual meanings as a result of translating. Assessing the relevance of cognitive attributes enables to mark the points of maximum intersection of conceptual domains, reflecting the contrast in mental guidelines set by the English and Russian linguoculture. In this regard, we emphasise the relevance of the cognitive attribute representing the concept of free will constituting a conditional cultural universal and observe the manifestation of the polar semantic category "affectedness / agentiveness" marking a cultural difference in the ways of conceptualising reality by native speakers. This difference is revealed through the images of dramatic characters reconstructed in the culturally contrasted conceptual spaces.

Keywords: linguoculture, concept, cognitive attribute, discourse, phraseological unit, correlate, translate, semantic structure cultural component, conceptualising function.

Ashot A. Grigoryan
Ivanovo State University
yerkat@yandex.ru
Svetlana A. Manik
Ivanovo State University
svetlana_manik@yahoo.com

American election media discourse: strategies, linguistic and rhetoric features (a case study of 2016 TV debates of Hillary Clinton and Donald Trump)

The article considers election discourse and approaches of Russian and foreign linguistics to its study. Further on, its predominant strategies and tactics are

examined, linguistic and rhetoric features of speeches and strategies employed by two major candidates (Hillary Clinton and Donald Trump) in the course of the election campaign in America in 2016 are described. The study resources, TV debates and their scripts and other media publications on American elections, are new and contemporary, they reflect the split and contradictions within the American society and illustrate linguistic and rhetoric peculiarities of the election campaign 2016. The given campaign in the USA definitely differs from all previous ones, especially in the media and social networks impact, significant integration of information flows and their manipulative influence on the audience/readers/listeners, issues of debates and candidates' personalities. According to the material among all tactics and strategies of the present campaign's discredit strategy, emotional argumentation strategy and manipulation are the most productive, they complement each other. There is a great number of "traditional" (widely used and expected) linguistic means in the speeches of both candidates to achieve the goal: phonetic, lexical, syntactic means which create rhetoric patterns and contribute to the oratorical image of the candidate and the manipulative effects on the audience. However, the present study demonstrates only the part of the linguistic and rhetoric features of the election campaign 2016 in America that differentiates the election media discourse under study from all previous ones and has made the campaign rather emotional, tense and aggressive.

Keywords: election discourse, linguistic and rhetoric features, discredit strategy, argumentation strategy, manipulation.

Karina A. Kiyanova
Lomonosov Moscow State University
kiyanova.karina@gmail.com

Forms of addresses in public speeches: a study of Angela Merkel's speeches

The article dwells upon the specifics of the main forms of addresses as a means of establishing communication between communicants within the speech etiquette. The choice of address model is directly related to the rules of etiquette in business communication, in addition to being a considerable part of speech associated with mass communication. Special attention in this work is devoted to forms of address in Angela Merkel's public speeches and their impact on an addressee. The main purpose of the research is to analyse forms of addresses in the politician's speeches, published from 2007 to 2015, as well as to establish their amount and to classify the forms. The paper provides forms of addresses to a wide audience, e.g. young people, sportsmen, citizens of Germany and Europe, participants of celebrations, as well as to a particular person – male or female. Some peculiarities are especially emphasised, for example, confidential and friendly tone in the address to certain statesmen. Based on the data obtained by the analysis of forms of addresses, we

aim to prove that use of forms of addresses depends on circumstances and intentions of the speaker. The conclusion is that study of forms of addresses is topical and significant within the framework of modern political communication and speech culture.

Keywords: address, forms of address, addressee, politic speech, speech etiquette, speech culture, political communication.

El'vira L. Shubina

*Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
elvira.shubina@mail.ru*

Anna I. Orlova

*Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
anna.mp3@yandex.ru*

Functional-semantic characteristics of prepositions “pro” and “je” in the German press

This article is devoted to the stylistic and syntactic variation of prepositions “pro” and “je” in the journalistic style of the modern German language. Prepositions “pro” and “je” actively penetrate into journalism with borrowed words, finding compatibility, both with concrete and abstract nouns. Both show the same regularity of use. An analysis of press materials showed that the above mentioned prepositions are characterized by variety of case management. Contrary to the recommendations of the grammarians, these prepositions are able to connect to more than one of the case forms. The preposition “pro” manages not only the accusative, but also the dative and rarely the nominative. The most intensive variation of case forms is common for the preposition “je”, which manages the nominative, dative, accusative and genitive. Among the syntactic factors the greatest impact on fluctuations in the prepositions use in the modern German language have structural – formal factors, in particular: the presence / absence of an article or accompanying words before the governing noun, preposition / postposition of the preposition, type of declension which is combined with a preposition noun.

Keywords: prepositions, preposition management, weak-type declension nouns, fluctuations, borrowed prepositions.

Liudmila A. Poputnikova

*Kostroma State Agricultural Academy
poputnikova@rambler.ru*

Natalia N. Zhuravleva

*Kostroma State Agricultural Academy
n.juravleva@mail.ru*

Multiethnolects as a general tendency of Germanic languages' development at the late 20th—the early 21st centuries

The article is devoted to such phenomenon as the emergence of a common language in the multicultural space of the European cities that has become a common feature in the historical development of the Germanic languages. At the present stage of their develop-

ment, Germanic languages are undergoing a number of changes related to the mixing of cultures and the alterations of norms in the indigenous language. There is no shared view on the studied problem: there are numerous debates on their either negative impact on the language, or enriching or developing. However, we have to state the fact of creation of new multiethnolects which require more detailed examination. The article analyses the political and economic situations in some European countries, which have led to the formation of new variants of the national languages. The article discusses the notion of a multiethnolect, the causes and the stages of its formation. The article deals with similar linguistic features which are typical of multiethnolects in the Germanic languages, with peculiarities of their functioning on the example of alterations in the Swedish, Dutch, English and German languages.

Keywords: multiethnolects, Germanic languages, immigration flows, ethnic group, youth language, language variants.

Natal'ya V. Pinchukova

*The Amur State University, City of Blagoveshchensk
pinnat12@mail.ru*

New Europe media concept of the electronic mass media of the USA and Great Britain

The aim of the article is the study of the media concept NEW EUROPE in the electronic media of the USA and Great Britain. The author reveals the content of the term “media concept” in comparison with the term “concept”. The structure of the investigated media concept consists of cognitive layers, ranked in descending order, which allowed to describe the core and the periphery. The author analysed similarities and differences of the media concept in the media discourse of the US and Great Britain. The stages of description of the studied media-concept: 1) the analysis of the semantics of the language means forming the contextual environment of the phrase NEW EUROPE with the use of dictionaries; 2) the identification of cognitive signs that shape the studied concept as a mental unit; 3) cognitive signs were grouped into cognitive layers of media concept NEW EUROPE; 4) the description of the core and the periphery of media concepts based on quantitative analysis of references to cognitive layers. As a result of the conducted research, the author comes to the following conclusions. The media concept NEW EUROPE in the media discourse of the USA and Great Britain has a number of differences. The media concept under study is foregrounded in more detail in American mass media than in British mass media, it is therefore more important for American linguistic consciousness.

Keywords: media image, media concept, NEW EUROPE, cognitive signs, cognitive layers, structure of media concept, core, periphery.

JURAL SCIENCES

Igor' G. Veselov*The State Duma of the Federal Assembly of Russia
veselov@duma.gov.ru***Sergey A. Komarov***Academy of the National Economy and the Civil Service under
the President of the Russian Federation, Moscow
svkomarov2008@yandex.ru***Technologies of legal monitoring
in legislative activity of the State Duma
of Federal Assembly of Russia (Part 2)**

Features of legal monitoring as one of the most significant legal technologies in legislative activity are stated in article, the problem of legal monitoring institutionalisation as a legal technology for expert ensuring legislative activity of the State Duma is proved. According to the authors, there are all bases to consider legal monitoring to be a form of parliamentary control, meaning that the legal monitoring purposes correspond to this control purposes (studying of practice of the Russian Federation legislation application, development of recommendations submitted on the Russian Federation legislation improvement and on increase in efficiency of its execution). Moreover, separate elements of legal monitoring are already provided by the Federal law "On Parliamentary Control". The authors offer the idea of periodic scientific examination of the act within implementation of its legal monitoring that would allow estimating provisions of the law from the point of view of their scientific validity, being of the law in connection with development of scientific knowledge and elaboration of new doctrinal approaches to the solution of the touched issues. Obligation of providing information on implementation of acts would strengthen control function of the Russian Federation parliament and would eventually promote overcoming a negative tendency of the last 15 years which is connected with strengthening of powers and the authority of executive bodies in comparison with legislative (representative) bodies of Russia.

Keywords: legal monitoring, State Duma, legal technology, legislation, expertise, parliamentary control.

Anna A. Gazayeva*Ivanovo State University
anya_gazayeva@mail.ru***Features of the legal nature of self-defence
as a constitutional and subjective right
and the mechanism of their influence on the
practice of application**

Due to the absence of unified approaches to the interpretation of the right to self-defence, an attempt has been made to explain the reasons for the discrepancies in the scope and content of the notion of self-defence through differences in positivistic and hermeneutical methodology. A comparison has been undertaken for a wide (constitutional) and narrow (subjective) understanding of self-defence, with those being reflected not only in relevant legislative acts, but also in legal practice. Within the framework of the positivistic and hermeneutic methodology, the stages of interpreting

the norm of the right to self-defence have been considered, determining the choice of either narrow or broad understanding of this right. A concrete example illustrates how the application of an exceptionally narrow approach does not allow one to correctly interpret the facts of the case and qualify the act. A conclusion has been made that the judicial interpretation of regulations should be based on a broad understanding of self-defence as a constitutional right which presumes the freedom of choice of legal means and methods of its implementation, and is only supplemented by the branch peculiarities of the implementation of a specific means of self-defence.

Keywords: right to self-defence, approaches unification, constitutional right, subjective right, positivism, postclassical method, hermeneutics, interpretation, term.

Anna B. Mikhalyova*College of advocates "Right & Justice" of Moscow City
mbm63@mail.ru***Sharbatullo D. Sodikov***Moscow State Institute of International Relations
sodikovsh@mail.ru***Historical aspects of child's rights defence
institution formation in the international right**

This article gives an idea and understanding of topicality and importance of human rights principles and The United Nations Convention on the Rights of the Child. The special attention of importance of respect for the child's rights and to encouragement of propaganda activity of the public and children's organisations on protection of the child's rights is paid in article. The authors analyse articles of the Convention in the presented research and consider them to be the social rights (the right for life and development, to health protection and for access to medical attendance, right to education, right for family life, for reunion of a family, the right for assistance to disabled children in the greatest possible social integration, as well as the right for support of parents in that they could protect the children's rights); the economic rights (right for worthy living conditions, right to social insurance, right of defence from economic exploitation); the cultural rights (for respect of language, culture and religion, for abolition of traditional types of practice which can cause damage to the child's wellbeing); the protective rights (right of defence of child's interests, right of defence from physical abuse and sexual violence and operation, prevention of participation of children in the military conflicts, protection against abuse of the rights and humiliations); the civil rights and the political rights (the right to be heard and apprehended seriously, a right to liberty from discrimination at implementation of rights, right to liberty of religion and beliefs, the right for personal privacy, the right for information, the right for respect of physical integrity and security of person and freedom from all forms of violence, tortures or others cruel, brutal and humiliating advantage types of the treatment of the child, the

right for respect of procedural rules in the legislation and for a special order of detention and criminal trial).

Keywords: child's rights, international law, UN-CRC, health of communities, child's health.

Ol'ga G. Stepanova

*Belgorod State Research University of the Russian Nation
ol.stepanova@mail.ru*

Subsidiarity principle in the implementation of the functions of the state in the globalisation

Implementation of the state functions at the national and supranational levels today is directly related to the world economy globalisation processes. This leads to the need for economic convergence states. In recent decades, the process of integration not only affects the economic environment, but also applies to the scientific, social, political, society's and state's cultural and law enforcement aspects. This is reflected in the mechanisms of implementing the functions of each state united community. Achieving the overall objectives of the state is willing to sacrifice elements of its sovereignty, transferring certain competences to supranational organisations. We distribute the competence of state and supra-state institutions in accordance with the principle of subsidiarity. The principle of subsidiarity finds application not only in the distribution of powers between the Member States and the European Union, but also in the implementation of European Union competence. This principle carries political, philosophical, social, economic and legal components. The article deals with the historical background of the content and application of this principle.

Keywords: state functions, functions implementation supra-state level, cost-benefit principle, subsidiarity principle, globalisation.

Sergey P. Zhdanov

*Russian Customs Academy, City of Lyubertsy, Moscow Region
zhdanov120009@yandex.ru*

Practice of paragraph 2 clause 1 article 22 of the Federal law # 2202-1 as of the 17th of January, 1992 "On Prosecutor General's Office in the Russian Federation", as concerns appropriating specialists

Based on the survey conducted by the author in July – September 2016 on the practical relevance of para. 2 cl. 1, art. 22 of the Federal Law as of 01/17/1992 # 2202-1 "On Prosecutor General's Office in the Russian Federation" regarding the selection of experts, to clarify the issues raised at the public prosecutor. This article describes the judgement of prosecutors (Office of the Prosecutor General of the Russian Federation in the Ural Federal District, Military Prosecutor's Office of the Eastern Military District, Military Prosecutor's Office of the Baltic Fleet, the Prosecutor's Office of Belgorod Region, the prosecutor's office of Ryazan Region, the prosecutor's office of Oryol Region, the prosecutor's office of Tambov Region, etc.) And we draw conclusions on the need for non-participation of experts involved in clarifying the issues raised at the public prosecutor in the course of

supervisory activities (testing) and in order to improve legislation in this area.

Keywords: operational-investigative activity; public prosecutor; prosecutor's office; prosecutor's supervision; prosecutor's check; specialist; special knowledge; expertise; legal proceedings; federal legislation.

Gennadiy G. Bril'

*Kostroma State University
kuin@kstu.edu.ru*

Labour conflicts during the first Five-Year Plan in the USSR planned economics (1928—1933): prerequisites for creation and ways to resolve them

Conclusion that absolutising "interests of the state" in damage of interests of numerous working class became characteristic feature of the Soviet state law policy when resolving conflicts in factories and plants is proved in the article. Technocratic approach when resolving the conflicts on certain terms ran in legislators' heads. Due to putting an end to conclusion of collective employment agreements (in 1934) and liquidation of labour union councils (in 1937), workers became significantly limited in reconciliation (arbitral award) when resolving the conflicts. Procedural oversimplification, shutdown of activity of labour assise people's courts since 1934; and since 1936, of special people's courts for factory workers and labour affairs, preference of trade-union and economic organisations when resolving conflicts were consequences of strengthening of the centralised principle of ruling the country in the 1930s.

Keywords: social tension, labour conflict, conflict resolving, strikes, trade-union organisations, arbitral court, conciliation courts, conflict-consideration committees, labour discipline.

Tat'yana S. Kovalenko

*Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
kovalenkots@mail.ru*

Justice, its nature and the historical emergence through the prism of philosophical knowledge

The purpose of this article is to study the nature and essence of justice, its historical development through the prism of philosophical knowledge. The author analyses legal literature, which reflects the main ideas and views of the great thinkers, served as the basis for the formation and development of this institution. We present opinions on the state, the general pattern of the development of ideas and theoretical knowledge of the judiciary in a state of law is a contradiction between political necessity and desirability of life to achieve proper administration of justice. The resolution of this conflict can be described as the highest need for the judiciary to the rights. The article finds additional justification for the judgement that justice underlying the activity of courts of justice is a basic element. The basic concept of justice, which enriched the scientific world in the field of judiciary. The conclusion is that justice is one of the most important types of state activity, which is a component of national security.

Keywords: court, law, justice, judiciary, civil society, social relations, justice.

Maksim D. Gorbunov
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
maxandgor@gmail.com

Law as a system of primary and secondary rules in the concept of Herbert Lionel Adolphus Hart

The article examines in detail the basics of the genesis and nature of law functioning in H. L. A. Hart's theory. The key point of the concept is understanding of law as a system of primary and secondary rules which define obligations of subjects and ensure its capability. The primary rules within the meaning of the author are the social obligations that form the common standards of conduct. The set of these rules forms pre-legal system, which has defects of uncertainty, rigidity and inefficiency due to the absence of formal basics of its existence. In H. L. A. Hart's opinion, the main condition of eliminating these deficiencies and transitioning from social regulation to legal system lays in the introduction of the secondary rules of recognition, change and adjudication. Secondary rules establish criteria for the validity, depending on its compliance with rules which are defined as primary legal. If the primary rules are aimed at citizens and have the goal of establishing standards of conduct, the secondary rules are aimed at officials and determine their ability to provide succession and stability in the legal system. The author concludes that this dualism of law being exists due to the complexity of the elements lying in its manner.

Keywords: social regulation, legal system, the concept of obligation, genesis of law, legal thinking, legal positivism, Herbert Lionel Adolphus Hart.

Yevgeniy A. Tsypliyonkov
Russian Academy of National Economy and Civil Service under
the President of the Russian Federation, City of Nizhny Novgorod
tsypliyonkov@mail.ru

Topical issues related to the concept of legal facts

The article examines the main approaches to the concept of legal facts, analyses issues of broad and narrow interpretation and legal understanding. Taking into account existing approaches, different views on the concept of legal facts and the content of this phenomenon are considered. It is argued that it is necessary to create a theory of legal facts and to interpret these facts in a broad sense, taking into account that they must perform a certain function within the framework of legal regulation of relations. Within the framework of consideration of topical approaches in the work, analytical conclusions are made regarding the understanding of legal facts in the unity of the material and ideal, which excludes principle in the question of names: "legal composition" and "actual composition". In addition, it is concluded that it is possible to use interchangeable concepts, but detailed study and investigation of this phenomenon is required.

Keywords: facts, jurisprudence, science, theories, approaches, analysis, classification, doctrine, practice.

Aleksandr V. Farukshin
Vyatka State University, City of Kirov
af-kostroma@mail.ru
Ivan A. Grebnev
Vyatka State University, City of Kirov
ivan_grebnev_84@mail.ru

Some problems of legal regulation of granting the right to amateur and sports hunting to individuals in fixed hunting areas

This article is devoted to the analysis of the legal regulation of granting the right to amateur and sports hunting to individuals in fixed hunting areas. Issues related to issuance of title documents are considered: permits for the extraction of hunting resources, contracts for the provision of paid services, vouchers. In the course of the work, the specifics of civil legal relations determined by the hunting legislation have been determined, as long-term hunting users are granted access to the hunting grounds assigned to them for the purpose of performing amateur and sports hunting by individuals. The value of a voucher in the current legal mechanism for granting the right to hunt is determined. Possible options for issuing permits by legal entities and individual entrepreneurs who are long-term hunting users are included in the hunting grounds assigned to them for individuals. The problems of the current normative legal regulation in the sphere of public relations in question are revealed. The authors of the study formulated and proposed to discuss amendments to Federal Law No. 209 as of 07/24/2009 "On hunting and on the conservation of hunting resources and on the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation", necessary to eliminate the revealed defects in legal regulation.

Keywords: hunting, hunting household, hunting tour, agreement, provision of services, permission, extraction of hunting resources.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Boris V. Petelin
Cherepovets State University, the City of Cherepovets,
Vologda Region
pbwtscherepovez@mail.ru
Grigoriy V. Stepanov
g-stepanov.84@mail.ru

"Russian-German alternatives". Review of monograph by Nikolay Pavlov, Doctor of History, Professor at Moscow State Institute of International Relations

The review considers Nikolay Pavlov's monograph "Russia and Germany: A Failed Alliance". The reviewers praise a perceptive take on the relationship between Russia and Germany and note the particular relevance of his meticulously researched account that evidences the complexity of the German-Russian relationship, forged over centuries by wars, rivalry, alliances and cooperation.

Keywords: Slavs, Germanic peoples, alliance, wars, cooperation, Federal Republic of Germany, Ger-

man Democratic Republic, USSR, Germany, Russia, German policy.

Nikolay V. Isayev
Kostroma State University
nvi1956@yandex.ru

A new point of view on genesis of social system of production in Germany.

Review of Sergey Nevskiy's monography

The book is a systematic science teaching and learning Handbook for the study of economic history of the most important European region. Germany has been from the earliest times economically connected with Russia. The subject of problems in the book is quite broad. Tutorial can be of interest not only to pupils, undergraduate and graduate students, but also to entrepreneurs and managers, who in practice organise economic relations between Russia and Germany. The book is a comprehensive presentation of the genesis of the peculiar social production system, thus the situation in Germany is to make the object of consideration in the search for answers to emerging questions about the ways of development.

Keywords: history, economics, Germany, camera-lism.

Ol'ga I. Litvinnikova
the City of Kamianets-Podilskyi, the Ukraine
litvoli@mail.ru

Acta of lecturing dedicated to Alexander Gromov as an impressive event in the Russian dialectology

The review of releases of Gromovsky readings is presented in article.

Keywords: conference, dialectology, dialects, A. V. Gromov.

Tat'yana V. Ludanova
Kostroma State University
tludanova@yandex.ru

"Find yourself" instrumental and vocal skills contest at Kostroma State University's Institute of Culture and Arts

In the academic year of 2016-17, two creative events were held at the Institute of Creative and Performing Arts of Kostroma State University (Department of Music). The 6th Contest of creative skills "Find Yourself" was held from November 29, 2016 to December 8, 2016 among the students of Pedagogic Education programme (major "Music") of the Institute of Creative and Performing Arts of Kostroma State

University. Thirty-nine students participated in the competition. The 2nd Open Youth festival-competition of Instrumental and Vocal Skills "Find Yourself" was held from January 12 to January 13, 2017 as part of the Olympiad among Bachelor degree students "Foundation of Kostroma Region". One hundred and thirty-five high-school students and college students of Kostroma and Yaroslavl Regions participated in that event.

Keywords: Kostroma State University, music education, competition of creative skills, Russian traditional performing arts school, educational activities.

Kirill Ye. Baldin
Ivanovo State University
kealdin@mail.ru

Yuriy Yakobson who was a soldier, a scientist, an intellectual

The article discusses the life and work of Yuriy Yakobson – professor of Ivanovo State University. He was a member of the hereditary Russian intelligentsia. On the eve of the Axis' war on the USSR, he graduated from Ivanovo Pedagogic Institute. Yuriy Yakobson participated in the war from 1941 to 1945 year, he worked in the military prosecutor's office. After the war, he participated in the investigation of the atrocities the Nazis in concentration camps. Later, after demobilisation, he worked for more than fifty years in the Ivanovo Pedagogic Institute (since 1974 – University). The main theme of his scientific works – history of the labour movement in pre-revolutionary Russia, and above all – the history of the first in Russian Workers' Soviet in 1905 in Ivanovo-Voznesensk. Yuriy Yakobson was one of the organisers of zonal scientific conferences, dedicated to the history of the proletariat of the Central industrial area of Russia. Lectures, read by Yuriy Yakobson for students, were deep in content and vivid, accessible on the form submission. Yuriy Yakobson led a multifaceted social work, held senior positions in various public organisations in Ivanovo and Ivanovo Region. He was one of the authors of the essays of history of Ivanovo University, organised of the museum of the history of this University.

Keywords: World War II, Axis' war crimes, historical science, local history study, scientific intellectuals, workers' Soviets, universities' museums.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПЦ «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2017 – Т. 23 – № 1

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственной университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-68726 от 09.02.2017 г.

Подписано в печать 29.03.2017.
Дата выхода в свет 25.04.2017.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 38,3.
Уч.-изд. 39,8 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 91.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна